

*Поселок
академиқов
Абрамцево*

Сборник воспоминаний жителей поселка

Москва
МБА
2014

УДК 719
ББК 85:118л6
П61

Автор-составитель Н. Ю. Абрикосова.

Редактор М. Ч. Копецкая-Линчевская.

Дизайн обложки М. М. Баланюк.

Поселок академиков Абрамцево. – М.: Издательство МБА,
2014. – 404 с., ил.
ISBN 978-5-906325-82-2

УДК 719
ББК 85:118л6

© Н. Ю. Абрикосова, 2014
© М. Ч. Копецкая-Линчевская, 2014

ISBN 978-5-906325-82-2

Оглавление

От составителя	9
Часть I. Общие сведения	11
Глава 1. История возникновения поселка.....	11
Глава 2. Строительство и территория поселка на начальном этапе существования	14
Глава 3. Участки и дома.....	17
Глава 4. Первые владельцы	20
Глава 5. Первые арендаторы дач ЖКО.....	35
Глава 6. Управление и обслуживание поселка.....	40
Часть II. Воспоминания	44
Глава 1	44
Юрий Сергеевич Старк	44
Александр Андреевич Тимофеев	46
Георгий Александрович Заварзин	49
Наталья Александровна Калининкова	60
Тамара Михайловна Штрикова	66
Федор Иосифович Григорьев.....	74
Александр Михайлович Леонтович	78
Георгий Андреевич Бочвар	88
Лидия Васильевна Фесенкова	93
Нина Сергеевна Павлова и ее дочери Наталья Дмитриевна и Ирина Дмитриевна Павловы.....	96
Тамара Павловна Тимофеева и ее дочь Елена Дмитриевна Энгельгардт.....	108

Мария Андреевна Аверченкова.....	115
Ирина Борисовна Стечкина	123
Александр Николаевич Майсурян	139
Юрий Михайлович Овчинников	146
Наталья Юрьевна Заварзина	153
Лев Николаевич и Клеопатра Сергеевна Шкариновы	158
Глава 2.....	166
Наталья Георгиевна Уразова.....	166
Галина Владимировна Левина.....	178
Вера Михайловна Леонтович.....	198
Татьяна Михайловна Левина	207
Алексей Александрович Тимофеев.....	211
Александр Николаевич, Елизавета Александровна Епифановы <i>Американский футбол</i>	222
Елена Дмитриевна Энгельгардт	224
Сергей Георгиевич Толстов	229
Всеволод Игоревич Павлов	237
Андрей Юрьевич Овчинников	241
Елизавета Георгиевна Заварзина.....	247
Сергей Юрьевич Старк.....	255
Дмитрий Андреевич Лундин	262
Глава 3. Новые владельцы	271
Глава 4.....	281
Григорий Исаакович Баренблатт и его зять Сергей Александрович Исаюк	281
Ираида Николаевна Кочина и ее дочь Надежда Григорьевна Кочина	302
Наталья Михайловна Тихонравова	308
Татьяна Дмитриевна Охоцимская.....	316
Андрей Дмитриевич Охоцимский. <i>Об И. М. Виноградове</i>	320
<i>Семья Делоне</i>	324
Андрей Сергеевич Петрухин.....	327

Вера Михайловна Раушенбах и ее дочери Оксана Борисовна Карпова и Вера Борисовна Раушенбах	332
Александр Андреевич Монин и его жена Юлия Исаевна Моница	340
Мадлен Григорьевна Ениколопова.....	341
Марина Вадимовна Копецкая и ее дочь Мария Чеславовна Копецкая-Линчевская.....	346
Юрий Аркадьевич Фурманов	353
Марина Николаевна Соколовская и ее дочь Юлия Вадимовна Соколовская.....	356
Глава 5.....	360
Наталья Александровна Тимофеева, Ольга Николаевна Тимофеева, Елена Михайловна Тимофеева <i>Про карнавалы</i>	360
Сергей Юрьевич Старк <i>Про концерты</i>	366
Полина Мэмми	368
<i>Про концерты</i>	366
Про клад	371
Глава 6.....	373
Ирина Петровна Голямина	373
Евгения Николаевна Шор.....	379
Лидия Михайловна Моржина	388
Глава 7.....	393
Александр Дмитриевич Клубков	393
Основная литература.....	404

Вождь и учитель дома заложил,
Там, где Аксаков с природой дружил.
Эти дома он построил не зря:
Советским ученым без дач нельзя.

Слова из песни А. А. Тимофеева, жителя поселка.

От составителя

15 декабря 1948 г. мой дед, академик А. И. Абрикосов, на основании постановления правительства СССР получил от Академии наук СССР «безвозмездно в личную собственность дачу со службами» в академическом поселке Абрамцево. В начале лета 1949 г. я стала его обитательницей и остаюсь таковой по сей день. Поселок существует уже более 65 лет, за это время в нем родилось и выросло два поколения жителей, появилось на свет третье. Многие нынешние владельцы сейчас старше своих именитых отцов или дедов, получивших дачи. Территория дачного поселения за эти годы расширилась, на новых или поделенных участках выстроены современные коттеджи, старые дома перестроены или уничтожены. Часто теперешние собственники ничего не знают о его истории. Времена меняются, и скоро все здесь будет выглядеть (да и уже выглядит) совсем иначе, чем в моем детстве.

Я очень люблю это место. Это мой Дом. Поэтому мне хочется оставить, хотя бы на бумаге, память о людях, живших здесь с самого начала, и о том, каким оно запомнилось обитателям, вся жизнь которых, как и моя, неразрывно связана с ним. К сожалению, идея зафиксировать прошлое возникла, когда все исконные владельцы-академики давно покинули этот мир. Свидетельства о первом, «академическом», периоде существования поселка исходят от их детей или внуков, которые были тогда совсем молодыми людьми или детьми, и их жизнь в силу многих причин протекала обособленно от отцов или дедов-академиков. Поэтому в тексте мало непосредственных воспоминаний о самих академиках, которые задали некую форму отношений между владельцами. Но именно она все еще продолжает определять то, что принято называть в поселке его «атмосферой», и это, по мнению самих жителей, отличает его от других. Надеюсь, что читателю удастся ее ощутить.

Сборник состоит из двух частей. Первая посвящена истории возникновения академических дач, их местоположению, строи-

тельству и устройству. В эту часть я как составитель позволила себе наряду с документами и фактическими данными включить собственные воспоминания или пояснения, без которых, как мне кажется, текст был бы недостаточно понятен. Следует подчеркнуть, что эти сведения относятся к периоду с 1945 г. до конца 1980-х гг., когда поселок находился в своих первоначальных границах и состоял из сорок одной дачи. Вторая часть представляет собой расшифрованные диктофонные записи бесед с жителями поселка, сделанных мною в 2007–2010 гг. В большинстве случаев моими собеседниками были потомки академиков – нынешние дачевладельцы, но я также разговаривала и с другими людьми, чья жизнь по разным обстоятельствам оказалась тесно связанной с Абрамцевым. Кроме того, сюда вошли отрывки, написанные жителями специально для данного издания. Собранный материал трудно четко разграничить и хронологически упорядочить, но в основном воспоминания относятся к советскому периоду. Нынешняя и будущая жизнь поселка, уже увеличившегося втрое, надеемся, найдет отражение в продолжении этого сборника, которое будет написано его новыми жителями. С радостью хочу отметить, что моя инициатива нашла сердечный отклик среди обитателей, охотно делившихся со мной воспоминаниями о дачной жизни. Фотографии, представленные в нем, в большинстве своем являются собственностью родственников первых владельцев. Сама идея написания подобной книги принадлежит Алексею Мстиславовичу Пентковскому, директору музея-усадьбы «Абрамцево» в 2005–2009 гг., стремившемуся воссоздать историю уникального культурного пространства, которое начало формироваться вокруг музея с 30-х гг. прошлого столетия.

Я очень благодарна всем, кто помогал мне в работе над данным сборником.

Хочу выразить особую признательность в первую очередь Е. М. Пшенниковой, М. М. Баланюк и П. П. Плавинскому, без технической помощи которых эта книга не могла состояться.

Н. Ю. Абрикосова

Часть I. Общие сведения

Глава 1

История возникновения поселка

Возникновением дачного поселка академиков Абрамцево все его жители – прошлые и нынешние – обязаны постановлению Совета Народных Комиссаров СССР «О постройке дач для действительных членов Академии наук СССР»¹. Таким образом правительство решило отблагодарить ученых за научно-техническую помощь армии и промышленности в годы Великой Отечественной войны и отметить заслуги Академии наук в победе. Кроме того, острая необходимость в разработке ядерного оружия, освоении космического пространства и других научно-технических направлений, имеющих стратегическое значение для СССР как сверхдержавы, заставляла государство всячески поощрять деятельность ученых. В связи с этим, наряду с вручением действительным членам Академии правительственных наград и премий, им были безвозмездно переданы в личную собственность дачи, построенные за государственный счет. По сути, эти дачи были личным подарком ученым от главы государства – Сталина. Дачами, согласно постановлению, награждались все академики. Среди них были и маститые ученые, чьи фундаментальные работы

1 Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 14 октября 1945 г. № 2638.

уже поспособствовали развитию мировой науки, и молодые, только что избранные академики, стоявшие у истоков космических и ядерных программ СССР. Во время Великой Отечественной войны многие из них участвовали в решении задач, ставившихся оборонными предприятиями и военными ведомствами, возглавляли комиссии, созданные Президиумом АН СССР для оперативного ответа на запросы военного времени.

Согласно постановлению, планировалось построить 125 дач под Москвой и 25 под Ленинградом. Выбор участков для строительства поручался соответственно Мосгорисполкому и Ленгорисполкому при участии представителя Академии наук. В подмосковье возникло три поселка: Мозжинка и Луцино в Звенигородском районе и Абрамцево в тогдашнем Загорском (ныне Сергиево-Посадском). В выборе местоположения звенигородских поселков, по воспоминаниям Н. Н. Пахомовой, опубликованным в сборнике «Дачный поселок Луцино и его окрестности», активное участие принимал тогдашний президент Академии наук С. И. Вавилов, хорошо знавший эти места. Это подтверждается и записью в его дневнике от 7 октября 1945 г.: *«Вчера с Зубовым, Бруевичем целый день ездил в поисках места для дач: Петушково, Юдино, Поречье. Нашел последний белый гриб. Тихая, уютная родная природа, от которой теперь так далеко»*. Место для нашего поселка, согласно бытующей среди его обитателей «легенде», присмотрел академик Игорь Эммануилович Грабарь. Сам он жил в то время в поселке художников Новоабрамцево, построенном в 1933 г. возле бывшей усадьбы Аксаковых–Мамонтовых. Однако его родственники категорически отрицают это распространенное мнение. Академические дачи расположили на противоположном от поселка художников берегу р. Вори, в полутора километрах от усадьбы. Территория площадью 90,42 га была выделена из земель гослесфонда Хотьковского лесничества Загорского лесхоза².

Усадьба Абрамцево и ее окрестности были хорошо известны широкому кругу русской интеллигенции с середины XIX века. С момента приобретения усадьбы С. Т. Аксаковым, а также при жизни последних хозяев – семьи С. И. Мамонтова, она была одним из центров культурной жизни дореволюционной России. После революции, в 1918 г., по постановлению Совнаркома на

²

Отвод участка был произведен геодезическим отделом Академстройпроекта в соответствии с решением СНК СССР от 10 марта 1946 г. № 549 и решением Мособлисполкома от 26 января 1946 г. № 88.

территории усадьбы был организован музей. Вокруг музея стали появляться дачные поселки, в которых жили известные художники, композиторы, литераторы, а в живописных окрестных деревнях Мутовках, Жучках, Быкове, Ахтырке снимали дачи многие известные люди (поэт Б. Л. Пастернак, художник Д. А. Шмаринов, профессор-лингвист Р. О. Шор и многие другие). В начале 30-х гг. часть принадлежавших усадьбе земель и строений была отдана под дом отдыха работников искусств, а затем там же расположился санаторий Наркомпроса для педагогов начальной и средней школы. Во время войны в нем размещался госпиталь. В 1947 г. по инициативе президента Академии наук С. И. Вавилова усадьба Абрамцево вновь приобрела статус музея; ее первым научным руководителем стал И. Э. Грабарь. В 1947–1967 гг. музей, как и вновь открывшийся санаторий, находился в ведении Академии наук. Санаторий был небольшой и использовался в основном как дом творчества для работников Академии. Он функционировал круглый год и был обеспечен электроэнергией, водопроводом и канализацией. Для оказания медицинских услуг был оборудован специальный корпус. По свидетельству старожилов, первое время, пока в поселке не было собственной скважины и водокачки, его водоснабжение осуществлялось из санатория, откуда возили воду на лошади. Оттуда же до поселка была протянута линия электропередачи.

Кроме того, существует мнение, что местоположение поселка определялось большим количеством находившихся здесь же стратегических объектов, с которыми была непосредственно связана деятельность части академиков, «выбравших» в нем дачи. Проверить эту точку зрения не представляется возможным.

Глава 2

Строительство и территория поселка на начальном этапе существования

Порядок строительства и обустройства дач, а также сроки сдачи в эксплуатацию подробно изложены в постановлении Совнаркома СССР 1946 г.³ Работы велись Главвоенпромстроем и, как многое из того, что было построено сразу после войны, осуществлялись силами военнопленных. Несмотря на трудности послевоенного времени, первоначально стройку планировали завершить не позднее июля 1946 г., но затем сроки были продлены. Большинство дач было построено и передано владельцам к ноябрю 1948 г. По свидетельству очевидцев, военнопленные исчезли из Абрамцева ранней весной 1949 г. В дальнейшем строительство велось вольнонаемными рабочими, находящимися в подчинении Управления строительных работ (УСР) Академии наук СССР.

Поселок представлял собой замкнутую территорию, разбитую рядами на участки, на которых за одинаковыми заборами стояли новые, совершенно одинаковые дома, выкрашенные в основном в зеленый или голубой цвет. Всего рядов было 6, по 8 участков в каждом. По-видимому, такой казарменный порядок вызвал у будущих владельцев ассоциации с некими военизированными охраняемыми объектами. Поэтому при рассмотрении проекта жилых домов на заседании Архитектурной комиссии было решено: *«Для изменения монотонности в застройке дополнительно представить 2–3 варианта решения фасадов домов с участием сохранения основных конструкций здания»*⁴. Но это решение так и не было

³ Постановление Совнаркома СССР от 10 марта 1946 г. № 549.

⁴ Выписка из пункта протокола № 6 заседания Архитектурной комиссии при начальнике отдела по делам архитектуры при исполкоме Моссовета от 3 апреля 1946 г.

воплощено в жизнь. Все дома остались совершенно одинаковыми. К счастью, казенный вид поселка скрашивался прелестью окружающего пейзажа. После окончания строительства по территории проложили дороги, которые нарушили первоначальную стройность рядов и, соответственно, их нумерацию. Вот почему в поселке она такая странная – например, соседними по правую и левую сторону от дачи № 9 оказались дачи № 1 и 17, от дачи № 26 – № 17 и 41. Кроме того, часть отведенной под строительство земли занимали служебные постройки – контора, хозяйственный двор, медпункт, поэтому эти участки выпали из общей нумерации, и дачи № 15, 23, 24, 30, 38, 45 отсутствовали.

Дороги поселка – одно из немногих мест, освещенных солнцем на протяжении всего светового дня, а потому самая сухая и теплая часть его территории. Не удивительно, что жители с удовольствием использовали их для коллективных пеших и велосипедных прогулок, которые вскоре стали неотъемлемой частью поселковой жизни. Традиционно эти прогулки, в зависимости от длины маршрута, называются хождением «по малому» или «по большому кругу». Первоначально внутренние дороги в поселке были не асфальтовыми, а бетонными. Судя по тому, что они просуществовали в неизменном виде без малого 60 лет, их качество было отменным. Когда дороги все-таки стали разрушаться и из трещин в бетонных плитах начала пробиваться трава, там завелись разные насекомые. Среди них были и крупные муравьи, которые привлекли несколько зеленых дятлов. Крупные тускло-зеленые птицы с красными «шапочками» и красным подхвостьем расхаживали по нашим «кругам», склевывая муравьев – свое излюбленное лакомство. Они здесь жили года три-четыре, потом пропали – наверное, «дорожные» муравьи исчезли, и разрушилась пищевая цепочка. К сожалению, этого старого светлого бетона уже почти нет. Его окончательно разрушили тяжелыми грузовиками сами жители, ведущие новое строительство. При реконструкции светлый бетон заменили черным асфальтом, и от этого для меня дороги утратили всю свою прелесть. Каждый прямоугольник бетонной плиты с причудливым узором трещин, увековеченными следами лап служебных собак, охранявших военнопленных, был неповторим. Во время прогулки в далеком 1963 г. эти трещины послужили моему

отчиму иллюстрацией для наглядного объяснения мне, что такое сюрреализм.

Идущая от въезда дорога упиралась в площадку, в середине которой в 1950 г. после завершения строительства установили типовой памятник Сталину. Согласно указанию президента Академии наук СССР С. И. Вавилова, памятники Ленину и Сталину должны были стоять в каждом академическом поселке. Все расходы по приобретению и установке этих монументов несли владельцы. По-видимому, правление самостоятельно принимало решение о том, какой именно памятник поставить. Так например, в Луцино стояла гипсовая копия известной скульптурной композиции, представляющей Ленина и Сталина, сидящих на скамейке. Почему в Абрамцеве ограничились только памятником Сталину, остается загадкой, поскольку документы на этот счет отсутствуют. Возможно, как ни странно для того времени, возобладали экономические соображения. После XXII съезда КПСС (октябрь 1961 г.) памятник с нашей площадки исчез. Этот поворотный момент в истории поселка и всей страны остался в памяти местных жителей. Событие это произвело на всех большое впечатление, поскольку к тому времени памятник уже успел «врасти» в поселковый быт. Площадка с белой гипсовой фигурой в центре была местом встреч жителей самых разных возрастов. Среди старожилов это место еще долгое время называлась «у Сталина». При чтении воспоминаний кажется, что все дети, жившие тут в 50-е гг. прошлого века, познакомились друг с другом «у Сталина». Существовало даже мнение, что наличие здесь памятника, так сказать, «дарителю», оправданно.

Глава 3

Участки и дома

Согласно постановлению 1945 г. под каждую «усадьбу» был выделен участок земли размером от 0,5 до 1 га. В Абрамцеве размер участков, примыкающих к лесу, первоначально составлял в среднем 1 га, но потом многие владельцы его увеличили. Размер внутренних участков не превышал 0,8 га. На каждом участке, обнесенном невысоким деревянным забором, имелось два дома: двухэтажный и одноэтажный. Планировалось построить еще коровники и ледники. Их проекты также были утверждены на заседании Архитектурной комиссии. Видимо, коровник академикам не понадобился, а вот ледник, за неимением холодильников, был у многих. В официальном акте ввода во владение все вместе называлось «дача со службами». Строения на участках во всех четырех поселках представляли собой сборные финские дома типа 7 и 10, разработанные акционерным обществом «Пуутало». Они были получены Наркомвнешторгом в счет репараций из Финляндии и переданы Главвоенпромстрою для сборки на месте. В стандартную планировку были внесены общие небольшие изменения⁵. Согласно документам, автором технического проекта, составленного Академстройпроектом, был академик А. В. Щусев (известно, приложил ли руку Щусев лично к перепланировке самих домов или его участие сводилось к проектированию территории поселков). Ко всем домам были подведены электричество, водопровод и канализация.

Двухэтажная дача, называемая всеми в поселке «большой дом», предназначалась для академика и его семьи, по тем временам она была верхом комфорта. Все бытовое оснащение закупалось в тогдашней «восточной» зоне Германии. Ванная комната, уборная и кухня были отделаны кафелем. Для нагрева воды в ванной была предусмотрена дровяная колонка. В кухне стояла

⁵ Пункт 1а Постановления Совнаркома СССР № 549 от 10 марта 1946 г.

большая эмалированная дровяная плита с духовкой и конфорками. Дом отапливался печами-голландками, облицованными красивыми цветными изразцами, их можно было топить не только дровами, но и углем. В разных домах устройство печей несколько отличалось.

Одноэтажный дом по существу представлял собой гараж с пристроенными к нему двумя маленькими комнатами. Гараж был очень просторный, в него должна была помещаться самая большая машина того времени – ЗИС-110. Поскольку впоследствии эти машины стали редкостью и мало кто их имел в личной собственности, большинство владельцев через некоторое время уменьшили размер гаража, выгородив за его счет третью комнату. Изначально в каждой комнате домика стояла большая печь, конструкция которой позволяла готовить на ней пищу. Эти печи, в отличие от голландок, были просто побелены. Канализация и водопровод здесь тоже были, но не было устройств для подогрева воды и ванных комнат. Этот дом, который в поселке назывался по-разному: «гараж», «маленький домик», «сторожка», «домушка», относился к категории «служб». Предполагалось, что там будет жить шофер, возивший академика на служебной машине, и кто-то еще из обслуживающего персонала. Естественно, домики поставлены так, что гаражи обращены к воротам. Исключение составлял гараж дачи И. Э. Грабаря, который развернут входом к даче. По бытующей легенде, хозяин лично внес такое изменение. Большие дома относительно внешнего забора ориентированы по-разному, что вносило некоторое разнообразие в общий казенный облик поселка. Одинаковыми были не только дома, но и заборы.

Целевое назначение комнат в идентичных домах зависело от состава семьи академика и его возраста. Если академик был еще не стар, чтобы подниматься на второй этаж, его кабинет располагался в одной из верхних комнат. Но чаще всего распределение помещений было следующим. Застекленная терраса (веранда) у всех жителей использовалась в летние теплые дни в качестве столовой. В холодную погоду эту функцию выполняла примыкающая к ней центральная комната, самая большая в доме. Спальной хозяйев была, как правило, комната, соседствующая с кухней. Комната с окном на открытую террасу, в зависимости от числа членов семьи, была детской или принадлежала кому-нибудь из родственников. Смежная с ней служила, по крайней мере, в дневное время, кабинетом академика. Дверь между ними обыкновенно чем-нибудь заставлялась (например, книжным шкафом), и эти комнаты становились изолированными. Две верхние комнаты чаще всего отводились взрослым детям. Поскольку выбор предметов обстановки и домашнего обихода в те времена был весьма ограничен,

в домах первых владельцев можно было видеть не только одинаковую мебель, но и посуду. Некоторое разнообразие можно было заметить только на участках, которые и выбирали, и обихаживали в соответствии с собственным вкусом. Неповторимы были только сами хозяева, населяющие эти до абсурда похожие друг на друга дома. Каждый из них был настолько яркой индивидуальностью и сильной личностью, что их потомки до сих пор в значительной степени вольно или невольно сохраняют особенности семейного уклада, усвоенные с детства. К сожалению, сила этого воздействия не бесконечна, и на праправнуках уже можно заметить его ослабление, но все-таки не полное исчезновение.

Глава 4

Первые владельцы

Сохранился план поселка, датированный февралем 1950 г., на котором указаны владельцы дач (см. вклейку). Он оказался по существу единственным доступным документом, из которого были почерпнуты сведения о том, кто являлся первыми владельцами дач, а также об этапах застройки. Согласно этому плану в поселке насчитывалось 39 типовых дач. Дачи №, 29, 35, 36 и 37, выделенные Академии в 1947 г. дополнительно⁶, находились в стадии строительства. Остальные к этому моменту были полностью построены и заселены. (Большинство актов вступления во владение готовыми дачами подписаны владельцами в конце 1948 г.) Дачи № 25, 39, 41, 43 и 22⁷ к этому времени уже числятся за Жилищно-коммунальным отделом (ЖКО) Управления делами Академии наук, поскольку их владельцы или умерли, не оставив наследников, или по каким-то причинам от дачи отказались. Имена самых первых хозяев или тех, кому эти дачи предназначались, установить не удалось. Академия сдавала эти дачи в аренду новоизбранным академикам или членам-корреспондентам. Дача № 16, на территории которой первоначально располагался узел распределения цемента, была построена последней, приблизительно в 1951 г., и на плане отсутствует. После завершения строительства она также принадлежала ЖКО. Таким образом, в поселке академиков Абрамцево было построено в общей сложности 40 типовых дач. Территория поселка и количество дач оставались неизменными до начала 1990-х гг.

⁶ Распоряжение Совета Министров СССР от 16 ноября 1947 г. № 17075-р.

⁷ Дача № 22 перешла в ведомство ЖКО после ареста ее хозяина в 1949 г.

**Список владельцев дач согласно плану поселка
от 27 февраля 1950 г.**

Дача № 1. **Николай Тимофеевич Гудцов (1885–1957)**. Металловед, металлург. Академик АН СССР с 1939 г. Основные работы по кристаллизации, термической обработке и свойствам специялизированных сталей. Принимал участие в проектировании цехов многих машиностроительных заводов. Группа ученых и инженеров под его руководством участвовала в разработке и освоении производства подкалиберных снарядов нового типа, вдвое увеличивших бронепробиваемость противотанковой артиллерии. Н. Т. Гудцов обосновал применение менее дефицитных низколегированных сталей в танкостроении. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР. Два ордена Ленина. Сталинская премия (1943).

Дача № 2. **Иван Георгиевич Петровский (1901–1973)**. Математик. Член-корреспондент АН СССР с 1943 г. Академик АН СССР с 1946 г. Автор фундаментальных работ по теории дифференциальных уравнений с частными производными, по алгебраической геометрии, теории вероятности, математической физике. Начал преподавать в Московском университете в 1929 г. Академик-секретарь физико-математического отделения АН СССР. Ректор МГУ (1951–1973). 22 года пребывания Петровского на посту ректора совпали с модернизацией и расцветом МГУ как крупного центра образования и науки. Член Международной ассоциации ректоров университетов. Герой Социалистического Труда (1969). Пять орденов Ленина. Сталинская премия (1946, 1952). Депутат Верховного Совета СССР (1962–1973), член Президиума Верховного Совета СССР (1953–1973).

Дача № 3. **Михаил Александрович Леонтович (1903–1981)**. Физик-теоретик. Член-корреспондент АН СССР с 1939 г. Академик с 1946 г. Основатель советской школы радиофизики и физики плазмы. Труды по статистической физике, распространению радиоволн, теории антенн. С 1951 г. стал руководителем теоретических исследований по физике плазмы и проблеме управляемого термоядерного синтеза. Это назначение, сделанное по предложению И. Е. Тамма, сыграло исключительную роль в успешном развитии физики высокотемпературной плазмы в СССР. В течение многих лет читал курсы лекций в МГУ и МИФИ. Автор курсов лекций «Статистическая физика», «Введение в термодинамику». В 1947–1950 гг. заведовал в Издательстве иностранной литературы редакцией физики. Герой Социалистического Труда (1969).

Три ордена Ленина. Ленинская премия (1958). В 1955 г. подписал «Письмо трехсот»⁸.

Дача № 4. **Игорь Эммануилович Грабарь (1871–1960)**. Живописец и искусствовед. Академик АН СССР с 1943 г., действительный член Академии художеств СССР с 1947 г. Директор Института истории искусств АН СССР. Руководитель издания «История русского искусства» (1909–1916); автор монографий о русских художниках. Один из основоположников музееведения, реставрационного дела и охраны памятников искусства и старины. Два ордена Ленина. Сталинская премия (1941).

Дача № 5. **Василий Сергеевич Немчинов (1894–1964)**. Экономист, статистик, один из основоположников математического направления отечественной экономической науки. Академик АН СССР с 1946 г., академик Белорусской ССР с 1940 г., академик ВАСХНИЛ с 1948 г. Основные труды по статистике, методологии изучения производительности труда, разработке моделей планового хозяйства. Им впервые в советской науке были поставлены и решены многие теоретические вопросы экономической кибернетики, эконометрии, применения методов математического моделирования и вычислительной техники в экономических исследованиях. 1940–1948 гг. директор Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева. 1949–1963 гг. председатель Совета по изучению производительных сил (СОПС). В 1958 г. организовал первую в стране лабораторию экономико-математических исследований АН СССР, на базе которой в 1963 г. был создан Центральный экономико-математический институт АН СССР (ныне ЦЭМИ РАН). В 1953–1959 гг. академик-секретарь Отделения экономических, философских и правовых наук, 1953–1962 гг. член Президиума АН СССР. Два ордена Ленина. Сталинская премия (1946). Ленинская премия (1965). Член КПСС с 1940 г. Выступал против взглядов Т. Д. Лысенко и его приспешников. В 1955 г. подписал «Письмо трехсот».

⁸ «Письмо трехсот», подписанное крупными советскими учеными, направленное в Президиум ЦК КПСС, содержало оценку состояния биологии в СССР к середине 1950-х гг., критику научных взглядов и практической деятельности Т. Д. Лысенко, являвшегося в то время одним из руководителей биологической науки в стране. Письмо, в конечном счете, явилось причиной отставки Лысенко с поста президента ВАСХНИЛ, а также некоторых его приверженцев и ставленников с других руководящих постов в системе Академии наук СССР.

Дача № 6. **Надежда Викторовна Комарова (1886–1962)**. Вдова академика Владимира Леонтьевича Комарова.

Первоначальный владелец дачи – **Владимир Леонтьевич Комаров (1869–1945)**. Ботаник. Организатор науки. Академик Российской академии наук с 1920 г. Академик АН СССР с 1925 г. Труды по систематике флористики и географии растений. Исследовал флору советского Дальнего Востока, Маньчжурии. Руководил созданием монографии «Флора СССР». Один из авторов географо-морфологической концепции вида. Вице-президент (1930), президент АН СССР (1936–1945). В годы Второй мировой войны руководитель исследований по мобилизации природных ресурсов восточных районов страны на нужды обороны. Активный участник перестройки Академии наук, организации ее баз и филиалов. Сталинская премия (1941, 1942). Герой Социалистического Труда (1943). Три ордена Ленина. Депутат Верховного Совета СССР с 1937 г.

Дача № 7. **Михаил Викторович Кирпичев (1879–1955)**. Теплотехник и теплофизик. Академик АН СССР с 1939 г. Автор фундаментальных исследований рабочих процессов тепловых устройств, теории физического моделирования процессов теплопередачи и тепловых устройств. Орден Ленина. Лауреат Сталинской премии (1941). Был репрессирован. Арестован в 1930 г. по «делу Промпартии». Проходил по делу как руководитель одной из ленинградских вредительских «цепочек». В публичном процессе не участвовал. Судим отдельно от Л. К. Рамзина и его «подельников». Коллегией ОГПУ от 23 августа 1931 г. осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Был освобожден задолго до истечения этого срока, в апреле 1932 г.

Дача № 8. **Виктор Владимирович Виноградов (1894/1895–1969)**. Языковед, литературовед. Академик АН СССР с 1946 г. Исследования по русскому языку, истории русского литературного языка и стилю русских писателей XIX–XX вв. (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский и др.), а также проблемам поэтической стилистики. Труды по теории частей речи, словообразования, фразеологии, типологии лексических значений. Директор Института языкознания (1950–1954), Института русского языка АН СССР (1958–1968). Сталинская премия (1951). В 1934 г. был репрессирован по «делу русских славистов (фашистов)» С перерывами отбывал ссылку с 1934 по 1943 г. Реабилитирован.

Дача № 9. **Алексей Иванович Абрикосов (1875–1955)**. Патологоанатом. Академик АН СССР с 1939 г. и Академии меди-

цинских наук с 1944 г. Один из основателей советской школы патанатомии. Труды по морфологии туберкулеза, аллергических реакций, сепсиса, раневых инфекций, патологии вегетативной нервной системы. Автор руководств по патанатомии. Заведующий кафедрой патологической анатомии 1-го Московского медицинского института им. И. М. Сеченова (1920–1955). Декан медицинского факультета 1-го Московского университета (1924–1930). Директор Института нормальной и патологической морфологии Академии медицинских наук СССР (1944–1951). Вице-президент (1944–1948) и член Президиума АМН СССР (1944–1955). Редактор журнала «Архив патологии» (1935–1955), член редколлегии ряда других медицинских журналов. Герой Социалистического Труда (1945). Два ордена Ленина. Сталинская премия (1942). Член КПСС с 1939 г. В 1951 г. в связи с делом «врачей-отравителей» отстранен от работы в Кремлевской больнице. В том же году в результате разразившегося кризиса в биологии был ликвидирован Институт нормальной и патологической морфологии.

*Его сын **Алексей Алексеевич Абрикосов (1928 г. р.)**, физик-теоретик. Труды по сверхпроводимости. Член-корреспондент (1964), академик АН СССР (1987). Ленинская премия (1966). Лауреат Нобелевской премии (2003).*

Дача № 10. **Ирина Степановна Асафьева (1885–1969)**. Вдова академика Б. В. Асафьева.

Первоначальный владелец дачи – **Борис Владимирович Асафьев (1894–1949)**. Композитор, музыковед. Академик АН СССР с 1943 г. Народный артист СССР с 1946 г. Основатель советского музыковедения. Автор симфонической музыки, опер, балетов, в том числе «Красный цветок», «Бахчисарайский фонтан», «Пламя Парижа» и многих других. Автор работ по истории музыки. С 1943 г. возглавлял музыкальное отделение Института истории искусств АН СССР. С 1948 г. председатель правления Союза композиторов. Два ордена Ленина. Сталинская премия (1943, 1948).

Дача № 11. **Семен Исаакович Вольфович (1896–1980)**. Химик-технолог. Академик АН СССР с 1946 г. Исследования по переработке хибинских апатитов, каратауских фосфоритов и других видов сырья. Автор технологии получения концентрированных и комплексных удобрений, а также кормовых средств для животноводства. Основатель советской промышленности минеральных удобрений и инсектофунгицидов. 1935–1961 гг. научный руководитель НИИ удобрений и инсектофунгицидов им. Я. В. Самойлова. Профессор Московского института народного хозяйства и Московского высшего технического училища (с 1929), Военной

Академии химической защиты (с 1932), Московского университета (с 1946). С 1937 г. член президиума, а с 1963 г. президент Всесоюзного химического общества им. Д. И. Менделеева. Во время войны возглавлял научно-химическую секцию Государственного Комитета Обороны и выполнил ряд работ оборонного значения: изготовление зажигательных смесей, используемых для борьбы с танками, получение фосфора в доменных печах Урала. Пять орденов Ленина. Большая золотая медаль им. М. В. Ломоносова, Золотая медаль им. Д. И. Менделеева. Сталинская премия (1941).

Дача № 12. **Николай Дмитриевич Стражеско (1876–1952)**. Терапевт. Академик АН Украинской ССР с 1934 г., АН СССР с 1943 г., АМН с 1944 г. Основные труды по патологии кровообращения, пищеварению и по травматизму. Совместно с В. П. Образцовым дал классическое описание клиники инфаркта миокарда. Герой Социалистического Труда (1947).

Дача № 13. **Василий Григорьевич Фесенков (1889–1972)**. Астроном. Академик АН СССР с 1935 г. и академик Казахской ССР с 1946 г. Один из основоположников астрофизики в СССР. Труды по астрофотометрии, звездной статистике, изучению фотометрическими методами строения верхних слоев атмосферы, природы зодиакального света, вопросам космологии, метеоретики. Выдвинул интересную гипотезу о происхождении Тунгусского метеорита. В области физики звезд известен своими исследованиями цвета звезд и его зависимости от положения звезды относительно главной плоскости Галактики. Открыл звездные цепочки. Разработал метод определения поглощения света в темных туманностях. В 1923 г. организовал в Москве Астрофизический институт, объединенный затем с Московской астрономической обсерваторией в Государственный астрономический институт им. П. К. Штернберга, где в 1936–1939 гг. был директором. В 1942 г. основал Астрофизический институт АН Казахской ССР и возглавлял его до 1964 г. Руководил Астрономическим советом и Комитетом по метеоритам АН СССР. Три ордена Ленина. Его именем названы кратер Луны и одна из малых планет.

Дача № 14. **Нина Борисовна Заварзина (1907–1997)**. Дочь академика Б. Л. Исаченко. Микробиолог.

Первоначальный владелец дачи – **Борис Лаврентьевич Исаченко (1871–1948)**. Советский микробиолог и ботаник. Член-корреспондент АН СССР с 1929 г., академик Украинской ССР с 1945 г., АН СССР с 1946 г. Один из основателей морской микробиологии. Работы по изучению бактерий Северного Ледовитого

океана и Черного моря, а также роли микроорганизмов в геологических процессах. Исследователь Арктики, организатор арктических экспедиций. Автор теории биогенного происхождения месторождений серы и кальция. Одним из первых предложил применять бактериальные удобрения и использовать биологические методы борьбы с грызунами. В 1918–1929 гг. заведовал организованной им кафедрой микробиологии Ленинградского государственного университета, в 1917–1930 гг. директор Главного ботанического сада АН СССР. В 1929–1937 гг. заведующий лабораторией общей микробиологии Всесоюзного института эпидемиологии и микробиологии. С 1939 г. директор Института микробиологии АН СССР.

*Его внук **Георгий Александрович Заварзин (1933–2011)**. Микробиолог. Основатель новой научной школы микробиологов. Труды в области функционального разнообразия бактерий и их геохимической роли. Основоположник природоведческой и биосферной микробиологии. Реконструировал микробную биосферу раннего докембрия. Один из основателей бактериальной палеонтологии. Член-корреспондент АН СССР (1976), академик РАН (1997). Лауреат премии им. С. Н. Виноградского (1973). Заслуженный профессор Московского университета им. М. В. Ломоносова. Государственный и общественный деятель. Вместе с членами-корреспондентами Г. В. Мальцевым и Ф. Ф. Кузнецовым и академиками РАН Т. М. Энеевым и Г. С. Голицыным выступил с критикой «Письма десяти академиков» по поводу клерикализации жизни страны.*

Дача № 17. **Сергей Петрович Обнорский (1888–1962)**. Лингвист-руссист. Член-корреспондент АН СССР с 1931 г. Академик АН СССР с 1939 г. Главные исследования посвящены истории русского языка, диалектологии и лексикографии. Выдвинул оригинальную теорию народной основы древнерусского литературного языка. Основные труды по морфологии имени и глагола русского языка, по культуре русской речи, особенно в области орфографии, произношения и грамматических форм. Редактор академического словаря русского языка, член редколлегии 17-томного академического словаря современного русского литературного языка. Профессор Пермского (1916–1922) и Ленинградского (с 1922) университетов. Основатель и директор (1944–1950) Института русского языка АН СССР. Три ордена Ленина. Сталинская премия (1947). Ленинская премия (1970) посмертно. Член-корреспондент Болгарской и Чешской АН, доктор honoris causa университета в Осло.

Дача № 18. **Михаил Александрович Павлов (1863–1958)**. Металлург. Академик АН СССР с 1932 г. Автор теории доменного процесса и расчета доменных печей. Основатель школы советских доменщиков. В 1904–1941 гг. профессор Петербургского (Ленинградского) политехнического института; одновременно в 1921–1930 гг. профессор Московской горной академии, в 1930–1941 гг. Московского института стали и сплавов. Еще в дореволюционные годы создал капитальные научные труды: «Атлас чертежей по доменному производству» (1902), «Определение размеров доменных печей» (1910), «Тепловые балансы металлургических процессов» (1911), «Расчет доменных шихт» (1914) и др. Активно сотрудничал с научными журналами; с момента основания «Журнала Русского металлургического общества» (1910) был его бессменным редактором. В годы советской власти участвовал в проектировании крупнейших металлургических заводов, доменных печей и сталеплавильных агрегатов; большое внимание уделял расширению железорудных и топливных ресурсов металлургического производства (возглавлял экспериментальные работы по использованию торфа для доменной плавки), освоению выплавки чугуна из уральских титаномагнетитов и природно-легированных руд Халиловского района. Руководил работами по агломерации и обогащению бедных железных руд, осуществил первые плавки на офлюсованном агломерате; многое сделал в области экспериментальных исследований по внедрению кислородного дутья в металлургию. Автор ряда учебников по металлургии, в том числе фундаментального курса «Металлургия чугуна». Герой Социалистического Труда (1945), пять орденов Ленина. Сталинская премия (1943, 1947).

Его сын Игорь Михайлович Павлов (1900–1985), металлург. Член-корреспондент АН СССР с 1946 г. Основные труды по теории проката и других процессов пластической деформации металлов. Ленинская премия (1966).

Дача № 19. **Николай Митрофанович Крылов (1879–1955)**. Математик и механик. Член-корреспондент АН СССР с 1928 г., академик АН Украинской ССР с 1922 г., АН СССР с 1929 г. Фундаментальные труды в области уравнений математической физики и нелинейной механики. Труды по интерполяции числовым методом. Орден Ленина.

Дача № 20. **Роберт Юрьевич Виппер (1859–1954)**. Историк. Академик АН СССР с 1943 г. Диапазон научных интересов чрезвычайно широк: от истории Древней Греции и Рима до современности. Автор исследований и учебников по истории древ-

него мира, раннего христианства, средних веков, нового времени. В 1899–1922 гг. профессор Московского университета. Работа по истории раннего христианства, опубликованная в 1918 г., была подвергнута критике В. И. Лениным. В Октябрьской революции Виппер увидел «солдатскую анархию» и в 1924 г. эмигрировал в Латвию. В 1924–1941 гг. профессор Латвийского университета в Риге. В 1941 г. возвратился в Москву. С 1941 г. профессор Московского института философии, литературы и истории, а также МГУ (до 1950 г.). С 1943 г. работал в Институте истории АН СССР. Орден Ленина. Р. Ю. Виппера часто упрекали в отходе от позиций марксизма-ленинизма, на которых он никогда не стоял. В энциклопедическом словаре 1953 г. о нем сказано: «Ценность работ, содержащих большой фактический материал, снижается в силу ошибочных концепций автора по ряду вопросов».

*Его сын **Борис Робертович Виппер (1888–1967)** – историк искусства, музейный деятель. Член-корреспондент Академии художеств СССР (1962). Труды по западноевропейскому искусству, преимущественно XVI–XVIII вв. Заместитель директора Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина по научной части (1944–1967).*

*Его внук **Юрий Борисович Виппер (1916–1991)** – литературовед. Труды по французской литературе. Член-корреспондент АН СССР (1979). Академик АН СССР (1987).*

Дача № 21. **Дмитрий Степанович Белянкин (1876–1953)**. Минералог и петрограф. Член-корреспондент АН СССР с 1933 г., действительный член – с 1943 г. Основатель техники петрографии. Основные работы посвящены вопросам общей, теоретической и технической петрографии, а также минералогии. Геолого-петрографические исследования производил на Урале, Кавказе и севере европейской части СССР. Занимался изучением порообразующих минералов, имеющих теоретическое и практическое значение, редких минералов (вишневит, гидрогранаты и нарсарсукиит), а также искусственного «технического камня» (огнеупоры, керамические изделия, шлаки, абразивы, стекло и пр.). Положил начало технической петрографии, играющей в силикатной технологии роль, аналогичную металловедению в металлургии. Профессор Петроградского (Ленинградского) политехнического института (1920). С 1930 г. работал в Петрографическом институте, а затем в Институте геологических наук АН СССР. С 1949 г. академик-секретарь Отделения геолого-географических наук АН СССР. Член Главной редакции 2-го издания БСЭ. Два ордена Ленина.

Дача № 22 в 1950 г. числилась за ЖКО АН СССР. В его ведение она перешла после ареста в 1949 г. первоначального хозяина **Иосифа Федоровича Григорьева (1890–1949)** – геолога, академика АН СССР с 1946 г. Труды по геологии рудных месторождений. Разработал минералогические исследования руд, дал классификацию структур руд. В 1945–1947 гг. главный геолог Комиссии по созданию отечественной базы атомного сырья. Под его руководством разведаны урановые месторождения для первых советских урановых бомб. Директор Геологического института АН СССР. Был репрессирован⁹, проходил по «красноярскому» делу геологов как один из главных фигурантов.

Дача № 26. **Иван Матвеевич Виноградов (1891–1983)**. Математик. Академик АН СССР с 1929 г. Создал классический метод тригонометрических сумм. Получил фундаментальные результаты и решил ряд важных задач в аналитической теории чисел. Директор Математического института Академии наук СССР им. В. А. Стеклова (1932–1983). Дважды Герой Социалистического Труда (1945, 1971). Два ордена Ленина. Лауреат Сталинской премии (1941) и Ленинской премии (1972).

Дача № 27. **Петр Леонидович Капица (1894–1984)**. Выдающийся физик-экспериментатор. Академик АН СССР с 1939 г. Один из основателей физики низких температур и физики сверхсильных магнитных полей. Открыл явление сверхтекучести жидкого гелия, тем самым положив начало физике конденсированного состояния. Разработал способ сжижения воздуха с помощью высокопроизводительной промышленной установки турбодетандера. Обнаружил, что при высокочастотном разряде в плотных газах образуется стабильный высокотемпературный плазменный шнур. С 1921 по 1934 г. работал под руководством Резерфорда в Кавендишской лаборатории в Великобритании. В 1934 г. П. Л. Капице во время его визита в СССР запретили выезд в Англию и предложили стать руководителем вновь создаваемого Института физических проблем Академии наук СССР. Резерфорд, смирив-

⁹ По безграмотному в научном отношении доносу корреспондента газеты «Правда» он и другие геологи (всего 27 человек) были обвинены в сокрытии урановых месторождений на территории Красноярского края. Арестован 31 марта 1949 г. у себя на квартире в Москве. Согласно первоначальной официальной версии, сообщенной родным, следствие продолжалось по октябрь 1950 г. и закончилось приговором ОСО МГБ СССР: 25 лет заключения без права переписки, с конфискацией имущества. Позднее пришло известие, что Григорьев скончался не в 1951 г., а гораздо раньше – 14 мая 1949 г., вернувшись в камеру после очередного допроса. Реабилитирован 31 марта 1954 г.

шись с потерей своего выдающегося сотрудника, добился разрешения для советских властей купить оборудование лаборатории им. Монда, которой заведовал Капица, и отправить его в СССР. В 1935–1984 гг. директор ИФП (за исключением 1946–1955 гг., когда был отстранен от руководства институтом и помещен под домашний арест). Один из основателей Московского физико-технического института. В 1945 г. входил в состав Спецкомитета по атомному проекту, но предложенный им двухлетний план его реализации не был одобрен, в связи с чем он попросил об отставке, просьба была удовлетворена. Член Лондонского Королевского общества. Член Президиума АН СССР (с 1957). Дважды Герой Социалистического Труда. Нобелевская премия (1978). Сталинская премия (1941, 1943).¹⁰

Дача № 28. **Александр Александрович Микулин (1895–1985)**. Конструктор авиационных двигателей. Генерал-майор инженерно-технической службы. Академик АН СССР с 1943 г. Под его руководством сконструированы двигатели (поршневые, турбовинтовые и турбореактивные) для отечественных самолетов. В начале 1930-х гг. под руководством Микулина создан первый советский авиационный двигатель жидкостного охлаждения М-34, на базе которого в дальнейшем построен ряд двигателей различной мощности и назначения. Двигателями типа М-34 (АМ-34) оснащались самолеты АНТ-25, бомбардировщики ТБ-3 и многие другие. Двигатель АМ-35А устанавливался на истребителях МиГ-1, МиГ-3, бомбардировщиках ТБ-7 (Пе-8). Во время Великой Отечественной войны Микулин руководил работами по созданию форсированных двигателей АМ-38Ф и АМ-42 для штурмовиков Ил-2 и Ил-10. В 1943–1955 гг. был главным конструктором опытного авиадвигательного завода № 30 в Москве. Под его началом создан ряд турбореактивных двигателей различной тяги (в том числе двигатель АМ-3 для самолета Ту-104). В 1955–1959 гг. работал в лаборатории двигателей АН СССР. Уже в очень зрелом возрасте заинтересовался медициной. В 1975 г. окончил медицинский институт, а в 1976 г. защитил кандидатскую диссертацию. Автор книги «Активное долголетие. Моя система борьбы со старостью». Сконструированный им водяной ионизатор воздуха нашел широкое применение в медицинской практике и повседневной

¹⁰ После 1950 г. дача перешла в разряд арендованных. Со слов Андрея Сергеевича Петрухина (зятя академика И. В. Обреимова) известно, что П. Л. Капица отказался от дачи в Абрамцево, поскольку по существующему тогда законодательству запрещалось владеть одновременно двумя дачами. У П. Л. Капицы уже была дача на Николиной горе, построенная одним из архитекторов, работавших над зданием Украинского физико-технического института в Харькове (УФТИ).

жизни. Герой Социалистического Труда (1940) три ордена Ленина, Сталинская премия (1941, 1942, 1943, 1946). Член КПСС с 1954 г.

Дача № 31. **Каныш Имантаевич Сатпаев (1899–1964)**. Геолог. Академик АН СССР с 1946 г. Исследователь геологии Казахстана. Труды по рудным месторождениям и минеральным ресурсам Казахстана. Один из создателей советской металлогении. Открыл Улутау-Джезказганское меднорудное месторождение. Благодаря открытому и разработанному им месторождению марганцевых руд во время Великой Отечественной войны стало возможным, несмотря на потерю украинского Никополя, продолжить выпуск бронированной стали. В 1941–1964 гг. директор Института геологических наук Казахского филиала АН СССР (с 1946 г. – АН Казахской ССР), с 1942 г. председатель Президиума Казахского филиала АН СССР, организатор и президент Казахской АН (1946–1952 и 1955–1964). Четыре ордена Ленина, Орден Отечественной войны 2-й степени. Сталинская премия (1942). Ленинская премия (1958). Депутат Верховного совета СССР (1946–1954 и 1958). Член КПСС с 1944 г.

Дача № 32. **Андрей Анатольевич Бочвар (1902–1984)**. Металловед. Член-корреспондент АН СССР с 1939 г., действительный член – с 1946 г. Работы в области кристаллизации, литейных свойств, рекристаллизации и жаропрочности цветных металлов и сплавов, деформации сплавов при высокой температуре. Использование во время войны созданного им легкого сплава – цинковистого силумина для производства авиационных и танковых моторов значительно повысило их технические характеристики. Применение корпусов двигателей из силумина стало одним из новшеств, определивших превосходство советской танковой техники на полях сражений. Работы в области металловедения урана и плутония. В 1946 г. привлечен к атомному проекту. На созданном в 1947 г. предприятии по хранению и переработке ядерного топлива под его научным и техническим руководством был получен сплав плутония. С 1947 г. директор НИИ 9 (бывший Институт спецметаллов НКВД СССР), известный в узких кругах как «Плутониевый институт». Дважды Герой Социалистического Труда (1949, 1953). Четыре ордена Ленина. Лауреат Сталинской премии (1941, 1949, 1951, 1953). Ленинская премия (1961).

Дача № 33. **Григорий Абрамович Шайн (1892–1956)**. Астрофизик. Академик АН СССР с 1939 г. Труды по звездной спектроскопии и физике газообразных туманностей. Установил (совместно с О. Струве) быстрое вращение звезд ранних спектральных

классов и измерил их скорость (1929). Открыл новые газообразные туманности, аномальное содержание изотопа углерода в атмосфере звезд. С 1925 г. работал в Симеизском отделении Пулковской обсерватории. Организатор и директор астрофизической лаборатории АН СССР в Крыму (1944–1952). Два ордена Ленина. Сталинская премия (1950).

Дача № 34. **Георгий Григорьевич Уразов (1884–1957)**. Химик и металлург. Член-корреспондент АН СССР с 1939 г., действительный член – с 1946 г. Основные труды по металлическим сплавам, системам из металлов, сульфидов и хлоридов, переработке металлических руд, природных солей, бокситов, физико-химическому анализу солевых систем. Открыл ряд интерметаллических соединений. Под его руководством осуществлены экспедиции для исследования соляных месторождений Прикаспия и залива Кара-Богаз-Гол. С 1934 г. заведующий отделом Института общей и неорганической химии АН СССР; с 1938 г. профессор Московского института тонкой химической технологии им. М. В. Ломоносова, а с 1943 г. одновременно профессор Московского института цветных металлов и золота. Два ордена Ленина.

Дача № 40. **Мстислав Всеволодович Келдыш (1911–1978)**. Математик и механик. Академик АН СССР с 1946 г. Фундаментальные труды по математике: теории функции комплексного переменного, функциональному анализу, аэрогидромеханике и теории колебаний. Внес вклад в исследования ряда проблем авиационной и атомной техники, вычислительной и машинной математики. Руководитель многих космических программ, включая полеты человека в космос. Разработка М. В. Келдышем и группой ученых фундаментальной теории флаттера (особого типа вибрации) позволила создать технические средства предотвращения авиационных катастроф и обеспечила к концу 1943 г. значительное повышение скорости советских истребителей. Президент Академии наук СССР (1961–1975). Трижды герой Социалистического Труда (1956, 1961, 1971). Сталинская премия (1942, 1946). Ленинская премия (1957). Член КПСС с 1949 г. Член ЦК КПСС с 1961 г. Депутат Верховного Совета СССР с 1962 г. В 1955 г. написал «Письмо трехсот».

Дача № 42. **Василий Владимирович Шулейкин (1895–1979)**. Геофизик. Член-корреспондент с 1929 г., академик АН СССР с 1946 г. Основные исследования в области физики и геофизики моря. Один из основоположников советской школы физики моря. Автор классической монографии «Физика моря». Участник и руководитель ряда океанографических экспедиций. Организатор и ди-

ректор гидрографической станции в Кацевели (1929–1941) и морской гидрографической лаборатории АН СССР. В 1942–1945 гг. работал в гидрографической службе Военно-Морского флота, в 1945–1947 гг. – в Военно-Морской академии. Организовал кафедру физики моря в МГУ и Московский гидрометеорологический институт АН СССР, где был директором с 1948 по 1957 г. Два ордена Ленина. Сталинская премия (1942). Член КПСС с 1942 г. Увлекался музыкой, написал несколько музыкальных произведений.

Дача № 44¹¹. **Алексей Владимирович Ефимов (1896–1971)**. Историк и этнограф. Член-корреспондент АН СССР с 1939 г. Основные труды по истории США, истории русских географических открытий, дипломатии, общим проблемам истории науки. Автор учебников по истории. Сталинская премия (1942).

Дача № 46. **Леонид Иванович Прасолов (1875–1954)**. Почвовед. Академик АН СССР (1935). Труды в области географии, картографии и классификации почв. Автор учения о почвенных провинциях. Проведенное под его руководством изучение почвенных ресурсов в разных странах мира установило наличие больших еще не использованных земельных ресурсов. Прасолов и его сотрудники составили почвенные карты мира и СССР (1947). Директор Почвенного института АН СССР им. В. В. Докучаева. Три ордена Ленина. Сталинская премия (1942).

Дача № 47. **Степан Ильич Миронов (1883–1959)**. Геолог-нефтяник. Академик АН СССР с 1946 г. Основные труды по методике исследований нефтяных месторождений, генезису нефти. В 1908–1910 гг. участвовал в Сахалинской геологоразведательной экспедиции. В 1913–1929 гг. работал в Геологическом комитете, в 1925–1926 гг. был консультантом Главконцесскома при подготовке договора с Японией. В 1929–1931 гг. директор, в 1931–1938 гг. заместитель директора, в 1938–1946 гг. консультант Нефтяного геологоразведочного института в Ленинграде. В 1946–1947 гг. заведующий отделом, а в 1950–1959 гг. заведующий лабораторией Института нефти АН СССР в Москве (позднее Института геологии и разработки горючих ископаемых АН СССР), в 1947–1950 гг. директор филиала АН СССР в Южно-Сахалинске. Проводил исследования в Волго-Уральском и Эмбинском нефтеносных районах и на Сахалине.

* * *

¹¹ А. В. Ефимов получил от Академии наук разрешение построить дом на территории, относящейся к поселку, и присоединиться к его коммуникациям (вода, канализация). Дом не типовой, одноэтажный, построен на личные средства.

Первоначальные владельцы, получившие в Абрамцеве дачи в дар, были представителями самых разных научных направлений и разных поколений. Они появились на свет в широкий промежуток времени с 1859 по 1911 г. К моменту революции 1917 г. многие из них уже заслужили научное имя, были профессорами. Самыми старыми по возрасту в поселке были историк Р. Ю. Виппер (1859 г. р.) и металлург М. А. Павлов (1863 г. р.). Самым молодым оказался академик М. В. Келдыш (он родился в 1911 г.). К «молодым» можно причислить также академиков И. Г. Петровского (1901 г. р.), А. А. Бочвара (1902 г. р.) и М. А. Леонтовича (1903 г. р.). Самый длительный академический стаж был у ботаника В. Л. Комарова (с 1920 г.). Вторым по длительности стаж был у математиков И. М. Виноградова и Н. М. Крылова, которые были избраны членами Академии в 1929 г. Абрикосов, Гудцов, Капица, Кирпичев, Обнорский, Павлов, Прасолов, Фесенков, Шайн стали академиками до Второй мировой войны. Грабарь, Асафьев, Стражеско, Виппер, Белянкин, Микулин были выбраны в действительные члены Академии в 1943 г. Бочвар, В. В. Виноградов, Вольфович, Григорьев, Исаченко, Келдыш, Леонтович, Миронов, Немчинов, Петровский, Сатпаев, Уразов, Шулейкин получили это звание на первых послевоенных выборах в Академию наук в 1946 г. Академики, получившие дачи в Абрамцеве, представляли по классификации Л. Д. Ландау¹² в основном «естественные науки». Представители «противоестественных» – политэкономии, философии и т. д. были сконцентрированы в основном в Мозжинке. Можно с достаточной степенью вероятности предположить, хотя эти данные и не находятся в открытом доступе, что многих жителей Абрамцева связывала общая работа по военной тематике.

¹² По классификации Л. Д. Ландау науки делятся на четыре категории: 1) науки естественные – математика, физика, химия, биология и т. п. – о природе; 2) науки неестественные – о человеческих деяниях – история, лингвистика и т. п.; 3) науки противоестественные – философия и близкие к ней дисциплины; 4) «науки» сверхъестественные – богословие, оккультные науки, теософия, астрология. Классификация приведена в воспоминаниях А. М. Леонтовича «Об отношении М. А. Леонтовича к философии и религии» из книги Академик М. А. Леонтович: Ученый, учитель, гражданин. М.: Наука, 2003. С. 422–424.

Глава 5

Первые арендаторы дач ЖКО

Дачи, принадлежащие ЖКО (за исключением № 41) к моменту составления плана поселка в 1950 г., еще не сдавались. Первые арендаторы и владельцы достроенных позже дач появились, согласно воспоминаниям старожилов, в период между 1950 и 1955 гг. В это же время в ведомство ЖКО перешли дачи № 12 и 22. Последняя в 1954 г. была с большим трудом возвращена наследникам после посмертной реабилитации И. Ф. Григорьева. Ниже приводится список членов-корреспондентов и академиков, арендовавших дачи ЖКО в первые годы существования поселка. К сожалению, фамилии самых первых арендаторов некоторых дач установить не удалось.

Список членов-корреспондентов и академиков, арендовавших дачи ЖКО в первые годы существования поселка

Дача № 12. Перешла в разряд арендованных после смерти первого владельца в 1952 г. На ней жили в разные годы семья академика **Н. В. Белова**, а также членов-корреспондентов АН СССР **В. В. Соколовского** и **Д. Е. Охоцимского**. Они впоследствии стали владельцами других дач в поселке.

Дача № 16. **Николай Алексеевич Изгарышев (1884–1956)**. Член-корреспондент АН СССР с 1939 г. Ведущий специалист в области электрохимии. Создатель большой отечественной электрохимической школы. Работы в области теории электродных процессов и электролиза коллоидной химии и вопросов коррозии и защиты металлов. Открыл явление пассивности металлов в водных электролитах. Был привлечен к работам по атомному проекту. Возглавлял одну из первых лабораторий НИИ 9. Орден Ленина. Сталинская премия (1949). Член КПСС с 1945 г.

Дача № 22. **Сергей Павлович Толстов (1907–1976)**. Археолог, этнограф, историк-востоковед. Член-корреспондент АН СССР с 1953 г. Академик Узбекской ССР. Основные труды по археологии и первобытной, древней и средневековой истории народов Средней Азии, истории религии, этногенезу. В 1939–1951 гг. профессор, заведующий кафедрой этнографии исторического факультета МГУ, с 1942 по 1966 г. директор Института этнографии АН СССР. С 1943 по 1945 г. был деканом исторического факультета МГУ. С 1951 по 1970 г. был председателем Российского палестинского общества. Член-корреспондент ряда зарубежных академий. Редактор многотомного издания «Народы мира». Организатор и руководитель (1937–1969) Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. За работу «Древний Хорезм» (1948) награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом «Знак Почета». Участник Великой Отечественной войны. Член КПСС с 1944 г.

Дача № 25. **Сергей Павлович Толстов** арендовал эту дачу с 1954 г. после возвращения дачи № 22 наследникам первоначального владельца.

Дача № 27. Первое время после перехода дачи в ведение ЖКО ее арендовал (или владел ею) **Николай Сергеевич Шатский (1895–1960)** – геолог, член-корреспондент АН СССР с 1943 г., академик АН СССР с 1953 г. Один из основоположников учения о геологических формациях. Основные труды по тектонике Русской платформы, Сибирской платформы и других районов СССР. Под его руководством были впервые составлены тектонические карты СССР и Евразии. Два ордена Ленина. Сталинская премия (1946). Ленинская премия (1958).

С 1954 г. дачу № 27 арендовал **Иван Васильевич Обреимов (1894–1981)**. Физик-экспериментатор. Член-корреспондент АН СССР с 1933 г., действительный член – с 1958 г. Основные труды по физике кристаллов, оптике, молекулярной физике и спектроскопии. Заложил основы низкотемпературной спектроскопии молекулярных кристаллов. Автор ряда спектральных приборов. Стоял у истоков возникновения Государственного оптического института (ГОИ), Физико-технического института в Ленинграде (ЛФТИ), Украинского физико-технического института в Харькове (УФТИ), где был директором с 1929 по 1933 г. В УФТИ был инициатором исследования атомного ядра и собрал там выдающихся физиков того времени. В 1938 г. был арестован по обвинению в шпионаже. Во время следствия благодаря хлопотам академика А. Ф. Иоффе перед Сталиным получил разрешение заниматься наукой и написал работу, за которую в 1946 г. был награжден Ста-

линской премией. Был осужден на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Содержался вместе с уголовниками, у которых пользовался большим уважением благодаря чтению наизусть стихов Некрасова и Пушкина, пересказам романов Тургенева и Диккенса, а также детективов. Кроме того, был случай, когда во время работ он многим из них спас жизнь. В мае 1941 г. благодаря хлопотам П. Л. Капицы¹³, А. Ф. Иоффе, С. И. Вавилова, В. Л. Комарова он был освобожден в связи с прекращением дела за отсутствием состава преступления. После освобождения работал в УФТИ, а затем в Институте физической химии АН УССР. В 1947 г. Обреимов получил лабораторию в Москве, названную Оптической. При одном и том же составе сотрудников она входила до 1952 г. в состав Института органической химии (ИОХ АН СССР), с 1952 по 1964 г. – в Институт элементоорганических соединений (ИНЭОС АН СССР), а с 1964 по 1982 г. – в Институт общей и неорганической химии (ИОНХ АН СССР). Среди естественных наук (помимо физики) он особо выделял физиологию растений и ботанику. Открыто возражал против воззрений Т. Д. Лысенко.

Дача № 35. **Александр Дмитриевич Петров (1895–1964)**. Химик-органик. Член-корреспондент АН СССР с 1946 г. Разработал метод синтеза углеводородов, входящих в состав моторных топлив и смазок, а также синтез кремнеуглеводородов. Сталинская премия (1947).

Дача № 36. **Борис Сергеевич Стечкин (1891–1969)**. Специалист в области гидроаэромеханики и теплотехники, теоретик-моторист. Член-корреспондент с 1946 г., академик АН СССР с 1953 г. Создал теорию теплового и газодинамического расчета авиационных двигателей, теорию воздушно-реактивных двигателей. Вместе с Н. Е. Жуковским принимал участие в создании Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ), где возглавлял винтомоторный отдел. Был одним из организаторов Военно-воздушной инженерной академии им. Н. Е. Жуковского (до 1953 г. профессор этой академии). Преподавал в Московском высшем техническом училище (1918–1927) и Московском авиационном институте (1933–1937). С 1954 по 1961 г. заведовал лабораторией двигателей АН СССР, одновременно с 1954 г. профессор Московского автомобильно-дорожного института.

¹³ Из письма П. Л. Капицы от 7 июля 1940 г. В. М. Молотову: «После ареста Обреимов работал научно, а теперь, говорят, его сделали грузчиком в Котласе. Если это, правда, то это надо скорее исправить, а то потом нам всем будет за это стыдно. Если диагноз НКВД не подлежит пересмотру, то все же надо дать возможность Обреимову научно работать, над чем он хочет, и доводить его работу до публикации, это в интересах всей науки».

В 1961–1962 гг. – директор Института двигателей АН СССР. С 1963 по 1969 г. – научный руководитель отдела в КБ С. П. Королева. Герой Социалистического Труда (1961). Сталинская премия (1946). Ленинская премия (1957). Был дважды репрессирован. В связи с «делом Промпартии» находился в заключении в 1930–1931 гг. В 1931–1933 гг. работал над опытными авиадвигателями в ОКБ НКВД. Вновь арестован в декабре 1937 г., помещен в Бутырскую тюрьму, затем в спец. КБ-29, где занимался моторами, позже стал разрабатывать двигатели. 31 мая 1940 г. по статье 58-7-11 УК РСФСР приговорен к лишению свободы на 10 лет. Во время войны спец. КБ было переведено в Казань, там же в это время работали А. Н. Туполев, С. П. Королев, В. П. Глушко и другие известные авиаспециалисты. В начале 1943 г. с личной просьбой об освобождении Стечкина к Сталину обратился авиаконструктор А. А. Микулин. В марте 1943 г. освобожден для работы заместителем главного конструктора, А. А. Микулина, на опытном авиадвигателестроительном заводе в Москве.

Дача № 37. Фамилию ее первого арендатора выяснить не удалось. Из воспоминаний Л. С. Понтрягина известно, что он арендовал ее в 1958–1959 гг., но, став академиком, купил более благоустроенную дачу в Мозжинке.

Лев Семенович Понтрягин (1908–1988). Математик. Академик АН СССР с 1958 г. Труды по топологии, теории непрерывных групп, дифференциальным уравнениям. Фундаментальные труды по математической теории оптимизации процессов. Создатель школы советских математиков. Государственная премия (1962). В 14 лет потерял зрение.

Дача № 39. Фамилию первого арендатора установить не удалось. По словам старожилов, эта дача предназначалась для академика В. П. Потемкина, но он по каким-то причинам от нее отказался. Арендаторы менялись неоднократно. Одно время ее снимал писатель-фантаст И. А. Ефремов.

Дача № 41. **Борис Николаевич Делоне 1890–1980).** Математик. Член-корреспондент АН СССР с 1929 г. Работы по алгебре, теории чисел, геометрии, математической кристаллографии. С 1922 по 1935 г. – профессор Ленинградского университета; с 1935 по 1942 г. – профессор Московского университета; с 1942 г. – заведующий отделом алгебры Математического института Академии наук СССР им. В. А. Стеклова. Мастер спорта по альпинизму с 1934 г. Он совершил 125 восхождений в Доломитовых Альпах, в Швейцарских и Французских Альпах, на Западном и Центральном

Кавказе, Алтае, Тянь-Шане. Первым из советских альпинистов совершает в 1925 г. восхождения в районе Теберды, открыв его для альпинизма. В 1930 г. при его активном участии была организована горная секция Ленинградского Общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ). Разработал существующую ныне классификацию маршрутов на вершины по пяти категориям трудности. Имя Б. Н. Делоне носят пик в Саянах и хребет в районе Белухи (на Алтае). Орден Ленина. Премия им. Б. С. Федорова АН СССР (1959 г.). Международная премия им. Н. И. Лобачевского (1972 г.).

Дача № 43. **Борис Владимирович Дерягин (1902–1994)**. Физикохимик. Член-корреспондент АН СССР с 1946 г., академик РАН с 1992 г. Создал учение о поверхностных силах, их влиянии на расклинивающее давление и свойства тонких жидких пленок.

Глава 6

Управление и обслуживание поселка

Управление дачными поселками академиков было прописано в распоряжении Совета Министров СССР 1947 г. В соответствии с ним поселок являлся самостоятельной организацией, действующей на началах хозрасчета. Функцию управления в 1948 г. осуществлял ЖКО Академии¹⁴. Позже, после закрепления дач за их хозяевами, был создан выборный совет (правление поселка), состоящий из академиков-дачевладельцев. Во главе его стоял председатель правления. В Абрамцеве первым этот пост занял академик С. И. Миронов. Потом был выбран И. М. Виноградов, который оставался бессменным председателем до самой своей смерти в 1983 г. Затем эту должность занимал Н. С. Ениколопов, а после него академик Г. Г. Черный. В данный момент правление возглавляет академик В. Т. Калинин. Председателями ревизионной комиссии были последовательно М. Б. Немчинова, М. В. Копецкая, Н. Г. Уразова. В функции правления входит наем обслуживающего персонала, в том числе управляющего, составление бюджета и т. д. Все решения правления утверждаются общим собранием дачевладельцев.

Первым управляющим поселка был В. А. Исаев. Многочисленные рассказы старожилов о его несправедном правлении приводятся во второй части. После снятия Исаева с должности с 1954 по 1976 г. управляющим был Николай Федорович Шкаринов, на годы деятельности Н. Ф. Шкаринова пришелся наиболее консервативный период в жизни поселка, а также расцвет его хозяйственной деятельности. На этом посту его сменил Иван Мартынович Канцырский, работавший с 1976 по 1986 г. Его управление ознаменовалось газификацией поселка. С 1986 по 2011 г. управляющим являлся Александр Дмитриевич Клубков. После смерти А. Д. Клубкова в 2011 г. управляющим был назначен Сергей Ни-

¹⁴ Распоряжение Совета Министров СССР от 16 ноября 1947 г. № 17075-р.

колаевич Силин. Поселковым бухгалтером с 1969 по 1990 г. была Вера Васильевна Маркова. После ее ухода на пенсию эту должность занимает Валерия Юрьевна Растопшина.

В начальный период существования поселка его обслуживал большой штат рабочих разных специальностей. Старожилы вспоминают, что их было никак не меньше 12 человек: слесари, сантехники, электрики, плотник, столяр, печник, садовница, несколько сторожей и даже курьер. Они должны были круглосуточно следить за работой насосов, качавших воду из скважины и работающих на перекачке канализационных отходов (в те времена переключение насосов не было автоматическим), устранять текущие неполадки в дачах и на участках, поддерживать коммуникации, зимой чистить дороги, заготавливать дрова. После проведения газа в штат был зачислен рабочий, имеющий право, после прохождения специальных курсов, обслуживать газовые котлы. С 1981 по 2005 г. эту работу выполнял А. С. Бондарев. Каждый рабочий поселка оставил о себе память. Кроме того, при Шкаринове в штат входило три шофера, работавших на поселковых грузовиках. Эти сдаваемые в аренду машины и приносили основной доход поселку, являвшемуся согласно действующему положению хозрасчетной организацией. Ныне поселок существует на взносы жителей. Количество рабочих сократилось до двух. Бессменным рабочим поселка много лет является В. М. Ушанов.

Рабочий поселок

Почти одновременно со строительством академических дач примерно в километре от них появился так называемый рабочий поселок. Состоял он из четырех домов, расположенных на живописной поляне у бывшего карьера, откуда брали песок для строительства. Самое первое время на этом месте располагался барак, клуб и магазинчик для бригады вольнонаемных рабочих из Управления строительных работ, достраивающих часть дач после депортации военнопленных. Чтобы попасть из поселка академиков в рабочий, надо было спуститься с крутой горки, поэтому чаще всего последний именовали просто «низ». Дома для рабочих представляли собой такие же типовые сторожки, что и в академическом поселке, но сдвоенные и без гаражей. В каждом было два входа и четыре комнаты. В комнатах стояли печи, на которых готовили еду. К домам была подведена вода, но устройств для ее подогрева там не было. На каждые две комнаты был один кран с холодной водой. Канализацией, которая была предусмотрена

первоначальным планом, эти дома обеспечены не были, уборные находились на улице. Из-за отсутствия канализации дома считались не готовыми к эксплуатации, и ЖКО Академии в свое время не взял их на баланс. До начала 90-х гг. они оставались как бы бесхозными, их даже собирались сносить. В конце концов после длительной тяжбы их взял на баланс Абрамцевский поселковый совет, и только тогда они перешли в собственность продолжавших в них жить родственников бывших рабочих.

Каждая семья рабочих тогда занимала 1–2 комнаты, в зависимости от численности. Жили очень тесно. Рождались дети, приезжали из деревни родственники. Например, семья поселкового слесаря Владимира Григорьевича Аверченкова, состоящая из трех взрослых и двух, маленьких родившихся здесь детей, долгое время занимала одну комнату. Несколько позже, к концу 50-х гг., при управляющем Н. Ф. Шкаринове жилищные условия рабочих улучшились за счет пристроек к поселковому гаражу. Жены рабочих, как правило, также работали в поселке академиков сторожами, истопниками, домработницами.

Несмотря на тесноту, у жителей рабочего поселка было большое преимущество: приусадебное хозяйство. Земля, на которой был построен поселок, и ближайшая незастроенная территория также принадлежали Академии наук. Размер участка под огороды и сады никто не ограничивал, каждый обрабатывал столько земли, сколько мог. Жители поселка держали домашний скот и птицу. На огородах сажали картошку и другие овощи. Никаких «изысков» не было, сажали только то, что можно было есть. Заработные платы рабочих были низкими. По сведениям Марии Андреевны Аверченковой, ее муж, рабочий поселка, получал 50 рублей¹⁵. Приусадебное хозяйство и продажа молока помогали прокормить семью. Цветов на этих участках было мало. Зато в рабочем поселке было много детей, причем все они были примерно одного возраста. Они дружили между собой и с некоторыми из «академических» детей. Между собой обитатели всех четырех домиков жили дружно.

Сейчас это место застроено новыми дачами. Из четырех домов рабочих осталось только два, да и те сильно перестроены. Никого из прежних рабочих уже нет в живых, но в этих домах продолжа-

¹⁵ Сумма указана в ее значении после денежной реформы Н. С. Хрущева 1961 г.

ют жить члены их семей. Судьбы некоторых рабочих и их семей тесно переплелись с судьбами жителей академического поселка, и его история была бы неполной без их рассказов.

Медпункт

Поселок обслуживали медицинские работники из поликлиники Академии наук. Они работали только летом, когда собиралась основная часть жителей. Эта практика имеет место и в наши дни. В первое время существования поселка медпункт располагался в небольшом доме, в котором недолгое время перед этим был магазин. Когда освободилась дача № 16, принадлежащая ЖКО Академии, медпункт переместился в нее, поскольку прежнее помещение было тесным. Освободившийся дом № 23 сдавался. В начале 80-х гг. участок был куплен членом-корреспондентом Ч. В. Копецким, сейчас дача принадлежит его наследникам. В настоящее время медпункт располагается в отдельном, специально построенном для него доме. К сожалению, сравнительно новая постройка уже нуждается в капитальном ремонте.

Первоначально медработников приезжало трое: врач, медсестра и массажистка. Последняя одновременно была специалистом по лечебной физкультуре. Вместе с ними приезжали и их дети. Работники медпункта были важной составляющей поселковой жизни. Кроме прямого оказания медицинской помощи всем жителям, они вели занятия физкультурой для взрослых и детей. Эти занятия проходили в основном на спортивной площадке. Все первое поколение живущих в поселке детей с четырех лет посещало занятия физкультурой и во многом благодаря этому быстро перезнакомилось и сдружилось. Были это, собственно, коллективные игры, по-видимому, почерпнутые ведущей из дореволюционной книги П. Н. Бокина «Подвижные игры». Во всяком случае, правила игр типа «Волк и овцы», «Гуси-лебеди, домой», «Кошки-мышки», «Штандер», «Горелки», «День, ночь», которыми занимали подрастающих потомков академиков, подробнейшим образом в ней изложены. На участке дачи № 16 проходили занятия лечебной физкультурой для взрослых.

Из «Жизнеописания» академика Л. С. Понтрягина следует, что академики были равнодушны к красоте женщин-врачей, работавших в поселке. Сам он, когда арендовал в Абрамцеве дачу, познакомился с одной из них и вскоре на ней женился.

Часть II. Воспоминания

Глава 1

Представленные в этой главе воспоминания относятся к начальному периоду существования дач и исходят от детей и внуков первых владельцев, а также других людей, причастных к жизни поселка, чья молодость или отроческие годы совпали с первым десятилетием его существования. В течение этого времени жизнь здесь мало менялась и определялась в значительной степени представлениями владельцев-академиков, их привычками и семейными традициями. Естественно, публикуемые в этой главе воспоминания не ограничиваются этим периодом и распространяются также на более позднее время. Она начинается с текстов выступлений Ю. С. Старка и А. А. Тимофеева на праздновании 50-летия существования поселка в 1997 г.

Юрий Сергеевич Старк (1935–2001).

Внучатый племянник Н. В. Комаровой, внук Б. В. Старка¹⁶. Физик, кандидат физико-математических наук, доцент.

В 1945 г., в самом конце войны, возникла идея как-то отметить труд Академии наук СССР и ее вклад в победу. В связи с этим Государственный Комитет Обороны, который до 9 мая, до Победы, был верховной властью в стране, принял решение о том,

¹⁶ Б. В. Старк (1883–1955) – специалист в области металлургии и металлургии, член-корреспондент АН СССР (1943). По окончании Петербургского политехнического института преподавал там же. С 1921 г. преподавал в Московской горной академии (с 1930 г. – Московский институт стали и сплавов). Основные труды по теории металлургических процессов. Брат Н. В. Комаровой

чтобы всем академикам, бывшим в этом звании на тот момент, безвозмездно построить вот такие дачи. Полугодом позже вышло постановление Верховного Совета¹⁷ на эту тему, и началось строительство. В Подмоскovie поселков было три: Абрамцево и два под Звенигородом. Место для нашего поселка выбрал крупнейший искусствовед, художник И. Э. Грабарь, у которого до этого была дача в поселке художников, недалеко отсюда. И вот на этом месте развернулось строительство. Оно велось около двух лет. Дачи сдавали постепенно, кто-то въехал еще в 1947 г., и поэтому мы отмечаем пятидесятилетие поселка в этом году. Кто-то – в 1948 г. и небольшая часть в 1949 г. Строили военнопленные. В самой верхней точке горки, если ехать в поселок, справа был лагерь военнопленных. Сейчас вы ничего этого не заметите. В этом лагере было две роты немцев, примерно 400 человек, и одна полурота пленных венгров, человек 80.

Как проходило строительство, сказать трудно. Во всяком случае, когда сюда попал я, на месте нашей кольцевой бетонной дороги была просто канава глубиной около метра, и въезд в поселок был не там где сейчас, а через теперешний проход между дачами 8 и 16. А здесь все было перекопано. Относительно казусов строительства я могу рассказать один случай. На меня он произвел гигантское впечатление, а стал я свидетелем этого события, так как был приятелем сына начальника лагеря, майора Мащенко.

Я приехал сюда на Новый 1948 год, на зимние каникулы. Мы с ним занимались с детекторными приемниками, и в это время поймали убежавшего военнопленного. (За три дня до этого убежал пленный немец, двадцатилетний парень.) Сбежать было очень просто, поскольку здесь был всего лишь один взвод охраны. Везде стояли только таблички с надписями по-немецки «запретная зона». В общем, он улизнул. Бежал он недалеко. Зима, холод, сами понимаете. Он устроился чистить снег на железнодорожной станции Хотьково. И через три дня его вернули. И надо же было так случиться, что я попал в барак к майору в тот самый момент, когда его привели. Меня поразили слова этого парня. Когда майор спросил, зачем он бежал, ведь осталось всего три месяца до репатриации, а теперь его могут отдать по суду и оставить еще на пять лет, он вытянулся в струнку, щелкнул каблуками и сказал: «Вам, господин майор, этого не понять, а я трое суток пробыл на свободе».

Вскоре после заселения в составе жителей стали происходить изменения. Дело в том, что в поселке было семь дач, у которых не было хозяев. То есть построено было дач больше, чем было

¹⁷ Имеется в виду постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 14 октября 1945 г. № 2638, уже упоминавшееся ранее.

академиков к 9 мая 1945 г. Эти дачи Академия сначала сдавала новым академикам и членам-корреспондентам, а потом их разрешили академикам продавать. Вот таким образом обновлялся и менялся состав жителей поселка. Поскольку дачи могли продавать только членам Академии, новые жители тоже были исключительно академиками и членами-корреспондентами.

Я могу вам привести имена некоторых живших здесь в разное время ученых. Здесь жили люди, которые внесли гигантский вклад в нашу ядерную программу: М. А. Леонтович и А.А. Бочвар. В ракетную программу: М. В. Келдыш, М. К. Тихонравов – автор первой жидкостной ракеты, инициатор запуска первого спутника, достаточно сказать, что он написал 500 писем Сталину по этому вопросу. До сих пор здесь живет один из крупнейших деятелей этой отрасли Б. В. Раушенбах. Здесь жили одни из самых знаменитых математиков: И. М. Виноградов и Н. М. Крылов. Математиком был и ректор университета, член Президиума Верховного Совета СССР И. Г. Петровский.

Были люди и других профессий. Металловед Гудцов. Он по совместительству был автор подкалиберного снаряда, что для металловеда вещь несколько неожиданная. Н. Н. Семенов – автор теории цепных реакций, Нобелевский лауреат. Автор теории лазерно-цепных реакций Тальрозе. Стечкин представлял авиационную промышленность.

Здесь жил и написал свои последние романы выдающийся писатель И. А. Ефремов¹⁸. Лучшие им написаны здесь: «Лезвие бритвы» и «Таис Афинская».

Александр Андреевич Тимофеев (1924–2008).

Внук академика Л. И. Прасолова. Инженер, специалист в области радиоэлектроники.

Надо сказать, что, несмотря на случившийся побег, немцы-строители здесь содержались довольно свободно. Когда я здесь появился в 1948 г., они свободно ходили по территории поселка. И вот с одним немцем я познакомился. Он был скрипач, попал в плен под Сталинградом. Мы с ним дискутировали по поводу музыки. Он мне пытался доказать, что немецкая музыка превыше всего. А я его убеждал, что и русская тоже ничего себе. Но потом, не находя достаточно аргументов, я всегда скатывался на то, что

¹⁸ И. А. Ефремов (1907–1972). Палеонтолог. Доктор биологических наук. Писатель-фантаст. Автор романов: «Туманность Андромеды», «Лезвие бритвы», «Час Быка», «Таис Афинская».

«мы вас все-таки побили»¹⁹. Кончался спор всегда тем, что я приносил ему бутылку водки.

К именам академиков, названных Юрой, добавлю, что гуманитарные науки здесь были представлены блестящим филологом В. В. Виноградовым. Были врачи. Жил крупнейший патологоанатом А. И. Абрикосов. Были представлены геологические и географические науки: Д. С. Белянкин, И. Ф. Григорьев, Л. И. Прасолов.

Первым председателем правления поселка был С. И. Миронов. Очень симпатичный человек. Здешние жители любя называли его «Степанидой». Тогда собрания поселка проводились на нынешней спортивной площадке. Собрания проходили, не в обиду будет сказано нынешним владельцам, куда более живописно, чем теперь. На площадке стояли стулья. Сидели маститые академики, пожилые люди. Среди них порхали их жены. То укрывали мужей пледом, то раскрывали, это зависело от погоды. Поскольку мой дед плохо слышал, обычно на собрания делегировали меня. Я там, конечно, скромно в сторонке стоял, поскольку был еще совсем молодым человеком. Первое собрание, на котором я присутствовал, было посвящено такому любопытному явлению. Дело в том, что каждый владелец вносил в кассу поселка специальный целевой взнос – 2000 рублей²⁰. Из этого создавался фонд поселка, примерно 100 000 рублей, на проведение экстренных мероприятий: ремонта и тому подобного. И вот в один прекрасный момент, когда ревизионная комиссия решила проверить наличие этого фонда, оказалось, что никаких денег нет, а в ящике, где они должны были храниться, лежала только записка: «Уплочено поселку художников за перевоздохлой лошади 150 рублей». Естественно, что тогдашнего управляющего Исаева (его домик был тут на входе в поселок) призвали к ответу. Но как быть, рецепта никто из академиков не знал и не мог дать. Тогда встал Н. М. Крылов и сказал: «Коллеги, мы находимся в очень затруднительном положении. Вот если бы это произошло раньше, я бы мог вам дать совет. В 1912 г. у меня было небольшое имение на Украине, под Полтавой. Мой управляющий тоже проворовался. Я тогда вызвал исправника, и его выпороли. Сейчас мы такого сделать не можем. Поэтому единственный выход из положения сейчас – это снова

¹⁹ В начале Великой Отечественной войны А. А. Тимофеев был командиром комсомольского противопожарного отряда в блокадном Ленинграде. В состоянии острой дистрофии был вывезен оттуда по «дороге жизни». После прохождения курса лечения был мобилизован и участвовал в боях на Кавказе, где был тяжело ранен. Демобилизован в конце войны в связи с ранением.

²⁰ По другим источникам (письмо академика К. И. Сатпаева правлению дачного поселка академиков Абрамцево от 8 августа 1951 г.) вступительный взнос составлял 1000 рублей. Количество денег указано в их значении до денежной реформы Н. С. Хрущева 1961 г.

собрать по 2000 рублей». На что все согласились. А управляющего все-таки выгнали.

Кроме всего прочего, здесь в поселке еще была довольно интересная компания молодежи в возрасте 19–20 лет. Тогда процветали спортивные игры, особенно волейбол. Спортивной площадки хорошей тогда в поселке еще не было. Играли в дубовой роще. Приходили играть и из Хотькова. Наша молодежь все окрестности поселка обсмотрела, были всякие походы, лыжные, велосипедные, пешие.

Игорю Эммануиловичу Грабарю за то, что он выбрал для поселка это место, надо сказать огромное спасибо. Помимо красоты, которая нас здесь окружает, это место еще и святое, тесно связано с русской культурой. Рядом с нами расположен музей «Абрамцево», который мы все хорошо знаем. Тогда он был не таким, как сейчас. Не было организованных экскурсий, народу было мало, приезжали только энтузиасты. Когда я побывал там первый раз, его директором был Всеволод Саввич Мамонтов²¹ – старший сын бывшего владельца усадьбы Саввы Ивановича Мамонтова. Очень был интересный старичок. Любил рассказывать, как здесь все было при его отце, какая жизнь была в усадьбе. Рассказывал массу интересных подробностей. У него был такой характерный профиль – без переносицы. В музее есть его портрет мальчиком, сделанный молодым Серовым. Он любил встать рядом и спросить: «Ну как, похож?» Он нам рассказывал и показывал места, где писали свои картины великие художники. Вот, например, бугор на картине Нестерова «Явление отроку Варфоломею» написан в долине реки Вори, и до сих пор можно найти это место. На многих их картинах можно узнать здешние пейзажи. Показывал нам пруд, где Васнецов написал свою Аленушку. Серов, Врубель, Васнецов, Коровин, Нестеров – все они были тесно связаны с семьей Мамонтовых. Художники были там своими людьми.

Абрамцевскую церковь в усадьбе строили исключительно силами семьи Мамонтовых и их знакомых художников. Рассказывал мне, как строили. Не было никакой наемной силы. Врубелевская керамика, росписи художников. Врубелем были созданы мастерские и сделаны все изразцы. Еще рассказывал Всеволод Саввич, что весь склон абрамцевской усадьбы к Воре представлял собой цветник, необыкновенной красоты. Розы, экзотические цветы. Были и оранжереи. В оранжереях выращивали экзотические фрукты, в частности ананасы. Любимым маршрутом молодежи семьи Мамонтова была тропа вдоль ручья Яснушки к роднику и дальше. Они пили воду только из этого родника. А Аксаковы эту

²¹ В. С. Мамонтов по приглашению президента Академии наук С. И. Вавилова был хранителем музея-усадьбы «Абрамцево» с 1948 по 1951 г.

воду возили и в Москву. Кроме того, они любили и дубовую рощу. Это было место отдыха семьи Мамонтова. Туда они часто выезжали на целый день, на пикник. А теперь мы там собираем грибы. Еще в начале существования поселка там не было теперешнего мелколесья, а были большие лужайки с великолепной зеленой травой.

Очень интересные здесь и окрестности. Например, деревня Ахтырка, бывшее владение князей Трубецких. Церковь в деревне построена во времена Елизаветы Петровны по рисункам Петра I. Там можно видеть полное смешение стилей: европейского, голландского, русского. Усадьба Мураново от нас в восьми километрах. Совсем недалеко деревни Артемово и Жилкино. В мои молодые годы в Жилкино еще сохранялись следы помещичьей усадьбы. Фундамент разрушенного барского дома был еще хорошо виден на берегу явно искусственного каскада жилкинских прудов. Сохранялся парк, который спускался уступами к пруду. Деревня Глебово принадлежала графине Козловской. Был там и барский дом. Дружили ли они с Мамонтовыми, мне, правда, неизвестно.

Этим я хочу закончить и сказать еще раз, что нам очень повезло, что мы являемся жителями Абрамцева. Здесь каждый день нам открывается великая красота подмосковной природы. Мы питаемся той же художественной аурой, что и приезжающие сюда художники и артисты. Кроме художников сюда приезжали Шаляпин и артисты частной оперы Мамонтова. Здесь они репетировали и создавали свои спектакли. Именно здесь звучал великолепный бас Шаляпина. Скажем спасибо этому святому месту.

Георгий Александрович Заварзин (1933-2011).

Внук академика Б. Л. Исаченко. Академик РАН, микробиолог.

– Застали ли Вы здесь строителей-военнопленных?

– Приехав на школьные зимние каникулы в январе 1949 г., я еще застал их барак и охрану из солдат, но немцев я уже не видел. По-моему, они уже были репатриированы. В конце 1949 г. или в начале 1950 г. исчез и сам барак лагеря военнопленных в дубовой роще. Он стоял напротив дома первого управляющего поселком Исаева.

– Знаете ли Вы, каким образом были выбраны места для академических поселков?

– Относительно выбора места для подмосковных академических поселков знаю только легенду. Она состоит в том, что сам президент Академии наук Сергей Иванович Вавилов, надев ботинки сапоги, искал по лесам места для поселков. Центральным

из трех поселков была Мозжинка под Звенигородом. Недалеко от нее в то время находился большой академический санаторий, и инфраструктура этого санатория, главным образом, санитарная и медицинская, была использована для обеспечения этого академического поселка. Место для академического поселка в Абрамцеве тоже было выбрано вблизи тогдашнего академического санатория – дома отдыха. Это очень существенно. Примерно там, где сейчас на задах нынешней территории музея стоит разрушенный каменный дом, располагался большой деревянный корпус. Бараком его назвать было нельзя, в нем были отдельные комнаты. В наибольшей степени санаторий использовался как дом творчества. Туда приезжали научные работники и в абрамцевской тишине работали. А каменный дом, ближайший к теперешнему входу в музей, расположенный напротив главного усадебного дома, был «медицинским». Там была водолечебница. В 1952 и 1953 гг. я ходил туда лечиться – делать аутогемотерапию. Там был душ Шарко и всякие подобные вещи. По-моему, это все исчезло в первые годы правления Хрущева. Тогда санаторий передали профсоюзам. Иностранцев, которых, как мне говорили, там поселили сразу после этого, я не помню. В эти периоды у меня были полевые работы, и я приезжал сюда летом не больше, чем на неделю. А вот «плохой профсоюз», который привел там к разрушению всего, помню отлично и отдыхающих того времени, разгуливающих с гармошкой по нашему поселку, буквально под моим окном. Надо сказать, что потеря этого академического дома творчества при музее была существенной. Просто чрезвычайной. Он был маленький, и там можно было комфортно и плодотворно работать, как делали здесь многие из поколения научных работников, идущего передо мной.

– Таким образом, Вы считаете, что местоположение академического поселка определялось близостью академического санатория или дома творчества?

– Да, да! Поселки строили при академических санаториях. Общая идея была такая. Были и другие, не столь очевидные. Но при возникновении поселка в Абрамцеве под присмотром С. И. Вавилова совершенно ясна причина выбора места. Он должен был быть расположен по Ярославскому шоссе²². Ну и контингент в этом поселке подбирался соответствующий.

22

Мне не удалось точно выяснить ни у Г. А. Заварзина, ни у других жителей поселка, что имеется в виду. В Абрамцеве, как и в других академических поселках, жили академики, принимавшие участие в работе над атомным и другими стратегическими проектами. Факт наличия предприятий закрытого типа в подмосковных городах, расположенных по Ярославскому шоссе и Ярославской железной дороге, хорошо известен. Вероятно, род деятель-

– Что значит соответствующий? Объясните, что Вы имеете в виду?

– Это вычисляется при анализе имен здешних жителей: Келдыш, Бочвар, Виноградов, Вольфович...

– Их всех связывала работа по закрытой тематике? Космос, атомный проект?

– Да нет, это просто ось, по которой располагались, например, институт Королева и ряд других закрытых институтов.

– Вы считаете, что поселок Абрамцево специально построили недалеко от закрытых институтов, расположенных по Ярославскому шоссе, и поселили в нем ученых, которые в них работали?

– Мне это кажется очевидным.

– Вы думаете, что академикам не давали выбирать поселок по собственному желанию, а, так сказать, группировали в соответствии с областями их научной деятельности и научных взаимодействий?

– Достоверно я могу рассказать только про выбор моего деда Бориса Лаврентьевича Исаченко. Я знаю, как это было, со слов матери. Его выбор был очень прост. Он просмотрел списки, кто будет жить в Луцино, кто в Можинке, и выбрал место, где нет знакомых. Вот что определило его выбор. Вот один из вариантов решения проблемы, как добиться уединения и оказаться изолированным от всех академических дряг и слухов. Но он прожил здесь всего две недели. Это был 1948 г. Время августовской сессии ВАСХНИЛ²³. Тогда же появилась Лепешинская²⁴, а потом вся эта серия событий 1949, 1950 гг. Он во время этой сессии пережил большой нажим в смысле попытки разгрома Института микробиологии, директором которого был. Ему тогда удалось ограничиться минимальным покаянием, несмотря на очень активную

ности академиков, которых перечисляет Г. А. Заварзин, был с ними связан. Подтвердить эту версию в рамках данного издания не представляется возможным.

²³ Сессия ВАСХНИЛ проходила с 31 июля по 7 августа 1948 г. Официальное название сессии «О положении в биологической науке». Вошла в историю произошедшим на ней административным разгромом генетики и торжеством так называемой «мичуринской биологии», апологетами которой были Т. Д. Лысенко и его приспешники, поддерживаемые партийным руководством СССР.

²⁴ О. Б. Лепешинская (1871–1963) – участница революционного движения, биолог, академик АМН СССР (1950). Утверждала, что своими исследованиями доказала, что не клетка, а некое живое вещество является носителем жизненных процессов. Природа самого этого вещества не устанавливалась. Эта теория была подхвачена противниками клеточной теории и использована последователями мичуринской биологии в своих целях. Развернувшаяся идеологическая борьба привела к дальнейшему кризису в биологии. На этом фоне Лепешинская была отмечена правительственными наградами. Представление о неклеточной структуре живого вещества в дальнейшем отвергнуто как не получившее подтверждения.

партийную группу. При нем, естественно, состоял «латышский комиссар», в общем, имелся весь «набор» тогдашнего времени. Но он сумел институт из-под разгрома вывести и на этом надорвался. Приехал сюда он в начале ноября 1948 г. Ехали тогда еще по окружной дороге, которая была очень плохой. И 7 или 8 ноября у него был удар, и 18 ноября он здесь скончался. В результате его смерти я от «академической» жизни того периода был полностью устранен, да и возраст мой был еще совершенно несознательный. В семье эта «несознательность» поддерживалась всеми возможными способами, вплоть до полной изоляции от каких-либо событий. Это проделывалось в семье виртуозно. Проделывалось «выжившими». Они следили за этим очень внимательно, и это замечательно ловко им удавалось. Мальчиком я жил в семье деда. Сам я ленинградец.

– *Почему Сталин решил подарить дачи академикам?*

– Точно потому же, почему маршалам и генералам. Это были одновременные мероприятия. Признание роли Академии в победе, так же как и заслуг военных. Все это было сразу после войны, естественный акт победной эйфории. Среди общего количества подаренных дач основное место занимали генеральские дачи. Для них выделялись участки в гектар и в полгектара. Академики по величине выделяемых участков были приравнены к маршалам. В случае с нашими поселками это было еще и освоение финских репараций.

– *Мне казалось, Сталин мог признать роль Академии в победе, а мог и не делать этого.*

– Сталин был исключительно прагматичный человек. Интересы дела для него всегда были на первом месте.

– *Какова в случае с академиком была эта «прагматика?»*

– В этот момент Сталину стало совершенно ясно, что выигрыш будет в техническом совершенствовании государства. Техническое совершенствование – это Академия наук, ее верхушка. И поэтому он запустил механизм мирного, так сказать, выделения и поощрения научной элиты. Кто сюда попадает? Сюда попадают все академики. Кто это? С одной стороны, старые заслуженные, перезаслуженные академики, создающие репутацию, например, Комаров, который ни с какой оборонной тематикой не был связан и не был к ней допускаем. (Его деятельность на последнем этапе в качестве президента была даже вредоносной для Академии.) А с другой стороны, это люди молодые, такие как Келдыш, Бочвар, которые совершенно явно обещают обеспечить следующий этап технического и оборонного развития страны. Вам известна история с теплым шариком?

– *Нет, что это за история?*

– Не знаете, ну да ладно. Была такая историйка²⁵. Так или иначе, ясно, что эти дачи были знаком признания Сталиным лидирующей роли науки. В этой связи я хочу ответить на вопрос, по какому образцу были созданы эти поселки. Как Вы знаете, сам Сталин работал на даче. У него существовало свое представление о работе, стереотип. Он заключался в следующем: дача-охрана. Вот таким именно способом он эти поселки и построил. Большой дом – дача владельца, маленький домик – помещение для его охраны. Так были запланированы эти дома. Совершенно четко в соответствии со сталинским стереотипом мышления. Предполагалось, что здесь академики будут работать. Мой дед Исаченко, получив дачу в 77 лет, рассчитывал в верхней комнате устроить себе лабораторию. Отойти от дел и по методу великих предшественников иметь домашнюю лабораторию, необремененную сколками и административными обязанностями. Идея абсолютно призрачная, безнадежная. Лаборатория Капицы²⁶ на его даче является штампом безнадежности этой затеи.

– У меня создалось впечатление, что академиком довольно быстро и ловко удалось избавиться от охраны.

– Это было по-разному. Моего деда Исаченко обсуждать не приходится, поскольку он умер в 1948 г. Охрана Немчинову, может быть, и была нужна, но не просматривалась. Охрана Келдышу в поселке тоже была не нужна, так как он находился в другом месте.

– Охрана А. А. Бочвара, когда он был на даче, присутствовала?

– Это я даже не обсуждаю. Это очевидно. В общем, все академики с этой точки зрения оказались разными. Охрана 89-летнему историку Випперу была не нужна. 74-летнему Абрикосову тоже.

– Значит, подарок научной элите должен был соответствовать представлениям самого Сталина и не мог идти с ними в разрез?

– Да, в 1946 г. таков был стереотип. Например: вот машина, а вот шофер, который следит за перемещениями того, кого он возит.

– Как, по Вашему мнению, академики отнеслись к этому подарку?

– Среди поселившихся здесь, согласно первичному списку академиков, совершенно очевидно можно заметить две тенденции в их отношении к подаренным дачам. Одна: «Это все чрезвычайно

²⁵ Имеется в виду легенда о том, что А. А. Бочвар, вызванный к Сталину, привез ему синтезированный плутоний. На вопрос, как можно убедиться, что это тот самый материал, ему ответили: «Пощупайте, он теплый».

²⁶ Академик П. Л. Капица с 1946 по 1955 г. был отстранен от руководства Институтом физических проблем и помещен под домашний арест. Чтобы иметь возможность продолжать работать, он создал лабораторию на своей даче на Николиной горе.

временно и случайно. Момент послевоенной эйфории и никакой гарантии того, что я здесь проживу дольше нескольких лет, нет». Гарантии на этот счет, вообще говоря, не было ни у кого. И это было оправданно. Мы видим это на примере Григорьева. И непонятно, почему у него дача осталась²⁷. Тут обдумать не приходится, так как в те времена шла игра по определенным правилам. Другое отношение – «не временное». Можно сказать, что крайним представителем отношения к даче как к чему-то «временному и бросовому» был, конечно, М. В. Келдыш. Дачу он получил, но он сам находился в других местах, а здесь жила его семья. На моей памяти он приезжал сюда считанные разы. Один или два раза. Во всяком случае, в первый период существования поселка его здесь не было. И его приезд был событием. Другие жители устривались жить более или менее постоянно. Сажали на участке плодовые деревья, чистили дубы, нанимали садовника и прочее.

– *Что Вы помните о поселке того времени?*

– Естественно, что дети этого самого круга, куда входили и отпрыски «свежесоздаваемых»²⁸, уже Вавиловым, академиком, составили в Абрамцеве некий клуб. «Свежим», например, был Микулин, академик четкой технической ориентации. По возрастной категории это был клуб, скажем так, старшеклассников, тинэйджеров. Я был в этом клубе одним из старших. Нас было примерно человек двенадцать, шесть из них были постоянными его членами. Клуб собирался на площадке. В основном это были дети академиком и их внуки. Например, Ю. Старк²⁹, подходящий под категорию внуков, был постоянным «компонентом» этого общества. Клуб был довольно живой.

– *Дети в нем были интересные? Вы уже были достаточно взрослый, чтобы это оценить?*

– Естественно.

– *В какой-то степени это общение было вынужденным из-за совместного проживания в поселке. Это не мешало?*

– Да, в какой-то степени вынужденным. Но контингент был, конечно, элитный, интересный. Все-таки это были дети

²⁷ См. интервью с Ф. И. Григорьевым (с. 74–78), а также приведенные сведения о И. Ф. Григорьеве (с. 29).

²⁸ Имеются в виду первые после войны выборы в Академию наук 1946 г. Это были выборы, проходившие при новоизбранном президенте Академии С. И. Вавилове.

²⁹ Ю. С. Старк (1935–2001) – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры теоретической физики МИСиС. По окончании Московского института стали и сплавов преподавал там же до конца жизни. В течение многих лет являлся председателем Приемной комиссии МИСиС и заместителем заведующего кафедрой.

интеллектуальной элиты, что ни говори. Вот такая компания здесь крутилась. Я буду перечислять мальчиков. Юра Бочвар (отец лауреат Сталинской премии, академик), Иосиф Атабеков³⁰ (сам будущий академик), Юра Старк (внук члена-корреспондента), я (внук академика), погибшие потом мальчишки-близнецы Уразовы (приемные дети академика), Саша Микулин³¹ (сын академика). Ну, он – это совершенно особый разговор, своеобразная линия развития. Виноградов Алексей, племянник академика, состоял в компании, но не входил в основное ядро. Дачные романы процветали в очень малой степени. Почему-то это не очень было принято. Потом какое-то время в связи с экспедиционной работой я стал здесь бывать реже.

– *Здесь общение было интересней, чем в школе, или школа Ваша была тоже элитной?*

– Почему, простая школа напротив дома. Следует отметить, что школа того периода была очень своеобразной. Она была под сильнейшим контролем Берии. И учителя проводили «сортировку» тех десятиклассников, которые остались. Потому что дети моего года рождения (1933 г.) еще были. Тех, кто родился в 1932, 1931, было меньше, а дальше провал, там пусто, никого нет. Школа очень тщательно проводила отбор. Это начиналось на уровне девятого класса, а в десятом была сортировка и отбор тех, кого пускали в *нужное русло*. Система работала очень четко и очень основательно, с большим количеством «перепроверок». Исполнителями «перепроверок» были старшие по возрасту, попадавшие в школу после армии. Так продолжалось и в университете, в котором я учился тоже в бериевские времена. И эта система «селекции», в общем, себя оправдала. В этом поколении это было совершенно оправданно: целевой отбор молодых при очень большой потере людей, принадлежавших к интеллигенции.

– *Что же выходит, система сама сажала и сама отбирала?*

– В этой связи нужно вспомнить ответственность Берии за, так сказать, «технический прогресс». Система в этом случае работает и туда, и сюда: «кнут и пряник». Возможность «пряника» была очень незначительная. Закрытые города, тоже мне, хорошенький «пряник»! А вот «палка» была, будь здоров! Конечно, и наша, создавшаяся тогда совершенно естественно детская структура поселка, не была безнадзорной.

³⁰ И. Г. Атабеков (1934 г. р.) – вирусолог, молекулярный биолог. Академик РАН с 1992 г. Член Академии Европы. Его отец был репрессирован как этнический немец. Был усыновлен своим родным дядей Г. И. Атабековым.

³¹ А. А. Микулин (1935 г. р.) – каскадер, разработчик, постановщик, руководитель технических (авто-мото) трюков.

– Ну да? Даже здесь!

– Да!!! Это было, но это я вспоминать не буду.

– *Детские компании все примерно одинаковы. Чем все были заняты? С Вашей точки зрения эта первая компания отличалась от всех последующих, например, компании Ваших дочерей?*

– Был футбол в дубовой роще. Она тогда не была изуродована этими дурацкими посадками липы. Футбол на спортивной поселковой площадке, там же танцы под пластинки разного происхождения. Игра в «гоп-доп» (монетка). Позднее появились карточные игры типа «Кинг». Но это как-то не прижилось. В карты практически не играли. Не забывайте, что я вернулся сюда уже в качестве студента первого курса. В 1948 г. смерть деда, в семье которого я жил, обрушила жизнь. Родители были научными работниками в должности от младшего до старшего научного сотрудника. Они получили это наследство (дачу), которое просто физически не могли вытянуть, содержать. Как-то дом стал существовать более или менее надежно только уже в 1953, может быть, в 1955 г.

– *Дача никогда не теряла для Вас ценности?*

– Ни в какой степени. Все, что мной написано³², сделано здесь. Вот на столе, за которым я сейчас сижу, лежит чертежная доска моего отца. Он был достаточно известным архитектором³³.

– *Правильно ли я поняла, что как только Вы стали заниматься научной работой, то стали использовать дачу как место для работы?*

– На сто процентов. Вся «писанина» проделана здесь. Имеется в виду не лабораторная работа. Вот в этой верхней комнате.

– *Было что-нибудь особенное в нашем поселке? Сохранилось ли это сейчас?*

– Было!!! Ранняя специфика Абрамцева была совершенно жесткой: никакого шума на улице, никакого движения на ней. Велосипедисты сильно не поощрялись. Поскольку я был в их числе, знаю это точно. Это было место для тихой работы. Никакие шумы не должны были выноситься за пределы участка. Известна исто-

³² Г. А. Заварзиным опубликовано 280 научных работ по физиологии литотрофных микроорганизмов, экологии и систематике бактерий. В том числе монографии: «Литотрофные микроорганизмы» (1972), «Фенотипическая систематика бактерий – пространство логических возможностей» (1974), «Водородные и карбоксилобактерии» (1978), «Бактерии и состав атмосферы» (1984), «Кальдерные микроорганизмы» (в соавт., 1989), «Введение в природоведческую микробиологию» (в соавт., 2001), «Лекции по природоведческой микробиологии» (2004).

³³ А. А. Заварзин (1900–1980) в числе прочих работал над проектами памятников П. И. Чайковскому, А. С. Грибоедову и Ф. Энгельсу в Москве.

рия с Понтрягиным, который выражал недовольство тем, что петухи кукарекают.

– У кого же здесь они кукарекали?

– У кого-то был свой домашний петух. Тогда это было совершенно строго: Абрамцево – место работы великих мира сего. Великих ученых. Штамп был совершенно жесткий.

– Считаете ли Вы, что любовь детей (детей в широком смысле, принадлежащих к разным поколениям) к Абрамцеву связана в значительной степени с тем, что здесь у них было интересное общение из-за высокого интеллектуального уровня компании?

– Да. До последних пятнадцати перестроечных лет Абрамцево продолжала населять либо академическая публика, либо их наследники. Наследники ведь представляли собой тоже специфическую публику. Академические наследники, как ни крути, люди, выросшие в определенной атмосфере. Атмосфере непрерывной работы. Такой пример был у них перед глазами. Потому что, что бы вы ни говорили, академик – это прежде всего усидчивость. И вся атмосфера определялась, конечно, этим. Сейчас все это рухнуло.

– Ну, здесь меньше «рухнуло», чем в Мозжинке.

– Существенно, что в Мозжинке был клуб, который служил местом общения. Здесь такого нет. Б. Л. Исаченко выбрал Абрамцево, чтобы общения как раз не было. Бочвар, Келдыш – вся эта линия устранилась от общения целиком. И. Г. Петровский (ректор МГУ) в общении не нуждался. Его было с избытком. В первую очередь, он нуждался в одиночестве.

– Считаете, что дополнительного еще и дачного общения академикам не было нужно? Это определялось тем, что они друг друга хорошо знали, если не по работе, то встречались на заседаниях Академии, комиссий? Кроме того, многие были соседями по московским квартирам, жили вместе в эвакуации. Круг-то был узкий, да и времена были суровые.

– Вот именно.

– Не знаете, кем по специальности был Крылов, первый владелец дачи № 19? Кто-то меня уверял, что он был кораблестроитель. Я не знаю его отчества, а Крыловых академиков – два.

– Нет. Наш Николай Митрофанович Крылов – очень яркая и примечательная фигура. Действительно, большой математик. Кораблестроитель был инженером. Келдышем того времени, прикладником.

– Кто еще здесь был такой же научной величины?

– Из математиков у нас еще жил И. М. Виноградов. Тоже фигура совершенно другого масштаба, чем «технические» академики». У меня о нем такие яркие, теплые воспоминания. Как об удивительно приятном, благорасположенном человеке. Совершенно не согласуется с тем, что о нем пишут.

– *С тем, в частности, что он был лютым антисемитом?*

– Возможно, он таковым и был. Но меня этот вопрос, признаться, мало интересовал. Для меня он человек, оставивший по себе яркую память, яркие рассказы. Мы с ним говорили о пермском период его жизни³⁴, там же в то время работал мой дядя, ленинградский гистолог³⁵, и мой отец. Эти рассказы были совершенно замечательные. Потом замечательными были его очень откровенные оценки расклада фундаментальных вещей в биологии. Им было произнесено совершенно не произносимое в тот период имя Гамова³⁶. Эти беседы с ним у него на даче очень мне запомнились. Он меня к себе пригласил. Я тогда написал работенку, еретическую (и до сих пор придерживаюсь этих взглядов), где был некий математический элемент³⁷. И вот он сказал: «Пойдем, я ее посмотрю и дам своим посмотреть, у себя в институте на улице Вавилова». А дальше начался «треп». Естественно односторонний, так как я сидел, развесив уши, слушая все эти истории поздних 20-х гг. Это было безумно интересно. Мы тут с ним совпали.

– *Он любил общаться, был блестящий рассказчик?*

– Очень сомневаюсь. Виноградов общался с очень ограниченным числом лиц.

– *Как Вы попали в это число?*

³⁴ Имеется в виду время преподавания И. М. Виноградова в Пермском университете.

³⁵ А. А. Заварзин (1886–1945) – академик АН СССР (1943), академик АМН СССР (1944). Один из основателей эволюционной гистологии. С 1916 г. профессор кафедры гистологии и эмбриологии Пермского отделения Петербургского университета, в 1922–1936 гг. Военно-медицинской академии. В 1936–1945 гг. заведовал кафедрами гистологии и руководил лабораториями в различных учебных и научно-исследовательских учреждениях Ленинграда. В 1932 г. организовал отдел общей морфологии Всесоюзного института экспериментальной медицины и возглавлял его до конца жизни. С 1944 г. директор Института цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР в Москве.

³⁶ Г. А. Гамов (1904–1968). Физик-теоретик. Дал первые квантово-механические объяснения альфа-распада, внес вклад в теорию бета-распада, выдвинул гипотезу «горячей Вселенной». Сделал первый расчет генетического кода. Эмигрировал из СССР в 1933 г, был лишен звания члена-корреспондента АН СССР. Его имя и достижения в СССР были под запретом.

³⁷ Имеется в виду монография Г. А. Заварзина «Фенотипическая систематика бактерий. Пространство логических возможностей» (М.: Наука, 1974).

– Я был просто «щенок», создающий публику одинокому старику. Это же не общение академиков друг с другом. Я создавал ему возможность выговориться монологом, глядя в понимающие глаза: «Тогда я еще ему расскажу про своих одноклассников». Наверное, так было в случае со мной. Разница все-таки есть, понимающие или «рыбы» глаза.

– *Эта встреча ведь не была случайной? Вы встретились в поселке академиков, где вместе жили с момента его основания. Фамилию Вашу он знал. Существовали благоприятные обстоятельства, для того чтобы Вы могли обратиться к нему, а он не отказал Вам в консультации по работе.*

– Да, это было не случайно. Конечно, я сам к нему «подкатился» со своей работой, но фамилия моя была ему знакома по Перми, и поэтому это было воспринято совершенно в ином ключе. Вообще-то мы все, академики, «жмемся», стараемся отделаться от излишних контактов. Вынужденное общение очень утомляет.

– *Что еще скажете?*

– Еще раз повторю. Первое: Абрамцево в течение очень длительного времени было местом уединенной работы научной элиты и, возможно, для некоторых продуктивной. Но в качестве места творчества Абрамцево не могло выполнить своей роли в полной мере из-за весьма преклонного возраста большинства академиков. Второе: Абрамцево было местом тишины, строго соблюдаемой. Третье: Абрамцево, в силу наследования, передачи или продажи дач только Академии, оставалось местом проживания научной элиты до самого последнего времени. Поэтому появившиеся здесь позже академики Н. В. Белов, Б. В. Раушенбах и другие были фигурами очень значительными, очень интересными. Потеря этого качества Абрамцева – большая утрата.

– *Так все-таки это было место общения?*

– Узкого, парного, выбранного по совпадению каких-то интересов и взглядов. С Вольфовичем, например. Это было перед падением Хрущева, как раз перед хрущевским «битьем»³⁸ биологии. Вот тогда была беседа про организацию голосования в Академии. С глазу на глаз.

– *Абрамцево давало возможность обсудить дела Академии строго с глазу на глаз?*

³⁸ К концу 50-х гг. после некоторой «оттепели» биология и Академия наук вновь стали подвергаться активному нападению со стороны Т. Д. Лысенко и его последователей, противников генетики. Н. С. Хрущев поддерживал Т. Д. Лысенко и его «теории», грозящие полным разгромом биологической науки в СССР. В 1961 г. он не допустил переизбрания президента Академии наук А. Н. Несмеянова, противника Т. Д. Лысенко.

– Да. Такие вещи были всегда. Естественно, это никуда не выплескивалось.

– Наверное, все-таки было по-разному – кто хотел, тот общался? Встречались на кругу, прохаживались, беседовали...

– Да, встречались на кругу и стремительно расходились. Потому что, основная задача Абрамцева тогда была – эрмитаж. Место уединения. И еще раз хочу подчеркнуть: здесь была ось Ярославского шоссе со всеми вытекающими последствиями. Бочвар, в какой-то степени Гудцов и Старк, потом группа геологов. У нас жил академик Шатский. А это была очень крупная фигура. Очень знаменитый океанограф, акустик. После него эту дачу «наследовал» Обреимов.

– К сожалению, тот факт, что значительная часть жителей поселка здесь была поселена не случайно, не приходил мне в голову. Ни в каких доступных мне источниках я этого не нашла.

– А Вы, естественно, прямо там ничего этого не найдете.

Наталья Александровна Калининкова (1938 г. р.).

Приемная дочь академика В. С. Немчинова. Экономист.

– Расскажите, как возник этот поселок?

– Вы, наверное, знаете, что эти дачи подарил Сталин академикам за работу в годы войны. Это финские домики, которые поставляли в Россию в рамках репарационных выплат. В августе 1948 г. была знаменитая сессия ВАСХНИЛ, на которой Немчинов, мой, в общем-то, отец, выступил против Лысенко. Он сказал, что теория Вейсмана-Моргана войдет в золотой фонд науки. Тогда это было исключительно смелое выступление, и на отца начались гонения. А мы жили, по сути дела, на государственной квартире, и нам стали намекать, чтобы мы ее освободили, что у нас есть дача. Практически выживали. Мы вынуждены были переселиться сюда. Когда мы приехали, поселок был еще не достроен. Это была, наверное, зима 1948 г.

– Как выбирали поселок?

– Абрамцево мама выбрала потому, что сюда все-таки можно было доехать электричкой и от нее дойти до дачи. В Мозжинке тогда не было автобусного сообщения со Звенигородом, в Луцино тоже³⁹. Кроме того, наш поселок выглядел гораздо симпатичнее, чем Мозжинка, где было много «влиятельных» академиков.

³⁹ Удаленность этих поселков от ближайшей железнодорожной станции Звенигород примерно 4–6 км. Электрички в Звенигород ходят редко и сейчас, а тогда и подавно.

– Бытует мнение, что сюда поселили менее «любимых» властью академиков. «Любимые» были собраны в основном в Мозжинке и Луцино. Их специальностями были марксистско-ленинская философия, история КПСС и другие гуманитарные науки, стоящие на службе политики тогдашнего государства.

– Нет, выбор был, это я вам точно скажу. Другое дело, что те поселки были, возможно, быстрее «захвачены», более приближенным предлагалось первыми выбирать. Но вот мама исходила из того, что сюда можно добраться от электрички пешком. У нас не было машины, была только казенная, поэтому она сделала такой выбор. Я знаю, что в Абрамцеве мама просмотрела построенные дачи и остановилась на той, которая уже принадлежала Келдышу. Она этого не знала. Когда выяснилось, что эта дача уже занята, она страшно расстроилась. Когда отпал участок Келдыша, она выбрала этот участок, № 5, просто на плане поселка. Но я считаю, что этот участок на самом деле удачней того. Дача была не достроена. Когда мама с папой въехали, большой дом был построен наполовину. А маленький домик с машинной комнатой был уже готов. Он предназначался для шофера и домработницы – там были две комнатки. Сейчас все дома уже перестроили, а тогда это было так. Начальник лагеря военнопленных (или, наверное, заместитель) попросился у нас в нем пожить, пока они строили. И мама разрешила. Поэтому с лагерем военнопленных мы тесно соприкасались. Этот заместитель начальника лагеря нам помогал по хозяйству: присылал к нам в помощь немца. Тот был бывший управляющий какого-то очень крупного имения в Германии. Помоему, его звали Ганс. Немцы вообще имели возможность свободного перемещения. Помню, мама привезет плодовые деревья разных сортов, его позовет, покажет. Он посмотрит, про какие-то скажет: «*Zehr gut, zehr gut, madam*», а про другие – ругался отборным русским матом. Я помню, в этом лагере даже одного крупного эсэсовца вычислили. Он находился в розыске. У них на территории лагеря был ларек, ну самый примитивный. Пленным давали какие-то ничтожные карманные деньги, и они старались купить что-нибудь из еды, а этот покупал на них туалетную воду, и этим он обратил на себя внимание. И его вычислили. А потом лагерь стали сворачивать. Лагерь уезжал частями, уезжали без озлобления, я не помню никаких эксцессов. Напротив дома первого управляющего была большая-большая поляна, вот лагерь на ней и стоял. Сейчас эта поляна заросла.

– Сколько времени просуществовал лагерь?

– Я думаю, он здесь был, пока не построили поселок. Наверное, года три. По тем временам строили его достаточно быстро.

– Строили дачи только немцы или были еще русские?

– Я не помню русских. Может быть, когда немцев вывезли, на строительстве последних домов и были русские, но наша дача к тому моменту была достроена. Нет, не думаю. Все-таки работа была хорошо сделана. Дома были сборные, но качественные, сами знаете, сколько лет они стоят. Если их поддерживать немножко, то они вполне еще приличные. Вот у нас на кухне стол, выложенный кафелем, его немцы делали. Он такой неуклюжий, страшный, но я его берегу, потому что вся моя жизнь и жизнь моих домочадцев прошла вместе с ним, за этим столом.

– Были среди военнопленных венгры или румыны?

– Может быть, и были. Но для нас они все были «пленными немцами», я их не делила по национальности. Вообще, они были беззлобные. Помню, был еще один военнопленный, он тоже приходил к нам подрабатывать. У него в Германии была жена, двое детей, он про них рассказывал.

– Им, что разрешали подрабатывать?

– Ну нет, конечно, нет. Но...

– А у вас в семье как к ним относились? Кормили?

– Да. Мама как-то приготовили капусту, сосиски, немца этого угощала. Он как это увидел, заплакал. Как-то не было в них злобы. Я до сих пор это чувствую. А вот как эсэсовца вычислили, это я помню хорошо. Был большой скандал.

– Дорога в поселок была, когда вы приехали?

– Да, дорога была. Она шла через уже несуществующий переезд за Гравиданом⁴⁰ и дальше. Дорогу строили специально для поселка, сделали поворот от Ярославского шоссе. Она была длиной 12 км, и столб с указанием «12 км» стоял как раз около нашего участка. Говорят, администрация Хотькова дала взятку, чтобы дорога прошла через город. Теперешняя новая дорога через Радонеж короче. Но я помню разговоры, что с этой нашей дорогой была связана какая-то история с Хотьковым и взяткой.

– Как протекала тогда жизнь поселка?

⁴⁰ Гравиданом до сих пор старожилы называют Московскую областную психиатрическую больницу № 5, расположенную на территории бывшего Государственного Института урогравиданотерапии, директором, которого был А. А. Замков, муж скульптора В. Мухиной. В 1933–1938 гг. здесь производился препарат гравидан, получаемый из мочи беременных женщин. Препарат в то время получил широкую известность и считался средством продления долголетия, также применялся в психиатрии и ветеринарии. В 1964 г. препарат исключили из фармакопеи. Железнодорожная станция «57 км» (ныне Абрамцево) была построена в конце 30-х гг. специально для этого института.

– Мы были самые первые, потом поселок стал заселяться другими жителями. Мама собирала всех детей знакомых, и они катались на розвальнях и прыгали с них в снег. Лошади, наверное, были как транспорт в лагере. В снег прыгали и с забора. Он имел другое устройство, чем нынешние заборы, был накрыт сверху широкой доской. На ней можно было сидеть, и вот с этой верхней доски и прыгали в снег. Снега в те времена было очень много. А потом началась обычная жизнь поселка. Поселок был тогда не такой, как сейчас.

– *А какой?*

– Тогда на участках было по одному владельцу – народу было мало. В правлении были только академики. Мама была членом ревизионной комиссии. Часто они собирались и у нас, на закрытой террасе, обсуждали дела поселка. Многие приходили к нам что-то выяснить.

– *Кого из первых владельцев Вы помните?*

– Был очень скандальный академик Крылов. Между ним и другими всегда происходили такие интеллигентские перепалки. Не помню, кого из Виноградовых он называл почему-то «Шляпой». Говорил: «Я вам честно скажу, – допустим, Иван Матвеевич, – Вы – Шляпа». Он был очень колоритный, очень язвительный, умный. Житья не давал никому. Помню обоих Виноградовых, Фесенкова, Петровского, Леонтовича, Семена Исааковича Вольфовича. Семен Исаакович очень был обаятельный человек. Потом, естественно, хозяева стали вымирать, дачи начали делиться. Первыми, кто разделил дачу между наследниками, были Випперы. Это была первая ласточка, а потом делились и другие, содержать дачи стало трудно. Вы помните, наверное, мы не имели права продать дачу никому, кроме Академии, и ее стоимость составляла 6 000⁴¹ рублей.

– *По-моему, потом 12 000 рублей.*

– Ну, все равно, сумма смешная. В поселке было мало машин. Я хорошо помню, что частных машин было три или четыре. Была машина у мужа сестры, Рема, и к нам очень часто среди ночи прибегали, просили везти, когда что-то у кого-то случилось. И так долго было. Совсем другая жизнь была, сейчас дух поселка изменился.

– *Вы говорите, академики обсуждали дела. О чем они говорили?*

⁴¹ Здесь и далее денежное значение указано в соответствии с денежной реформой 1961 г.

– Про это я не знаю, наверное, были хозяйственные дела. Все это хозяйство надо было поддерживать, дороги... Правда, все было еще новое.

– *А ходили они друг к другу в гости?*

– Вот этого я не помню. Но запросто без приглашения заведено не было, это точно.

– *Рабочих, обслуживающих поселок, было много?*

– Много. Конечно, не три, как сейчас, человека. Точно сказать не могу – не вникала, но ведь обслуживали целый поселок, все его механизмы.

– *Посадка растений на участках была индивидуальной затеей?*

– Да. У нас было очень много яблонь, штук двенадцать, сливы, клубника. Рос крыжовник, ягоды были размером со сливу, больше никогда такого не видела. Мама очень хотела участок, и когда они получили дачу, началась такая эйфория! Директор Главного ботанического сада академик Цицин был другом отца (Немчинова), он дал какие-то очень хорошие сорта саженцев, и мы размахнулись просто ужасно. А все это надо было обрабатывать. Конечно, кого-то нанимали. Но в основном мама ходила и раздавала всем домашним с утра «наряды», кто что делает. С тех пор я это сельское хозяйство терпеть не могу. Мама была натура широкая, щедрая. Собранный урожай в основном раздавала: «Для медпункта надо собрать, у них ничего нет, для родственников собрать». Родственников было много. Пока это доньшко покроется смородиной – изведешься! А потом это естественно сошло на нет, потому что поддерживать хозяйство в хорошем состоянии здесь очень тяжело.

– *Дорожки были на участке проложены?*

– Да. Были проложены и в заднюю часть участка. Я теперь туда не хожу, а раньше и там были дорожки. Сейчас наш участок очень зарос, и от них мало что уже осталось. Была дорожка прямо в лес. В заднем заборе была калитка, можно было туда выходить.

– *В лес ходили гулять далеко?*

– Да, далеко. Здесь лесами можно было пройти до Калистова, не натолкнувшись на жилье. Я помню, как кто-то из подростков заблудился, и они вышли только около Калистова. Вообще в те времена лес был очень чистый. За ним лесничество ухаживало, были просеки, валежник собирали, складывали. Я под каждым кустом знала, где какой гриб. Целенаправленно шла: вот здесь будут белые, здесь подосиновики. Сейчас я в лес просто не хожу. От того, что я помню, не осталось и следа, лес весь зарос. Вот Грабари, у них до этой была дача в поселке художников, так они еще до войны сюда ходили за белыми грибами. Я помню, как нам

мама говорила: «Пойдите, соберите мне белых пять-шесть штук, хочу сварить суп». Мы обегали участок и набирали. А сейчас грибы исчезли из-за травы, в основном из-за сныти. Жалко. Тогда почти сразу за участок, пройдешь примерно метров сто, и начиналась поляна – гектаров шесть-семь, и на ней старые дубы, березы. И когда бы ни пришел на эту поляну, там сидели художники. Она была необычайно красивая. А потом вдруг, лет наверно сорок назад или больше, ее лесничество наше засадило этими елками, причем так густо, что и пройти невозможно. Зачем ее испортили? Я знала все окрестности благодаря велосипеду. И по лесу мы гоняли, и в Хотьково ездили, надо было пропитание. Купаться ездили на Ворю. Вода была холодная, но чистая. А сейчас поехали. Боже мой! Ужасно! При нас речка была речкой.

– *Вы помните, с кем Вы тогда дружили?*

– Молодежи здесь было мало всегда. Моя сестра (старшая) очень дружила со Славой Грабарем⁴², сыном академика и его тогдашней женой Асей. С Таней и Юрой Овчинниковыми. Таня была и моей подругой. Она была дочерью одного из братьев Вольфовичей, Мирона Исааковича. У Захара Исааковича и Семена Исааковича не было детей, и она была единственным ребенком на три эти семьи. Сам Мирон Исаакович, хороший врач, в начале 50-х гг., уехал, по-моему, в Иркутск. Он проработал там примерно 15 лет, и никак после «дела врачей» не решался вернуться. Дружила я еще со Светланой Келдыш. Но они быстро отсюда уехали, получив дачу в Жуковке. Дружили с Леонтовичами, конечно. Они жили на даче зимой. Здесь и дети их в школу ходили. У них в домике жил первое время Кирилл – мальчик моего возраста. А вообще, молодежи в поселке было скучно. Не было места сбора, в общем скучно. Очень редко мы все вместе ходили в кино, в дом отдыха. На танцы туда нас не пускали. Поэтому молодежь отсюда пыталась улизнуть. Да и сейчас так же, наверно. Дача, она для малых и старых.

– *На даче у Грабарей были какие-нибудь веселые сборища?*

– Да, были, и очень веселые. Они всегда устраивали какие-то спектакли, розыгрыши, газету выпускали. Праздники были совместные для трех дач. Но они общались больше с моей старшей сестрой – она была ближе им по возрасту. У нас были дети одного возраста, и поэтому эти три дачи – Вольфовичи, мы и Грабари – очень тесно общались.

– *В музей вы ходили?*

⁴² М. И. Грабарь (1925–2006) – математик, сын И. Э. Грабаря.

– Господи, да мы там катались на велосипедах, там же не было ни забора, ничего. Мы когда со станции шли, всегда поднимались по дорожке музейной. Потому что она тенистая была. На Врубелевской скамейке сядешь, посидишь.

– *Территория музея не была огорожена?*

– Нет, или стоял такой забор, что можно было пролезть. По территории музея и санатория мы все время катались на велосипедах. Никакой ограды и нынешней прозрачной защиты над скамейкой Врубеля не было. Все ее изразцы исковырены были.

– *Вы помните, как исчез памятник Сталину?*

– Ну так же, как и везде. Вечером погуляли, утром пришли на это место, а там нет ничего, как будто и не было там его никогда.

– *Что еще расскажете?*

– Я помню историю с Грабарями. Время было такое. Грабари дружили со многими, кто не был угоден тогдашним властям, собирались компанией на даче. Как-то я иду по участку, собираю грибы. Дошла да конца и вдруг вижу – окопчик, трава наложена бруствером, и лежит человек на нашем участке в уголке, рядом с забором Грабарей. Он увидел меня и прижимает палец к губам, мол, молчи. Следил за ними. К ним много интересных людей приезжало, например, Есенин-Вольпин⁴³. Генриха Белля⁴⁴, я знаю, на дачу к ним не пустили. Конечно, они были тогда как бельмо на глазу.

– *Знаете, что в поселке существует версия, что люди из КГБ сожгли им дачу.*

– Очень может быть, в то время они все могли.

– *Ваша дочь выросла на этой даче?*

– Дочка родилась в 1962 г. Мы жили на даче в тот год до ноября. Я помню эти печи! Сами топили, дрова заготовливали. Помню холод, сырость, пеленки, которые не сохли. Когда дочка подросла, она дачей не тяготилась. Была компания. Дружила с Заварзиной Лизой, Катей Грабарь, Старками, Ениколоповым Колей. Она примерно их возраста.

Тамара Михайловна Штрикова (1932 г. р.).

Дочь поселкового рабочего М. А. Штрикова. Медицинский работник.

– *Как Вы попали в Абрамцево?*

⁴³ А. С. Есенин-Вольпин (1924 г. р.) – математик, публицист, поэт, один из первых участников диссидентского движения.

⁴⁴ Г. Белль (1917–1985) – немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии. Был знаком с семьей М. И. Грабаря и его жены Е. Л. Копелевой.

– Отец всю войну проработал в госпитале, который был размещен на территории санатория Абрамцево. А он, в свою очередь, располагался на территории музея Абрамцево. Я с матерью всю войну была в Смоленской области. Накануне окончания войны отец нас разыскал и приехал забирать. Мы с мамой жили очень тяжело. Но я же должна была окончить четвертый класс и сдать экзамены, поэтому отец увез только мать. Я там еще осталась и приехала сюда уже летом 1945 г. Он привез нас именно сюда, в усадьбу Абрамцево. Сначала мы снимали часть дома в деревне Быково и прожили там первое лето и зиму, а потом жили уже при самом санатории. Там на территории, на краю поля, стоял частный дом. Сейчас там живут Зеленковы, а тогда жили мы. Сразу после окончания войны госпиталь ликвидировали и устроили здесь летний пионерский лагерь. А потом уже организовали санаторий Академии наук. Санаторий был маленький, не больше чем человек на шестьдесят. В каменном доме, в котором сейчас галерея современных художников, были процедурные кабинеты. Там был зубной кабинет, душ Шарко. Воду брали прямо из Вори и использовали для всех тамошних нужд. Она же использовалась как питьевая. В Быкове воду из Вори тоже использовали как питьевую, женщины носили ее с реки ведрами на коромыслах. Воря была тогда шире. Вода была чистая, светлая.

– *Что было тогда в домах, которые принадлежат сейчас музею?*

– Никакого музея там не было. Они стояли бесхозные. Помещение церкви было открыто. Мы там играли в прятки. А избушка на курьих ножках была нашим любимым местом игр. Во что мы там только ни играли. И в «садовника» и, бог знает, во что еще... В самом мамонтовском (главном) доме жили люди, которые остались здесь после ликвидации госпиталя. В теремке, который банька, жил директор санатория. Основной дом и все при нем, что сейчас музей, были очень долго бесхозные. Когда я уже работала, приехала из Средней Азии, там появился некто Пахомов⁴⁵ (наверное, он был из Министерства культуры), стали немножко следить за территорией.

⁴⁵ *Н. П. Пахомов* (1890–1978) – искусствовед, литературный критик, признанный лермонтовед, кинолог. В 1948(9)–1967 гг. был директором Музея «Абрамцево». В качестве специалиста по творчеству и иконографии М. Ю. Лермонтова восстанавливал поместье поэта в Тарханах. Организовал музеи Лермонтова в Москве и Пятигорске. Как специалист-кинолог написал несколько книг о гончих собаках и охоте с ними. Принимал участие в организации егерских хозяйств. В 30-х гг. работал старшим охотоведом Военноохотничьего общества. Был известен в литературных кругах как владелец прекрасной библиотеки. Директором музея стал по предложению С. И. Вавилова. Был женат на сестре жены С. И. Вавилова, Т. М. Багриновской.

Санаторий располагался, собственно, на территории усадьбы, ее парка. Там было шесть корпусов. Один из них спалили еще при директоре музея Рыбакове. Сейчас остались три. Была столовая, клуб. Все растащили. В корпусах были отдельные хорошие комнаты. Туалет был общий, в конце коридора. В домах самой усадьбы тоже жили. Какое-то время в «разрисованном домике»⁴⁶, около бывшего дома Мамонтовых, была почта. Еще в другом домике в подвале был магазин, а наверху жили. Там еще тогда торговали продуктами по карточкам.

– *Когда начали строить поселок академиков?*

– Строительство поселка академиков началось, наверное, с 1946 г.

Мама здесь в санатории познакомилась с какой-то актрисой из хора Свешникова. У нее была дочь – ученица девятого-десятого класса. А у матери была корова, которую она привезла из Смоленской области. Актриса приводила к нам девочку молочка попить, и когда у них кончилась путевка, она попросила маму, чтобы девочка у нас месяц пожила. Мать была простая женщина, сходилась со всеми легко. Мы с этой девочкой подружиться, гуляли и наладились ходить сюда, в поселок. Здесь все было огорожено. Вся горка была огорожена. В дубовой роще стояли бараки. Охраняли военные. Подходить мы боялись. У матери девочки была возможность привезти что-нибудь вкусное: сахар, булочку французскую. Когда у нас что-нибудь такое появлялось, мы ходили и отдавали это немцам. То булочку, то сахар. Уж не помню, как мы исхитрялись это им совать.

– *Вы их жалели?*

– Да!!!

– *Значит, вы их видели? Они что, были несчастного вида?*

А то!!! Как их там кормили!? И работали они с утра до ночи. Все вручную, тачками. Вот у нас после них осталась брошенная тачка. Ее же с места не сдвинешь. А ее еще надо было с грузом везти! Мы ее сейчас вот только в металлолом сдали. Сама цельнометаллическая и колесо тоже железное. Ее и пустую сдвинуть с места было невозможно. Когда мы были в Смоленске под немцами, сама я как-то не очень их боялась. Я боялась за мать. И больше всего, что увижу, как они ее убьют. Страхи мои долго продолжались. Я уже замужем была, а мне все еще снились сны, что немцы нас ведут расстреливать.

– *Тем не менее еду им носили.*

⁴⁶ Под «разрисованным домиком» имеется в виду флигель – «баня», построенная по проекту архитектора И. П. Ропета.

– Да, носили и жалели.

– Немцы не выходили за ограждение? Вы знали, что делалось внутри лагеря?

– Нет. Ходили разговоры, что они могут там пленных застрелить и все. Как-то это просачивалось. В общем, вроде там такое было. Стреляли в них, убивали. Мы знали, что строят поселок. Охраняли их солдаты с собаками. Стояли вышки. Был это настоящий лагерь. Бараки были в дубовой роще.

Дубовая роща тогда вся просматривалась. Большие дубы стояли свободно. Прямо с дороги было видно, где растет белый гриб. Этот ужасный лесхоз испортил ее всю. Они посадили липы и елки и все дубы постепенно погубили. Воздуха для них нет. Лесхоз вообще, по-моему, вредительством занимался. Этот лесхоз погубил и дубовую рощу, и наш лес. Просто погубил. Лучше бы его чистили, чем производить эти посадки дурацкие.

– Кто еще кроме пленных строил поселок?

– Наши строители⁴⁷. Они появились здесь после немцев, может быть, отделявали уже построенные дачи. Мы их так и звали – усэровцы. Народу рабочего тут было много. Разного поведения, разной порядочности. Для них выстроили бараки на месте, где потом был рабочий поселок. В одном бараке был магазин. Был еще клуб, он стоял самый крайний на этой поляне, собственно прямо над теперешней Шоколадкой⁴⁸. Там показывали кино. Я туда не ходила, была еще маленькой. В то время (1949–1950) мы еще жили в санатории. В общем, не очень порядочный народ были эти строители. Выкапывали всю картошку с ближайших окрестных полей. Женщины были там какие-то крикливые. Так, «народец»... Наехали, наверно, из всех концов земли. У нас всех к ним отношение было негативное. Вели они себя так, как тогда не было принято. В общем, были чужие, пришлые. Тут уже сложившееся население было. Около санатория в подсобном хозяйстве тогда жили люди, которые работали во время войны в госпитале и здесь остались. Многие были не местные. Были тут и вологодские. Работали они в основном в санатории, и для них были выстроены два дома. Они на полях выращивали для санатория картошку, морковку, свеклу, капусту. А там, где теперь стоит корпус гостиницы, была большая теплица. Ее не стало, когда санаторий превратился в дом отдыха. Подсобное хозяйство существовало

⁴⁷ По-видимому, строители, находящиеся в подчинении управления строительной организации Академии наук (УСР).

⁴⁸ История пруда Шоколадка подобно рассказана в воспоминаниях А.Н. Майсурия, с. 144–145.

очень долго и прекратило свою работу, когда дом отдыха сделали профсоюзным. Ну, тут уже все поломалось.

– Вы переехали в рабочий поселок, когда Вашему отцу предложили работу печника в академическом поселке?

– Да. Это было году в 1956-м. Тогдашнему управляющему Николаю Федоровичу была, наверное, нужна единица, и он взял отца работать печником. Бараков строителей тогда здесь уже не было, от них остались только следы.

– Про строительство рабочего поселка что-нибудь знаете?

– Домики для рабочих поселка строились еще при Исаеве, первом управляющем поселка. Исаев до этого работал в санатории инженером и жил на его территории. Сразу за избушкой на курьих ножках стоял их небольшой домик. Рядом с ним была установка, которая закачивала из Вори воду для нужд санатория. Там же на Воре стояла маленькая мельничка. Мой отец тогда обслуживал эту мельничку. Потом Исаев перешел на работу в поселок, и домики для рабочих строили под его руководством. Его ругали, зачем он загнал эти домики сюда, на болото. Места свободного было много. Хорошее место было повыше, по горочке. Но на горочке он выстроил дом себе. Его жена всегда обособлялась. Когда Исаев перестал быть управляющим, то получил где-то квартиру, а дом остался ему как дача. У них там очень хороший был участок. Посажены были яблони, крыжовник. Они очень много занимались садом, были селекционеры. Клубника у них была необыкновенная. Занимался садом в основном он, она все больше его контролировала. Выращивали много цветов: нарциссов, тюльпанов. Он их продавал. Ягоды тоже продавали. Покупали из поселка академиков. Почему Исаева сняли с должности управляющего, я не знаю. Слухи были, но конкретного я ничего не знаю, не интересовалась этим.

– В домиках рабочего поселка жило много народу?

– Да. Все вселились, когда для поселка набирался штат рабочих. В домике, где жила семья Марии Андреевны Аверченковой, жило еще три семьи. Одной из ее соседок была Зина Касимова, с тремя детьми. Муж у нее погиб от пьянства. По несколько семей жили во всех домиках. Было тесно. Кроме рабочих здесь жил милиционер с семьей, который работал где-то в другом месте. Им быстро дали квартиру, а мы въехали в его часть дома. Это решалось между соседями. У правления можно было не спрашивать. А до того мы с отцом жили в другом домике. Въехали в него, когда рабочий Саид с семьей переселился в помещение, которое пристроили к гаражу в поселке академиков.

– В рабочем поселке было много детей?

– Детей было много. У Сколенко – трое (Таня, Ира и Миша)⁴⁹. У Руновых – трое (Ольга, Боря и Валя). Валя умерла девушкой, у нее был врожденный порок сердца. Она очень любила детей. Закончила педагогический институт. Девочкой любила организовывать детей и играла с ними во всякие коллективные игры. У Маруси Аверченковой – двое (Наташа и Сережа). У Зины Касимовой – трое (Валек, Боря и Ваня). У всех ее детей трагическая судьба: Ваня повесился, Боря пропал, Валек умер от заражения крови. У Сакиных тоже было трое (Федя, Нинка, Катя). У меня – две дочери. Все здесь выросло.

– Как здесь жилось?

– Управляющий Николай Федорович относился к нам хорошо. Отец мой золотой человек был. Он со всеми ладил. Земли мы могли занять столько, сколько в состоянии были обработать. Раскапывали и довольно далеко от дома, например на горке, и одно время в лесу, где перекачка. Там у нас была картошка. Никто не возражал. Раскапывай и сажай. Никому эта земля была не нужна. Трудно было только с сенокосом. Покупали траву с газонов поселка для коров. Коровы были во всех домиках. Всего, по-моему, их было в рабочем поселке четыре. Когда здесь жил милиционер (он был в чине капитана), он держал кур и овец.

– Жены рабочих тоже работали в поселке академиков?

– Да, в основном. Феня Сакина работала на даче № 5 сторожем и истопницей. Граня Почеткова работала в конторе поселка, у нее было какое-то образование. Муж ее был там рабочим, но он быстро умер. Попал под электричку на переезде в Хотькове. Зина Касимова работала на даче у Випперов сторожихой и садовницей. Маруся Аверченкова работала сначала на даче у Абрикосовых, а потом у Стечкиных. Маша Сколенко была летом домашней работницей у Соколовских и работала в музее.

– Кто занимался распределением жилой площади в рабочем поселке?

⁴⁹ Трое детей Сколенко жили в доме без всяких удобств, который стоял рядом с домом бывшего управляющего Исаева. Их родители не входили официально в штат рабочих поселка, но периодически выполняли там работу в частном порядке; до этого они были вольнонаемными рабочими, достраивавшими поселок. Они остались здесь жить и, вероятно, самовольно построили этот дом на земле Академии. Жили бедно. Зимой дом плохо отапливался, и по углам единственной комнаты намерзал лед. Был у них огород, с которого они и кормились. Дети были очень хорошо воспитаны, впоследствии все они получили высшее образование. Ныне дом этот не существует, его сломали, а участок вошел в территорию новых дач поселка академиков. Семья получила квартиру в Сергиевом Посаде.

– Николай Федорович. Был такой случай. Наши соседи Сакины получили квартиру в Загорске. Здесь у них при доме был очень хороший участок с цветами. Через год они захотели вернуться сюда, в свои комнаты, чтобы использовать помещение как дачу, но Николай Федорович им не разрешил. На их месте стала жить сестра Саида – Галя. Ее муж и она сама потом умерли от пьянства.

– *Говорят, Саид пил от несчастной любви.*

– Да. Он татарин. Его мать хотела его женить на своей, татарке. А он, говорят, любил другую, русскую. Он рассказывал, как мать повезла его в Казань и заставила жениться. Его даже связывали, чтобы он не убежал. Привезла сюда уже с женой, Катей. Руки у него были золотые. Он был электриком. Специальность он приобрел в армии, когда служил на подводной лодке. У него был самый высокий квалификационный разряд. По-человечески он был неплохой мужик. Очень был порядочный. Никогда у своих не воровал. Жалко его. Пропал от водки. Катя работала няней у Охоцимских. Саид там тоже много помогал. Софья Александровна Охоцимская при его помощи сделала на даче очень хороший ремонт и очень его хвалила за умелость и сметливость. Но говорила, что он от водки к этому времени физически ослабел.

– *Мне рассказывали, что, когда Саида выгнали с работы в поселке, Дмитрий Евгеньевич Охоцимский его записал к себе то ли в разнорабочие, то ли в сторожа, и тот получил полный трудовой стаж и пенсию. Они принимали участие в его судьбе. После смерти Саида им на даче помогал его сын Алеша. С кем Вы или Ваша семья были знакомы в поселке академиков?*

– Мои отец с матерью дружили со старшим поколением Обреимовых. Дружны были с Беловыми. Отец там у них топил и вел длительные беседы с женой академика. Он вообще за этой дачей приглядывал, помогал, когда старушки жили там зимой с внуками. Мне кажется, они и у нас бывали. И сам академик Белов тоже часто с отцом разговаривал. Отец все время там пропадал. У него было четыре класса образования, но он был очень сообразительный и мудрый. Жена академика Ивана Васильевича Обреимова приходила к нам, молоко брала. Придет, с матерью всегда поговорит. Они друг другу иногда жаловались, мне кажется, так, по-женски. Еще знали жену Дерягина, они арендовали тогда дачу № 43. Она вышивала гладью целые картины, просто исключительные. Была очень нервная. Врачи, по-видимому, велели ей вышивать для здоровья, чтобы была чем-то занята. Все говорила, что скоро будет выставка ее работ. Мать ее жалела. Хоть и неграмотная была в этом отношении, понимала, что та больна. Ася Кирпичева поражала нас своей красотой. Когда мы познакомились, ей было

лет восемнадцать, а мне двадцать три. Как сейчас вижу, как она идет по нашей дорожке в голубом платье. Я всегда ею любовалась. Настолько она была приятная, настолько милостивая. Девочкой она была ну очень хорошая. На даче № 44, тогда еще у Ефимовых, работала домашней работницей моя двоюродная сестра. У Ефимовых были приемные мальчик и девочка. Были они люди очень хорошие, скромные. Когда они уезжали в Москву, сестра на даче у них жила, сторожила. Еще я помню старика-скульптора. Он приходил с отцом поговорить. У кого он здесь гостил, не знаю, но точно помню, что приходил из поселка академиков, а не из поселка художников. Одет он был не пойми во что, и отец примерно в таком же виде. Одеты они были как-то одинаково. Сидели подолгу. Ну Коненков, так Коненков⁵⁰. А нам и ни к чему. Отец, хоть и необразованный был, но все предугадал, как мы будем жить. Так оно и случилось. Все нам с мужем рассказывал, все просчитал. Но мы же тогда не слушали. Это я теперь вспомнила, что он нам вдалбливал.

– *Ваши соседи тоже дружили с жителями поселка академиков?*

– Да, конечно. Аверченковы вообще с Абрикосовым и Стечным были как родственники. Жена Уразова сама дружила с Сакиными и к ним ходила в гости. Сакины еще дружили с Белянками.

– *Ваши дети дружили с поселковыми?*

– Ира, моя дочь, дружила с Лизой Заварзиной, Таней Леонтович (Левиной). Они выросли вместе. Лиза и Ира и сейчас дружат. У них уже свои дети. У Иры вот уже внучка. Лизина дочка Полина дружит с Анечкой – моей внучкой. Связь прочная. Ирка всегда ходила к Леонтовичам на Новый год. Они там устраивали елку. Леонтовичи были сторонниками А. Д. Сахарова. Я это знала. Никто этого там не скрывал.

Лизин дед был с юмором. Приходил часто к нам за Лизой. Девочки нам устраивали концерты. Лиза была заводилой. Зрителями были родители, бабушки, другие родственники. Отношения были очень хорошие. Мы знали всю семью. Очень были все хорошие люди. Хорошо помню молодой Лизину маму, красавицу Наталью Юрьевну. Была она очень яркая, напоминала мне актрису Самойлову. Я все время ею любовалась. Просто глаз от нее не могла оторвать. Мы с Лизой и ее семьей продолжаем поддерживать тесные отношения.

– *Когда Ваш отец умер, вас не пытались выселить?*

⁵⁰ Был ли это действительно знаменитый скульптор С. Т. Коненков или кто-то другой, установить не удалось.

– Да нет. Мы продолжали жить тут, хотя к поселку отношения уже не имели. Эти дома не ставили ни на чей баланс. Ни Академия их не принимала, ни местная администрация. Но земля, на которой они стоят, принадлежит Академии. Мы из-за этого жили долго в развалюхе, не делали ремонта, поскольку не знали, что с этими домами будет. Говорили, что нас переселят – то в Зеленоградскую, то еще куда-то. Все это тянулось, пока не началась перестройка. В какой-то момент Ивану Мартыновичу, тогдашнему управляющему, был отдан приказ снести домики бульдозерами. Приказала, вроде, Академия. Все время обещали выселить и дать где-то квартиры, да так и не дали. Потом их взял на баланс Поселковый совет. Теперь мы относимся, вроде, к Академии. Все коммунальные взносы платим в поселковую контору. Поселковый Совет очень долго тормозил приватизацию наших участков. Мне даже в Загорской администрации, куда я ездила по этим делам, открыто сказали: «Многoго вы хотите. Вы знаете, сколько ваша земля стоит?» Много времени нас манежили. Все каких-то бумаг не хватало. Но мы были упрямее. В общем, с большим трудом, но нам удалось все приватизировать.

Федор Иосифович Григорьев (1933 г. р.).

Сын академика И. Ф. Григорьева. Специалист по электронной технике. Кандидат наук, профессор.

– Вы помните, как и когда в Вашей семье узнали про получение дачи?

– Надо посмотреть бумаги, когда было постановление. Оно, по-моему, от 1946 или 1947 г.⁵¹ Когда о нем объявили в Академии, папа пришел домой и сказал: «Дают дачи, и надо выбрать поселок из имеющихся: Мозжинка, Луцино, Абрамцево». А мама сказала, что хочет только Абрамцево.

– Почему?

– Я не знаю, почему. Она, честно говоря, вообще Подмоскoвье знала мало, так как мои родители – коренные петербуржцы. В августе 1948 г. мы ездили в Мозжинку, дачи там уже были практически построены. Этот поселок по сравнению с нашим на маму произвел удручающее впечатление тем, что там лесных участков было всего штук пять. А у нас почти все были лесные. Участок

⁵¹ Григорьев ошибается. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР «О постройке дач для действительных членов Академии наук СССР» и следующее за ним распоряжение № 528 по Академии наук СССР датированы октябрем 1945 г. Возможно, он имеет в виду постановление Совета Народных Комиссаров СССР № 549 от 10 марта 1946 г. «О мероприятиях по постройке дач для действительных членов Академии наук СССР».

папа выбрал, не выезжая, так сказать, на местность, ему привезли в институт план поселка, и он выбрал дачу на плане.

– Как выбирали место для самого поселка и кто в этом участвовал, знаете?

– Нет.

– Когда Вы сюда приехали в первый раз?

– Первый раз мы сюда приехали весной 1948 г., смотрели, как идет строительство. Дорога, которая вела к поселку, еще не была сделана до конца, ехали каким-то хитрым путем. Там стоял рядом цыганский табор, и цыгане⁵² работали на строительстве. Я это точно помню потому, что, когда мы там остановились, они просили закурить. Это было на отрезке дороги, что от музея до нас. Потом, после ноябрьских праздников 1948 г., мы окончательно приехали принимать эту дачу (№ 22). Она была полностью готова. Есть фото этого времени. На фотографии папа стоит около дачи. И надпись: ноябрь 1948 г. А в 1949 г. дачу конфисковали в связи с арестом отца. Мы и не жили в ней еще ни одного дня, потому что папу арестовали в марте 1949 г. Его реабилитировали в марте 1954 г., ровно через пять лет, день в день, но, к сожалению, посмертно. Обрато мы получили дачу только в 1956 г. Вернули нам ее не сразу, потому что тогдашний управляющий делами Академии Соколов начал всячески «крутить»: «Да, может быть, мы вам деньгами вернем. Да, вот мы на этот год дачу сдали, мы не можем ее требовать...» То да се. Мама тогда в 1954 г. согласилась подождать, но и в 1955 г. он опять начал «крутить», и мама, побеседовав с ним, сказала, что, если он не собирается ей возвращать дачу, то она завтра идет к Несмеянову – тогдашнему президенту Академии наук. И в тот же день после этого разговора, вечером, нам были домой привезены акты о передаче и ключи.

– Дача после ареста И. Ф. Григорьева перешла в ведомство ЖКО Академии и сдавалась?

– Да. Здесь жил кто-то из членов-корреспондентов Академии – кажется, Толстов, но не буду врать, не уверен. Тогда не очень еще дачи продавали. В поселке изначально было построено столько дач, сколько академиков, решивших жить в этом поселке. Лишних не было. Исключение составляла дача № 44. Она не типовая, принадлежала историку А. В. Ефимову. Он, когда поселок строился, обратился в президиум Академии с просьбой разрешить построить дачу, за свой счет, но присоединиться к нашим коммуникациям. И ему было разрешено. Дачу получили в подарок только академики, а он был член-корреспондент. Через несколько лет, когда некоторое количество академиков умерло, и наследники по каким-то причинам не захотели дачу содержать, возник

⁵² По другим воспоминаниям, на строительстве дороги работали татары.

вопрос, а что с ними делать, можно ли их продавать? И тогда было издано постановление Совета Министров, по которому был принят такой порядок: дача переходит по наследству только прямым родственникам, но если таковых не осталось или они отказываются от нее, то продать дачу можно только через Академию наук. В 1955–1956 гг. положение с ценами было такое. Академия наук покупала эти дачи по страховой оценке – она была, по моему, 7 500. А продавала желающим ее купить академиком по цене 15 000 рублей. Уже позже Президиум разрешил дачи покупать и членам-корреспондентам. Возможно, эта практика оценки сохранилась и дальше.

– Когда Вы эту дачу получили первоначально, в ней уже была мебель?

– Нет, она была пустая. С мебелью было так. На территории ВДНХ в одном из павильонов было устроено что-то типа мебельных складов. Принадлежали они, видимо, Академии. Можно было поехать и выбрать мебель. После этого отобранную мебель должны были завезти на дачу. Что-то из этой мебели нам было завезено в Москву.

– Наверное, поэтому у многих на дачах одинаковые письменные столы и кресла в кабинетах. У вас такие были?

– Нет, по-видимому, эту мебель завозили, когда у нас уже все конфисковали.

– Когда Вы впервые сюда попали, дача показалась Вам роскошной?

– Может быть, не роскошной, но впечатление она, конечно, производила весьма добротное. Единственное, что нам тогда не понравилось, – это цвет, которым были выкрашены стены комнат. Первый раз, когда мы приезжали, нам показали альбомчик с образцами и предложили выбрать колер стен внутри и снаружи. Но у нас стены получились довольно темные: синие, коричневые, зеленые. Цвета на стенах получились несколько другие, чем нам показывали в образцах.

– Да, первоначальные цвета стен были странноватые. У нас они тоже были унылые: грязно-серый и грязно-коричневый. В каком виде Вам возвратили дачу после аренды?

– После аренды дача вернулась к нам в очень плохом состоянии. Все в большом доме было сломано: дверные ручки, замки, а в стены набито невероятное количество гвоздей. Зачем их было столько, до сих пор для меня загадка. В верхней комнате под окном набито было несколько рядов. Я долгое время на мелкий ремонт не покупал гвоздей, а просто выдергивал из стен своего дома, их хватило на несколько лет. Маленький дом использовался как склад, какая-то капуста там лежала, в одной из комнат хра-

нили мешки с цементом. Превращен он был черт знает во что. Мы даже были вынуждены судиться – формально с поселком, но фактически с тогдашним управляющим Николаем Федоровичем, который это все устроил. Несмотря на то, что в домике был склад, нас попросили внести всю плату за прошлые годы. И была тяжба. Из правления поселка нас поддержали только два человека – академики Фесенков и Вольфович. Они активно встали на нашу сторону. И. М. Виноградов, тогдашний председатель правления, несмотря на то, что был с родителями знаком еще с Питера, поддержки не оказал. Помню, когда мы с мамой к нему пришли, он ударился в воспоминания, перебирал общих знакомых.

– Когда Вы стали бывать в Абрамцеве более или менее постоянно?

– В 1956 г. мы сами еще не жили и дачу сдали. Но в 1956 г. я в Абрамцеве появлялся. Я заканчивал институт, и руководителем моей дипломной работы был член-корреспондент Академии Александр Дмитриевич Петров. Он тогда арендовал в поселке дачу № 35, там сейчас живет академик Г. Г. Черный. Я к нему ездил сюда, привозил читать свою дипломную работу. Он заведовал лабораторией в Институте органической химии, а в Менделеевском институте заведовал кафедрой. Потом, в 1957 г., я уже здесь прожил пару недель. С 1958 г. мы с мамой стали постепенно осваивать дом. Мы здесь жили всегда вместе. Одна она здесь не жила. Обычно я с ней проводил отпуск, а весной или осенью приезжал на дачу вместе со своей компанией.

– Вы с кем-нибудь здесь общались?

– Я – нет. У меня в 1960 г. родился сын, вот он, начиная с совсем юного возраста, входил в здешнюю компанию. В ней были Сережа Старк, Коля Майсурян, Миша Миронов с 18-й дачи, внук тогдашнего управляющего Коля. Сережа Старк и Коля Майсурян часто бывали у нас на даче, поэтому я знал их лучше. Всех членов компании я, конечно, не помню. Здесь было все спокойно. Никаких эксцессов не было. Они в 1976 или 1977 г. здесь какой-то фильм снимали. Занимались сами. Жена общалась со здешними жителями: больше с мамой Сережи Старка – Верой, мамой Коли Майсуряна, с Леонтовичами и с родителями Миши Миронова с 18-й дачи. У нее был круг общения, так как она здесь жила летом с ребенком, а я не всегда. Я общался здесь мало. В какой-то момент у меня не было летних отпусков. По изначальной специальности я химик, но потом полностью ушел в физику, в электронику, фактически сменил специальность, работал в закрытом НИИ.

– Вы привязаны к даче, поселку?

– Да.

– Пожалуйста, попробуйте сформулировать, почему.

– Ну, словами это трудно сделать. Я здесь живу, правда, может быть, не совсем регулярно, с 1958 г. С 1996 г. мы проводим здесь не только выходные, но и часть недели, всегда здесь встречаем Новый год. К этому дому приросли. Мне кажется, свою роль сыграл тесный контакт с природой, в окружении которой мы тут волей-неволей оказываемся. Ходим за грибами, гуляем. А еще мой сын оказался заядлым рыболовом. Когда я приезжал, его первые слова бывали: «Папа, пойдём на рыбалку!» Копали червей и шли. Ловили рыбу тогда в глебовском пруду, он был довольно чистый, и в пруду около музея. Бывали и более дальние походы на Ворю. Зимой ходили на лыжах. А как-то раз ездили куда-то на велосипедах за железную дорогу, вниз по Воре. Сын, надо сказать, не слезал с велосипеда. А когда он завел собаку, пес тоже бегал за велосипедом. Кто-то сказал, что наш Черныш был неотъемлемой частью Абрамцева. Он прожил 16 лет. Каждое лето мы его сюда вывозили. Он жил без привязи и путешествовал по поселку, заходил и на другие дачи. Я сам привык ходить пешком. Хорошо знаю окрестности и очень хорошо ориентируюсь в лесу. Могу идти в незнакомое место и не боюсь заблудиться. Поэтому иногда я здесь выбирал для себя совершенно необычные маршруты. Всегда ходил и еще сейчас хожу за грибами. В далекие путешествия я ходил либо один, либо со своими друзьями. Одно лето жили тут с приятелем. Ходили каждый день довольно далеко в разные здешние интересные места, не только в Мураново. А теперь более дальние здешние окрестности объезжаем на машине. Здесь много интересного.

– Несмотря на все Ваши трудности и тяжбы в поселке, здешняя атмосфера Вас устраивала?

– Да. Действительно, в поселке была очень хорошая атмосфера. Меня даже кто-то спрашивал: «Может быть, у вас здесь, что называется по-простому, не принято?» – «Да нет, – отвечал я, – в нашем поселке хорошо то, что можно пойти гулять в любом виде: если я выйду в плавках, спортивном костюме или, наоборот, во фраке – никто на это не обратит внимания. Не принято». Я вспоминаю всегда Г. И. Петровского – отправляясь гулять, он шел здесь в туристских ботинках, в очень простой одежде. Отправлялся гулять. А гулял он всегда далеко. Он не признавал юг и считал, что лучше средней полосы, и тем более Абрамцева, ничего нет. И. М. Виноградов здесь очень долго жил. Он вообще долгожитель, умер, по-моему, в 1993 г., жил последнее время здесь чуть ли не постоянно. Академик Келдыш про него на каком-то его юбилее сказал: «Первый раз в жизни выступаю на юбилее живого классика».

Александр Михайлович Леонтович (1928 г. р.).

Старший сын академика М. А. Леонтовича. Физик, доктор физико-математических наук.

– Акт ввода во владение дачей, принадлежащей Вашему отцу, подписан 10 мая 1949 г., позже, чем у большинства первых владельцев. В основном акты подписаны декабрем 1948 г. Почему?

– Мы здесь поселились одними из первых, но все-таки жили не с самого начала. Сначала эта дача была предоставлена Юрьеву⁵³, по-моему, он был «моторист», в общем, «технический» какой-то академик. Он почему-то отказался, и тогда ее предложили папе. Жил он здесь недолго, примерно год. Все в доме было сырое. На участке еще Юрьвым была сделана волейбольная площадка, площадь под сад. Липы, те, что стоят перед забором, были ничтожные, и мы не думали, что они будут закрывать участок. Первым хозяином была вырублена впереди большая часть деревьев, но не все, так как мы корчевали много. Строителей-немцев уже не было. Я слышал только легенды о том времени. В поселке были дороги, заборы, все это было уже построено. Мы приехали весной. В семье шли разговоры о том, что, наверное, надо выбрать Луцино, так как это ближе к нашей прежней даче в Тучкове. Но в Луцине участков уже не оказалось. В 1948 г. мне было 20 лет, и деталей я не помню.

– Как Вы к даче относились?

– Как к постоянной даче, как к перемене дачи в Тучкове на эту. Но здесь мне не очень понравилось, так как я любил Тучково. Мы жили там с 1934 г., там был простой крестьянский домик. Там было купание, а здесь его не было. То есть эта дача мне не понравилась, а ее преимущества, в смысле ее удобств, меня не интересовали.

– Ваша мама сразу стала жить здесь на даче зимой?

– Нет. В самом начале это была обычная летняя дача. Первое время мы Абрамцево не использовали как постоянное место жизни семьи зимой. Так было, не знаю сколько времени. Узнать, когда мама стала жить здесь постоянно зимой, можно, выяснив, когда моя сестра Наташа пошла в школу в Хотькове. Первые годы летом, когда основная часть семьи уезжала в Тучково, здесь на даче жила семья С. Э. Хайкина. Сам Семен Эммануилович Хайкин⁵⁴ –

⁵³ Б. Н. Юрьев (1889–1957) – академик АН СССР с 1943 г., автор трудов по теории и конструированию вертолетов.

⁵⁴ С. Э. Хайкин (1901–1968) – основатель экспериментальной радиоастрономии (см. о нем еще у И. П. Голяминой).

великий физик, ученик Л. И. Мандельштама⁵⁵. Они с папой были аспирантами Мандельштама. Таким образом, они знакомы были еще с 20-х гг. Папа обращался к нему: «Семен Эммануилович», но на «ты» – обычно бывает наоборот. Жена Семена Эммануиловича умерла именно у нас на даче. Я помню, когда это произошло, я бегал в медпункт и всякое такое. Здесь потом у нас жили его сын, Миша, с семьей.

– *Телефона не было?*

– Телефон поставили позже, сначала никаких телефонов не было. Ничего этого не было. С самого начала здесь был только, собственно, хороший санузел и прекрасные печки.

– *Почему Ваша мама уезжала летом с семьей из Абрамцева, предпочитая Тучково?*

– Тамошняя природа нравилась ей больше, это запад Московской области. Потом это была наша первая дача, и тамошние окрестности она знала лучше. Она была моложе, далеко, примерно километров по 12, ходила, за грибами. Там она все знала. Была знакома с местными крестьянами, которые ее очень уважали. Она сама знала крестьянский труд. В эвакуации она совершенно спокойно работала в колхозе. То, что здесь некий академический бомонд, хоть и в небольшой степени, ее не очень устраивало. Она этого не любила. Здесь был известный эпизод. А. И. Солженицын хотел где-нибудь здесь дом снять и прослышал (не знаю, кто ему рассказал), что жена Леонтовича все окрестности хорошо знает. Он приехал посоветоваться с мамой насчет покупки дома. Приехал специально в будни, чтобы не подводить папу. Он пришел на дачу и застал маму с сестрой Наташей за пилкой дров. Он был восхищен: сама академица пилит дрова!!! Это было, когда он хотел выбраться из Москвы. Они тогда в поселке около станции «55 км» присмотрели что-то, дали даже задаток, но через неделю его выслали из СССР. Привез его сюда чуть ли не Слава Грабарь.

– *Кроме Солженицына сюда приезжало много так называемых диссидентов. Известно было, что они жили на даче Делоне, Грабарей. К этому у вас в семье относились спокойно? Общались?*

– Ну конечно, ведь папа тоже был диссидент⁵⁶. Например, в маленьком доме террасу построил нам Костя Бабицкий⁵⁷ – диссидент. Родители хотели ему помочь и поэтому дали работу: при-

⁵⁵ Л. И. Мандельштам (1879–1944) – физик, один из основателей научной школы радиофизики в СССР. Академик АН СССР с 1929 г.

⁵⁶ В 1955 г. М. А. Леонтович в числе большой группы советских ученых подписал «Письмо трехсот». В 1966 г. им было подписано письмо 25 деятелей науки против реабилитации Сталина, направленное Л. И. Брежневу.

⁵⁷ К. И. Бабицкий (1929–1993) – лингвист, правозащитник, диссидент, участник (вместе с В. Н. Делоне) демонстрации 25 августа 1968 г. против введения

строить террасу. Ему дали официальную справку, что он тут работал, чтобы его опять не посадили за «тунеядство».

– *Вы сами сюда в первые годы приезжали?*

– Я был студентом, жил собственной жизнью. Летом ездил в походы. Это было странное время, когда студентов не привлекали к общественному труду, типа работы в колхозах, давление было в этом смысле слабое. Начальство в первые годы после войны не догадалось еще, как студентов использовать.

– *Вам разрешали привозить на субботу и воскресенье сюда свою компанию?*

– Да, папа любил молодежь. Но я не был общественным человеком, не был особо компанейским.

– *Вы сразу здесь завели знакомства?*

– Нет. К здешнему обществу я был равнодушен. Я начал со здешними жителями знакомиться очень поздно. Первых жителей плохо помню. Только в последнее время мы стали очень близки с Александром Андреевичем Тимофеевым, все время встречались, разговаривали о музыке. Мы оба меломаны.

– *Кто у вас с самого начала существования дачи жил в маленьком домике?*

– Папины родственники. Одно время – так называемые чешские родственники. Когда-то они уезжали в Чехию, а после войны вернулись. Их выслали в Ташкент, оттуда они вернулись и начали жить в Александрове, а фактически попросились жить у нас в домике. Папа разрешил, и они жили года три. Они не были никакой обслугой, просто жили и летом, и зимой.

На самом деле Сталин замыслил, чтобы в домиках жили шоферы, одновременно сотрудники КГБ, и следили за академиками. Но у Академии наук не было денег все это содержать. Так что в маленьких домиках по большей части жили члены семьи владельцев. После «чехов» жил Михаил Чернышев с женой Надей. Он был рабочим, с которым папа был очень давно знаком. Почему это вышло и почему Чернышев нашел папу, я не знаю. Он жил довольно долго, примерно лет пять. Он здесь исполнял роль семейного обслуживающего персонала. Его жена подменяла няnek или домработниц, когда уезжала наша Марфуша.

– *Когда Вы и Ваша семья поселилась в маленьком домике?*

– У мамы в Тучкове случилась «авария», тамошний дом сожгли, и вся семья стала жить в Абрамцеве не только зимой, но и летом. Семья была большая, родились внуки, и мама отдала маленький дом мне и моей жене. У нас к этому времени уже были

советских войск в Чехословакию. Приговорен к ссылке в Коми АССР (1968–1971).

дети – близнецы Алеша и Даша. Абрамцево стало местом про-израстания моих детей. Это чувство оформилось особенно тогда, когда нам был отдан маленький домик. Ну, у нас с детьми была довольно интенсивная совместная жизнь. Мы ходили вместе за грибами. Всегда вместе. Они никогда не говорили нам «нет». Мы проводили здесь частично и отпуск. Но на часть отпуска мы всег-да уезжали вместе с детьми в походы, в основном в лодочные, так как они были дешевле горных.

– *В поселке дети были на вольном содержании? Мысль об опасно-сти, нехорошем влиянии или нежелательных элементах, наркоманах не приходила в голову?*

– Нет, мы об этом тогда не думали. У них здесь была своя ком-пания: Алла Гладилина, дочь писателя А. Гладилина⁵⁸, Галя Чер-ная. Она «ухаживала» за Алешей. Тогда здесь, по-моему, на 46-й даче домик снимал Фазиль Искандер. Его дочь, очень красивая девочка, тоже за ним ухаживала. Мне хотелось, чтобы все у них получилось, а Алешке она не нравилась. В их компании был Коля Майсурян. Алеша до сих пор дружит с Колей и, когда приезжа-ет из США, всегда идет к нему. Мои дети очень подружились с «французскими» детьми⁵⁹ Ани, второй жены А. А. Абрикосова. Они были очень милые дети.

– *Алеша, Ваш сын, любит Абрамцево?*

– Очень, и его сын Кирюша тоже. Говорит, здесь есть особый, абрамцевский запах. Алеша любит Абрамцево не за детскую компанию, а за природу. Был резко против моей продажи части участка. А Даша к даче не так привязана. Но в детскую компанию она тоже входила.

– *Может быть, Вы помните, что Ваш папа говорил про здешний состав академиков?*

– Ну, здесь по большей части состав академиков «химический». И был еще математик И. М. Виноградов.

– *У Вас не создалось впечатления, что этот поселок – менее пре-стижный, чем два других?*

– Сначала я об этом вообще не думал. Но позже у меня созда-лось впечатление, что самым престижным был поселок в Мозжин-ке, а на втором месте – Луцино. И действительно, в Мозжинке построен и магазин, и общий клуб.

⁵⁸ А. Т. Гладилин (1935 г. р.) – писатель. Первые публикации в журнале «Юность» (1956 г.) принесли ему широкую известность. Открыто выступал против суда над А. Синявским и Ю. Даниэлем. В 1976 г. был вынужден эмигрировать. Живет во Франции. Автор более 20 книг.

⁵⁹ Французские дети – дети от первого брака второй жены А. А. Абрикосова – французенки.

– У нас тоже хотели построить клуб, но тогдашний управляющий Николай Федорович вместо этого построил нам гаражи.

– Это просто означало, что в Мозжинке были более жесткие указания на этот счет, чем здесь, и доказательство, что там более престижный поселок.

– Осваивали ли Вы окрестности?

– На зимние прогулки мы ходили вместе с родителями – сначала недалеко. Только до Необходимки⁶⁰, потом до 2-го оврага. Как-то папа бил сам лыжню от 2-го оврага. Просека на Необходимку была в первое время плохо видна. Ее потом еще раз пробили, почистили.

– Вы природу воспринимаете чисто эстетически или знаете названия растений, птиц?

– Нет, я не знаю, а вот у папы было полное чувство природы. Папа знал, как называются растения, и кроме того у него было абсолютное чувство ориентации, он всегда знал точно, как надо выходить. А я заблуждался. Но мне нравится здесь и пейзаж, и как пахнет, нравится, как птицы поют, и то, что я никого не встречаю в лесу.

– То, что здесь сейчас такой больной лес, много поваленных и гнилых деревьев, и так далее. Вас волнует?

– Это меня не волнует, лучше, конечно, было бы, если бы за ним ухаживали, и лес был бы здоров. Но это меня не трогает, меня больше волнует мой контакт с ним, то, что я могу идти свободно.

– Мама Ваша занималась здесь сельским хозяйством?

– Да, мама действительно сажала всякие ягодные кусты, даже яблони, но она не очень любила сельское хозяйство. А папу волновали какие-нибудь редкие растения. Он посадил здесь американский орех, который сейчас заполонил весь участок, и ничего под ним больше не растет.

– Волейбольную площадку на участке использовали?

– Да, особенно в первое время. Приезжала вся папина компания: Игорь Евгеньевич Тамм⁶¹, Николай Николаевич Парийский⁶²,

⁶⁰ Необходимкой жители называли поляну в лесу, расположенную примерно в двух километрах от поселка.

⁶¹ И. Е. Тамм (1895–1971) – физик, академик (1953), Нобелевский лауреат (1958). Основные труды по квантовой механике и ее применению. Вместе с А. Д. Сахаровым создал теоретическую основу для осуществления управляемой термоядерной реакции и разработки в СССР водородной бомбы. Создал школу физиков-теоретиков.

⁶² Н. Н. Парийский (1900–1986) – астроном, геофизик, член-корреспондент АН СССР (1968). Труды по гравиметрии, вращению Земли и ее приливным деформациям, космогонии, солнечной короне и противосиянию.

мамина сестра Наталья Петровна, Людмила Всеволодовна Келдыш⁶³ – сестра академика. Она была маминкой школьной подругой. Помню, как-то гуляя по поселку, указав на дачу № 40, сказала: «А здесь Славкина дача». Я очень любил их и, когда они приезжали сюда, всегда старался бывать с ними. Первое время это даже было не очень редко. Да, были очень интересные разговоры, которые меня страшно притягивали. Они же были не старые тогда, играли в волейбол. А потом им стало труднее, все старели, бывали все реже.

– *А вот все эти игры-представления на Новый год, спектакли так называемой филармонии, это было когда?*

– Позже. Сначала была только папина компания, и уже потом появился А. А. Абрикосов и его друзья, как их папа называл, «Абрикосики». «Филармонией»⁶⁴ они себя сами называли.

– *Ваш папа часто на даче общался с Алексеем Алексеевичем Абрикосовым?*

– Они не часто здесь совпадали. Одно время только на Новый год. Во всяком случае, когда они здесь встречались, то ходили по поселку и беседовали. Это могло длиться не один час.

– *Эти беседы во время прогулок «по кругам» поселка были здешней традицией?*

– Конечно, да. Папа любил беседовать с А. А. Абрикосовым. Общался с Г. И. Баренблаттом – он приходил к нам чаще сам. К Борису Николаевичу Делоне отец ходил сам, так как мама его не любила – она считала его трусом. У них был единственный совместный поход по Кавказу, и Делоне не захотел идти по какому-то опасному месту. Мама не любила трусливых людей. А вообще семьи Делоне и Леонтовича дружили с детства. Оба они из Киева и уже тогда были соседями по даче. У их родителей были дачи под Киевом в Ирпени. У папы два друга детства стали академиками (или член-корреспондентами, как Делоне) – Б. Н. Делоне и Анатолий Петрович Александров. Еще он был знаком с писателем-фантастом И. А. Ефремовым, к которому тоже ходил сам. Тот в нашем поселке много лет снимал дачу.

– *С Ефремовым он познакомился здесь?*

– Конечно. Встречались на прогулках. Кроме того, вначале здесь жили два человека из папиного детства. Во-первых, папин дядя Михаил Викторович Кирпичев, и он тоже к нему ходил. Говорил: «Я пойду к дядюшке». А напротив, на 12-й даче, очень недолго

⁶³ Л. В. Келдыш (1904–1976) – математик.

⁶⁴ Подробно об истории филармонии и ее музыкальных спектаклях – в книге Б. В. Поповских и В. В. Колбановского «Подмосковная приакадемическая филармония» (М., 2012).

жил однокурсник его отца, моего деда Александра Васильевича Леонтовича⁶⁵ – академик-биолог или скорее медик – украинская фамилия на «ко».

– *Стражеско?*

– Да. Теперь эту дачу купил Энеев.

– *С Понтрягиным общались?*

– Он, по-моему, здесь не жил.

– *Жил. Летом 1958 г. и 1959 г. арендовал здесь дачу. Но в Абрамцево ему из-за сырости не понравилось, поэтому, став академиком, он купил дачу в Мозжинке. Бабушка рассказывала мне, что в его руках, когда он был мальчиком, взорвался примус, на котором тогда все готовили. В результате этого он повредил глаза и ослеп.*

– В поселке я его почему-то не видел. Знаю точно, что он какое-то время жил в санатории Абрамцево. Был знаком со Славой Грабарем, они оба математики.

– *Слава был его учеником. Знаю про них следующую историю. Мстислав Игоревич Грабарь, тогда еще молодой человек, прогуливает Понтрягина в поселке по кругу. К ним пристаёт пес. Слава успокаивает Понтрягина: «Не бойтесь, не бойтесь, он, старый черт, слепой, не укусит».*

– Да, смешно.

– *Музей «Абрамцево» занимал какое-нибудь место в Вашей дачной жизни или Вашей семье?*

– Одно время у нас там был какой-то знакомый. Он всегда приглашал приходиться в музей: «У нас так интересно!» Иногда мы водили туда гостей.

– *Вашей жене нравилось в Абрамцево?*

– Очень!!! Ей здесь понравилось с самого начала. Дело в том, что у ее семьи, у Прохоровых, была дача в Болшеве. Ее отец был текстильный работник довольно высокого ранга. Но там никакого леса близко не было. А Мила еще до меня ходила в походы. (Я с ней в походе и познакомился.) Было понятно, что чувство природы у нее очень сильное. Поэтому ей здесь очень понравилось с самого начала.

– *Я знаю, что Вы были близко знакомы с Венедиктом Ерофеевым⁶⁶.*

⁶⁵ А. В. Леонтович (1869–1943). Физиолог и гистолог, академик АН УССР (1929), заслуженный деятель науки Украинской ССР (1939). Был женат на Вере Викторовне Кирпичевой, враче-окулисте, сестре академика М. В. Кирпичева.

⁶⁶ В. В. Ерофеев (1938–1990) – писатель. Родился на Кольском полуострове; после ареста отца воспитывался в детском доме. Окончил школу с золотой медалью, поступил на филологический факультет МГУ, откуда его исключили в 1957 г. Первое произведение «Записки психопата» («Заметки психопата»

– Ерофеев появился сначала на даче Б. Н. Делоне.

– *История его появления у Делоне Вам известна?*

– Нет. Он жил у них в маленьком домике. Насколько я понял по воспоминаниям тещи Ерофеева, он и его жена Галя очень дружили с самим Борисом Николаевичем Делоне. Потом Б. Н. Делоне отказали в выкупе дачи (отказала Академия), и им пришлось выматываться. Какое-то короткое время, может быть, месяц или два, Веня жил на даче у Славы Грабаря. Потом он снял домик Исаева. Я-то с ним познакомился, когда он жил у Грабарей.

– *А я думала, что Борис Николаевич Делоне сам не захотел купить дачу, которую много лет арендовал.*

– Нет, когда его внуки⁶⁷ стали диссидентами, ему в этом отказали. Он обратился с просьбой о владении, и ему отказали, хотя другим не отказывали. Поэтому было ясно, что это из-за внуков-диссидентов. А Ерофеев считал, что он у Исаева купил дом, между ними была какая-то договоренность. Но, по-видимому, и на Исаева из-за диссидентства Ерофеева надавили, и он ему отказал.

– *Вы считаете, что и на Исаева надавили? Я знаю, что он получил от Ерофеева задаток, который после того, как дело расстроилось, он не отдал.*

– Я могу это только предполагать, так как он сначала согласился продавать, а потом отказал. Здесь же много событий было: например, пожар на даче Грабарей.

– *Что это было? Поджог или, как говорили они сами, загорелось из-за плохой проводки?*

– Я в последнем совершенно не уверен. Возможно, это был поджог. Почему? Потому что Грабари «диссидентствовали», и эта

та»). В 1970 г. им написана поэма «Москва-Петушки». После выхода книги в Иерусалиме (1973 г.) писатель стал всемирно знаменит. Кроме того, им написана пьеса «Вальпургиева ночь, или Шаги командора» и эссе «Василий Васильевич Розанов глазами эксцентрика». Последним законченным произведением писателя был своеобразный коллаж из цитат В. И. Ленина «Моя маленькая лениниана» (1988).

⁶⁷ В. Н. Делоне (1947–1983) – поэт, правозащитник, диссидент. Первый раз был арестован и осужден условно за участие в митинге 1967 г. в защиту арестованных по политическим мотивам Галанскова и других правозащитников. Автор открытого письма в «Литературную газету» и «Комсомольскую правду», в котором объяснял причину проведения митинга. Письмо было опубликовано в США. Вторично арестован и осужден за участие в демонстрации на Красной площади против введения советских войск в Чехословакию 25 августа 1968 г. Держал плакат с надписью «За вашу и нашу Свободу». Отбывал срок в Тюменском лагере. В 1975 г. после ареста и освобождения из тюрьмы его жены эмигрировал во Францию, где продолжал заниматься литературным трудом. М. Н. Делоне (1952–?) – математик. Эмигрировал в Канаду в конце 70-х гг.

моя версия вероятна. Когда Веня жил у Грабарей, мы виделись часто. Причем моя жена Мила очень не любила пьяных, а его привечала всегда.

– *А чем он был ей так мил?*

– У него был шарм. Недаром говорят, что у него было ну очень много дам. По-видимому, этот шарм действовал и на Милу. Он был красавец. Это было ясно всегда. Очень высокого роста. У него не было никаких вульгарных манер. Даже у пьяного, когда он злился, все равно был очень изящен. Он обладал очень большим очарованием. И Мила – человек незаурядный – это понимала, тем более, когда он был совсем пьяный, он не приходил сюда к нам. Мила сама его угощала красным вином, может быть, поэтому он приходил к нам нередко.

– *А Вы к моменту личного знакомства читали его книги?*

– Да. Как только я с ним познакомился, сразу достал, не помню как, может быть, даже не через него. Мне кто-то его показал и сказал: «Вот Ерофеев – великий писатель...»

– *И вы стали общаться?*

– Я не помню момент первого знакомства. Но он по-соседски к нам часто стал приходиться. И зимой, и летом.

– *Сколько всего времени он прожил в Абрамцеве?*

– Не знаю. Надо посмотреть в воспоминаниях его тещи. Она боготворила Бориса Николаевича Делоне и о жизни у него рассказывала подробно.

– *Что, по-Вашему, его привлекало в Абрамцеве?*

– Природа. По-видимому, он из-за этого так и нравился Миле. У нее было очень сильное чувство природы и у него тоже. Он поразительно хорошо искал грибы и знал все грибные места, ходил в лес. Он грибов набирал даже больше, чем Слава Грабарь, а тот именно славился тем, что грибник.

– *С кем он здесь дружил?*

– С Сережей Толстовым. На даче у Толстова он прожил почти весь свой последний год. Уже лежал, и я каждую субботу приезжал на дачу, его навещал. С дачи Толстова его увезли за две недели до смерти. Но потом произошла история. Вообще, это было черт знает что. Незадолго до смерти он хотел построить дом на участке Толстова. Толстов ему разрешил. Он завез блоки для фундамента. Нет, я ошибся, уже после его смерти появились эти блоки. Может быть, их завезла Галя уже после его смерти, так как все равно хотела построить здесь домик. Блоки лежали на участке С. Толстова. Я ее спрашивал, оформили ли они официально

отношения с С. Толстовым. Она отвечала: «Да что Вы, Александр Михайлович, зачем, он мой названный брат, это Вы говорите ерунду». А потом она как-то приезжает, а блоков нет. «А где плиты?» Он что-то мямлил, в общем, он их продал⁶⁸.

– *Был ли он таким же блестящим собеседником, каким был писателем?*

– Нет, с ним трудно было беседовать. Он иногда начинал «изрекать», а так, чтобы беседовать – это нет. А писателем он был великим.

– *Он не был человеком светским?*

– Он был человеком вежливым. Но он считал, что должен быть везде первым. И все, действительно, ему всегда смотрели в рот.

– *Мне говорили, что пока был жив Б. Н. Делоне, он и не пил.*

– Да, судя по воспоминаниям Клавдии Андреевны, его тещи, он там действительно не пил. Галя очень ценила Абрамцево, считая, что ему здесь так хорошо, что он и не будет здесь пить. Галя тут очень хотела обосноваться, построить дом.

– *Кто еще из писателей здесь жил?*

– У Тимофеевых снимал домик Фазиль Искандер⁶⁹. У Юры Казакова⁷⁰ здесь была дача.

Георгий Андреевич Бочвар (1936 г. р.).

Сын академика А. А. Бочвара. Металловед, доктор технических наук.

– *Когда Вы первый раз увидели эту дачу?*

– Зимой. Сейчас я уже не вспомню – это было в зиму на 1949 г. или на 1950 г. Привез нас ее смотреть коллега отца, член-кор-

⁶⁸ История, рассказанная А. И. Леонтовичу, по-видимому, самой Галей, не вполне соответствует действительности. Впоследствии выяснилось, что блоки были использованы по назначению, хотя дом так и не был построен. Галя после смерти мужа могла не контролировать ситуацию.

⁶⁹ Ф. А. Искандер (1929 г. р.) – прозаик и поэт. Президент Российского ПЕН-клуба. Читательское признание Искандер получил благодаря ряду сатирических повестей и рассказов, прежде всего – большому циклу произведений под общим названием «Сандро из Чегема», который писатель продолжает и по сегодняшний день. В романе на автобиографической основе из проникнутых лиризмом и юмором наблюдений и рассказов главного героя – подростка вырисовываются панорама жизни и история судьбы абхазского народа, своеобразие национального характера. Другие произведения: «Кролики и удавы», «Ласточкино гнездо», «Созвездие Козлотура», «Софичка», «Стоянка человека», «Человек и его окрестности», «Школьный вальс, или Энергия стыда».

⁷⁰ О Ю. П. Казакове (1927–1982) подробнее см. в главе 3 части 2, с. 273.

респондент Игорь Михайлович Павлов, сын академика Павлова. Наша дача была построена одной из последних.

– Она уже была готова?

– Да, совсем готова. Но мебели в ней не было. Плетеную мебель покупали, наверное, в Сергиевом Посаде, тогдашнем Загорске. Она у многих одинаковая. Кое-что привезли из нашей московской квартиры и из квартиры брата отца, Дмитрия Анатольевича.

– У Вашей семьи до этого была дача?

– Собственной дачи у нас не было. Мы снимали до войны и после 1943 г. одну комнату на даче в Кратове. У мамы в связи с дачей в Абрамцеве возникло множество новых хлопот. Раньше, на даче в Кратове, она думала только о том, чтобы мне досталось достаточно свежих фруктов. Теперь она «поднимала» весь этот участок. Он был очень сильно замусорен. На него выкидывали (также, как и на соседний участок) строительный мусор: кафель, в общем, все.

– Я дружила с Вашей двоюродной сестрой Таней и с середины 1950-х гг. часто бывала на Вашем участке. У вас росли дивные розы, какие-то невиданные декоративные кусты. Разбит он был как-то интересней, чем у других, и содержался лучше. Таких ухоженных участков, по-моему, было в поселке всего два: Ваш и Випперов. Как это удавалось?

– Брат мамы был сельскохозяйственный работник. Он выбирал для дачи растения тех сортов, которые здесь будут расти. Помогал им нам сажать и ухаживать садовник, которого тот порекомендовал. По забору был посажен декоративный вяз. У нас очень большая протяженность забора, и его посадили, чтобы просто закрыть забор и участок. За ним надо ухаживать, каждый год стричь, иначе он превратится в лес и с ним будет уже не справиться. Мама этот вяз стричь нанимала. Теперь стрижем уже сами. Вообще лес «поддавливает», и часть вяза погибла.

– Кто жил в первое годы в маленьком домике?

– Первое время там жила сторожиха. Она была сестрой сторожихи на даче Вольфовича. Они были откуда-то отсюда. Потом летом там жила домашняя работница. У нас маленький домик использовался как кухня. Тогда в большой даче не готовили и помещение кухни использовали как комнату, которую в тех случаях, когда папа находился на даче, занимал его охранник.

– Кто из взрослых жил тогда на даче?

– Мама и папа проводили здесь отпуска. Мама преподавала в вузе, и отпуск у нее был два месяца. По специальности она, так же, как и отец, металлвед, работала до последнего дня. Первые

годы на даче жили вместе с моими родителями брат отца, его жена и их дочь. Дядя был профессор, преподавал в текстильном институте. Шофер, как это было у Белянкина, Уразова и Гудцова, у нас на даче не жил. Только привозил и увозил отца. Охранники, полагающиеся в силу специфики работы отца, появлялись только вместе с ним. В его отсутствие их в Абрамцеве не было.

– *Вам лично понравилась дача? Чем Вы здесь занимались?*

– Понравилась. Здесь была компания. В нее входили: два мальчика Уразовых, приемные его сыновья, Света Келдыш, Кирпичева Ася, Лида и Вера Усиевич, Алексей Виноградов, Рафик и Рубен Амбарцумяны, Юра Ефимов, Юра Старк, его приятель, который у них жил, Кирилл Леонтович, Шура Хайкин. Было много молодежи на даче Микулина. Егор Заварзин, Ося Атабеков, Володя Гудцов, Слава Грабарь были старше нас и приходили только на посиделки у памятника Сталину или играть в волейбол на поселковой спортивной площадке. Большая компания старшей молодежи жила на даче № 46. Целая волейбольная команда. Поселковая площадка сначала была некачественная, потом при помощи Николая Федоровича ее устроили правильно. Завезли для нее гравий, песок, утрамбовали. Помню: начало лета, комары вьются тучей, а мы играем в волейбол. У Тимофеевых (дача № 46) уже был маленький сын Алеша. Его почему-то взяли с собой. Его жрут комары, и он канючит: «Пойдем домой, мне бы чайку». Родители никакого внимания на него не обращают, продолжают азартно играть.

Ходили купаться на Ворю. Там можно был даже нырять. Из девочек с головой ныряла только Света Жильцова (в будущем очень известный в СССР диктор и ведущая телевидения). Она была подругой одной из дочек шофера академика Белянкина, который с семьей всегда жил летом у них в маленьком домике. Кроме того, играли в футбол. У нас на участке тоже была волейбольная площадка, но она была для своих. Там играли родители, родственники и приехавшие к нам гости. Здесь у нашей семьи кроме волейбола было еще одно развлечение – ходить на время по кругу. Принимали в этом участие все, даже моя беременная жена. Это было в 1958 г. Мы с женой тогда приезжали сюда только на субботу и воскресенье. Отец и его брат любили гулять по кругу.

– *Ваш папа много времени проводил в Абрамцеве?*

– Первое время папа вообще здесь отсутствовал, поскольку его не было в Москве. Он стал больше проводить время в Абрамцеве уже позже. Приезжал и на субботу, и воскресенье. На его юбилеи (60-, 70-, 75-, 80-летие) были большие сборы. Поздравлять его сюда приезжали сотрудники и коллеги из других организаций.

– Вы жили старшим школьником здесь без взрослых? Вашу дачу для молодежных посиделок не использовали?

– Нет. Здесь был всегда кто-нибудь из старших. Дядя, мама, тетя. У нас для этого использовались гаражи на еще не заселенных дачах (№ 37, 35).

– Вам в то время было что-нибудь известно о специфике работы Вашего отца?

– Нет. Это в то время никогда в семье не обсуждалось.

– Вы или Ваша семья как-нибудь пользовались здешним домом отдыха?

– Там играли в волейбол. Кроме того, там был клуб-кинотеатр.

– В музей ходили?

– Тогда там был открыт только один дом. Врубелевская скамейка вся была разбита. На территории музея в подвале был магазинчик. В каменном здании, где сейчас экспонируется современное искусство, была почта.

– Какие здесь в поселке еще были развлечения, кроме спортивных?

– Были танцы под патефон.

– Ваша детская компания существовала долго?

– В 1953–1954 гг. она еще была. Начала распадаться после 1954 г. Все выросли, женились, у всех были семьи.

– Не вызывала ли Ваша компания какого-нибудь недовольства со стороны пожилых жителей-академиков?

– Да, нарекания были. Со слов мамы я знаю, что академик Крылов на собрании жаловался. Произносил что-то в таком духе: «Обнаженные на велосипедах, могут сбить академиков, которые тут прогуливаются. Дамы загорают чуть ли не полностью обнаженные и мешают мне со второго этажа любоваться природой». Академики прогуливались по кругу действительно часто. Всегда можно было встретить прогуливающегося по поселку Немчинова.

– Ходили ли Вы за грибами в лес?

– Да, ходили.

– Ощущали ли Вы давление со стороны взрослых на Вашу компанию?

– Нет, я не ощущал.

– Принадлежала ли молодежь старше Вас к золотой молодежи?

– По-моему, такой здесь не было или я с ними не общался. Такое ощущение, что ничего такого в поселке не было. Во всяком случае, в нашей компании.

– Ходили ли Вы здесь к кому-нибудь в гости и не видели ли там чего-нибудь, что резко отличалось от Вашего быта?

– Бывали на даче у друзей из компании. Например, у Уразова, но в общем-то, там и домашняя, и семейная обстановка ничем не отличалась от нашей. Уразов сам принимал горячее участие в образовании своих приемных мальчиков. Следил за их обучением в школе. Мы все тогда друг от друга не отличались, даже одеждой.

– Не было ли ощущения, что с появлением новых жителей: Таль-розе, Раушенбаха, Охоцимского, Еникополова, Кнунянца и других в поселке что-то изменилось?

– Нет, с покупкой ими дач, по моим ощущениям, ничего не изменилось. Они не нарушили традиционного быта поселка. В это время участки еще не делили. Строительство ограничивалось ремонтом больших домов и перепланировкой сторожек. Правда, к этому времени все «старые» жители уже жили здесь совсем изолированно.

– Что Вас сейчас привлекает в Абрамцеве?

– Мне нравится, что здесь тихо, спокойно. Тишина, природа, зелень, возможность жить изолированно приобретают с возрастом все большую ценность.

– Может быть, именно это и привлекало академиков, многие из которых получили дачи в очень преклонном возрасте? Расположение дач в лесу, большие участки позволяли им почти не выходить за забор.

– Наверное. Многие, получив дачи, здесь и не жили или не успели, например, дед Г. А. Заварзина. Совсем не жил здесь академик Грабарь, но жили его дети – Ольга и Слава, с семьями. В основном здесь жил Слава, который дачу очень любил. Ольга, по-моему, тогда чаще бывала на их старой даче в поселке художников.

– Как быстро природа (дикая) расправилась с искусственно созданным садом и чудными вашими розами, за которыми так ухаживали при жизни родителей?

– От кустов роз осталось сейчас только два, а было их много. Но и тогда сад удавалось поддерживать большими трудами. Садовник не был постоянным, он осуществлял «научное» руководство и сезонные работы. Обеспечивал покупку удобрений, обрезку и тому подобное. В промежутке по мере сил сад поддерживала мама.

– Она любила сад?

– Да. Она хотела, чтобы все было вокруг красиво.

– Помню, что Таню, Вашу кузину, воспитывали строго. Заставляли (да и меня тоже) перед школой за две-три недели заниматься, чтобы

вспомнить пройденную программу. Она собирала коллекции: то гербарий, то бабочек и жуков. Это что, семейная традиция?

– Воспитывали нас строго всех – меня тоже. В ней воспитывали любовь к природе. Ее энтомологическое увлечение поощрялось родителями. Они принимали в этом участие, помогали ей составлять коллекцию. Дядя это делал профессионально.

– Ваши дети тоже выросли здесь? Они привязаны к Абрамцеву?

– Да. Оба сына выросли здесь. С удовольствием продолжают тут жить. Здесь растет и наша внучка.

Лидия Васильевна Фесенкова (1929 г. р.).

Дочь академика В. Г. Фесенкова. Философ, кандидат философских наук.

– Застали ли Вы здесь пленных строителей?

– Застала. Когда я приехала сюда впервые, они проводили канализацию и водопровод. Ходили ли они по поселку свободно, не знаю.

– Участок будущим владельцам предлагали на выбор?

– Да, выбирали. Давали возможность выбрать участок.

– А у Вашей семьи была до этого времени дача?

– Нет. Мой отец до войны организовал Кучинскую обсерваторию. Во время войны организовал обсерваторию в Алма-Ате. Там была подготовлена астрономическая станция для наблюдения солнечного затмения и для высокогорных наблюдений. Ее сотрудники до тех пор, пока не были построены здания обсерватории, жили в палатках. Он оставался директором казахской обсерватории и после войны. У него там был домик, где мы жили всей семьей. Он продолжал там жить и после войны, ездил туда-сюда. Мы – дети – вернулись в Москву с бабушкой в 1943 г., а мама с папой (мама тоже была научным работником – доктором наук, специалистом по атмосферной оптике⁷¹) работали в Алма-Ате. В Москве я поступила в университет. Мои родители были отрешены от мирского. Папа говорил: «А зачем мне дача?»

– Вам дача понравилась?

– Понравилась. Она нам показалась невысказанно роскошной. Наша жизнь во время войны была очень скромная. Много было несчастий. У меня в эвакуации умер младший брат. Старший брат погиб на фронте в 1941 г.

⁷¹ Е. В. Плясковская-Фесенкова (1899–1992). Доктор физико-математических наук. Внесла большой вклад в исследования яркости и поляризации неба.

Первая обсерватория, Кучинская, сначала располагалась в бывших конюшнях Рябушинского – никакой роскоши там, конечно, не было. А в Алма-Ате домик у нас был маленький саманный. Эта дача нам показалась как будто не из этого мира.

– Кто здесь жил первое время?

– Наша семья. Приезжали на лето. Приезжали отец с мамой, когда были в Москве. Они были люди совершенно непритязательные. Много времени проводили в экспедициях, ездили на разведку Сихотэ-Алинского метеорита. У них тут никакого хозяйства и не было. Можно было заказать сюда мебель, но ее получил, по-моему, только Обнорский, мы нет. У нас наверху стояла одна кровать, почему-то по диагонали комнаты.

– Участок пытались окультурить?

– Сначала мы дачу и не обживали. Мама и отец бывали тут наездами. Я была молодая, приезжала со своей компанией. Я даже не помню, что здесь росло. Ягодные кусты посадили, когда я вышла замуж. Мой муж решил сделать здесь отопление батарееми, через центральный котел. Котел топили углем. Летом 1952 г., через несколько месяцев после рождения сына, я привезла его на дачу и отсюда его старалась не увозить. Здесь он жил с бабушкой, моей свекровью, и домработницей. На участке у Уразова была корова, и мы покупали молоко. В маленьком домике какое-то время жила сторожиха. В 1952–1954 гг. мы стали проводить здесь больше времени, но зимой в поселке очень плохо чистили дороги. Наша домработница, когда ходила за молоком, буквально проваливалась в снег. То ли первый наш комендант Исаев был таким плохим управляющим, то ли не было рабочих, но дороги в поселке зимой почти совсем не чистили. Я помню: две колеи, все остальное снег. Надо было как-то исхитриться идти по колее. Ходить было трудно.

Позже родители стали проводить здесь больше времени. Было это, когда мой сын Сева уже не жил здесь постоянно, он учился в школе. Родители приезжали зимой вдвоем на три-четыре дня. Папа не жил на даче постоянно, так как был даже в старости председателем Международного метеоритного комитета. Привозил и увозил их шофер. Я это помню очень хорошо, так как с поездками родителей зимой на дачу были связаны большие волнения. Мы никогда не знали, проедет машина в поселок или нет. Часто бывало, что шофер доезжал до Вори и дальше проехать за ними в поселок не мог. Родителям приходилось идти с вещами до Вори, а ведь они были уже очень пожилые люди. Папа умер в 1972 г., ему было 83 года. Раз было, что шофер застрял еще раньше и вообще

не смог за ними приехать. Мы тогда очень волновались. Нет их и нет. Мобильных телефонов ведь не было...

– *Ваш отец общался с кем-нибудь здесь по науке?*

– Да, с М. В. Келдышем. Здесь еще жила мадам Кирпичева, я с ней познакомилась в санатории Узкое. Она была шикарной дамой, не похожей на всех остальных жителей нашего поселка. Здесь я с ней не общалась, но она и тут ходила шикарно одетая, в каком-то норковом боа – летом. Чтобы не было морщин, туго затягивала лоб капроновым чулком.

– *У Вас была дачная компания?*

– Я дружила с Ниной Немчиновой, дочерью академика Немчинова. Она только что приехала с мужем из-за границы. У нее был ребенок и у меня тоже. Вообще все было достаточно мирно. У Нины с Ремом была установка – жить только на даче, так как здесь хорошо. Они перестали сюда ездить много позже после того, как застали у себя в даче воров⁷². Видимо те, когда приехали хозяева, не успели убежать и пытались уйти из дома ночью. Рэм проснулся в два часа ночи и сказал жене: «В доме чужие». Они вылезли через окно спальни раздетые и побежали в контору. Потом воров нашли в помещении под лестницей⁷³. Помню, в 1953 г. я жила на даче с годовалым сыном Севой. Тогда была большая амнистия, которой все боялись, и у меня рядом с кроватью стояло заряженное ружье. Позже оно пропало – кто-то залез на дачу, но тогда ничего, собственно, не украли – только ружье.

– *Вы знаете здешние окрестности?*

– Да, мне удавалось ходить в леса по грибы. Ходили и на Ворю, она была чистая, только очень холодная.

– *Когда Ваш сын Сева подрос, у него была своя компания?*

– Была компания, и дети возвращались домой очень поздно. Я среди ночи или под утро смотрела, стоит ли его велосипед. Стоит, значит, вернулся и можно спать. Другьями его были Сережа Аверченков, Алеша Абрикосов, внук А. И. Абрикосова.

– *Вы помните нашего второго управляющего, Н. Ф. Шкаринова?*

⁷² По другим сведениям, вору ползели в дом ночью, не зная, что там кто-то есть.

⁷³ Тогда в поселке была серия ограблений. Воры ухитрились жить в закрытой на зиму даче № 12 и по слухам даже оставили хозяевам какой-то хороший магнитофон. Эти ограбления связывали с рабочей бригадой, которая в течение длительного времени вела ремонт на даче № 26. Ее хозяином в то время был академик Марчук. Известно, что на платформе пригородных поездов Ярославского вокзала продавали план поселка академиков с указанием фамилий владельцев.

– С ним имели дело мои родители. Я сама имела дело уже со следующим управляющим – Иваном Мартыновичем. Он был хороший человек.

– *Кого Вы помните из первых жителей поселка?*

– Я помню Марию Генриховну Делоне. С ее мужем Б. Н. Делоне общался папа. Главным для этой семьи были дети. Устраивали елку. Как-то она у них загорелась. Тогда после войны жили как-то не для себя, а для детей. Я немногих здесь знала, но общая атмосфера была такая – никаких разговоров о деньгах и подобных вещах. Все это было как-то второстепенно, самое главное – дети, работа. Все остальное не важно.

– *В музей ходили?*

– Очень часто.

– *Вы считаете, сейчас в поселке произошли изменения?*

– Прощая атмосфера ушла.

– *До каких пор она существовала?*

– До тех пор, пока были живы «старые» академики. Их материальная сторона жизни не интересовала. Я помню, моя мама поехала с отцом в Ленинград. После войны там все было завалено антиквариатом, и моя мама хотела купить две парные вазы. Так папа над ней ужасно хохотал. Спрашивал: «Ну зачем тебе их нужно две?» Тогда мама рассердилась и сказала: «Ладно, я куплю одну, она мне нужна, чтобы складывать туда яйца». Мысль о том, чтобы поставить куда-то парные вазы для красоты, у отца не возникла. В голову просто не приходила.

– *«Лицом» поселка тогда были все-таки Леонтовичи и Делоне?*

– Наверное. Жена академика Леонтовича, Татьяна Петровна, и в Президиум Академии ходила в самой простой одежде.

– *Вы не помните, когда и как исчез памятник Сталину?*

– Нет, наверное, меня здесь в момент его снятия не было. Потом приехала, а памятника нет. Зато помню, как все здесь волновались 19 августа 1991 г. и поддерживали Ельцина.

Нина Сергеевна Павлова (1932 г. р.).

Вдова внука академика М. А. Павлова. Филолог, доктор наук, профессор.

Ее дочери: Наталья Дмитриевна Павлова (1954 г. р.), психолог, доктор наук; Ирина Дмитриевна Павлова (1960 г. р.), киновед.

– *Что Вам известно про самый первый период существования вашей дачи?*

– *Нина Сергеевна.* Академик, металлург М. А. Павлов, получил дачу, когда ему было 85 лет. Этот участок выбрал его сын, Игорь Михайлович, и был очень доволен своим решением: дача была расположена на высоком месте, не граничила непосредственно с лесом. Это было для него тогда приоритетным.

– *Выбирал он его на плане или приезжал в поселок?*

– *Нина Сергеевна.* Нет, он сам приезжал и контактировал со строителями-немцами, даже, как будто, угощал их сигаретами. Сохранилась фотография тех лет, на ней дом уже почти достроен, но еще нет наличников и ставней на окнах, ограждения на лоджии.

– *Какие-нибудь индивидуальные пожелания владельцев учитывались?*

– *Нина Сергеевна.* Я думаю, учитывались пожелания, как ориентировать дом. Как его поставить.

– *Когда и в качестве кого Вы сюда попали?*

– *Нина Сергеевна.* Я первый раз попала сюда в конце 40-х гг., будучи невестой внука академика Павлова Мити (Дмитрий Игоревич Павлов – *сост.*). Моему жениху было к этому моменту 19 лет. Дом поразил меня своим великолепием, в частности – мебелью.

– *Наташа.* По-видимому, мебель завозилась сюда (или покупалась) общим порядком. Как мы потом заметили, она была у многих одинаковая.

– *Помните ли Вы быт стариков – Ваших родственников?*

– *Нина Сергеевна.* На даче был совершенно старорежимный быт. Помню, что была домработница, которая называла стариков «барин» и «барыня». Ольга Андреевна, жена академика, всем распоряжалась. Обед подавался либо в столовую, либо на большую террасу. Обычным явлением здесь были деревенские бабы, которые приходили к воротам поселка с малиной, клубникой, и «барыни», как их величала домработница, закупали все это. Ягоды приносили и на дачу. Это потом кончилось. При стариках их сын, Игорь Михайлович, жил с ними на даче. Сидел наверху и писал книгу. Плохая погода очень ему в этом способствовала. Но чтобы быть в форме, я помню, он, почему-то под дождем, ходил на станцию.

– *Наташа.* Старики, как я знаю по рассказам отца, очень опасались обычной в абрамцевской жизни сырости. Поэтому, будучи в весьма преклонных годах, бывало, предпочитали проводить время в санатории Узкое. Хотя и глубоким стариком прадед сохранял поразительную работоспособность и интерес к жизни. Существует история, которая меня поражает. 85-летний юбилей академика-доменщика, считающегося отцом русской металлургии, широ-

ко праздновался. Торжества проходили во многих местах, в том числе в Екатеринбурге (Свердловске) – на Урале, где прошла его молодость. Туда он приехать не смог, но на приглашение ответил: «Будете праздновать 90-летие – ждите, приеду». И свое слово сдержал!

– *Ира*. При этом прадед всю жизнь имел крайне слабое зрение. Неудивительно, что в связи с первым его приездом на дачу сохранилась история, как они с женой пошли здесь гулять по кругу и заблудились, не могли найти свой дом.

– *Когда Вы стали жить здесь своим домом?*

– *Наташа*. Мы с родителями переехали сюда в начале 60-х гг., когда сын академика, мой дед Игорь Михайлович, построил новую дачу в Перхушкове, а эту отдал детям. Он, мне кажется, ценил Абрамцево. Обожал, как это ни странно звучит сейчас, нашу здешнюю водопроводную воду и, приезжая, уже от калитки требовал ее себе принести. Но его поколение обустроивалось в новом академическом поселке. И, может быть, это, как и забота о детях, решило дело.

– *До этого момента внук академика и его жена были только «приезжающими»?*

– *Наташа*. Отец очень любил своего деда и бабушку, жил вместе с ними в квартире на улице Горького. Но в юности это поколение, как, кстати, и мы в том же возрасте, на даче не оседало. Сюда приезжали, когда здесь не жили старшие, чтобы, пользуясь большим пустующим помещением, собрать друзей. Насколько я могу судить (меня родители брали с собой), эти их молодые компании были не в 10–20 человек, а 30, может, и больше. Играли на площадке на участке в волейбол, даже к восторгу детей стреляли из откуда-то взявшегося настоящего лука.

– *Нина Сергеевна*. Да, это так. Я думаю, у многих было так. Приезжали большими компаниями, в том числе университетскими. Мы приезжали на праздники или в выходные дни. В поселке говорили, что внук академика Митя Павлов разносит дачу, и были очень недовольны нашим поведением. Как-то на крыше маленького домика устроились загорать, и наш тогдашний сосед, академик Крылов, возмущался: «У всех на виду разлеглись в neglige вперемежку мужчины и женщины». Я не помню, чтобы тогда происходили какие-нибудь контакты с молодежью других дач. Нас самих было очень много. С первых лет здесь на чердаке хранился крокет, ворота и клюшки лежали в специальной длинной плетеной корзине. Но мы в это не очень играли. Иногда пробовали, чтобы, по-видимому, представить себе, как это происходило раньше. У нас же было как, по-моему, у всех: в зимнее время на стеклянной

террасе пинг-понг, летом волейбол на участке, лапта на дорожке, футбол, по-моему, тоже на дорожках, а не там, где сейчас играют. Ну, конечно, читали стихи, пили вино и пели. Это было молодое поколение, которое не очень здесь «пришлось». Шумело... Между тем оно в поселке осваивалось, весело проводило время и постепенно остепенялось.

– *Зимой эта молодежная компания сюда приезжала?*

– *Наташа.* Все это родительское поколение, мне кажется, было очень ориентировано на туризм. Поэтому они оседло и потом на даче не жили, предпочитая поездки. Зимой почти никогда не бывали. Чтобы кататься на горных лыжах, снимали избу на станции Турист Савеловской железной дороги, ездили на Кавказ.

– *Нина Сергеевна.* Ты не совсем права. Зимой приходили сюда на лыжах из того же Туриста или из Дмитрова⁷⁴. Здесь тоже жили, катались на лыжах. На беговых лыжах катались с горок, и мой муж сломал здесь ногу. Летом как-то ходили по Воре на байдарке. Это оказалось очень непросто, поскольку она была сильно завалена деревьями. Плавание прерывалось частыми высадками и разбором преград.

– *Вам кто-нибудь топил дачу зимой?*

– *Нина Сергеевна.* В сторожке первое время жила сторожиха, она топила гараж, а большую дачу топили сами, когда приезжала компания. Сторожиха была местная и очень нам, молодежи, сочувствовала.

– *Правильно ли я поняла, что дача молодому поколению была в первые годы ее существования не особенно нужна и использовалась только как некий перевалочный пункт для осуществления туристических развлечений, и то в отсутствие старшего поколения?*

– *Наташа.* Во многом так, но отчасти и по-другому. На даче летом жила моя бабушка Ольга Константиновна Потоцкая, мамина мама, здесь же проводили лето дети.

– *Нина Сергеевна.* Да. Дочерей мы сюда отправляли. Они жили с бабушкой и няней в маленьком доме, где легче было организовать быт. Дети приезжали сюда на каникулы и зимой, но, бывало, здесь заболели. Как-то заболевшую Иру вывозила в Москву на своей машине первая жена А. А. Абрикосова, Таня, она была врач. Они в это время тоже приезжали сюда зимой. Здесь жил круглый год их сын Алеша.

74

Это было тогда очень принято. Молодежь с дач А. И. Абрикосова и Л. И. Прасолова также приходила на дачу пешком, совершая большой поход (больше 25 км) из Туриста или Яхромы Савеловской железной дороги.

– Какое впечатление произвело на Вашу маму (бабушку) Абрамцево?

– *Нина Сергеевна.* Про первое впечатление моей матери, которая жила всю жизнь летом на даче в Болшево, я не знаю – она была человек сдержанный. Освоилась она здесь быстро и завела знакомства.

– *Наташа.* В Болшеве была типичная дореволюционная подмосковная дача. Бревенчатый дом, посыпанные песком дорожки, яблоневый сад, цветы – все, что сопутствовало дачному быту того времени. Поэтому в грузовик, перевозящий вещи с болшевской дачи, были, помимо прочего, помещены корни пионов, клубника-рассада и многое другое для разведения в Абрамцево. То есть всякие атрибуты тамошней жизни здесь пытались привить, но они не прижились. Поэтому, мне кажется, бабушка, с одной стороны, понимала, что здесь гораздо больше удобств, чем было там, а с другой стороны, ей не хватало этой ухоженности участка, налаженного десятилетиями многолюдного быта.

– *Нина Сергеевна, Вы с мужем старались приблизить этот участок по окультуренности к болшевскому?*

– *Нина Сергеевна.* Мы с мужем совершенно этим не занимались. Это уже много позже наша дочь Наташа окультурила участок.

– *Когда Вы, Нина Сергеевна, стали здесь больше бывать?*

– *Нина Сергеевна.* Окончательно я переселилась сюда только в 1961 г., когда родилась младшая дочь Ира. Помню, как мы шли сюда со станции через лес с ребенком на руках и няней. Отпуск же здесь все-таки не проводили или старались не проводить и к детям (они были пристроены с бабушками) относились легко.

– *Наташа.* Я помню, как отец остался здесь в отпуск, потому что надо было починить забор. Считал это подвигом и долгом. Его геологическая профессия к тому же предполагала летом полевые работы – экспедиции в разные районы Союза. Он любил брать с собой в экспедиции и меня, и маму, и кого-нибудь из друзей, считая такие поездки прекрасной возможностью узнать жизнь и страну.

– *Нина Сергеевна.* Но он здесь жил, когда писал докторскую диссертацию.

– *Как тогда доставляли сюда продукты?*

– *Нина Сергеевна.* Каждый в своих рюкзаках. Это продолжалось долго, собственно, до перестройки.

– *Наташа.* Ходили или ездили на велосипеде в ближайшие магазины – возле музея и в генеральском поселке. Помню очереди,

которые выстраивались на улице в ожидании привоза молока. Ну и, конечно, надо вспомнить о замечательном «заказе», который являлся событием в жизни поселка. Дети машину, развозившую заказы, встречали и оповещали домашних: «Вот она около 5-й дачи, около 1-й... Едут к нам!»

– *Как долго действовала эта система заказов?*

– *Наташа.* Много-много лет. Владимир Иванович, привозивший заказы, получал от бабушки рубль, и считалось, что благодаря этому он дает дополнительные продукты (не входящие в стандартный набор): хлеб и что-то еще, что у него всегда было для особ, его привечающих и материально поощряющих. Естественно, потом во всем поселке был одинаковый рацион. Холодильники были небольшие, маломощные, и нетрудно было догадаться, что у всех в первую очередь попадет на стол.

– *С кем здесь дружили или вообще у вас знакомых не было, только своя компания?*

– *Нина Сергеевна.* Моя мама очень дружила с матерью Дмитрия Евгеньевича Охоцимского, и мы тоже с ними познакомились. Сам Дмитрий Евгеньевич и его жена Софья Александровна – очень приветливые и милые люди. Вслед за мамой мы познакомились и с Леонтовичами и потом больше всего дружили с Верой Леонтович и ее старшей сестрой Наташей, женой Миши Левина. И мы к ней ходили, и она к нам, но так, как это бывает в поселке, нерегулярно. Муж был геологом и очень почитал Беловых. У самого академика он, очевидно, учился на геофаке, а с его дочерью Ларисой Николаевной⁷⁵ и ее мужем Владимиром Николаевичем работал в одном институте. Еще он дружил с Володей Гудцовым. Я сама была связана с Виппером, не с историком, а с его внуком, Юрием Борисовичем, литературоведом. Я у него училась. Здесь я познакомилась с Еленой Львовной Копелевой, женой Мстислава

⁷⁵ Л. Н. Белова (1923–1998) – в 1941 г., будучи студенткой 2-го курса Московского геологоразведочного института (МГРИ), ушла добровольцем на фронт, где служила в составе 125-го гвардейского авиаполка сначала мастером электрооборудования, а затем штурманом бомбардировщика. Прошла боевой путь от Сталинграда до Кенигсберга и была награждена орденом Отечественной войны II степени, Красной Звезды, Красного Знамени и медалями. В 1949 г. закончила с отличием МГРИ и была принята научным сотрудником в Средне-Азиатскую экспедицию Академии наук СССР (позже Экспедиция №1 Института геологии рудных месторождений (ИГЕМ) Академии наук СССР). В этом подразделении, созданном для решения проблем обеспечения страны ураном, Л. Н. Белова проработала до конца своей жизни. С 1957 г. она возглавляла единственную в мире уникальную группу по изучению минералогии зон окисления урановых месторождений страны. Эти материалы легли в основу докторской диссертации (1971) и монографии «Зоны окисления гидротермальных месторождений урана» (1975).

Игоревича Грабаря, сына академика. Наталия Ивановна Обреимова и ее муж Андрей Сергеевич Петрухин всегда откликались на любые наши обращения с медицинскими проблемами, это продолжалось и в Москве. Кроме того, здесь в санатории был теннис. В теннис ходили играть вместе мой муж, Юрий Борисович Виппер и Вера Тихоновна (хозяйка 28-й дачи).

– *Наташа*. С самим Иваном Васильевичем Обреимовым мы познакомились так. Нашу свадьбу с Олегом мы устраивали в Абрамцево. И хотя, как мне казалось, все это было достаточно чинно, так как присутствовали и старики, и дети, но он – наш сосед через дорогу, пришел укорять нас за шум. Он сказал буквально следующее: «Единственное преимущество Абрамцева – это тишина, а вы ее нарушаете». Но, оценив неординарность случая, довольно быстро сменил настроение, принял приглашение сесть с нами за стол и поддержал компанию и общее веселье.

– *Какое впечатление на Вас производили управляющие поселком Николай Федорович и Иван Мартынович?*

– *Нина Сергеевна*. Николай Федорович держал себя начальником. Был как-то сам по себе. Гонял детей с газонов. Я даже пыталась своих внуков пугать «комендантом», когда они были маленькие. Жена Николая Федоровича была учительницей – готовила детей, живущих здесь, по программе начальных классов. Кажется, этими детьми были Галя Белова и Лена Хайкина.

– *Наташа*. Да, мы его боялись, кричали: «Комендант идет». Во всяком случае, если сравнивать с его преемником Иваном Мартыновичем, контраст был разительный. Иван Мартынович был мягкий, контактный, приветливый человек, и слово «комендант» ему уже никак не подходило.

– *Ира*. Мы, дети, собирали землянику по газонам, и у нас был большой азарт спрятаться от Николая Федоровича.

– *В поселке существовали какие-нибудь общие мероприятия?*

– *Нина Сергеевна*. Была так называемая оздоровительная гимнастика для дам поселка. Происходило это на участке дачи № 16 (она была свободна), там, где был медпункт. Мама туда ходила и была очень довольна. Кто уже за деньги учил детей языкам. Вешались объявления, собиралась группа детей с разных дач.

– *Ира*. Еще был художественный кружок, который вел художник Биргер⁷⁶. Кружок действовал в Москве и отчасти переносился

⁷⁶ Б. Г. Биргер (1923–2001) – представитель оппозиционной «неофициальной» русской живописи второй половины XX в. Развивал в своей живописи традиции символизма. Отличительной чертой его манеры стал коричневато-золотистый, мерцающий внутренним светом колорит, создающий на полотнах атмосферу сосредоточенного духовного созерцания. Писал романтические пейзажи и интерьеры, но главным его жанром стали портреты инакомы-

летом сюда. Вместе рисовали декорации к спектаклям, которые дети устраивали в конце августа. Бамбик (Андрей Левин) был душой этих праздников.

– *Что значит художественный кружок? Биргер учил детей рисовать?*

– *Наташа.* Как я понимаю, он входил в круг знакомых Леонтовичей. У них на даче устраивались всякие представления. Дети поселка тоже участвовали.

– *Наташа, как сложились твои отношения с компанией детей, которая уже сформировалась к моменту твоего и Ириноного появления в поселке?*

– *Наташа.* Когда я приехала, здесь уже была большая сформированная компания детей, которая меня очень привлекала. Все были старше меня, и мне очень хотелось в этот круг войти.

– *Чем были заняты эти дети?*

– *Наташа.* Вспоминаю игру в лапту или вышибалы на дороге у Беловской дачи. Потом ночные поездки на велосипедах (так нам казалось, на самом деле, конечно, вечерние) на танцы в дом отдыха. По-моему, он был уже не академический, а ВЦСПС. Я вылезала тайно из окна, поскольку меня, конечно, никто туда не отпускал. Тамара Тавризян, соседка с дачи № 28, меня специальным образом причесывала, мы красились, наряжались. Соседняя дача № 19, бывшая академика Крылова, многие годы пустовала, и мы использовали ее для игр. По нашим масштабам эта дача была очень ухожена – скамеечки березовые, цветы. У нас была туда лазейка, и пару лет, если не ошибаюсь, мы разыгрывали там свой вариант «Трех мушкетеров». При этом, хотя в основном в компании были девочки, все обычно стремились быть именно мушкетерами. Помню, Оля, внучка Б. С. Стечкина, была Атосом. Велосипеды использовались в качестве лошадей. Мы писали друг другу письма, которые по нашему разумению оснащались атрибутами того времени: рисовались «печати», бумагу надушивали и пр. На даче напротив было много детей: Тамара Тавризян и ее две сестры (двоюродные), по-моему, Ира старшая и Наташа. В сторожке жил приезжавший из Ростова-на-Дону мальчик Алеша, который с нами тоже дружил, а потом там жил Масалин. Он был членом следующей за нами детской компании.

слящей интеллигенции: Н. Я. Мандельштам, А. Д. Сахарова и Е. Г. Боннэр, И. П. Уварова, Ю. М. Даниэль, Б. Ш. Окуджавы, М. И. Грабаря и др. Позднее важное место в его творчестве заняла религиозная тема. Не раз устраивал домашние кукольные спектакли, где существенную роль играли куклы-шаржи на его знакомых. С 1970-х гг. получил известность за рубежом, прежде всего в Германии (каталог его первой несостоявшейся немецкой выставки вышел в 1975 г. в Анн-Арборе (США) с предисловием Г. Белля). В 1991 г. эмигрировал, жил в Кельне.

– *Ира*. Я младше Наташи на 6 лет. У нас был здесь театр, который назывался МХАТ: Малолетний Хотьковско-Абрамцевский театр – программка где-то была. Что там делали и ставили – это к Леонтовичам. Мы еще играли в войну Алой и Белой роз. В нашей компании была Галя Черная, принимал участие Кирилл – сын пианистки Николаевой⁷⁷, которая снимала здесь дачу. Еще помню, как мы находили птенцов, выпавших из гнезда, и относили их жене академика Обреимова, у которой вся стеклянная терраса была уставлена клетками с лесными птицами. У них еще жили говорящие попугаи (или попугай), которые периодически улетали, и домработница (она немного хромала) разыскивала их по поселку. Звала их по именам, и они возвращались.

– *Взрослые тогда беспокоились о безопасности детей в поселке?*

– *Наташа и Ира (хором)*. Нам, кажется, совершенно нет. Или очень мало.

– *Наташа, возникло ли у тебя здесь, после дачи в Болшеве, некое ощущение свободы?*

– *Наташа*. Несомненно, это ощущение у меня возникло. Но оно пришло много позже уже в молодости. Что касается детского возраста, то на даче, с одной стороны, мне было довольно скучно и однообразно. Но, с другой стороны, мне, как и всем в детстве, хотелось взрослеть. Это желание во многом реализовывалось именно здесь, в той более взрослой компании.

– *Были ли в поселке дачи, которые привлекали особое внимание, чьи жители отличались от всех остальных, считались богемой?*

– *Нина Сергеевна*. Да-да, дача Микулина. Там жили киношники. Жена (бывшая) Микулина, Вера Тихоновна, работала во ВГИКе, и какие-то к ней приезжали киношники, актрисы. Чуть ли не актриса Нифонтова.

– *Наташа*. Нифонтова, если я не путаю, жила на 6-й даче.

– *Нина Сергеевна*. Противоположность «богемности» 28-й дачи представляла дача Випперов. Вспоминаю прекрасный сад, за которым ухаживал садовник. Прекрасно помню стариков (Марию Николаевну и ее мужа), гуляющих ежедневно по поселку под руку. Они производили очень трогательное впечатление.

– *Поселок существует уже более 60 лет, были ли здесь какие-нибудь скандалы?*

– *Наташа*. Такого, конечно, не было. Бывали трения разного рода, например, по вопросу оплаты хозяйственных расходов с

⁷⁷ Т. П. Николаева (1924–1993) – пианистка, преподаватель и композитор, профессор Московской консерватории. Получила первый приз Международного баховского конкурса. Лауреат премии Р. Шумана, лауреат Сталинской премии (1951). Народная артистка СССР (1983).

разделенных дач. Какие-то проблемы, связанные с разностью интересов жителей поселка (охрана и тому подобное), есть и сейчас, но на личные отношения это никогда не переносилось. Конфликтовали эпизодически по поводу здешних собак, которых, как водится, одни любят, другие нет.

– Я знаю, что вашими гостями здесь бывали иностранцы. Они с вами делились своими впечатлениями об Абрамцеве?

– *Нина Сергеевна.* В свое время привезти иностранцев сюда было очень трудно: как только сворачивали с Ярославского шоссе, возникала милиция и заворачивала машину назад. Они были поражены тем, что в поселке нет телефона. Тогда, чтобы позвонить в Москву, надо было идти к Охоцимским, заказывать разговор по талончику или ехать на телефонный пункт в Хотьково. Моего аспиранта – швейцарца, помню, поразило, что в окрестностях много бесхозной и, главное, не занятой ничем земли. Это обилие земли и ее нефункциональное использование его потрясли.

– *Наташа.* Не так давно в поселке несколько лет жила Катя Разумовская-Фасбендер с семьей. Она приехала из Вены. Ее впечатления, самые восторженные в первое время, к концу сменились унынием. «Как можно здесь жить, – говорила она, – когда по полгода зима и чуть ли не с середины дня уже вечер и темень». Это суждение, конечно, трудно отнести только к Абрамцеву, но что-то оно характеризует и здесь.

– *Посещали ли музей?*

– *Наташа.* Музей долгое время воспринимался нами, детьми, как место, где было тепло. Возвращаясь домой на лыжах, заворачивали в музей. Это давало возможность отогреться. Раньше там все было проще, посетителей было немного, и нам были рады. Давали замечательные суконовые с тесемками музейные тапки. Позднее много приходилось ходить туда с гостями, и это, признаться, превратилось в нелегкую обязанность. С большим удовольствием стали ходить в Мураново.

– *Зимняя жизнь поселка отличалась от летней?*

– *Наташа.* Мы детьми проводили здесь зимние каникулы, и они памяты тем, что вели к более широким, чем летом, контактам в поселке. Это было связано со здешним довольно трудным в те годы зимним бытом. Так, большую роль в нашей зимней жизни играли Леонтовичи, которые постоянно жили здесь зимой. Когда мы приезжали в холодный нетопленный дом, вода была, конечно, замерзшей, и ее нужно было отогревать. Первые шаги этого длительного процесса всегда начинались с похода с ведром к Леонтовичам, где был налаженный быт. Они никогда не отказывали. Кроме того, единственной возможностью связаться с Москвой

были опять же Леонтовичи или Беловы, у которых тогда был телефон. Я с благодарностью вспоминаю и замечательную бабу Матрену, которая жила сторожихой у академика Ивана Матвеевича Виноградова. Наше знакомство началось с того, что мы с подружжой, как-то приехав зимой, обнаружили, что нечем растопить печь. Что делать, не ехать же обратно, и тогда мы отправились воровать дрова. Матрена нас за этим занятием засекала на даче Охотимских. Она как человек, исправно выполняющий обязанности сторожа, за нами пошла, добилась признания, а потом сказала: «Я вам дам дров». Еще помню, как большая компания проводящих зимние каникулы детей придумала срывать на дачах уличные градусники. Этим занимались с удовольствием и азартно. Дело облегчалось еще и тем, что через заборы из-за большого количества снега можно было просто перешагнуть. Эти градусники мы разбирали и стеклянную часть плавил в печках, чтобы получать всякие замысловатые фигурки. К нашему удивлению в поселке возник слух, что появились воры, которые, по-видимому, имели более серьезные намерения, но не смогли влезть в дом и ограничились градусниками.

– *Как вы считаете, способствовало ли наличие дачи приобретению неких бытовых навыков, которые, возможно, не обязательны, но отличали всех нас от сверстников?*

– *Наташа.* Да, несомненно. Здесь трудовые навыки волей-неволей формировались. Научились топить печки, пилить дрова и пр. Помню, какие-то Ирины друзья пытались разжечь печь, набив дрова в поддувало. У них не было нашего опыта. В «догазовую» эпоху быт здесь был достаточно суровым. Помню, я стирала пеленки, а воду для этого кипятила на костре.

– *Ира.* Полоскать пеленки приходилось в очень холодной проточной воде, и меня кто-то научил надевать две пары шерстяных перчаток и сверху резиновые, тогда руки не мерзли.

– *Дача занимает большое место в вашей жизни? Вы все привязаны к ней?*

– *Наташа.* Толстой, вроде бы, сказал: «Что бы был я без Ясной Поляны?» Так же и я. Дача сыграла огромную роль в моей жизни, я осознала это совсем недавно, а вовсе не в каком-то более юном возрасте. Я воспринимаю этот дом как свой основной. Когда у меня временно не было собственной квартиры в Москве, я очень хорошо поняла, что не перенесла бы этой ситуации, если бы не этот дом. Я воспринимаю его как Дом в широком смысле слова, все остальное – квартира. И я думаю, что точно так же может сказать и мой муж. Именно дачу, а вовсе не многочисленные квартиры, в которых жила, вижу во сне, в тех снах, которые относятся к семье, фундаменту.

– *Ира*. Важно еще то, что я очень хорошо знаю эту часть Земли. И она меня помнит и помнит меня маленькой. Здесь стоят деревья, которые выросли вместе со мной.

– *Что-нибудь вспомните о жителях?*

– *Наташа*. Я еще хочу вспомнить дочь академика Белова, Ларису Николаевну. Ее очень чтит мой отец и много про нее рассказывал. Насколько я знаю, она в войну была штурманом в эскадрилье Марины Расковой. Ее военная юность проявлялась и впоследствии в укладе их дома – с одной стороны, демократичном, с другой – строгом. Ее отец, академик, был открыт и приветлив. Я его хорошо помню гуляющим по поселку. Он был очень радушный. Она же была строгая.

– *Нина Сергеевна*. Лариса Николаевна даже в пожилом возрасте ходила быстрее меня. Однажды мы куда-то вместе шли, и я, было, подумала, что придется медленно плестись. В итоге, угнаться за ней я не могла.

– *Наташа*. Зять академика Белянкина многим здесь помогал по хозяйству, и его приглашали во многие дома за помощью. Но мы, дети, его боялись. Он развел у себя на участке большой яблоневый сад. Считалось, что он сторожит яблоки в шалаше, и если дети полезут за ними, то могут получить заряд соли в зад.

Яркий образ оставила случайная встреча с Венедиктом Ерофеевым. Я знала, что он живет на даче № 41, у Делоне. Но когда вдруг увидела его идущим по улице, была поражена, что он был в точности таким, каким я его представляла по его книге. В кирзовых сапогах, в белой сорочке и совершенно неотразим.

Когда сгорела дача Грабаря, мне запомнилось, как кто-то из их семьи, наверно Елена Львовна Копелева, сказала, что потери от пожара невосполнимы, так как вместе с домом сгорели вещи, которые у них, как и у всех, здесь хранились. Совершенно ненужные, но вместе с тем совершенно невосполнимые.

– *Как вы думаете, повлиял ли на наших детей тот факт, что они выросли в поселке академиков?*

– *Наташа*. Они об этом скажут сами. А мне очень отраднo видеть, что они, сейчас уже 30-летние, сохраняют здесь по-прежнему свою детскую компанию. В ней (замечу тоже с большим удовлетворением) есть очень разные и очень разного возраста люди, очень разных устремлений, что дает им редкую в юношеском возрасте терпимость, а это очень важно. Эти дети уж точно могут сказать, что они выросли в Абрамцеве. И это, между прочим, четвертое, а в нашей фамилии даже пятое поколение здесь живущих!

Тамара Павловна Тимофеева (1926 г. р.).

Первая жена внука академика Л. И. Прасолова, Дмитрия Андреевича Тимофеева. Географ.

Ее дочь Елена (Алена) Дмитриевна Энгельгардт (1951 г. р.).

– *Тамара Павловна.* Эту дачу академик Леонид Иванович Прасолов получил тогда же, когда и все. Но Прасоловы были до того скромные люди, что в это не поверили. До этого они снимали дачу в Болшеве и какое-то время продолжали ее снимать, а эта дача стояла, по крайней мере год после того, как была построена, пустой. Потом молодежь – внуки академика – дачу стали обживать. В 1949 г. родился маленький Алеша, правнук академика, сын его старшего внука Александра Андреевича Тимофеева, и его сюда привезли уже весной 1950 г. Мы с мужем, Дмитрием Андреевичем, вторым внуком академика, здесь поселились немного раньше, когда заканчивали университет и писали дипломные работы.

– *Каким Вы увидели участок первый раз?*

– *Тамара Павловна.* Первый раз мы, молодые, приехали посмотреть на дачу, когда ее еще строили немцы. Здесь лежали поваленные деревья, в общем, была просто строительная площадка. И ходили немцы в шапочках.

– *Они были в униформе?*

– *Тамара Павловна.* Да, в какой-то зеленой форме. Охраняли ли их, мы не поняли. Никакой охраны мы не видели.

– *Как выглядел поселок? Другие дачи были построены?*

– *Тамара Павловна.* Наша дача достраивалась одной из последних. Я помню только нашу дачу.

– *Как обживали дачу?*

– *Тамара Павловна.* В конце весны 1950 г. сюда приехала молодежь (внуки академика с семьями). Потом я и Дмитрий Андреевич уехали в экспедицию на дипломную практику, и когда вернулись, здесь уже жили все. И дед-академик, и его жена, и Ирина Леонидовна – дочь академика, и все ее семейство⁷⁸. Привезли маленького Лешу, ему не было тогда еще года. Все жили здесь, на этой даче. Дед сидел всегда на террасе, он уже плохо ходил. Ему сделали на участке твердую дорожку, чтобы он по ней гулял. (Дорожку делали здешние рабочие. Здесь такие хорошие рабочие были!) Когда мы только приехали весной, то спали на полу на тюфяках, а

⁷⁸ Вместе с Ириной Леонидовной на даче жили трое ее сыновей от первого брака (Александр, Дмитрий и Михаил Тимофеевы) с семьями, а также ее второй муж Галицкий и дочь от этого брака.

в ведрах по углам стояла черемуха. Свекровь со своей младшей дочерью Ирой тоже спала на полу на тюфяках. Помню, сидели на крыльце. Я копалась в грядках, хотя тогда это был еще не огород, а только-только разбивали цветник. Дмитрий Андреевич читал мне Джека Лондона. Потом обустройством дачи занималась свекровь. Купили кровати с панцирными сетками, плетеную мебель. Ее все покупали на Калужской, в доме 13, там был мебельный магазин. Эта мебель была у всех одинаковая. Она сохранилась на даче Абрикосовых. (Ее надо бы сфотографировать на память.) У нас из-за большего числа жителей от нее ничего не осталось. Обеденный стол на стеклянной террасе был сколочен рабочими просто из досок, и вместо стульев стояли лавки.

– Да, у нас мебель плетеная еще жива. А обеденный стол на террасе составлен из двух одинаковых столов. Их столешница представляет собой шахматную доску. За такими столами играли в шахматы в санаториях. Мне кажется, они из нашего санатория. Какие-нибудь списанные.

На даче вы жили одной семьей, так же как и в квартире на Пятницкой в Москве?

– Тамара Павловна. Да. Мы всегда жили одной семьей. В общем, и сейчас так живем. Хотя молодежь старается отделиться.

– Кто жил самое первое время в маленьком домике?

– Тамара Павловна. В маленьком домике жила домработница, тетя Паша. Она мела дорожки в саду. Почему-то принято было подметать дорожки. Готовить она не умела, и готовила на всех Ирина Леонидовна, ну а она что-то помогала. Мыла полы.

– Жена академика, Варвара Степановна, была моложе его? Она работала?

– Тамара Павловна. Если и была моложе, то очень не на много. Она, наверное, была 1878 или 1876 года рождения, точно не помню, а он 1875. По-моему, она не работала никогда, но точно не знаю. У академика к моменту поселения на даче был второй инфаркт.

– Огород разбили с самого начала?

– Тамара Павловна. Нет, Ирина Леонидовна занималась в основном цветами. У нее были цветы вдоль дорожки от маленького домика к маленькой террасе. Огорода (картошки) не было. Уже потом посадили клубнику. Когда Ирина Леонидовна сажала с тетей Пашей клубнику, я уже была занята своими малышами-близнецами⁷⁹.

⁷⁹ Дети-близнецы Тамары Павловны: Елена Дмитриевна Энгельгардт (1951 г. р.) и Михаил Дмитриевич Тимофеев (1951 г. р.).

– Где брали цветы для посадки?

– Тамара Павловна. Ездили за ними в Немчиновку, там был питомник, привозили сирень, жасмин. Венгерская сирень у нас была роскошная, она потом вымерзла. Жасмин из-за тени очень плохо у нас цвел. Росли сортовые наперстянки разных цветов. Я это хорошо помню, потому что, когда родились Алена и Миша, с дачи в Москву приехала Ирина Леонидовна и привезла букет наперстянок. Я, конечно, поставила их в комнате, что делать – отказаться было нельзя, а они ядовитые. Кроме того, покупали еще где-то рассаду, привозили цветы и из Москвы.

– Кто из Ваших соседей уже жил на даче, когда Вы приехали?

– Тамара Павловна. Одновременно с нами въезжал в дачу академик М. В. Келдыш. Я почему-то помню, как он в белой с вышивкой шелковой косоворотке сам засаживал участок. Он сажал цветы, а его жена – кусты. Такое у них было разделение труда. Он как-то к нам пришел за чем-то. Все только приехали, ни у кого ничего не было. Просто ходили попросить чего надо, по-соседски. К моменту нашего приезда Степан Ильич Миронов (сосед между нами и Келдышем) уже жил. Он посадил много цветов. Да, в общем, мы не особенно общались с другими жителями. Мы, тогдашняя молодежь, приезжали сюда только на воскресенье. Но наши дети с нянями жили, конечно, здесь.

– Были какие-нибудь спортивные игры?

– Тамара Павловна. Много играли в волейбол. Сразу для этого сделали на участке площадку. К нам часто приходил играть сын академика А. А. Бочвара, Юра. Алеша, племянник академика В. В. Виноградова, тоже приходил, но редко. Сейчас уже не помню, кто еще, но много молодежи собиралось играть. В то лето, когда родились мои дети, в поселке разбили общую спортивную площадку и играли уже там. Детей таскали с собой.

– Куда-нибудь здесь ходили? За грибами?

– Тамара Павловна. Я не помню, чтобы куда-нибудь мы ходили, некогда было. Няnek детей на выходные отпускали. Выходной день тогда был один – воскресенье. Когда дети были маленькие, так и жили все вместе, семьей: бабушка (свекровь), прабабушка (жена академика), мы, дети, няньки, тетя Паша. Сам академик умер в 1954 г.

– Где Вы проводили отпуск?

– Тамара Павловна. Я и мой муж Дмитрий Андреевич – географы, и лето мы проводили в экспедиции, в поле. Отпуск у нас был, как правило, осенью, когда с дачи уже все съезжали. Из-за этого значительный период здешней жизни у меня пропущен.

– Когда Вы стали больше бывать на даче?

– Тамара Павловна. Я стала здесь больше бывать, когда перестали ездить в поле. Постоянно стала здесь жить уже с внуком Толей, когда ушла на пенсию. В 1976 г. Толечку привезли сюда месячного.

– Какие у Вас были отношения с управляющим Николаем Федоровичем?

– Тамара Павловна. Он на нас сердился. Наша дача была шумная. Народу много, детей много. Они, когда подросли, устраивали здесь всякое веселье.

– Он что, мог придти в разгар веселья, сделать замечание?

– Тамара Павловна. Нееет!!! Ну нет! Просто я к нему приду за чем-нибудь, а он со мной разговаривает «свысока».

– Было ощущение, что Николай Федорович все про всех знает?

– Тамара Павловна. Во всяком случае, что происходит у нас, он был абсолютно в курсе.

– Поселковые машины-грузовики существовали только при нем?

– Тамара Павловна. Нет. Машины оставались еще и при следующем управляющем, Иване Мартыновиче. Когда я переехала сюда, то первое время работала в поселке. Он меня поставил на заправку автомашин. Кроме того, я включала и выключала уличный свет в поселке. Это была моя работа. Я вечером бежала на водокачку и включала свет, а утром его выключала. И один раз ночью обходила поселок. У меня была собака Тим.

– Расскажите про поселковых рабочих.

– Тамара Павловна. Рабочие были замечательные. И Володя Марков, и Гриша. Володю Аверченкова я звала Есениным. Он бы красивый, курчавый, голубоглазый блондин. Мы общались потом и с его женой Марусей. За молоком к ним ходила, когда дети были маленькие. Потом был водопроводчик. Кран починит, свекровь ему сует деньги, а он: «Ирина Леонидовна, это наша «священная» обязанность». Денег не брал.

– Они были вежливые и умелые?

– Тамара Павловна. Да, хорошие были ребята.

– Как памятник Сталину сняли, помните?

– А как же! Вот Алена, моя дочь, свидетель.

– Алена. У нас с братом был коклюш, и мы не ходили в школу, были здесь. С нами жил отец, а в поселке никого не было, так как все учились. Это было начало зимы. Снег уже выпал. Я вышла гулять и пошла к Сталину, на площадку, смотрю, повалили памят-

ник и тащат его, привязанным веревкой к грузовику, на водокачку. А я и говорю: «Он дачи подарил, а вы его так везете».

– *Расскажите про корову, которую завела жена академика Уразова.*

– *Тамара Павловна.* У Уразовых была не только корова, но и куры. Корова жила у них довольно долго. В поселке у них покупали молоко. Но молока на продажу всем не хватало. Сама жена академика была сравнительно молодой, лет 40, с белой косой.

– *Приезжая на выходные, Вы все время проводили в кругу семьи и не видели, что творится в поселке?*

– *Тамара Павловна.* Да, только вечером, когда мы выходили гулять, всегда встречали и прогуливающих по кругу академиков. Белянкин обязательно поздоровается за руку, у дамы руку поцелует. Академик Н. Н. Семенов, после того как купил дачу академика И. Г. Петровского, прогуливался здесь со своей второй женой, Романовой. Все были очень доброжелательные, интеллигентные, очень приветливые. Чувствовалось, что мы здесь все знаем друг друга.

– *И все действительно знали друг друга?*

– *Тамара Павловна.* Да, все друг друга знали. Все здоровались.

– *Прогуливались семейными парами или парами «по интересам»?*

– *Тамара Павловна.* Ну, Иван Матвеевич (Виноградов) мог, конечно, гулять с кем угодно. Его все знали. Он был долгие годы председателем правления.

– *Какие-нибудь скандалы, сплетни в поселке бывали?*

– *Тамара Павловна.* Нет, среди нас сплетен не было. Домашние работницы, конечно, сплетничали. Они все знали про всех, рассказывали. Мы не очень прислушивались.

– *Кто жил на даче № 39 до того, как ее купил Яблонский?*

– *Тамара Павловна.* Говорили, что она предназначалась для академика-дипломата Потемкина. Не знаю, жил ли он на ней. Затем на этой даче жил писатель-фантаст Ефремов. Мы его часто встречали на лыжных прогулках. Затем эту дачу снимал Трапезников⁸⁰. У них не было детей, и они усыновили девочку. Она была глухая, потеряла слух после гриппа. Кроме того, он воспитывал троих детей погибшего брата, который был капитаном дальнего плавания. Мать этих детей тоже погибла. Мальчики учились в морском училище. Потом эту дачу снимала какая-то писательница с

⁸⁰ В. А. Трапезников (1905–1994) – ученый в области электромашиностроения, автоматике, процессов управления и экономики научно-технического прогресса, автор ряда мировых открытий в этих областях Член-корреспондент АН СССР с 1953 г., академик с 1960 г.

сестрой. Фамилию не помню. Яблонский появился в 1962–1965 гг. Раньше он жил в Новосибирске.

– *Когда у вас стали сдавать маленький домик?*

– *Тамара Павловна.* Мы стали его сдавать, когда уже не было сторожихи – тети Паши, а дети были младшими школьниками. Но всегда сдавали друзьям или их знакомым.

– *С дачниками дружили?*

– *Тамара Павловна.* Дачники, по сути дела, всегда были «свои», друзья. С ними никаких тренировок не было. Искандер, правда, был не «свой», но никаких трудностей у нас с ним не было. Очень был приятный человек, книжку мне подарил.

– *Расскажите про деревню Глебово.*

– *Тамара Павловна.* Глебово от нас совсем близко. Тетя Дуся из Глебова, когда мы только переехали, приносила нам сюда молоко. Она выходила из своих ворот, а наша собака Дружок начинала лаять и лаяла до тех пор, пока она не придет и не нальет молока. Только после этого она замолкала. Это просто было чудо какое-то. Мы поэтому все знали: тетя Дуся идет. Сами мы в Глебово не ходили, только ходили мимо деревни на станцию. Оттуда приносили на продажу ягоды. Еще совсем недавно жена Володи Маркова, Лида⁸¹, нам летом носила ягоды, яйца.

– *В музей ходили?*

– *Тамара Павловна.* А как же! И сами ходили, и детей водили обязательно. Как только приезжают к нам гости, приятели, мы их тут же ведем в музей.

– *Алена.* Мы в парке музея катались с горки около избушки на курьих ножках. Парк был открыт для свободного посещения. Катались там даже в темноте. Еще была горка около Гравидана. Там на спуске к Воре устраивали слалом. И родители с нами катались. А в лесу на лыжах всегда встречались с Леонтовичами.

– *В начале 60-х гг. на школьные каникулы в поселок приезжало много народу?*

– *Тамара Павловна.* Да, многие приезжали. А наши дети, Алена с Мишей, и племянники, Наташа с Алешей, жили зимой вместе на каникулах в маленьком домике. К нам всегда еще кто-то приезжал. Новый год мы, молодые, часто встречали там. Это были еще тогда наши праздники – для взрослых. Елку наряжали на улице.

– *С Леонтовичами на зимних праздниках не объединялись?*

⁸¹ Лида Маркова умерла зимой 2009 г. Была подругой М. А. Аверченковой. Дружили и их мужья, всегда на праздниках бывали друг у друга в гостях. Все они похоронены на Абрамцевском кладбище.

– *Тамара Павловна.* Нет. Сами обходились. Нас было много. О детях, когда они стали выходить за калитку, мы не беспокоились. Тут было безопасно. Не волновались. Они, собственно, никуда далеко и не уходили.

– *Вашими соседями по московской квартире в академическом доме на Пятницкой были Делоне. Они очень долго арендовали здесь дачу № 41. В поселке Вы общались с ними?*

– *Тамара Павловна.* Борис Николаевич Делоне и в Москве к нам не приходил и здесь не особенно общался. Аня, его дочка, приходила. Как-то раз помогала мне мебель двигать. Дети мои с внуками Б. Н. Делоне, Вадимом и Мишей, конечно, общались. Катались на лыжах вместе. Какое-то время у них была одна компания. Племянник, Алеша, ходил к ним музыку слушать, джаз. Они этим увлекались. Когда Вадик стал диссидентом, он не очень стал здесь появляться. Помню, когда Вадим вышел из тюрьмы, он как-то пришел к нам и очень долго читал свои тюремные стихи. Я слушала, слушала, и так мне стало тоскливо... Я сказала: «Вадик, хватит!»

– *Борис Николаевич Делоне устраивал в Абрамцево пешие и лыжные походы. Ваши родственники с ним ходили?*

– *Тамара Павловна.* Нет, наши не ходили. У Александра Андреевича и Дмитрия Андреевича были свои компании. Они ходили в свои походы, а с ним – нет. Мне кажется, с Делоне ходили более профессиональные лыжники.

– *А в гости на дачу, когда был жив академик, кто-нибудь приходил?*

– *Тамара Павловна.* Помню, приходил Белянкин, он был связан с Прасоловым по работе.

– *Вы сами к кому-нибудь в гости ходили?*

– *Тамара Павловна.* По-моему, нет. Иногда ходила к Делоне, но, собственно, это было и не в гости. Вообще жена Бориса Николаевича, Мария Генриховна, была замечательная, вырастила внуков, Вадима и Мишу. Сама была очень строгого воспитания и внуков также воспитывала. Очень старики любили этих детей, очень из-за них страдали. Борис Николаевич заболел, потерял речь.

К нам часто приходил в гости Алексей Алексеевич Абрикосов. Александр Андреевич был его сокурсник по первым годам учебы в энергетическом институте (МЭИ). По-моему, Алеша там проучился только первый курс и перевелся на физфак МГУ. Алексей приходил сначала с первой женой Таней, потом и со второй женой Ани – француженкой.

– *Что такое Абрамцево в Вашей жизни?*

– *Тамара Павловна.* Для меня Абрамцево – это все. Я считаю, что здесь было самое счастливое для меня время – и личное, и

всякое. Здесь выросли мои дети. Здесь теперь у меня много друзей. Они появились, когда я стала здесь жить постоянно, и немного раньше, когда я чаще стала приезжать. Дружна со Шкариновыми, замечательное семейство. Очень приятно общаться с Виноградовыми.

– *Смена управляющих отразилась на поселке?*

– *Тамара Павловна.* К Ивану Мартыновичу единственная претензия, что он нарушил клумбу на площадке. А так хозяйственник он был хороший. Благодаря ему мы магистральный газ получили раньше других поселков. Это дело начал еще Николай Федорович, но трений было масса. Дело было хлопотное, везде надо было ходить, согласовывать. Иван Мартынович очень настойчивый был, его из одной двери выгонят, а он в другую идет. Он всегда ходил в эти организации с подарками, знал, как действовать. Потом, когда газ нам включили, на нашей террасе был устроен банкет для этих газовщиков. Мы с Марией Феликсовной, женой Ивана Мартыновича, готовили для этого банкета всю еду. Она вообще была прекрасная хозяйка и по части сельского хозяйства умела все делать. Рукодельница. Прекрасно вышивала, вязала. У них тоже была здесь корова, и они продавали молоко. С Марией Феликсовной все дружили, она была добрый, хороший человек.

– *Каким образом были организованы в поселке продуктовые заказы?*

– *Тамара Павловна.* У поселка был заключен договор с магазином. По-моему, сначала это был Елисеевский магазин. Не знаю, оставался ли он до конца нашим поставщиком.

– *Алена.* Заказы – это был такой кайф! Мы студентами жили без родителей, ели каждый день грибы, картошку воровали на поле, а эти заказы были для нас праздником. Там было вкусненькое.

– *Правильно ли я понимаю, что в поселке была дружественная обстановка?*

– *Тамара Павловна.* Да. Поселок все-таки у нас был очень камерный, дружный, теплый поселок.

Мария Андреевна Аверченкова (1927–2008).

Няня Н. Ю. Абрикосовой. Вдова поселкового рабочего Владимира Григорьевича Аверченкова (1927–1984). Жила в поселке постоянно с 1949 г.

– *Как ты оказалась в Москве?*

– В Москву я приехала из Смоленской области. Там я окончила 8 классов. Тогда у Абрикосовых домашней работницей была моя

родственница. У Алексея Ивановича должна была родиться внучка, и меня к ней, то есть к тебе, взяли няней.

– Когда ты первый раз приехала в поселок академиков?

– Я приехала в начале лета 1949 г. вместе с семьей академика Алексея Ивановича Абрикосова. На дачу мы переехали через два месяца, как ты родилась.

– Каким образом получилось так, что ты осталась в Абрамцеве?

– Уже когда я работала у вас, я вышла замуж за своего жениха Володю Аверченкова. Раньше мы жили в соседних деревнях. Его забрали в армию, и после этого я уехала в Москву. Он отслужил, а при демобилизации взял запрос на работу и проживание в Загорский район. Он устроился на работу в поселке академиков, где проработал с 1953 по 1979 г. Делать он умел все. Я сама сначала работала твоей няней и жила у вас в Москве, а потом, когда вышла замуж, мы с мужем переехали жить к вам на дачу в маленький домик. Жили там круглый год. Там я всем вашим дачным хозяйством командовала. В 1955 г., уже после смерти Алексея Ивановича мы перешли жить в рабочий поселок. После Абрикосовых я работала летом приходящей домработницей в семье академика Бориса Сергеевича Стечкина, а зимой топила у них на даче печи. Там я проработала девять лет. Ирина Николаевна, жена Бориса Сергеевича, приходилась племянницей А. И. Абрикосову. Когда мои дети подросли, стала работать бухгалтером в Хотьковском лесничестве. После лесничества 21 год я проработала главным бухгалтером в лечебно-трудовых мастерских при Московской областной психиатрической больнице № 5, расположенной на территории бывшего Гравидана. Сейчас уже десятый год работаю опять няней в семье, живущей в поселке академиков круглый год.

Вообще-то я считаю себя близкой родственницей Абрикосовых. И твоя бабка⁸², и мама⁸³ так ко мне относились. Ты у меня на глазах выросла. Всю жизнь наши семьи связаны. Ну что ты хочешь?! Бабушка твоя все мне доверяла. Все ваше хозяйство я знала. Я у нее как правая рука была. Я уже у Стечкиных работала, а все в Москву к ней ездила, шкафы разбирать. А уж накормить тебя маленькую никто не мог. Только у меня терпения и хватало. Поэтому когда ты заболела, меня бабушка твоя телеграммой из деревни, куда я уехала помочь родителям, и вызвала. Мол, приезжай, мы не справимся, ребенок ничего не ест. В Москве я никогда

⁸² Ф. Д. Абрикосова (1895–1965) – жена А. И. Абрикосова, патологоанатом. Ассистент кафедры патологической анатомии 1-го Московского медицинского института им. И. М. Сеченова. Завотделом Лечебно-санитарного управления Кремля.

⁸³ М. А. Абрикосова (1929–1998) – дочь А. И. Абрикосова, физиолог.

не ложилась спать, пока бабушка не придет с работы. Она часто на вскрытиях была до ночи. Очень она нервная приходила, особенно когда приходилось вскрывать детей. Ну, откроешь ей дверь, посидишь с ней, пока она чай попьет, ей и легче. Она меня многому научила по хозяйству, только очень раздражительная была. Ну, и они нам помогали. Алексей Иванович простой был. Когда у меня должен был родиться первый ребенок, сам приданое ему приготовил, все нужное. Фанни Давидовна, когда дети родились, покупала для них детское белье, сыну кроватку. С Машей, твоей мамой, мы почти ровесницы, вместе в Абрамцеве на танцы в санаторий ходили. Жили мы у вас с Володей, как в своей семье. Бабушка твоя очень Володю любила. У него была язва, так она сама заболела, чтобы он правильно ел. В больницу к нему все ходили: я, твоя мама и твоя тетка. Там говорили: у него три жены. В рабочем поселке меня так и называли: «Маруся с 9-й дачи». Когда Сережка заболел полиомиелитом, твоя тетка Таня⁸⁴, Алешина жена, к нему детского врача привозила. Быстро схватились, купили ему гаммоглобулин, перенес болезнь в легкой форме.

– Как выглядел поселок, когда ты в нем появилась в начале лета 1949 г.?

– Немцев, которые строили поселок, уже увезли. Не было ни лагеря, ничего. В поселке оставались только те рабочие, которые строили дома ЖКО. Не те дачи, что Сталин подарил, а те, что строили, чтобы сдавать в аренду. Эти рабочие (мы их называли «унэеовцами») жили там, где потом стал рабочий поселок. Для них были построены три барака. Рабочих было много, целая бригада. Они же построили четыре домика для рабочих, обслуживающих поселок. К моменту приезда в нашей даче была вода, свет, действовала канализация. Дом был выкрашен, полностью все было готово к заселению. Все дачи были покрашены в разный цвет. И все видно, не было развесистых кустов, на участках стояли только большие деревья. Газоны были новые, свежезасеянные. Трава так красиво росла. Дороги были новенькие, ровные, белые. Все было очень красиво. Вечером по дорогам гуляли академики со своими женами, дети. Все были очень хорошо одеты. Вообще в поселке было очень спокойно и тихо. Ни краж, ни хулиганства. Машины по поселку, как сейчас, не ездили. Личных машин тогда ни у кого не было. Были только из Академии наук, прикрепленные. На них привозили на дачу академиков и их семьи. Когда машина была нужна, ее вызывали из гаража Академии. Для этого звонили по телефону из конторы поселка. На этой же машине привозили

⁸⁴ Т. Н. Абрикосова (1928 г. р.) – врач, первая жена А. А. Абрикосова (1928 г. р.).

и продукты. Тогда два раза в неделю академики получали пайки. Шофер везет академика и везет продукты.

– А как обихаживали участок?

– Каждый хозяин обихаживал, как хотел. Многие сажали цветы и фруктовые деревья. Проложили дорожки. У вас, Абрикосовых, на участке дорожки делал муж. Их засыпали шлаком и песком, но сорняки все равно пробивались. Дорожки надо было очень часто полоть. Алексей Иванович любил гулять, но был уже старый и в лес один не ходил. А участок был сам, как лес. Для него, чтобы он мог гулять, вдоль забора проложили дорожки. Для отдыха были поставлены садовые скамейки и столы. Иногда он за таким столом работал на улице. Он любил по участку собирать грибы, у него были свои места. На них и сейчас растут белые. И орехов была тьма. Белки так и скакали! Перед дачей была посажена аллея из владимирской вишни. Но она только цвела, ягод не давала. Посадили цветы. У нас особенных цветов не было. Бабушка твоя любила флоксы и анютины глазки. За рассадой ездили на Клязьму, где было большое садоводческое хозяйство. Лучше всего участки были у Випперов, Бочваров, Уразовых и Леонтовичей. У Випперов на участке был порядок, как ни у кого. У Бочваров были очень красивые розы. За ними ухаживал садовник. У Уразовых на участке была корова, и у них все удобряли навозом, из-за этого все хорошо росло. У них из кустов черной смородины была целая плантация. Ну, и ухаживали они за садом хорошо. У них была и домработница, и кто-то еще, кто ходил за коровой. Хороший участок был у Ивана Матвеевича Виноградова. Было много плодовых деревьев, яблони разных сортов, и все плодоносили. Этим много занималась его сестра. У Леонтовичей сама академша, Татьяна Петровна, понимала в сельском хозяйстве. В войну она даже работала в совхозе. У них были посажены необычные деревья: американский орех. Кроме них такого ни у кого не было. Деревья американского ореха до сих пор у них растут. Был виноград, который даже плодоносил. У Изгарышевых на 16-й даче (у них одних, наверное, участок был открытый) было посажено много хорошей клубники. Мы у них брали усы. Потом, уже при Николае Федоровиче, ездили централизованно в питомник за саженцами в Москву. На каких-то дачах участком совсем не занимались, но это больше на тех, которые арендовали, они были совсем запущенные.

– Не помнишь, что говорили, участки в поселке сами выбирали?

– Мне кажется, твоя бабушка сама выбирала, но точно я этого не знаю, так как строились дачи в 1948 г., а я появилась здесь в 1949 г. Но даже при мне до нашего переезда на дачу она несколь-

ко раз ездила смотреть, что и как. Она, наверное, и на строительство ездила, всем тут командовала, проверяла. Такой у нее был характер.

– *Дома были хорошо построены? Что-нибудь переделывали?*

– Большой дом был построен без отдушин. Пол лежал на земле, и он начал гнить. Это переделывали. Бабушка просила сделать отдушины, и рабочие для этого вытаскивали из-под дома землю. Еще в ванной над Алексеем Алексеевичем потолок обрушился. Пришлось снимать часть шлака, которым были засыпаны перекрытия, и потолок делать заново. Печи в доме были очень хорошие. Летом топили их только дровами. В вашей даче печь была в каждой комнате. У Стечкиных печи были на две комнаты. Топить было удобней. Так потом во многих дачах было сделано.

В кухне был погреб. У нас он был тогда очень сухой, потому что Фанни Давидовна велела вырыть сточный колодец, чтобы отвести воду из погреба. Потом многие это сделали. Из этого колодца наши рабочие весной выкачивали воду насосом. (В основном у вас все делал Володя.) У нас был холодильник, даже два, но что-то они, по-видимому, плохо работали. Мы часто погребом пользовались. Даже был случай, что в него кто-то упал. Не заметил, что крышка открыта. С тех пор, как лезть, кричали, что лезут в погреб, и дверь в кухне закрывали.

– *В каком составе жили летом на даче у Абрикосовых первые годы?*

– Сам академик, Алексей Иванович, первое время, как мы только переехали, жил в санатории, в Абрамцеве, а потом уже с нами на даче. В санаторий не пускали посторонних. А я молоденькая была (22 года), мне хотелось кино посмотреть, вот твой дедушка меня позовет, дверь в кинозал откроет, и я смотрю кино. На даче жили: бабушка твоя, дедушка, его двоюродная сестра, Августа Николаевна, я, ты, еще была домработница, моя землячка. Приезжали подруги твоей бабушки и жили недели по две. Летом часто приходил в гости дедушкин двоюродный брат, Хрисанф Николаевич Абрикосов с женой, они тогда жили в Абрамцеве в санатории. Дети академика – Алеша и Маша – приезжали только на субботу и воскресенье. Что-то я не помню, чтобы они тут подолгу время проводили. На даче жили тогда только летом. Зимой дом большой закрывали.

– *Бабушка и дедушка жили летом постоянно или они еще работали и жили в отпуске?*

– Бабушка точно еще работала. Постоянно жила, когда у нее был отпуск. Дедушка – не знаю. Но к нему приезжали сюда его ученики. Помню, как в микроскоп он глядел. У него был кабинет,

письменный стол, он работал. Какой-то учебник он здесь писал. У вас письменных столов в даче было штук пять.

– *Бабушка и дедушка ходили здесь к кому-нибудь в гости?*

– Бабушка в основном ходила в контору. Бывало, смотришь утром, она уже нарядилась и пошла. Ходила – надо не надо. Знакомые хорошие у нас были Изгарышевы⁸⁵, потом попозже появились Стечкины, родственники Алексея Ивановича. К ним часто ходили. Запросто, ну по-соседски, к старикам-академикам у нас в поселке никто не ходил. Так чтобы незваными прийти чайку попить, посидеть, нет. Ну, зайдут ненадолго, если что надо, спросят, посидят на лавочке в саду. Не принято это было. Но вообще, все в поселке друг друга знали: и академики, и их жены. Все те, кто здесь жил, не с луны же прилетели. Они по работе, по Академии друг друга очень давно знали. И дети тоже. Все в одной куче были. Кто в одном доме в Москве жил, кто как. В общем, все про всех знали. Здесь принято было по кругу прогуливаться. Каждый день академики с женами по дороге гуляли, там все и встречались. Все очень любили так гулять. Ты, когда была маленькой, ходила к внучкам Виппера, Бочвара, Белова. Дружила с внуками Стечкина и мальчиками Делоне. На арендованных дачах тоже были дети. Все это была одна компания. Детей одного возраста много было, в том числе и из рабочего поселка. Всех вас перезнакомили. Няньки и бабушки ходили гулять с детьми на площадку около конторы. Там потом поставили памятник Сталину. Когда памятник убрали, его остатки долго валялись в яме на территории насосной. И чего его убрали? Стоял и стоял. Цветник там был и до памятника. В поселке был садовник, и за этим следили.

– *Были ли в поселке ссоры, сплетни?*

– Я ничего такого не помню. Жили открыто. Как сейчас, закрываются на ключ, запираются, такого тогда не было. Приходи к любому академику, у всех дверь открыта. Никто не запирался на ключ. Не было этого, чтобы на ключ запирались. Все раскрыто было, кругом. Чужих людей в поселке не было. Все всегда здоровались. Здоровались и с детьми. Не делали разницу, был ли это сын академика или рабочего. Дети играли вместе: поселковые и рабочего поселка. Играли в основном у кого-нибудь одного на участке. По газонам вдоль забора росла земляника, и дети ее собирали. Бывало, перед покосом смотришь, вся трава помята.

– *Жил ли кто-нибудь из хозяев в поселке круглый год?*

– Сначала только Леонтовичи жили зимой. Первое время зимой почти никто даже не приезжал. Потом с детьми на зимние

⁸⁵ Вероятно, знакомство, А. И. Абрикосова и Н. А. Изгарышева было давним. Изгарышев был учеником и сослуживцем профессора-химика Н. А. Шилова, мужа двоюродной сестры А. И. Абрикосова, В. Н. Абрикосовой-Шиловой.

каникулы стали приезжать больше. В основном в те дачи, где перестроили печное отопление, поставили водяной котел, который топили углем, и батареи. Печками большую дачу зимой не натопись. Тогда почти у всех в маленьких домиках круглый год жили сторожа, домашние работницы. У кого-то жили родственники. У Обнорских в маленьком домике жил сын его последней жены с семьей.

– А у нас кто-нибудь приезжал на дачу зимой? Молодежь, дети Алексея Ивановича?

– Нет, они тогда не ездили. У вас зимой самое первое время, еще до нас с Володей, в маленький домик ненадолго приезжали Танины родственники. Потом с 1953 до 1955 или 1956 г. жили мы. Это уже потом, когда мы ушли в рабочий поселок, здесь зимой жил маленький Алеша (внук А. И. Абрикосова) с няней – тетей Пашей. Летом они переходили в дачу, а зимой обратно. В домике зимой было теплее. У тети Паши были родственники в Быкове. Она, когда с Лехой туда ходила (зимой иногда даже ночевала), никогда дверь не запирала.

– Академики ходили в лес, собирали грибы?

– Ходил, я знаю, только И. М. Виноградов. У него были свои места в лесу, грибные. Он все говорил: «Я никому не покажу, где мои грибные места». Б. С. Стечкин скажет ему: «Я пойду с тобой». А он: «Нет, я тебя не возьму». Говорят, ходил старик Делоне. Я его не помню, только его внуков: Вадика и младшего Мишу. Они приходили играть с внуками Стечкина – Сережей, Борей, Олей. Но молодежь ходила за грибами. Грибов было тогда очень много. Бывало, пойдешь за забор вашего участка и за час наберешь ведро подосиновиков и белых. Мы далеко и не ходили.

– Как переезжали из города на дачу и с дачи при бабушке?

– Всегда заказывали нашу поселковую грузовую машину. Перевозили матрасы, раскладушки, одеяла, всю почти посуду. Оставляли только дачную мебель. Перед отъездом все выколачивали, все запоры проверяли, воду закрывали, чтобы трубы не разорвало. Собирались, наверное, не меньше недели. На террасу затаскивали все садовые скамейки. Они были ужасно тяжелые. Когда убирать перестали, они все очень быстро сгнили. При бабушке твоей порядок был очень строгий, дети все это, конечно, забросили. В поселке было три машины-грузовика. Стояли они в гараже поселка. На них переезжали в Москву и из Москвы. Это была собственность поселка. Шоферы числились в штатном расписании. Они, кроме переездов на этих машинах, работали в сельпо Хотькова, и за их использование оттуда перечисляли деньги на счет

поселка. В поселке тогда было очень много денег. Была как бы самоокупаемость.

– А зимой кто-нибудь в поселке работал, кроме штатных рабочих?

– В каждой почти даче был сторож. Сторожа часто с семьями жили в маленьких домиках. Если было нужно, они же топили печи в большом доме. Если зимой ненадолго приезжали хозяева, то обычно тоже жили в маленьком домике. Истопников, если было нужно, нанимали. Зимой к Беловым в большую дачу ходил топить дядя Миша, отец Тамары Штриковой. Он был поселковым печником. Истопником еще был Ефрем, он первое время был сторожем на водокачке. Но это было позже, когда на дачах не стало своих истопников. Кроме рабочих в поселке было два сторожа. Один на водокачке, другой ходил по поселку, дачи сторожил. Первое время была и милиция. Милиционер дежурил в поселке. Так было первые года четыре, наверное. Однажды он почему-то попросился к нам в домик ночевать.

– Как был оформлен Володя Аверченков на работу?

– В Загорске был рабочий комитет. Устроил его сюда наш поселковый электрик Саид. Он тогда водки не пил ни грамма, спился он потом. У него был очень высокий рабочий разряд. В армии он служил электриком на подводной лодке. Володя пришел в Загорский комитет комсомола с направлением из армии, и они там встретились. Саид порекомендовал ему обратиться в поселок, где нужен был квалифицированный слесарь. Его взяли в штат поселка, с ним был заключен трудовой договор. Он был первое время дежурным мастером при водяных насосах. Тогда при насосах на водокачке и на перекачке должен был постоянно находиться рабочий, чтобы они не останавливались. Но он все умел делать и в поселке разную работу выполнял.

– Помнишь какие-нибудь истории из жизни поселка?

– Как-то курьер поселка Граня Початкова пришла просить у И. М. Виноградова денег в долг, чтобы купить корову. Он ей дал, но просил об этом не говорить никому, чтобы больше никто не пришел просить. У него денег было много: он на себя не тратил, все для государства берег.

Встретив как-то на прогулке академика Стечкина, рабочие Саид Мусин и Миша Обухов попросили у него трояк. У него с собой денег не было, и он их отослал на дачу к сестре. У сестры (Александры Сергеевны) они попросили, сославшись на Бориса Сергеевича, уже 30 рублей и их получили. Когда академик вернулся, она его стала ругать, что он так много денег велел им дать на водку, мол, обопьются. Выяснилось, что они ее обманули. Ра-

бочих вызвали, и они извинились, деньги вернули. Сказали, что Александра Сергеевна их не поняла.

Ирина Николаевна, жена Стечкина, бывало, встретит сына моего, Сережу – маленький он еще был, года четыре или пять, зазовет его, покормит. Или он к вам придет, у вас поест. Летом дети Стечкиных и ваши приходили ко мне молоко пить. Ты, наверное, не помнишь. Прибегали среди дня и ты, и Леха.

Когда у Ирины Николаевны, жены Стечкина, случился инсульт, не могли в поселке достать машину, чтобы отвезти ее в Москву. Личная машина стояла тогда только на участке у Соколовских.

Стечкины всегда на выходные накрывали стол. Вся семья (он сам с женой, дети – Вера, Ирина, Сергей, их жены и мужья, внуки – Сергей, Ольга, Борис, Алеша и Ира, сестра Бориса Сергеевича, часто Августа Николаевна, которая приходилась одновременно теткой его жене и двоюродной сестрой А. И. Абрикосову) собиралась, дети приезжали из города. На большой террасе стоял раздвинутый обеденный стол. Все вместе обедали. Я готовила. Накрывали на стол сами. Готовили на кухонной плите, которую топили дровами. На ней было несколько конфорок. Плита была очень хорошая. Керосинками пользовались редко, чаще этой плитой и электрическими плитками. Среди недели оставались старики с внуками. Дети приезжали по субботам и воскресеньям. За обедом Борис Сергеевич обязательно выпивал две рюмки водки и закусывал бутербродом с яйцом и килькой. И мне всегда предлагал принять в этом участие. Говорил: «Пей, пока можешь, ведь будет время, когда ты не сможешь выпить, старая станешь, будет нельзя». Внучка Оля, присутствующая при разговоре, просила тоже, но он говорил: «Она маленькая, ей нельзя, а тебе в самый раз». Категорически отказывался от любимых всеми остальными членами семьи картофельных котлет. Я, его уговаривая, сказала: «И академик один раз поест картофельные котлеты может». А он ответил: «Что ж, академик разве не человек, должен есть, что не любит?»

У Ивана Георгиевича Петровского сторожем был финн. Жил здесь с семьей, женой и сыном Степой. Степка часто приходил к вам на дачу играть. Они жили здесь круглый год.

Как только академик Уразов получил дачу, они тут же купили корову. Она жила прямо в поселке и паслась на поселковых газонах. Молоко они продавали.

У Бочвара было два телохранителя, они за ним везде ходили. Он гуляет по кругу, и они за ним идут. Они тоже, как и академики, со всеми здоровались.

Сам академик Обнорский был уже очень старый и больной. После смерти жены женился второй раз на медицинской сестре,

чтобы она за ним ухаживала. Ее сын жил круглый год у них в маленьком домике. Почему-то его называли «Тигр». Может быть, потому что он очень буйный был, когда запивал. На самом деле его звали Лев Тихонович. Когда он напивался и где-нибудь валялся, то его собака, огромная немецкая овчарка, всегда сидела около него и никого к нему не подпускала. У него было четыре дочери, старшая – лет 12. Все они здесь жили. Держали кур. Ваша собака Динка их давила. Он скандалил. У них был телевизор, с маленьким экраном, и мы с Володей ходили его смотреть. А у Динки вечно были щенки от его пса.

Нянька внука академика Леонтовича – Бамбика, Полина, была совсем молоденькая. Ей не было, наверное, и 15 лет. Она потом вышла замуж за сына сторожихи Вольфовичей, Леню Дорохова. Они сейчас живут в Абрамцеве в доме подсобного хозяйства.

Бывало, Саид напьется и кричит: «Андреевна, выходи я тебя убивать буду». Но когда меня обижал сосед, всегда заступался. А стал он пить из-за любви. Он полюбил домашнюю работницу Грабарей. С ним был случай. Однажды ночью Саид полез к ней через балкон второго этажа. В этот момент, когда он уже занес ногу за перила балкона, в комнату вошел хозяин. Саид на его вопрос, что он тут делает, нашелся и спросил: «Скажите, как пройти в Глебово? Что-то я заблудился». Но мать против его воли заставила жениться на татарке, на нелюбимой. Говорят, после этого он и запил. Спойл его наш же рабочий Обухов.

У вас была собака Динка. Она была помесь лайки. Очень любила моего мужа Володю, ходила всегда его провожать на станцию. Однажды пошла, перебегала пути, и электричка ее зарезала. Володя так плакал!!!

– Когда вы перешли жить в рабочий поселок?

– Сами мы перешли жить в рабочий поселок, наверное, осенью 1955 г., а может быть, 1956 г. Не помню точно. Уже после смерти Алексея Ивановича. Дети мои, Сережа и Наташа, родились у вас, когда мы еще жили в маленьком домике. Но после смерти академика твоя бабушка решила домик сдавать и нас попросила перейти в «низ». В рабочем поселке у нас в одном из домиков была комната, и там сначала жили Володина мать и его брат. Там же мы держали корову, которую привезли из деревни, где раньше жили. Первое время, когда в рабочем поселке еще ничего не было обустроено, корова тоже жила с нами у вас на участке. Фанни Давидовна не разрешила построить для нее стойло, и мы соорудили что-то вроде шалаша. Дело было весной. Осенью мы уже перевели ее в «низ», и за ней ухаживала свекровь. Эту корову она получила от государства, когда еще жила в деревне. Скотину вернули жителям вместо угнанной из Смоленской области во время вой-

ны. Когда немцы наступали, всех коров отняли и угнали куда-то под Горький. С ними ушло много наших девушек из деревень. Эта корова, Марта, была немецкой породы и очень молочная. Такой ни у кого не было. А вообще в рабочем поселке было пять коров.

– Как жили в рабочем поселке?

– Сначала жили очень бедно⁸⁶. Помню, положили Сережу в больницу, так ему даже переодеть было нечего. Жили еще и очень тесно. В домиках для рабочих было по четыре комнаты. В каждой комнате, а они ведь маленькие, не больше девяти метров, жила вся семья. Мы какое-то время жили в одной комнате впятером, и еще шестым появлялся Володин брат. Все так рабочие жили. Все в одной комнате – и старики, и дети маленькие. Детей было у всех по двое, а у кого и четверо. С самого начала все семьи рабочих были прописаны по домово́й книге поселка академиков. Никакого разрешения на проезд семьи не требовалось. Приезжали и всё. В каждой комнате была печь, на ней же готовили еду, но это были не русские печи. Общей кухни не было. Холодная вода была. Раковина была одна на две комнаты. Туалет был на улице. Домики числились недостроенными. В них не была сделана канализация, которая первоначально предусматривалась. Поэтому Академия их тогда не взяла на свой баланс, и до начала 1990-х гг. они были как бы бесхозные. Очень тяжело было, особенно когда дети были маленькими. Меня спасало то, что я зимой топила печи в большой даче у Стечкиных. Там и постирать было можно, и детей искупать. С дочерьми и внуками Бориса Сергеевича Стечкина у меня сохранились прекрасные отношения. Они и сейчас меня, спустя 30 лет, не забывают. Совсем недавно Алеша, сын младшей дочери Бориса Сергеевича, Ирочки, очень мне помог деньгами, когда я строилась.

Через некоторое время мы в рабочем поселке жить стали повольней. Кто-то получил квартиру в Хотькове, например, наш сосед милиционер. Уже при Николае Федоровиче, чтобы расселить семьи рабочих, пристроили жилые помещения к торцам поселкового гаража, туда некоторые и ушли. Мы с позволения управляющего разместились уже в двух комнатах. Еще позже, когда стало жить получше, Володя пристроил к нашей стороне домика небольшую пристройку и терраску. Ему помогал в этом архитектор из поселка Александр Алексеевич Заварзин. Он был очень хороший человек, и весь план переустройства дома и пристройки нам начертил. Остальные жители домиков тоже пристроили себе терраски.

⁸⁶ Рабочий в поселке получал 50 рублей. Мария Андреевна, работая у Стечкиных – 30 рублей.

– *Какие отношения были между жителями?*

– Ссор в рабочем поселке тогда не было. Это сейчас склоки. Все вместе гуляли на общие праздники типа 7 ноября и церковные праздники, если они приходились на выходной. Обычно летом гуляли на улице. Устраивали складчину. Пускали по кругу шапку, в нее бросали деньги. Володя очень хорошо играл на гармошке. Часто гуляли в Глеbove, где жил поселковый рабочий Володя Марков. Тоже под баян. Играл родственник Маркова. С женой Маркова, Лидой, мы лучшие подруги. Только старые мы уже все, всем больше 80. Еще было: один раз на какой-то праздник Николай Федорович для всего рабочего поселка устроил гулянье в пустовавшей, сдававшейся в аренду даче.

– *Были ли ограничения по приусадебному участку в рабочем поселке?*

– Нет. Сажай, где хочешь. За покос на газонах поселка и территории водокачки рабочие, державшие коров, платили в контору. Сена на всех коров не хватало, поэтому еще обкашивали дачные участки, из-за них, бывало, и ссорились, и полянки в лесу. У всех были построены сараи – деревянные и для сена, стойла для скотины. Кроме коров держали еще всякую домашнюю живность: кур, свиней...

– *Какие отношения были между детьми рабочего и академического поселков?*

– Дети рабочего поселка дружили с ровесниками из академического, и не только с теми, у кого работали их матери. Это как бы были тоже поселковые дети. Все ходили туда-сюда свободно. Если шла поселковая машина, в школу возили всех. Но это было только одну зиму, когда жена Леонтовича, Татьяна Петровна, наняла для этого поселковый грузовик. Ее дети и внуки учились здесь. А так все ходили в школу пешком до Хотькова. Я в поселке продавала молоко. Литр молока тогда стоил 30 копеек. Я развозила молоко на велосипеде. На дачах ставили в условленном месте посуду, и я наливала, сколько было надо. Расплачивались в конце месяца. Брала молоко очень охотно, так как с продуктами здесь было плохо. Надо было ехать в Хотьково, а там тоже не всегда можно молочные продукты купить. Жена Бочвара брала летом три литра каждый день.

– *Ты знаешь сегодняшних жителей поселка академиков? Похожи они на прежних?*

– Нет, никого уже не знаю. В поселке полно чужих. Уже никто не здоровается.

– *Ходили ли вы семьей в музей?*

– Я сама нет. Некогда было. Только ходили с Володей через парк в Хотьково. Но дети ходили. Вход тогда во все здания был бесплатный. Они ходили и в старый дом, и в каменный, где картины. Избушку на курьих ножках любили.

Ирина Борисовна Стечкина (1923 г. р.).

Младшая дочь академика Б. С. Стечкина. Физик, кандидат физико-математических наук.

– *Когда Ваш отец стал арендовать здесь дачу?*

– С весны 1954 г., после того как папу выбрали в академики в 1953 г.

– *Ему не предлагали дачу в других поселках? Он выбрал здесь, потому что дружил с академиком Микулиным⁸⁷?*

– По-моему, нет. Но Микулин, который изначально получил дачу в поселке, тут ни при чем. Да он к этому моменту здесь уже не жил. Дача принадлежала его бывшей жене. Он всегда женам после развода оставлял и квартиру, и дачу.

– *Кто жил на даче с самого начала ее аренды?*

– Была еще жива мама⁸⁸. На даче жили все вместе. И дети, и внуки. Вся семья. Я была еще студенткой. На лето уезжала на юг к морю. Приезжала на выходные, и то не всегда: несколько раз весной и осенью и все. Я летом здесь почти не бывала, поэтому первые годы жизни семьи в Абрамцеве представляю плохо.

– *Когда это изменилось?*

– Когда у меня появились дети, я летом никуда кроме дачи больше не ездила. Но на даче у меня общения не было. Такого, как правильно говорит Маруся (М. А. Аверченкова. – Сост.) в своих воспоминаниях, чтобы забежать по-соседски на чашку чая вечером здесь не было принято.

– *Даже с женой Микулина не общались по-соседски?*

– Нет. Его бывшая жена, Вера, которой он оставил дачу, несколько раз при мне (наверное, и без меня тоже) к папе заходила. Они, естественно, были хорошо знакомы, и что-то они говорили насчет ее сына. Ну, с сыном там всякие были истории. Она к папе хорошо относилась и заходила посоветоваться. Но я на ее даче вообще никогда не была, хотя она была нашей непосредственной

⁸⁷ А. А. Микулин и Б. С. Стечкин были знакомы очень давно. В 1915–1917 гг. ими был построен первый русский танк «Нетопырь».

⁸⁸ И. Н. Стечкина (урожденная Шилова) (1898–1958). Инженер-химик, преподаватель МГУ. Племянница А. И. Абrikосова.

соседкой. И даже не могу сказать, что у нее по-соседски с папой было какое-нибудь общение.

– А на каких дачах Вы бывали?

– Ну, я бывала на вашей даче (академика А. И. Абрикосова. – Сост.). Не скажу, чтобы часто, но бывала. Это я хорошо помню. Довольно много раз я бывала у Леонтовичей. Папа знал М. А. Леонтовича. Как раз в это время, когда я стала приезжать на дачу, мы с моим будущим мужем закончили университет и поженились. И Михаил Александрович устраивал меня на работу после университета. На даче у Леонтовича была, а может быть, и сейчас есть, волейбольная площадка.

– Нет, заросла.

– А вот тогда была. Был такой период, когда довольно регулярно мы с Сашей (мужем) туда приходили и играли в волейбол. Кроме семьи Леонтовича, естественно, их детей (не помню, играл ли сам Леонтович, но его жена Татьяна Петровна играла всегда), приходил туда твой дядюшка, Алеша Абрикосов. Его там я очень хорошо помню. Приходил с Таней, своей первой женой. Саша работал в Курчатовском институте в отделе Леонтовича. Поэтому тут связи, понимаешь, двойные. И мы у Леонтовичей бывали часто, я бы даже сказала регулярно.

– Где еще?

– Еще я бывала, не могу сказать, что много, но все-таки это оставило во мне очень сильное впечатление, у Ивана Матвеевича Виноградова. Дело в том, что мой брат Сергей – математик. Он работал в Математическом институте им. В. А. Стеклова, где Виноградов был директором, и заходил к Ивану Матвеевичу. Сергей научил меня играть в винт и несколько раз меня брал с собой к Ивану Матвеевичу на игру. Играли Иван Матвеевич, его сестра Надежда Матвеевна, Сергей и я. Иногда там еще кто-то был, я просто не знаю, кто. Это, конечно, на всю жизнь для меня осталось незабываемо. Это был такой блеск!!! Они так играли!!! Я была совсем молоденькой, может быть, это даже было до того, как я вышла замуж, была еще студенткой. Причем, они играли в настоящий винт, не просто так, а с «винтящимися коронами». Вообще, это аристократическая игра, типа бриджа. Хотя, с одной стороны, она похожа на бридж, а с другой – сильно от него отличается. Я после винта так и не смогла играть в бридж. В винте другая логика игры, другая стратегия, и мне было очень трудно перестроиться. Винт – это великолепная игра. Очень азартная. Это игра, в которой люди всегда ругаются, потому что играют двое на двое, парами. Вы сидите напротив своего партнера, не видите карт друг друга, но должны ему объяснить, что у вас есть. Необходимо

объясниться, ну на своем языке, что один будет играть, и другой должен сказать, будет он его поддерживать или нет. Игра идет на 13 картах. Там надо считать, все карты. Если вы считать не можете, играть невозможно. Так говорю, эти люди – Иван Матвеевич и его сестра, играли так!!! Это был восторг!!! С одной стороны, это было наслаждение – видеть, как они чувствуют партнера, как поддерживают друг друга. А с другой, для меня это была честь: меня, девчонку, посадили за такой стол играть. Это воспоминание осталось у меня на всю жизнь. Я играла с ними в Абрамцеве, и пару раз Сергей брал меня в Москве на квартиру к Ивану Матвеевичу.

– *Борис Сергеевич тоже играл в карты? Это упоминается в книге Ф. Чуева о нем.*

– Да, это в книжке есть. На даче у нас играли в преферанс, играли все члены семьи. В винт тоже играли, но не часто. Папа играл именно в винт.

– *А какое впечатление производил И. М. Виноградов вне игры? О нем разное говорят.*

– Ну да, я знаю (посмеивается – Сост.).

– *Расскажите о нем. Мы поздно опомнились, очень мало воспоминаний о первых жителях поселка.*

– Ну я тоже не берусь судить. Конечно, я очень мало его знала. Общались за игрой, а это совсем другое.

– *Ну какой он был? Доброжелательный, остроумный, какой?*

– Нет. Ну, конечно, что говорить, он был выдающимся математиком. Но в общении – я бы не сказала, что он был блестящим собеседником. Я бы скорее употребила слово «смурной». Вот Микулин, например. Тот да!!! И сестра Ивана Матвеевича была не очень общительная и доброжелательная, как это бывает, когда люди открыты. Нет. Но даже при таком общении он был очень интересный человек. Видно было, что он человек совершенно неродинарный. Это, безусловно.

– *Другого общения, помимо игры, у Вас с ним не было?*

– У меня практически нет. Меня водил к нему на дачу Сергей.

– *Его соседом по даче и сослуживцем по институту был Б. Н. Делоне. Вы его не знали? Может быть, Ваша мама общалась с его женой Марией Генриховной?*

– Нет. Хотя его я однажды видела. Он как-то заходил к нам на дачу. Позже дети моей сестры Веры общались с его внуками: Вадимом и Мишей. Дружили с ними. Общалась ли мама с женой Б. Н. Делоне, я не знаю. Ее имя мне ничего не говорит, не слышала. Вообще в Абрамцеве я больше ни с кем не была знакома, хотя,

конечно, фамилии жителей поселка знала. Но ни с кем не общалась, причем теперь я даже не могу объяснить, почему. Не могу, например, сказать, чтобы папа был необщительный. Нет. Но все были самодостаточные, участки большие, не было надобности, наверно.

– А как Борис Сергеевич относился к даче? Ему самому она была нужна? Или она была только для детей и внуков, а сам он не проводил здесь время?

– Я, пожалуй, однозначно на этот вопрос ответить не могу. Мне трудно ответить. Конечно, эта дача была ему нужна. И ему самому, и для семьи. Нас, его детей, было трое. У Сергея уже была своя семья, у Веры тоже. Я, правда, еще была молоденькая. В 1954 г. мне было 22 года. До этого мы всегда на лето дачу где-то снимали. Конечно, здешняя большая дача очень его и маму устраивала, поскольку вся семья здесь летом могла жить. Сергею с семьей сразу был выделен маленький домик. А в большой даче внизу жили папа и мама, а наверху были две комнаты для меня и Веры. В Москве Сергей и Вера жили уже отдельно от родителей. Ну конечно, к нам они приходили обедать по выходным, но все-таки это уже была не общая жизнь. Безусловно, папе было приятно и хорошо, что в Abramцеve вся семья собирается. Я думаю, что это было важным моментом. А для него самого... Я точнее могу сказать про конец 50-х гг. Первые годы в Abramцеve я не очень помню, поскольку сама там не бывала. В отпуске тогда он в Abramцеve жил. Но в 1968 г. он сам, по собственной инициативе, отказался от дачи (не выкупил ее у Академии. – *Сост.*). Это было за год до его смерти. Он так сделал. Ну, мне он говорил, что, вот, ему уже стало тяжело ездить, далеко... Не знаю, как это было в действительности...

– Он принял такое решение, несмотря на то, что его трое старших внуков были к Abramцеву очень привязаны?

– Мне потом передавали, хотя сам он мне никогда такого не говорил, что он сказал примерно так: «Не хочу, чтобы после моей смерти дети перессорились из-за дачи».

– А Ваша мама, Ирина Николаевна, любила дачу?

– Она на ней пожила очень недолго. Она умерла в 1958 г. Она любила дачу, для нее очень важны были внуки, которые здесь с ней жили. Всех их опекала, общаться с ними было для нее очень важно.

– Зимой приезжали?

– Нет, мы почти не приезжали. Какое-то время зимой в маленьком домике жил Сергей. Его сын Борька даже ходил в хоть-

ковскую школу. Дело в том, что сколько-то лет Сергей работал в Свердловске. Организовывал там филиал Стеклового института. Потом он вернулся, но квартиру не сразу получил. Это потом папа добился, и он получил квартиру. А какое-то время ему с семьей негде было жить, и они жили один год в Абрамцеве.

– Когда у вас появилась в качестве помощницы Мария Андреевна Аверченкова?

– Не могу сказать точно. Но она появилась еще при маме. Ну, может быть, не сразу по приезде в 1954 г., но наверняка в 1955 г.

– Мне кажется, она ушла от нас в 1956 г., после смерти бабушки, когда она с семьей перестала жить у нас в маленьком домике. Я не знаю, почему Муся от нас ушла. Но ушла она сама, бабушка ее очень просила остаться. Помню, как я плакала, что она уходит. Я ее очень любила. Но она всегда делала, как решила. Сама Муся никогда этого не вспоминала и мне не рассказывала. И никогда никакой обиды не высказывала. Такой она была человек. Всегда и о бабушке, и о матери, и вообще о годах работы у нас вспоминала хорошо. С мамой они остались подругами. Ко мне всю жизнь относилась как к дочери. Теперь, после ее смерти (в 2008 г.), я совсем круглая сирота.

– Я хорошо помню, как к нам приходила твоя бабушка. Разговаривала с мамой. Марусю нам рекомендовала. Почему от вас она ушла, я не знаю. И теперь по прошествии стольких лет, когда Маруси уже не стало, у меня слов нет, чтобы выразить, как я счастлива, что у нас все эти годы на даче была Маруся. Благодарна ей. У нас никогда никого, кроме Маруси, в помощницах не было. Вероятно, с ней договаривались и зимой, чтобы она топила дом. Этого я не помню. Узнала, только прочитав ее воспоминания.

– Она говорила мне, что вы ее тем самым буквально спасли. В рабочем поселке были очень трудные бытовые условия. Она не могла ни постирать, ни детей искупать толком. Все это она делала у вас.

– Для нас она была тоже спасением. Она не была няней, она вела хозяйство. Но для меня она была как подруга, хоть она и была старше меня на пять лет. Она меня звала так же, как меня звали в семье, – «Ирок». Я потеряла маму в 25 лет, я была совершенно растерянной, ничего не понимающей в этой жизни. Не знала, что делать. У меня только что родился сын – Алеша. Когда мама умерла, ему было полгода. Мама умерла на даче. Она держала Алешу на руках и только успела сказать: «Ирок, возьми Алешу, у меня что-то плохо с головой». Я только и успела мальчишка подхватить.

– Правда, что своей смертью она спасла Бориса Сергеевича? Как мне рассказывала Муся, тот в это время был в Китае, но из-за смерти

Ирины Николаевны прилетел раньше срока. Самолет, на котором он должен был возвращаться, если бы не случилось несчастья, разбился.

– Да, своей смертью она спасла его.

– *Вы можете сказать, почему Маруся была для нас всех, кто ее знал, таким важным человеком? Что в ней такое было, отчего мы так к ней привязаны? Ну, я понятно, я провела с ней всю жизнь. Она была мне очень близким человеком. После смерти мамы мне ближе был только сын. Уверена, я узнала в ее лице и лице ее мужа лучших представителей русского народа. Но уже ни Митя, мой сын, ни тем более Алеша, мой внук, никогда не узнают по-настоящему, какие это были люди. Какая в них была деликатность, доброта и надежность. В свои последние годы она была связана с семьей Плавинских, которые снимали здесь дачу. Была у них няней дочерей, помощницей. И для их семьи она стала родным, необходимым человеком. Человеком, на которого они полностью могли положиться. Может, в этом все дело? Нет, не только. Была в ней какая-то врожденная здравость ума. И юмор.*

– Это так. Я всегда считала ее очень умным человеком. И это было совершенно не важно, с образованием ли она, нет ли. Она была очень умным человеком и с большим достоинством. И доброй. Я тоже считаю, что если говорить о русском народе, то она лучший пример его. То, что она домашняя работница, для меня было неважно. Мы общались с ней как подруги. Были с ней на равных.

– *Да, и моя бабушка ее тоже очень любила и во всем на нее полагалась. Она, мне кажется, была единственным человеком, кому бабушка полностью доверяла. Это было очень важно, поскольку начало 50-х гг. – времена страшные. Для нашей медицинской семьи особенно. Она работала уже у вас, но пока была жива бабушка, та ее приглашала в Москву помогать, когда надо было делать что-то трудоемкое. Только Марусе хватало терпения выдержать бабушкин характер. Когда она приезжала в Москву, для меня был праздник. Летом мы друг к другу ходили. Когда сын был маленький, я у них жила, она мне помогала. И зимой, когда дача не отапливалась, мы приезжали к ним. Никогда эта связь не прерывалась. С ней и Володей очень дружил и мой отчим.*

Марусины дети Сережа и Наташа приходили к вам на дачу?

– Да, я их хорошо помню. Они были постарше моего Алеша. Маруся не воспитывала Алешу, она не была его няней. Но, конечно, она проводила с ним какое-то время, поскольку она присутствовала в доме. Она умела с детьми обращаться, любила их. Алеша живет сейчас за границей, но до самой Марусиной смерти, когда приезжал, навещал ее в Абрамцеве.

– Да, я знаю. Она говорила об этом и была благодарна за память и помощь. С кем дружили Ваши дети в Абрамцево?

– Они не успели завести компанию. Когда в 1968 г. для нас закончилось Абрамцево, моей младшей дочери Ирочке было 4 года, Алеше 10 лет. Дочь позднее бывала в Абрамцево в гостях, она дружит с внуком М. А. Леонтовича, Андреем (Бамбиком). А вот три моих племянника входили в состав детской абрамцевской компании, поскольку здешние дети выросли все вместе.

– Двоюродная сестра Алексея Ивановича Абрикосова, родная тетка Вашей мамы, Августа Николаевна, жила у Вас на даче летом?

– Да, тетя Гуня жила летом. Она приезжала почти до самой своей смерти, и для нее была выделена на даче комната. Когда ты была маленькой, первые годы она жила на даче у твоего дедушки. Кроме того, по-моему, у вас какое-то время в маленьком домике жил еще один ваш и наш родственник Георгий Георгиевич Абрикосов⁸⁹. У нас много общих с Абрикосовыми родственников, но всегда так бывает, что общаются между собой только некоторые. Мама поддерживала родственную связь с Георгием Георгиевичем (Жоржем) и его сестрой Тамарой. После ее смерти это перешло на меня, и я с ними много общалась. Жорж очень хорошо ко мне относился, и я его любила. Это были люди из близкого круга. Они как двойные наши родственники. Сестра моего деда Н. А. Шилова⁹⁰, Мария Александровна, была замужем за Георгием Алексеевичем Абрикосовым, одним из дядей моей бабушки. Жорж и Тамара их дети.

– Вел ли при Вас Борис Сергеевич какие-нибудь разговоры о Сталине, о политике? Рассказывал о том, как он сидел?

– Нет, никогда. Он, наверное, что-то рассказывал маме. Нам, детям, – никогда. Единственное, что я от него слышала, это что есть разница, когда тебя вызывают с вещами или без. Я это знала. Ну, какие-то мелочи. Все, что я позже узнала о нем, было почерпнуто от других людей, не от него. От тех, кто с ним вместе сидел и кто рассказывал мне о нем по прошествии многих лет.

⁸⁹ Г. Г. Абрикосов (1901–1967) – профессор МГУ, зоолог беспозвоночных, специалист по мшанкам морей и пресных вод СССР, завотделом беспозвоночных Зоологического музея и заместитель завкафедрой зоологии и сравнительной анатомии МГУ.

⁹⁰ Н. А. Шилов (1873–1930) – физикохимик. Стоял у истоков теории сопряженных реакций, теории сорбции газов. Заложил основы теории сопряженных реакций. Положил начало современной теории сорбции газов. Выяснил роль кислорода при адсорбции углем электролитов. Один из основоположников теории противохимической защиты, один из организаторов противохимической защиты Русской армии в Первую мировую войну 1914–1918 гг. Профессор Академии химической защиты.

– Вам мама объясняла как-нибудь его отсутствие?

– Я могу помнить только, как его посадили второй раз. Он сидел тогда с 1937 по 1943 г. Арестовали его при мне. Мне было 5 лет. Говорят, я сказала этим «товарищам», которые его забирали: «Может быть, вы меня последний раз до угла прокатите?» Что-то в этом духе. Папа часто, когда ехал на своей «Эмке» на работу, довозил меня до угла нашего Кривоникольского переуллка. Вытащил его из тюрьмы Микулин. Я знала, что он сидит. В школе, уже во время войны, когда меня спрашивали, я говорила неопределенно. Знала, что «шарашка», в которой он тогда уже работал, эвакуирована в Казань. Так и говорила, что он в Казани, и больше ничего. Я была все-таки еще маленькая, и от меня не требовали, чтобы я от него отрекалась, как это было принято производить со старшими детьми, чьих родителей арестовывали. А в 1943 г. он был уже дома. Но все-таки потом у меня из-за этого были трудности при поступлении в университет. И у брата тоже.

– Ваша мама работала? Кто она была по специальности?

– Да, работала. Образование получить ее заставил отец, Николай Александрович Шилов. Сам он тоже был ученый-химик. Как я понимаю, когда мама вышла замуж и пошли дети, то учиться бросила, но отец потребовал от нее закончить образование. Она работала как химик со второй половины 40-х гг., преподавала на химфаке МГУ. Когда папа сидел во время войны, ее на постоянную работу не брали.

– А как же она в это время жила с тремя еще не взрослыми детьми и старухой матерью?

– Она перебивалась. Какое-то время была страховым агентом. Мне кажется, еще где-то работала по мелиорации. Но основным приработком были переводы. Она знала три языка. И были все-таки друзья и знакомые, которые эти переводы ей находили. Мы всю войну были в Москве, никуда не уезжали. Я уже из последующих разговоров поняла, что в это время бабушка⁹¹ была в таком состоянии, что ее уже было нельзя трогать с места. Поэтому я с мамой жила у нее, а Вера и Сергей жили в нашей квартире на Кривоникольском. Этого арбатского переуллка больше не существует, он исчез при строительстве Калининского проспекта. А мы жили в ее комнате в коммунальной квартире в Мыльниковом переуллке. Когда-то там была большая профессорская квартира ее мужа Н. А. Шилова. При советской власти их уплотнили. Когда

⁹¹ В. Н. Шилова (урожденная Абрикосова) (1875–1942) – дояродная сестра А. И. Абрикосова. После смерти родителей А. И. Абрикосова в 1882 г. он, его трое младших братьев и сестра воспитывались в семье ее отца Н. А. Абрикосова.

в 1930 г. умер дедушка, у бабушки осталась одна комната. Она была, собственно, проходной и соединялась с другой, которую занимали сестры Мария и Лидия Карловны Лепинь. Лидия Карловна была дедушкиной ученицей, стала впоследствии академиком Латвийской Академии наук. Мария Карловна была врачом Боткинской больницы. У нас сохранялись с ними долгие годы хорошие отношения. Когда они вернулись в Ригу, мы с мамой ездили к ним в гости. Когда мы жили в Мыльниковом, то я жила с ними в их комнате, а мама – с бабушкой.

– *Вы знали, что Ваша бабушка – внучка кондитерского фабриканта А. И. Абрикосова⁹²? Это не скрывали от Вас?*

– Нет, я знала. У бабушки сохранились большие семейные альбомы с фотографиями родителей, ее свадьбы, родных и двоюродных братьев и сестер, с которыми она воспитывалась. Фотографий было много. Я их очень любила рассматривать. На них мне очень нравился твой дедушка. Кажется, сохранялись какие-то вещи, связанные с фабрикой. Может быть, коробки от конфет.

– *А ее родственники, Абрикосовы, туда в квартиру к ней приходили?*

– Да, я помню на каком-то торжестве у нее твоего дедушку. Он был ее двоюродным братом, но воспитывались они вместе в семье ее отца. Были близки.

– *Что это была за квартира в Кривоникольском переулке?*

– Папа получил квартиру в доме № 13 на Ленинском проспекте только в 1957 г. Мама прожила в ней всего год. В Кривоникольском переулке мы жили в двух комнатах особняка, который раньше принадлежал купцам Ванюшиным. Папа репетировал кого-то из его сыновей, и когда стали уплотнять, папе предложили занять эти две комнаты. Одна из них была проходная, а другая – огромной залой с потолками, наверное, метра четыре высотой. Эта зала была у нас перегороджена шкафами на три части. В этой квартире после возвращения папы у нас каждое воскресенье собирались его друзья: Александр Александрович Архангельский⁹³ с женой Наталей Дмитриевной, Носов⁹⁴ Михаил Васильевич, препода-

⁹² А. И. Абрикосов (1824–1904) – дед В. Н. Шиловой и академика А. И. Абрикосова. Основатель и владелец кондитерского дела «Товарищество А. И. Абрикосова и сыновей». Кондитерская фабрика была национализирована в 1918 г, ныне ОАО «Кондитерский концерн «Бабаевский».

⁹³ А. А. Архангельский (1892–1978) – авиаконструктор, участвовал в проектировании всех самолетов марки АНТ. Коллега Б. С. Стечкина по ЦАГИ и КБ А. Н. Туполева, где заведовал отделом. Вместе с Б. С. Стечкиным сконструировал и построил авиасани АРБЕС.

⁹⁴ М. В. Носов (1887–1968) – профессор, заведующий кафедрой термодинамики и теплопередачи в МВТУ.

ватель МВТУ, Микулин, у которого папа работал заместителем главного конструктора, со своими очередными женами, Георгий Георгиевич Абрикосов, папина сестра Александра Сергеевна, мамыны гимназические подруги. Было очень весело, выпивали (но не напивались), а потом садились играть в карты: в преферанс, иногда в покер. Я думаю, что атмосфера в нашем доме определялась в первую очередь тем, что все, начиная, конечно, с мамы, любили папу. Он был богом в нашем доме, богом, который умел шутить.

– На дачу приезжало много папиных друзей?

– Конечно, всегда. У папы день рождения 5 августа. И в этот день у нас на даче собиралось много очень хорошего народу. Это все были люди, занимающиеся научно-технической деятельностью. Связей с литературной публикой или художниками у нас не было. Всегда бывали Архангельский и его жена. Он был заместитель Туполева⁹⁵, авиаконструктор. Бывал сам Туполев, Люлька⁹⁶ Архип Михайлович. Тебе это имя, может быть, уже ничего не говорит, а это был очень известный авиаконструктор класса Микулина. Мишин⁹⁷, который в то время был заместителем Королева. Мельников⁹⁸, Райков⁹⁹ из космической фирмы. Соколов, папин сотрудник по институту двигателей. Приезжал Носов. Это очень старый папин товарищ. Приезжали папины ученики по Военно-воздушной академии, в последние годы – сотрудники папы по НПО «Энергия», где папа работал. Вообще у нас было принято, чтобы папины

⁹⁵ А. Н. Туполев (1888–1972) – авиаконструктор, академик АН СССР (1953), генерал-полковник инженерных войск. Под его руководством создано более 100 типов военных и гражданских самолетов, в том числе АНТ-25 и Ту-104 (первый реактивный пассажирский самолет), Ту-114 и Ту-144 (сверхзвуковой). Герой Социалистического Труда (1945, 1957, 1972). Лауреат Сталинской премии СССР (1943, 1948, 1949, 1952), Ленинской (1957) и Государственной (1972) премий. Член ЦИК СССР, депутат Верховного Совета СССР с 1950 г.

⁹⁶ А. М. Люлька (1908–1984) – конструктор авиационных двигателей, академик АН СССР (1968). С 1946 г. генеральный конструктор авиационных двигателей. Первооткрыватель турбореактивного направления в отечественной двигателестроении. Им создан первый отечественный турбореактивный двигатель и затем ряд других мощных турбореактивных двигателей для современных военных и гражданских самолетов. В 1967–1984 гг. возглавлял комиссию по газовым турбинам АН СССР.

⁹⁷ В. П. Мишин (1917–2001) – конструктор. Академик (1966). Первый заместитель С. П. Королева (1966–1974), главный конструктор СКБ ракетно-космической техники №1 (ныне РКК «Энергия им. С. П. Королева).

⁹⁸ М. В. Мельников (1919–1996) – конструктор-двигателестроитель. Ведущий специалист в области жидкостных ракетных двигателей и электрических ракетных двигательных установок. 1956–1966 гг. заместитель С. П. Королева.

⁹⁹ И. И. Райков (?–1999) – конструктор-двигателестроитель.

сотрудники приходили к нам домой и приезжали на дачу, причем не только по делам, но и просто так. Часто бывала на даче Мария Федоровна Станкова-Курчевская. Она очень близкий папин друг с юности. Она была женой конструктора (не авиа-, а просто конструктора) Леонида Васильевича Курчевского¹⁰⁰, который, в частности, занимался безоткатным оружием. Его арестовали, кажется, в 1937-м, и он сгинул. Ничего о нем так и неизвестно, ни когда, ни где погиб. Папа потом при мне говорил, что он был таким человеком, что мог и сбежать из лагеря куда-нибудь на Аляску. Я о нем знаю только по рассказам. Видно, он был очень яркий, смелый человек. После смерти Сталина папа писал по поводу Курчевского, чтобы его реабилитировали. Мария Федоровна всегда бывала на папином дне рождения и каждый раз привозила коробку необычайно вкусных конфет собственного изготовления.

– *Правильно ли я поняла, что Борис Сергеевич не боялся поддерживать отношения с людьми, которые отсидели, или чьи родственники продолжали сидеть?*

– Да, в этом отношении папа был удивительный человек. А люди, с которыми он сидел, относились к нему совершенно по-особенному. Бывало, у нас дома появлялись какие-то незнакомые люди, беседовали с папой. Я думаю, они приходили за помощью. И папа никогда не отказывал.

– *Борис Сергеевич сам водил машину?*

– Папа любил машины. По-моему, он начал ездить на самых первых автомобилях, которые появились. Ездить с ним было настоящим удовольствием. Он чувствовал мотор. Конечно, он ездил

¹⁰⁰ Л. В. Курчевский (1890–1937?). Изобретатель реактивно-динамических безоткатных пушек. В 1916–1918 гг. заведовал КБ Московского военно-промышленного комитета. В 1918–1920 гг. возглавлял лабораторию в Комитете по делам изобретений. В 1921–1922 гг. служил в Комиссии по звуковой разведке. В 1922–1924 гг. руководил мастерской-автотлабораторией при Комиссии по делам изобретений. В 1924 г. осужден на 10 лет якобы за растрату казенного имущества и средств, использованных им на постройку вертолета. В Соловецком лагере особого назначения продолжал заниматься изобретательской деятельностью, построил опытный вариант динамо-реактивной пушки (ДРП). В начале 1929 г. досрочно освобожден. С января 1930 г. руководитель и главный конструктор завода № 38, где в 1933–1936 гг. Б. С. Стечкин был заведующим научно-исследовательским отделом. Им создано несколько десятков типов ДРП разного назначения. Среди других его разработок – аппарат для метания гранат, полярная лодка-вездеход, трехосный вездеход на колесном и гусеничном ходу, крылатая торпеда, глиссер. В 1937 г. Курчевский был арестован по обвинению в создании перспективных систем вооружений по заданию Тухачевского и 25 ноября. 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Точная дата смерти неизвестна. Реабилитирован в 1956 г. В конце 30-х гг. пушки Курчевского были сняты с вооружения и почти все уничтожены.

сам! Перестал водить только в последние годы и тогда вызывал шофера.

– *Борис Сергеевич был еще и охотник.*

– Да, он периодически со своим ирландским сеттером Рексом ходил на охоту, но не в Абрамцеве. Он ездил в разные охотхозяйства, у него для этого была своя компания. Здесь он по тарелочкам стрелял, на поле за домом Маруси. А Рекс, будучи охотничьей собакой, не мог побороть свои инстинкты, убегал, чаще всего в рабочий поселок, и давил местных кур. Когда он возвращался, все тут же понимали, что произошло, так как морда у него была в перьях, последние метры до двери он не шел, а полз на брюхе, сознавая свою вину. Папа тут же шел в рабочий поселок и выплачивал за задушенных кур компенсацию. Однажды он передал каких-то породистых кур нашего соседа по даче, по-моему, Дородницына. Папа, конечно, тут же компенсировал им утрату. Они, арендовали дачу напротив, 37-ю.

– *Кто еще жил у вас на даче?*

– На даче кроме уже упомянутой тети Гуни жила папина сестра Александра Сергеевна. После маминой смерти она приезжала к нам и в Москве. После смерти мамы я была в совершенно растерянном состоянии, и тетя Шура очень мне помогала – в Москве, и все лето жила в Абрамцеве. А между папой и тетей Шурой была очень нежная любовь. Она его всегда звала «братец». Если у нас кто-то на участке и пытался развести цветы, то это была она. У нас на участке никто ничего не делал. Для нее специально застеклили часть открытой террасы, сделали отдельную комнату.

– *Маруся ходила к вам летом до самого конца вашей жизни на даче?*

– Да, до конца, пока мы жили на даче. Иначе как же я могла бы там жить? Я бы не справилась одна. Если она и работала уже тогда в лесничестве, она все равно к нам приходила. Ну, может быть, меньше. Но все равно помогала. Приезжала на велосипеде, привозила в бидоне молоко.

– *Вы сами ходили на прогулки по окрестностям?*

– Я много гуляла вдвоем с Рексом. И далеко ходила. Однажды даже возвращались на электричке, очень далеко зашли. Я любила ходить. Но чтобы папа гулял в лесу – этого я что-то не помню. Ну, ему было уже много лет.

– *Что он делал на даче? Работал, отдыхал?*

– Он всегда работал. На даче у него был кабинет, комната, которая ведет в столовую. Я представить себе не могу, чтобы папа не работал. Он всегда работал.

– *Первого впечатления от дачи не помните? Какой она Вам показалась?*

– Нет, почему-то не помню. Может быть, потому что еще была жива мама, это был ее дом. Мое дело тогда было погулять, развлечься. Я вообще ни о чем не думала. При ней у меня была совсем другая жизнь. Она кончилась с ее смертью. Моя жизнь без нее стала совершенно другой.

– *Помните Володю Аверченкова – мужа Маруси и нашего поселкового рабочего?*

– Да, к нему у меня остались теплые чувства. Помню, как он приходил. Наверное, он что-то делал для нас сверх своих служебных обязанностей, если часто приходил, но ничего конкретного я не помню.

– *Не слышали ли Вы какие-нибудь абрамцевские сплетни?*

– Вообще папа сплетни послушать любил. Но в Абрамцеве я что-то ничего такого не припомню. А сама я мало кого здесь знала.

Александр Николаевич Майсурян (1931–2013).

Сын академика ВАСХНИЛ Н. А. Майсурына. Биолог, доктор биологических наук, профессор.

– *Как Вы думаете, почему правительство или, точнее, лично Сталин, подарили академикам дачи?*

– Я думаю, что это тогда был просто ряд мероприятий. Так же, например, как увеличение заработной платы ученым¹⁰¹. В число этих мероприятий вошел и подарок дач.

– *Послевоенный демонстративный жест заигрывания с интеллигенцией? Витринный акт?*

– Не думаю, что только витринный, так как они ждали, что от этого будет толк, и толк, конечно, был. Всего объема этого благодеяния мы же не знаем. Знаем только про подарок дач. Но, думаю, что идея у них была такая: «Будешь их (ученых) лучше кормить, они будут лучше работать».

– *Все-таки это была «кость», кинутая «хозяином»?*

– В общем, да.

– *Как Вы думаете, тот факт, что всех академиков селяют в одно место, не очень волновал одариваемых?*

– Ну, во-первых, не в одно. Таких поселков было под Москвой три. А куда их было еще, собственно, селить? Они и в Москве примерно так же жили – в ведомственных домах.

¹⁰¹ В марте 1946 г. Совнарком СССР вынес решение об улучшении материальной жизни научных работников.

– Да, это так. До войны был знаменитый дом на улице Чкалова, где жили тогдашние ученые. После войны их расселили в дома 11 и 13 на Ленинском проспекте, в дом на ул. Горького. Еще был академический дом на Пятницкой улице.

Вам известно, кто проектировал академические поселки?

– Я не знаю. Но существовал человек, который выбрал место для нашего поселка. Я думаю, что это был И. Грабарь.

– Это легенда. Его дочь Ольга Игоревна Епифанова говорит, что ей про это ничего неизвестно, и по ее воспоминаниям он был здесь всего один раз.

– Может быть, она про это действительно ничего не знает. Мне говорили, что это место выбрал Грабарь, но кто именно говорил, не помню. У него здесь дача была еще до войны, вот он и выбирал поближе к дому, что называется. Во всяком случае, это весьма вероятно, и спасибо ему, так как место здесь совершенно замечательное.

– Какова история появления Вашей семьи на этой даче?

– Первым хозяином этой дачи был академик Сатпаев. Здесь вначале сложилась такая ситуация. Некоторые хозяева дач как-то «смущались» подарком. Их это как-то, видимо, затрудняло, и они не знали, как быть. Они стремились найти такой вариант, при котором они вроде и не отказались, но и не пользовались. Таким вариантом оказались мы. Мои родители знали многих из академической среды, тех, кто поселился здесь. В частности, Василия Сергеевича Немчинова, который был очень известный в то время академик.

– А что, отказаться все-таки было страшновато?

– Нет. Некоторые отказались. Будто бы, успел отказаться академик Прянишников. Он умер, на свое счастье, 30 апреля 1948 г. и не был свидетелем августовской сессии ВАСХНИЛ, которую все равно вряд ли бы пережил. В общем, при получении этих дач были всякие варианты. И вот академику Сатпаеву, который был еще и президентом Академии наук Казахской ССР, дача эта была, вероятно, не очень нужна. Кроме того, в те времена не было такого, как сейчас. Сейчас наверняка никто бы не отказался. Тогда такого настроения не было. Сатпаеву, мне кажется, было неудобно иметь здесь дачу. Жил он в Казахстане, работал там же. Он был слишком видной персоной у себя на родине, и ему не хотелось прослыть там человеком, который хватает совершенно ненужную ему вещь. От дачи он не отказался, но пользоваться ею не собирался. И тогда, кажется, при посредстве Немчинова, и было заключено такое соглашение¹⁰² моего отца с Сатпаевым. По усло-

¹⁰² Из письма академика К. И. Сатпаева в правление дачного поселка академиком Абрамцево от 8 августа. 1951 г.: «Сообщаю для сведения, что на осно-

вию этого соглашения мы брали на себя все заботы об этой даче (платим, как и все владельцы, в контору полагающиеся деньги и содержим дом в порядке) и живем до тех пор, пока она ему не понадобится.

– Вы ему не платили за аренду?

– Нет. Только то, что все платили в контору. Зато он о своей собственности мог не думать. Мы ее содержали в полном порядке. Таким образом, я посчитал, мы прожили 11 лет, если считать с 1949 г. Один раз он сюда приехал и захотел посмотреть дачу. По-моему, это было в самом начале 60-х гг. Он встретился с моим отцом, и они вместе приехали сюда. Он все осмотрел. Отец ему все показал. Сатпаев был удовлетворен увиденным. Отец сказал, что мы, согласно договоренности, освободим дачу, как только она понадобится, но тот сказал: «Нет, живите, пока». А жене он, по-видимому, дал инструкцию, что в случае его смерти она, как вариант, эту дачу продала бы нам. Во всяком случае, когда он умер (1964 г.), она через своих доверенных лиц вошла в контакт с моим отцом, и состоялась сделка. Конечно, это было не так просто, потому что тогда существовало правило, что дачу могут купить только академики большой Академии, а папа был академиком ВАСХНИЛ. Поэтому формально он такого права не имел, но поскольку мы здесь прожили уже так долго, все нас поддерживали, а отец был знаком со всеми, не то, что я, все на общем собрании высказались за него, и в большой Академии это решилось. Наверное, эти правила к этому моменту уже несколько раз нарушались, поэтому нам было проще. После этого мы здесь и продолжаем жить, но уже как хозяева.

– *Каким в первый период абрамцевской жизни был состав Вашей семьи?*

– Папа, мама, я, семья маминого брата Г. И. Атабекова¹⁰³. Будущий академик И. Г. Атабеков (мамин племянник) бегал вот по этим дорожкам. У него тут была большая компания: Юра Бочвар, Алеша Виноградов, Саша Микулин. Я был старше их, мне в 1949 г. было уже 18 лет, а им около 15.

вании устной нашей договоренности тов. Майсурия, временно занимающий дачу № 31, несет все расходы как по ее надлежащему содержанию, так и по оплате следуемых адм. хоз. расходов Управления дачного поселка академиков «Абрамцево»».

¹⁰³ Г. И. Атабеков (1908–1966) – доктор технических наук, профессор, член Экспертной электротехнической комиссии ВАК Министерства высшего образования СССР, член редколлегии журнала «Изобретательство в СССР», член Экспертного совета Комитета по делам изобретений и открытий при Совете министров СССР. Дядя И. Г. Атабекова, усыновил племянника после смерти его отца.

– Родители с кем-нибудь здесь общались?

– Здесь общение у родителей было довольно тесное. В это время тут жила семья Келдыша, проводил лето Амбарцумян¹⁰⁴ с семьей, были Микулины. Постоянными жителями были Немчиновы. Мы к ним или они к нам ходили почти каждый день. С бывшей женой Микулина, Верой Тихоновной, старший Атабеков ходил каждый день в санаторий играть в теннис. Она по своей профессии имела отношение к кино. По рекомендации Веры Тихоновны какой-то болгарский киношник, выпускник московского ВГИКа, снимал на нашей даче дипломную работу. В этом фильме играл известный актер Плотников и еще кто-то. Снимали вот на этой террасе. Мы, конечно, с интересом на все это смотрели.

– Что Вы думали тогда по поводу этой дачи?

– Я думал, что лучше этой дачи ничего на свете не существует.

– Была ли у Ваших родителей дача раньше?

– Нет.

– Что Вы здесь увидели при первом посещении?

– Когда мы с мамой сюда первый раз приехали, на нашем участке было нечто вроде лесопилки, продолжение хозяйственного двора, с которым дача граничит. Эту дачу уже при нас заканчивали строить, но совсем не немцы. Я видел только их бараки. Напротив домика первого коменданта (Исаева) было два барака. Бараки еще были, но немцев уже не было.

– Вы сами в этот период познакомились с кем-нибудь из здешней молодежи?

– Нет, это мне как-то было ни к чему. В 18 моих тогдашних лет я уже вышел из возраста, когда без конца ездят на велосипеде по поселку. Нет, конечно, я ездил, но здесь не было моих сверстников, все были младше. Для этого возраста достаточно разницы в три года. А потом я стал здесь бывать каждое лето, но неполное.

– Не помните ли Ваших первых впечатлений от поселка?

– Первое ощущение: благоустроенная свобода. Тут ведь было достаточно дико. Там, где теперь дорога к роднику, были сплошные заросли. Мы через них ходили в Глебово. Все-таки окрестности мало изменились. Только участков стало больше.

– Вы как-нибудь обихаживали участок?

¹⁰⁴ В. А. Амбарцумян (1908–1996) – астрофизик, академик АН СССР (1953), академик (1943) и президент (1947) АН Армянской ССР. Один из основоположников теоретической астрофизики. Основатель и директор Бюраканской астрофизической обсерватории.

– Мы с мамой на участке разбили огород. Другие этого не делали. Инициатором этого была мама, она ботаник, но и папа огород приветствовал. Они любили это занятие. Наш участок солнечный. Сделали дорожку к закрытой террасе. Здесь у домов три входа, и главным считается какой-нибудь один, через который в основном и ходят. У всех это было по-разному, в зависимости от расположения дачи по отношению к воротам. Наша дача повернута стеклянной террасой к воротам, поэтому вход в дом через нее считался у нас главным.

– *Что делали на даче Ваши родители?*

– Старшее поколение (мама и папа) здесь работали. Сидели, не поднимая головы, над рукописями, над лекциями, книгами. Был для этого столик в саду. Работал за ним и Г. И. Атабеков. Приезжали студенты родителей. Эта деятельность здесь была очень кипучая. Папа работал активно вплоть до неожиданной смерти. Летом, если у него бывало гибкое расписание, ездил в Москву с дачи. Короче говоря, для нас поселок как вторая родина. Вся моя юность связана с этим местом.

– *Не помните, сами академики общались между собой?*

– Гуляли, общались, ходили друг к другу. Немчинов приходил к нам очень часто.

– *Не было ощущения, что общались с осторожностью? Что, получив дачи в одном поселке и находясь в несколько вынужденной ситуации, не хотели общаться?*

– И так было, и сяк. Скорей всего, это зависело от того, как один академик относился к другому. У многих на дачах жили друзья из академической среды. И эти люди были друзьями не только тех, у кого жили, но и других жителей Абрамцева. Это создавало широкий круг общения. Вообще общение здесь было, и в первые годы оно было достаточно активным. Мама ходила в гости ко многим, встречалась здесь с разными научными работниками. Мама была ботаником.

– *Значит, мое представление о том, что первые пять-семь лет существования поселка были периодом очень ограниченного общения, неверно? По собственным воспоминаниям у меня сложилось впечатление, что в этот период основными жителями были старцы-академики, их малолетние внуки или еще не выросшие дети и домработницы. В поселке среди его постоянных жителей было мало не только молодежи, но даже людей среднего возраста, которые бы могли здесь общаться между собой.*

– Нет, это представление неверно. Жизнь тут была вполне полноценная. Как на обычных дачах было принято: приезжали родственники, ходили в гости и так далее.

– Общение «по интересам» существовало?

– Да, несомненно.

– Существует ли в нашем поселке некий специфический дух? Может быть, любое компактно проживающее сообщество, собранное по профессиональному признаку, обладает общими чертами?

– Наверное, здешней спецификой являлся чрезвычайно высокий интеллектуальный уровень всех жителей. Тогда здесь не было ни торговцев, ни финансистов, ни коммерсантов. Все здесь были научные работники, и восприятие жизни у них было соответствующим. Поэтому воспитанные ими дети играли именно в эти игры, а не в другие; относились друг к другу именно так, а не иначе.

– Вы обратили внимание, что в этом поселке собраны в основном представители естественных наук.

– Да. Но, скажем, Виктор Владимирович Виноградов не был представителем естественных наук. Но уровень его был такой высокий! Здесь жили академики очень серьезные, занимающиеся фундаментальной наукой.

– Все тогда жили примерно одинаково, но были ли в поселке дачи, которые как бы выпадали из ряда? Публика на которых была более богемной?

– Ну, может быть, и были. Но как-то это никем не порицалось. Микулины были веселые, ну и хорошо.

– Может быть, удавалось жить, как хотелось, просто из-за больших размеров участков?

– Ну, размеры участка вначале были у всех одинаковые. Потом по мере того, как жизнь шла, началось их деление. И это наступило скоро. Например, участок дачи № 20 был поделен между родственниками одним из первых.

– Расскажите какую-нибудь историю про первых владельцев.

– Таких историй я не знаю, зато знаю про то, как произошла Шоколадка. Она возникла благодаря усилиям Николая Федоровича Шкаринова, нашего тогдашнего управляющего. На месте теперешнего водоема был карьер, откуда брали песок для строительства дач. И когда оно закончилось, управляющий понял, что это место можно использовать в качестве близкого водоема, который здесь отсутствует. По его указанию рабочие сделали отлогие берега, превратили карьер в такое место, куда вода естественным путем собирается. Но так как вода смешивалась с грунтом, она там была сначала совершенно шоколадного цвета. Поэтому и возникло это название: Шоколадка. Впоследствии прошли некие естественные процессы, вода очистилась, и Шоколадка превратилась в прекрасное место купания. А до этого все смотрели

на Николая Федоровича свысока и посмеивались: мол де, какой чудак, занимается ерундой, сделал нечто совершенно ненужное. А оказалось, всем очень даже нужное, и поколение наших детей там купалось.

– *И мой сын, а это уже следующее поколение за ними, там научился плавать. Но теперь ее очень загадили, и никто там уже не купается. Николай Федорович был запоминающейся личностью?*

– Он сам был знающий, культурный человек. Он понимал, с кем ему приходится иметь дело. Он ведь не считал академиков чудачками и дураками, а себя – над ними начальником. Этот все понимал. Его роль в поселке очень важная. Вот, например, дорожку от площадки на родник рабочие поселка по его указанию засыпали шлаком. Ну, кто бы это стал сейчас делать? Откуда взялся этот шлак, не знаю. Возможно, это были какие-то отходы от котельной на водокачке или он остался от засыпки домов. Во всяком случае, этот шлак был отходный. И он придумал, как его использовать, не бросил. Поэтому дорожка и сейчас почти в первоначальном виде. Он был прекрасный хозяин в том смысле, что он здесь все знал. Каждую дачу, что на ней творится, кто живет, какие нужды и так далее. Следил за выполнением всех работ. Например, рабочие что-нибудь делают, крыльцо меняют или что-нибудь подобное. Он приходил, смотрел. До начала работ, после. Сейчас трудно себе представить, чтобы кто-нибудь кроме нас самих контролировал работы на даче. Я могу ошибаться, но, по-моему, при нем починка внешних заборов, сбрасывание снега весной с крыш дач производились не за счет владельцев. Рабочих в поселке было много, все они крепко выпивали, но люди они были неплохие. Он с ними умел управляться. Я многих из них вспоминаю с пиететом. Вот, например, Ефрем Петрович, который был у нас сторожем. Что сторожил, я не знаю, но он ходил по поселку, всех нас знал, ко всем хорошо относился, приятно было с ним поговорить. Все рабочие нас знали, отношения были хорошие.

– *Почти семейные?*

– Ну, вроде того. Я хорошо помню нашего рабочего Саида. Он с семьей жил в торце гаража, рядом с нами. Его мама, тетя Соня, понимала, что он спивается, и это было трагично. Она жила в Хотькове, но приходила в поселок чуть ли не каждый день. Очень переживала за сына.

– *Вы считаете, что все-таки самым важным в нашем поселке был изначальный состав его жителей. Это и сейчас определяет особую атмосферу поселка?*

– Да. Дело в том, что здесь еще живы многие представители второго поколения жителей Абрамцева, дети и внуки академиков,

получивших дачи. Это поколение еще не полностью исчезло. А второе поколение несет на себе отпечаток первого, и этим все сказано. Что будет в поселке потом – трудно себе представить. Устоять перед теми, кто стал хозяином нынешней жизни, трудно. Очень трудно. У этих есть свои приемы, как вытеснить прежних. Ну, Вы же видели это на примере господина *N*. Вынь ему и положь совершенно другой образ жизни поселка. Он нас совершенно не понимал. А его предложения и нам не годились. И таких, как *N*, у нас в поселке появилось сейчас много. Они почему-то стараются навязать нам другой, совершенно не тот, к которому мы привыкли, образ жизни. Непонятно, с какой стати. Мы живем так давно. Привыкли. Каждый действует и содержит дачу, как ему удобно. Многие вовсе хотят ее сдавать, а другие продолжают жить, как они привыкли, и ни под каким видом менять ничего не собираются. Весь смысл жизни состоит в том, чтобы жить, как привыкли.

– Как Вы думаете, обладание дачей наложило отпечаток на жизнь обитателей поселка, на Вашу, например?

– В общем, пожалуй, да. В результате появилось стремление сохранить и сохраниться в этом качестве, то есть жить здесь и иметь по-прежнему все, что здесь есть. Ведь фактически это большая ценность, и она, в общем, возрастает. Мы бы при других обстоятельствах никогда дачи бы не получили. Значит, это надо ценить. И если человек это понимает, то он прилагает определенные усилия и действует так, чтобы это сохранить. Не только для себя, но и для детей.

Юрий Михайлович Овчинников (1930–2013)

*Зять М. И. Вольфковича, брата академика С. И. Вольфковича.
Врач-отоларинголог. Академик РАМН.*

– Когда Вы здесь появились? Как выглядел поселок?

– В 1950 г. Поселок заселялся с 1948 г. Строителей-немцев я не застал, их вывезли в 1948 г. К 1950 г. в поселке было в основном все достроено. Выдавали ключи к готовым полностью домам. По-моему, сами академики в процессе строительства дачи никакого участия не принимали. Занималась всем Академия. Дома в поселке были либо зеленые, либо голубые. У нас был зеленый, соседние дачи голубые. По нашему участку ходить было нельзя, все хлюпало. Мы с тестем (Мироном Исааковичем Вольфковичем) все лето копали дренажные канавы. Возили шлак от печей, песок. Здесь было очень сыро, несмотря на то, что Семен Исаакович выбрал самую высокую точку поселка. Пришлось копать целую дренажную систему. Очень сыро было и у Немчиновых. Сын

Немчинова, Ваня, своими руками вырыл дренажную канаву вдоль дороги для отвода воды с их участка. Ее до сих пор видно. Все дорожки на нашем участке подняты над землей примерно на 70 см. Все это сделано нашими руками. Все эти дорожки имели шуточные названия в честь братьев Вольфовичей: «Семеново шоссе», «Захаров проспект»... Люди были они в возрасте, но шутили. Сам Семен Исаакович еще был не старый, в 1949 г. ему было 53 года. Для него эта дача была первой. Дача в Пушкино еще с довоенных времен была у его брата Мирона Исааковича, и он туда приезжал. Мирон Исаакович был врачом-отоларингологом, профессором 1-го медицинского института, окончил Московский университет, а в 50-е гг. заведовал кафедрой в Саратовском медицинском институте. Ушел на пенсию в 72 года и жил в Москве. Отоларингология для нас, можно сказать, семейная профессия. Если считать моего внука Ваню¹⁰⁵, уже четвертое поколение.

– Кто выбирал этот участок?

– Выбирал участок Семен Исаакович вместе с Мироном Исааковичем. Тот был более «дачный» человек. Остановились на этом участке, потому что здесь самое высокое место, к тому же он граничит с трех сторон с соседними дачами. Но оказалось, что и здесь очень сыро. С садом у нас не очень получилось. Плодоносила только одна яблоня. Садовника, как такового, у нас не было.

– У вас был сторож?

– Да, сторожиха. Но была она не местная. Когда поселок строили, то кроме немцев здесь были и вольнонаемные женщины. Они были из разных мест, например из Белоруссии. Потом, когда поселок построили, многие остались работать и жить в поселке в качестве сторожей. Феня принадлежала к их числу. Она жила у нас очень долго. Даже стала претендовать на вечное проживание¹⁰⁶.

– Это из-за нее у вас сгорел маленький дом?

– Спалила маленький дом приходящая истопница. Домик сгорел полностью, очень быстро. Когда горел шифер, было ощущение, что рвутся снаряды. Мы хотели восстановить его, но уже каменный. В Академии предложили строить деревянный и сделать его быстро. Мы согласились. Немного его перепланировали. Потом еще при жизни Семена Исааковича пристроили комнату, куда он зимой приезжал работать. Пока домик строили, мы жили у Немчиновых. Конечно, никаких денег за это с нас не брали.

¹⁰⁵ И. А. Овчинников (1975–2006) – внук Ю. М. Овчинникова, врач-отоларинголог.

¹⁰⁶ По словам Марии Андреевны Аверченковой, Фене было просто некуда идти, поскольку никакого дома, кроме сторожки Вольфовичей, у нее не было. В конце концов, С. И. Вольфовичу удалось получить для нее комнату в доме подсобного хозяйства.

А когда сгорел дом у Славы Грабаря, они, пока строились, жили у Охоцимских. Они тоже их пустили по дружбе. Для восстановления своей дачи они купили два сборных финских дома. Восстановленная после пожара дача Грабарей немножко отличается от наших больших домов. Причина этого пожара мне неизвестна.

– Как протекала летняя жизнь на даче?

– Летом Семен Исаакович с братьями – Захаром Исааковичем и Мироном Исааковичем – занимали большой дом. Академик жил наверху. Там была его спальня и кабинет. Все остальные жили внизу. В маленьком домике жили мы с женой и сыном. Семен Исаакович его нам даже заранее отписал. Вскоре мы познакомимся с Немчиновыми. Дело в том, что с Ремом, мужем Нины Немчиновой, я был знаком еще ребенком, до войны. Мы жили в одном дворе на Зубовской. Его отец был военным служащим, как и мой. Их семья перед войной вернулась из-за границы. Мы Ремом именно тогда и познакомились. Потом я совершенно неожиданно столкнулся с ним здесь. Даже жену спросил: «А этот как сюда пролез?» Вспомнили наши детские отношения. У нас, можно сказать, была настоящая дружба. Ездили вместе семьями на юг. Вместе проводили время. И еще дружили с молодыми Грабарями. Это было интересно. Публика была интеллигентная. У Грабарей поселились два брата – иммигранты из Америки¹⁰⁷. Одного звали Давид, как звали второго, не помню. Они нас научили танцевать модные тогда за границей танцы. Типа рок-н-ролла. Танцы там были всегда. Мы очень долго дружили и со Славой, и с его семейством. Ходили играть в футбол в Глебово. Такая была у нас команда. Играли в шарады. Забавы были интеллигентские, весьма пристойные. Вместе встречали Новый год. (У Грабарей в маленьком домике жил шофер академика. Он же был сторожем и истопником, топил печи в даче.) Хозяйство при тогдашней Славиной жене Асе велось довольно безалаберно, но там нам нравилось. Все были молодые. Привлекала нас и музыка. У Рема был магнитофон. Огромный такой ящик, который даже вдвоем было тяжело носить. По-моему, он назывался «Днепр». Но у него был прекрасный звук. Было много современных записей. Рем их привозил из-за границы. (Он закончил МГИМО). И у американцев тоже были записи.

– Вы дружили с Сашей Леонтовичем?

– Нет. Саша был человек особый. Был он к тому же старше нас. Он отчаянно гонял на подаренной ему отцом «Волге». Хотя в машинах ни черта не понимал, ездил очень быстро и рискованно. И академика-отца возил на такой же сумасшедшей скорости.

¹⁰⁷ Это были братья Беллы. Один из них, Давид, стал мужем сестры тогдашней жены Славы Грабаря, Аси.

Но молодыми, в общем, общались. Он нас приглашал послушать классическую музыку, которую он хорошо знает и любит.

– *Вы тогда здесь проводили отпуск?*

– Приезжали на субботу и воскресенье. Отпуск старались проводить в другом месте. Пять лет подряд ездили вместе с Немчиновыми на подводную охоту в Крым. Когда сыну Андрюше исполнилось пять лет, начали брать с собой и его. Ездили и на Кавказ, и в Закарпатье, и в Карелию. Молодыми дачу не ценили. Стали обращаться к дачному уюту, когда сами постарели.

– *Старшее поколение, сам академик и его братья, любили дачу?*

– Очень! С удовольствием занимались участком, кто как мог. Заводилой был Мирон Исаакович. Все распланировал на участке сам. Он в сельском хозяйстве больше понимал толк. Старший из братьев, Захар Исаакович, мало касался хозяйства. Так, иногда какую-нибудь веточку поднимет и все. За грибами ходил вместе со мной только тесть Мирон Исаакович. Другие братья – нет, никогда. Сам академик даже и до дачи № 9, думаю, не доходил. Самое дальнее – к Немчинову. Но Семен Исаакович просто влюблен был в дачу. Очень ее любил. Всегда старался что-нибудь здесь усовершенствовать. Любил здесь работать. Приезжал и зимой один. Работал в маленьком домике в валенках.

– *Между ним и И. М. Виноградовым были какие-нибудь отношения?*

– Нет. В члены правления, по-моему, Семен Исаакович тоже не входил, так что и по здешним делам с ним не пересекался. Семен Исаакович был вообще аккуратнейший человек. Пережить то время... Кстати, по молодости он был эсер. Принимал какое-то незначительное участие в революции. Ему тогда был 21 год. Окончил университет, стал выдающимся химиком. Много сделал вместе с Ферсманом для развития Кольского полуострова. Потерял все зубы на работе с фосфором. Очень был трудолюбивый, трудоспособный. Даже умер в 1983 г. внезапно, читая какую-то научную статью. Вообще, все братья Вольфовичи были людьми интеллигентнейшими.

– *С кем они здесь дружили?*

– В то время «дружить» было нельзя. И академики тоже не очень «дружили». Они общались, это дело другое. С некоторыми общение было теплое. Разговаривали с Немчиновым, Леонтовичем.

Василий Сергеевич Немчинов подвергался всяким репрессиям. Он даже был какое-то время под домашним арестом. Лысенко должен был его вот-вот уничтожить. Немчинов был в высшей степени порядочным человеком. Поэтому Семен Исаакович с

ним и общался. Академик Грабарь здесь не бывал. Общался ли с Фесенковым, не помню. Тот был сухой человек. Петровский был очень замкнутый. Любил ходить пешком, гулять. Здесь кроме его жены жила ее сестра, по-моему, художница. Когда он умер, вдове стало жить трудновато. Академика Гудцова я не помню даже в лицо, он рано умер. Помню Миронова. Он ходил по поселку. Перед своей дачей на газоне посадил елки. Теперь их убрали, так как они росли на водопроводном коллекторе. Помню Изгарышева. Он арендовал дачу № 16. Там организовали потом медпункт. Самое первое, ныне уже не существующее помещение медпункта, арендовал какой-то биолог, недолго. Потом его купили Копецкие, и через некоторое время на его месте построили новый дом. Потом Фортов¹⁰⁸ забрал себе дачу № 16 с условием построить новое здание медпункта, но оно оказалось не капитальным.

Ближайший наш сосед, первоначальный владелец 12-й дачи, академик Стражеско, здесь не жил. Стражеско – знаменитый врач. Внедрил в практику электрокардиографию. Описывал картину инфаркта миокарда и ставил диагноз по изменениям электрокардиограммы. Очень известный. Работал в Киеве и сюда не приезжал. После его смерти дача перешла Академии и ее сдавали в аренду. Одно время, по-моему, там жили Соколовские. Потом какой-то академик из Ташкента. Дача была запущена донельзя. В итоге ее выкупил академик РАН Т. Энеев. Другого соседа, владельца 10-й дачи Асафьева, мы здесь тоже не видели, он очень быстро умер. Его дачу потом купил В. Соколовский, но вскоре заболел. Так и скончался на даче.

– Сколько я себя помню, столько же помню и вашу лавочку перед воротами. На ней сидели жители дачи. Поэтому я хорошо помню, как выглядел Семен Исаакович.

¹⁰⁸ В. Е. Фортов (1946 г. р.) – физик. Член-корреспондент АН СССР с 1987 г., академик РАН с 1991 г., президент РАН с 2013 г. Разработал динамические методы генерации состояний вещества с экстремально высокими параметрами, создал широкий спектр генераторов ударных волн: пневматические и электродинамические ускорители, мощные лазеры, электронные и ионные пучки, с помощью которых проведены пионерные исследования в области динамической физики экстремальных давлений и температур неидеальной плазмы. Им развита общая теория построения широкодиапазонных уравнений состояния вещества, разработаны новые методы преобразования химической энергии в энергию электромагнитного излучения, исследованы процессы, происходящие при импульсном воздействии на материалы мощных потоков направленной энергии. 1996–2001 гг. вице-президент, с 2013 г. президент РАН. В 1992–2007 гг. – директор Института теплофизики экстремальных состояний РАН; с 2007 г. директор Объединенного института высоких температур РАН; 1997–1998 гг. – министр науки и технологий РФ. С 2002 г. Академик-секретарь Отделения энергетики, машиностроения, механики и процессов управления РАН г. С 2010 г. — член Консультативного научного совета Фонда Сколково.

– Да, лавочка сделана очень давно. На ней любил сидеть Семен Исаакович. Приходил посидеть и поговорить Леонтович. Они сидели, разговаривали, Леонтович курил, кашлял. Беседы у них были потрясающе интересные. О том, как Леонтовичи путешествовали, ходили в горы и еще куда-то. Он говорил: «Татьяна Петровна на мне женилась». Так он говорил. Речь у него была очень своеобразная, прерывистая, но очень интересная.

– *Вы считаете, что поселок жив и все еще хранит тепло ушедших людей?*

– Да. Хотя, конечно, следует помнить, что их, в общем-то, согнали в одно место. Пусть даже это было комфортное проживание. И наблюдали за ними, конечно.

– *Как? Ведь в поселок был свободный доступ. Официальной централизованной охраны не было.*

– Такой не было, но какие-то охранники или «наблюдатели» тут все равно были. Были телохранители у Бочвара. Все это знали и видели их, когда он приезжал. Наверное, у Келдыша тоже, но он почти тут не бывал. Официальной охраны больше ни у кого из академиков не было, или делалось это незаметно.

– *Вот я сижу в Вашем доме, куда, собственно, пришла без приглашения, Вы мне всякое рассказываете, а ведь на самом деле Вы меня почти не знаете. Все-таки мы принадлежим к разным поколениям, правда, уже более 50 лет здороваемся при встрече. Чем определяется эта доброжелательность, если не сказать доверие?*

– Ну, я, например, слушал еще лекции твоего деда, патологоанатома академика А. И. Абрикосова.

– *Значит, делаете это из уважения к деду?*

– Не только. С твоим дядей Алешей (А. А. Абрикосовым) мы тоже были знакомы. Разговаривали при встрече на всякие интеллигентские темы. Его сын, внук Алексея Ивановича, тоже Алеша, дружил с нашим Андрюшей. Вместе они куролесили. Ну, вот это... Может быть, поэтому.

– *То, что Вы здесь почти всех знаете в течение очень многих лет, делает пребывание на даче более комфортным?*

– Да, какой-то тут альянсик существует. Хамства в поселке я не наблюдаю. Интеллигентность этого поселка все-таки осталась и после смерти стариков. Все-таки основное число жителей – их потомки. Хамства от них не ждешь. У нас и стычек в поселке не было. Да и делить нечего.

Сына моего Андрея сюда привезли, когда ему было два месяца. Это его настоящая родина. У нас есть еще дача на Оке. Место просто золотое. Мещера. Вид прекрасный. Но Абрамцево – это и

моя родина тоже. Здесь я прожил больше пятидесяти лет. Сюда я приезжаю домой. И этот маленький дом нас вполне устраивает. Это такое теплое пристанище. Поселок, уютный в любое время года. Очень. Даже люди, которые здесь сначала снимают дачу, потом часто остаются навсегда. Иностранцы, которые у нас жили, тоже очень хорошо к этому месту относятся. Раньше было удобно доехать из Москвы. Правда, сейчас с этим стало очень тяжело.

– Кажется ли Вам, что многое здесь изменилось или поселок все-таки остается достаточно патриархальным?

– Да, патриархальным, и слава богу! Пока нас еще не стерли те явления, которые на нас наступают. Эти вновь поселившиеся здесь люди... С одной стороны, может быть, это и хорошо, если только они будут поддерживать жизнь поселка. Конечно, это зависит от того, какие они, но я надеюсь, поселок поддерживать они все-таки будут. Вот сделали дорогу, правда, кусками. Но я не знаю, надо ли нам стремиться, чтобы дорогу доделали. По плохой не будут гонять, а проехать еще можно и по старой. Дороги прежние были замечательные и очень долго сохранялись. Разрушили их «новостроящиеся».

– Как Вы думаете, правление поселка обязали поставить статую Сталина?

– Как я понял со слов Семена Исааковича, хотя в то время люди очень аккуратно обходились с этой темой, а также по собственным воспоминаниям, – да. Как я понял из его слов, памятник Сталину был тогда обязательной чертой всякого официального учреждения, в том числе и академического поселка. Наш стоял на площадке, спиной к Глебову, глядел на въезд. Эту белую фигуру было видно и от ворот, и когда поднимались по дорожке от Глебова. Был он высотой метра четыре. Сталин был изображен в шинели, рука за лацканом. Шагающий такой Сталин. Он был гипсовый, и его периодически белили. Убрали его, кажется, ночью. От памятника не осталось ничего. Место, где он стоял, сравнивали с землей. Были видны только следы колес машины на площадке.

– Поселок сам оплачивал установку памятника? С владельцев дач деньги на него собирали?

– Вряд ли. Оплачивала, наверное, Академия. Она тогда все оплачивала. И водокачку, и все остальное.

– А как же хозрасчет, про который написано в уставе поселка?

– Для этого у нас было несколько машин. Машины размещались в наших гаражах.

Лет 40 существовал в поселке этот наш грузовик ЗИС-5 с фанерной кабиной. Я сам лично на нем мусор вывозил. Он имел прозвище «Ласточка». Эта машина всю войну прошла.

– Какие были у вас отношения с управляющим Шкариновым?

– Николай Федорович был культурный человек, по профессии учитель. Держал в руках всю здешнюю команду рабочих. С рабочими он управлялся ловко. Их в то время было в поселке много. Я его хорошо помню. Интеллигентный, высокий, красивый мужчина.

– Какое отношение у Вас было к диссидентам, живущим у Грабарей в 70-х гг. К Вадиму Делоне, внуку Б. Н. Делоне?

– Очень даже спокойное. Я даже по просьбе Славы смотрел его тестя Льва Копелева¹⁰⁹. А тот был под надзором. Знаю, что за дачей Грабарей присматривали «товарищи». В какой-то момент один из них выполнял роль присматривающего за газом. Леонтовичи всегда были диссидентами, особенно молодые. Ну, правда, не самыми активными. Мы знали всю эту историю с Вадимом и с его посадкой. Правда, с Борисом Николаевичем Делоне отношений не было. Он не был нашим ближайшим соседом, мы здесь практически не встречались. А вот с академиком Немчиновым, который пострадал, отношения были прекрасные. И с самим, и с его женой, и с Ниной и Ремом.

– Как Вы считаете, не определялся ли выбор того или иного поселка тем, что людям, связанным одной тематикой, скажем так, «рекомендовали» селиться вместе? Не было ли по направлению Ярославского шоссе каких-нибудь закрытых институтов, специализация и близость которых определили состав академиков поселка Абрамцево?

– Нет, такого я не думаю и не знаю. Семен Исаакович был, по моему, тут чуть ли не единственный химик.

Наталья Юрьевна Заварзина (1937 г. р.)

Первая жена Г. А. Заварзина. Музыкант, педагог по классу виолончели.

– Когда Вы здесь появились?

¹⁰⁹ Л. З. Копелев (1912–1997) – прозаик, филолог, германист, диссидент и правозащитник. Ушел добровольцем на войну. Служил в отделе пропаганды среди войск противника и населения. В 1945 г. осужден за резко критические отзывы о насилии над германским гражданским населением. Послужил А. И. Солженицыну прототипом для Рубина в романе «В круге первом». В 1956 г. реабилитирован. Занимался литературной и преподавательской деятельностью. С 1966 г. активно участвовал в правозащитном движении. В 1977 г. лишен права публиковаться и преподавать. В 1980 г., был лишен советского гражданства. Жил в Германии. С 1981 г. профессор Вуппертальского университета. Автор книг на русском и немецком языках. Его дочь Е. Л. Копелева стала женой М. И. Грабаря.

– Это был, наверное, год 1957-й. Мне было 20 с небольшим, когда я здесь появилась в качестве жены Георгия Александровича Заварзина. Но с Абрамцевым я познакомилась еще до того, как вышла замуж, так как меня школьницей отправляли в Абрамцевский дом отдыха. Мы жили там в одноэтажном деревянном домике. Музей, по-моему, был в те времена мало посещаем. Кроме того, я была еще раньше по родительской даче на Сходне знакома с сыном Ефимова Юрой. Ефимовы потом тоже жили здесь в поселке академиков.

– Кто в это время жил на даче Б. Л. Исаченко?

– Самого Бориса Лаврентьевича Исаченко я не застала. Он умер очень скоро после получения дачи, осенью 1948 г. Из «старших» на даче жили Нина Борисовна, дочь академика Исаченко, и ее муж Александр Алексеевич Заварзин. Помимо того, что он был хорошим архитектором, он обладал многими талантами: у него был отличный музыкальный слух, прекрасный баритон, в юности он был футболистом, был прекрасный рисовальщик, карикатурист. Он был необыкновенно артистичным, а его голос был хорош до такой степени, что его приглашали работать в театр оперетты. Человек он был прекрасный, готовый всегда помочь. В частности, помогал рабочему поселка Володе Аверченкову в планировке дома, когда тот его перестраивал и достраивал.

Кроме того, в это время на даче еще жили двоюродный брат Александра Алексеевича, очень колоритный человек, с женой. С ними жила их знакомая пожилая дама, по-моему, крупный искусствовед, специалист по скифской культуре. Она была репрессирована, и когда ее выпустили, последние годы доживала в этой семье. Может быть, она и не была старой, но из-за лишений производила такое впечатление. Двоюродный брат Александра Алексеевича умер довольно рано, и его жена подолгу жила с Ниной Борисовной на даче в осенние месяцы. А вообще мой свекор, его двоюродный брат и мой отец¹¹⁰ были друзьями юности.

– Какое впечатление произвели на Вас жители поселка?

– Я – человек, выросший в академической семье и академической среде. Моих родителей окружали люди в этом смысле очень высокого ранга. И я долго себе не представляла, что может быть как-то иначе. Поэтому поселок меня ничем не удивил, и люди,

¹¹⁰ Ю. А. Орлов (1893–1966) – зоолог, палеонтолог, специалист по нейрогистологии современных беспозвоночных, сравнительной морфологии и палеоневрологии ископаемых. Директор Палеонтологического института АН СССР (1945–1966). Руководил изданием «Основы палеонтологии» (в 15 т.). Академик АН СССР (1960). Лауреат Ленинской премии (1967, посмертно). Именем Ю. А. Орлова назван Палеонтологический музей в Москве. Ученик и друг академика А. А. Заварзина, гистолога.

жившие здесь не были для меня чем-то новым. Я этим мало интересовалась, воспринимая все как должное.

– *Какие условия быта были тогда в поселке?*

– Помню непрерывные лазания в подвал, так как еще не было приличных холодильников, и основные продукты хранили там. Была деревянная плита, керогазы. В доме бывало холодно, несмотря на топку. Особенно холодно было в ванной, – как в погребе, а при наличии маленького ребенка ею приходилось пользоваться часто. Из разговоров я помню, что выбрал этот участок Борис Лаврентьевич за то, что он был открытый и солнечный, находился практически в центре поселка. Все эти нынешние деревья тогда были маленькими. Но из-за урезанного фундамента сам дом стоит очень низко, поэтому в нем было сыро и быстро прогнили полы. Говорили, что кирпичи, отпущенные на фундамент, украли и поэтому сэкономили на его высоте. (По-моему, у домов, которые строились позже, фундамент более высокий.) Дом был сырой, холодный. Весной, когда его открывали после зимы, там пахло плесенью и мышами. Я и сейчас помню это ощущение, тогда приезде весной буквально своими боками начинали отогревать постели. У свекра была машина. Кажется, сначала «Москвич», а потом уже бежевая «Победа». Продукты покупали, когда ездили с Александром Алексеевичем на машине в Хотьково, но большую их часть возили из Москвы. Время было тогда еще достаточно голодное, и на участке были грядки. Выращивали овощи, даже картошку. С огородом много возились...

– *Какие на даче были развлечения?*

– Пока Нина Борисовна и Александр Алексеевич были достаточно бодры, ходили за грибами. Они очень это любили. Александр Алексеевич был страстным собирателем грибов. Здесь и на участке их много было. Любили ездить на машине (у них была одна из немногих машин в поселке) по ближайшим достопримечательностям. Часто ездили в Переславль-Залесский. Они оба очень любили это место. Большие компании на дачу не приезжали, семейные праздники было принято устраивать в Москве.

– *Кто жил на даче зимой?*

– Зимой в большой даче тогда не жили, а в маленьком доме только временами. Я еще училась и не могла здесь находиться постоянно. Я помню, жили здесь как-то на зимних студенческих каникулах. Катались на лыжах, и вся эта прелесть и красота Абрамцева – такого нетронутого «Берендеева царства», как это было тогда, производили впечатление. Тогда функционировал санаторий, и было много лыжней, которые прокладывали и обитатели санатория, и наши, поселковые. Были разные маршруты. В поселке наши дороги чистили. Управляющий, Николай Федо-

рович, за этим следил и придумал такое устройство: треугольник, связанный из бревен, который привязывали к грузовой машине.

– А кто жил в маленьком доме летом? Его сдавали?

– Я что-то не помню. Может быть, сдавали Усиевичам¹¹¹. Но когда Лиза была маленькая, они жили на втором этаже большого дома.

– Кто жил в поселке зимой?

– По-моему, только Леонтовичи. Для дочери Лизы Леонтовичи значили очень много. Еще в рабочем поселке жила Лизина подруга, Ира Лузгина (Штрикова). Ирин дедушка, дядя Миша, работал здесь печником. Замечательный был человек. Очень приятный, милый, интеллигентный. Кроме того, у тогдашнего управляющего поселком Николая Федоровича Шкаринова было два внука: Сережа и Коля. Сережа с бабушкой, Александрой Николаевной, и дедушкой жил здесь зимой.

– Помните зимние праздники у Леонтовичей?

– Да, Лиза в них участвовала. Она это помнит хорошо.

– Вы были лично знакомы с Николаем Федоровичем?

– Николай Федорович очень дружил с моим свекром. Когда я с маленькой Лизой жила в сторожке зимой, было трудно топить домик, к утру он промерзал. Я была обучена топке, но иногда что-нибудь не получалось. И Николай Федорович заглядывал проверить, все ли у нас в порядке и не надо ли мне помочь. Всегда он это делал с доброй улыбкой, дружеской. В общем, о нем у меня самые лучшие воспоминания. Я тогда почему-то слышала, или так сложилось в моем сознании, что он сподвижник Макаренко, и это его еще больше поднимало в моих глазах¹¹². Может быть, такое впечатление возникло у меня потому, что я знала, что он был раньше директором детского дома, и из-за моего тогдашнего увлечения Макаренко. Надо еще понимать, что это происходило в 50-е гг., вскоре после окончания войны, и деятельность Николая Федоровича в качестве директора детского дома (сирот тогда было очень много и из-за войны, и из-за репрессий) вызывала большое уважение. Несомненно, у него был дар общения с людьми, их подчинять, организовать.

– Он был хорошим управляющим?

– Я совершенно уверена в том, что Николай Федорович был именно тем человеком, благодаря которому в нашем поселке на протяжении многих лет сохранялась атмосфера необыкновенно

¹¹¹ Это подробно изложено в воспоминаниях Л. М. Моржиной (с. 387–391).

¹¹² Шкаринов до войны был преподавателем труда в школе. Был ли он сподвижником Макаренко, выяснить не удалось.

уважительного и дружеского отношения жителей друг к другу. Эта дружелюбность сохранялась и поддерживалась благодаря такту Николая Федоровича, его житейской мудрости. Он был человек строгих моральных правил, но вместе с тем необыкновенно доброжелательный, сердечный и снисходительный к людским слабостям. По крайней мере, так ощущаю я.

– Почему Ваш свекор дружил с Николаем Федоровичем?

– Александр Алексеевич был человеком очень разносторонним, с самыми неожиданными способностями, очень одаренный. Одним из его многочисленных талантов было умение общаться с людьми. С Николаем Федоровичем они, по-видимому, как-то дополняли друг друга, и общаться им, полагаю, было легко и приятно. По-моему, Александр Алексеевич был тогда членом правления. Бывали, наверное, и какие-то проблемы. Но стиль, в котором эти проблемы разрешались, был подлинно интеллигентный и деликатный. Оба они обладали прекрасным чувством юмора, и это тоже позволяло мирно разрешать возможные конфликты. Никогда зло, ворчливо, кичливо. И без сплетен.

– Вы имеете возможность сравнить атмосферу в поселке тех лет и нынешнюю. Она изменилась?

– Да. Сейчас здесь появилось некоторое количество людей, которые не знают ничего о поселке. Ну, как в семье, когда в ней появляются люди, не знающие ничего об ее истории, чужие. Я полагаю, что здесь все-таки был определенный социум с определенными традициями, представлениями. Теперь он разбавлен чужими, и сильно. Кроме того, наверное, обстановка внутри поселка зависит от его правления.

– В поселке было известно, что жена Николая Федоровича, Александра Николаевна, очень верующая?

– Да, в общем, это было известно. Но тогда об этом было не принято говорить. Я помню такое проявление этого. Она строго придерживалась постов и постных дней, что было тогда большой редкостью. И она с большим восторгом рассказывала, что, не помню кто из ее внуков, Сережа или Коля, сам не ест в это время никаких мясных продуктов. Была женщиной строгой, но я с ней совсем не сталкивалась.

– Вам известна история с ликвидацией в поселке статуи Сталина?

– После того как Н. С. Хрущев выступил на съезде с разоблачением культа личности, было решено и здесь убрать статую, стоящую в центре площади. Чтобы снять статую, Николай Федорович пригласил бульдозериста. Вождю была наброшена петля на шею и его повалили. Оплата этой работы была проведена Николаем Федоровичем по статье «уборка мусора с газона». Когда точно

это произошло, не знаю. Уже после XX съезда. Еще много-много лет спустя, когда уже памятника Сталину давно не было, старожилы в поселке все равно говорили, что идут не на «клумбу», а к «Сталину».

– *Дачу в семье Вашего мужа любили?*

– Да, дачу очень любили. Жизнь поколения, к которому принадлежали мои свекор, свекровь и родители, была драматической. И мой отец, и дед совершенно случайно избежали гибели от сталинского террора. В общем, семья Исаченко-Заварзиных пережила много лишений и чудом выжила. Понятно, что, когда после стольких перенесенных несчастий они обрели этот абрамцевский дом, относились к нему с большой любовью.

Лев Николаевич и Клеопатра Сергеевна Шкариновы

Лев Николаевич (1925–2008), сын управляющего Н. Ф. Шкаринова, врач отоларинголог, доктор наук, участник войны. Клеопатра Сергеевна (1924 г.р.), его жена, педагог, заслуженный учитель физики.

– *Как Николай Федорович оказался на должности управляющего поселком?*

– *Лев Николаевич.* Сразу после войны вдова академика Комарова, Надежда Викторовна, стала попечительницей детского дома Академии наук. В этом детском доме были собраны дети, оставшиеся сиротами после смерти во время войны родителей-ученых, работавших в системе Академии. В основном это были дети из семей ленинградских академиков и членов-корреспондентов, погибших в блокаду. В общем, этих детей собрали в Москве и организовали для них детский дом. Он располагался в Алсуфьевском переулке около Пироговской улицы, назывался «Детский дом специального назначения имени академика В. Л. Комарова». Директором этого детского дома был назначен мой отец, Шкаринов Николай Федорович, а курировала этот детский дом Надежда Викторовна Комарова. Она регулярно его посещала и так далее. Естественно, что друг друга они хорошо знали. Как раз в это время для поселка искали управляющего, поскольку с предыдущим возникли недоразумения (их детали нам неизвестны), и она предложила отцу эту должность. С конца войны прошло больше 8 лет, и первые дети были уже из сиротского дома выпущены. Они им всем выхлопотали в Москве жилье, пристроили. Состав детей изменился, в детском доме оказались дети не только ученых, но и художников, писателей, поэтов. Надежда Викторовна постепенно от этого дела отошла и уговорила Николая Федоровича бросить детский дом и стать управляющим здесь. Он приехал сюда и поселился на даче, владелицей которой она тогда была, в малень-

ком домике. Он его перестроил, сделал там третью комнату. Это с него пошла переделка маленьких домиков из двухкомнатных в трехкомнатные за счет части площади гаража. Одновременно он ремонтировал помещения конторы. Оно было неутепленное и мало пригодное для постоянного проживания. Он его утеплит, и после того, как оно было готово, мы все туда переехали. Мы – это отец, мать, я с женой и сыном. Мне было 28 лет, моему старшему сыну Сереже было три года.

– *Как долго он был управляющим?*

– *Лев Николаевич.* Он был управляющим поселка 22 года, с апреля 1954 г. по август 1976 г. И даже после того, как официально оставил должность управляющего, он еще работал в поселке в другой должности, так как ЖКО Академии хотел, чтобы он остался и обучил нового управляющего Канцырского Ивана Мартыновича. Этого нового управляющего Николай Федорович сам нашел у нас в Глеbove. Кандидатура Ивана Мартыновича показалась ему подходящей, он был непьющий, умел водить все машины, работал в совхозе. До войны он был учителем труда, тогда говорили: «трудового воспитания».

– *Вы можете вспомнить первые впечатления от поселка?*

– *Лев Николаевич.* Впечатление было замечательное, все было очень ухожено. Везде был порядок.

– *Клеопатра Сергеевна.* Когда мы здесь появились, газонов на общей территории поселка не было. Николай Федорович нанял рабочих, и они на лошадях плугами распахали землю и засеяли ее травой.

– *Что вам известно о деятельности Николая Федоровича в качестве управляющего?*

– *Лев Николаевич.* При нем газоны косили, а траву продавали. У отца вообще была струнка коммерсанта. Чтобы оплачивать труд рабочих (их было тогда много, а денег Академия давала мизер), нужен был какой-то фонд заработной платы. И он организовал здесь гараж.

– *Клеопатра Сергеевна.* Когда мы сюда приехали, этого сегодняшнего гаража не было. На его месте стояли недостроенные стены, там собирались сделать клуб. Был уже построен домик, в котором здешние академики хотели сделать магазин. Николай Федорович убедил академиков, что, если в поселке будет работать магазин, то сюда будет ходить вся округа и здесь будет проходной двор, а если будет еще и клуб, то тут будет собираться вся шпана. И тогда совет поселка отменил эти проекты. Решили на месте планируемого клуба построить гараж, и в его торцах разместить две квартиры для рабочих, а уже имеющийся домик-ма-

газин отвести медпункту. Гаражи и помещения в торцах строил Николай Федорович, то есть он достраивал, так как стены (без крыши) для клуба уже были возведены до него. Построили гараж на 4 машины. Грузовые машины купили, наверное, через Академию, наняли шоферов. На этих машинах летом шоферы перевозили вещи академиков на дачу и с дачи, а зимой, когда в поселке нечего было делать, они работали в Хотьковском сельпо, возили на наших грузовиках продукты. Шоферы получали зарплату, а за эксплуатацию наших машин в сельпо контора имела деньги. Эти средства, получаемые от аренды автомобилей, шли на нужды поселка. На них в поселке много было сделано. Например, к тому моменту, когда Николай Федорович должен был уйти с должности, все первые поселковые изгороди уже повалились и на эти деньги были заменены новыми. Были проложены новые водопроводные трубы и был выхлопотан подвод магистрального газа. Еще при Николае Федоровиче были проложены газовые трубы от Хотькова до поселка. Оставалось доделать внутреннее кольцо и запустить газопровод в действие. Это уже делал Иван Мартынович, следующий управляющий.

– *Идея провести газ для отопления домов была Николая Федоровича?*

– *Клеопатра Сергеевна.* Да, все документы и часть работ по укладке труб были сделаны при Николае Федоровиче. А Иван Мартынович занимался включением. Это тоже было очень сложное дело. Здесь бутылок этим газовикам было поставлено не меряно. В окрестностях нам включили газ первыми. Соседний, так называемый Генеральский поселок, еще долго обходился без газа.

– *Николай Федорович сам позаботился о преемнике?*

– *Клеопатра Сергеевна.* Да. Когда Николай Федорович собрался уходить, надо было все это хозяйство передать кому-то. По рекомендации Николая Федоровича сюда пригласили работать Ивана Мартыновича, дали в поселке помещение для жилья. Нынешний наш управляющий, Александр Дмитриевич Клубков, когда мы сюда приехали, был еще совсем мальчишечкой, потом стал здесь рабочим. Он наш, местный, глебовский. Конечно, он здесь все знает, где лежат все трубы, канализационные колодцы. Это очень важно для поселка.

– *Сколько при Николае Федоровиче было рабочих?*

– *Клеопатра Сергеевна.* Рабочих было много. Володя Аверченков, Володя Марков, Саид, Гриша Астапов, дядя Миша Штриков – печник. Он отец Тамары, а Клава – его племянница. Они и сейчас живут здесь. Был Ефрем Петрович. Он был сторожем и вообще рабочим на подхвате, делал, что академики просили: разломать,

прибить, мелкую работу. Жил он в подсобном хозяйстве. Плотник был, молодой, Миша Широков. Он все тут делал. Саид тогда еще работал электриком. Еще было два шофера. Зимой здесь расчищали дорогу. Специальных машин для этого не было, и Николай Федорович придумал прицепить к грузовой машине треугольник, связанный из толстых бревен. Зимой грузовиком с этим прицепом чистили дорогу. В 1956 г. зима была такая снежная, такие были снегопады, что дороги расчищали вручную. Снега было так много, что он доходил до верха забора. Никакая машина расчищать не могла, были не дороги, а туннели в снегу. А перед Новым годом была такая метель, что все это засыпало. Дорогу до музея тоже расчищали зимой. Рабочие поселка загораживали открытую часть дороги от снега щитами. Это было обязанностью поселка. Потом ее передали дорожной службе Хотькова, тогда щиты и убрали, но это было позже.

– *Расскажите, как была организована работа машин?*

– *Клеопатра Сергеевна.* Работа машин началась именно с поселковых заявок, так как все переезжали на дачу и с дачи с вещами, а собственных машин тогда у жителей еще не было. Вещей у людей, хоть они и были академиками, тоже было не так много, вот их и возили из Москвы на дачу и обратно. Возили матрасы, одеяла, постельное белье, даже кухонную утварь. Обязательно привозили сюда из Москвы запас продуктов – крупы, консервы какие-то. В округе мало что можно было купить. За перевоз вещей академик платил в контору поселка 15 рублей, а все прочие – 25.

– *Как происходило управление поселком?*

– *Клеопатра Сергеевна.* Администрирование происходило так же как и сейчас. Регулярно собирался совет поселка. Председателем при нас был Иван Матвеевич Виноградов. В совет входил Александр Алексеевич Заварзин, по-моему, потом его членами были Б. В. Раушенбах, М. К. Тихонравов. Келдыш здесь почти не жил, но именем его, когда что-то было нужно получить от Академии, пользовались.

– *Как вам кажется, рабочие уважали академиков или над ними подсмеивались? Например, говорили: «Они такие чудные, ничего в хозяйстве не понимают».*

– *Они оба хором.* Нет, нет. Академики пользовались большим уважением.

– *Лев Николаевич.* Дело состоит в том, что старые академики, те, которым дачи были подарены, были очень простыми. Вот я помню, позже приехали новые академики из Сибири, ну, например, Яблонский один из таких. Они были совсем другие, абсолют-

но. А те были простые. Могли даже и рабочим помогать. Отношения с ними были замечательные.

– *Клеопатра Сергеевна.* Здесь было тогда все так просто. Наш бухгалтер и секретарь Тамара жила в комнате при гараже. Если кто-то из владельцев приезжал не в ее рабочее время, любую денежную сумму клали нам на стол, и мы потом передавали ее Тамаре. Зимой, когда приезжали в нетопленный дом, все приходили к Николаю Федоровичу домой погреться и попить чаю. Газа ведь не было. Помещения дач были холодные. Прежде всего приходили к нам. Пили чай, потом отправлялись топить свои печки. Печки, надо сказать, здесь шикарные.

– *Памятник Сталину помните?*

– *Клеопатра Сергеевна.* Когда мы приехали, памятник Сталину стоял. Потом было дано официальное указание Николаю Федоровичу памятник убрать, причем по-тихому. Поэтому убирали ночью, и только Николай Федорович знал, куда его закопали. Трактора в поселке не было, сдернули памятник машиной.

– *Что было вокруг памятника Сталину на площадке? Были ли там цветы?*

– *Клеопатра Сергеевна.* Нет. Памятник стоял в центре круга примерно 1,5 м диаметром, выложенного камнями. После того как его убрали, Николай Федорович нанял садовника, тот сделал клумбу и посадил пионы. Они там росли до прихода Ивана Мартьяновича. Цветы были шикарные. Когда пионы расцветали, их растаскивали, обрывали, даже вырывали с корнем. В результате клумба оставалась голая. Во всем Глебова теперь цветут эти пионы, у всех одинаковые.

– *Была ли у Вас, Лев Николаевич, здесь компания?*

– *Лев Николаевич.* У меня здесь была компания охотников. Здесь был охотничий коллектив. Председателем его был сначала Дмитрий Алексеевич Клубков, отец Саши Клубкова. Нас весь поселок знал. Тут смыкаются два охотничьих хозяйства: Пушкинское и Загорское. Загорское тянулось до Савеловской железной дороги. Мы все эти места как свои пять пальцев знали. Где ягоды, где орехи. Здесь было по-семейному. На охоту ходило все Глебово и из наших рабочих Володька Аверченков. Клубков был очень сильный охотник. У них всегда были охотничьи собаки. Они бежали за зайцами. Зимой на охоту ходили на лыжах. Весной, когда «тянули вальдшнепы», со мной на охоту ходил Сергей Леонидович Тихвинский¹¹³. Он с семьей в 1960 г. арендовал здесь дачу № 37,

¹¹³ С. Л. Тихвинский (1918 г. р.) – историк и дипломат, член-корреспондент АН СССР (1968). В 1939–57 гг. находился на дипломатической работе в Китае, Великобритании и Японии; имеет ранг чрезвычайного и полномочного

а потом купил дом в Генеральском поселке. Ездил он со мной на охоту и на рыбалку в деревню в Тверской области (Боровское), где мы с женой часто жили летом. Ходил с нами и Юрий Георгиевич Широков. Он несколько лет арендовал домик на даче 28.

– *Клеопатра Сергеевна.* Охотились по-настоящему. Били кабанов, на тягу ходили за рябчиками. На тягу с нами ходили еще Александр Алексеевич Заварзин и Виноградов Николай Владимирович. Когда Лев Николаевич был в Италии, я сама их на тягу водила. Показывала им места охоты. Все жили дружно.

– *Что значит «дружно»?*

– *Клеопатра Сергеевна.* Часто кто-нибудь из жителей нам рассказывал свои горести. Когда в семье Делоне случилась беда с ребятами, Борис Николаевич приехал на дачу, сидел у нас. Плакал. Вольфович очень часто приходил. Вообще, что бы ни произошло – днем или ночью – все бежали к Николаю Федоровичу. Когда у Грабарей Славина дочка Маша запихнула себе пуговицу в нос, ночью прилетели. Николай Федорович как-то ухитрился ее вытащить. Тащил, по-моему, вязальным крючком и вытащил. Телефон долгое время был только в конторе. Потом его провели некоторым академикам. Телефон был у Петровского, у Келдыша, у Леонтовича, у Белова и еще у кого-то. Но большинство жителей звонило из конторы и им звонили в контору, а мы передавали.

– *Николай Федорович был в курсе событий в поселке?*

– *Клеопатра Сергеевна.* Он был совершенно в курсе. Вообще вся наша семья жила общей с поселком жизнью. Мы все были в курсе.

– *Лев Николаевич.* Тут хоть и будки никакой не было, но посторонние в поселке не появлялись. Если свои были в неглиже, он делал им замечания. Он говорил: «Здесь надо быть одетым, как в поселке академиков, а не как в доме отдыха». Детей с газонов гонял, когда они землянику собирали, так как траву продавали на сено. Вежливо, но твердо.

– *Были ли в поселке общие праздники?*

– *Клеопатра Сергеевна.* Детей приглашали на елки к Леонтовичам. Никакого различия, кто они – дети рабочих или академиков – не делали. Приглашали на дачу Прасолова к детям Тамары

посла. С 1958 г. – профессор Московского института международных отношений. В 1960 г. – директор Института китаеведения АН СССР, в 1961–63 гг. – заместитель директора Института народов Азии АН СССР, в 1963–64 гг. – Института экономики мировой социалистической системы АН СССР. Основные труды по новой и новейшей истории стран Дальнего Востока, преимущественно Китая, и истории международных отношений.

Павловны, но это позже. К нашим соседям Беловым тоже ходили на всякие детские праздники.

– *Какие поселковые детские компании вы помните?*

– *Клеопатра Сергеевна.* Была большая компания детей 1948–1950 гг. рождения. Здесь было много детей этого возраста. В нее входил и мой старший сын. Все дружили. Внуки Стечкина, Тихвинские (они арендовали дачу № 37), Алеша с Наташей, Алена и Миша Тимофеевы, Миша Делоне. До этого была еще компания детей старших: Юра Старк, Георгий Заварзин... Тоже состоящая из одноклассников. Позже у моего младшего сына Коли тоже была своя компания. Дети собирались здесь по возрастам. У моего внука компания была, а вот потом в поселке детей как-то стало мало. Тот, кто попал в этот возрастной промежуток, друзей здесь не нашел. Было им очень здесь скучно, играть было не с кем. А когда росли мои дети, их компании были большими. Знакомились между собой они как-то сами. Мы участвовали в их жизни. Однажды даже решили им на площадке «у Сталина» залить каток. Но это оказалось делом не таким простым. Народу на это мероприятие вышло много, например, все взрослые с дачи Беловых. Воды было много, но толку мало. Хорошего катка так и не получилось. Строили детям горки.

– *Особенно близко вы с кем-нибудь дружили?*

– *Лев Николаевич.* Мы дружили с Ефремовыми, Тихонравовыми, Заварзинными. (Дружили и с первой, и второй женой Георгия Александровича и до сих пор дружим.) Были в дружеских отношениях со Станиславой Валерьяновной Келдыш. Она к нам часто приходила. Вообще, в контору и к нам домой приходили, так или иначе, все жители поселка. Знали всех не только по имени и отчеству, но и всякие их обстоятельства. Моя свекровь готовила внучку Н. В. Белова Галю и ее подружку Лену за первые три класса школы. Помню, Николай Васильевич Белов как-то на машине с шофером подвозил нас в Москву. Как только сели, он уткнулся в какой-то научный журнал. Всю дорогу его читал. По-моему, он работал день и ночь. Человек он был замечательный. До сих пор поддерживаем отношения с С. Л. Тихвинским.

– *Расскажите историю про корову Уразовых.*

– *Клеопатра Сергеевна.* Да, историю про корову мы знаем. Уразов после смерти жены женился второй раз, на женщине моложе себя. Она была, по-моему, родственница его первой жены. Ее двух сыновей он воспитывал как своих. Эта женщина была то, что в народе называется «хозяйка». Она действительно была хорошая хозяйка, купила корову, даже продавала здесь молоко. Жители поселка это молоко у нее покупали. У нее все было

в большом порядке – и дача, и участок. Корова жила в поселке довольно долго, на это смотрели сквозь пальцы.

– *Дачные участки разрешали разрабатывать под огороды, сады?*

– *Лев Николаевич.* Это, пожалуйста. Но только не в ущерб лесу. Категорически не разрешалось для этого рубить деревья. Если про это узнавали, приезжал лесник, составлял акт, накладывал штраф, довольно большой. Если хозяева хотели срубить дерево, вызывали лесника. Он решал, можно или нельзя, действительно ли оно представляет опасность. Дерево клеймил, и только после этого за деньги его удаляли. Дрова покупали тоже в лесничестве. Привозили бревна на наших же машинах, а кололи поселковые рабочие.

– *Совершали ли вы дальние походы за грибами?*

– *Клеопатра Сергеевна.* Никуда далеко за ними ходить было не надо. Вот на этом месте, где сейчас стоит новый дом медпункта, белых было бесчисленное множество. Очень много грибов было на участке Заварзиных. Если надо было собрать много грибов одного калибра для маринада или солки, то ходили по два раза в день. Приносили, например, только маленькие белые или рыжики. Грибов было очень много. И орехов уйма.

– *Почему сейчас всего этого становится все меньше и меньше?*

– *Лев Николаевич.* Все заросло! Раньше лесничество очень ухаживало за лесом. Прорубали просеки. Вырубали старые деревья, увозили. Теперь лес запущен. Много гнилья, много травы, а там грибы не растут.

– *Клеопатра Сергеевна.* Кроме того, в каждой деревне были коровы, и их пасли в лесу. Выкашивали для них траву на полянах. По лесным дорогам и просекам все выкашивали. А еще в какой-то момент лесничество вырубил в округе огромные, чистые березняки. Лев Николаевич даже в «Известия» об этом писал, возмущался. Это письмо переслали в наше же лесничество, которое этим и занималось. Там ответили, что вырубает перестоявший лес и на его месте будет посажен новый. В общем, все березняки на этом кончились. А были они прекрасные, чистые, без подроста, с особой изумрудной, как это всегда бывает под березами, травой.

– *Лев Николаевич.* Вообще действия нашего лесхоза не всегда можно было понять. В дубовой роще напротив домика первого управляющего зачем-то очень густо посадили липы. Раньше там была прекрасная поляна. Остальное заросло в роще само. Когда-то там были одни дубы. Я помню, вальдшнеп прямо через эти дубы тянул, видно было, а теперь даже ходить туда бессмысленно.

Глава 2

В этой главе собраны воспоминания первого поколения детей, выросших в поселке. Рассказчиков объединяет то, что все они, или почти все, были привезены в поселок в младенчестве и продолжают здесь жить. Воспоминания охватывают большой период существования поселка, начиная с середины 50-х гг. прошлого века.

Наталья Георгиевна Уразова (1945 г. р.).

Дочь академика Г. Г. Уразова. Химик-технолог.

– Сколько тебе было лет, когда сюда приехали твои родители?

– Мы приехали в мае 1949 г. Мне было 4 года. Первые воспоминания о даче – как я свалилась с лестницы второго этажа.

– Как папа выбрал этот поселок? Почему он не выбрал Луцино или Мозжинку?

– Он не выбирал. Он не был членом партии (ты сама понимаешь, что это значило в Советском Союзе), административных постов никогда не занимал. Он был заместителем директора института, заводделом. Никогда не был в Президиуме Академии. Ему просто дали дачу здесь. Он был «старый молодой академик», стал академиком в 1946 г., когда ему было уже 62 года. Их селили тогда сюда. Здесь поселился и М. В. Келдыш, который тоже не занимал тогда никаких высоких постов, он был 40-летним «мальчишкой», который стал академиком. Но были тут и маститые академики, избранные еще до войны. Например, математики И. М. Виноградов, И. Г. Петровский, Н. М. Крылов.

– Папа входил в правление поселка?

– Нет. Тогда председателем правления был Степан Ильич Миронов. В правление входила жена академика Келдыша Станисла-

ва Валериановна. Она стала с мамой больше общаться уже к концу своего пребывания здесь.

– *Пытались окультурить участок?*

– Участок был заросший – елки, осины. Папа был против вырубки деревьев, но мама хотела иметь огород, цветы, сад. И постепенно тайком от папы деревья рубила. Он выйдет, скажет: «Валечка, по-моему, у нас стало меньше деревьев». А она в ответ: «Ну, что ты, Жоржечка, ты забыл, их столько и было». Постепенно она все-таки место для сада расчистила, были посажены яблони, их было много. В первые годы был очень большой урожай клубники, огромное количество ягод по первой разделке почвы. Я утром вставала и выискивала самые крупные и красивые ягоды на грядах. А через несколько лет ее стало гораздо меньше, несмотря на всякие подкормки, в том числе и навозом. Я потом и сама пыталась выращивать клубнику. Урожай был очень маленький: «3 грамма на гектар». Яблони тогда сажали все. Сельскохозяйственным опытом, по-моему, никто не делился. У мамы самой было очень много цветов. Даже брали на какую-то выставку. Были розы, штук 30, но они все вымерзли. Осталась одна роза, я ее называю Мичуринская. Она все еще растет. Часть цветов на участок были привезены с ВДНХ. Садовника у нас не было.

– *Была ли у тебя няня?*

– Нет. Были две домашние работницы: одна здесь жила постоянно с бабушкой, другую привозили с собой из Москвы. В нашей семье никогда особенно не отделяли прислугу от нас. Шофер и его родственники могли обедать за одним столом с нашей семьей. Домашних работниц папа всегда называл по имени отчеству и на «Вы».

До семилетнего возраста я жила на даче с бабушкой постоянно. В помощь ей у нас какое-то время работала молодая женщина Фрося, привыкшая жить в деревне и вести натуральное хозяйство. Было начало 50-х гг. Она и уговорила мою маму купить корову. Говорила: «Я с коровой привыкла, купите корову». А корову она присмотрела неподалеку – на 46-й даче, у сторожихи тети Паши. Так эта корова стала нашей и стала жить у нас. Она была очень сообразительной. Ее отдавали пастись в существовавшее тогда общественное стадо коров близкой от нас деревни Глебово¹¹⁴. Домой она приходила оттуда сама, через калитку в задней части забора. Когда же ее приводили по дороге через поселок, то на пути часто встречались дети и среди них Алеша Виноградов, который ее всегда дразнил: «Здорово, друг-корова!» Она пугалась и бегом бежала домой. Ну какое тут молоко?! Молока она дава-

¹¹⁴ Согласно имеющемуся плану по отводу земель, деревня Глебово входила в сельскохозяйственную артель «Пламя».

ла совсем мало, не больше 8 литров, но и его мы не могли все выпить. Поэтому у нас его покупала семья члена-корреспондента Б. Н. Делоне, может быть, и еще кто-то, я просто этого не помню. За молоком приходила или его жена Мария Генриховна, или их домашняя работница. Были у нас тогда и куры. Помню, мне было очень интересно вынимать из гнезда только что снесенное яйцо. А еще интересней было, когда несушка высиживала птенцов, а потом появлялись на свет желтые птички. Ко мне приходили мои подружки Галя Миронова (внучка академика Миронова) и Света Белопольская (племянница жены академика Келдыша), и мы кормили цыплят творогом и сваренными вкрутую яйцами. Корова прожила у нас года два-три. Держать ее оказалось очень хлопотным делом, да и Фрося перестала у нас работать. С курами расстались позже. Все это происходило с 1951 по 1955 г.

– Ты помнишь, как к папе на даче кто-нибудь из академиков приходил в гости?

– Нет, особенно никто не приходил. Заходил только Семен Исакович Вольфович. Может быть, у него были с папой совместные работы по удобрениям. До того, как на даче № 16 расположился медпункт, там жил Изгарышев, и он тоже встречался с папой по каким-то делам. Такой, как мне помнится, небольшой человек, с крупной головой. Я сама тоже бывала на 16-й даче. Участок этот был совсем не заросший. Солнечный. А вообще-то в поселке не было принято ходить друг к другу в гости. Поселок был достаточно закрытый. Но, конечно, здесь все друг друга знали. Вот, например, если папа во время прогулки на кругу встречал А. А. Бочвара, он с ним беседовал. Могли вместе немного по кругу пройтись. Но потом расходились по домам, а чтобы запросто зайти, – такого, как правило, и не было.

– А ты сама у кого-нибудь на даче бывала?

– Единственное место в поселке, где я бывала в доме, это дача Мироновых. Галя Миронова была и есть моя подруга с самого раннего возраста. У нее было много игрушек и конфет. И хотя эти же самые конфеты из тех же самых академических пайков были дома, казалось, что у Галки все это вкусней и слаще.

Когда здесь жила племянница академика А. А. Бочвара, Таня, она вместе со своей бонной приходила к нам, и мы играли на нашем участке. Наши дачи напротив.

– Помнишь какие-нибудь дружеские компании взрослых, существовавшие в поселке?

– Может быть, кто-то и дружил друг с другом, но я что-то не помню. Могу сказать только про наших соседей. Нашим соседом справа был самый молодой академик М. В. Келдыш и его семья:

жена, сын Петя и дочь Светлана. Жена Келдыша, Станислава Валериановна, жила здесь летом все время. Они жили здесь до 1971 г. Вместе с ней проводили лето на даче и ее родные сестры, Хелена Валериановна и Алиса Валериановна. Алиса Валериановна с мужем, доктором наук, и дочкой Светланой жили у них в маленьком домике. Сестры все были очень красивые, но по-разному. Самой красивой была жена М. В. Келдыша, Станислава Валериановна. К ним все время в гости приходил, как мы его звали, «дядя Ваня», академик И. М. Виноградов, математик. У него с М. В. Келдышем были общие интересы по работе. Они, по-видимому, дружили. Эту компанию из трех сестер и И. М. Виноградова называли в поселке «три сестры и дядя Ваня». У них на участке была волейбольная площадка. Они играли в волейбол, даже через сетку. Иван Матвеевич был их много старше, но тоже играл. У нас волейбольной площадки не было, а у Бочваров была.

– Были ли в поселке в первый период его существования какие-нибудь общие мероприятия для жителей?

– Тогда кроме сестры и врача в поселок летом приезжала еще женщина – специалист по лечебной физкультуре (может быть, по массажу тоже). Под ее руководством мы, дети, на поселковой футбольной площадке занимались физкультурой, играли. В этом участвовали все, дети были разных возрастов – и старшие, и младшие. Это продолжалось, вероятно, первые годы. А самым первым врачом была Елизавета Николаевна Орлова. Зимой она работала в академической поликлинике и лечила папу, а летом работала здесь.

– Кто летом жил у вас в маленьком домике?

– В маленьком домике первое время при папе жил шофер. Машина оставалась здесь и в субботу, и в воскресенье. Шофер жил с семьей. Потом там жила моя учительница музыки, и каждый божий день мы занимались. Меня учили музыке, как «всякую приличную девушку». Специально для этого поселили на даче учительницу. Галя Миронова тоже играла. У них был огромный рояль, но в Москве. Галя была в этом более успешна. Я уже в 14–15 лет бросила, а Галя продолжала. Даже самостоятельно занималась.

– Кто жил в маленьком домике зимой?

– До того момента, как я пошла в школу, у нас зимой в маленьком домике постоянно жили бабушка с домашними работницами и я. Туда мы переезжали осенью из большого дома. Мама с папой приезжали только на субботу и воскресенье.

– Кто еще кроме вас жил в поселке зимой?

– Зимой жили Леонтовичи. Вера, младшая из детей академика, к нам приходила, и я туда ходила. Вообще было скучно, больше из детей моего возраста в поселке зимой никто не жил. На соседней даче одно время жила зимой сестра жены Амбарцумяна, Ирина Федоровна. У нее были сын и дочь. Они приехали откуда-то с севера и несколько лет жили здесь тоже круглый год, ходили учиться в хотьковскую школу. Они были постарше меня. С девочкой мы дружили.

– *Зимой до поселка было трудно добраться?*

– В общем, да. Дороги чистили, но то ли я была маленькая, то ли зимы были такие снежные, даже пройти, не то что проехать, было трудно. Может быть, чистили слишком узко. Иногда даже машину оставляли у музея и до дома шли пешком. Мне казалось, что шли как в тоннеле. Еще папа был жив. Вдоль дороги на поле ставили снегозадерживающие щиты. Их сделали наши рабочие, и они же их зимой ставили. Для задержки снега там же были сделаны посадки деревьев. Сажали еще при Исаеве. Начинались эти посадки прямо от музея. Сейчас осталось от них несколько деревьев, а когда-то была целая полоса.

– *Помнишь самого первого управляющего?*

– Это был Исаев. Его жену звали Магдалина Никитична. Была очень благообразная. Как-то приходили к нам в гости, есть фото на крыльце: Исаев, его жена, наша семья.

– *Управляющий Николай Федорович принимал какое-нибудь участие в вашей зимней жизни?*

– Мы к нему не часто обращались. Помню его я очень хорошо, но отношений дружеских не было, несмотря на то, что и мы, и его семья жили в поселке зимой, когда здесь народу было очень мало. И с внуками его я не дружила, они были младше. Его деятельность, как и дачное хозяйство, тогда меня не интересовали.

– *Было ли время, когда ты перестала любить жить на даче?*

– Да, был такой период. Лет в 15, когда стала интересоваться мальчиками. Конечно, я все равно жила на даче. Других вариантов особенно не было. В институте у меня уже были свои компании.

– *До этого у тебя была здесь детская компания?*

– У нас была компания: Петя Келдыш, Галя Миронова, внучка академика Степана Ильича Миронова, Света, племянница М. В. Келдыша. Слева нашим соседом тогда был В. А. Амбарцумян. У него было два сына, но они были немного обособлены. Дружили, на велосипедах катались. С Галей подружились быстро, она была моего возраста. Бабушка меня туда отвела, и оказалось, что там девочка моего возраста, внучка Миронова. Света, пле-

мянница М. В. Келдыша, появилась немного позже. Нас, детей одного возраста, было немного: мы, девочки, и к нам присоединился Петя Келдыш. Основная компания поселковая была из ребят постарше. В нее входили Юра Бочвар, Юра Старк, два моих единоутробных брата. Всего их было человек 15. Дочь Келдыша, тоже Светлана, была в компании взрослых ребят, она старше Пети на 4 года. Они нас не принимали, но нам очень хотелось. У них было очень весело. Они в походы ходили, на озера. В эту компанию входила и Ася, племянница жены Кирпичева. Та была красавица, кажется, по профессии актриса. Очень была эффектная. Асина мама трагически погибла, и девочку взяли в семью академика. Ася Кирпичева была очень симпатичная, всегда очень красиво одета. Меня одевали скромно. Только одно платье, с вишенками, было предметом зависти моих дачных подруг. Это платье было моей гордостью. Конечно, были платья «на выход», но их берегли и каждый день в «дорогие» не одевали. Только на торжества – на елку, например.

– *Ты теснее всего дружила с Галей Мироновой?*

– Да. У Мироновых я проводила много времени. На их участке у нас были шалаши, по заборам там лазили. Наша компания собиралась чаще всего там.

– *Кого еще помнишь?*

– Кроме Гали я вспомнила еще Иру Прасолову, младшую внучку академика. Она приезжала на лето, по-моему, из Алма-Аты и присоединялась к нашей дачной компании. Я и маму ее помню, Ирину Леонидовну. Вообще жителей 46-й дачи – Александра Андреевича, Тамару Павловну, тоже наших соседей, знаю практически всю жизнь. Когда приезжала Ира, нас становилось пять (Галя Миронова, Петя Келдыш, Света, Ира и я). Приходили и дети из рабочего поселка. Кстати, Тамара Штрикова и Клава (дочь и племянница нашего тогдашнего поселкового печника) входили в компанию «взрослых детей». Во всяком случае, я их тоже с ними видела. Играли с нами и дети шоферов. У академика Белянкина в маленьком домике жил шофер с женой и дочерью. Света Жильцова, будущая дикторша телевидения, дружила с дочкой шофера и внучкой Белянкиной. Приезжала сюда погостить. Общались все вместе. Никакого разделения на детей или внуков академиков и «других» не было. Все были вместе.

– *Как вы, дети, развлекались?*

– Когда нам было лет по 12–13, много катались на велосипедах. Ездили мы и к санаторию, в Жучки. Говорили именно «к санаторию», а не «к музею». Велосипед был у меня, у Гали и у Петьки, а у племянницы Келдыша Светы велосипеда не было. Она выпра-

шивала велосипед у меня. Галя свой не давала, и мне приходилось ездить с Петей на багажнике его велосипеда. Но это было даже приятно – мне очень нравился Петя. Это были неопасные путешествия, и родители за нами не следили. А сейчас, когда я внучку Лизу отпускаю одну на 11-ю дачу, она должна отзвониться мне по мобильнику, что дошла. Еще купались. На Ворю ходили с кем-нибудь из взрослых. Иногда с нами ходила Станислава Валериановна Келдыш, иногда родственница Гали Мироновой. Мы там купались подолгу. Это меня сейчас удивляет, вода-то там холоднющая, ключевая. А мы подолгу там бултыхались, и народу на «пляже» было много. Я очень давно там не была. Все, наверное, там изменилось. Ходили купаться, как только кто-нибудь из взрослых соглашался с нами туда идти в теплый день.

В Шоколадке стали купаться уже позже. Сначала в ней никто не купался, ее только «организовали». Я даже не знаю, как она возникла. Когда вода в ней стала приличной, купались и там. Но дно там было плохое. Все-таки мы предпочитали Ворю. Купались прекрасно в абрамцевском верхнем пруду с пиявками. Наши ребята, мои старшие единоутробные братья, тоже жили на даче до своего взросления. (Один из них, Олег, трагически погиб в армии.) Они были в компании «взрослых детей» и ходили ловить туда рыбу. У нас была такая плетеная корзина с двумя ручками. Они ею, как бреднем, ловили в этом пруду карасей, приносили домой.

– *Может быть, рыба туда была запущена еще при бывших хозяевах усадьбы Аксакове или Мамонтове?*

– Не знаю, как она там оказалась, но рыбы было много. Мне рассказывали, что рыба там завелась, так как те, кто ловил рыбу в Воре или еще где-нибудь, маленьких рыбок, которые не годились для жарки, отпускали в этот пруд. Во всяком случае, так делал поселковый рабочий Володя Аверченков. Мы в этом пруду купались. Входить в воду, правда, было ужасно, но все равно купались. Вода была теплее, чем в Воре.

– *К Леонтовичам на праздники, которые они устраивали для детей, ходили?*

– Нет. Мы, девочки: Галя Миронова, Ира Прасолова, Света (племянница М. В. Келдыша) устраивали детские кукольные спектакли сами. Степан Ильич Миронов купил нам кукол, таких «бибабошек». И сами мы делали кукол из папье-маше (нами, наверное, кто-то руководил из взрослых). Лет нам было по 8–9, устраивали спектакли на открытой террасе, показывали их родителям. Даже, по-моему, продавали «билеты» за какие-то деньги. Это было не для поселка, но, наверное, приходили не только родители, но и ближайшие знакомые. Станислава Валериановна, кто-нибудь с

46-й дачи, может быть, бабушка Иры. Приносили нам угощение. После спектакля устраивалось чаепитие. Пирожные, конфеты. Конечно, были нескончаемые аплодисменты. Мы пытались устроить не только кукольный спектакль, но и сами играть. Но ничего не получилось из-за возникшего между нами конфликта при распределении ролей и выборе пьесы.

– *Как тебе кажется, когда подрастал твой сын Гоша, в поселке были такие же, как раньше, отношения между детьми, родителями?*

– Нет. Было по-другому. Когда наши дети были подростками, их развлечения были уже другими. Да ты и сама это знаешь. Мой Гоша и твой Митя почти ровесники.

– *Про кого из старожилков можешь рассказать?*

– Дети Келдыша ничем не отличались от нас, да и сам академик еще не был тогда таким важным. Сюда он ездил редко. Но обязательно приезжал на день рождения Пети. Это был июль, рядом с днем Петра и Павла. Попозже, когда он стал важной фигурой в Академии, я видела, что приглашенные гости обращаются к нему с большим почтением. Это было, когда Петя стал уже юношей лет 19–20. Причем, по-моему, когда он был маленький, его день рождения так широко не праздновался. Не помню, чтобы я маленькой туда ходила. Подростком, помню, бывала. Кроме того, через несколько лет после смерти папы жена М. В. Келдыша познакомилась маму со своим братом, и тогда мы стали больше общаться. К этому времени и относятся воспоминания о праздновании дней рождения Пети.

Помню Випперов. Сам академик был очень старый. По-моему, ему было больше 90 лет. Но он еще тогда гулял по кругу. Маленький, сухонький, в плаще и шляпе соломенной. Каждый год в день его рождения на террасе вешивали венок, сделанный из дубовых листьев. Так было каждое лето, пока он был жив. Для нас это было удивительно. Его невестку Марию Николаевну (жену сына) тоже хорошо помню. Там летом жил, кажется, ее внук, по-моему, его звали Алик. Он был нашего возраста и учился с Галей Мионовой в одном классе. Он все время нас пытался поколотить. Мы, девочки, когда были без Пети, мимо его дачи ездить побаивались. Он, завидев нас, бежал к забору и нам угрожал. Может быть, он нас один раз и поколотил. Алика боялись. Мальчик был он крепкий, нас не любил.

Академик Н. М. Крылов в Москве жил в доме № 13 по Ленинскому проспекту, как раз под квартирой семьи академика С. И. Миронова. Дом с деревянными перекрытиями, и ему было слышно, когда маленькая Галя Миронова над ним бегала. У Крылова не было детей, он не переносил никакого шума. Однажды у

Мироновых раздаётся звонок в дверь. Открывают, на пороге стоит Крылов, держит в руках войлочные тапочки и говорит открывшему ему Степану Ильичу: «Наденьте внучке эти тапочки, когда она бегаёт в башмаках, очень отдаётся в моей квартире, мне это слышно и мешают работать». Я сама его не помню. Видимо, он был очень замкнутый человек, как я это себе теперь представляю. Шума он не переносил и не любил, когда дети мимо его дачи ездили на велосипедах. Он, очевидно, по этому поводу высказывался, так как взрослые нас предупреждали, и нам было это известно. Но мы нарочно, когда ехали на велосипедах мимо его дачи, звонили в звонки и быстро-быстро крутили педали. Хулиганили.

На соседней с нами даче изначально жил академик астроном Шайн с женой. Сюда он приехал уже больным и вскоре умер. У его жены была сестра, Вера Федоровна. Ее познакомили с астрономом Амбарцумяном, они стали мужем и женой. Может быть, он с Шайном работал вместе, где-то в Крыму. Амбарцумяны жили здесь несколько лет. Поэтому мы после смерти Шайна считали, что это дача Виктора Амазасповича Амбарцумяна, так ее и называли. Он потом стал тоже академиком, президентом Армянской академии наук. Они тут жили довольно долго. Березки, которые сейчас большие и составляют небольшую рощу перед домом, посадили их дети Рубик и Рафик. У мальчиков была летом такая «трудовая повинность». Они каждый день (ну, может быть, не каждый, через день) должны были носить из леса молодые березки и здесь их высаживать. Так на этой даче выросла эта «березовая роща», сейчас она уже большая. Там были еще взрослые девочки. Сам Шайн вместе с женой Пелагеей Федоровной взяли на воспитание девочку и ее удочерили. Она, по-моему, была их племянницей. Она потом и стала официальной владелицей дачи, а Амбарцумянам пришлось эту дачу покинуть, так как она формально была прямой наследницей. Здесь она жила мало, появлялась редко. Сейчас на даче живут ее сын и дочь.

У академика А. А. Бочвара было два охранника. Мы их звали Шарик и Бобик. Когда академик с женой выходили гулять по кругу, за ними в небольшом отдалении, метрах в 20–30, шел человек. Охранники за ними ходили по очереди. Когда А. А. Бочвар жил на даче, охранник ночевал в соседней комнате. Кухни как таковой у них в даче не было. Готовили все в маленьком домике. Может быть, она не использовалась не только из-за охранника, который ее занимал, а потому, что они в доме не хотели запахов еды. У них была домработница, татарка Татьяна, она с горячими кастрюлями бегала в большой дом. По-моему, какая-то из их домработниц жила и зимой в маленьком домике. Помню, мы туда приходили с нашей домработницей, и они вслух читали Гончарова «Обрыв».

Я слушала с большим интересом. Там же есть любовная линия, страсти, я развешивала уши. В общем, они читали для себя вслух. Может быть, одна из них была неграмотная. Я с удовольствием туда ходила. В большом доме у Бочваров я никогда не была. Не было принято. Знала племянницу А. А. Бочвара, Таню. Но она была меня младше.

В поселке были две немецкие овчарки, огромные. На 1-й даче жил Дик, на 17-й – Джек. Дик был добродушный. Позволял детям ездить у себя на спине.

Еще помню, что ходили в рабочий поселок. Общались с его жителями. По отношению к нашему поселку он расположен под горкой, поэтому чаще всего говорили: пойдём «в низ». Там были сначала бараки строителей, потом эти домики для рабочих.

Там была такая Валентина, дочь возчика. (На строительстве была лошадь, которая «обслуживала» рабочих, живущих в бараке.) Валентина работала сторожихой на соседней даче. Вышла замуж за Володю Либермана. По-моему, он был здесь вольнонаемным строителем из тех, кто достраивал дачи. Она очень хорошо пела. Помню Марию Андреевну Аверченкову, Володю – ее мужа, нашего рабочего. Еще помню его мать – старушку Александру Егоровну. Мы ходили какое-то время к ним за молоком, а она делилась с мамой цветами. Маруся тоже пела. Там пели под гармошку, играл Володя Аверченков. Мама любила туда ходить. Маруся и Валя были подругами.

– Как участвовали родители в вашей летней жизни в поселке?

– Родители за нами не следили. Общей площадки для детей, как сейчас, тогда не было. На этом месте стоял памятник И. В. Сталину и был разбит цветник. Поэтому все игры происходили у кого-нибудь на участке. Обычно взрослые даже не заходили на участок, где мы играли. Когда приходило время идти домой, просто звали из-за забора. Кататься на велосипедах по поселку можно было свободно. Машин не было, а если и были, водили их очень аккуратно, чтобы никого не сбить. Культура в поселке была совершенно другая, чем теперь. Все друг друга знали. Мы со всеми здоровались, с нами тоже. И если даже кого-то не знали, все равно здоровались, так как было ясно – это житель поселка или, в крайнем случае, чей-нибудь родственник. Племянницу Келдыша Свету папа приучал делать при встрече реверанс. И Светочка делала реверансик. Нас еще пытались каким-то манерам учить. А сейчас здороваются в основном только дети своих – здешних старожил.

– Когда ты сама стала заниматься дачей?

– Годам к 30, когда маме стало трудно, все это хозяйство «упало» на меня. Появились дети. Катя и Гоша с самого рождения росли на даче. Теперь здесь подрастает внучка Лиза.

– Ты возобновила знакомства со старыми подругами в Абрамцеве, когда стала жить здесь с детьми?

– С Галей Мироновой мое знакомство никогда не прерывалось и не прерывается теперь, хотя она и продала свою часть дачи в Абрамцеве. Мне ее здесь очень не хватает. Человек, с которым прожил рядом практически всю жизнь, виделись летом каждый день. А в Москве мы учились в одной школе (№ 5) и жили в одном доме.

– Мне кажется, ты и Галя дружили с Сашей Епифановым, внуком Грабаря.

– Да. Но уже потом, когда стали повзрослее. С ним очень любила общаться Галя Миронова. Она обожает поэзию, а Саша знал огромное количество стихов. Очень интересно говорил, рассказывал и про свою семью, про И. Грабаря, и про других художников, которых он знал, поскольку первая дача деда была в поселке художников. Она существовала до 1965 г. На почве любви к поэзии они объединились. Читали стихи «наперегонки», в том числе и непубликуемых тогда поэтов. Такие с ним были интеллектуальные беседы. Я, скажем так, менее к этому склонна и участвовала в этих беседах не всегда.

– Когда папа умер, вы стали дачу сдавать?

– Да. Одно время сдавали даже большую дачу, а сами жили в маленьком домике. Но постоянно все-таки сдавали маленький, а сами жили в большом.

– Что это были за люди, снимавшие дачу?

– Все дачники были очень интересными. Был писатель Анатолий Гладилин. Мы с ним подружились. Был он очень милый, веселый, воспитанный человек. Интересно рассказывал про писательскую среду. Эта часть общества, богема, была мне совершенно не знакома. За этими разговорами мы с ним буквально проводили ночи. До рассвета. Он рассказывал массу смешных историй про всех. Но еще лучшим рассказчиком был Жора Садовников¹¹⁵ (он жил тогда на даче Абрикосовых и к Гладилину приходил в гости). Когда показали по телевидению знаменитый фильм Георгия Садовникова «Большая перемена», Гладилин меня «подставил». Было это так. Мы трепались с Гладилиным в саду, и пришел Жора. То, что он автор сценария, я не знала. Гладилин дождался, чтобы

¹¹⁵ Г. М. Садовников (1932 г. р.) – писатель. Приобрел известность как сценарист телесериала «Большая перемена», снятого на основе его повести «Иду к молодым» и фантастической повести «Продавец приключений».

Жора, а был он человек такой «смешноватый», подошел поближе, и спрашивает меня: «Ну, что, Наташа, смотрела вчера «Большую перемену?» – «Да, смотрела.» – «Ну, и как?» – «Да чушь какая-то». Тогда он Жоре: «Ты слышишь, что народ говорит – «чушь какая-то». А ведь через несколько лет этот фильм стал классикой. И песни там замечательные. Гладилин часто цитировал фразу оттуда «А жизнь?!» Контекста не помню, но Толя любил ее повторять. Подставил он меня тогда перед Садовниковым классически.

– А что этим писателям здесь нравилось?

– Не знаю. Но нравилось! Гладилин, например, страстно любил собирать грибы и далеко за ними ходил. А вот Жора, я знаю, ходил по грибы только по участку Абрикосовых, держась буквально за забор. Он говорил, что если выйдет за забор, то не придет обратно, заблудится. Боялся. Но белых он собирал у вас на участке больше, чем Гладилин в своих дальних путешествиях. Гладилин у нас жил года три. Потом перебрался к вам. К нам на его дни рождения (летом) приезжали его друзья. Как-то приезжал Галич¹¹⁶. Я тогда не знала, что это Галич, просто приехал человек с гитарой. Я только обратила внимание на его родинку. Почему-то у меня было такое впечатление, что они все (гости) над ним подсмеиваются, подтрунивают. Я с празднования этого его дня рождения быстро ушла, так как у меня болел зуб. А Толя через некоторое время пришел меня позвать еще раз, сказал маме: «Зачем Наташа ушла, это же Галич!» Когда Гладилин жил у нас, приходил к нему А. А. Абрикосов со второй женой Ани, француженкой. Они были знакомы. Их сын Мишель был маленьким. Хорошо помню, как она или он ему говорит: «Скажи гриб». А он: «шампиньон» с французским проносом. Но не Гладилин, а Жора Садовников был самым лучшим рассказчиком. Это был просто Орфей. Он был непривлекателен внешне, но говорил замечательно. Когда они с Толей беседовали, это было что-то невероятное. Они друг друга дополняли. Слушать их было чрезвычайно интересно, просто наслаждение. Подначивали друг друга. Начинались новые рассказы о разных личностях этой среды.

Снимал еще Аркадий Хайт¹¹⁷. С ним мы тоже были в теплых отношениях. Но если с Толей мы практически дружили, то с этим особо тесного общения не было. В гости друг к другу из дома

¹¹⁶ А. А. Галич (1918–1977) – поэт, сценарист, драматург. Автор и исполнитель песен собственного сочинения, острополитическое содержание которых вызвало конфликт с властями и запрет на публичные выступления. Исключен из Союза писателей и кинематографистов. Эмигрировал во Францию.

¹¹⁷ А. И. Хайт (1938–2000) – писатель-сатирик, сценарист, автор юмористических программ и миниатюр, исполняемых А. Райкиным, Г. Хазановым и др. По его сценариям созданы популярные мультсериалы: «Ну, погоди!», «Приключения кота Леопольда».

в дом тоже ходили. Много рассказывал смешного. Хохотали до боли в животе. А Толя просто был «наш».

Потом жил у нас еще В. Н. Гращенков¹¹⁸. Он заведовал кафедрой искусствоведения в МГУ. С ним тоже было очень интересно. Рассказывал нам об искусстве, фресках, картинах... Часто ездил в Италию. Он нам читал что-то типа лекций, как своим ученикам. Мы засиживались до рассвета, до трех часов утра. Слушали его буквально с открытыми ртами. Очень был интересный, много знающий человек в своей области.

Были дачники, которым так понравилось в Абрамцеве, что они здесь обосновались, купили здесь землю и построили дом. Таким был Ашот с семьей (изначально друг Тимофеевых). Еще были Залкиевы. Они очень со всеми здесь дружили и тоже собирались что-нибудь купить, но планы их изменились. Соня, их дочь, провела здесь практически все детство и дружила с компанией Полины Мэмми (Заварзиной) и Антоном Тимофеевым.

– В чем особенность этого поселка? Ну, может быть, не теперешнего, а твоей молодости, детства?

– Трудно сказать. Просто в этот дом я приехала ребенком, почти еще в несознательном возрасте. И это мой Дом, мое Гнездо. Поселок тогда был кулуарный, с очень узким кругом жителей. Все друг друга знали. Люди были интересные. В этом, может быть, и есть его особенность. Но то, что люди здесь были выдающиеся, это определено. Ими создавалась специфическая аура. Это место вообще благодатное, судя по тому, что тут и Хотьковский монастырь, и Лавра, и преподобный Сергий. Монастыри абы где не строили. Для Хотьковского монастыря место долго искали, я читала. А выбрать именно это место для нашего поселка посоветовал Грабарь. Это все знали. Может быть, именно тут он писал свои пейзажи.

Галина Владимировна Левина (1951 г. р.).

Внучка академика Н. В. Белова, филолог, переводчик.

– *Каким образом дедушка оказался в Абрамцеве?*

– Я знаю об этом из рассказов дедушки и бабушки, хотя тогда плохо слушала, что мне рассказывали. До Абрамцева снимали дачу где-то в Балашихе и на 43 км какой-то железной дороги (не нашей). Когда дедушка стал членом-корреспондентом, появилась возможность арендовать дачу в одном из академических поселков на выбор: Мозжинка, Луцино, Абрамцево. Почему выбрали

¹¹⁸ В. Н. Гращенков (1925–2005) – искусствовед, член-корреспондент АН СССР с 1987 г. Специализировался по искусству итальянского ренессанса, проблемам истории искусств и методологии искусствоведения.

Абрамцево, не могу сказать точно. Может быть, это как-то связано с тем, что здесь уже жило знакомое семейство Хайкиных. Возможно, они порекомендовали, зная, что здесь есть свободная дача. Мы арендовали дачу № 12, сейчас принадлежащую Т. М. Энееву. (По-видимому, дачу арендовали с 1955 г. – *Сост.*) Она располагалась напротив дачи Леонтовича, рядом с 11-й дачей С. И. Вольфовича.

– *Как вы там жили?*

– Очень хорошо. Помню, что летом жили в большой даче, а зимой перебирались в маленький домик – гараж (сторожку). Дедушка очень любил именно эту дачу, в частности потому, что там летом была масса белых грибов. Дедушка искать грибы не умел, но там он их находил, потому что они были повсюду: прямо из травы торчали шляпки разных размеров. Еще дедушка любил гулять по поселку и общаться с некоторыми его обитателями, в том числе с М. А. Леонтовичем, И. М. Виноградовым, И. Г. Петровским, В. В. Виноградовым. Прогуливался и беседовал с Немчиновым, Стечкиным, но тесных отношений не было. Мы жили на 12-й даче года два, причем последний год арендовали ее пополам с Соколовскими. Моя бабушка – ангел совершенный и с чужими людьми, и с близкими, с дедушкой прожила безумно красивую жизнь, но ужиться со старшей Соколовской не смогла. И она сказала (к тому времени дедушка уже стал академиком), что либо мы отсюда совсем уезжаем, либо покупаем дачу. Как раз незадолго до этого дедушка стал лауреатом Сталинской премии, и мы смогли купить дачу № 29 (это произошло не позже 1957 г. – *Сост.*)

– *Эта дача тоже была из числа арендуемых?*

– Не знаю точно. До нас на ней жила семья академика Боголюбова¹¹⁹. Но потом дача почему-то освободилась и ее выставили на продажу. Мы ее купили даже с какой-то мебелью. Впрочем, меня тогда такие подробности мало интересовали. Я переживала, что мы уезжаем с 12-й дачи, которая мне очень нравилась. Эдакая детская привязанность. Дач, предлагаемых в аренду, тогда было много. Так, на арендованных дачах жили Стечкины, Делоне, Петровы... Все они были академиками или член-коррами, поскольку только они могли арендовать и покупать дачи. Правила тогда соблюдалось строго. На арендованных и собственных дачах нельзя было вырубать деревья и сажать картошку, морковку в промышленных масштабах. Можно было разбивать цветники, устанавливать скамейки.

¹¹⁹ Н. Н. Боголюбов (1909–1992) – выдающийся математик и физик-теоретик, академик АН УССР (1940), академик АН СССР (1953).

– Когда вы переехали на 29-ю дачу, что было там на участке?

– Разбиты были цветники вокруг дома. Ну, не такие, конечно, как у Випперов, где был идеальный порядок, эдакий немецкий *Ordnung* – просто фантастика. Прекрасно возделанный участок был у Вольфовича. У нас были слегка намечены цветники, какие-то клумбочки, дорожки, которые сохранились до сих пор. А наши «огороды» появились, конечно, позже.

– Твой дедушка переехал в Москву из Ленинграда?

– Да, в Москву он приехал из Ленинграда в 30-х гг., причем очень вовремя. Как оказалось, в Ленинграде в НКВД на него уже лежал донос. А родился дедушка в Польше (в то время части Российской империи), в г. Янове. Затем блестяще окончил первую мужскую гимназию в Варшаве, куда принимали исключительно русских мальчиков. (В здании гимназии в советское время размещалась Польская академия наук.) Учили в гимназии на совесть. Дедушкино знание латыни очень помогло мне в студенческие годы: переводы текстов, сделанные с его помощью, всей группе приносили хорошие оценки по этому предмету. В Москве в 30-е гг. открылась Лаборатория кристаллографии АН СССР, которую возглавил академик Шубников. По рекомендации академика Ферсмана дедушку пригласили туда на работу. Лаборатория постепенно переросла в Институт кристаллографии, в котором дедушке предложили возглавить структурный отдел. В Москве он сразу защитил докторскую диссертацию (его кандидатскую сочли достойной докторской степени), вскоре стал член-коррпом (1946 г.), в 1953 г. стал академиком. Но это было уже в зрелые годы. А до этого работал инженером, проектировал и строил мосты и здания в г. Овруче (Украина), где жили его семья и родители, в начале 20-х гг. прошлого века даже заведовал Овручским совнархозом. В 1921 г. окончил металлургическое отделение Петербургского политехнического института, получил звание инженера-химика по электрохимической специальности. С 1924 г. заведовал Центральной химической лабораторией в ленинградском Кожтресте. Там была возможность заниматься наукой. Именно тогда появились его первые статьи, которыми заинтересовался академик Ферсман. Дружба с ним и его женой продолжалась многие годы. Одним словом, долгое время у дедушки была совсем не «академическая» карьера.

– Он ценил дачу?

– Он очень ее любил. Правда, не умел заниматься никаким хозяйством: ни гвозди вбивать, ни красить, ничего такого. Помню, что любил колоть дрова. Этой работы было в достатке, так как деревья постоянно падали и их рубили на дрова. Он делал это с большим удовольствием. Еще любил играть в пинг-понг. Посто-

янно к нему приезжала куча какой-то молодежи. В то время все были молодые. Каждые субботу и воскресенье приезжала масса народу – учеников, аспирантов, сотрудников, просто людей, которым он помогал, которые были ему интересны. Играли в пинг-понг, общались, обедали. Было шумно и весело. Накрывали огромный стол, впрочем, особых деликатесов там не было: грибочки, огурчики, картошечка...

До переезда на 29-ю дачу мы не знали, что есть дорога на станцию 55 км – теперешний Радонеж. Ходили пешком на станцию «Абрамцево», тогда она называлась «57 км». Новый путь нам показали Шкариновы, и мы «открыли» дорогу через речку Яснушку в Глебово, мимо нижнего родника. В мае месяце дедушка всегда старался приехать пораньше и спешил к Яснушке слушать соловьев. Там до сих пор удивительные коленца соловьи выделяют. Дедушка сидел на пенечке, весь в комарах, но словно не замечал этого и наслаждался птичьим пением. Еще любил, когда в начале лета в его окно «входил» куст жасмина. Любил его запах. Это был его любимый цветок. Всегда с удовольствием ехал на дачу. Хотя не переставал и здесь работать, не расставался со своим потрепанным портфельчиком, вечно что-то писал, правил.

– *Он здесь много работал?*

– Он вообще не мог не работать. Он работал всегда и везде. В электричке, в машине, в поезде, когда ездил читать лекции в Горький. Но любил и просто посидеть на крылечке, побеседовать. Любил хорошую компанию. Любил, когда к нему приезжали люди. Дача была центром притяжения не только для домашних и близких, но и для институтских, университетских его коллег. Не могу сказать, чтобы много пили, но всегда было весело и интересно. Теперь для меня секрет, как им это удавалось, как такое получалось. Наверное, люди были другие. Они умели радоваться простым вещам, не задумываясь о дачах, шмотках и тому подобном, чем сейчас все заняты. Хорошая погода, много грибов, интересные собеседники – вот уже радость.

– *Что ты еще помнишь из жизни старших обитателей поселка?*

– Насколько я помню, академики очень любили гулять кругами по поселку. Дороги были прекрасные, ровные, чистые. Приехав, отдохнув, попив кофе, академики выходили гулять по поселку. Встречались, общались. Дедушка часто встречался с И. В. Обреимовым. Ходил в гости к соседу напротив Бокию. Они были коллеги. Пили чай из самовара. Приходил, допустим, тот же Иван Матвеевич Виноградов (дедушка называл его Иван Матвеевич), еще кто-то. Беседовали, спорили, рассказывали анекдоты. О чем тог-

да говорили, не помню, не интересно мне это было тогда. Сидели за самоваром долго, до темноты.

Поскольку дедушка был очень религиозным человеком, то каждую субботу или воскресенье ездил в Загорск на службу. Это было сопряжено со многими трудностями разного порядка. Может быть, он и выбрал Абрамцево из-за близости к Загорску...

– *Еще, по-моему, часто ездила в Лавру жена управляющего Александра Николаевна. Ее потом вместе со своей матерью возил туда поселковый рабочий Володя Аверченков.*

– Александра Николаевна тоже была очень религиозна, несмотря на то, что была учительницей в младших классах. Тогда многие старались не проявлять на людях свою религиозность, это было чревато осложнениями по службе. Но дедушка и Александра Николаевна, не скрываясь, ездили в Загорск. Меня к религии дедушка никогда не пытался приобщить. Просто просил относиться с уважением к убеждениям других людей. Ездил в Загорск почти всегда на электричке. Шел до станции пешком.

– *Не любил пользоваться машиной?*

– Сначала у нас была персональная машина, которая закреплялась тогда за каждым академиком. Был шофер Анатолий Михайлович. Он приезжал и должен был целый день стоять и ждать. Но потом эту систему отменили, и академики стали вызывать машину из гаража. Когда было нужно, академик звонил и просил прислать машину. Шоферы стали «общими» и сплетничали про академиков, которых возили. У них были любимые и нелюбимые. Любимые были те, кто беседовал, не относился свысока, приплачивал, как мой дедушка. Дедушка очень не любил пользоваться машиной и, по возможности, для себя одного этого не делал. Он соглашался вызвать машину, только когда надо было везти меня, бабушку. Но для этого надо было всем собраться и попросить его. Приходилось долго уговаривать, упрашивать. А так он в основном ездил на дачу на электричке. Шел со станции 55 км пешком. Когда стал старенький, мы волновались, ездили его встречать на станцию, но иногда опаздывали, и он шел сам.

– *Бабушка дачу любила?*

– Да. безумно. Еще до революции она кончила сельскохозяйственные женские курсы, поэтому для нее все, что было связано с землей, цветами, была сама жизнь. Она и меня пыталась приобщить к этому. Мне копанье в земле казалось скучным, правда, всегда было интересно ходить с бабушкой в лес. Собирали букеты, причем большие букеты не приветствовались. Если попадалось редкое растение, то аккуратно срывался один экземпляр, а дома по определителю растений находили его название, семейство, вид.

Бабушка все это умела. У нее все росло так, как у меня никогда не растет. Конечно, и времени было побольше, чем у меня: она не работала и заниматься своим любимым делом могла сколько угодно. До того времени, как я пошла в 3-й класс, то есть до 1961 г., мы жили на даче круглый год. Дело в том, что у меня было «слабое» горло, и врач порекомендовал жизнь на свежем воздухе. Бабушка совершила своеобразный подвиг – стала жить со мной круглый год на даче, вдали от остального семейства. Еще с нами жил другой мой дедушка (папин отец), который помогал справляться с хозяйством: топил котел, чистил дорожки от снега и так далее. Мы жили в Абрамцеве безвыездно. Тем детям, кто уезжал в Москву, я завидовала. Они могли ходить по улицам в ботиночках (!), а я всю зиму проводила в валенках. От этого чувствовала себя ужасно уязвленной. Каждая поездка в Москву, в театр, была большим событием.

– Расскажи о своей дошкольной жизни в Абрамцеве.

– С нами на даче в маленьком домике жили переехавшие от Леонтовичей Хайкины. У них была очаровательная девочка, Леночка, моего возраста. Узнав, что мы собираемся жить всю зиму на даче, они решили последовать нашему примеру. И поскольку подходил наш школьный возраст, родители договорились с женой управляющего Александрой Николаевной, что она будет учить меня и Лену и пройдет с нами программу младших классов. Она также учила своего внука Сережу, он был на год нас старше. У нас был очень строгий распорядок дня. Бабушка Лены Хайкиной (Голяминой), Екатерина Петровна, была по национальности немка. Она очень четко все «расчерчивала». Утром мы вставали, завтракали, потом шли к Александре Николаевне на занятия, возвращались домой, ели фрукты («*Fruchte essen*») – это было обязательно, шли гулять («*spazieren*»), потом мы обедали. После обеда у нас было рукоделие, во время которого нам читали и говорили только по-немецки, потом было свободное время, когда мы могли погулять сами, но не очень долго, поскольку быстро темнело, затем ужин и спать. Телевизор появился не сразу. У Шкариновых был маленький «КВН», с линзой. Они приглашали желающих посмотреть фильм или какую-нибудь передачу. Когда телевизор появился у нас, нам разрешалось смотреть только детскую передачу и ничего больше.

– Вы занимались вместе с внуком Александры Николаевны, Сережей?

– Нет, мы с Леной были младше и занимались отдельно. Еще занимались музыкой с Ириной Петровной, Ленкиной мамой. Очень талантливая женщина. Кроме физфака еще окончила Гнесинское

музыкальное училище. Учила нас азам музыкальной грамоты и навыкам игры на фортепиано. Нам специально для занятий музыкой на дачу купили пианино.

– *Ирина Петровна разве тоже с вами жила?*

– Нет. Она приезжала к концу дня в субботу. Занималась с нами и давала задание на неделю. Наши бабушки следили, чтобы мы не «халтурили» и занимались. Сначала занимались по полчаса, потом по часу, потом полтора часа каждый день. А когда мы переехали в Москву, то поступили (я и Лена) в Гнесинскую музыкальную школу-семилетку.

– *Когда приезжали твои родители?*

– Суббота был укороченным рабочим днем, и они появлялись во второй половине дня. Приезжали, как правило, на поезде.

– *Как тогда вы обходились с продуктами?*

– Продукты на неделю родители привозили на себе, иногда передавали с дедушкиным шофером. Что-то можно было купить здесь. Магазин тогда был на территории дома отдыха (музея), а еще один был около Гравидана, маленький, типа сарайчика. Мы ходили в тот, что был в музее. Там были безумно вкусные конфеты «Коровка». Еще дедушка привозил из Загорска пастилу. Я ее до сих пор помню. Называлась она «Рябиновая». Была в серых коробках, на которых были нарисованы гроздья рябины и снегири. Пастила была бежево-серого цвета, чуть-чуть горчила. Ничего подобного я потом не ела. В Москве не помню, чтобы она была. Дедушка привозил ее только из Загорска. Может быть, там был заводик, работавший на местном рябиновом сырье. Рябины здесь было очень много. А такой вкусной пастилы я больше никогда и нигде не встречала.

– *Кто еще вам помогал, кроме дедушки со стороны отца?*

– Была еще домработница. Она появилась, когда я была совсем маленькой и мы снимали дачу в Балашихе, где она жила. Работала там на какой-то фабрике, но из-за несчастного случая вынуждена была оттуда уйти. Она стала членом нашей семьи, как это часто в то время случалось.

– *У вашей семьи под Ленинградом дачи не было?*

– До Абрамцева не было вообще никакой своей дачи. В Питере дедушка и бабушка жили в коммуналке, и денег никаких не было. В Москве наша семья тоже жила очень скромно до 50-х гг. Да и потом не могу сказать, чтобы мы особо шиковали. Но о деньгах тогда никогда не говорили, это считалось неприличным. Как-то они не имели сегодняшнего значения. Не могу сказать, что это было хорошо и правильно, но я, когда стала ходить в магазин, не

знала, сколько хлеб стоит. Не потому, что меня не посылали в магазин, но деньги как категория меня не интересовали. Материальная сторона была второстепенной: есть деньги – хорошо, нет, значит, нет. Я помню, как папа вдруг купил какую-то новую лампу на террасу. Дедушка очень ее одобрил, но самому купить что-то в этом духе ему даже в голову не приходило. Дачу мы приобрели с мебелью. Стояла какая-то плетеная мебель. Столики какие-то, но уже тогда они производили впечатление страшно ветхих. И это совершенно никого не трогало. И те, кто к дедушке приезжал, не обращали на это внимания.

– *Вы и на арендованной даче жили зимой?*

– Да, один или два месяца находились там и зимой. По-моему, не всю зиму. Дедушка всегда приезжал на выходные, если только не был в командировке или не читал лекции в Горьком (Нижнем Новгороде). К нам и на 12-ю дачу приезжали гости. В частности, некая супружеская пара, знакомые дедушки и бабушки еще по Питеру. У мужа бабушкиной подруги, Дмитрия Владимировича, были замечательные руки, уникальные. Он мог делать все что угодно. Еще у него был абсолютный слух, и хотя он не имел музыкального образования, мог подобрать любую мелодию. Сонату Бетховена – так сонату Бетховена, польку – так польку, романс – так романс. Он у нас играл на всех сборищах, так как другой музыки не было, проигрыватель появился значительно позже. Дмитрий Владимирович садился за инструмент, когда веселье достигало, так сказать, танцевальной фазы, и выдавал различные польки, мазурки, вальсы, все что угодно.

– *И что, танцевали?*

– Да, танцевали и пели! Я помню, что к дедушке приезжал его сокурсник по Ленинградскому политехническому институту и очень красиво пел, а все подхватывали, получалось здорово! У дедушкиного друга был красивый баритон, и он пел: «Эх, дороги, пыль да туман». И все подпевали. Очень у нас тогда было весело.

– *Ну, рассказывай дальше.*

– И вот, Дмитрий Владимирович придумал, что зимой должно быть детям какое-то увеселение. Ну, а какое оно зимой? Они с женой и с моими родителями построили огромную горку, залили ее водой, и по этой горке катались все от мала до велика. Построена горка была у маленького домика на 12-й даче, а ледяная дорожка вела вглубь участка. Катались и родители, тайком от нас. Дмитрий Владимирович еще играл с нами (детьми), изображал Кощея Бессмертного, гонялся за нами с метлой. Мы визжали, но было страшно весело. Еще помню какие-то праздники, наверное, это была Масленица, снег днем подтаивал, а ночью подморажи-

вало, и Дмитрий Владимирович вылепил фигуру Снегурочки потрясающей красоты. У нее были и коса, и тулупчик с пуговками, и муфточка, в общем, все, что положено этому персонажу. Даже отдыхающие из дома отдыха «Абрамцево» приходили полюбоваться на это произведение искусства.

– В этом веселье принимали участие жители поселка?

– Строили родители и Дмитрий Владимирович, а катались все дети поселка: и Леонтовичи, и Сережка Шкаринов, и все, кто хотел. Тогда считалось, если есть что-то такого рода, то пусть все веселятся. И все дети были знакомы друг с другом, достаточно близки. Никто не возражал, наоборот, приветствовали. А когда мы переехали на свою дачу, то взрослые строили горку там, заливали ледяную дорожку. Нам с Леной купили коньки, и считалось страшным подвигом съехать с этой ледяной горки на коньках, а потом нестись по залитой дорожке. Кататься к нам приходил Сережка. Вокруг тогда еще стоящего Сталина тоже заливали ледяные дорожки, но это уже делал управляющий, Николай Федорович.

– Были ли в поселке общие организованные мероприятия?

– Летом приезжала в поселок методист. Она собирала детей у Сталина, затем мы шли на спортивную площадку. Татьяна (кажется, так ее звали) была попутно и массажисткой для взрослого населения поселка, а с нами проводила гимнастику, организовывала коллективные игры. Иногда занятия проходили и на дороге поселка, на солнышке.

– Какого возраста были дети?

– В основном от трех до пяти. Были и постарше: Сережа Стечкин, Вадим Делоне, Юра Дерягин. Они часто бывали с нами. Там было много детей и младше, и старше нас.

– И сколько раз в неделю вы занимались?

– По-моему, каждый день, кроме суббот и воскресений. Это же была зарядка. Считалось, что дети должны делать зарядку каждый день.

– Наверное, все дети нашего поколения там и перезнакомились?

– С кем-то мы познакомились там. С кем-то, благодаря родителям, где-то еще. Помню Олю Белянкину. С Тимофеевыми познакомились, с Леной и Наташей. А вот Лешу Тимофеева я на этих занятиях не помню. С ним я познакомилась позже. Еще помню там Федю Петрова, Олю Стечкину, тебя, Таню Виппер, Сережку Шкаринова, каких-то детей из семей, арендовавших или снимавших дачи, Лешу из маленького домика на 28-й. Те, кто снимал

дачу, тоже с нами занимались, никакой элитарности не было. Занимались по желанию все дети, жившие тогда в поселке.

– *Твоя мама любила дачу?*

– Да, любила, особенно позже, а во времена моего детства она мало там бывала. У меня родители геологи. Они уезжали в мае и приезжали из экспедиции в октябре. Поэтому на даче бывали не так часто, отпуск после экспедиции, в октябре, часто проводили на море. Зимой, когда они приезжали, мы обязательно ходили на лыжах. Я с раннего детства ходила на лыжах, каталась на коньках. Лыжи были деревянные с так называемыми мягкими креплениями на валенки. Коньки (полозья) тоже крепились на валенки. Отец занимался моим физическим воспитанием, не терпел отлынивания, капризов. Ходили далеко.

– *С семьей М. А. Леонтовича, жившей здесь зимой, общались?*

– Да. Мы с Леной Хайкиной главным образом общались с его младшей дочерью, Верой, причем довольно тесно. Зимой у Леонтовичей ставили спектакли. Я помню, ставили «Сорочинскую ярмарку», «Сказку о попе и о работнике его Балде», «Сказку о мертвой царевне и о семи богатырях», еще что-то. Принимали участие многие из детей, живших в Абрамцево. Часть ролей исполняли взрослые Леонтовичи. Запомнилась Наташа, старшая сестра Веры, которая играла царевича Елисея. Костюмы шили в основном взрослые: наши с Ленкой бабушки, сами Леонтовичи. Моим родителям было не до этого. Моя бабушка шила не очень хорошо, поэтому костюмами занималась в основном Ленина бабушка, Екатерина Петровна. Она шила очень хорошо и делала костюмы мне и Лене. Помню, как для «Сорочинской ярмарки» она сделала нам маски чертей из черных тренировочных штанов, к которым были пришиты небольшие рожки. Главные роли в спектаклях доставались обычно Вере, но мы не завидовали, нам всем было интересно и очень весело. Вечерами ходили на репетиции, как-то все было очень по-настоящему. Мы гордились. Мы также знали, что есть еще и взрослые представления, которые ставили Хайкины и их друзья, но нам нравились наши спектакли. Взрослые спектакли, как я сейчас понимаю, были на злобу дня, несколько политизированные. Тогда это считалось очень смело. Помню какой-то из их последних спектаклей был про Сахарова, ну не в прямую, конечно. Обычно мы приходили на репетиции к Леонтовичам после обеда. Как-то пришли, а Леонтовичи еще не кончили обедать, они сидели и ели, как мне показалось, что-то совершенно необыкновенное и мне неизвестное, на вид удивительно аппетитное. Это «что-то» было желтого цвета, рассыпчатое. А нас воспитывали так, что мы не должны были наблюдать

или присутствовать при том, как другие люди едят. А о том, чтобы попросить попробовать, и речи не могло быть! Нельзя было просить ни в коем случае, если тебя не угощают. Я ужасно мучилась, пытаюсь понять, что же они едят. Пришла домой и рассказала об этой необыкновенной еде бабушке. В итоге выяснилось, что это была всего лишь пшенная каша. У нас ее тоже варили и ели, но такой ярко-желтой и рассыпчатой она не получалась. Дома она мне не казалось интригующе загадочной, а у Леонтовичей оказалась совершенно необыкновенной.

– Бабушки (твоя и Ленина) дружили с женой академика Леонтовича, Татьяной Петровной?

– Не могу сказать, что моя бабушка и Екатерина Петровна (Ленина бабушка) были с ней в дружбе. Конечно, они поддерживали отношения, разговаривали при встрече, но особой дружбы не было. Бабушка дружила с Александрой Николаевной Шкариновой. Довольно тесно общалась с какой-то дамой с дачи Вольфовича. Мне она тогда казалась страшно шикарной женщиной. У нее были необыкновенные наряды – шляпы, шелковые шальвары, пиджамы, кольца на руках – ничего этого в нашей семье не было принято. У бабушки, может, и были какие-то украшения, но она их не носила. С той дамой бабушка общалась очень активно, по-моему, на садоводческой почве. Общались с мадам Старк, с Заварзинными, с дочерью академика Белянкина, Еленой Дмитриевной, очень приятной, застенчивой и тихой женщиной. Сам академик к тому моменту уже умер. Еще с Марией Генриховной Делоне, с Марией Николаевной Виппер, обе дамы имели довольно крутой нрав и необычный характер. С нашими соседями Стечкиными бабушка общалась, но мало. Сам Борис Сергеевич Стечкин был овеян ореолом трагической таинственности из-за внезапной смерти на даче его жены, Ирины Николаевны. Мы, девочки, всегда на него смотрели во все глаза (он был в то время еще не старый и красивый мужчина), пытаюсь уловить на его лице следы горя. Поражало, что Стечкин (и некоторые другие академики) обращались к нам, малолеткам, исключительно на «Вы» и всегда вежливо здоровались. Еще общались с Ефимовыми. Они были очень милые люди. У них как-то потом вся семья сразу вымерла. Их дачу купили Тихонравовы. У Верочки Усиевич, мамы Сережи Старка, был с Юрой Ефимовым детский роман.

– Усиевичи – это те, кто сначала снимали у Заварзинных, а потом помещение старого медпункта?

– Да. Я очень любила Верочку, дружила с ней. У нас с ней было 10 лет разницы. Когда взрослые ребята (компания Верочки) играли на футбольной площадке в волейбол или во что-то еще, я

часто туда к ним приходила. Веру в шутку звала «мамой», а Юру Ефимова – «папой». Но впоследствии Вера вышла замуж за Юру Старка. Мы с ней потом дружили много лет.

– Соседняя с вами дача № 37 долго находилась в аренде. Помнишь, кто тогда на ней жил?

– Дачу № 37, теперь принадлежащую семье академика П. Кочиной, арендовал Понтрягин, и вроде именно в Абрамцеве он познакомился с медсестрой или врачом, которая стала его женой. После него эту дачу арендовал академик Сергей Леонидович Тихвинский – известный и в нашей стране, и за рубежом историк, один из авторитетнейших востоковедов современности, глава отечественного китаеведения. Долгое время был на дипломатической службе. С. Л. Тихвинский был тем самым дипломатом (консулом), через которого 2 октября 1949 г. правительство Советского Союза осуществило акт торжественного признания Китайской Народной Республики и установления дипломатических отношений между СССР и КНР. В 50-е гг. он способствовал установлению дипломатических отношений с Японией. Вся наша компания дружила с его детьми, Сережей и Наташей. Они от нас отличались – иностранными вещами и тем, что побывали за границей. В конце 60-х гг. эту дачу купила академик Кочина. Несколько позже перестали арендовать дачу № 36 наши соседи через дорогу – семейство Стечкиных, затем ее купил у Академии член-корреспондент В. Л. Тальрозе.

– Общались ли ты и Лена с детьми из рабочего поселка, которых в то время было здесь много? Вам не говорили, чтобы вы с ними не дружили, потому что они, например, плохо воспитаны?

– Нет, такого впрямую нам, конечно, не говорили. Запрета общаться не было, нам говорили несколько иначе: «с этим мальчиком (девочкой) лучше поменьше общаться». У Зины, которая работала садовницей у Випперов, было два сына – Валек и Боря. Зина была тишайшая женщина, но тяжелейшая алкоголичка. Боря был угрюмый, неповоротливый и молчаливый. Валек – очень шустрый, с острой лисьей мордочкой. И не то чтобы нам не разрешали с ними играть, просто негласно существовало мнение, что лучше держать дистанцию. Общайтесь, если хотите, но взрослые это не очень приветствуют. С дочерью водопроводчика Саида Светкой очень даже играли, она к нам часто приходила. Вообще у нас никакого снобизма не было. Наша домработница, тетя Паня, была членом семьи. Дедушка обращался к ней только на «Вы» и следил, чтобы я с ней была вежлива. Не дай бог сказать ей что-нибудь грубое. Дарили подарки на все праздники. Денег дедушка всегда старался сунуть сверх зарплаты. Вернувшись откуда-то из

поездки, первый подарок вручал тете Пане. Высокомерие по отношению к ней крайне не приветствовалось.

– *До какого времени она у вас жила?*

– Почти до самой смерти, она перестала у нас работать после инфаркта, года за два до смерти. У меня уже был сын Коля. Тетя Паня сначала была приходящей домработницей. Потом ездить в Балашиху ей стало тяжело, да и сын у нее был алкоголик. А когда мы поменяли квартиру с Таганки на Ленинский, д. 11 (между прочим, раньше это была квартира академика Шацкого), там оказалась маленькая комната при кухне, где она и жила. Уезжала от нас только на выходные. В Абрамцеве жила вместе с нами в большой даче.

– *Расскажи про управляющего Николая Федоровича.*

– Когда мы купили дачу, Николай Федорович с семьей уже жил в домике конторы по соседству. Я уже хорошо все осознавала. Помню, как Сережка, внук управляющего, познакомился со мной и познакомил меня со своими родственниками – бабушкой и дедушкой. Николай Федорович произвел на меня впечатление очень сурового человека, волевого, решительного. Мы, дети, его боялись, он нас держал в строгости, гонял нас с общественных газонов, которые косили, а сено продавали. Там росла самая сладкая земляника, и, собирая ее (а это было всеобщим развлечением), мы нещадно мяли траву. Тем не менее он меня очень любил и называл «Гашкой», а я его все-таки побаивалась, потому что на вид он был очень грозный, да и родителям мог пожаловаться на мои «художества». Его жена была женщина поразительного такта и ума, принадлежавшая к поколению наших удивительных и неповторимых бабушек. Так же, как и они, была совсем не похожа на нынешних людей. Уж не знаю, с кем их сравнить, по-моему, таких людей больше нет.

– *Когда стало известно, что Вадим Делоне диссидент, как к этому относились в поселке?*

– Не очень это помню. Смутно припоминаю, что после того как Вадим «засветился» по делу Синявского-Даниэля¹²⁰, его дед, Борис Николаевич Делоне, пришел к дедушке и попросил пристроить внука к нему в институт, лаборантом. Ну, чтобы его не взяли за тунеядство. И дедушка тут же согласился. Но Вадик там не успел поработать, так как это было незадолго до демонстрации на Лобном месте против введения Советских войск в Чехослова-

¹²⁰ Вадим Делоне был первый раз арестован и осужден на год (условно) за участие в митинге 1967 г. в защиту арестованных по политическим мотивам Галанскова, Добровольского и Лашковой, выступавших против процесса над Синявским и Даниэлем.

кию. Считали, и мой дедушка это говорил, что Вадик тогда это делал скорей из эпатажа, это было больше желание проявить себя, чем осознанное диссидентство. Может быть, позже оно и стало осознанным, но я мало с ним общалась, и мне трудно об этом судить. Сам Борис Николаевич говорил: «Вот дурак такой, выпендривался, выпендривался и довыпендривался, возьмите его к себе на работу». Мой дед готов был его пристроить. Кажется, Вадима даже оформили, но он не очень рвался там работать. А потом произошли известные события.

– А вы с этой семьей общались?

– Общались, но не слишком тесно. Дедушка – с Борисом Николаевичем, бабушка – с Марией Генриховной, мы – с Вадимом (мало) и Мишкой (много). Мишка мне, правда, казался каким-то маленьким. Стали теснее общаться с Мишкой незадолго до моего поступления в университет, году в 66–67-м. Мишка боготворил Вадика. Каждая его фраза начиналась и кончалась Вадиком. У него был культ старшего брата. Это было целеустремленное служение Вадиму. Какое-то утрированное и даже неестественное. Мишка был влюблен в одну мою подругу, она приезжала ко мне на дачу, и тогда он к нам очень часто приходил. Не скажу, чтобы мы дружили, но общались. За культом Вадика я как-то Мишку самого не разглядела.

– У вас не говорили о том, что дачу Грабарей сожгли кагебешники из-за того, что там некоторое время жили диссиденты?

– То, что дача сгорела, знала. Мы этому были свидетели: утром проходили мимо нее в лес, дача еще стояла, а когда возвращались, ее уже не было. Но мы были далеки от всех слухов и сплетен. Всегда всё последними узнавали.

– А вообще в поселке сплетничали? Кто-нибудь к вам приходил с рассказами?

– Нет, не помню. Во всяком случае, чтобы кто-нибудь специально приходил, говорил: «Ах, а вы знаете...». Конечно, какие-то слухи могли просочиться. Но не было никакой особой в них потребности. Я с детства была воспитана так, что довольствовалась тем, что мне рассказывали. Ни в коем случае нельзя было спрашивать сверх этого. Не полагалось проявлять любопытство. Не следовало интересоваться тем, о чем человек сам не хотел говорить. И что удивительно, действительно не интересовало.

– Что сказал дедушка, когда скинули с площадки памятник Сталину?

– К Сталину в нашей семье относились плохо. Еще до XX съезда у дедушки иногда прорывалось, что «сволочь», мол, был. Но у того поколения был такой страх, такая запуганность... Причем

боялись больше не за себя, а за нас, детей и внуков. Поэтому как только о чем-то таком заговаривали, бабушка сразу переходила на французский и произносила какую-то длинную, непонятную фразу. Это означало, что больше ничего интересного я не услышу. Дедушка называл Сталина «рябой» и «сухорукий», «сволочь», это помню. Меня ограждали от всего, что могло быть связано с политикой, и я понимала, что есть сфера, куда меня не допускают. С детства была приучена не переспрашивать, не уточнять, не «лезть на рожон». Я не спрашивала, но своим умом до чего-то доходила, догадывалась, додумывала, может, не всегда правильно. Дедушка Сталина на дух не выносил, но старался этого не проявлять. Все старались открыто не высказываться, поэтому, наверное, и появились «кухни» как своеобразная отдушина. Когда памятник убрали, какого-то взрыва эмоций я не помню. Да и времени с момента смерти Сталина прошло немало, он уже стал больше символом, ну как Дзержинский на Лубянской площади. Снятие памятника, несомненно, было событием, но произошло как-то тихо, во всяком случае мне так казалось. Ну, говорили что-то вроде: «Давно пора».

– *Перейдем теперь к твоей здешней жизни школьного периода.*

– Летом приезжало много народу. Мы все были знакомы. Одним из главных мест общения в школьном возрасте был пляж на Воре, куда мы ходили купаться. Было так. После того как мы с Леной, «бедные, несчастные», отыгрывали положенные часы на пианино, около нашей дачи собиралась огромная компания: Тамара (с 28-й дачи), Оля и Боря Стечкины, Сережа Шкаринов, Алеша Тимофеев, еще была Алла с 5-й дачи – в общем, человек двенадцать. Собирались и на велосипедах лихо летели на Ворю. Самый кайф был в том, что это было без взрослых. Мы там и первые сигаретки попробовали. Сначала нас с Ленкой отпускали с большим скрипом, но потом мы доказали со слезами и скандалами, что с той компанией, которая ездила на Ворю, нас можно отпускать. Правда, мы должны были быть дома четко к определенному часу. Это соблюдалось строго. Мы летели на пляж, который находился напротив поселка художников. Спуск туда был у подсобного хозяйства. Неслись на предельной скорости, было жутковато, но радостно от сознания того, что мы бесстрашные и удалые... Шикарно располагались, щеголяли купальниками, ведь тогдаличный купальник был страшным дефицитом. Уж не знаю, как мы это делали, но ухитрялись даже купаться. Сейчас это вызывает удивление, поскольку вода была безумно холодная. Но мы плавали в этой ледяной воде. К нам присоединялись какие-то парни из Хотькова и Загорска. Была огромная компания. Наши мальчишки играли в футбол, мы играли в карты, покуривали. Лет нам было

по 13–15. Покупали в магазине бутылку сидро, а мальчики какую-то дрянь типа «Солнцедара». Одно время в дом отдыха, который был в ведомстве ЦК профсоюзов, приезжали иностранцы, под это дело в наш магазин завезли молочный шоколад «Кетбери». Сейчас он есть на каждом углу, а тогда являлся чем-то совершенно экзотическим. Когда мы ехали на пляж, то скидывались и скупали в большом количестве эти маленькие шоколадки. Нам казалось, что мы шикарно проводим время. На пляже оставались до обеда. Соревновались отчаянно, кто лучше загорел. Загара в Абрамцеве достичь было почти невозможно, шоколадный заггар был предметом особой гордости, результатом неимоверных стараний и ухищрений.

Тамарка Тавризян, к нашей зависти, тут же завела роман с мальчиком из Хотькова. Ко мне тоже кто-то приклеился. То, что Тамара встречается с мальчиком в 11 часов вечера, считалось неприличным. Конечно, мы выпендривались, хотели показать, какие мы взрослые и раскованные. Но все это было совершенно безобидно, особенно по сегодняшним меркам. В точно назначенное время уезжали с Вори, обедали. Вечером играли перед дачей в круговую лапту (вышибалы), а позже начинались «официальные» обжимания под видом игры в жмурки. Жмурки в этом смысле были замечательной игрой. Полем служили две бетонные плиты поселковой дороги, разграниченные деревянными швами, получалось две клетки. Конечно, все подглядывали через повязку и ловили того, кого хотелось приобнять, у кого к кому были симпатии, а списать все можно было на игру. Играли до самой темноты, до того как зажигались фонари. Вечерами иногда ходили в дом отдыха на танцы.

Кроме того, был у нас такой период, когда мальчики и девочки играли почему-то отдельно. Мы, девочки, играли в игры под названием «Вилли-Гарри» и «Короли» (игры, где каждый изображал свой персонаж. – *Сост.*) Игра «Короли» – являла собой переосмысленные сюжеты Дюма, эдакий парафраз прочитанных «Трех мушкетеров», «Виконта де Бражелона», «Графа Монтекристо», «Черного тюльпана», «Королевы Марго». «Вили-Гарри» был ее осовремененным вариантом.

– Я еще помню другую версию. Вроде Давида Копперфильда Дикенса и что-то из Вальтера Скотта. Этими произведениями нас усердно пичкали. Кто эти игры придумал?

– Да, что-то такое было. А кто придумал, не помню, думаю, что Оля Стечкина. Что касается Дюма, то тут инициатива принадлежала Тане Виппер и Ольге Стечкиной. Но главную роль играла Оля. У нее была очень богатая фантазия. Мы долго играли в эти

игры. Мальчики интересовались, что это мы такое делаем, подкрадывались и пытались подслушать и выследить нас.

– А еще писали какие-то письма.

– Да, письма мы писали, поскольку подспудно хотели с мальчиками дружить и играть, а общались с ними только полдня, когда были на Воре. И мы писали какие-то идиотские письма: «Ищите наши трупы в Воре», чтобы их заинтриговать и привлечь.

– По-моему, мы играли в эти игры без мальчиков у Випперов.

– Правильно. На их участке, который был напротив нашей дачи. Там были густые заросли малины – мы, конечно, лакомились спелыми ягодами, но не особенно мародерствовали. На участке у Випперов был идеальный порядок. Просто эталон порядка. Даже под елками все было аккуратно убрано. По периметру забора были высажены кусты красных и белых роз. Малина, клубника и все плодовые деревья тщательно обработаны. Дорожки подметены. Танина бабушка, Мария Николаевна, по часам совершала со своим супругом моцион по поселку. Они гуляли, взявшись за руки, в любую погоду. У них на даче я впервые увидела большой крокет. В него мы несколько раз играли при участии взрослых.

– Были ли в поселке дачи богемные, не такие как все?

– «Богемной», в отличие от всего остального поселка, была 28-я дача. Бывшая жена академика Микулина, человека серьезного, Вера Тихоновна, преподавала во ВГИКе. Она была дамой вольнолюбивой и сильно отличалась от наших бабушек и даже мам. Носила брюки, что тогда было внове. Всегда с хорошей прической, на лице, как мы теперь сказали бы, «легкий макияж», всегда покрашены губы, ногти, на руках кольца, массивный браслет. У нее была прекрасная осанка, неизменно прямая спина. Она ездила на велосипеде, на руле которого была изящная плетеная корзинка, а на заднем колесе – цветная сетка, чтобы не попала юбка. Во ВГИКе она, по-моему, преподавала актерское мастерство. Сын ее Саша был полный оболтус. Какие-то были с ним вечные скандалы. Позже он стал «великим каскадером». Он приезжал на дачу в потрепанных мосфильмовских, но шикарных на вид заграничных авто, то на лимузине, то на каком-то «мерседесе». Привозил расфуфыренных девиц, они в ночь, в полночь, веселились и пили. Нам, воспитанным в строгости, все это было очень интересно. К тому моменту академик с Верой Тихоновной разошелся, и, видимо, денег у них было не очень много. Поэтому дачу стали сдавать своим знакомым, людям искусства. Так здесь появились двоюродные сестры: Наташка, Томка и Ира (старшая). С ними летом жила их бабушка. Непосредственное отношение к искусству имел Тамарин отец, который тоже преподавал

во ВГИКе, и мать Тамары, актриса. Она играла, по-моему, в Театре киноактера. В кино помню ее в фильме «Анискин и Фантомас» в роли сельской сплетницы. Вскоре они с Томкиным отцом разошлись. Вот это и была «богема», какая-то совершенно другая жизнь, другие, вольные отношения. И в академических кругах расхаживали, сходились, скандалили, но в богемной среде об этом говорили вольно, легко, без стыда и особых угрызений совести. Открыто говорили и при детях, не скрывая, как было принято в академической среде.

– Ты чувствовала, что они отличались от всех остальных в поселке?

– Несомненно. Даже когда я просто заходила на эту дачу, попадала в иную атмосферу. Если на наших дачах были в основном книги и обсуждение каких-то серьезных проблем, то здесь было все другое. Лежали журналы с портретами киноактрис. Какие-то веера, необычные туфли, наряды. На других дачах такого не было. Еще были шикарные машины, веселые молодые женщины, которые открыто курили, пили. Эта дача была совершенно особой.

– А дача Келдыша разве не была такой же веселой и шикарной? Она тоже была не похожей на другие?

– Я там не особо бывала, но это было другое. Там все-таки была наука, как мне кажется. Его дети были старше меня и моих друзей, поэтому с ними у меня не было никаких пересечений. Но на этой даче жила совершенно удивительная во всех отношениях женщина – жена Келдыша Станислава. Когда она шла по поселку, у мужчин просто раскрывались рты. Она была безумно красивой и статной, кажется полькой. Перед такой «полячкой унижаться» было не стыдно. Крупная женщина с идеальными чертами лица, прекрасной кожей, с горделивой осанкой. Ходила как королева. Производила потрясающее впечатление. Прическа у нее тоже была какая-то совершенно удивительная. Тогда считалось приличным и возможным ходить по поселку в халате, днем. У нее были какие-то необыкновенные шелковые халаты.

– Не в пижамах?

– Нет. По участку многие ходили тогда в пижамах, даже бабушка. Это была обычная дачная форма одежды. Но за пределами никаких пижам. Когда мадам Келдыш шла в своем шелковом халате по поселку – был фурор и шок. Дочь Келдыша и его племянница, обе Светы, были совсем разными: одна очень эффектная, другая – никакая. На их даче тоже всегда было очень много народу. Сам Келдыш жил здесь мало, очень короткое время, потом у него была другая дача и другая жизнь. Но на светские официальные мероприятия он брал именно Станиславу. Я это знаю от бабушки. На свадьбе Терешковой и Николаева они были вме-

сте. Она сохранила красоту и свою королевскую осанку до самой смерти. Я видела, как она, уже будучи очень пожилой и больной, шла по больничному коридору. Это шла Королева.

– *Все-таки эта дача отличалась от других?*

– Отличалась, потому что туда приезжали высокопоставленные правительственные лица. Келдыш занимался такой наукой. Приезжали на правительственных машинах. Казалось, что там была совсем другая жизнь. Дедушка всегда говорил, что академики бывают двух сортов – первого и второго, а еще приближенные к высшим сферам, как Келдыш. К первому относятся те, кто и локтями умели двигать, и для себя выгоду получить. А ко второй относились те, кто занимались чистой наукой. К этой категории он причислял себя. Для себя ничего не мог. Для других: учеников, знакомых, коллег еще мог попросить место или даже насчет квартиры похлопотать. Но для себя в голову не приходило просить. А были академики, которые все это умели. Келдыш относился к особой, высшей категории, к научной элите, жившей и в то время по своим законам.

– *Были здесь среди сверстников романтические отношения и продолжались ли они в городских условиях?*

– Романтические отношения (очень приличные, их даже романом не назовешь) были дачные. В Москве были другие люди для этого. Даже если и случались свидания с дачными мальчиками, то, вырванные из абрамцевской атмосферы, они были скучны и повторения не получалось. Так сказать, курортный роман дачного типа. Может быть, у жителей поселка последующих поколений подобные увлечения перерастали в московские отношения, а у нас нет, все кончалось здесь. Они могли возобновиться на следующее лето или каникулы. Компании долго держались. Здесь у нас была одна жизнь, а в городе – другая. С девочками мы, правда, дружили и в городе (с Леной, Тамарой), а с мальчиками нет. Здесь – да, там – нет.

– *Родители разбирались в детских ссорах, если они возникали?*

– Никогда. Даже, если я жаловалась, мне говорили: «Разбирайся сама – твои друзья». Решать все детские проблемы предстояло нам самим, взрослые не вмешивались. А ЧП особых, по-моему, у нас в поселке не происходило. И не было никаких сексуальных домогательств. Но наши бабушки считали очень неприличным для девушек катанье на раме велосипеда мальчика. Бывали случаи, когда мы – девочки – где-то собирались за пределами участка, а мальчики подъезжали и приглашали покататься с ними на раме. Если нас засекали, то это считалось криминалом, и бабуш-

ки даже могли пожаловаться родителям, от которых нам потом сильно доставалось.

– *Мама тоже была строгой?*

– Мама была очень строгой. Никаких жаргонных (уж не говоря о других) слов произносить не разрешалось, и мама следила, чтобы в речи не было слов-паразитов. За этим следила и она, и бабушка. Очень заботились, чтобы я не попала под дурное влияние, но никогда не старались сами выбрать мне друзей.

– *Какое было основное летнее развлечение, кроме купанья на Воре?*

– Велосипед. Он был летом частью нас. Если что-нибудь случилось с велосипедом, ты был выключен из жизни. Куда мы только не ездили! Даже за грибами ухитрялись ездить на велосипеде, порой до Калистова доезжали. Бабушки нас стали отпускать с условием полной информации насчет того, кто поедет, куда, когда вернемся.

– *В поселке держали домашних животных?*

– Собак было много. У Заварзиных был Пайт, у него были разные глаза. Он прыгал на велосипеды и кусался. У Обреимовых был боксер Орик, полная кличка Орион. А у нас была подобранная на станции беленькая дворняга Белка, она бегала вдоль забора дачи Обреимовых с внешней стороны, а Орик – с внутренней, и оба страшно лаяли. Это было их любимое развлечение. Белка, конечно, делала это нарочно. У Леонтовичей были собаки. Но это все-таки были дворовые, хотя и не на цепи. До Белки у нас был пес Пусик, сын собаки, которая во время войны дедушке и бабушке откуда-то приносила кости и даже мясо. Пусик был аристократ, не ел сахара, обожал шоколад, желательно горький. Не ходил через лужи, останавливался и просил его перенести. Была кошка, которая окотилась и привела в дом уже взрослых котят, чтобы мы их не утопили.

– *Дикие звери из леса приходили?*

– Да. Через пролом в заборе зимой приходил лось и обгладывал наши несчастные яблони. Зайцев было очень много, тоже глодали кору плодовых деревьев. У нас была мелкокалиберная винтовка, отец даже стрелял в воздух, чтобы их спугнуть. Жила на участке ласка. Белая, очень красивая. Как-то забрели кабаны, по-видимому, сочли участок своей территорией, пришли всей семьей, с маленькими кабанчиками. Походили, походили, нагадили и ушли. Я знаю, что они и к Старкам приходили. Было очень много белок. Заборы в поселке были с такими «крышечками», и можно было следить долго-долго, как она скачет, перебираясь с одной

крышечки на другую, с участка на участок. Все их очень любили, оставляли им орехи.

– Ты помнишь, в бетонных плитах тогдашней дороги жили муравьи. Этих муравьев, именно «дорожных», несколько лет истребляла пара зеленых дятлов.

– Да, этих дятлов я теперь уже не вижу. Тогда было очень много птиц, которые теперь исчезли. Нет хохлатых синиц – остальные вроде есть, стали редкими черные дятлы, а раньше было много, были зеленушки, которых я сейчас не вижу, – зяблики прилетают, а зеленушки нет. Я хорошо помню, что бабушка вела своеобразный дневник: на перекидном календаре записывала события – восход солнца тогда-то, взято столько-то литров молока, зацвели такие-то цветы, прилетели зяблики и зеленушки. А зеленушек-то уже и нет – перевелись. Скворцы, сойки есть по-прежнему. Ну и, конечно, мыши, кроты, землеройки, этих полно. Были тритоны, которые водились в Шоколадке. В Воре были пиявки. Мы ходили ловить рыбу на верхний пруд перед музеем, сейчас там все вырубил, а раньше были исключительно красивые серебристые ивы. Мы с Сережкой ходили рыбачить. Купаться ездили не только на Ворю, но и в Жилкино, там были шикарные пруды, чистые-чистые. Теперь их никто не чистит. Было бы здорово, если бы нашлась возможность почистить все водоемы и нашу Яснушку тоже. Она раньше была совсем другой, чистой, и мне кажется, более полноводной. На ней была сделана маленькая запруда, и все жители Глебова и даже нашей дачи полоскали там белье. И лес был совсем другой. А теперь наш лес, тот, что до новой асфальтовой дороги, – это просто кошмар. Я помню, как мы с бабушкой ходили за грибами. Я была маленькая, и мы ходили недалеко – до насыпной дороги (дорога от деревни Жучки до деревни Жилкино – Сост.) Ее в поселке потом стали называть «грейдер», мы и сейчас так говорим, хотя она давно асфальтовая. Так вот, мы проходили дубовую рощу, за ней был осинник – светлый, с хорошей травой – и доходили до грейдера. Пока доходили, собирали полную корзину подошиновиков. Теперь это бурелом, и там вообще ничего нет, кроме опят, растущих на больных деревьях. Я сейчас даже в дубовой роще, которую знала хорошо, не могу понять, где нахожусь, так все заросло. Упали старые деревья, и я потеряла прежние ориентиры. Боюсь заблудиться.

Вера Михайловна Леонтович (1946 г. р.).

Младшая дочь академика М. А. Леонтовича, математик, кандидат физико-математических наук.

– Расскажи, что помнишь о самом первом периоде жизни здесь, твоей и родителей.

– Мы живем здесь с 1948 г., и, насколько я понимаю, это было решение жилищного вопроса, так как семья была большая, а квартира не очень. Кроме того, мама любила деревню и хотела круглогодично жить за городом. В 1948 г. мне было два года. Как известно, родители были одними из первых, кто обживал поселок. В нашей семье считается, что название «Необходимая поляна, или Необходимка» придумано ими. На ней, когда я была маленькая, рос огромный дуб. Первые ветки его начинались на уровне человеческого роста. Он был раскидистый, толстый, как на картинке к «Руслану и Людмиле» Пушкина. Потом его срубили, так как якобы он мешал тракторам пахать на поляне, которую засеивали то какой-то сурепкой, то овсом, то смесью трав. Потом не стало того сельского хозяйства, но останки дуба еще долго лежали на поляне в виде бревен. «Необходимой, Необходимкой» поляну называют почти все в поселке, кто ходит гулять в лес, потому что всегда выходили на нее.

Мы были на нашей даче не первыми жителями. До нас тут жил кто-то другой. И до Петровского на даче № 2 кто-то жил. Эти люди, по-видимому, были приятелями, между нашими дачами (№ 2 и № 3) была калиточка. И произошла страшная история: хозяйка одной из дач, не знаю какой, погибла. Она использовала для нагрева воды в ванной кипятильник, может быть, он был неисправный. Ее убило током. После этой трагедии оба владельца от дач отказались. Мы первое время в поселке жили только зимой, а летом уезжали в Тучково.

– Почему было выбрано именно Абрамцево?

– Я этого не помню, но по воспоминаниям моей старшей сестры, Натальи Михайловны, Абрамцево считалось менее престижным, чем Мозжинка и Луцино. Она слышала об этом от родителей, но здесь было близко до станции и до школы. Школа в Хотькове считалась по тогдашним меркам недалеко, не больше 5 км, а уж станция (2,5 км) совсем близко. В Луцино и Мозжинке пешком до школы было не дойти и до станции тоже.

– Твой папа говорил что-нибудь про первый состав здешних академиков? Здесь собрались, согласно классификации академика Ландау, в основном представители «естественных наук». Носители «противоестественных» в большинстве своем осели в Мозжинке.

– Это, наверное, и есть отражение неprestижности Абрамцева.

– Пленных строителей помнишь?

– Нет. Я помню, очень смутно, где стояли их бараки: на горке с левой стороны (если выходить из поселка) вдоль оврага. А в дубовой роще то место, что сейчас заросло липой, было настоящей поляной. И сама дубовая роща была огромной поляной с отдельно стоящими красивыми дубами. У кого-то из художников

есть такая картина: «Дубовая роща в Абрамцеве». Там так и было. Потом почему-то это место было густо-густо засажено липой, что вызывало недоумение и недовольство мамы (Татьяны Петровны Леонтович. – *Сост.*) Деревья были посажены очень густо, а липа вообще не была характерна для Абрамцева. Может, это был эксперимент лесхоза?

– Ты помнишь, как достраивали поселок?

– Да, хорошо. В том месте, где теперь нижний поселок из новых дач, а раньше был рабочий поселок, стояли строения барачного типа и конюшня. Была лошадка, кажется, ее звали Мальчик. Не знаю, может быть, она была уже лошадь не строителей, а поселковая. Ее использовали на строительных работах. Кроме того, тогда там же достраивались четыре дома для обслуживающего персонала. Канализации в этих домах не было. Еще есть воспоминания моего тогдашнего старшего приятеля Лени Дорохова, сына сторожихи с 11-й дачи, о каком-то тамошнем клубе, где показывали кино.

– Академический санаторий играл какую-нибудь роль в вашей зимней жизни?

– Почему-то мне помнится, что когда маленький Андрей (второй брат В. М. Леонтович. – *Сост.*) заболел здесь воспалением легких, оттуда привозили на том самом Мальчике, как мне кажется, в санях, старенького-старенького врача. Он слушал Андрея деревянной трубочкой. Это меня очень удивило и запомнилось. А вообще мама лечила детей сама.

– Почему вы на лето уезжали из Абрамцева?

– Потому что родители, мама, хотели жить в деревне. Мама любила деревню. Она говорила: «Я не могу ходить в Абрамцеве по поселку босая». Кроме того, ее немножко раздражала академическая среда. Она любила деревенскую жизнь – ходить босиком, в сарафане, простом платье. Ей нравилась абрамцевская цивилизация зимой, а летом она хотела жить в деревне. Поэтому здешнюю летнюю жизнь того времени я совершенно не знаю.

– А кто жил у вас первое время на даче летом, когда вы уезжали?

– Я помню, как в маленьком домике жил некто Михаил и его жена Надежда Сергеевна. Про него отец говорил: «Наш Михаил работает в ЦК партии – слесарем». У них были кошки, и они разводили каких-то кур. У них еще был племянник – мальчик, переболевший полиомиелитом, примерно мой ровесник. Они жили только летом. Еще летом в большой даче жили Хайкины. Потом они переехали в маленький домик на дачу к Беловым.

– Как жила ваша семья зимой в Абрамцеве?

– Мы зимой жили так. Дети (Наташа, Андрей, я), мама, домашняя работница. Андрей и я пошли здесь в школу, Наташа здесь школу кончала. Домработница жила в большом доме с нами. Она же была няней. Одно время с нами жил внук нашей старой няни Марфеи. Он был младше Андрея на год. Его отец был военный, где-то он служил, где не было для мальчика школы, и тогда мама его взяла к нам. Папа приезжал на выходные. Мама ездила в Москву среди недели. До станции ходила пешком. Продукты возили вместе с папой – то есть на машине. Сперва машина была казенная, она уезжала и приезжала, позднее у папы была собственная машина и шофер. Мама домашнее хозяйство не любила. Ей было совершенно все равно, что и как приготовлено, лишь бы было. Но мама поняла, что зимой с этими печками в большом доме жить невозможно. По ее словам, во время строительства здесь была разровнена вся засыпка или стекловата. Поэтому эти дома, хоть и финские, но холодные. Конечно, все это украли не немцы.

Мы для зимней жизни перделали систему отопления. Поставили на кухне котел, который топился дровами, а чаще углем, и батареи в каждой комнате. Котел топили сами. Это все нам делал слесарь Михаил, живший в маленьком домике. Кроме того, мама утеплила сам дом. Оштукатурила его снаружи и внутри. А в целом немцы строили очень хорошо. Все очень прочное. Например, когда проводили газ и ломали кухонную печную трубу, оказалось, что на кирпичи она не разбирается, то есть, раствор, их соединяющий, очень крепкий.

– На чем готовили?

– На дровяной кухонной печке-плите и, наверное, на электроплитке. Керосинок не было. Примусов у нас в семье боялись.

– Расскажи, как вы с Андреем ходили в школу в Хотькове.

– Я в школу пошла в 1954 г. восьми лет. Я, как и Андрей, пошла сразу во 2-й класс. За первый класс мы занимались дома с мамой. Мама считала, что в 7 лет идти в школу рано. Когда Андрей ходил в школу, с ним ходило много народу, в том числе старшая сестра Наташа. У Наташи есть воспоминания, как они на поле перед музеем идут по пояс в снегу. Приходили и всю одежду развешивали сушить у печки. Андрей в школу ходил пешком. А когда пошла я, то мама стала пытаться организовать какую-то доставку. Здесь стояла папина машина, и мама договорилась, по-моему, с Володей Сколенко, чтобы на ней меня возили. Другой способ добраться до школы – на поселковом грузовике. На нем тогда в школу возили и детей рабочего поселка, всех собирали. В рабочем поселке было довольно много детей. В каждой семье наших рабочих было по два или даже по три ребенка. Еще были трое де-

тей Сколенко. Они жили между нашим и рабочим поселком. Был случай, когда я разминулась с грузовиком, и он уехал без меня, но потом все-таки вернулся и меня подобрал. В основном все-таки ходила пешком, а иногда на лыжах. Осенью мой приятель Ленька Дорохов меня встречал на велосипеде. Один раз уронил меня в канаву. В Хотькове школа сначала была по ту сторону железной дороги около железнодорожного моста.

– У тебя были конфликты с одноклассниками?

– В младших классах не было. Они начались в пятом классе и были связаны только с моим поведением, ничего «классового». Мама меня тогда перевела в параллельный класс, чтобы я учила немецкий. В моем прежнем классе учили английский, которым я занималась дома, и чтобы изучать два языка, я перешла из 5А в 5Б. Мою новую учительницу ученики не любили. В этом классе было не принято поднимать руку и отвечать урок по желанию. А я всего этого не понимала, и меня считали там выскочкой и воображалой.

– Зимой с кем-то общалась или было достаточно родственников?

– Зимой в поселке народ был. На многих дачах в маленьких домиках жили рабочие, сторожа. У И. Г. Петровского жила целая семья: тетя Катя, ее муж, он был слесарем, и их сын Степка, мой ровесник. Степка был моим приятелем. Я считала, что главный человек на этой даче – Степка. А он мне все время рассказывал про какого-то дядю Ваню: «Дядя Ваня приехал, дядя Ваня привез». И я только потом поняла, что этот «дядя Ваня» и есть Иван Георгиевич Петровский. И когда зимой приезжал сам Петровский, то он тоже жил с ними в сторожке в одной из двух комнат, а не в большой даче. За Петровским приезжала служебная машина, у которой сзади было запасное колесо. Машина большая, это был, видимо, ЗИС. Можно было на это колесо сесть и прокатиться. Как-то он меня подвозил из школы, там внутри были такие дополнительные скамеечки, они выдвигались. Как я уже говорила, на 11-й даче жила сторожиха Феня с сыном Ленькой Дороховым. Он потом женился на няне моего племянника Андрея Левина.

Кроме того, у нас одну или две первые зимы в маленьком домике жила жена папиного двоюродного брата (Бабася) с внучкой моего возраста и сыном-школьником Кириллом. (Кирилл Леонтович. – Сост.) Внучка Наташа (Наташа «Рыжая») стала моей первой подругой. Мне было, наверное, тогда года 3–4. Никакого дефицита в общении не было. У многих в маленьких домиках жили родственники владельцев с маленькими детьми. Дети были школьного возраста и младше. Еще кто-то снимал 14-ю дачу, и у них дети были нашего возраста.

– *Были у вас какие-нибудь детские праздники?*

– Мама устраивала елки. К ним готовились – шили костюмы. Устраивали спектакли, помню, я совсем маленькой изображала колобка. У нас тогда жила Бабася. Она была страшной выдумщицей и сказочницей. Она умела рассказывать сказки. Кроме того, была еще дальняя-дальняя родственница, тетя Юля – художница, которая все это устраивала, а к ней еще приезжала подруга – театральная художница. Мы ставили спектакли, делали декорации. Их они клеили из обоев. В спектаклях принимали участие родственники и все дети, которые здесь жили. На 55 км (в поселке) жила знакомая, которая играла на пианино. Хоровод водили под пианино: «Баба сеяла горох» и так далее, а потом играть на спектаклях стала Ирина Петровна Хайкина (Голямина). Елка выдвигалась на середину комнаты, вокруг нее – хоровод и, конечно, угощение. Потом такие же елки устраивались для моей племянницы Тани Левиной. Угощение было такое: бутерброды и сладкое. Конфеты и так далее раскладывались по тарелкам и говорилось: «Все, что не съедите, можете взять с собой». Чтобы не накидывались на сладкое, а ели и бутерброды. Сладкое у всех было примерно равноценное. С бутербродами тоже было интересно. Был период, когда в первую очередь съедались бутерброды с колбасой, а бутерброды со шпротами не ели. Потом при улучшении благосостояния ели и с рыбой и, наоборот, оставались с колбасой. В качестве приглашенных, когда я была маленькая, приходили дети поселковых рабочих, так как мало кто из здешних детей приезжал именно на Новый год. Кое-кто приезжал позже – на каникулы. Как-то на Новый год в поселке зимой жили Делоне. Я была у них в гостях и запомнила, что на каждого гостя-ребенка надели фартучек, а детей было много, не два человека. У нас на новогодних елках каждому дарили небольшой подарок. Причем мама всегда вкладывала туда какую-нибудь интересную игрушку, со смыслом.

– *На елки приходили дети, с которыми ты училась в Хотькове?*

– Нет, только поселковые. Дети, с которыми я училась, ко мне не приходили. Была подруга Галя – близкая, она жила на территории Гравидана – вот только она. Вот Таня – племянница – однажды пригласила на день рожденья к себе весь класс, со мной такого не было.

– *Где встречали Новый год родители?*

– Когда я была совсем маленькая, родители часто встречали здесь Новый год. Меня тогда увозили в Москву, и к ним приезжало очень много народу. Приняты были всякие шарады и тому подобное. Для них это было естественно. Взрослые спектакли, так

называемая филармония¹²¹, с компанией А. А. Абрикосова были здесь позже, когда я была уже студенткой. Тогда были маленькими мои племянники, которые тоже жили зимой в Абрамцево. Раз в две недели в Абрамцево приезжала мамина сестра, Наталия Петровна, и «ставились шарады». Она это очень любила.

– Это было что-то вроде небольших представлений?

– Да. Она приезжала, обсуждалась очередная шарада, две недели мы к ней готовились, шили даже что-то вроде костюмов. Я помню, как-то была загадана сцена из Евгения Онегина. Были клеены два цилиндра, какие-то элементы костюма.

– Были какие-нибудь особые зимние развлечения?

– Когда дачу № 12, напротив, стали арендовать Беловы, они делали на участке потрясающую горку. Но это было, когда я была классе в третьем. Катания на горке были азартные, и мама требовала, чтобы я надевала не очень быстро промокающие от снега штаны, были такие, с кожаной заплатой на попе. Катались на дощечках. Внучка академика Белова Галя Левина и ее подруга Лена Хайкина жили здесь и зимой, но первые два года в школу не ходили. Их учила жена тогдашнего управляющего Николая Федоровича, Александра Николаевна. Она была учительницей.

– Позже, летом, устраивали какие-нибудь театральные действия для племянников?

– Да, один раз художник Биргер – знакомый сестры – снимал в Быкове дачу и занимался здесь живописью с племянницей Таней. Это было, когда Тане было лет 14. Он с детьми поставил сцены из «Ревизора». Все приходящие на спектакль приносили в качестве входного билета конфеты и потом пили чай. В спектакле принимало участие небольшое число народу, но были поселковые зрители. Про спектакль было здесь известно.

– Летний спектакль был традицией?

– Нет. Это просто было одноразовое действие с участием Биргера.

– Что делал твой папа, когда приезжал из Москвы?

– Ну, во-первых, спал. После завтрака в субботу он ложился спать, положив на голову 2 подушки, а потом родители шли гулять. Мама сердилась, что он долго спит, так как она хотела идти гулять. Они любили гулять зимой на лыжах, осенью – пешком. Ходили далеко – примерно часа на два–три. Но мама и одна ходила на лыжах.

121 См. воспоминания И. П. Голяминой, с. 372–378.

– Из поселка в гости к вам кто-нибудь приходил? Именно в гости. Или папа с кем-нибудь гулял?

– Петровский приходил уже после болезни. Несмотря на болезнь, этот период его жизни был деятельный. Жаловался на общую ситуацию в Академии. Вообще, когда я была маленькая, гостей бывало очень много. У родителей была масса гостей постоянно и зимой тоже. Папа 1903 года рождения, когда он здесь поселился, он был еще молодым, 45-летним. У них была тогда здесь активная жизнь.

– Верно ли, что в поселке у вас были родственники?

– Да, М. В. Кирпичев. Мой прадед был отцом академика Кирпичева, который получил здесь дачу. Кирпичевой была папина мама. С женой академика Кирпичева была такая история. Меня остановила какая-то женщина и спросила: «Почему ты со мной не здороваешься, ведь я твоя бабушка». Это была жена Кирпичева. С тех пор я здоровалась со всеми в поселке, боясь, что еще какая-нибудь бабушка здесь окажется.

– Сажали ли вы что-нибудь на участке, несмотря на то, что летом уезжали?

– Мама любила огород. Сажали много. У мамы был даже план, где было написано, что где посажено, но она потом смеялась: во всех местах выросло совсем другое, чем на плане. Но было много яблок, были вишни, которые всегда съедали дрозды (это все по рассказам), была китайка, крыжовник, и нам даже его привозили отсюда в Тучково. Там огородик был очень маленький, правда, все, что там сажали, прекрасно, в отличие от Абрамцева, росло: два куста смородины, три куста крыжовника, но этого нам хватало. Папа очень любил экзотические растения. Это он посадил американский орех и два дерева маньчжурского ореха у ворот, потом сахалинскую гречиху – страшный сорняк. У него был здесь сибирский виноград, он даже плоды давал.

– У вас, в отличие от подавляющего большинства дач, вырублено все вокруг дома. Как это вам удалось? Здесь был запрет на рубку живых деревьев, если они не угрожали дому.

– Постепенно-постепенно. Причем, была такая история: только что произвели рубку последних деревьев на поляне, а это не разрешалось, и вдруг подъезжает мотоцикл с людьми в зеленых робах. Все решили, что это лесники приехали штрафовать за самовольную порубку. Но оказалось, что это наши знакомые на свежкупленном мотоцикле. С деревьями боролись по-всякому. Михаил Львович Левин¹²² – муж сестры (Наталии Михайловны. – Сост.) слышал, что для того, чтобы дерево засохло, надо в него

¹²² М. Л. Левин (1921–1992) – физик–теоретик, доктор наук. Основатель Горьковской школы радиофизики.

вбить большой гвоздь, он ходил и в стволы мешающих деревьев вбивал огромные гвозди. По-моему, это не помогало.

– *Ссоры с управляющим были?*

– Не думаю. Родители были очень не конфликтны.

– *Когда вы жили зимой, приходили ли к вам поселковые за помощью: за водой, погреться?*

– Да. Те, кто приезжал зимой в нетопленный дом, где не было воды, приходили за водой. Еще помню, какие-то деньги собирали, когда у Зины, сторожихи, муж умер, поселковый рабочий. Она сама работала у Випперов. У нее было трое детей.

– *Помнишь что-нибудь про управляющего Николая Федоровича?*

– По-моему, это рассказывали про него. Он экономил поселковое электричество (за него платили жители) и поздно включал уличные фонари. Его внук Сережа боялся темноты, и его жена, Александра Николаевна, не могла с ним зимой из-за этого гулять. Она, говорят, на этой почве скандалила с мужем.

– *Можешь сформулировать, что для тебя Абрамцево. Этот дом?*

– Сформулировать не могу. Я лучше приведу такой пример. Люди сходят с электрички и начинают говорить: «Ах, какой воздух!» Ну, какой, собственно, воздух – такой он и должен быть. «Ах, какой лес!» Ну, какой лес – такой, как должен быть лес. Это жизнь здесь такая, какой она должна быть. На вопрос: «Любите ли вы природу?» ответа не знаю.

– *Потому, что природа для нас, здешних обитателей, просто часть жизни, она всегда при нас?*

– Да, у меня нет восхищения природой, как у горожанина. В Тучкове было другое, деревенский быт и так далее. А здесь была обычная семейная жизнь, почти городская. А вокруг природа как неотъемлемая часть жизни.

– *По-видимому, мы сами не понимаем, насколько в нашем поселке, который, по сути, просто расчищенный кусок леса, мы тесно живем в контакте с природой, и не только мы, но и наши дети.*

– Да, конечно. Я как-то принесла маленькой дочке Наташе колосок пшеницы. Она очень удивилась, какой же он маленький. Она представляла себе колос растения, из семян которого делают потом хлеб, совсем другим. И я подумала, если девочка, которая выросла на природе, проводила там и лето, и часть зимы, не знает, как выглядит пшеница, что же делается с городскими жителями. А для нас вопроса нет, какого размера колос пшеницы.

Татьяна Михайловна Левина (1957 г. р.).

Внучка академика М. А. Леонтовича, искусствовед, кандидат наук.

– Почему дедушка выбрал этот поселок?

– Этот поселок был выбран бабой, моей бабушкой, женой М. А. Леонтовича, так как здесь, с ее точки зрения, школа была в пределах доступного. И здесь, в Хотькове, учились ее дети, а потом и внуки. Я была ее первой внучкой, которая здесь училась, но и первым человеком (из них), которому это сильно не понравилось. Я училась в Хотькове со второго класса. В первом классе я вообще в школу не ходила. Училась у той же учительницы Екатерины Федоровны, у которой училась моя тетя Вера и которую баба считала хорошей. Но, по-моему, она была учительница вполне старорежимная, сталинского типа. Ничего хорошего в ней не было.

– Как вы туда добирались?

– Поначалу баба как-то договаривалась с водителем поселкового грузовика. И мы туда ездили на грузовике. Меня и еще одну девочку, Лену Тер-Погосян, с одной из арендованных дач, по-моему с 12-й, напротив нас, забирали у перекрестка. Но эта девочка ходила с нами в школу недолго. Из поселковых жителей в Хотькове учились только мы две, и одно время Боря Стечкин. Он учился здесь только в старших классах, максимум год. По дороге в Хотьково забирали еще детей из рабочего поселка: Сколенко Иру и Мишу, Лену Почеткову и Олю Рунову. И еще, кажется, Сережу и Наташу Аверченковых. (Я их хорошо знаю, но не помню, чтобы они ездили с нами в школу. Наверное, они ходили пешком.) Но поездки на грузовике были недолго. Как-то это постоянно разлаживалось, и потом мы уже ездили на рейсовом автобусе от музея. До музея шли пешком. Автобус часто барахлил, и тогда шли в школу через парк музея. Возвращались домой тоже через него. Так было короче. Музей был огорожен плохо, можно было пройти. С нами ездили на автобусе дети, которые жили в домах подсобного хозяйства. При Абрамцевском доме отдыха было хозяйство (выращивали овощи, были какие-то коровы), и для его рабочих были построены два дома. Я училась в Хотькове со 2-го по 10-й класс. В хотьковскую школу ходил и мой младший брат Андрей – до 7-го класса.

– Ты общалась с этими детьми здесь, вне школы?

– Нет. Я дружила до школы с Ирой Штриковой из рабочего поселка, дочкой тети Тамары, внучкой нашего печника дяди Миши. Она была моей первой очень хорошей подружкой. Она жила до школы здесь. Но когда началась школа, она переехала в Москву. Я и потом с ней дружила.

– Жители поселка на зимние детские каникулы приезжали на дачу?

– Да. Приезжал Митя Шарвин (сын Ю. В. Шарвина¹²³). Они жили у нас в маленьком домике. У них была компания: Митя Шарвин, Алеша Абрикосов, Алеша Боровик (сын Боровика-Романова¹²⁴) и Витя – фамилии его я не знаю, он жил у Фесенковых, и у него была собака Чок. Стал потом дипломатом. Это была одна компания. Витя был хороший. Я была младше их, но он со мной возился, учил меня прыгать с лестницы. Приезжала Ира Павлова. У Павловых Боровики зимой снимали маленький домик. А еще я дружила с Лизой Заварзиной. Она тоже приезжала на зимние каникулы. Дружила с Кириллом Тарасевичем (сыном пианистки Татьяны Николаевой), Кариной Гудцовой, Леной Соколовской. (Ее я не видела сто лет, хотя она тут живет.)

– Ты знаешь историю про А. С. Боровика-Романова и И. М. Виноградова? Мне ее рассказала Наташа Павлова. Было это так. Боровик-Романов снимал у них маленький домик. Зимой, катаясь на лыжах, сломал ногу. Кое-как выполз к дороге в поселок и стал ждать, может быть, кто-нибудь проедет. Проехал на дачу на казенной машине И. М. Виноградов. Боровик, лежа, как сумел, его остановил. Виноградов вышел, выяснил, в чем дело, и на просьбу отвезти Боровика в больницу сказал: «Договаривайся с моим шофером». Правда, чем дело кончилось, не знаю. Наверное, шофер его все-таки отвез.

– Весьма вероятно.

– А как вы дружили? В дом друг к другу ходили?

– Да, ходили к Соколовской Лене, к Лизе и к Ире. Я у Штриковых руку сломала, прыгала зимой в снег. Еще был мальчик у Охоцимских (Андрей Охоцимский. – Сост.), но мне не разрешали с ним дружить, так как он заикался. Боялись, что я стану перенимать.

– Родители жили здесь зимой?

– Мама, когда мы были маленькие, работала на полставки. Ездил в Москву. Мужчины приезжали только в пятницу и привозили продукты.

¹²³ Ю. В. Шарвин (1919–1990) – физик-экспериментатор, академик АН СССР с 1987 г.

¹²⁴ А. С. Боровик-Романов (1920–1997) – физик, академик с 1972 г.

– Что ты помнишь про летнюю абрамцевскую жизнь?

– Летом мы переезжали в Тучково. И так было до тех пор, пока наша изба там не сгорела. Это было, когда я была в 7-м классе. Поэтому летней абрамцевской жизни я не знаю. В Тучкове я общалась с тамошней летней компанией детей.

– Я знаю, что у вас какое-то время жил Костя Бабицкий. Твой дед не боялся неприятностей?

– Нет, не боялся. Костя у нас жил в маленьком домике и строил террасу.

– Он был другом твоего папы, Михаила Львовича Левина?

– Ну, друзьями назвать их было нельзя. Но папа был в курсе всех этих событий¹²⁵. Естественно, устроиться на работу Бабицкий в те времена нигде не мог, и тогда с ним дед заключил официальный договор на строительство террасы.

– У твоего дедушки были с кем-нибудь из здешних жителей дружеские отношения?

– Нет. Дед здесь ни с кем не дружил. Он здоровался с С. И. Вольфовичем, а потом баба, узнав, что Вольфович дал добро на строительство на Байкале целлюлозного комбината, вроде бы, сказала ему, что он подлец.

– Значит, тут такое могло быть? Прямая неприязнь. Но с кем-то он общался?

– Общался дед с нашим соседом по поселку Г. И. Баренблаттом¹²⁶. Дед, а может быть, папа (М. Л. Левин) говорил: «С Баренблаттом надо говорить о науке – будет интересно». С И. Г. Петровским тоже общались, но нечасто. Его я помню. Меня поразило, что он дальтоник. Это он сам сказал, и я была потрясена. А теперь у меня сын – дальтоник. Еще общались с Обреимовыми. Нас дед и баба водили к ним смотреть птиц, зверей и растения. Я помню, как Иван Васильевич специально приехал из Москвы, чтобы привезти червей для одной из птиц. А по рассказам папы я знаю об академике Микулине. Он здесь жил, но очень короткое время. У него была такая теория, что в человека поступает (или он накапливает) электричество, и это вредно, поэтому он должен его выводить, заземляясь. Он носил на щиколотке цепочку с металлическим колышком

¹²⁵ М. Л. Левин был другом и однокурсником А. Д. Сахарова. В 1944 г. был репрессирован по обвинению в принадлежности в антисоветской молодежной группе и в террористических намерениях. По одному делу с ним проходили В. Фрид и Ю. Дунский.

¹²⁶ Г. И. Баренблатт (1927 г. р.) – ученый в области механики, доктор физико-математических наук, профессор, иностранный член Лондонского королевского общества и Национальной академии наук США, главный научный сотрудник Института океанологии РАН, профессор Калифорнийского университета в Беркли. См. его воспоминания, с. 280–301.

и, когда останавливался, колышек, чтобы заземлиться, втыкал в землю. Кроме того, с этой же целью у него была сконструирована специальная кровать, которая являла собой как бы металлическую клетку, то есть кровать находилась в клетке из металлических прутьев. У него она даже вроде была здесь, на даче. Сам он был при этом большой любитель дам, и сюда их привозил. Но далеко не всякая дама соглашалась в эту клетку лезть. Так что теория заземления создавала ему некоторые проблемы.

– Как у вас относились к И. М. Виноградову? Все знали, что он «страдает» антисемитизмом.

– Он считался у нас дома презренной личностью. Это я помню хорошо.

– Здесь жил ваш родственник академик Кирпичев. С ним дедушка общался?

– Про него он всегда рассказывал историю, как Кирпичев сказал: «Я тут, Минька, работу написал, не можешь мне подкинуть пару уравнений, лучше в частных производных». Не воспринимал его всерьез как ученого.

– В музей ходили? Может быть, у вас были знакомые оттуда?

– У Грабарей были там знакомые, у нас нет.

– Как ты считаешь, есть в поселке академиков Абрамцево какая-то особенность, отличающая его от всех других дачных поселков?

– Мне кажется, что здешняя специфика заключается в размере участков. Жители не сидят друг у друга на голове. Можно обойтись без вынужденного общения, оно здесь минимально. На самом деле я здесь живу всю жизнь (правда, летом меня здесь несколько лет не было), но я очень многих здесь не знаю. Еще одна здешняя особенность: даже новые жители не строят уродливых домов. Не так, как в других местах. Там ужас! А у нас очень по-божески. Все-таки здесь сохранилась культура пространства.

– Значит, ты считаешь, что сейчас Абрамцево привлекательно тем, что ты на своем участке можешь жить, как хочешь, и наплевать на соседей. Возможностью изолироваться.

– Да, пожалуй. Я люблю Абрамцево. Но летом мы жили в Тучкове и оно, а не Абрамцево моя родина. Родина – это где живешь маленькой летом. А вот Миша, мой сын, вырос в Абрамцево. Для него родина, наверное, здесь.

– То, что здесь Мишу помимо родственников окружают и другие интеллигентные дети, важно для тебя?

– Да, конечно, это очень важно.

– И то, что Миша общается с известными тебе детьми?

– Да, здесь это так.

– А папа здесь с кем-нибудь общался?

– С Хайкиными, с Боровиками, Баренблаттом. Григорий Исакович Баренблатт приходил к нам, если не каждый раз, когда папа приезжал, то уж наверняка через раз. Хайкины тоже приходили. Еще папа общался с дядюшкой твоим А. А. Абрикосовым. Знаешь историю, как он продал моему папе за 10 рублей трехколесный велосипед?

– Нет.

– Это был сломанный трехколесный велосипед его французского сына Мишеля. Стоил он, наверное, изначально рублей 15. Обычно вещи, из которых вырастают дети, отдавали просто так, а он его продал папе за 10 рублей, сказав: «Чтобы тебе, Миша, не было неудобно, чтобы у тебя не было чувства неловкости». На этом велосипеде кататься все-таки оказалось невозможно, и починить его тоже не удалось, но зато «чувства неловкости» у папы действительно не возникло.

– Твои родители проводили здесь отпуск?

– Нет. Всегда уезжали, может быть, в Прибалтику или уходили в поход на байдарке. Они Абрамцево как место отпускного отдыха не использовали.

Алексей Александрович Тимофеев (1949 г. р.).

Правнук академика Л. И. Прасолова, геолог.

– Прадедушка получил дачу одновременно со всеми академиками?

– Да, но долго не въезжал. В выборе участка принимал участие второй муж моей бабушки, отчим отца. Он же осмотрел уже готовую дачу, одобрил ее, и только тогда прадеда привезли сюда. До этого дачу снимали в разных местах.

– Прадедушка здесь успел пожить?

– Да, здесь был оборудован ему кабинет, и эти вещи: шкаф, диван, кресло до сих пор стоят на даче. Они были привезены из Москвы. Кроме того, потом купили для дачи плетеную мебель. Она была у всех одинаковая. Когда меня привезли на дачу, весной 1950 г., прадед еще был жив. После его смерти на даче жили его вдова Варвара Александровна, и ее дочь Ирина Леонидовна, моя бабушка, со вторым мужем. У Ирины Леонидовны было четверо детей – трое сыновей (Александр, Дмитрий, Михаил) – от

первого мужа и дочь от второго. К моменту смерти прадедушки у них у всех были семьи, у всех братьев было по двое детей. Только у дочери детей еще не было. Народу было много. На даче жили все дети Ирины Леонидовны и ее внуки – все в большом доме. В маленьком жила сторожиха с собачкой. В гараж ставили машину, на которой приезжал прадед, и шофер ночевал в сторожке. Персональной машиной у дедушки был ЗИМ. Прабабушка Варвара Александровна умерла через пять лет после смерти прадеда.

– *Прабабушке нравилась дача?*

– Она уже была старой, но с удовольствием на дачу ездила. Я помню, как она сидела на закрытой веранде. Участок был лесной, просто в лесу. Деревья рубить самовольно не разрешалось, только засохшие или угрожающие дому. За самовольную вырубку деревьев штрафовали. Ходил лесник и за этим делом смотрел. На участке пытались освободить от деревьев место для огорода. Способ был такой. Дед мой (второй муж бабушки) заставлял всех женщин семьи писать под деревья, почему-то считалось, что они от этого засохнут, и тогда их можно будет срубить и очистить для огорода место.

– *Этот странный способ оказался действенным?*

– Так или иначе, несколько деревьев на участке засохло. Их срубили и сделали на этом месте огород. На огороде росла клубника, было несколько яблонь. Еще вокруг дома посадили жасмин и сирень. Это я точно помню.

– *Почему вы выбрали такой низкий участок?*

– К моменту, как мы выбирали, все высокие уже разобрали более «деятельные» академика. Вообще-то, мне кажется, что к выбору участков больше были причастны не сами академики, а их жены. А они, будучи более практичными, предпочитали более высокое и сухое местоположение.

– *Ты помнишь, с кем ты жил летом на даче, когда был маленький?*

– Если не ошибаюсь, я жил с бабушками (прабабушкой и бабушкой) и нянкой. Отец и мать какое-то время работали во Фрязине и приезжали, как мне кажется, каждый день после работы. Это было только летом. Некоторое время после смерти прабабушки мы жили на даче все вместе: бабушка, ее второй муж и все наши родственники – мои дядья и их дети. Но в какой-то момент бабушка со всей своей второй семьей уехала в Алма-Ату. И здесь на даче остались только ее дети от первого брака (Александр, Михаил и Дмитрий Андреевичи) и их семьи. Но все равно в большом доме жило много взрослых и много детей – моя родная сестра и двоюродные братья и сестры. Кроме меня, было еще пятеро детей.

– Общался ли ты со сверстниками, живущими на других дачах?

– Да. Несмотря на большую детскую компанию на нашей даче, я общался и с другими детьми. Во-первых, это был Сережа Шкаринов, внук управляющего Николая Федоровича. Мы с ним были ровесники, и я с ним дружил. Ловили вместе рыбу в пруду деревни Глебово. Тогда в глебовский пруд кто-то запустил карасей, и они там расплодились со страшной силой. Ходили ловить рыбу и на Вору, и на абрамцевский пруд, перед музеем. Кроме того, мы ходили играть в футбол со старшей компанией, куда входили Вадим Делоне, Сережа Пахомов (Стечкин), внуки Грабаря: Саша Епифанов и Андрей Грабарь. Мы уходили играть на какое-нибудь поле, где было поровнее и места побольше. Они были старше, но в футбол нас с собой играть брали. Вадима Делоне и всю его семью я знал и по Москве, так как они жили в одном с нами доме на Пятницкой, этажом выше. Мы были, может быть, не особые друзья, но все-таки хорошие знакомые. В старшую компанию входили и девочки: Галя Миронова, Света (племянница академика Келдыша) и Наташа Уразова. Они были старше меня всего на несколько лет.

– Чем-нибудь летние развлечения старших детей отличались от ваших?

– Да нет, были такие же, как у нас. Устраивали гонки на велосипеде по поселку на время – по кругам. Ходили на лыжах. Причем в основном не просто по равнине, а больше любили съезжать с горок. Я думаю, это связано с тем, что отец Вадима, Николай Борисович Делоне, был горнолыжником, и кроме того, у них был родственник, известный фотохудожник Вадим Гиппенрейтер – тоже горнолыжник. Еще я помню, что Вадим с детства тяготел к литературе. Пересказывал нам книги, читал стихи (то ли свои, то ли чужие, не знаю) рассказывал анекдоты.

– Сережа Шкаринов был внуком управляющего. Его положение как-нибудь в компании отличалось?

– Нет, не отличалось. Он бывал у нас, я бывал у него. Когда приезжала моя бабка по матери, мы вместе ходили в походы и на дальние прогулки за грибами, ягодами. Никто не помнил специально, что он внук управляющего. Правда, он постоянно слышал рассказы своего деда – управляющего относительно того, что происходило в поселке. А дед был абсолютно в курсе поселковой жизни, все знал: сколько кто выпил, кто упал, кто не упал и так далее. Наверное, в семье Николая Федоровича это как-то обсуждалось и Сереже удавалось кое-что услышать.

– Сережа деда боялся?

– Да, конечно. Дед был такой высокий человек, суровый, ходил с палкой, в очках, ездил на старом велосипеде, брючину, чтобы она не попала в цепь, прищипывал деревянной прищепкой. Носил шляпу. Голос у него был грозный. Рабочие его тоже боялись. Тогда рабочих было много. Был здесь свой гараж, наши машины грузовые. Они работали на выездных работах, и деньги шли поселку. Эта работа была достаточно интенсивная. Когда мы подросли, Николай Федорович, видимо, стал меньше осторожничать в своих рассказах, и нам приходилось иногда слышать о всяких «безобразиях», творящихся на дачах. Так, Сережка мне пересказал, что дед дома рассказал историю про дачу, где тогда жил академик Блохин. Это была одна из арендованных дач, и именно на них чаще всего собирались старшие подростки в ночное время осенью, когда с дач уже съезжали. «Хозяйские» дачи для этих целей использовались реже. (Потом эту дачу купила академик Кочина.) Нас туда не звали, мы были с Сережкой младшие, это была компания Сережи Стечкина, Епифанова, Делоне. Но мы из любопытства подсматривали и знали, что они на ней собираются. И вот как-то Сережка мне рассказывает такую историю. Николай Федорович, как всегда, обходил дачи, проверял, все ли на них в порядке, у него были ключи от всех дач. И вот он отправился на дачу Блохина и застал там ужасный беспорядок. Придя домой, стал негодовать: «Сволочь этот Блохин, что за безобразие в доме устроил, уборную не спускает, бутылки разбросал, а еще академик». Мы с Сережкой очень смеялись, так как знали, что академик Блохин тут совершенно ни при чем. Мы тогда просто подышали со смеха.

– *Чем вы еще были заняты в вашей компании кроме ловли рыбы?*

– Мы играли в коллективные спортивные игры, типа «вышибалы». В нашей компании были девочки. Сейчас у них какие-то другие фамилии, а тогда мы всех знали только под фамилиями владельцев дач: Галя Белова, Таня Виппер, Наташа Абрикосова, Оля Стечкина. Кроме того, в нашу компанию входили дети дачников одного с нами возраста. Играли даже в «девичьи» игры, такие как: «Я садовником родился», «штандер», «жмурки», ездили купаться на Вору на «родимовский» пляж. Дача художника Родимова располагалась в поселке художников на другом берегу Вори, а это было напротив. Место было чистое, незагаженное. Еще купались под железнодорожным мостом. Вода в Воре холодная страшно. Там мы познакомились с обитателями так называемого подсобного хозяйства, тех домов, что стоят за теперешней «Галереей», напротив спуска к Воре по липовой аллее. В них жили люди, кото-

рые обслуживали существовавший здесь санаторий и, по-моему, музей. У них была совсем другая, не похожая на нашу, жизнь.

– С ними общались?

– Общались, потому что была общая рыбалка, охота. У нас охотился отец Сережи Шкаринова, Лев Николаевич, а среди обитателей подсобного хозяйства тоже были охотники.

– *Ваша дача знаменита тем, что на ней всегда собиралась большая компания молодежи, не связанной с поселком, но центром которой были все-таки обитатели дачи и в какой-то степени сама дача. Когда ты оброс этой собственной компанией?*

– Мы, дети выросли, и это совпало с моментом, когда дача оказалась свободной от взрослых. Развелись мои родители, развелся с Тamarой Павловной дядя Дима. Баба с семьей переехала в Алма-Ату. Бабушка по матери жила в Москве. У взрослых возникла своя жизнь, а у нас одновременно – своя. И получалось, что, когда взрослые оставались по своим личным делам в Москве, мы – дети приезжали на дачу. Со мной приезжала компания моих московских друзей. Конечно, в эту компанию волей-неволей вовлекались и те, кто был со мной знаком по поселку, здешние. Мои двоюродные братья и сестры. Такой большой компанией мы и жили.

– *Теперь я понимаю, почему многие из твоих друзей так привязаны к Абрамцеву, а некоторые даже купили потом здесь участки. Они проводили тут много времени, здесь, собственно, прошла и их молодость, не только твоя.*

– Да. Для них этот поселок является историческим местом. Кроме того, полигон, где мы во МГРИ проходили практику, был недалеко, и оттуда я ходил на дачу несколько раз пешком. Ну и друзья – геологи, конечно, тоже вместе со мной.

– *Я правильно понимаю, что эта дача не только твой родной дом, где ты вырос, но благодаря ей твои друзья «сбились» вокруг тебя в такую тесную компанию, что вы близко дружите до сих пор?*

– Совершенно верно. На нашей даче проходили всякие праздники. 7 Ноября, 1 Мая, Новый год, потом пошли свадьбы. Компания была большая – 50–60 человек. Все тут гуляли.

– *Ну и что, вам никогда в поселке не делали замечаний, что вы шумите?*

– Вели мы себя шумно. На 7 Ноября ходили по поселку всей компанией с демонстрацией. Трубили при этом в трубы, пели вся-

кие песни, в том числе и те, которые сами сочиняли¹²⁷. Это были годы застоя, никто особенно не обращал на это внимания.

¹²⁷ Исполнение песен под гитару было отличительной чертой абрамцевской компании Алексея Тимофеева. В большинстве случаев на известный мотив сочиняли свои слова, авторами которых чаще всего были А. Тимофеев и его друзья: Ф. Самойлов, А. Феоктистов. Они же были исполнителями этих песен. Песен было сочинено много, но пик творчества («Песни огненных лет») пришелся на времена так называемого застоя в СССР, и все они в значительной степени были ответом на него. С текстами песен можно ознакомиться в архиве, собранном членами компании и их детьми. Ниже приведены слова одной из них. Пели ее на музыку известной советской песни с тем же названием.

Матрос-партизан Железняк.

*Из цикла: «Песни огненных лет»
Слова Ф. В. Самойлова.*

В степях под Хотьково высокие травы,
В степях под Хотьково – ништяк.
Лежит под бурьяном, небритый и пьяный,
Матрос-партизан Железняк.

Неделю на даче кирали-балдели –
Остался один лишь «Нарзан».
Идти в магазин никому неохота –
Пошел Железняк-партизан.

Пошел он в Хотьково, а вышел к Загорску,
Зашел в станционный шалман:
Там стал хулиганить, кричать, балаганить –
Его отвезли в Гравидан.

Таких партизан в Гравидане немало –
Антабусом лечат их там.
Собрать по рублю у больных ухитрился
Матрос Железняк-партизан.

«Ребята! – сказал, обращаясь к больным,
Легендарный матрос Железняк. –
Все мухой за нами, айда за жбанами!
И десять рублей не пустяк!»

Врачи партизану торпеду зашили –
Он выпить не может никак.
Ребята портвейн в магазине купили...
И ахнул стакан Железняк.

Взорвалась, как бомба, торпеда под кожей,
Вспугнула друзей-доходяг.
Никак от земли оторваться не может
Матрос-партизан Железняк.

В степях под Хотьково высокие травы,
В степях под Хотьково – ништяк.
Ребята ушли в магазин всей оравой...
Остался в степи Железняк!

– Ваша дача была еще замечательна тем, что перед ней долго стояла деревянная лодка. Согласись, что до водоемов здесь не близко.

– Да, лодка «Аврора». Ее оставил нам жилец маленького домика. Эта лодка нам очень пригодилась, поскольку под ней частенько спали мои выпившие друзья, отдыхали, так сказать.

– Развлечения молодежных компаний того времени стандартны и подробно описаны в литературе, поэтому мы останавливаться на них не будем. А вот у вас были всегда очень интересные дачники. Искандер, Венедикт Ерофеев, расскажи о них.

– Нет, Ерофеев у нас не жил. Ему отказали, поскольку мой папа работал в «ящике» и ему «очень не рекомендовали» общаться с диссидентами.

– Расскажи, что помнишь про Венедикта Ерофеева.

Мы, конечно, с ним общались. Либо мы шли в магазин и его встречали, либо наоборот. Первое время он был одет в ватник, а потом у него появилось английское пальто. Он был седой, с голубыми глазами, высокий.

Когда он жил с женой Галей у Исаева, к нему приезжала куча народу – художники, диссиденты, какие-то личности, которые не имели, как мне казалось, никакого отношения к самому Ерофееву, но он, видимо, был достопримечательностью. Однажды мы с моим другом геофизиком приехали сюда, чтобы пилить дрова. Пилить и колоть дрова – труд, конечно, непростой, и для его облегчения взяли мы себе в здешнем магазине самого дешевого вина: «Яблочного крепкого», пилили и запивали. В этот момент пришел Ерофеев, а человек он, несмотря на известность, был в то время бедный. Мы, конечно, спросили, не хочет ли он попробовать «Кальвадоса». Он попробовал и пришел в бурный восторг, хохотал над тем, что мы это «Яблочное крепкое» назвали «Кальвадосом», и тут же отправился сам за этим напитком в магазин на станцию «55 км» у памятника Ленину. Мы дали денег, чтобы он и нам купил, долго его ждали, но не дождались. Дождались его жену, которая очень ругалась, что он опять пришел пьяный. Но пил он чаще всего не с нами, а со своими друзьями. Одно дело всякие великие писатели и художники – диссиденты, а другое дело я и мой друг – геофизик.

Как-то мы к нему пришли, и он нам дал почитать книги. Потом еще. Книги он давал хорошие. Я благодаря нему прочел Эрдмана «Самоубийца» и еще несколько вещей, которые у нас тогда не издавались. У него жила кошка, она окотилась. Котята были шустрые и носили следующие имена: Петлюра, Деникин, Колчак, Врангель и еще кто-то. Все они жили вместе с Ерофеевым в комнате. К нам он относился очень хорошо. Следующих котят, кото-

рые появились вслед за этими, пришлось утопить. Но перед этим им были даны имена известных утопленников: Чапаев, Дарья Мелихова и так далее. На свадьбе моего двоюродного брата Миши он был посаженным отцом. Свадьбу праздновали на даче, и он помогал: топил в большом доме печи, чтобы было тепло. Вообще, он часто общался с моим двоюродным братом и сестрой Леной. Но все эти истории относятся к периоду до его операции.

– *Теперь расскажи, что помнишь про Искандера.*

– Какое-то время у нас снимал маленький домик Фазиль Искандер. У него тогда родился сын, а место в академическом поселке считалось тихим, спокойным, и он снял домик. Здесь он жил год. Работал: стучал на пишущей машинке. Что он здесь написал, я не знаю. Но по просьбе моей тетки, Тамары Павловны, мы перенесли ради него уличный туалет. Он у нас стоял прямо перед окнами маленького дома, и она сказала, что это ему мешает творить. Перенеся туалет, мы пошли к Искандеру и сообщили, что теперь, когда туалет перенесен, он может спокойно писать. Тут выяснилось, что ему лично он совершенно не мешал. О том, что вид туалета из окна может мешать писателю, волновалась Тамара Павловна. Но туалет уже был перенесен, и на его месте нами было посажено дерево. Мы заботились о своих дачниках, чтобы им было комфортно.

– *Вернемся к Вадиму Делоне. Когда Вадим ударился в диссидентство, как к этому относились в дачной компании? Остался ли он для вас тем же?*

– Для меня он, конечно, остался тем же. Мне это диссидентство было непонятно, да, наверное, и не интересно. Мы ведь часто с Вадиком в Москве виделись. Я ходил к нему смотреть футбол и хоккей, так как у них был хороший телевизор, а у нас старенький. А у моего отца был хороший магнитофон, на котором он слушал музыку. И я тоже стал слушать, и полюбил всякий рок-н-ролл в исполнении Элвиса Пресли. Вадим какое-то время тоже этим увлекался и слушал вместе со мной. Но когда он познакомился с диссидентами и сам стал одним из них, он совершенно оставил это увлечение и начал писать стихи. Я как сосед и приятель слушал его стихи – эту его «Балладу о Неверии» и так далее. Бывало, что

заставал у него его компанию – Галанскова¹²⁸, Добровольского¹²⁹ – всех я у него видел. Часть этой его компании появлялась и в Абрамцеве. Его дед, Борис Николаевич, с ними, по-моему, тоже был знаком. Надо сказать, что их «посиделки» были такие же, как и в нашей компании, особенно когда выпивали. По трезвой они больше читали стихи и разговаривали на разные политические темы. Но в общем эта компания меня не очень интересовала. Когда Вадим после посадки за демонстрацию против введения Советских войск в Чехословакию вышел из тюрьмы и с младшим братом Мишей жил в Абрамцеве, я в Абрамцеве не бывал, ездил в поле и здесь летом не бывал. Знал, за что он сел, но после тюрьмы его практически не видел. А вот с Мишей мы продолжали общаться и в Москве, и в Абрамцеве, и с их матерью, Ириной, тоже.

– *Теперь расскажи, какое впечатление на жителей поселка произвело поселение в доме отдыха «Абрамцево» иностранцев? В каком году это было?*

– Это был год 1967, 1968, ну, может быть, 1969-й. Их появление произвело на мужское население поселка необыкновенное впечатление. Мы все помчались туда. И не только наш поселок, но и вся округа: жители генеральского, художников. Все хотели видеть иностранцев. Туда на танцы привозили всякую музыку. Все устремились в дом отдыха. Иностранцы были из капиталистических стран: Швеции, Англии, Франции. Мы, конечно, понимали, что за иностранцами и за теми, кто с ними общается, следят кагебешники. Хоть и говорили, что они какие-то профсоюзные деятели, чуть ли не коммунисты. Мы поэтому с этими иностранцами стали уходить общаться в лес, разводили в лесу костер, пели песни

¹²⁸ Ю. Т. Галансков (1939–1972) – участник диссидентского движения в СССР. Активист неформальных поэтических чтений на пл. Маяковского (1959–1961). В 1961 г. входил в группу, выпустившую самиздатский сборник «Феникс» № 1, в котором были напечатаны его стихотворения. Арестован по политическим мотивам в 1967 г. 12 января 1968 г. вместе с А. Добровольским, В. Лашковой и А. Гинзбургом («дело четырех»), которому он помогал в работе над составлением «Белой книги» о процессе Синявского-Даниэля, был приговорён к семи годам лагерей строгого режима. Умер в лагерной больнице от заражения крови после операции.

¹²⁹ А. А. Добровольский (1938 г. р.) – участник диссидентского движения в СССР в 50–60-е гг. В начале 1957 г. под влиянием антикоммунистического восстания в Венгрии создал с группой друзей так называемую Российскую национально-социалистическую партию (РНСП). Члены группы в основном занимались распространением листовок с антисоветскими и антикоммунистическими призывами. Арестован по политическим мотивам в 1967 г. Участник «дела четырех» 1968 г., в процессе которого активно сотрудничал со следствием. Приговорен к двум годам лагерей. В настоящее время – идеолог славянского неоязычества, «волхв», национал-анархист.

под гитару, ну, конечно, выпивали. Приходило на эти посиделки из окрестностей много народу, но, говорят, что те, кто за ними следили, так и не смогли узнать, в какие места мы ходим. Более того, мы так осмелели, что как-то решили отвести их не в лес, а к нам на дачу, которая в это время как раз пустовала. И вот я и трое моих друзей, взяв с собой целую компанию иностранцев из дома отдыха, тщательно запутывая следы, окольным путем, чтобы не выследили кагебешники, привели ее на дачу. На втором этаже стояла музыкальная приставка «Нота», но с нее была снята вся пластмассовая облицовка – а музыка была все та же – знакомая им. Они пришли от этого в восторг, почему-то решив, что это устройство мы сами сделали. Разговаривали мы с ними по-английски. Ну, мы на даче с ними пообщались, выпили. Один из этих ребят, свесившись с балкона второго этажа, потерял очки. Мы их дружно искали, и в этот момент приехала тетка Тамара Павловна. А так как среди нас была ее дочь Лена, Тамара Павловна очень рассердилась, решив, что вся компания так напилась, что перестала понимать по-русски. То, что она застала на даче компанию, ее не очень рассердило. Но то, что степень опьянения ее членов была такой сильной, что они, как ей это представлялось, буквально «лыка не вязали по-русски», привело тетку просто в ярость. То, что они иностранцы, она не поняла, так как они в этом состоянии от русских совершенно не отличались. За эту выходку мне очень влетело от отца. А отцу очень сильно от 1-го отдела в его закрытом институте. Его даже не пустили за границу.

– В этой компании были только молодые люди или девушки тоже?

– И те, и другие. Иностранцы были наши сверстники. Этим-то они и были нам интересны. Наша дружба после визита на дачу окрепла и продолжалась в Москве. Но я в середине лета уезжал на практику в поле. Они пришли меня провожать на вокзал всей «командой». Подарили мне каких-то невиданных сигарет, а я подарил одному книгу «Идиот», другому меховую кроличью шапку и валенки. Они тут же на вокзале всю эту одежду нацепили и в таком виде пошли.

– Они здесь долго жили?

– Они здесь какое-то время летом отдыхали, а потом жили в Москве. За сестрой Ленкой один из них очень ухаживал, с серьезными намерениями. Был сын состоятельных родителей из Ноттингема. Но в то время выйти замуж за иностранца было очень сложно. Необходимо было соблюсти тысячи каких-то немислимых формальностей, и это не состоялось.

Иностранцы жили в поселке несколько лет подряд. На следующий год приехала команда из Франции, состоящая в основном

из девушек. С моей точки зрения, эти девушки сильно отличались от наших свободой поведения, я бы даже сказал, они были совершенно развязны во всех смыслах. Они пили, курили и так далее, мы с нашими девочками к этому тогда не привыкли. Но делать было нечего. Их уже на дачу в генеральском поселке пригласил один парень из нашей тогдашней компании. Француженки, мало того что развязные, были еще внешне совершенные крокодилы. Но все-таки они были француженки. Мы их катали на велосипедах. Возили и на раме, и на багажнике, даже на мотоцикле, который был у кого-то из парней генеральского. Среди нас были и Машков и Хенкин. В этой компании была почему-то единственная англичанка Эмма. Она от француженок отличалась в лучшую сторону. За ней ухаживал мой близкий приятель. На даче француженки пили напитки, которые предлагали им мы, это был ассортимент нашего абрамцевского сельпо. Даже не магазина, а того, что продавалось в «Голубом Дунае» – была такая забегаловка, она стояла напротив нашего абрамцевского магазина у музея, чуть правее. Этот «Голубой Дунай» был страшно нами любим. Там продавалось разливное пиво, «Клинское» из бочек. Какие-то задохшие бутерброды, которыми мы и угощали француженок.

– Говорят, он при иностранцах сгорел, что его сожгли чекисты из-за его популярности среди населения и иностранцев.

– Может быть. В общем, через какое-то время его не стало. Самое смешное в истории с француженками было то, что не будь они иностранками, мы бы на них даже не посмотрели. Мы были вполне приличные неплохие советские мужики, на мой взгляд. Кроме того, удивительно, что по-французски из нас никто ни слова не знал кроме, может, быть «оревуар» и «бонжур». Мы старались говорить с ними по-английски, а по-английски француженки терпеть не могут разговаривать. Поэтому общение было в основном стаканами и руками. Но вообще-то было весело.

– Что тогда продавалось в нашем сельпо из вин?

– Магазин особенно нас не баловал разнообразием. Продавалась в основном водка александровского разлива. И еще настойки: «Калгановая», «Померанцевая» и «Напиток Ерофеич». Кроме этого продавались всякие мутные вина, невероятного запаха и цвета типа «Волжское крепкое», большое количество портвейнов с самыми разнообразными этикетками. Названия у всех этих портвейнов были разные, но было впечатление, что разливали их из одной бочки. Гадость страшная! Но мы были молодые и не замечали. А самое удивительное, что эти напитки изысканные француженки «лакали», как будто это какое-нибудь их «Бордо», «Шардоне» и так далее или настоящие молодые французские вина. В общем, выпивали они нашу бурду с большим удовольствием, как

будто ничего лучше не пробовали. Такие вот были француженки. После французенок в дом отдыха был следующий заезд, в котором англичане «мешались» со скандинавами. С этими мы играли в футбол на площадке на Воре. На Воре была большая площадка для футбола или волейбола. Призом была трехлитровая банка «Солнцедара». Мы старались изо всех сил и выиграли. Они играли здорово, упирались сильно, но у нас выиграть не смогли. «Солнцедар» пили вместе, но этим иностранцам он не понравился – мерзкий был напиток.

– Они жаловались, что им скучно в этом доме отдыха?

– Да, конечно, им было скучно. Что дом отдыха мог предложить – ну, естественно, советские развлечения. Они этих развлечений совершенно не понимали, русский язык они знали плохо, поэтому с удовольствием оттуда уходили. Конечно, была к ним приставлена масса соглядатаев. А спортивные развлечения на Воре не вызывали ни у кого никаких сомнений, и поэтому это могло состояться совершенно безболезненно для обеих сторон. Иностранцы жили в нашем доме отдыха, по-моему, только летом.

Американский футбол

*История рассказана А. Н. Епифановым дочери,
Лизе Епифановой, и воспроизведена ею по памяти.*

Александр Николаевич Епифанов (1946–1997).

Внук академика И. Э. Грабаря, математик.

Лиза Епифанова (1977 г. р.).

Журналистка, главный редактор журнала «Мои часы».

Во времена молодости моего папы в волейбол уже не играли, его место прочно занял футбол. В футбол играли всем поселком каждые выходные на крохотном футбольном поле. В связи с небольшими размерами поля и ворот, а также большим количеством народу, желающего поиграть, правил как таковых не существовало. Можно было фолить, сколько влезет, бить по ногам даже в штрафной, пенальти и угловые не назначались, все мячи выбрасывались из аута руками. Играли обычно не по таймам, а до первых десяти голов в одни ворота, что иногда происходило довольно быстро.

Папа говорил, что естественный ход игры был нарушен единственный раз.

В дом отдыха, расположенный неподалеку от музея, приехали английские студенты. Вообще в этот дом отдыха часто приезжали всякие иностранцы, потому что он был образцово-показательным

и находился в заповеднике. Папа утверждал, что во времена его молодости в лесу можно было запросто увидеть лис, волков и зайцев. В англичанах не было ничего особенного – молодежь из поселка легко находила общий язык с иностранными студентами, особенно на почве любви к алкоголю и футболу. Так было бы и на этот раз. Но тут в группу к англичанам затесались два американца, что даже для местного дома отдыха было в диковинку. Заокеанских гостей здесь видели редко. Оданко проблема была в другом: вместе с американцами приехал их «тьютор», мужик лет тридцати пяти, который оказался агентом ЦРУ, призванным следить, чтобы с американцами ничего идеологически вредного не произошло. Об этом знали заранее, потому что местный участковый специально объехал все близлежащие поселки и деревни на мотоцикле и предупредил, что с американцами общаться можно, даже с цереушником, только следить за своей речью и не позорить звание советского гражданина.

К появлению живого шпиона местные отнеслись спокойно и деликатно сделали вид, что считают его настоящим учителем и ничуть не удивляются, что взрослому дядьке надо непременно таскаться всюду с восемнадцатилетними парнями, даже когда те знакомились с девчонками. Сложности возникли именно с футболом. Поскольку первое, что предложили «академики» англичанам, – это сыграть стенка на стенку. «Наши» выставили лучших игроков, чтобы не ударить в грязь лицом перед гостями с родины футбола. Англичане включили в свою команду американцев для комплектации состава, и те, потренировавшись пару дней, научились довольно сносно принимать мяч и пасовать. Но тут возникла проблема «тьютора». Поскольку он уже был мужик в летах, освоить эту непонятную игру ногами и головой он никак не мог. Но и против того, чтобы сидеть на бревне в качестве зрителя вместе с женщинами, стариками и детьми, его кипучая и гордая натура решительно восставала. Поэтому он проштудировал невесть откуда взявшийся учебник по футболу (не иначе как агентура переслала) и назначил себя рефери.

Два классических тайма по сорок пять минут он носился по полю, фиксировал штрафные удары, раздавал желтые и даже красные карточки (сам раскрасил фломастерами¹³⁰), удалял игроков, назначал пенальти и добавленное время по наручному секундомеру. К концу второго тайма даже сдержанные англичане изнывали от желания убить его на месте.

Рассказывая эту историю, папа всегда завершал ее словами:

¹³⁰ Это не ошибка. У рефери были действительно невиданные никем из советских людей фломастеры, хотя фломастер был изобретен и впервые поступил в продажу в 1960 г., а матч происходил, по-видимому, в 1968 г.

– Это был единственный раз, когда мы играли по всем правилам, и единственный раз, когда у нас был судья. Да и тот – из ЦРУ.

Елена Дмитриевна Энгельгардт (1951 г. р.).

Правнучка академика Л. И. Прасолова.

– Как Венедикт Ерофеев попал в Абрамцево?

– Веню привез в Абрамцево и привел на дачу деду Вадим Делоне. Мне кажется, тогда Вене негде было жить, он скитался по друзьям и знакомым. В момент появления в Абрамцево у него даже паспорт был потерян. Об этом я знаю по рассказам его самого и жены, так как тогда еще не была с ними знакома. Его приютил на даче Вадим Делоне и его жена, Ира Богородская. Дед Вадима, Борис Николаевич, его очень полюбил. Когда его внуки Вадим и Миша уехали (они вынужденно эмигрировали в 1975 г.), он не только разрешил, но и сам попросил Веню с женой остаться. И до самой смерти Бориса Николаевича они здесь жили на даче. Даже шли какие-то разговоры о том, что они смогут жить здесь и дальше, если Борис Николаевич выкупит у Академии дачу, которую он арендовал к этому моменту уже около 30 лет. Но это не состоялось. Деньги у Ерофеева тогда были, так как его начали издавать за границу и переводили деньги на его счет. Сам он был человек скромный. Очень скромный. В общем, дача не была выкуплена, из поселка родственников Б. Н. Делоне попросили и, соответственно, поперли Веню с Галей. Но Веня очень привязался к Абрамцеву, ему здесь очень нравилось, да и Галя чувствовала, что ему здесь лучше, чем в Москве. Там его очень пасло КГБ, здесь, конечно, тоже, но все равно как-то простору было больше. Они не хотели уезжать из Абрамцева и нашли жилье у Исаева, первого управляющего поселка академиков. Тот выстроил себе дом на земле Академии, но за территорией поселка. Много позже этот участок был продан одному из членов нашей дружеской компании. Ерофеевы стали снимать дачу у Исаева, и тогда мы с ним познакомились ближе. Когда Ерофеевы жили у Делоне, мы не были знакомы близко. Мы, когда заходили на дачу к Делоне, здоровались, конечно, при встрече, но ближе не сходились. Когда они жили у Исаева, то просили его продать им этот дом. Он согласился, получил даже задаток, но потом отказал, почему – я не знаю. К нам на дачу Ерофеева привел Саша Епифанов, внук И. Э. Грабаря. Они были хорошо знакомы. Какое-то короткое время после Делоне Ерофеев жил на даче у Грабарей. В это время я с маленьким сыном Толей жила здесь и зимой. Веня стал к нам заходить, что называется, по-соседски, по-дачному. В ту зиму мы с Толей остались в поселке практически одни, никакого дру-

гого народа не было, и это общение превратилось очень быстро в близкую, плотную дружбу. Общались мы каждый день. Зима того года была очень холодная. Жили мы в маленьком домике, там было теплее. Газ в поселок еще не провели, топили печи. Венька очень мне помогал с дровами, колот, пилил. Дров было нужно много. Очень помогала мне и Галя. У нас даже было так: сегодня я готовлю обед – Галя в Москве три дня, а Веня у меня, потом Галка приезжает, и тогда мы с Толей идем к ним. То есть жили почти одним домом. Когда он бывал у нас, он в основном читал или работал. Я об этом и знать ничего не знала, брал какие-то книжки, в большом доме, читал. Он, несмотря на холод, иногда часами сидел в ватнике своем там на чердаке. Я была занята ребенком, я при деле, и он при деле. Мы же были свои, никто никого не развлекал. Вот он спустится сверху, садимся пить чай или ужинать, или просто вечером сядет на кухне на диванчике и начинает мне пересказывать, что он там прочитал. А был он с очень большим чувством юмора, страшно ироничный. Помню, он мне читал абзацы из полного собрания сочинений В. И. Ленина, где тот говорит, что вся интеллигенция говно и необходимо «стрелять всех, всех расстрелять». Так и стоит у меня перед глазами картина: дача, зима, он сидит и что-то пишет. У него был мелкий, очень четкий, красивый убористый почерк, прямо бисерный. Писал он в записных книжках удлиненного формата. Никаких тетрадей. Но никогда, если я приходила к ним, не было такого: «Веня работает, не заходи».

– *К этому времени ты ту же читала его «Москва – Петушки»?*

– Ну конечно! Я читала это еще до знакомства с ним. Он мне потом подарил ее самиздатовский вариант. Он до сих пор у меня хранится.

– *Ты понимала, что он великий писатель?*

– Я, может, это и понимала, но для меня он никаким великим писателем не был, а просто «другок Веня».

– *Он был легкий в общении?*

– Очень легкий, хотя безумно ироничный. К его способу общения надо было привыкнуть. Оно не было обычным. Он все время подсмеивался, насмехался. Вот, например, он говорил: «Ты, девка, дура». Вот «девка, дура» – и все. Ну а мне что, «дура» и ладно. Смотря как к этому относиться. Сам-то он, конечно, умницей был. Мой Толя прекрасно помнит, как он говорил: «У меня на чердаке стоит пулемет, чтобы от китайцев отстреливаться». Тогда был какой-то конфликт с Китаем.

– А что он говорил про И. М. Виноградова? Когда он жил у Делоне, тот был его ближайшим соседом.

– Веня все время над ним подсмеивался: «Вот вы думаете Виноградов – старик, убежденный холостяк, все знают, что он женщинами не интересуется, а на самом деле у него на участке¹³¹ есть бассейн, в котором плавают нимфы».

– Он любил загородную жизнь, природу?

– Веня вообще хорошо знал и лес, и природу, умел все делать, совершенно не был белоручкой. Колол, пилил дрова, воду носил. Я помню начало весны. Снег сошел, вылезли первые нарциссы. Мы вокруг них пляски устроили: Толечка маленький, я и Веня. Та зима была очень тяжелая, холодная. После нее мы очень ждали весны, смотрели, как первая травиночка вылезет, когда первые листочки появятся. На все это он обращал внимание. Он даже грядки разбил. Какие-то они у него были смешные, неуклюжие, но он сажал. Он уже у Исаевых посадил что-то, когда они потребовали, чтобы он съехал, сказав, что будут жить сами. И тогда сняли на «55 км», на улице Чайковского. Но все равно он ходил к нам, и мы туда без конца мотались.

– После смерти Б. Н. Делоне он, говорят, стал много пить.

– Да, выпивал. Особенно пил он на выходные, когда к нему понаедут какие-то гости. Похмелье было тяжелым, ему бывало плохо, и мы тогда не общались. В промежутках он пил периодически и, что называется, «в легкую», не напивался. А на больших пьянках-гулянках его жена очень за него волновалась. Но безобразно он никогда не пил, с ним выпивать было даже интересно, под беседы, истории, рассказы. Всякие «тары-бары-растбары». Потом, я думаю, при нас он сильно напиваться стеснялся.

– С остальными Тимофеевыми, особенно со старшими, у него не было отношений?

– Как ты понимаешь, все мое многочисленное семейство не радовалось, что здесь (на даче) Веня обретается. Мы, наша часть семьи, хотели, чтобы он летом тут у нас в маленьком домике жил. Но дядя Саша не разрешил. Просто ни в какую. И Алеша, двоюродный брат, был тоже против. Хотя он и не знал его близко.

– Ты была к нему душевно привязана?

¹³¹ Дача № 26, которой владел И. М. Виноградов, соседствует с дачей № 41, на которой жил Ерофеев у Делоне. Этот участок – один из самых больших в поселке. Однажды на участок Виноградова, не заметив совершенно сгнившего заднего забора, забрели туристы и разбили там палатки, думая, что они в лесу. Место для стоянки было удобным: в двух шагах протекал ручей Яснушка. Их обнаружил хозяин (или его сторожика) только после того, как те прожили там несколько дней.

– И я к нему, и он ко мне. С ним было интересно. У меня о нем очень теплая память.

– *Как он выглядел?*

– Зимой он всегда был в ватнике. Кроличью шапку не снимал, по-моему, даже дома. Никаких дубленок он не носил. Галка ругалась, потому что если его нарядить, он был просто «супер». Я как-то видела Веню, когда она его нарядила. Они ехали на один день в Москву. Голубая рубашка, пиджак, пальто. Действительно супер! Но он всего этого терпеть не мог. Зимой он любил ходить в ватнике. Весной и осенью носил коротенькое пальтецо, типа бушлата. У него была просто ангельская внешность. Он был очень деликатным человеком и очень умным, но в душе он был ребенок, просто «дитё». Я его сестер знаю, они приезжали пару раз. Он мне очень много рассказывал про детство. Я много знаю о нем из его рассказов.

– *Правда ли, что Ерофеев и в ватнике выглядел как лорд?*

– Да. Понимаешь, у него такой «прикид» был – вроде землекопа, рабоче-крестьянский, но сразу было видно, что это совсем другое. У него лицо было необыкновенное. Тогда еще не была написана «Вальпургиева ночь». Через несколько лет я ее прочла и вспомнила, как он это все проговаривал на даче. Ну, эти фразочки и эти лютики. Он так увлекался этими посадками, этими лютиками. Он безумно любил Абрамцево, без него страдал. Галя его потом уговаривала переехать в Москву. У Гали к этому времени уже была там хорошая квартира. Но он ни в какую.

– *Родители жены Ерофеева тоже здесь жили?*

– Да, родители Гали здесь жили. Они у нас в домике пожили с неделю, потом здесь начался скандал, и Галя пристроила их в сторожку к Ивану Матвеевичу Виноградову. Тогда снять маленький домик у нас они хотели не для себя, а для Галиных родителей. Они даже деньги заплатили. После скандала с нами она их и пристроила к Виноградову, а сами они сняли на улице Чайковского в генеральском поселке на «55 км». Прожили они так лето. Это было уже после Исаева. Я думаю, Галя этого нам не простила. А потом они жили у Сережи Толстова, в поселке. Я уже тогда не жила здесь зимой.

– *Он рассказывал про свои взаимоотношения с Б. Н. Делоне?*

– Не помню, знаю только, что Борис Николаевич его очень любил. Для меня Борис Николаевич – почти родственник, я его знаю с детства. Веня мне много рассказывал и про Вадика, как он рыдал, прощаясь с Абрамцевым, с «родной землей»: припал к

земле, начал плакать, прощался навсегда. Вадим вообще не хотел уезжать. Да и человек он был эмоциональный.

– Ты помнишь пожар у Грабарей?

– Да. У них тогда жил кто-то из известных диссидентов. И гебисты его здесь «пасли». Его в этот момент не было, ему как-то незаметно удалось уйти с дачи и уехать. Они его пропустили. И вдруг дача загорелась. Эту историю я знаю от Саши Епифанова. Сама я пожара не видела, только результат. Особенно это у нас не обсуждалось.

– Расскажи про семью Делоне. Я знаю, Вадим часто приходил к вам. У вас была волейбольная площадка, и там он с вашей компанией играл в волейбол, футбол. Потом, когда стал старше – в 15-16 лет, бывал реже, больше общался с компанией племянницы Келдыша, Светы.

– Мишу и Вадима я знаю со своего рождения. В Москве они жили в квартире над нами. Мы с моим братом-близнецом Мишей спали в их детских кроватках. Вадим был старше нас. Когда он стал диссидентом, ни на какие эти темы он с нами не общался. Даже когда он вышел из тюрьмы, был женат на Ире Белозерской, и мы уже тоже стали взрослыми. Никогда он с нами об этом не разговаривал. Никогда! С его младшим братом Мишей мы, конечно, трепались, эти темы обсуждали. Но Вадик этого с нами не касался, обходил эти вопросы. Первый раз он сидел недолго¹³². За Чехословакию его сослали в Воркутинские лагеря¹³³, вернулся он оттуда без зубов. Он вернулся очень страшный¹³⁴. Говорил, что в лагере самым ужасным был холод. Все зубы были съедены, наверное, цингой. Какое-то время в промежутке между первой и второй посадкой он жил на даче. Это было лето, когда я кончила школу, и мы очень тесно общались. После Воркуты он появился на даче в 1971 г. Мишка жил здесь один, ухаживал за дедом, я тоже в то лето здесь была, общались очень тесно. Вадим приехал в конце лета, и мы все вместе стали общаться. С Мишкой ходили за грибами. Миша очень нежно ухаживал за дедом. Жена Бориса Николаевича, Мария Генриховна, к этому моменту умерла. У его

¹³² По первому приговору Вадим был осужден на год условно. В тюрьме находился до суда.

¹³³ Ошибается, он отбывал срок в лагере под Тюменью.

¹³⁴ Подтверждаю. Я видела его сразу после того, как он освободился из лагеря в 1971 г. Видела случайно из окна автобуса. Вадим сразу после выхода из лагеря не имел ничего общего с тем очень красивым юношей с матовой кожей и прекрасными зубами, которого я знала. Зеленоватая кожа, зубов нет. Я узнала его только потому, что рядом с ним стоял Миша, его младший брат. Некоторое время спустя, судя по фотографиям, поскольку я никогда его больше не видела, он стал выглядеть лучше.

сына Коли была новая семья. И Борис Николаевич остался один. Но все внуки его обожали.

– Твое отношение к Вадику не изменилось? Его диссидентство не вызывало у тебя ни большого уважения, ни отторжения?

– Не изменилось, детская дружба сохранилась. Только очень было его жалко без зубов. У меня потом появились свои контакты с так называемыми инакомыслящими. Читала «самиздатовские» и «тамиздатовские», но все это было не от Вадима. А потом они уехали. Невероятно, но я была случайным свидетелем этой демонстрации 1968 г. против ввода наших войск в Чехословакию. У меня было назначено свидание у храма Василия Блаженного. Я видела, как он сидел на Лобном месте, но лозунга «За вашу и нашу свободу» еще не успел к тому моменту развернуть. Я подошла к нему, мы немножко поболтали, но он был как-то скован. И я пошла по направлению к храму. Мы совершенно ничего не знали. Он там сидел с Горбаневской¹³⁵ и Литвиновым¹³⁶, но он явно не хотел со мной разговаривать. Они выкинули лозунги сразу после того, как я от них отошла. Мои приятели все это видели, а я шла от Лобного места спиной к ним. Вадима и компанию замели мгновенно. Там было такое месиво. Оцепили их моментально, наверное, ждали. Метелили их якобы представители народа, будь здоров! Петю Якира¹³⁷ задержали до того, и он в этом не участвовал. Когда замели Вадима, его выпустили.

Сергей Георгиевич Толстов (1952 г. р.).

Внук члена-корреспондента С. П. Толстова. Писатель, сценарист. Литературный псевдоним Рокотов.

– Когда ты здесь появился?

– Появился я здесь с самого рождения, с 1952 г. До моего рождения дачи вообще у семьи не было. Когда я был еще в проекте, дед по просьбе матери позаботился о даче. Возможности были. Выбрали наш более отдаленный поселок, чтобы меньше тревожи-

¹³⁵ Н. Е. Горбаневская (1936–2013) – поэтесса, переводчица, правозащитница. Участница демонстрации на Красной площади в августе 1968 г. В 1970–1972 гг. находилась на принудительном психиатрическом лечении. Эмигрировала в 1975 г. С 2005 г. гражданка Польши.

¹³⁶ П. М. Литвинов (1940 г. р.) – физик, педагог, правозащитник. Участник демонстрации на Красной площади в августе 1968 г. Составитель самиздатовских сборников. Политзаключенный 1968–1972 гг. Эмигрировал в США.

¹³⁷ П. И. Якир (1923–1982) – историк, участник правозащитного движения.

ли. Стали сначала арендовать здесь дачу Григорьева. Владелец был репрессирован, дача перешла в ведение Академии наук, и мы три года ее арендовали. Я родился зимой 1952 г., а уже летом меня на эту дачу привезли. Три года мы прожили на 22-й даче, а потом, когда ее вернули Григорьевым, деду предложили арендовать любую дачу ЖКО на выбор. Выбрали дачу № 25, на которой был очень солнечный участок, так как теперешних больших деревьев еще не было. С тех пор я здесь и живу¹³⁸.

– *Была ли у тебя здесь детская компания?*

– У меня особой детской компании здесь не было. Мне так повезло, что я дружил с сыном шофера, который жил у нас в маленьком домике. (Домик, как у всех, у нас еще тогда был¹³⁹.) Он был старше меня. Личный шофер деда жил здесь летом с семьей. И до поры до времени я никакой компании не искал: у меня прямо на участке жил друг. Мы с ним ездили на велосипедах, играли. Дружим мы до сих пор. А потом у меня стали подрастать родные брат и сестра. Так что компании из других детей у меня поначалу не было. Уже потом, лет в 14, я подружился с внуками Б. Н. Делоне.

– *Твой дед использовал дачу?*

– Дед был занятой человек, я его самого на даче и не помню. Только по фотографиям. Он проводил лето в экспедициях, мы получали от него только телеграммы о состоянии здоровья. Бывал он здесь редко – появлялся на один-два дня. Шофер жил с нами, привозил продукты, академические заказы два раза в неделю. Так было до самой смерти деда. В то время, когда он арендовал дачу, он был директором двух институтов: востоковедения и этнографии, лауреатом Сталинской премии, получил ее в 1949 г. в возрасте 40 лет. Дачу мы арендовали лет десять. Потом аренда очень подорожала, и тогда решили ее купить. Купчая была оформлена в 1966 г.

– *Дедушку помнишь?*

– Деда здесь я помню, когда он уже заболел. У него в пятьдесят шесть лет был последний инсульт, который его вывел из рабочей формы. Уже больной, он проводил здесь лето, начиная с конца мая по октябрь. Здесь он гулял, а в Москве вообще не выходил из дома. В моем сценарии фильма «Конец прекрасной эпохи» есть герой, прототипом которого послужил мой дед. Бабушка его пережила на 10 лет, он умер в 1976 г., она – в 1986 г. Летом, когда уже не работала, она здесь жила, за исключением двух лет перед

¹³⁸ С 2010 г. С. Толстов не является жителем поселка академиков.

¹³⁹ Его, по-видимому, снесли, когда на его месте собирался строиться В. Ерофеев.

смертью. В активный период работы бабушки и дедушки на даче жили прабабушка, домработницы и внуки. Поэтому я его здоровым здесь и не помню.

– *Как ты познакомился с семейством Делоне?*

– Я познакомился с Сережей Шаровым – младшим внуком Бориса Николаевича, сыном дочери, Анны Борисовны. Он меня ввел в их дом. И я сдружился не только с ним, но и с его дедом. Вообще дед был достаточно колючий. Некоторых людей на дух мог не переносить, мог выгнать, но если человек ему нравился, он был очень приветлив. Я был молодой парень, примерно 20 лет. Я приходил туда и ко второму его внуку Мише. С ним мы были ровесники. Вадима, старшего внука, я знал плохо. А с Сергеем мы до сих пор дружим. Марию Генриховну, его бабушку, я не видел никогда. В этот период она уже была очень больна. Особенно часто я стал к ним захаживать, когда у них на даче появился Венедикт Ерофеев.

– *Что было привлекательно для тебя в Б. Н. Делоне?*

– Он был очень обаятельный человек. Я уже не помню, что он говорил, особенных бесед мы не вели. Он очень любил природу. Показывал мне что-то для него интересное на задворках своего участка. Был неутомимым ходоком. Далеко я с ним, правда, не ходил, но все окрестности поселка он мне показал. У него были всегда какие-то планы. Говорил, что здесь вокруг такие красивые места. Планировал поехать на речку Велю, на ландышевый холм. Я собирался покупать машину, в связи с этим у него и были эти планы. Я машину тогда не купил, и мы никуда не поехали вместе.

– *Кто тебя познакомил с Венедиктом Ерофеевым?*

– Сергей Шаров. Но до этого он мне о нем рассказывал. Говорил, что его привел на дачу Вадик, что он написал роман «Москва – Петушки». Я и понятия не имел, что такое «Москва – Петушки», никогда до того о нем и не слышал. Не шибко это меня тогда интересовало, все эти диссидентские дела. Но когда мы познакомились, между нами сразу возникла большая симпатия. Ерофеев был непростой человек. С большинством людей разговаривал злобно. Никаких правил приличия не соблюдал. А мы 12 лет (с 1978 г. до его смерти в 1990 г.) были близко знакомы, и никогда между нами не было никаких ссор.

– *Ты знаешь, какие отношения были между Б. Н. Делоне и Ерофеевым?*

– Вадим привел Ерофеева на дачу летом 1975 г., и дед Делоне его оставил жить. Той же осенью Вадим эмигрировал. А Ерофеев жил у них на даче до смерти Бориса Николаевича Делоне в июне 1980 г. Ему здесь очень нравилось. Он отсюда уезжать не

хотел. В это место был просто влюблен, чувствовал здесь себя совершенно по-другому, чем в Москве. Сам Делоне очень хорошо к нему относился. Он и его жена Галя жили вместе с Делоне в большом доме. Борис Николаевич и к Галине очень хорошо относился. У них в доме была здоровая обстановка. Приходили гости. На даче Б. Н. Делоне тогда было очень приятно. Я часто заходил, меня всегда тепло принимали. Зимой Ерофеев на даче Делоне не жил – только летом. Большой дом не топился, его на зиму консервировали. И в домике у них никто не жил, он уже был совсем не годен для жилья. Был совсем разрушен.

– Почему семью Делоне выселили с дачи?

– Дача была арендованная. За несколько месяцев до смерти Борис Николаевич вроде хотел ее выкупить, но ему не дали. У Академии были, вероятно, другие планы.

– Ты считаешь, что ему просто не дали ее купить?

– Тогда не дали. А в свое время он не подсуетился. Мог ее выкупить за 6000 рублей. Я говорил Сереже, что надо выкупить. Но он говорил: «Дед такой здоровый, он всех нас переживет, успеем». Его и Галина просила. А ему уже было 90 лет. Упал в квартире, сломал шейку бедра и буквально за три месяца из крепкого старика превратился в совершенно немощного. Через два месяца после его смерти их попросили дачу освободить. Они жили на ней 30 лет с лишним, с момента возникновения поселка. Я был свидетелем их выселения. У них там мебель была, буфеты старинные, тяжелые. Это надо было все вывезти куда-то. Машины не было. Сергей обратился ко мне за помощью. Везли мебель на московские квартиры. Событие было драматическое. Прощались с дачей навсегда. Очень было это все трагично. Присутствовали Анна Борисовна, ее сын Сергей, Ерофеев и я. Сидели на большой террасе. Очень это все было несправедливо. Я помню, как мы собирали там вещи. Ерофеев переживал больше всех. Пил все время водку. Мы грузим, а он требует, чтобы я в магазин съездил за бутылкой для него. И я вместо того, чтобы грузить, на велике в Абрамцево гонял за бутылкой. И он тут же эту бутылку выпивал. Я-то не пил, мне неудобно, меня помогать позвали, что же напиваться в такой день. А он тут раскис совершенно. Не помогал, не грузил, только сам напился. Он очень не хотел съезжать. Наверное, даже боялся. Понимал (и Галя тоже), что у него с Делоне связан совершенно другой образ жизни, трезвый.

– Как сложилась после этого абрамцевская жизнь Ерофеева?

– Он и Галя от Делоне переехали к Грабарям (в большой дом), прожили там несколько месяцев, я даже там у них как-то ночевал. Потом съехали и зимовали в исаевском доме. Стали уже посту-

пять гонорары, и Галя хотела купить этот дом. Не получилось. Не сошлись они характерами с женой Исаева или что-то еще. Что-то там потом произошло очень неприятное. Но зиму они там провели. Печку топили. Я у них там бывал. На следующее лето переехали в генеральский поселок. А потом совсем уехали, когда поняли, что никакого постоянного пристанища они тут не найдут. Они, правда, здесь периодически появлялись. Когда Ерофеев уже был тяжело болен в 1989 г., я предложил ему пожить у меня на даче зимой. В доме было газовое отопление, они еще дровами запаслись. Здесь они прожили с октября 1989 г. до конца марта 1990 г. Я приезжал редко. Он уехал отсюда в Москву и через несколько недель лег на Каширку. У него уже были метастазы. До этого он перенес уже две операции – в 1985 г. и в 1988 г. Дар речи он потерял, говорил в аппарат. Моя дочь Настя его из-за этого боялась. В последнюю зиму его уже публиковали, пьесы ставили. Были деньги, гонорары. Ездил на премьеры своих спектаклей («Вальпургиева ночь»). И я тоже был на них. Последний раз на Каширку он лег почти сразу после возвращения из Абрамцева, буквально через несколько дней. В Москве дома пожил два-три дня. Умер в мае.

– Он объяснял, почему ему здесь нравится?

– Он не любил Москву. Очень любил природу. Он жил здесь не потому, что ему было негде жить. Галина квартира на Флотской была хорошая. Они получили эту квартиру, так как в доме, где они жили раньше, в самом центре города, в Камергерском переулке, устроили финское представительство. У них было там две комнаты в коммуналке, и им вместо них дали квартиру. Когда я с ними познакомился, квартира на Флотской уже была.

– *Говорят, он ценил старика Делоне и совсем при нем не пил. Мне об этом говорила Е. Л. Копелева, жена М. И. Грабаря. Они были с ним знакомы. Так было?*

– Да, это было так. При старике ему было как-то неудобно пить. Старик сам был человеком спортивным и не пил. Я видел, когда приходил, что он, если и пьет, то очень мало. Он вообще на меня тогда не производил впечатления алкоголика. Потом уже, это да... Я уже тогда прочитал его книгу «Москва–Петушки» и удивлялся, не понимал, он не был похож на алкоголика. Когда они уже съехали от Делоне к Грабарям, запил крепко. И у Исаева он тоже пил.

– *Что тебя привлекало в Ерофееве?*

– Мне нравилось, что он очень ко мне хорошо относился. Человек он был очень образованный, а я, хоть и филолог по образованию, многих книг не читал, особенно тех, что достать было нельзя. А он мне давал их читать. Все мне потом объяснял. Я от него, кроме всего прочего, просто много знаний почерпнул. Очень он был начитан. Поэзию великолепно знал, массу стихов знал наизусть.

Одного только Игоря Северянина стихотворений сто. Интересно с ним было очень. С ним было интересно и еще с покойным Сашкой Епифановым, внуком И. Э. Грабаря. Он тоже был исключительно образованный человек. Знал поэтов, которых у нас и не издавали. Олейников я от него первый раз, по-моему, услышал. «Мертвые души» знал большими кусками наизусть. Когда они вместе собирались, очень интересно было послушать, что они говорят. Другое дело, что наши политические взгляды были противоположные. Но мы о политике никогда с ним особо не говорили. Я никаким таким диссидентом не был. И их взгляды мне чужды. Может быть, по молодости я еще пытался как-то под них подстроиться, а в принципе сейчас понимаю, что и тогда мне это было чуждо. Я любил время, в котором я живу, а они – совсем нет. Еще мне нравилось, что я в Ерофееву мог помочь. Он тогда нуждался в поддержке, деньгах, помощи. Особенно потом, когда болен был. Я видел, что он человек какой-то гонимый. Мне хотелось им помочь. Они были гонимы почти до самого конца жизни, до 1989 г. А в 1990 г. его уже не стало. Моему другу плохо, я стараюсь помочь, пустил на дачу жить зимой, а взгляды его меня не интересуют. Он человек был не злой, добрый, очень ранимый, с обнаженной нервной системой.

– Ты понимал тогда, что он очень крупный писатель?

– Я никакого восторга от его книг не испытывал и до сих пор не испытываю. Я не говорю, что его произведения мне совсем не нравятся. Некоторые места я люблю, язык прекрасный. И потом, мне казалось, когда он жил у меня, что условия для работы ему нужно создать. Стол письменный и так далее.

– Он здесь писал в этот свой последний год?

– Нет, здесь он ничего не писал. Все написал раньше. «Вальпургиеву ночь» он написал до этого, в 84–85 гг.

– А «Лениниану»?

– Это между делом, но тоже раньше, в 1988 г. У себя на даче я не видел, чтобы он писал. Как он работал, не знаю.

– С кем еще он был здесь знаком, кроме Саши Епифанова?

– С Александром Михайловичем Леонтовичем. Он же меломан. А Веня очень любил музыку. Они много вместе слушали, разговаривали о музыке. Знаком был с Мстиславом Игоревичем Грабарем и его женой Еленой Львовной Копелевой. Про другие его дружеские отношения здесь я не знаю.

– Гале здесь нравилось? Или ей нравилось, что тут Вене хорошо?

– Ей нравилось то, что Вене нравилось. Она в нем совершенно растворилась. Она была чудесный самоотверженный человек, к сожалению, посмертно в каких-то мемуарах ее представили су-

масшедшей. Я голову могу дать на отсечение, что если бы не она, он помер бы раньше лет на десять. Она с ним носилась, пылинки с него сдувала. Жизнь ему в прямом смысле сберегла. Он ведь не ел ничего никогда, только то, что она приготовит. Готовила она хорошо. Бульончики, свежую курочку, пироги пекла, блины. Блины он любил, особенно с малиной. Малину ходили собирать в здешний малинник. Грибы любил. Я с ними ходил за грибами, на малинник. Грибы собирать он обожал. Постоянно ходил за ними в лес. Любил процесс. И я с ним собирал, хотя не люблю. Ерофеев готовить не умел, но грибы, чернушки, пытался солить. У Делоне им было хорошо. Какая-то аура была в этом доме, хотя сама дача была в плохом состоянии, в комнатах стояла непонятная какая-то мебель. А было хорошо. Они приготовят, поедят, читают вместе. Телевизора в доме не было.

– *То есть собирались они жить при старике, а вышло, что он при них?*

– Да, они ему помогали. Жили как-то почти семейно. Приезжала даже Венина мать. Делоне пролетариат вообще не любил, а тут удивлялся: «Просто продавщица, а нормальный человек, ну надо же, подумайте». Дети Б. Н. Делоне тоже иногда приезжали. Бывали гости. Хорошая атмосфера там была, дружеская. Галина там суетилась. С продуктами плохо было, надо было все эти сумки таскать, готовить. Она все это делала. Уже только после Вениной смерти ей стало совсем плохо, разум ее помутился, и она 28 августа 1993 г. выбросилась из окна.

– *Что ты в юношеском возрасте делал в поселке?*

– Ничем хорошим мы не занимались. Пьянствовали. Здесь очень хорошо пьются всякие горячительные напитки. А чем мы могли на этих дачах заниматься? Приезжали большими компаниями из Москвы. В студенческие годы я на свою дачу привозил большие компании, приходили своим ходом, все несли на себе. Было очень весело, играли на гитарах, танцевали. Все это было приусице тогдашней молодежи.

– *Была ли у тебя здесь дачная компания в 11–16 лет?*

– Особенно нет. Людей-то я знал, но не особенно близко. Знал, кроме внуков Делоне, еще Сережу Шкаринова. А вообще, «хороводы» здесь ни с кем не водил. Все свои проблемы я решал в Москве и оттуда возил друзей. Я хоть здесь и жил, и на даче постоянно кто-то жил, но я был самостоятельным. В 12 лет мог сесть на электричку, уехать, пожить некоторое время в Москве, потом приехать опять. Единственное, чем мы тут занимались, это игрой в футбол. Футбол – это было все. Сначала ходили играть в рабочий поселок, там было поле. Играли с тамошними ребятами. Там

был Сережа Аверченков. Он моего возраста. Играли и в поселке. С Мишей и Алешей Тимофеевыми познакомился позже, когда мне было лет 20. Иностранцами в доме отдыха не интересовался.

– *Имело ли для тебя значение, что рядом с поселком музей «Абрамцево»?*

– Музей – это ностальгические воспоминания. В музей ходили с раннего детства. А еще около него была пивная «Голубой Дунай». Там я первый раз из этих пузатых кружек пиво попробовал. Когда я был маленьким, на территории музея был магазин. В общем, с музеем связаны детские воспоминания. Позднее я водил туда уже своих детей. Музей, он как бы все время с нами.

– *Что для тебя Абрамцево? Что здесь такого особенного?*

– Это наша родина, здесь я живу уже 55 лет, практически с рождения. Это мой дом, дом, существующий параллельно со мной всю мою жизнь. Оставаясь здесь один, теперь, когда мне уже много лет и мысли печальные, я понимаю, что старшее поколение все ушло, многие друзья, которые здесь бывали, умерли. И Веня, и его жена Галя – моя подруга, что здесь были, тоже умерли. Каждый из них здесь оставил свой след. Остаешься здесь один и видишь их всех: этот здесь прошел, этот там, вот и шофер наш. Они все здесь. Эти воспоминания меня обступают.

– *Это сейчас. А не было ли времени, когда дача тебе была не нужна?*

– По молодости, может быть. Но в целом сейчас больше вспоминаешь детство, счастливое детство, которое здесь у нас было. Конечно, мы, дети, этого не понимали, хотелось вырасти.

– *Твои дети, Настя и Жорик, привязаны к Абрамцеву?*

– Настя живет в Италии, когда оттуда приезжает, бывает, что в московскую квартиру и не заезжает, минует ее. Прямо едут с Сережей сюда. Она и книгу стихов посвятила Абрамцеву. И Жорик любит Абрамцево.

– *Абрамцево сильно изменилось со времен твоего детства?*

– В нашей жизни все сильно меняется, конечно. И поколения уходят. Всегда, когда приходит новое поколение, оно кажется хуже, чем предыдущее.

– *Ты не считаешь, что в Абрамцево существует какая-то особенность, которая позволяет ему не меняться? Ведь другие места изменились больше.*

– Нет. Здесь все уже тоже изменилось. Прежняя аура ушла. И той атмосферы, что была в поселке нашего детства, не будет больше уже никогда.

Всеволод Игоревич Павлов (1952 г. р.).

Внук академика В. Г. Фесенкова, программист.

– Ты что-нибудь знаешь про выбор места для нашего поселка?

– Со слов моего знакомого Вани Вавилова, внука С. И. Вавилова, знаю, что выбором мест для поселков академиков под Москвой занимался Сергей Иванович лично. Во всяком случае, это точно в отношении поселка в Можжинке.

– Расскажи про жизнь на даче зимой.

– Меня привезли на дачу, когда я был совсем маленький. Мы жили здесь круглый год, до моих семи лет. Зимой я жил с бабушкой со стороны отца. С нами жила домашняя работница. Дед-академик с женой приезжали по выходным. Жили мы все в большом доме. Печки-голландки, пока не было единого котла, топили углем, а не дровами. Когда мне было лет пять, в доме появился угольный котел, от которого грелись батареи. Систему отопления отец сделал сам, прочитав по этому поводу массу специальной литературы. Сам начертил схему, произвел необходимые расчеты. Правда, без ошибок не обошлось: при монтаже не везде выдержал уклоны труб и недостаточно утеплил. Поэтому в сильные морозы систему отопления разрывало раза четыре. За котлом надо было тщательно следить. В поселке зимой жило народу очень мало. На 29-й даче жили Беловы и Хайкины, на 3-й Леонтовичи, на 9-й в маленьком домике с нянькой жил Алеша Абрикосов. Беловы в Новый год устраивали елку для детей. Дарили подарки. У меня до сих пор цела подаренная там фарфоровая собачка. Елка всегда была очень большая. У них дома поразили меня напольные часы. Одно из воспоминаний: возвращение детей Леонтовичей из школы. Я всегда смотрел, как они идут друг за другом, цепочкой. Зимой было вообще страшно скучно. Основная часть домов стояла законсервированной и не топилась. В поселок приезжали в основном те, чьи дети жили здесь зимой. Это потом, когда поставили котлы, их топил обычно Ефрем, появилась возможность приезжать зимой. Он топил у Беловых, Кочиной и еще у кого-то. Жил в подсобном хозяйстве. Сначала еду готовили на керосинках, но потом появилась газовая плита. Ее мы поставили еще тогда, когда в поселке не было централизованного привоза газовых баллонов. Персональный водитель деда привозил в багажнике машины большой газовый баллон. Потом так возить эти баллоны запретили. Управляющий Николай Федорович периодически заходил к нам – справиться, все ли в порядке.

– Кого ты помнишь из старых академиков?

– Помню деда, Белова, Белянкина, Немчинова. С Ниной Немчиновой дружила моя мать. Ее дочка, тоже Нина, – моя ровесница. Ходили к ним в гости.

– Дед с кем-нибудь здесь общался?

– Дед часто ходил к И. М. Виноградову. Когда здесь бывал Келдыш, то к нему. С астрономом с 33-й дачи, Амбарцумяном, не общался – у них были принципиальные научные разногласия. Другой его коллега – Шайн к этому времени уже умер. Общался ли дед с Леонтовичем, я не помню. Когда я вспоминаю про общение здешних академиков, у меня возникает ощущение, что, кто хотел, тот и общался. Возможно, это были рабочие отношения по Академии или по делам поселка. В Москве до переезда в академический дом на улице Дм. Ульянова в 1956 г. мы жили на ул. Чкалова. Там жило много членов Академии еще с довоенных времен.

– У тебя была детская компания? Что вы здесь делали?

– В основном валяли дурака. Дружил с Алешей Абрикосовым, Сережей Аверченковым из рабочего поселка. Мы вместе мастерили радиоприемники. Пытались делать самолетные модели. В нашу компанию, кроме того, входили другие ребята из рабочего поселка: два брата Ждановы (Жданчики), Валек Касимов. Алеша не всегда был с нами, он был более домашний. С Сережей Шкариновым ходил ловить рыбу. На рыбалку вставали рано, часов в шесть. Ездили на велосипедах на Ворю, с другой стороны от Хотькова. Ловили ершиков. Карасей ходили ловить на Разлив. Карасей еще ловили в верхнем пруду у музея. Ловили на удочку. Сережа Шкаринов был страстным рыболовом и приучил к рыбалке меня. Пойманную рыбу мы жарили и ели. Я для этого в шалаш, построенный на участке, провел электричество, и мы там жарили карасей на электрической плитке.

– То есть особо интеллектуальных развлечений у вас не было?

– Кроме занятий радиолобительством и различных рискованных опытов с электричеством ничего интересного не припоминаю.

– Какое отношение у тебя к даче, менялось ли оно с возрастом?

– У меня прекрасное отношение к даче. Хотелось бы переехать сюда совсем, но не позволяет работа. Дачу я любил и всегда рвался на нее приехать. Когда учился в 9-м классе, мать решила летом поехать со мной и отчимом на юг. Я очень не хотел уезжать с дачи, уезжал со скандалом. Мне здесь было очень хорошо. Все знакомо. Каждая тропинка, каждый листик, кустик в округе. Мы ходили здесь в походы (своей компанией), даже с ночевкой. В основном на Разлив, там было интересней.

– А хозяйство тебя не угнетает?

– Хозяйство – это прекрасно.

– *Мальчики из рабочего поселка отличались от тебя?*

– Конечно отличались. Каждый – своя индивидуальность. Но тогда, в детстве, мы были единой командой.

– *Существует мнение, что детей поселковых детских компаний объединяли высокий интеллектуальный уровень, общность воспитания и как их следствие – единство интересов.*

– Возможно, это было единство интересов по убиванию свободного времени. Но наша компания была другой, не совсем поселковой. Теперь у меня здесь практически не осталось детских друзей. Жизнь всех разбросала, кое-кто уже умер.

– *Сейчас отсутствие здесь детских друзей не снижает для тебя ценности дачи?*

– Нет. Абрамцево связано у меня с ощущением дома. Я сюда приезжаю *домой*. Наша компания распалась, когда я, кончив школу, поступил в институт, Сережа Аверченков пошел работать, Жданчики пошли учиться в техникум. Распалась из-за несовпадения каникул и просто недостатка свободного времени. Когда я был студентом, то на летние каникулы Сережина мать, Мария Андреевна Аверченкова, устроила меня работать грузчиком в лесничество, где она была бухгалтером. Жил на даче, на работу ездил на велосипеде. Все это было ради того, чтобы жить на даче, но надо было и подработать. А в это время Сережа Аверченков пришел из армии, и у него было много свободного времени. Но я еле приползал с работы. Какое уж тут общение. Еще я как-то в начале 70-х гг. совсем один жил тут зимой во время студенческой сессии. В поселке, по-моему, жило всего три человека. Я все 10 дней никого не видел кроме кошки, которую привез с собой из Москвы.

– *Домой – почему? Потому что здесь мало что изменилось или потому что не меняется твое отношение к этому месту?*

– Я же вырос здесь, можно сказать, родился. Может быть, как кошка к дому привыкает, так и я. Просто прикипел к этому месту. Приезжаю сюда каждую неделю. Здесь всегда провожу отпуск. Без Абрамцева я никуда. Никуда из него не хочу – ни за границу, и вообще никуда кроме Абрамцева в отпуск не езжу. Зачем? Изменилось тут, слава богу, мало что. Здешние новостройки на задах, и их мало видно. Конечно, грустно, что исчезла клумба. Я и памятник Сталину помню. Его было видно от въездных ворот. Для меня маленького он был очень большой.

– *Помнишь ли какие здешние сплетни?*

– Что-то не припомню. Кто где живет, знал. Но чтобы о ком-нибудь плохо говорили, не припомню. Даже если что-то и было, это

проходило мимо нас, детей. Дед вообще этого сторонился, всегда старался говорить о людях хорошо.

– *Ему нравилась дача?*

– Да, да! Любил, приезжал. Старался приезжать и зимой. Приезжали с бабушкой в субботу вечером, в воскресенье уезжали. Суббота тогда была рабочая. Бывало, что он здесь зимой жил подолгу. Иногда ему и бабушке удавалось прожить здесь месяца два. Не знаю, был ли это отпуск или так складывалась работа.

– *Что он тут делал?*

– Работал. Дед вообще работал все время. У меня о нем остались такие детские воспоминания. В Москве просыпаюсь в 6 часов. Первое, что слышу, это стук пишущей машинки. Дед всегда вставал не позже 6 утра и тут же садился работать. И на даче он вел такой же образ жизни. Он такой был человек: работал, работал, работал. Никогда не отдыхал. Еще у него была такая особенность. На даче он почти круглый год спал на лоджии второго этажа. Уходил спать в дом, только когда уже ложился снег, но ранней весной опять перебирался туда, когда еще снег не сходил. У нас перед лоджией растет здоровая елка. Он любил слушать, как она шумит на ветру.

– *На твоей памяти он ездил в организованную им обсерваторию в Казахстане?*

– Конечно. Мать развелась с отцом в 1958 г. Мне было 6 лет, и дед меня тут же забрал в Алма-Ату. Он был директором обсерватории и председателем Метеоритного комитета. И так мы с ним ездили туда-сюда. Он умер в 1972 г. У меня еще есть детские воспоминания о нем. Учась в 5-м классе, я собрал свой первый ламповый приемник. И однажды, когда я слушал по нему новости, дед зашел ко мне в комнату. В новостях говорилось про первый спускаемый аппарат «Венера-1». Аппарат определил, что на поверхности Венеры очень высокие температура и давление. В итоге аппарат сгорел. Дед все это слышит. Пожимает плечами и говорит: «Я же им говорил, что там температура такая-то и давление такое-то. Зачем это они все наделали». В смысле, аппарат запускали, с какой целью? А еще он считал, что вероятность существования жизни на Марсе очень мала.

– *Когда ты был ребенком или подростком, тебя здесь свободно отпускали с друзьями? Не следили, не беспокоились?*

– Нет. У нас было несколько шалашей. И на вашей 9-й даче тоже. Играли мы в войну, в казаков-разбойников. Эта игра происходила на горке в рабочем поселке. Ее сейчас всю застроили. К этой игре подключалось много нашего поселкового народу. Мы

в рабочем поселке на полянке своими руками сделали футбольное поле, поставили ворота. Оно, правда, было меньше, чем стандартное. Ребята из рабочего поселка приходили ко мне, а я к ним. Я знал их родителей, и они меня. В поселке была и другая компания, состоящая в основном из поселковых детей. К нашей они относились с некоторым презрением. Я, например, любил возиться со своим мопедом и всякими железками. Мопед был тогда только у меня. А ребята этой компании считали, что это «низкое» занятие. Например, такое мнение высказывал Миша Делоне.

– *Были ли здесь какие-нибудь из ряда вон выходящие события?*

– Да, здесь нашли клад. Мне эту историю рассказывали. О ней тогда все знали.

Еще помню, как сына Николая Федоровича – Льва Николаевича случайно подстрелили на охоте. Стреляли дробью. Прихожу в контору, а из него дробь вытаскивают.

Андрей Юрьевич Овчинников (1954 г. р.).

Внучатый племянник академика С. И. Вольфовича, сын академика РАМН Ю. С. Овчинникова. Врач отоларинголог, доктор медицинских наук, профессор.

– *Какая у тебя была в детстве компания?*

– Сева Фесенков (Павлов), Алеша Абрикосов, Витя Нарцесов (его родители снимали дачу сначала у Фесенковых, а потом у Кирпичевых), Даша и Алеша Леонтовичи. Потом, когда здесь стал снимать дачу Зиновий Гердт¹⁴⁰ с семьей, его приемная дочь Катя Правдина. Сережа Старк и Коля Майсурян были младше.

– *Как вы все познакомились?*

– Да, я думаю, все происходило по территориальному принципу. Все жили близко. Были знакомы еще со времен трехколесных велосипедов. Алеша и Даша Леонтовичи жили напротив, Сева жил через дачу от нас, Алеша Абрикосов – через две дачи напротив. Гердт снимал сначала у вас, а потом соседнюю. Короче говоря, одна улица собрала детей близкого возраста. Нас, наверное, друг к другу легко отпускали, и ходить за нами взрослым было недалеко. По мере взросления мои отношения с Севою не изменились.

¹⁴⁰ З. Е. Гердт (1916–1996) – актер театра и кино. Народный артист СССР (1990). В 1945–1982 гг. работал в труппе Центрального театра кукол под руководством С. В. Образцова. С 1983 г. – актер МАДТ им. М. Н. Ермоловой. Снялся в 77 фильмах, озвучил – 38. Он и его семья несколько лет снимали часть дачи у Абрикосовых, а затем у Гудцовых. Абрикосовы и жена З. Гердта, Татьяна Правдина, были знакомы раньше.

Какие были, такие и остались. Все остальные как-то потерялись, разъехались.

– Сева дружил с детьми рабочего поселка, а ты?

– Да, и я общался. Больше других – с Сережей Аверченковым. Общение с детьми рабочего поселка носило в основном спортивный характер. Играли в футбол. Собиралась команда из ребят рабочего поселка и наших. Играли друг против друга. Численность в командах была неравная, нас было больше, но деление на команды всегда было такое.

– Чем ваша детская компания занималась? Шалили?

– Я бы не сказал, что наша компания была подобием «Тимура и его команды». Много было всяких выходок и шалостей. Например, Алеша Абрикосов сделал «бомбу». Он соображал головой по части физики (или химии) лучше нас всех. Мы не знали, как ее сделать, а он знал. Мы ее взорвали и разыграли с ней целую историю. Взорвали ее под окнами дачи Соколовских (там жили две девочки) ночью и инсценировали смерть. Тащили тело кого-то из участников по снегу до ворот и поливали следы красной краской, которую где-то раздобыли. У них был большой переполох. Кроме того, мы с Севой «охотились» с духовушкой на двух людей, хорошо известных в поселке: на сторожа Ефрема (он, правда, ничего не слышал) и на рабочего Саида. (Духовушка была у Севы.) Саид нас пытался поймать, вообще реагировал бурно, тем самым обрекая себя в дальнейшем на роль жертвы. Гуляли по ночам, тайком вылезая в окно. Сева приходил ко мне и под моим окном подавал условный знак, по-моему, мяукал. Еще мы перевешивали белье, которое сохло на веревке, с одного участка на другой. Нам казалось, что это очень удачная шутка. Кроме того, тогда в поселке существовала очень хорошая вещь: спортивная или, скажем так, полуспортивная группа. Дети собирались на нашем теперешнем футбольном поле, и с ними там занимались спортивными играми типа «штандер», футбол, «вышибалы». Так что днем мы проводили время так, а ночью – по-другому.

– Сколько лет продолжались коллективные занятия детей на площадке?

– Начали водить меня туда совсем маленьким, и продолжалось это, судя по играм, до раннего школьного возраста. Для игр типа «штандер» и «вышибалы» надо было быть уже не совсем маленьким.

– Ваша компания пересекалась с другими детьми поселка?

– Пока мы были маленькими, не очень. Потом разница в возрасте перестала играть такую роль. Возникли перекресты со стар-

шими детьми. К этому времени относится и первая сигарета. Где-то вместе выпили и так далее... Подружились с жителями 46-й дачи, там было много молодежи. Но это относится ко времени, когда я был уже старшекласником.

– Старики-академики тебя интересовали? Было в них что-то интересное для тебя?

– Нашим соседом напротив был М. А. Леонтович. Он очень громко кашлял. Так громко, что, несмотря на то, что он это делал у себя на участке, слышно было у нас. Я никак не мог поверить, что это кашляет человек. Думал, у них на участке живет какое-то огромное животное. Но вообще старики-академики нас, детей, не интересовали. У них была своя компания, у нас своя. Правда, с ними (и вообще со всеми взрослыми в поселке) мы здоровались.

– С семьей Леонтовича были контакты?

– Да. Но насколько я помню, старшие Вольфовичи больше всего дружили с Немчиновым и его семьей. Там, можно сказать, были настоящие дружеские отношения, и они не ограничивались только дачными встречами. Продолжались в Москве. Я, собственно, помню дружбу только с Немчиновыми.

– Помнишь какие-нибудь разговоры о здешних обитателях, про их отношения? Что запомнилось?

– Детям это вообще было не очень интересно. Для нас специфический интерес представлял Иван Георгиевич Петровский. Интерес состоял в том, что у него были яблони, а сам он здесь редко бывал. Значит, можно было залезть и украсть яблоки.

– Я слышала от брата, Алеши Абрикосова, что он вас застукал за воровством и просил не ломать яблони. Предлагал яблоки, но это ничего не изменило.

– Да, что-то подобное было. Типичной картиной в поселке летом была пара – нянька и ребенок, собирающая по газонам поселка землянику. Ходили такие «пары» и собирали землянику в кружку. Управляющий Николай Федорович их гонял, чтобы не топтали траву, которую косил на сено в основном рабочим поселка, державшим коров. Сейчас этого уже не увидишь. Земляника с газонов исчезла. Это произошло, по-моему, сразу после того, как их перекопали, чтобы положить газовые трубы, и траву перестали косить косами.

– Помнишь Мишу Делоне и мальчиков семьи Стечкиных?

– Нет, они были старше. Тогда несколько лет разницы много значили. Так сказать, когда мы были с мороженым, они были уже с сигаретой. Мальчики у Грабарей тоже были старше, и меня туда в компанию не брали. Только с дочерью М. И. Грабаря, Машей, мы

поддерживали отношения. Зимой на елки к Леонтовичам и Беловым тоже не ходил. Не подходил по возрасту к зимующим здесь детям. Но очень завидовал тем детям, которые здесь учились.

– *Как сняли памятник Сталину, помнишь?*

– Это было совершенно неожиданно. До моей школы мы жили здесь круглый год. А тут как раз меня повезли зачем-то ненадолго в Москву. А когда вернулись, его уже не было. Въехали в поселок и обомлели: белой фигуры, видневшейся от самых ворот, нет. У меня было такое детское удивление, куда он мог деться? Взрослые были просто ошарашены. Не помню, кто из них сказал: «Упал!» Мы даже не свернули сразу к себе, а поехали прямо посмотреть, как это он мог «упасть». С удивлением обнаружили, что он не упал, а просто исчез. Пустое место – и все. Там, где он стоял, клумбы не было. Статуя стояла на постаменте в центре площадки. А тут мы увидели только грязь и следы техники, больше ничего. Клумбу на месте памятника сделали в том же году¹⁴¹.

– *Академик Семен Исаакович Вольфович часто бывал на даче?*

– Семен Исаакович, несмотря на занятость, проводил здесь много времени. Приезжал и зимой, и осенью. Вслед за Фесенковыми мы сделали отопительный котел и в большом, и в маленьком доме, топили в обоих круглый год. У нас жила постоянная истопница. Семен Исаакович приезжал и зимой, работал. Жил он наверху в большом доме. Две верхние комнаты служили ему кабинетом и спальней. «Чада и домочадцы» обитали внизу и в маленьком домике.

– *За тобой ребенком здесь пристально следили?*

– Поскольку история с моими ночными побегами довольно быстро выяснилась, наверное, следили. Но мы все равно убежали. Был у нас один поход-побег. Тогда только стали прокладывать грейдерную дорогу, там, где сейчас идет в лесу бетонка от Жучков в Жилкино. Мы решили выяснить, куда она идет, и дойти по «грейдеру» до самого конца. Изображали из себя первопроходцев. Но нам все это быстро надоело и к вечеру, как только съели взятую с собой еду, вернулись.

– *Кто был лидером в вашей детской компании?*

– Очень активным в нашей компании был Алеша Абрикосов. У нас были такие детские войны, «войнушка». Он для нее создавал интересные орудия. Изобретал. Было изобретено такое орудие – «бомбомет». Предполагалось, что этот бомбомет будет стрелять шишками, но на самом деле, чтобы нанести «противнику» боль-

¹⁴¹ По свидетельству Наталии Ивановны Обреимовой, долгое время клумбу на месте памятника называли в поселке «курганчиком».

ший ущерб, мы стреляли пакетами, начиненными стухшими поганками. С этой целью мы их собирали и гноили в течение недели. Поражение таким снарядом наносило большой урон. Для обстрела у нас были разные точки. С некоторых можно было обстреливать дорогу поселка, по которой могли пройти «вражеские силы». «Бомбомет» стрелял достаточно далеко. С Лехой было интересно.

– Ходили к Обреимовым, у которых было много птиц?

– В гости нет. У них тогда был боксер по кличке Орик. Он страшно лаял, когда мы мимо их участка проезжали на велосипеде. Мы понимали, что он из-за забора не вылезет, поэтому ездить мимо них на велосипеде и дразнить его было нашим любимым занятием. Он бегал вдоль забора и бешено лаял.

– Делали вам замечания?

– Делали. У Севы был мопед, единственный в поселке. Мопед очень не приветствовался, прежде всего его же родителями. Им, наверное, жители делали по этому поводу замечания. Ездили мы на нем за пределами поселка. Мы его катили до ворот, не заводя, и только за пределами поселка заводили. Мне даже удавалось посидеть на багажнике и проехаться.

– Были ли какие-нибудь детские разборки?

– Нет.

– Почему вы «охотились» на Саида?

– Это просто была исторически сложившаяся традиция. Если бы он на это не реагировал, мы бы не охотились, а так он очень смешно пускался за нами в погоню.

– Как ты думаешь, имеет ли значение для общей комфортности здешнего проживания тот факт, что мы здесь выросли, всех здесь знаем?

– Безусловно, имеет. Я, например, не Москву, а Абрамцево считаю своей родиной. Я здесь начал жить с двухмесячного возраста. Формирование всех детских ощущений связано с Абрамцевым. Все здесь знакомо – каждая ямка, каждая доска. Все так запечатлено в памяти, что, когда в поселке что-нибудь меняется, это сразу очень заметно. Все отпечаталось там с фотографической точностью.

– Да. Именно поэтому я ни одной живой елки на своем участке спилить не могу, даже ту, которая может упасть на дом. Ведь за время нашей жизни здесь они тоже состарились. Жалко дерево, хотя теперь это разрешено. Мне кажется, я все время буду глазами натывать на возникшую пустоту. Я каждую нашу елку помню с детства.

– Да, это так. А поскольку все, что нас здесь окружает, состоит не только из неодушевленных объектов, то весь поселок воспринимается целостно. Я даже думаю, что наш переезд из Москвы сюда на постоянное жительство – это, собственно, возврат на «историческую родину». Абрамцево дает возможность продолжения жизни в тех рамках, в которых нас воспитывали. Возможность, если хочется, общаться с теми же людьми, которых знал с детства, избегать вынужденного общения, необходимости приспособляться к чуждому окружению. Приехав из Москвы после тяжелого рабочего дня, приема больных, трудной дороги, прихожу здесь в себя через 15 минут. Бывая в других местах, в командировках, я вынужден принимать снотворное, чтобы уснуть, а здесь никогда.

– У вас на участке много лет подряд живут разные животные: козы, куры, собаки, кошки. Так было и в вашем детстве?

– Маленьким я прочитал повесть Н. Носова «Веселая семейка», и мне ужасно захотелось тоже вывести в инкубаторе цыплят. Случайно где-то в здешнем магазине мы увидели детский инкубатор. Купили. Встал вопрос, где брать яйца для выведения. Поскольку для этого магазинные не годились, за яйцами была послана делегация к Раушенбаху, у которого в это время был петух и курицы. Яйца нам дали, и их положили в инкубатор. Но чтобы из яиц вылупились цыплята, их надо было часто переворачивать, и ночью тоже. Поручили это, по-моему, маме, но она это дело как-то прозевала, и яйца стухли. Она, чтобы не расстраивать ребенка, подложила туда новые, но уже магазинные. Когда я пришел посмотреть, как идет дело с вылуплением, то обнаружил, что на яйцах стоят штампик. Это меня удивило. Но мне объяснили, что это не просто яйца, а яйца от кур Раушенбаха, а у него куры не просто куры, а «академические», и они несут яйца со знаком качества. Конечно, из магазинных яиц вылупиться ничего не могло. Но когда по моим подсчетам пришло время вылупления, родители опять меня обманули и подложили в инкубатор купленных цыплят. Сейчас у нас на участке живут и куры, и кролики, и козы. Есть две собаки, обе найденные. Их подбросили в поселок, и они к нам прибились. Кроликов держали и тогда, когда я был маленький. Когда мы переехали сюда жить постоянно, мне захотелось все это восстановить. Кролики у нас обыкновенные, из Васильевского, где кроличья ферма. Есть у нас породистая новозеландская коза. Она рождена от матери, привезенной из Новой Зеландии и козла этой породы из зоопарка. Теперь, чтобы получить соответствующее потомство, я вожу ее в г. Покров. Там есть козье хозяйство, и живет козел такой породы. У нас вся эта система работает. Кролики плодятся, куры несутся, козы дают молоко и тоже плодятся. Дают примерно 12 л молока в день. У нас и творог, и сыр, и сметана – все свое. И козлятина, и крольчатина.

Елизавета Георгиевна Заварзина (1958 г. р.).

Правнучка академика Б. Л. Исаченко, дочь академика Г. А. Заварзина. Биолог, кандидат биологических наук.

– *Какие у тебя первые воспоминания о поселке?*

– Хорошо помню, как заблудилась в кустах перед большой верандой: не очень еще уверенно хожу, держусь руками за ветки, спасли меня папа и дед.

– *Маленькой ты жила на даче круглый год?*

– Нет, в семье все работали, круглый год не жили никогда. Чтобы жить в большом доме в холодное время года, надо было топить печи, поэтому большой дом осенью закрывали и зимой им не пользовались. Если редко-редко зачем-то пробирались в него по снегу, то ощущение было, что попадаешь в волшебное царство, как в замок Спящей Красавицы. Все нелетние приезды происходили уже в маленький дом, который можно было протопить. Перед нашим приездом Ефрем Петрович, а до него, наверное, дядя Миша Штриков, протапливал дом и прокапывал дорожку в снегу. Ефрем был не только истопником, но и сторожем в поселке. Зимой приезжали ненадолго, на неделю-две; однажды зимой со мной жил дед, в другой раз, тоже зимой, я жила там с няней.

Все любили ходить на лыжах. С папой и дедом были дальние походы. Когда я выбивалась из сил, папа сцеплял друг с другом палки и тащил меня за собой. При этом он сам бежал так быстро, что у меня ветер свистел в ушах, надо было не упасть, но зато можно было распевать песни.

– *Кого из поселковых рабочих помнишь?*

– Хорошо помню Ефрема Петровича, который приходил к нам топить печки, у него был смешной лохматый пес, печника дядю Мишу Штрикова, очень доброго и приветливого, Володю Аверченкова – поразили его голубые глаза и светлые кудри.

– *Управляющего Николая Федоровича помнишь?*

– Да, очень хорошо. Он довольно часто заходил, иногда оставался обедать. У нас всегда обедали очень торжественно, не ленились носить еду на большую террасу, с разными тарелками и тарелочками, закусками и тому подобным. Когда было холодно, обедали в столовой. Впрочем, так было заведено у всех. Когда приходил Николай Федорович, они с дедом славно попивали водочку и закусывали; говорили о делах поселка. Дед входил в правление, он придумал, как разделить дачу Мироновых, Володе Аверченкову вычертил проект перестройки его части дома в рабочем поселке. Дед был необыкновенно талантливым и обаятельным человеком, с ним всем было приятно и легко общаться.

Когда дед был моложе, он ездил вместе с сыном Николая Федоровича, Львом Николаевичем, и его женой, Клеопатрой Сергеевной, на охоту. С семьей Николая Федоровича ходили вместе за грибами. Думаю, что в поселке сердечные отношения у деда были только с Николаем Федоровичем, он был обязательным гостем на днях рождения бабушки и деда.

Чужих в доме почти не бывало, гости случались нечасто, только на дни рождения деда – в июне и бабушки – в июле устраивались парадные обеды. Хотя, конечно, были хорошие знакомые: Усиевичи, Старки, Родендорфы¹⁴².

– *Что здесь дед делал? Отдыхал?*

– Отдыхал от городской жизни – да, но в нашей семье все очень много работали. И летом на даче – тоже. Не помню, чтобы кто-то когда-нибудь сидел без дела. Дед все время работал: в кабинете был его рабочий стол с чертежной доской. Помню, как он здесь делал большие проекты. Папа, приезжая в отпуск, вставал часов в шесть, и я, как впоследствии мои сестры, просыпалась под звук пишущей машинки. У папы в кабинете над письменным столом висел вырезанный из какой-то газеты заголовок: «Без права на передышку» – и это действительно было девизом его жизни, он сам так жил и нас этому учил. Отдыхом были походы за грибами, велосипедные прогулки, бадминтон, работа в саду. Папа и дед в виде отдыха что-то мастерили, возились с машиной и велосипедами, я в этом тоже участвовала. Если уж надо было что-то делать по дому, это делали все: сгребали и жгли осенние листья, пилили дрова, копали огород (которым пытались заниматься, видимо, по послевоенной привычке, без особого, впрочем, успеха). Совсем уж «ничего не делали» только после ужина: бабушка раскладывала пасьянс в столовой за столом под круглым розовым абажуром, а дед смотрел новости. Иногда они с папой смотрели «футбольчик», оба в молодости играли сами; всегда очень азартно болели за «Зенит» – все ведь родом из Ленинграда, в Москву переехали только после войны. Иногда играли в карты со Смирновыми¹⁴³, которые летом гостями жили у нас в маленьком домике.

– *Как ты считаешь, между собой первые владельцы «дружили»?*

¹⁴² Б. Б. Родендорф (1904–1997) – зоолог, энтомолог. Выпускник МГУ. Работал в Зоомузее МГУ. В 1938–1977 гг. возглавлял лабораторию членистоногих в Палеонтологическом институте АН СССР.

¹⁴³ Е. С. Смирнов (1898–1977) – энтомолог, один из крупнейших специалистов по двукрылым насекомым. Теоретик в области систематики насекомых. Основатель таксономической школы на кафедре энтомологии МГУ, которой заведовал в 1940–1977 гг. Его жена Милица Сергеевна была репрессирована. После смерти мужа продолжала жить в Абрамцево в качестве гостьи Александра Алексеевича Заварзина и его жены Нины Борисовны.

– Мне кажется, что академики друг с другом не дружили в прямом понимании этого слова. Думаю, они так уставали от вынужденного общения по службе в городе, что здесь старались хоть ненадолго отвлечься. Мамин отец (академик Ю. А. Орлов) по этой самой причине отказался от дачи в Абрамцеве, предпочел дом в «простом» поселке. Дед не был научным работником и членом Академии – он был архитектором, поэтому, думаю, ему в нашем поселке жить было проще.

– Как ты познакомилась со здешними детьми?

– Хорошо помню, как познакомилась с Таней Леонтович (Левиной), мне было три года, а Тане – четыре. Няни разговорились, когда мы проходили по кругу мимо их дачи. Кто-то из них сказал: «Вот тебе будет подружка». У Тани был серый комбинезон и плотно застегивающаяся красная шапочка. Чуть позже познакомилась у Леонтовичей с Ирой Лузиной («Иркой»), внучкой печника дяди Миши, он часто приходил в поселок вместе с ней.

– На зимних каникулах в поселке было много детей?

– Вероятно, но я помню только тех, с кем играла: были все внуки М. А. Леонтовича – Таня, близнецы Алеша и Даша и Ира – внучка дяди Миши Штрикова. В доме играть было не принято, даже зимой, исключение составляли детские елки. У Леонтовичей они были интересные – с шарадами и спектаклями. Зимой строили крепости, летом – шалаша. Мы с Таней читали одни и те же книжки, и отправной точкой была какая-нибудь героическая история, дальше уже придумывали сами. Как-то, помню, спорили, чья мама больше похожа на Наталью Николаевну Пушкину. Обеих мам зовут Натальями, но моя мама чуть моложе Таниной, поэтому побеждала по возрасту.

– Летом детей было больше?

– Да, много больше. Но моими друзьями оставались Даша с Лешей Леонтовичи и Ирка. С остальными пересекалась редко и без энтузиазма.

– Чем вы занимались?

– Очень много играли в мяч: в вышибалы до седьмого пота, меньше – во всякие салочки и колдунчики. Мой папа направлял нас в спортивное русло, устраивал соревнования, был судьей и руководителем: прыжки в длину, высоту, стометровки, бадминтон, баскетбол, волейбол. Как-то возглавил велосипедный поход в Радонеж, тогда туда вела только проселочная дорога от 55 км, шоссе построили позднее. В другой раз ездили с ним на велосипедах в Ахтырку, где полуразрушенный храм был отдан под мастерскую

скульптору Тавасиеву¹⁴⁴, и огромная конная статуя Салавата Юлаева громоздилась задом в алтарь... От Леонтовичей пришла интересная идея хождения на ходулях, и мы несколько дней красовались с особенно ободранными локтями и коленками. В моем детстве машин в поселке почти не было, велосипеды можно было оставить посередине дороги и уйти на три–четыре часа. Приезжали к кому-нибудь из друзей на велосипеде, но обычно не заводили его на участок, иногда прислоняли к забору, а чаще всего просто бросали у калитки. В мяч играли перед нашими воротами и перед воротами Леонтовичей, на ровной еще тогда бетонной дороге, она состояла из плит, и их границы были очень удобной разметкой. Ставили спектакли, я тогда сильно этим увлекалась, и это была в основном моя инициатива. Состав был такой: Леонтовичи, Ира, я, на лето приезжал из Ленинграда мой двоюродный брат Боря. Лето или два в наших спектаклях участвовал приятель Леонтовичей Леша Биргер – сын художника. Много играли в индейцев: жгли костры, варили чай из березовых листьев и ягод, пекли картошку, а дома потом удивлялись, что я не хочу есть... Когда я была в четвертом классе, мы затеяли выпуск стенной (скорее «назаборной») газеты, называлась она «Лесная Звездочка», выпущенные номера вывешивались на воротах 3-й дачи. В газете были короткие рассказы, сообщения о том, как мы собирали мусор (уже тогда!), в общем – обычная стенгазета. Папа попытался убедить нас изменить ее «октябрятско-пионерский» дух, но у него ничего не получилось. Года два мы этим занимались. По-моему, экземпляры сохранились у Леонтовичей. С 12 лет я в Абрамцеве появлялась только летом и мало с кем общалась. Тогда в поселке появились Алла Гладилина и Женя Кандель, компания стала смешанной: Сережа Старк, Галя Черная, братья Бочвары, Кот (Костя) Атабеков, Федя Григорьев, Коля Масалин, Леонтовичи. Два лета подряд приезжали абрикосовские «французские дети». Когда я училась в последних классах школы и в университете, у меня была другая компания, я много бывала в Мозжинке, а летом почти все время проводила на практиках и в экспедициях. Снова много жить на даче стала с появлением собственных детей.

– Вы играли только на «общей» территории, в дом к друзьям не ходили?

¹⁴⁴ С. Д. Тавасиев (1894–1974) – скульптор, – автор конной скульптуры – памятника национальному герою башкирского народа Салавату Юлаеву. Фигура высотой 9,8 м и весом 40 т была самой крупной статуей в СССР. Гипсовая модель памятника в натуральную величину стояла в церкви д. Ахтырка, служившей мастерской скульптору. В деревне долгое время жила и семья скульптора. Сейчас церковь восстановлена и в ней совершаются богослужения.

– В гости, в дом, ходить было не принято, для меня исключение составляла Ира, с которой мы друг у друга даже обедали. Позднее, лет с 15, бывала в доме у Обреимовых. Я дружила с внучкой Александры Ивановны Обреимовой, Надей, дочерью А. П. Капицы¹⁴⁵. Александра Ивановна все время курила «Беломор», и я была совершенно поражена, когда Надя, которой было тогда лет 16, взяла у бабушки папиросу и при ней закурила (я-то это делала потихоньку).

У Александры Ивановны было множество животных: два говорящих попугая, Ляля и Вова, всякие лесные птички, боксер Орик (Орион). Все носили Александре Ивановне вывалившихся из гнезда птенцов – для опознания вида и получения советов, как им сохранить жизнь. Самыми интересными были, разумеется, говорящие попугаи. Ляле было лет 20, и она говорила голосом первоначальных хозяев, а Вова – хрипловатым прокуренным голосом Александры Ивановны. Наталия Ивановна после смерти матери не могла этого слышать, и попугаев отдала. Я как-то была свидетелем того, как Ляля и Вова общаются: они сидели на одной жердочке, и вот Вова передвигается поближе к Ляле. Передвигается, передвигается и говорит: «Ну, поцелуй, ну, поцелуй», а она ему отвечает: «Не поцелую, уходи». Он переместился назад и хрипло сказал: «Вот сволочь!» С Александрой Ивановной общалась и моя бабушка, по поводу цветов: у Обреимовых был очень ухоженный участок.

– *Ездили куда-нибудь купаться?*

– Ездили на Ворю, но как-то это было далеко и редко, к тому же вода ледяная и территория «не наша». Вообще-то мы с Ирой уже лет в семь-восемь вдвоем забредали и за музей, на строительство плотины на Воре. А до образования нынешней Шоколадки там были отдельные прудики, в которых водилась разная живность. Папа поразил мое воображение, показав там плавунцов, разных личинок, икру лягушек и жаб и неземной красоты тритонов.

– *С кем из твоей детской компании ты продолжаешь общаться?*

– С Ирой Лузиной. Другие, с кем я стала общаться здесь во взрослой жизни, не относятся к моим друзьям детства – привязанности меняются.

– *Говорили ли что-нибудь у вас в семье про Вадима Делоне и события 1968 г.?*

– Нет. Совершенно не помню. У нас в доме при детях не было принято разговаривать на политические темы.

¹⁴⁵ А. П. Капица (1931–2011) – советский географ и геоморфолог, член-корреспондент АН СССР. Председатель Президиума Дальневосточного научного центра Академии наук.

– Не помнишь ли ты по своим детским ощущениям, были в поселке дачи, выбивающиеся из общего стиля замкнутости и некой чопорности?

– Не помню. В чужой дом без специального приглашения проникнуть могли только дети, да и это было не принято; никого не удивляло, что нас просили подождать приятеля на улице. К нам в дом можно было заходить, но, в общем, это не очень поощрялось – дед и папа работали. На улице – другое дело: взрослые были настроены очень дружелюбно, все со всеми здоровались, могли о чем-то спросить.

– Взрослые делали вам замечания, если вы как-нибудь неподобающе себя вели на дороге поселка? Вообще, какие были взаимоотношения между детьми и взрослыми жителями?

– Да, и это воспринималось нормально: в той или иной степени все были знакомы друг с другом, поэтому в порядке вещей было, если кто-то из взрослых указывал на непорядок, и недоразумений практически не случалось. Чаще всего нас ругал Николай Федорович за то, что мы топчем газон, собирая вдоль заборов землянику. Можно было получить замечание из-за собаки: наш Пайт имел обыкновение задирать лапу на клумбе. Еще за то, что мы бегали по заборам. Первые заборы в поселке были другой конструкции, чем теперешние: по верху штакетник был накрыт, как крышей, узкими досками, по которым, при большом желании и ловкости, можно было перемещаться.

– Была ли у твоей дочери Полины здесь компания и какие у этих детей были развлечения?

– Да, была очень хорошая компания из здешних детей наших друзей и знакомых. Развлечения, в общем, были такие же, как у нас, особенно когда они были маленькими. К тому времени, когда у нас появились собственные дети, благодаря усилиям управляющего Ивана Мартыновича в поселок провели магистральный газ, появились газовые котлы, стало возможно жить и зимой; мы очень много времени проводили на даче. Когда мы сами стали взрослыми, уже было принято бывать друг у друга в гостях, так что и дети тоже много времени проводили в дружественных домах. Насколько мне известно, никогда не возникало никаких неприятных ситуаций, а разные родители приносили разные оттенки и идеи в игры детей, я считаю, что это было прекрасно со всех точек зрения, и мы много времени проводили все вместе – дети и родители, и праздники стали уже общими. Позднее наши дети участвовали в концертах и карнавалах, которые устраивали здесь взрослые (Сережа Старк, Тимофеевы). Они возились со всеми детьми, не разделяя на «своих» и «чужих» – это даже в голову ни-

кому не могло бы прийти. Став постарше, дети готовили концерты уже самостоятельно.

– *Какие детские ощущения, связанные с поселком, кажутся тебе сейчас наиболее важными?*

– Конечно, это чувство безопасности, защищенности. Оно многослойное: дом и семья – ядро этого. Потом свой участок, где ты совершенно «у себя». Потом – территория поселка, его дороги. Это тоже «у себя». Да и весь поселок – это все равно «у себя». Все это было «свое» пространство. Казалось, это всегда будет неизменным. У меня хорошая память, и детство я помню так же ярко, как события недавнего времени. Кроме того, я считаю, что личность складывается под воздействием детских впечатлений, моя – точно. Поселок воспринимался как очень замкнутый социум, в котором, если не дружили все, то, по крайней мере, все друг друга знали. Все, в общем-то, были «своими»: любимые и не очень, так, как это бывает среди родственников. Недаром Сега (С. Старк. – Сост.) сказал как-то: «Все мы тут одна большая семья».

– *Как далеко для тебя простиралось «свое пространство»?*

– В меньшей степени, чем поселок, но все равно «своей» была дубовая роща и все, что до Яснушки – в одну сторону, и до Шоколадки – в другую. Собственно «чужие» владения начинались только после магазина. Никаких конфликтов у нас никогда ни с кем не было: ни с жителями Глебова, ни с «генеральскими»¹⁴⁶. Возможно, еще была очень сильна кастовость, и ни мы к ним, ни они к нам не ходили – ни дружить, ни враждовать.

– *Сохранилось ли у тебя сейчас это ощущение «своей» территории?*

– Да. Хотя, конечно, она сужается, и даже не из-за бурного строительства в округе, а из-за того, что происходит «замещение» жителей. Но ощущение, что «мы тут все одна большая семья» пока еще сохраняется, правда, относится далеко не ко всем, и нас становится все меньше. Дело не в том, владеют новые люди участками или снимают их, а в них самих: некоторые дачники совершенно вписываются в мое представление об Абрамцеве, и их чувствуешь «своими», а некоторые владельцы, несмотря на все их усилия вписаться, остаются чужаками.

– *Теперь у тебя самой взрослые дети, и приезжаешь ты сюда из Франции, где живешь большую часть времени. С каким ощущением ты возвращаешься?*

¹⁴⁶ Жителями так называемого генеральского поселка, расположенного около станции Радонеж (бывший «55 км»). Дачи в момент его организации (1945–1946 гг.) принадлежали высшим чинам Советской армии.

– С надеждой и тревогой. После прилива счастья от встречи с Абрамцевым первые дни бывает трудно вжиться. Это связано не с тем, что слабеют детские ощущения или воспоминания, а с тем, что, пока я отсутствовала, жизнь здесь продолжалась без меня и, чтобы восстановились нужные ощущения, необходимо время. К счастью, происходит это довольно быстро.

– Это так. Я, приезжая сюда (даже не так важны длительность расставания и откуда), психологически возвращаюсь в прошлое, так сильны детские, отроческие воспоминания. И я сама как будто не меняюсь. Мои отношения со здешними друзьями основаны на ощущении, что детская дружба продолжается. Но сохранять это чувство становится все труднее: стареем, очень меняемся, многих друзей уже нет. Все важнее для меня становится сам дом, участок, сад.

– Да. Думаю, дело в том, что для меня «Абрамцево» – это не просто название дачного поселка, а некое понятие, обозначающее очень многие ощущения за десятки лет моей жизни: огромная елка у наших ворот, ярко-желтый клен на детской площадке осенью, дуб у входа в дубовую рощу и белые перила лоджии большого дома, где работает за столом папа, запах Яснушки, осеннего дыма, крапивы и таволги в овраге у Вори, вкус печеной картошки, разные предметы, для других – самые обычные, а для меня имеющие огромное значение. Трудно отделить впечатления нынешние от воспоминаний детства. Вот мы с бабушкой идем по кругу, смотрим на звезды, она объясняет мне, как они называются. Дед чистит грибы, сидя на ступеньках веранды. Мама собирает букет из ромашек и полевых колокольчиков на солнечной опушке. Папа, обернувшийся ко мне на лыжне. Зимний лес. Медуница, пробившаяся сквозь прошлогодние листья. Запах отсыревших за зиму любимых книжек. Темные следы на первом осеннем снегу. Елочные иголки на подтаявшем мартовском сугробе. Море одуванчиков, знаменующее начало лета. Осень, все жгут листья; запах этого дыма – это запах ноябрьских праздников, осенних каникул, запах счастья. Этих самых важных впечатлений бесконечное множество.

И мои дед и бабушка, Никфед (Н. Ф. Шкаринов. – Сост.) и другие, «унесенные ветром», ушедшие очень давно и совсем недавно, для меня вполне реальны, я бы не удивилась, если бы вдруг встретила Асю Кирпичеву или Федю Григорьева. Я ощущаю присутствие этих людей, среди этой воображаемой компании чувствую себя уверенно и спокойно, искать новые контакты нет нужды.

– Жизнь в Абрамцеве приятна и тогда, когда ты ни с кем здесь не общаешься?

– Конечно, ведь тут мой любимый домик. Можно вообще никуда не выходить, некоторые так и делают. Мне здесь никогда не бывает скучно, я люблю просто смотреть из окна: куда ни посмотрю – все хорошо, и не хочется уезжать. Живешь – и никак не наживешься. А можно пойти в лес, пусть даже по одной и той же тропинке, тем не менее это не надоедает.

Сергей Юрьевич Старк (1960 г.р.).

Сын Ю. С. Старка. Физик, кандидат физико-математических наук. Живет и работает в Италии.

– У твоего дедушки были тут друзья?

– Да. Вот, на фотографии его компания: сам дед Сергей Борисович Старк¹⁴⁷, М. К. Тихонравов, Б. Б. Родендорф с женой Ольгой Александровной, жена приятеля деда Татьяна, Н. Ф. Шкаринов. По крайней мере один раз за лето вся эта компания собиралась основательно. Но и просто так заходили к нам.

– Что делали?

– Ели, пили, как обычно. Вся эта жизнь была только летом. Николай Федорович заезжал к бабушке практически каждый день. Заезжал на велосипеде. Некоторое время они беседовали. Иногда выпивали рюмочку, но одну, графинчик стоял в шкафу. Здесь у нас на даче жило дружественное семейство Шпаро, подруги бабушки. Они жили летом вместе с бабушкой, так как дедушка работал. Женщины вечерами часто играли в карты. Сидели за картами на террасе, попивали чаек. Я с ними тоже играл частенько, мне нравилось. Если Николай Федорович приходил вечером, он тоже садился поиграть. В общем, Николай Федорович, когда я был маленьким, присутствовал в нашей жизни постоянно.

– С кем ты жил на даче?

– Бабушка ради меня, когда я родился, ушла на пенсию. Мы с ней до моей школы много жили здесь и зимой. Так как, посетив в Москве детский сад, я заболел, она меня забирала на дачу.

¹⁴⁷ С. Б. Старк (1908–1989) – окончил Московское высшее техническое училище им. Баумана, получив квалификацию инженера-энергетика по теплосиловым установкам. С 1946 г. преподаватель в Московском институте стали и сплавов им. И. В. Сталина, с 1970 г. профессор кафедры теплотехники (позже кафедры теории и автоматизации печей) МИСиС. Под его руководством была разработана учебно-методическая база новой специализации «Физические методы очистки промышленных газов», созданы новые учебные лаборатории, новые курсы лекций, учебные пособия и учебники. Автор многочисленных монографий и учебников, посвященных проблемам теплоэнергетического хозяйства металлургических заводов, вторичных энергоресурсов и способов их использования. Последние годы занимался методами и аппаратами защиты окружающей среды.

Мы жили в маленьком домике. Так бывало несколько раз за зиму. Топили дровами и углем. Я сам таскал дрова из сарая и топил печки. Родители редко приезжали даже на субботу и воскресенье. Большой дом мы, как и все в поселке, на зиму консервировали.

– Кто еще жил зимой в поселке?

– Людей было мало. Жили Шкариновы. Снимали домик Нерсесовы. Одна из их бабушек жила постоянно, дружила с моей. Очень дружили.

– Дружба с Николаем Федоровичем шла еще от вдовы академика Комарова, Надежды Викторовны, которой твой прадедушка приходился родным братом?

– Да, думаю, что так. Он вообще был близкий человек в семье. Со слов Клеопатры Сергеевны Шкариновой мне известно, что именно она рекомендовала его на должность управляющего поселком, так как знала Николая Федоровича по работе в детском доме, который она опекала. Надежда Викторовна умерла в 1962 г. Она тоже здесь, естественно, жила. И успела меня потискать. После ее смерти дача перешла ее родному племяннику, моему деду.

– Кто получил дачу, ведь сам академик умер в 1945 г.? В поселке бытует мнение, что дачу получила сама Надежда Викторовна. Будто бы ей в порядке исключения дали дачу из уважения к мужу, который был в течение девяти лет президентом Академии наук, и за его организаторскую деятельность во время войны. Да и она сама имела перед Академией заслуги. Организовала детский дом для сирот, чьи погибшие родители работали в системе Академии.

– Точно не знаю. Комаров умер в декабре 1945 г., а приказ правительства о выделении дач датирован 14 октября 1945 г. Так что он формально мог ее получить, а его вдова вошла в права наследства. Думаю, что так и было.

– Дедушка знал публику в поселке?

– Ну да. У него тут было много давнишних знакомых: М. К. Тихонравов, энтомолог Родендорф. Он снимал здесь маленький домик сначала у Немчиновых, потом у Абрикосовых.

– Как они познакомились, знаешь?

– Не очень много. Знакомство с Тихонравовым давнее. Мой прадед Борис Викторович был человеком разносторонним. Он был металловедом, но у него была масса увлечений от садоводства до энтомологии. Был членом Энтомологического общества¹⁴⁸. Он с Тихонравовым познакомился на почве увлечения энтомоло-

¹⁴⁸ Одно из старейших биологических обществ, основано сотрудниками зоологического музея и энтомологами-любителями в Санкт-Петербурге в 1859 г. В советское время переименовано во Всесоюзное энтомологическое общество. Его директорами в разное время были Ф. Ф. Брандт, П. П. Семенов-

гией в Крыму на отдыхе, где прадед жил с семьей. (Я знаю, что Михаил Клавдиевич тоже интересовался энтомологией.) По работе Борис Викторович занимался всякими броневыми делами, легированными сталями. Основал факультет в МИСиС, который потом закончили и мой отец, и я, и где мы потом работали. Дед был член-корреспондент, доктор наук. Я прадеда не застал. Тихонравов, кажется, по возрасту попал в поколение между прадедом и дедом, но в Абрамцеве на моей памяти он дружил с дедом. Знали друг друга еще по Крыму. Может быть, там же дед познакомился с Родендорфом.

Здесь еще бывал некий Иван Петрович с женой Татьяной. (Она есть на фото.) Он, наверное, был дедушкин приятель из его военного прошлого, по закрытой части его деятельности, когда он работал в Германии. Во время войны дед служил в разведке. Он был вообще по специальности теплотехник, в период индустриализации работал на строительстве теплоцентралей. А всю войну проработал в Германии. Он знал немецкий с детства. В семье держали немца-гувернера. Тогда большинство инженерной литературы шло из Германии.

– *Про это в семье рассказывали?*

– Нет. Я знаю по отголоскам, все это скрывали. Об этом знал отец и показал мне даже фотографию деда в немецкой форме. Все люди, которые оттуда (из Германии) возвращались, должны были представить двух живых свидетелей, чтобы подтвердить, что они не сотрудничали с немцами! Если таких свидетелей не было, они автоматом шли в лагерь. Думаю, он остался в живых благодаря академику Комарову и Надежде Викторовне.

Что до бесед этой компании, я никогда не слышал, чтобы обсуждались «острые» темы. Разговоры, в общем-то, были ни о чем. Время было такое, и люди были такие. Они жили все время со страхом, всю жизнь. Поэтому беседы велись тихими голосами и без всяких «острых» тем.

– *Таких людей, как твой дед, тогдашние власти не оставляли в покое до конца жизни. Но, возможно, Абрамцево было для него местом, где он мог жить немного свободней, не под таким жестким надзором.*

– Ну, наверное. Но все равно они боялись: обходили острые углы. Михаил Клавдиевич Тихонравов тоже был секретный, а моего деда, похоже, оставили в покое. В его военном билете было написано, что он закончил войну старшим лейтенантом артиллерии. И его послевоенная деятельность с военной техникой связана не была. Он после войны переориентировался полностью и занял

ся пылегазоочисткой металлургических заводов. На ряде наших металлургических комбинатов он пробивал и проектировал пылегазоочистные установки, писал книги и учебники, готовил специалитов. Его в наших металлургических городах, где невозможно было дышать, просто на руках носили. Это к военным секретам не имело отношения.

– *Все-таки как здесь происходило их общение?*

– Они либо просто гуляли по кругу, либо, если приходили сюда, вели такие привычные беседы. Без особых застолий. Совсем близкие друзья иногда приходили на обед или по какому-то более торжественному поводу, когда устраивалось что-то специальное. Б. В. Раушенбах мог зайти, они о чем-то разговаривали тет-а-тет или прогуливались. Но подробностей я не помню.

– *Как в Абрамцеве оказалась твоя мама?*

– Семья мамы сюда приехала, когда матери было 10–11 лет. Кто-то им порекомендовал это место. Они сняли в первый раз на 12-й даче большой дом или его часть. Потом снимали помещение самого старого медпункта. Жили они здесь несколько лет. Мама и ее сестра влились в здешнюю первую компанию молодежи, куда входил сын академика Бочвара, мой отец и другие. Они все здесь переженились. Мама вышла замуж за моего отца, ее сестра – за его одноклассника. Он, по-видимому, приезжал сюда с отцом, а может быть, познакомились в Москве, так как эта компания встрелась и в Москве.

– *Как ты познакомился здесь с Колей Майсурияном?*

– Я с ним познакомился, когда ему было, может быть, месяца три от роду. Просто мамы прогуливались вместе с колясками. Так нас судьба и свела.

– *То есть были изначально знакомы ваши родители?*

– Да. А играть мы стали вместе лет с 10–12, когда начала формироваться наша компания. До этого времени не помню, чтобы мы играли.

– *Что это была за компания?*

– По сути дела, костяк большой компании составили четверо: Галя Черная, Алла Гладилина, Алеша (Базиль) Васильев, сын художника Олега Васильева, и ваш покорный слуга. Гладилины и Васильевы здесь снимали дачи. Все началось с того, что мы стали приходить посидеть на лавочке на клумбе. (Памятника Сталину тогда уже там не было, вместо него была клумба, и это поколение называет это место «клумбой», хотя ее там тоже уже нет лет 20, если не больше – *Сост.*) Нас прозвали «клумбочниками». Тогда как-то в поселке других больших детских компаний не было, прав-

да, существовала какая-то летняя компания вокруг Леонтовичей. В общем, потом к нашей изначальной компании подтянулись и все остальные. К нашим 14 годам здесь уже существовала одна большая компания.

– *Что вы делали? Водку уже пробовали?*

– Водку особо не пили, ну, может быть, один раз в неделю. Спрогнозировали нас на это, как всегда, те, кто постарше, но, в общем, эта «идея» носилась в воздухе. Вообще вся наша жизнь протекала на спортивной площадке, мы все делали на площадке – там и выпивали. Мы просто «жили» там. Мы себе отстроили там беседку. Затем другую, третью. Наше место было там. Пока собиралась наша компания, там всегда стояли беседки. В беседке мы играли в карты, домино, пели, веселились. Большие «собирушки» мы тоже устраивали там. В связи с нашей компанией следует вспомнить добрым словом Костю Старостина. Когда Андрею Вольфовичу (Овчинникову) было лет 17, у них тут была своя компания. В нее входили, из тех, кого помню: Витя Нерсесов, Костя Старостин (они здесь снимали) и наши – Катя Белянкина и тетушка моей жены, Ольга Насырова (Толстова).

Так вот, Костя Старостин был старше нас года на четыре, ему почему-то надоело развлекаться со своими ровесниками, и он занялся нами. У нас – младших – была большая компания, дружная. Мы тогда с ним делали здесь «концерты». Собственно «концерты» 90-х были как бы возобновлением наших детских. Но тогда мы делали их только для себя. И если идея наших тогдашних «концертов» исходила от нас с Майсуряном (мы оба играли на гитаре и пели), то от Кости пришла идея «кинематографа». В этом деле нужен был лидер и авторитет. Костя эту роль на себя взял и дополнил наши занятия музыкой и играми во что угодно – карты, домино, футбол, поездки на Ворю, то есть всем, чем молодежь обычно занимается летом – еще и съемками кино. Его «кинематограф» привнес новый аспект в наши развлечения. У всех возник дополнительный интерес к абрамцевской жизни, и мы все этим дружно увлекались. Сценарии, в основном, писали мы с Майсуряном. И потом всех организовывали на съемки. Это было игровое кино. Мы снимали и здесь, и в Москве. В общей сложности мы сняли восемь фильмов. Первый сфильм, по словам Майсуряна, относился к 1974 г., значит, ему и мне там по 13–14 лет. Часть фильмов сохранилась. Я их перенес на современный носитель.

– *Взрослые принимали в вашем увлечении кино участие? Кто-то вам обеспечивал техническую сторону этого дела?*

– Оборудование в основном было Костино. Может быть, в первом фильме нам помогал его отец. Когда делали первый фильм,

мы были совсем маленькими, а Косте было лет 17. Начиная со второго, делали сами все, что касалось камеры, проектора, проявки. Первый фильм, наверное, проявляли в мастерской, а может быть, это делал Костя или его отец. С третьего фильма, который назывался «Торжество», уже всё делали сами. В основном этим занимались я и Костя. Пленку мы искали хорошую: цветную немецкую. Ее, наверное, покупали вскладчину. Знали, что она была приличного цвета, и уже сами все проявляли, а было это не так просто. Все организовывали дома у Кости с Галей в Москве. (Костя женился на Гале Черной, дочери академика Г. Г. Черного, был ее первым мужем.) Там проявляли, клеили. Камера была Кости, проекторы были у Майсурына и у Гали. Я озадачился, как их озвучить, и сделал такую систему, чтобы можно было их смотреть со звуком. Кассетный магнитофон синхронизировали с видеопроектором. Монтаж, склейку мы делали с Костей.

– *А в спортивные игры играли?*

– Мы играли в футбол, одно время – в бадминтон. Это было нормой.

– *Подражали старшим, которые тоже здесь этим занимались?*

– Нет, просто любили играть в футбол. Был костяк компании – 3–4 человека, которым это нравилось, и они заводили остальных.

– *Были ли у вас коллективные походы по окрестностям?*

– Раза 2–3. Первый раз всей компанией на велосипедах решили поехать на Торбеево озеро. Доехали туда с трудом. Ярославское шоссе в обход Загорска тогда только строилось, и от выезда из Хотькова ехали по пустому, еще не открытому шоссе. Доехали до Загорска, а обратно почти все возвращались на электричке. Только я и кто-то еще ехали домой на велосипеде. Помню, что добрался еле живой. Второй раз был велопробег в Озерецкое. Еще ездили в Уголки.

– *Вам хватало территории поселка? Не особенно стремились за его границы?*

– Да, никаких особых интересов за его пределами у нас не было. Ну, может быть, мы иногда ходили в дубовую рощу или ездили купаться на Ворю, но не более того. В основном мы сидели на площадке или на очень гостеприимной терраске у Майсурына. Там мы проводили время, когда была плохая погода. Вот когда снимали фильмы, то уже шастали по округе везде. У нас в фильмах есть и Хотьковский железнодорожный мост, станции Хотьково, Загорск и так далее.

– *Похоже, ваша компания качественно отличалась от предыдущих и последующих, развлечения которых повторяют друг друга с незна-*

чительными отклонениями. А вы были заняты интересным делом, требующим технических навыков, кино снимали.

– Угу, я уже к этому моменту очень интересовался всякой техникой такого рода, Костя вообще закончил физический факультет МГУ. Но у нас была еще одна область интересов, которая всех сплачивала, помимо спорта, сиденья на площадке и участия в фильмах – музыкальная.

– Как это было?

– Я очень хотел играть на гитаре. Первая гитара у меня появилась в 11 лет. Ее мне купила мама. Научился я на ней играть, что называется, с «миру по нитке». В какой-то момент по части музыки мы объединились с Майсуряном. Я его научил играть на гитаре.

– Что вы играли?

– У меня не было музыкальных пристрастий. А у Майсуряна были. Я пел любые понравившиеся мне песни. Их было около 300. Стали сочинять и свое, записывали альбомы и устраивали концерты. Для самого известного в поселке альбома «Покидая город» и музыку, и слова писал Майсурян с моим участием.

– Ваша компания существовала только здесь или дружеские отношения продолжались и в городе?

– Да, мы собирались и в Москве, компания была достаточно универсальная. Она существует в той или иной степени и сейчас. Никто никакой другой не нашел, хотя все и разбежались по свету. Все как-то связаны.

– Как долго продержалась ваша компания?

– Трудно сказать, но долго. До окончания института и дальше. С 1991 г. началась волна эмиграции, многие уехали, в том числе и я. Стал «приезжающим из Италии». А потом эти десять лет кризиса (1991–2000 гг.) сыграли свою роль. Никому тогда общаться не хотелось. С одной стороны, кризис в стране, с другой стороны, у многих в этот период были проблемы в личной и профессиональной жизни. Все это вместе сложилось. В принципе, какие-то связи у кого-то с кем-то есть за границей. Другое дело, есть ли желание.

– Кто был у вас лидер?

– Галя Черная, она была самая главная. Вот неполный список членов нашей компании: Коля Майсурян, Юля Соколовская, покойный Коля Масалин, Бамбик (Андрей Левин), Базиль (Алексей Васильев, сын художника Олега Васильева, снимавшего здесь дачу. – Сост.), Толя и Сережа Бочвары, Коля Шкаринов, Костя Атабеков, Миша Моржин, покойный Федя Григорьев, Женя Кандель, Саша Нечаев. На раннем этапе в нее входили и близнецы

Леша и Даша Леонтовичи, а также Даша Ефремова. Потом они отдалились. Алла Гладилина тоже была с нами. (В 1974 г. она уехала с родителями во Францию. Базиль уехал с отцом в Америку.) Это еще неполный состав компании. Там были и наши, поселковые, и много детей дачников. Хорошо, что часть фильмов удалось переснять на видео. Ребята все там есть.

– *В чем все-таки особенность нашего поселка? Понятно, что мы тут уже долго живем, друг друга много лет знаем, но, может быть, есть что-то еще, что отличает наш поселок от других дачных поселений?*

– Изначально в поселке получили дачи люди, воспитанные в одной системе ценностей. Их взгляды были более или менее едины. Едины были и нормы поведения. Позже здесь появились новые поколения – дети, внуки, правнуки. Примером для них служили их родственники, добившиеся всего в жизни собственным, в данном случае умственным, трудом. У всех здесь была примерно одинаковая шкала ценностей. Умственный труд вызывал уважение, кроме того, в кругу академиков он приносил материальные блага. Поэтому занятия такого же рода для детей и внуков были естественны, другого, в общем-то, не предполагали. Например, в нашей компании не было двоечников, все окончили школу, поступили в институты. Вот из-за этого единого взгляда на мир и получилось, что все мы тут одна большая семья.

Дмитрий Андреевич Лундин¹⁴⁹ (1978 г. р.).

Правнук академика А. И. Абрикосова, сын Н. Ю. Абрикосовой. Химик.

– *Ты живешь в поселке с самого рождения. Знаешь, как он был организован, кто были эти люди, которые стали его первыми жителями?*

– Ну, в общем знаю. Знаю, по какому поводу он был организован. Может быть, и не знаю тех, кто здесь жил с самого начала, всех академиков, но многих знаю. И чем кто занимался, и чем они были знамениты, и когда поселок образовался, знаю.

– *По какому же поводу он организовался?*

– Иосиф Виссарионович тем ученым, кого не посадил к 1947 г., подарил дачи в четырех дачных поселках. Один был расположен под Питером и три под Москвой.

– *Когда ты это узнал?*

¹⁴⁹ Д. А. Лундин относится ко второму поколению детей, выросших в поселке.

– Точно не знаю. И даже не могу сказать, от кого узнал. Мне кажется, что в конторе долгое время под стеклом лежал указ об образовании этих поселков. Да и ты мне все уши прожужжала про поселок. У Шаховой¹⁵⁰ еще была передача про это.

– Мне кажется, ты присутствовал на праздновании юбилея образования поселка в 1997 г., где подробно все рассказывали. Это были истории, так сказать, из первых уст. Сейчас, спустя 10 лет, мало кто остался из свидетелей того времени: Ю. С. Старк и А. А. Тимофеев умерли.

– Да, но я и ребята не очень слушали. А то, что в поселке все первые владельцы дач были академиками, мне стало известно, по-моему, раньше.

– Что же вы делали в момент их выступления, выпивали?

– Нет, мы тоже выступали на этом юбилее и готовились. А то, что выступали Юрий Сергеевич Старк, Александр Андреевич Тимофеев и Александр Михайлович Леонтович, помню.

– Кого из живших здесь академиков ты помнишь?

– Живых? Живых я застал только Охоцимского, Кнунянца, Раушенбаха, Черного, А. А. Абрикосова, Моница. Дедушку Рубика, Ениколопова, я, наверное, видел, но не помню. Н. Н. Семенова, но он меня не очень интересовал, я был маленький, а он меня, говорят, называл «прелестной девочкой». А из самых первых владельцев-академиков, как мне кажется, я живых уже не застал никого. Но поименно старых владельцев я знаю почти всех. Особенно после твоих изысканий.

– Тебе было интересно узнать, чем они занимались?

– Не очень, но что-то я знаю. Например, что Гудцов изобрел новые сплавы, Семенов – теорию цепных реакций. Мне было件нятно, чем занимались Леонтович, Грабарь, Ениколопов. Кроме того, мне были в основном известны научные заслуги всех академиков, с чьими внуками, правнуками и праправнуками я общался: внуками академика Кнунянца, Ениколопова, Моница, правнуком Белова, правнучкой Грабаря, праправнуками Прасолова, прапраправнуками Павлова. Правда, например, чем занимался академик Уразов, я до сих пор толком не знаю. Позже, когда я учился на химфаке, мне стало известно, кто такие Бочвар, Петровский, Келдыш, дачу которого купил дедушка Рубика. Каким-то образом я выяснил область занятий обоих академиков Виноградовых. Конечно, про тех, кто арендовал здесь дачи или чьи наследники здесь не живут, мне ничего не известно. Они исчезли из поселка до моего рождения. Я слышал только их фамилии: Стечкин, Делоне. Про бывшего владельца дачи № 28, академика Микулина, я

¹⁵⁰ Имеется в виду телевизионная передача Марии Шаховой «Дачники».

узнал, потому что его сын был каскадером и на его даче стояли совершенно раздолбанные машины. Их, вероятно, снимали в каком-то фильме. Стоял совершенно разбитый 40-й «Москвич», и какой-то «Опель-кадет». Такие машины были редкостью.

– *Помнишь, у них на даче одно время стоял огромный грузовик, в кузове которого стоял еще один маленький грузовичок, и оба имели камуфляжную окраску? Мы с тобой совсем маленьким ходили их разглядывать.*

– Очень смутно. Из машин я еще помню старый-старый грузовик с фанерной кабиной, который стоял на водокачке. Это было, когда я был совсем маленький.

– *Ну да. Это была наша «Ласточка», ЗИС-5. Твои приятели тебе известны под фамилиями первоначальных владельцев дач?*

– Да, так в поселке принято. На самом деле у них совершенно другие фамилии, за исключением, может быть, Рубика Ениколопова и сестер Кнунянц. Но в поселке они известны по фамилиям бывших владельцев дач, их дедушек, прадедушек или даже прапрадедушек: Коля Белов, Гоша Уразов, Саша Павлов, Маша Фесенкова, Андрей Монин, а я – Абрикосов.

– *Тот факт, что вы все внуки или правнуки академиков, когда-нибудь вами в компании обсуждался или вы вообще об этом не вспоминаете?*

– Вообще говоря, нет. Хотя, мне кажется, что каждый про себя это помнит и понимает.

Иногда те, кто еще застал своих дедушек живыми: Ляля Кнунянц, Рубик Ениколопов – про них рассказывают. Но правнуки и прапраправнуки воспоминаний такого рода не имеют.

– *Кроме общения со сверстниками у тебя здесь есть опыт общения с их родителями. Ты замечаешь, что здесь уровень доброжелательности несколько выше, чем в других местах?*

– Я бы не назвал это доброжелательностью, это скорее какая-то общая атмосфера. Мы это обсуждали не далее как вчера, сидя у родителей моего друга. В моем детстве здесь можно было зайти в любой дом, попить чай и потрепаться. Теперь уже не в любой. Кроме того, появились новые люди, которые купили здесь дачу. Раньше поселок был более закрытый.

– *Может быть, лучше сказать – единый? Что ты имеешь в виду?*

– Сейчас здешнее общество уже сильно расслоилось. Раньше оно было более однородным. Мнения жителей по каким-то вопросам чаще всего совпадали. Сейчас мнения даже давних жителей поселка могут быть противоположными, например, относительно охраны, хотя по каким-то другим вопросам, касающимся уклада

жизни, они по-прежнему совпадают. У «новых» может быть совсем другой взгляд на все.

– Ты считаешь, что расслоение произошло на твоей памяти?

– Да, именно на моей.

– А что такое для тебя пространство поселка? Как ты его воспринимал? Оно все было твоим?

– Оно и сейчас все мое. Весь поселок. Меня даже здесь называли: «друг семьи всего поселка», поскольку я знал очень многих. Но, конечно, и тогда были дачи, куда я никогда не ходил. Сейчас таких стало больше, и там живут другие люди, которые здесь раньше не жили.

– К старым жителям пойдешь так же свободно, как раньше?

– Могу, по крайней мере.

– Тебе хватало общения внутри поселка? Не хотелось завести друзей, например, в генеральском поселке или в поселке художников?

– Да, вполне хватало! Более того, мне и сейчас его хватает. Все мои лучшие друзья отсюда. Дай бог, это останется так навсегда.

– Твой дом в поселке для тебя очень важен?

– Это, извините, моя родина. С этим домом и поселком связана вся моя жизнь. Абрамцево – это то, о чем я бы очень тосковал, если бы пришлось уехать жить за границу.

– Тебе известно, что, вообще говоря, Абрамцево – место, связанное с русской культурой?

– Да, но говоря об Абрамцеве, я имею в виду не вообще это место, а только наш поселок и, собственно, людей, его населяющих, именно его атмосферу. Наверное, в поселке художников или композиторов тоже очень мило и хорошо, может быть, даже лучше, поскольку они расположены на берегу Вори, пусть в ней нельзя уже купаться, но приятно, когда дом стоит на высоком берегу реки. Но в нашем поселке все его устройство: замкнутость территории, небольшое число дач, изолированность в лесу – все это отличает его от многих других мне известных поселков.

– То, что ты подружился со своими сверстниками, живущими здесь на тех же правах, что и ты, это все-таки счастливое стечение обстоятельств. Подумай, могло быть все по-другому, и ты, находясь вынужденно в довольно замкнутом пространстве, мог тяготиться существующим здесь обществом. Почему почти все здешние дети твоего возраста оказались твоими друзьями?

– Между нами маленькими не было никаких ярких противоречий, все мы – сверстники – общались между собой. Мы этой боль-

шой компанией общаемся и сейчас, но из всех близкими моими друзьями стали только четверо.

– Вы познакомились сами или вас познакомили родители?

– Сами. В моих первых детских воспоминаниях я уже знаком с Лизой Епифановой и с Федотом. Мне кажется, потому, что родители Феда тогда снимали соседнюю с нами дачу, а Лиза жила по нашей линии через три дома. (На самом деле он с Лизой познакомился, потому что я очень близко дружила с ее родителями – Сашей Епифановым (Грабарем) и Зиной. Естественно, мы познакомили и детей. – Сост.)

– Считаешь ли ты, что Абрамцево сыграло большую роль в становлении твоей личности?

– Безусловно.

– Отдаешь ли ты себе отчет в том, что тогда в пределах поселка вам была предоставлена почти полная свобода. И это было связано не только с беспечностью ваших тогда еще молодых родителей, но и с тем, что они сами тоже выросли здесь и считали все происходящее здесь совершенно безопасным?

– Ну, тогда вообще многое считалось безопасным. Я и в городе в 8 лет ездил один в общественном транспорте. А здесь замкнутость пространства подразумевала безопасность. Во всяком случае, в мои 12–14 лет. Как ты помнишь, из генеральского поселка к нам стали ходить много позже. Здесь за нами, действительно, никто из родителей не следил.

– Ты вырос среди очень красивой природы. Можешь ли ты сказать, что ты ее полюбил или, хотя бы, ее замечаешь?

– Нет. Природа в моей привязанности к поселку не играет особой роли.

– Тебе было здесь когда-нибудь скучно?

– Нет, не очень. Бывало тоскливо из-за плохой погоды, дождя и холода в конце августа.

– Ты считаешь, что сейчас поселок изменился из-за того, что в него влились незнакомые тебе новые люди?

– Да. Вырождается потихонечку. Изменяется состав жителей.

– Что вырождается?

– Вырождение таких социумов неизбежно.

– Ты считаешь, что поселок тому пример?

– Да, в какой-то степени, конечно.

– Это происходит потому, что на поселок оказывается давление извне со стороны купивших их дачи «новых русских» и изменивших-

ся обстоятельств в государстве или он разлагается, так сказать, изнутри, из-за того, что люди, сейчас здесь проживающие, в основном не принадлежат к научной элите?

– По-видимому, и то, и другое. Люди изменились. Имея возможность легко получать информацию в доступной форме, они перестали задумываться над проблемами, требующими более глубоких знаний и более высокого уровня культурного развития. Конечно, нельзя сравнивать уровень первых владельцев и нынешних. С этой точки зрения история поселка регрессивна. Например, мой культурный уровень ниже, чем мамин и, наверное, так было и с ней по сравнению с ее мамой и бабушкой.

– Это уж точно. Моя бабушка была во всех отношениях много образованней и меня, и тебя. Уж я не говорю, что она знала три иностранных языка и на двух из них свободно говорила. Дедушку обсуждать вообще бессмысленно. Что касается этого твоего «перестали задумываться», это, извините, смотря кто.

– Социум меняется. Все больше видна разница между старыми, исконными жителями, и новыми. У нас как бы свое общество, у них другое. Никто из приехавших (сегодняшние дачники, новые владельцы) в этот наш существующий уже социум, как мне кажется, не вошел. Скорее, они создали собственный.

– Сережа Старк, организатор и инициатор абрамцевских концертов, много значил в твоей здешней детской жизни?

– Да, в течение двух-трех лет он был центром притяжения для какой-то части моих сверстников. Он был единственный взрослый человек, который с нами возился, и пока думалось, что это классно и интересно, он был для нас очень важен. Два-три года под его руководством часть моих сверстников, – Рубик, Полина Мэмми, Наташа Леонтович, Настя Толстова, Нина Старк и я – готовили концерты, но большинство моей компании в этом участия не принимало. Потом мы потеряли к концертам интерес. Но вообще это было прикольно. Я бы и сам с удовольствием был на месте Сережи Старка.

– Почему ты принимал участие в концертах? Петь любил?

– Я не помню. Мне тогда это нравилось. Ну, я вообще люблю коллективные действия.

– Как произошел инцидент с подростками из генеральского поселка, которые пришли на один из концертов? Они сразу стали драться?

– В общем, да. Они и до того приходили в поселок, когда мы сидели своей компанией и выпивали в «беседке» на футбольном поле. А тогда пришли, стали лезть и испортили все на фиг.

– Вы не хотели никакого нового общения и не принимали пришлых?

– Ну, мама, они были грубы, пьяны, отвратительные, хамские!!!

– А вы-то сами, что, не были такими же?

– Ну, мы-то были пьяными, но мы не хамили, не предъявляли дурацких требований. Большая драка случилась на карнавале, потому что они потребовали, чтобы мы продолжали крутить музыку, а мы после того, как они пришли, решили все это свернуть. У нас были свои поселковые «тихие веселья», был карнавал, наше, так сказать, корпоративное развлечение, а они хотели бухать, орать, бить, приставать к нашим девочкам... Ну, и произошел конфликт¹⁵¹.

– У тебя в поселке, кроме сверстников, есть близкие знакомые много старше тебя?

– Я очень люблю общаться с родителями моего друга Саши Сахарнова (Павлова), с ними мне интересно. Люблю папу Коли Тришкина (Белова), Юру. Он с нами всегда играл в футбол, относился к нам очень доброжелательно, он очень добрый. Довольно хорошо знаю Севу Фесенкова, папу Маши. Вообще-то он человек необщительный. Для меня он человек приятный, ко мне относился всегда очень по-доброму. С родителями Саши и Ляли Кнунянц вместе, когда были маленькие, играли в шарады. А теперь играем сами, в своей компании.

– Таким образом, некоторые из родителей твоих сверстников, когда ты повзрослел, стали и твоими близкими знакомыми?

– Да, и что приятно, они меня воспринимают как взрослого, равного, что мне очень льстит. Это мне кажется правильным и делает общение особенно приятным.

– Как ты думаешь, имеет ли значение в твоём общении со взрослыми тот факт, что и я хорошо их знаю, а мои родители, в свою очередь, знали их родителей, а бабушка – их бабушек?

– Подсознательно, думаю, да. Но на самом деле это значит только то, что мы все можем говорить на одном языке. Вообще в этом поселке большая концентрация людей, с которыми у меня общий язык, представления, понятия, жизненные установки, так сказать, «реперные» точки. Такие люди мне встречались и вне поселка, просто здесь они сконцентрированы. Связано это, конечно, с тем, что изначально его заселили люди очень высокого интеллекта и одного социального слоя, а мы все их потомки. Поэтому при общении не так важно, знали ли наши родители друг друга

¹⁵¹ Подробно об этой истории рассказано в воспоминаниях Н. А. Тимофеевой, с. 361.

или нет, важнее, что все воспитаны примерно одинаково. Отсюда некая общность взглядов и так далее. Ну и, конечно, к этим людям подбираются такие же. Я имею в виду, на ком жители поселка женятся или за кого выходят замуж.

– Ты воспринимаешь Марию Андреевну Аверченкову, мою няню, как родственницу? Ты помнишь, как мы жили у них в рабочем поселке зимой, когда наша дача не отапливалась? Или как тебе маленькому специально жарили картошку, которую ты страстно любил? Она с мужем Володей и дочкой Наташей тебя крестила. Наташа твоя крестная.

– Да, конечно, помню. К Мусе я отношусь скорее как к дальней родственнице. Я к ней был больше привязан и лучше знал, когда был совсем маленький. Потом я с ней долго совсем не общался. Общение возобновилось совсем недавно, когда она стала няней Маши Плавинской и поселилась у нас в большом доме¹⁵². Я к ней очень тепло отношусь, но не так с ней близок, как ты.

– Знаешь ли ты людей, которые обслуживают наш поселок?

– Конечно. Я хорошо помню предыдущего управляющего Ивана Мартыновича. Александр Сергеевич, наш бывший рабочий, всегда с нами разговаривал, улыбался, шутил. Александр Дмитриевич – управляющий был строже. Они знали нас по именам. С ними связано мое детство, они были «всегда», как и Саид. Я Саида помню даже раньше, чем Александра Сергеевича и Александра Дмитриевича. Саид был неотъемлемой частью поселка. Часто приходил к нам. Что-то говорил про бабушку и про прабабушку тоже. Он их хорошо помнил. Особенно прабабушку. Денег впрямую, по-моему, никогда не просил. Он или по мелочи помогал, или что-нибудь приносил. Сил у него на физическую работу уже не было. Например, наша щеколда блестящая¹⁵³ на калитке им принесена. Помогал корни вытаскивать, когда разбивали перед домиком клумбу. Однажды принес букет цветов, тебе подарил. Какой-то он был вечный персонаж. Он с нами, детьми, разговаривал, рассказывал про какой-то клад. Он был забавный. Мы над ним, может быть, немножко подтрунивали, подкалывали. Но он был постоянно навеселе, поэтому, наверное, не понимал и не обижался.

¹⁵² Интервью взято в 2007 г., когда М. А. Аверченкова была жива. Маша Плавинская стала последней воспитанницей М. А. Аверченковой.

¹⁵³ Эту щеколду у нас украли в 2012 г. собиратели лома. Жалко, была память о Саиде.

– Да, Саид был хороший. Все мне говорил: «Я Вашу бабушку помню, позвольте ручку поцеловать». Даже не знаю, откуда была у него такая галантность. Жаловался мне на жену, нелюбимую Катю, что она ему говорила: «Когда ты сдохнешь, татарская морда?» Обижался: «А сама-то она кто, тоже татарка». Все они уже умерли.

– Ну, да.

– Почему ты не приобретаешь новых друзей? У тебя не возникло настоящих друзей ни в школе, ни в университете?

– Мне достаточно абрамцевских, они интереснее.

Глава 3

Новые владельцы

Время появления новых владельцев дач в границах существующего поселка охватывает период со второй половины 1950-х по 1980-е гг. Это были академики или члены-корреспонденты, либо купившие ее у наследников первых дачевладельцев либо выкупившие ее из аренды у Академии¹⁵⁴. В ряде случаев они не были людьми «со стороны», поскольку, до того как стать собственниками, они несколько лет арендовали здесь дачу. Ниже приводится список новых дачевладельцев.

Дача № 29. **Николай Васильевич Белов (1891–1982)**. Кристаллограф и геохимик. Член-корреспондент АН СССР с 1946 г., академик с 1953 г. Фундаментальные труды по методике и теории рентгеноструктурного анализа, кристаллографии, структурной минералогии и геохимии. Разработал теорию симметрии плотнейших упаковок атомов и с ее позиций рассмотрел структуры ионных кристаллов и металлических фаз, что позволило ему расшифровать свыше 500 сложных структур и вывести 1651 группу антисимметрии. Сформулировал основные закономерности кристаллохимии силикатов. Под его руководством выяснена структура свыше 100 силикатов и их аналогов, в том числе линейчатые и кольчатые силикаты (эпидот, волластонит и др.). Совместно с Г. Б. Бокием открыл закономерность морфотропии в гомологических рядах полупроводник – металл. С 1918 по 1924 г. занимался инженерно-технической деятельностью в г. Овруче, где проектировал и строил мосты и здания, инспектировал местную промышленность, в 1920–1921 гг. заведовал Овручским совнархозом; был уполномоченным губсовнархоза, губторга, членом

¹⁵⁴ Совет Министров распоряжением от 8 мая 1956 г. № 2569-р разрешил Академии наук СССР продавать академикам приобретенные ей в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 9 марта 1949 г. № 965 дачи по оценке на день продажи.

уездного ревкома. В 1921 г. окончил металлургическое отделение Петербургского политехнического института и получил звание инженера-химика по электрохимической специальности. С 1924 г. сотрудник, позже заведующий Центральной химической лабораторией Ленкомтреста, а с 1929 г. по совместительству заведующий химической лабораторией Института по изучению Севера (ныне Институт Арктики и Антарктики), с 1933 г. старший специалист в Ломоносовском институте АН СССР, созданном А. Е. Ферсманом. С 1938 г. заведующий рентгеновской лабораторией в лаборатории кристаллографии АН СССР, возглавляемой А. В. Шубниковым. С 1944 г., после преобразования лаборатории А. В. Шубникова в Институт кристаллографии, заведовал там структурным отделом. С 1946 г. профессор Горьковского университета, с 1953 г. профессор, а с 1961 г. – заведующий кафедрой кристаллографии и кристаллохимии геологического факультета МГУ. Председатель Национального комитета советских кристаллографов (1955), президент Исполнительного комитета Международного союза кристаллографов (1966–1969). Герой Социалистического Труда (1969). Сталинская премия (1952), Ленинская премия (1974). При непосредственном участии Белова созданы два кристаллохимических музея – в Ленинграде и в Москве.

Дача № 21. **Георгий Борисович Бокий (1909–2001)**. Кристаллограф и кристаллохимик. Член-корреспондент АН СССР с 1958 г. Основные труды по кристаллохимии комплексных соединений, минералов и истории кристаллографии. В 1930–1958 гг. работал в Институте общей неорганической химии АН СССР. В 1939–1963 гг. преподавал в МГУ. С 1963 г. работал в Институте радиоэлектроники АН СССР. С 1972 г. заведующий лабораторией рентгенструктурного анализа Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии (ИГЕМ) РАН и Советник при дирекции.

Дача № 40. **Николай Сергеевич Ениколопов (Ениколопан) (1924–1993)**. Физикохимик. Академик АН СССР с 1976 г. Основные работы посвящены изучению кинетики и механизма химических реакций. Исследовал цепные реакции окисления углеводородов. Открыл в 1962 г. новый элементарный акт полимеризации – передачу цепи с разрывом. На основе этого эффекта разработал новые способы синтеза полимеров и технологию получения важных конструкционных термопластов. Кинетические, термодинамические и структурные исследования обратимой гетерогенной полимеризации привели его к созданию в 1970 г. метода регулирования молекулярных и надмолекулярных структур

полимеров непосредственно в ходе их синтеза. В 1968 г. показал возможность полимеризации при высоких давлениях в сочетании с деформациями сдвига. На основе изучения кинетики образования трехмерных структур и строгого выбора условий отверждения с 1972 г. разрабатывал пути создания высокопрочных композиционных материалов. В 1981 г. обнаружил явление стимулированной давлением инъекции электронов из токопроводящих частиц в полимерные диэлектрики, что позволило предложить новый подход к созданию электропроводящих полимерных материалов. Развил теорию, позволяющую оптимизировать процесс получения крупногабаритных и толстостенных изделий из композитов. В 1975 г. предложил методы наполнения термопластов минеральными наполнителями непосредственно в ходе полимеризации. С 1985 г. директор основанного им Института синтетических полимерных материалов АН СССР. Под его руководством защищено 50 докторских и 200 кандидатских диссертаций. Автор более 1000 научных трудов. Лауреат Ленинской премии (1980).

Дача № 43. **Юрий Павлович Казаков (1927–1982)**. Писатель-прозаик. В 1951 г. окончил музыкальное училище им. Гнесиных. Был принят в состав оркестра Музыкального театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. В 1958 г. окончил Литературный институт им. М. Горького. В 50–60-х гг. вышли книги: «На полустанке», «По дороге», «Легкая жизнь», «Голубое и зеленое», «Запах хлеба», «Арктур – гончий пес», «Двое в декабре» и др., в 1961 г. издан сборник очерков «Северный дневник», в 1969 г. – сборник рассказов «Осень в дубовых лесах», в 1977 г. – «Во сне ты горько плакал». Посмертно издана книга «Две ночи» («Разлучение душ») с неопубликованными произведениями.

Дача № 41. **Иван Львович Кнунянц (1906–1990)**. Химик-органик. Академик АН СССР с 1953 г. Исследования в области фтор-, сероорганических и гетероциклических соединений. Разработал промышленные методы синтеза новых мономеров, термостойких полимеров и лекарственных препаратов. Создал научную школу химии фторорганических соединений. Автор более 200 изобретений, многие из которых реализованы в промышленности. Генерал-майор инженерных войск. С 1932 г. преподавал в Военной академии химической защиты им. С. К. Тимошенко, в 1938 г. возглавил там кафедру, одновременно заведовал лабораторией Института элементоорганических соединений АН СССР. Герой Социалистического Труда (1966). Сталинская премия (1943, 1948 и 1950), Ленинская премия (1972). Член КПСС с 1941 г. В 1955 г. подписал «письмо трехсот».

Дача № 23. **Чеслав Васильевич Копецкий (1932–1988)**. Химик и металлург. Член-корреспондент АН СССР с 1979 г. Основные исследования посвящены разработке методов получения и изучения высококачественных металлов и сплавов, изучению физики и химии поверхности металлов и сплавов (в частности, межзеренных границ), созданию технологии тугоплавких металлов и сплавов. Разработал метод электронно-лучевой зонной плавки тугоплавких металлов высокой чистоты, комплексные методы получения металлов высокой степени чистоты. Сформулировал основные структурные принципы технологии обработки тугоплавких металлов с объемно центрированной кубической решеткой. Экспериментально установил основные свойства межзеренных большеугловых границ зерен в высококачественных металлах, обнаружил эффекты отрыва границы от примесей, безактивационного движения границ и др. Разработал методы контроля, нашедшие применение в микроэлектронике. Окончил Московский институт стали и сплавов (1954), до 1957 г. работал на Подольском механическом заводе, в 1957–1966 гг. – в Институте металлургии АН СССР, с 1956 г. – в Институте физики твердого тела АН СССР. Одновременно с 1978 г. профессор Московского института стали и сплавов. В 1984 г. возглавил созданный им Институт проблем технологии микроэлектроники и особо чистых веществ АН СССР. Государственная премия СССР (1968).

Дача № 33. **Николай Александрович Майсурян (1896–1967)**. Ботаник, растениевод и селекционер. Член корреспондент АН Армении с 1945 г. Академик ВАСХНИЛ с 1958 г. Основные труды по селекции и биологии зерновых и зернобобовых культур, морфологии плодов и семян сорняков. Автор 300 научных работ. Вывел ряд новых сортов люпина, сои, ячменя. Заведующий кафедрой растениеводства (1958–1967), декан агрономического факультета (1941–1961) Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева. Два ордена Ленина. Член КПСС с 1953 г. Принял активное участие в процессе научной и общественной реабилитации академика Николая Вавилова

Дача № 42. **Андрей Сергеевич Монин (1921–2007)**. Математик, механик. Член-корреспондент АН СССР с 1971 г. Основные исследования по физике атмосферы, общей турбулентности, динамическим процессам в океане и атмосфере. С 1965 г. директор Института океанологии им. П. П. Ширшова АН СССР. Участник войны. Куратор Отдела науки ЦК КПСС. Председатель Комитета ЦК КПСС по науке и технике. Государственная премия СССР (1980). Член КПСС с 1945 г.

Дача № 27. **Иван Васильевич Обреимов (1894–1981)**. (Подробно о нем в первой части, с. 36–37. – Сост.)

Дача № 17. **Дмитрий Евгеньевич Охоцимский (1921–2005)**. Автор фундаментальных трудов в области прикладной механики, робототехники и мехатроники. Член-корреспондент АН СССР с 1960 г. Академик РАН с 1991 г. С 1949 г. работал под руководством М. В. Келдыша в отделе прикладной математики в Институте Математики им. В. А. Стеклова, затем руководил отделом в Институте прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН. С 1962 г. заведовал кафедрой теоретической механики мехмата МГУ. Герой Социалистического Труда (1961). Два ордена Ленина. Ленинская премия (1957). Государственная премия СССР (1970). В его честь названа малая планета.

Дача № 37. **Пелагея Яковлевна Полубаринова-Кочина (1899–1999)**. Основные работы в области гидродинамики. Академик АН СССР с 1958 г. Профессор (1933), доктор физико-математических наук (1940). Основные труды по теории фильтрации, динамической метеорологии, гидроаэромеханике и др. Решила многие задачи, связанные с движением грунтовых вод и нефти. Математические работы по дифференциальным уравнениям в частных производных. Была редактором первого собрания сочинений С. В. Ковалевской, жизни и творчеству которой Полубаринова-Кочина посвятила ряд работ. Герой Социалистического Труда (1969). Сталинская премия (1946).

Дача № 19. **Борис Викторович Раушенбах (1915–2001)**. Физик-механик, один из основоположников советской космонавтики, создатель ракетно-космической техники. Член-корреспондент АН СССР с 1966 г., академик с 1986 г. Основные труды посвящены управлению ориентацией космических аппаратов, теории горения; в математике – по теории перспективы. По окончании школы работал на Ленинградском авиационном заводе № 23 столяром-сборщиком. Окончил Ленинградский институт инженеров гражданского воздушного флота, где увлекся планеризмом. Первые научные статьи о продольной устойчивости бесхвостых самолетов. С 1934 г. работал в Москве в Ховринском институте № 3, РНИИ в отделе С. П. Королева. После посадки Королева занимался теорией горения в воздушно-реактивных двигателях. В 1942 г. был

репрессирован по национальному признаку как этнический немец и заключен в трудовой лагерь в Нижнем Тагиле. От смерти в лагере его спасло то, что до ареста Раушенбах начал заниматься расчетами самонаводящегося зенитного снаряда, и окончательный отчет был им послан уже из лагеря. На его работы обратил внимание генерал В. Ф. Болховитинов, по его просьбе Раушенбах был освобожден от общих работ и занимался расчетами по устойчивости полета. В 1946 г. при освобождении из лагеря на поселение получил в паспорте штамп «спецпереселенец». В 1948 г. благодаря хлопотам М. В. Келдыша возвратился досрочно из ссылки в Москву и продолжил работу в РНИИ, а затем перешел вместе со своими сотрудниками в ОКБ-1 (НПО «Энергия») к Королеву, где в 1955–1959 гг. были сделаны пионерные работы по ориентации космических аппаратов и их движению в безвоздушном пространстве. Под его руководством были реализованы системы фотографирования обратной стороны Луны, системы ориентации и коррекции полета межпланетных автоматических станций «Марс», «Венера», «Зонд», спутников связи «Молния», автоматического и ручного управления космическими кораблями, пилотируемыми человеком. С 1987 г. профессор Московского Физико-технического института. Член-корреспондент Академии астронавтики. Герой Социалистического Труда (1990). Два ордена Ленина. Ленинская премия (1960). С 1975 г. стал публиковать работы по иконописи и изобразительному искусству, посвященные передаче пространственного изображения на плоскости. В 1980 г. возглавил движение Российских немцев за национальное возрождение.

Дача № 2. **Николай Николаевич Семенов (1896–1986)**. Физик и физико-химик. Член-корреспондент АН СССР с 1929 г., академик с 1932 г. Один из основоположников химической физики. Открыл разветвленные цепные реакции и явление цепного воспламенения (взрыва). Создал имеющую особое значение общую количественную теорию цепных реакций (неразветвленных, разветвленных и «вырожденно» разветвленных), показал их большую распространенность в химии и значение для практики. Установил детальный химический механизм многих сложных цепных процессов, изучил кинетические свойства свободных атомов и радикалов, при помощи которых осуществляются элементарные стадии цепных процессов. Создал теорию теплового

взрыва газовых смесей, на основе которой разработал с сотрудниками учение о распространении пламени, детонации, горении взрывчатых веществ и порохов и т. п. Автор открытия нового типа катализа. С 1931 г. директор Института химической физики АН СССР; одновременно (с 1944 г.) профессор МГУ. Совместно с П. Л. Капицей был одним из основателей Московского физико-технического института (МФТИ). Создатель и научный руководитель факультета молекулярной и химической физики МФТИ. В 1957–1963 гг. академик-секретарь Отделения химических наук АН СССР. В 1963–1971 вице-президент АН СССР. Член Советского Пагуошского комитета (с 1964). Член ряда зарубежных академий. Герой Социалистического Труда (1966, 1976). Девять орденов Ленина, Сталинская премия (1941, 1949), Ленинская премия (1976). Нобелевская премия (1956), Большая золотая медаль им М.В. Ломоносова (1969). Член КПСС с 1947 г. В 1961–1966 гг. кандидат в Члены ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР 5–7-го созывов.

Дача № 10. **Вадим Васильевич Соколовский (1912–1978)**. Ученый в области механики. Член-корреспондент АН СССР с 1946 г. Основные труды посвящены теории оболочек, статике сыпучей среды и теории пластичности. Построил теорию плоского пластического напряженного состояния, предложил новые методы аналитического решения задач теории пластичности. Разработал общий метод решения задач плоского предельного равновесия сыпучей среды (несущая способность оснований, форма устойчивых откосов, давление на подпорные стенки). В 1936–1939 гг. сотрудник Математического института АН СССР, в 1939–1965 гг. – Института механики АН СССР; с 1971 г. работал в Институте проблем механики АН СССР. Один из создателей Московского физико-технического института (МФТИ), где преподавал и заведовал кафедрой (1947–1971). Избран в первый состав национального комитета по теоретической и прикладной механике СССР. Сталинская премия (1943, 1952).

Дача № 36. **Виктор Львович Тальрозе (1922–2004)**. Физико-химик. Член-корреспондент АН СССР с 1968 г. Труды по кинетике химических реакций, протекающих под воздействием физических факторов, особенно излучения, а также применения физи-

ческих исследований в химии. Работал с 1949 г. в Институте химической физики АН СССР, автор методик, позволяющих изучать сложные свободномолекулярные реакции методом масс-спектрометрии. Один из создателей отечественных серийных масс-спектрометров различного назначения, а также уникальных специализированных масс-спектральных установок для исследования радикальных и ион-молекулярных реакций. С 1964 г. руководил экспериментальными работами по созданию химических лазеров. Один из авторов открытия явления неактивированности органических ионно-молекулярных реакций и аномально низкого трения. Создатель нового химического направления в химической физике – химико-физических проблем энергетики. Участник работ в рамках Атомного проекта. Директор созданного им института Энергетических процессов в химической физике РАН. С 1995 г. работал советником РАН и заведующим лабораторией ионных и радикальных процессов ИнЭПХФ. Участник Великой Отечественной войны. Ушел на фронт добровольцем, будучи студентом 2-го курса МГУ. Ордена: Боевого Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, Красной Звезды. Ленинская премия (1986).

Дача № 44. **Михаил Клавдиевич Тихонравов (1900–1974).** Ученый и конструктор в области ракетостроения и космонавтики. Инженер-полковник, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники. После окончания Военно-Воздушной академии им. Н. Е. Жуковского (первый выпуск 1925 г.) работал на ряде авиационных предприятий. Был членом секции планеризма при ОСОАВИАХИМе СССР, где познакомился с С. П. Королевым, который предложил ему возглавить бригаду инженеров-конструкторов, работающих над проблемой создания баллистических ракет на жидком топливе. С 1932 г. начальник бригады в Группе изучения реактивного движения (ГИРД), с 1934 г. начальник отдела Реактивного института (РНИИ). За успешный запуск первой советской жидкостной ракеты С. П. Королеву и М. К. Тихонравову были вручены почетные значки «За активную оборонную работу». К концу 30-х гг. разработка жидкостных баллистических ракет была свернута, и Тихонравов приступил к созданию ракетных снарядов для легендарной «катюши». В 1945 г., после подробного ознакомления с немецкой трофейной техникой,

заялся разработкой проекта полета человека на модернизированной ракете «Фау-2». Через год Тихонравов переходит работать в НИИ-4 Академии артиллерийских наук, где руководит сразу несколькими научными отделами. С. П. Королев, руководивший ОКБ-1, в это время занимается созданием многоступенчатой ракеты. Тихонравов первым высказал свои предположения по этому вопросу. Доложив в 1950 г. на научной конференции результаты своих исследований по составным ракетам и созданию искусственных спутников Земли, поддержки не получил и был отстранен от должности. В 1953 г. Королев сделал заказ в НИИ-4 по вопросу исследования и создания искусственного спутника Земли. Только после этого Тихонравову разрешили продолжить работу в этом направлении. В начале 1954 г. он представил свою программу освоения космоса. Она включала запуск простейших искусственных спутников Земли и отработку ракеты-носителя, затем следовал запуск пилотируемого корабля-спутника, создание станций-лабораторий больших размеров и достижение Луны, включая облет и посадку на ее поверхность. В 1956 г. Михаил Клавдиевич перешел на работу в ОКБ-1, на должность начальника отдела проектирования различных искусственных спутников Земли, пилотируемых кораблей, космических аппаратов для исследования Луны и некоторых планет Солнечной системы. В дальнейшем руководимый им отдел участвовал, в частности, в разработке тяжелого межпланетного корабля, создаваемого для пилотируемого полета на Марс. С 1947 г. преподавал в МВТУ им. Н. Э. Баумана и на высших инженерных курсах, а с 1960 г. – в Московском авиационном институте. Герой Социалистического Труда (1961), два ордена Ленина. Ленинская премия (1957).

Дача № 25. **Сергей Павлович Толстов (1907–1976)**. (Подробно о нем в первой части, с. 36. – *Сост.*)

Дача № 35. **Горимир Горимирович Черный (1923–2012)**. Математик-механик. Член-корреспондент АН СССР с 1962 г., академик с 1981 г. Труды по гидромеханике, теоретической и прикладной аэродинамике и газодинамике, теории горения и взрывов. Предложил новый метод исследования и расчета течений газа за сильными ударными волнами, в том числе при гиперзвуковом обтекании тел. Профессор кафедры гидромеханики (1960), заведующий кафедрой аэромеханики и газовой динамики механико-

математического факультета МГУ (1989). Директор (1960–1992), советник дирекции (1992) Института механики МГУ. Лауреат Государственной премии СССР (1972, 1978, 1991), премии Совета Министров СССР (1985), премии им. М. В. Ломоносова I степени (МГУ, 1965). Награжден золотой медалью и премией I степени им. Н. Е. Жуковского (1959), премией им. С. А. Чаплыгина (1976). Ветеран Великой Отечественной войны, участник московского ополчения, служил в артиллерии. Ордена Славы III степени, Красной Звезды, Отечественной войны II степени.

Дача № 12. **Тимур Магометович Энеев (1924 г. р.)**. Математик. Член-корреспондент АН СССР с 1968 г., академик РАН с 1992 г. Главные направления научной деятельности: механика, теория управления, прикладная математика, динамика полетов космических аппаратов. Автор фундаментальных трудов в области теоретической космонавтики и космогонии. Заведующий сектором Института прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН. Орден Ленина. Ленинская премия (1957).

Дача № 39. **Сергей Всеволодович Яблонский (1924–1998)**. Математик. Специалист в области дискретной математики и математических вопросов кибернетики. Член-корреспондент АН СССР с 1968 г. С 1953 г. работал в Институте прикладной математики им. М. В. Келдыша, где в 1958 г. создал и возглавил отдел кибернетики. При его активном участии в 1958 г. был организован выпуск сборника «Проблемы кибернетики» – первого отечественного издания по кибернетике. В 1971 г. возглавил созданную им кафедру математической кибернетики на факультете вычислительной математики МГУ. Участник Великой Отечественной войны. Ордена Красной звезды, Славы и два ордена Отечественной войны II степени. Ленинская премия (1966). Член КПСС с 1953 г.

Глава 4

В этой главе собраны воспоминания новых дачевладельцев. Многие из них хорошо знали друг друга по работе, некоторые были коллегами. Общались здесь по интересам и уже не шарахались друг от друга. Они были моложе первых поселенцев и в каком-то смысле много свободней. Дачи выбирали сознательно, зная, кто в поселке живет. Поскольку академик Н. В. Белов, член-корреспондент С. П. Толстов и академик ВАСХНИЛ Н. А. Майсурия купили дачи после того как арендовали ее почти с самого начала существования поселка, воспоминания их потомков расположены в предыдущих главах.

Григорий Исаакович Баренблатт (1927 г. р.).

Зять академика П. Я. Полубариновой-Кочиной. Ученый в области математики и механики. Доктор физико-математических наук, профессор, иностранный член Лондонского королевского общества и Национальной Академии наук США. Главный научный сотрудник Института океанологии РАН.

Сергей Александрович Исаюк (1956 г. р.).

Зять Г. И. Баренблатта. Специалист в области информационных технологий, кандидат технических наук.

– Как Вы думаете, зачем Сталин подарил академикам дачи и организовал академические поселки?

– Григорий Исаакович. Основная идея дарителя была – научное взаимодействие людей разных специальностей в неслужебное время. И я считаю, что эта идея в Абрамцеве чрезвычайно удалась. Научные беседы – невероятно важная вещь. И даже если из, скажем, десяти человек, живших здесь, трое использовали эти дачи для этого, то уже очень хорошо. В Москве это было трудно. Здесь просто так зайти и поговорить о том, что сейчас тебя волнует, было легко. Возможно, что те, кто вели эти беседы, еще сами не понимали, чего они достигнут в результате. А из этого могли

получиться великие вещи. Я сейчас буду рассказывать о конкретных примерах такого взаимодействия. Подробно остановлюсь на общении с наиболее близкими мне людьми: с Иваном Георгиевичем Петровским и Михаилом Александровичем Леонтовичем. Это были люди огромного масштаба.

Взаимодействие с Иваном Георгиевичем Петровским

С Иваном Георгиевичем Петровским я провел вместе без преувеличения тысячу часов. Должен сказать, что он – выдающееся явление не только науки, но и культуры. Беседы с Иваном Георгиевичем были бесценны. В них он излагал взгляды на развитие науки, что было для меня бесконечно важно. Благодаря этому я был свидетелем замечательных событий. Например, во время наших прогулок в Абрамцеве он подробно рассказал, как произошло его назначение ректором МГУ. Это произошло в мае 1951 г. при следующих обстоятельствах. 25 января 1951 г. скоропостижно скончался президент Академии наук С. И. Вавилов. На его место был назначен (простите, избран) бывший до этого в течение трех лет ректором МГУ А. В. Несмеянов. Встал вопрос о назначении нового ректора университета. Подбор кандидатуры Сталин поручил Г. М. Маленкову. Среди кандидатов оказался Петровский, и Маленков пригласил его к себе для беседы. Петровский просто взмолился: он же не член партии и как ученый-математик далек от других сфер и к тому же имеет уже общественную работу – он был академиком-секретарем отделения физико-математических наук АН СССР. Петровскому показались тогда, что Маленков счел его доводы серьезными, и его минует чаша сия. Но оказалось, что, когда Маленков доложил «самому», Сталин ответил коротко и категорично: «Назначим Петровского». И добавил: «Он честный человек». Вот тут наступает самое главное. Иван Георгиевич был активно работающим математиком. Но, как он мне сказал, в момент назначения он понял, что отныне он не математик, а *ректор* МГУ.

Во время наших бесед в Абрамцеве затрагивались самые разные вопросы. Его оценки того, что происходит, и научное предвидение будущего были поразительные. Я расскажу несколько случаев.

В Великом Новгороде ведется большое строительство. Оно идет параллельно с археологическими раскопками, почти на тех же участках. Бульдозерист опускает ковш и находит в земле какие-то странные кусочки. Он человек простой, но звонит в МГУ. Его соединяют с историческим факультетом, выслушивают и понимают, что речь идет о массовой находке берестяных грамот. Туда устремляется бригада специалистов-историков МГУ во главе

с Яниным¹⁵⁵. Петровский тут же садится в поезд и, будучи членом Президиума Верховного Совета, своей властью останавливает строительные работы, благодаря чему все находки удалось сохранить. Так был открыт новый пласт русской культуры. Оттуда книга Янина «Я послал тебе бересту...»¹⁵⁶.

После этого открытия на русскую культуру стали смотреть иначе. Берестяные грамоты по времени были раньше того периода, когда Иван Грозный разгромил Великий Новгород. Потом Иван Георгиевич подробно рассказывал, как это было, всем ректорам и проректорам вузов. Эта была школа, как надо поступать.

Я приведу другой пример его деятельности в МГУ. Эту историю я слышал тоже в Абрамцеве, иногда он приходил на дачу ко мне, или я приходил к нему, но чаще мы ходили гулять. Прошло много лет, но я все еще слышу, как он все это рассказывал, его голос, интонацию... Он получал на дом научные иностранные журналы. (Тогда порядок был такой: эти журналы, в том числе и «Scientific American», считались секретными, их доставлял ему на дом фельдъегерь, и Иван Георгиевич расписывался в их получении.) Он обратил внимание на то, что в этих журналах очень большое внимание уделяется полимерам. Он стал спрашивать наших химиков, почему у нас не так? Ему объяснили, что это связано с тем, что там, на Западе, не хватает металла, а у нас его, слава богу, достаточно, и нам никакие полимеры не нужны. Это был 1955 г.

Вскоре Петровский едет в Англию в составе делегации Академии наук. Членом этой делегации был и академик Каргин¹⁵⁷. И вот Иван Георгиевич спрашивает Каргина, почему у нас не развиваются полимеры, а за границей им, судя по журналам, уделяется огромное внимание. Тут Каргин буквально заплакал: «Я не могу пробить бюрократическую стену. Мы отстанем на века. Полимеры это – важнейшая вещь, которая меняет подход к машиностроению, вообще ко всему!» Тогда Иван Георгиевич предложил ему создать в МГУ кафедру высокомолекулярных соединений. Каргин дал свое согласие, но считал, что ученые химфака не пропустят его на эту должность. «А вот это, – сказал Петровский, – представьте мне». Он получил заявление Каргина, вызвал к себе тог-

¹⁵⁵ В. Л. Янин (1929 г. р.) – историк, археолог, академик АН СССР (1990). Крупный исследователь Новгородской республики и берестяных грамот.

¹⁵⁶ В книге Янина «Я послал тебе бересту...» имеется посвящение Петровскому такого содержания: «Посвящается светлой памяти Ивана Георгиевича Петровского, неизменному вниманию которого Новгородская экспедиция обязана многими успехами».

¹⁵⁷ В. А. Каргин (1907–1969) – выдающийся химик, специалист по коллоидной химии и полимерам, основатель советской полимерной школы, академик АН СССР (1953).

дашнего декана химфака И. Ф. Луценко, дал ему распоряжение собрать Ученый совет и рассмотреть на нем вопрос о создании кафедры высокомолекулярных соединений в МГУ. (Надо сказать, что Луценко относился к Петровскому с дикой ненавистью. Вообще, к Петровскому многие относились с ненавистью, писали на него доносы в ЦК.)

Предварительно Петровский переговорил с ведущими химиками, и те сказали, что, несмотря на все уважение к его мнению, они считают, что люди, которые окончат эту кафедру, не найдут себе работу, так как у нас в стране просто нет такой промышленности. Кафедра будет выпускать заведомо безработных. Но Петровский настаивал, просил их обязательно поддержать кандидатуру Каргина и создать благоприятное общественное мнение. И вот происходит заседание Ученого совета. Луценко по его окончании приходит к Ивану Георгиевичу (тот рассказывал мне это в лицах) и, не скрывая своего торжества, говорит, что вынесено единогласное решение «против». «Ну что же, – говорит Петровский, – в таком случае соберите на завтра внеочередное заседание Ученого совета. Я на него приду». Заседание собирается, и он в своем выступлении говорит: «Я знаю ваше единодушное мнение по поводу организации кафедры. И вот что я вам скажу. Вы, то есть Ученый совет, совещательный орган при мне – ректоре. Я несу ответственность перед партией и правительством за МГУ и за все, что там происходит». После чего зачитывает проект приказа по МГУ, где написано:

1. Создать кафедру высокомолекулярных соединений при химфаке.
2. Назначить заведующим кафедрой академика Валентина Алексеевича Каргина.
3. В последующем провести его назначение по конкурсу.
4. Построить в ускоренном порядке здание лаборатории высокомолекулярных соединений.

И еще он сказал, что, поскольку здание для одной лаборатории будет велико, каждый заведующий может через академика Каргина попросить в нем площадь для своей лаборатории. И если академик Каргин сочтет просьбу обоснованной, вы эту площадь получите. После этого поблагодарил всех за внимание и ушел.

Ну как? Понимаете, он был *ректором*. Я привел только два примера деятельности Петровского в МГУ – из области химии и истории.

Наши дачные прогулки имели продолжение. Бывало, в университете его секретарша звонила мне и передавала, что Иван Георгиевич ждет меня вечером. Я приходил в приемную. У него была совершенно замечательная манера приема посетителей. К нему

на прием мог прийти любой сотрудник университета. Все усаживались в приемной. Раз в 40–50 минут он выходил, обходил сидящих и каждого спрашивал, какое у него дело. Внимательно выслушивал и говорил кому-то: «Вы идите к такому-то и скажите, что я просил его решить Ваше дело». Другому, например, говорил: «Нет, в данном случае я сделать ничего не смогу». Так он доходил до меня и говорил: «А Вы ждите, ждите!» И я ждал. После того как он освобождался, мы спускались вниз и шли пешком до его дома № 13 на Ленинском проспекте.

Еще. По статусу ректора обед полагалось приносить Ивану Георгиевичу в кабинет. В здании МГУ на Ленинских горах был спроектирован специальный лифт прямо из комбината питания в кабинет ректора на девятом этаже. Но Петровский чаще спускался в обычном лифте и обедал в профессорской столовой. (Надо сказать, что «профессорская» – это было только название, отличавшее ее от диетической столовой, расположенной на том же втором этаже. Обедать же в профессорской столовой мог любой – не только имеющий должность профессора.) Он садился за обычный стол и просил у официантки, разносившей блюда: «Дайте-ка мне эту тарелку. А Вам, – обращался он с мягкой улыбкой к тому, кому тарелка предназначалась, – сейчас все принесут снова». В этой легкой шутке крылась серьезная мысль: если ректор может взять любую тарелку, то любое блюдо должно быть приготовлено на уровне, не так ли?

– Почему в известной истории выдвижения в академики министра высшего образования Елютина¹⁵⁸, которая подробно описана в Ваших воспоминаниях¹⁵⁹ об М. А. Леонтовиче, Вы посоветовали Петровскому обратиться именно к Михаилу Александровичу?

– Григорий Исаакович. Ивана Георгиевича по понятным причинам¹⁶⁰ очень волновала перспектива выбора Елютина в академики. Научная репутация Леонтовича, несмотря на все доносы, которые на него писали, была очень высока. Ее не надо было никому доказывать, и это ставило его в положение человека, который мог повлиять на решение других академиков. После того как Елютин

¹⁵⁸ В. П. Елютин (1907–1993) – окончил Московский институт стали и сплавов; в 1945–1951 г. – его ректор. Член-корреспондент Академии наук СССР с 1962 г. В 1954–1985 гг. министр высшего и среднего специального образования. Автор трудов по ферросплавам, тугоплавким и высокомолекулярным материалам.

¹⁵⁹ Баренблатт Г. И. Из воспоминаний о М. А. Леонтовиче // Академик М. А. Леонтович. Ученый. Учитель. Гражданин. М.: Наука, 2003. С. 380–388.

¹⁶⁰ «И. Г. его остро ненавидел, ненавидел непримиримо, видя в нем живой символ бюрократической опухоли, тащившей страну в пропасть. А, если его выберут в академики, считал И. Г., его влияние в делах сильно поднимется». (Там же, с. 386–387).

уже был выдвинут отделением, я сказал Ивану Георгиевичу, что кроме Михаила Александровича обращаться с просьбой высказать свое мнение, с моей точки зрения, не к кому. Петровский позвонил Леонтовичу и попросил его выступить на общем собрании Академии. Леонтович встал и задал вопрос: «За какие достижения в науке выдвигают Елютина?». Получив ответ, он задал следующий вопрос: «А когда эти работы опубликованы?». Был назван 1958 г. (Выборы Елютина в академики происходили в 1972 г.) Тогда Михаил Александрович сказал: «Но позвольте, именно за эти работы мы его избрали членом-корреспондентом в 1962 г.». И Елютина в академики не выбрали. Он получил на голосовании позорное число голосов. И это был не единственный раз. Леонтович всегда читал дело кандидата. В случае Елютина он увидел, что дело исключительно слабое.

Мой великий учитель Андрей Николаевич Колмогоров¹⁶¹ говорил мне (цитирую по памяти), что для устойчивого существования Академии ее строение должно быть таким. «Треть ее членов должны быть люди, которых по их заслугам нельзя не избрать. Ибо, если их не избрать, это опасно для Академии, для ее престижа. Сорок процентов ее членов могут составлять академики, которые в случае избрания будут хорошими академиками, а если их не избрать, то катастрофы не будет. И только при избрании в указанном количестве таких членов оставшиеся места могут быть заполнены людьми, которых избирать нельзя». Как великолепно сказано! Я задал себе вопрос: сейчас кто эти люди, неизбрание которых было бы опасно? Сколько их? Эти люди сейчас не обозначены, и это обстоятельство очень сильно ослабляет Академию. Она теряет авторитет. Ведь роль академика не в том, чтобы написать ту или иную работу, а чтобы сказать властям: эта идея правильная, а эта нет, этот ученый хорош, а этот плох, эта научная работа верная, а эта – ошибочная, выбирать в академики надо этого ученого, а не того. И рассказанная выше история тому пример.

А недавняя эта история по борьбе с лженаукой, ведь в чем ее позор? Ее позор не в том, что Петрик¹⁶² положил всю эту комис-

¹⁶¹ А. Н. Колмогоров (1903–1987) – математик, один из крупнейших математиков XX века, основатель большой научной школы. Его труды определили развитие многих разделов математики. Академик АН СССР (1939). Член многих иностранных Академий. Президент Московского математического общества (1964–1966; 1974–1985).

¹⁶² В. И. Пётрик (1946 г. р.) – в 1975 г. заочно окончил факультет психологии Ленинградского университета. По собственным словам, пытался получить также диплом на физфаке того же вуза, но безуспешно. Российский предприниматель, автор ряда лженаучных (неакадемических) исследований (в том числе в области очистки воды). Приобрел широкую известность в ходе «Петрикгейта». Согласно *Scientific Citation Index*, имеет одну публика-

сию на обе лопатки. Ведь ее решение было постыдно слабым. Не может решение начинаться словами, что данное открытие не имеет отношения к науке. То есть как? Человек утверждает, что он открыл секрет скрипок Страдивари¹⁶³. Этот вопрос решаем. Пригласите в качестве эксперта первого скрипача мира и спросите, что он думает по этому поводу. Это же тривиально. Почему они этого не сделали? Да потому что боятся. А боятся потому, что у них и у Академии уже нет авторитета.

Взаимодействие с Михаилом Александровичем Леонтовичем

Расскажу отвратительную историю, пытаюсь разрешить которую, я прибегал к содействию М. А. Леонтовича. В 1974 г. в Москву приезжает крупнейший специалист по прочности ядерных реакторов швед Густаф Эстберг¹⁶⁴. Это дружественный мне человек. Он меня просит пойти к Председателю Совета Министров, чтобы довести до его сведения, что реакторы такого типа, что стоят на атомной станции под Ленинградом, чрезвычайно опасны, и объясняет, почему. В этой системе реакторов в активной зоне находится очень много продуктов деления. Если они по той или иной причине выйдут за пределы канала, по которому происходит охлаждение, то заражение окружающей среды может быть фатальным. В частности, если произойдет авария на Ленинградской АЭС, Швеция погибнет. И я обещал ему сделать все, что смогу, хотя и объяснил, что никто из правительства беседовать со мной не будет, и обратиться в Совет Министров напрямую я не могу. Я пошел на дачу № 3 к М. А. Леонтовичу. Он был заведующим теоретическим отделом Института атомной энергии им. И. В. Курчатова, директором которого был руководитель реакторной программы А. П. Александров¹⁶⁵. Несмотря на разницу в возрасте и положении, Леонтович был ко мне очень расположен. Он

цию в научных журналах, индексируемых данным источником. В 1984 г. был осужден за мошенничество и ряд других преступлений, в 1989 г. освобожден условно-досрочно.

¹⁶³ Кроме того, Петрик сделал «открытия» в области изготовления сверхтонких экранов, «изобрел» nano аккумуляторы автомобилей, якобы открыл формулу беспроигрышной игры в казино, способ приведения в движение транспортных средств, не требующий наличия источников энергии, создал вечно вращающийся цилиндр, не потребляющий энергии. Считает себя первооткрывателем графена. Все эти утверждения не имеют под собой никакой научной основы.

¹⁶⁴ *Густаф Эстберг* (1928 г. р.). Шведский ученый. Крупный авторитет в области материаловедения атомной энергетики.

¹⁶⁵ *А. П. Александров* (1903–1994). Физик. Один из основателей отечественной ядерной энергетики. Академик АН СССР (с 1953). Основные работы в области ядерной физики и физики твердого тела Президент АН СССР (1975–1986). Сталинская премия (1942, 1949, 1951, 1953.) Ленинская премия (1959).

внимательнейшим образом меня выслушал и сказал: «Хорошо, я поговорю». Как он мне передал, реакция Александра была успокаивающая: «Все абсолютно безопасно, и пусть Баренблатт не думает об этом и не беспокоится, здесь все в смысле безопасности обеспечено». Прошло еще два года, опять приезжает Эстберг и спрашивает меня: «Был ли ты у Председателя Совета Министров и предупредил ли?» Я объяснил, что сделал все, что мог, и получил заверения в полной безопасности реакторов. «Это не так, – сказал он, – это огромная опасность, которая может угрожать всему миру. Попробуй еще раз». Это был 1976 г. Слава богу, Михаил Александрович был еще жив. Я опять пошел к нему на даче. Снова все ему рассказал. Тот прекрасно понял причину тревоги шведского коллеги и сказал: «Заходите через неделю». (В Абрамцеве мы с ним встречались по субботам. Это важно, что люди встречаются в неслужебной обстановке и имеют возможность доверительно говорить друг с другом.)

В этот раз Александров был в бешенстве. Он сказал: «Если Баренблатту нечего делать, то мы ему подбавим работы. (Я действительно получил тогда дополнительную работу, но это вопрос другой.) Я готов поставить этот реактор у себя на даче или, под полную мою ответственность, даже на Красной площади». Михаил Александрович все это мне передал. Что я еще мог сделать? Практически ничего, ибо я через Леонтовича достиг главы реакторной программы СССР.

После этого прошло десять лет. Наступил 1986 г. Мне было предложено прочесть в Главлите лекцию по физике океана. (Вы знаете, что тогда Главлит был отделением Комитета государственной безопасности. Между нами тогда как раз возникли споры по поводу засекречивания некоторых работ.) И 7 мая 1986 г. я им эту лекцию прочел. Меня слушали 250 цензоров Главлита. Это была понимающая и интересующаяся аудитория. Однако генерал, зам. начальника Главлита, был несколько недоволен, так как хотел, чтобы я уделил больше внимания усилению секретности. После лекции он проводил меня в свой кабинет и подарил мне альбом русской графики XVIII века. Я поблагодарил и уже поднимался, чтобы прощаться, и тут он сказал: «Н-е-е-т!!! Это совсем не все. Вы знаете такой журнал «Энергия»? Я никогда такого журнала не видел. Он объяснил, что это один из двух журналов, издающихся непосредственно Президиумом Академии наук. Первый – «Природа» и второй – «Энергия» с таким подзаголовком «Экономика».

Техника. Экология». Главный редактор журнала – Кириллин¹⁶⁶. Он показывает мне опубликованную там в 1984 г. статью¹⁶⁷ Легасова в соавторстве с двумя его сотрудниками, в которой они пишут о безопасности ядерных реакторов¹⁶⁸. Там сказано, что принципы безопасности должны диктоваться в основном **экономическими соображениями**. Так он пишет, а конец статьи фантастический. В это трудно поверить, но там написано следующее: «*«Известно всем, что безопасность всех смертных самый первый враг». Эта мысль, высказанная В. Шекспиром устами леди Макбет, кажется с первого взгляда абсурдной. Однако она, подтверждая извечный принцип единства и борьбы противоположностей, может служить иллюстрацией к основному выводу настоящей статьи*». Вот эту статью показывает мне генерал, а затем еще номер журнала, который должен рассылаться сейчас. А в этом журнале уже статья самого Александрова, в которой проводится идея абсолютной безопасности ядерных реакторов. Ну как? Повторяю, это было 7 мая 1986 г. Вы помните, тогда в течение 10 дней ничего не сообщали о катастрофе в Чернобыле, поэтому я имел смутные представления о ней, но генерал быстро ввел меня в курс дела. Он сказал, что это катастрофа фантастического масштаба. Я втянул в себя воздух и сказал: «Хорошо, разберусь».

Дальше все события происходят уже на даче. Передо мной статья В. А. Легасова, человека, отвечавшего за безопасность ядерных реакторов. М. А. Леонтовича уже нет в живых. Что делать? Прежде всего я решил проверить, где же эта фраза, которую он цитирует, у Шекспира. Что это за бред, точно ли она переведена? У меня (на даче) четыре издания русских переводов Шекспира. Встречаю своего доброго друга, тоже уже ныне ушедшего из жиз-

¹⁶⁶ В. А. Кириллин (1913–1999) – советский государственный и партийный деятель. Ученый в области энергетики и теплотехники. Академик АН СССР с 1962 г. Вице-президент АН СССР (1963–1965 гг.) Главный редактор журналов «Вестник» Академии наук СССР (1963–1966), «Теплоэнергетика» (1963), «Энергия и экология» (1982).

¹⁶⁷ Легасов В. А., Демин В. Ф., Шевелев Я. В. Нужно ли знать меру в обеспечении безопасности? // Энергия: Экономика. Техника. Экология. 1984. № 8. С. 9–17.

¹⁶⁸ В. А. Легасов (1936–1988) – химик-неорганик. Академик АН СССР с 1981 г. Основные работы по химии инертных газов и химии плазмы. Другое направление его деятельности – концепция безопасности. С 1983 г. – первый заместитель директора Института атомной энергии им. И. В. Курчатова. После аварии в Чернобыле – член правительственной комиссии по расследованию причин и ликвидации последствий аварии. Глава советской делегации на конференции МАГАТЭ в Вене в 1986 г. Подтасовка фактов и ложь в его выступлении, где озвучивалась официальная версия событий на Чернобыльской АЭС, вызвали неприятие ученого сообщества.

ни Анатолия Абрамовича Павельева¹⁶⁹, с которым мы вместе бывали на даче у Леонтовича, и рассказываю ему всю эту историю. А он мне говорит: «Я этот журнал получаю и эту статью читал. Пойдем, посмотрим, откуда эта цитата». Мы у меня просмотрели всего Шекспира. Нигде этой фразы нет. На следующий день я поехал в Шекспировский кабинет научной библиотеки Театрального общества и просмотрел все имеющиеся русские переводы, но так и не нашел, где леди Макбет произносит эту фразу. Тогда мы с Павельевым пошли к Мише Левину, зятю М. А. Леонтовича, и решили: давайте-ка проверим весь английский текст Шекспира. Моя покойная тетя была шекспироведом, она оставила мне в наследство и полного английского Шекспира. Возникла даже идея: может быть, леди Макбет фигурирует в каких-то других пьесах Шекспира. Кто его знает? Мы выяснили и это – ничего подобного, этой фразы нигде нет. И тут Миша заболел, поэтому у него было свободное время, он решил еще раз сам просмотреть Шекспира. Вдруг звонит торжествующий: «А фраза-то вот она! “And you all know security is mortals’ chiefest enemy”». Но ее, оказывается, произносит не Леди Макбет, а царица мрака Геката, инструктируя своих ведьм, как им лучше убить Макбета (В. Шекспир. «Макбет». Действие 3, сцена 4).

Тогда я бросился к словарю Вебстера. Читаю значение слова *security* и нахожу, что одно из его значений – «наглая самоуверенность». Значит, вот какой смысл фразы! И там, в словаре, представьте себе, в качестве примера приведена эта самая фраза из «Макбета». То есть ее смысл совершенно искажен, уж не говорю о контексте. Например, в переводе Б. Пастернака она звучит так «...людей погибель в похвальбе. В уверенности их в себе». И тогда мы решили, что это должно стать достоянием общественности. Представьте, Легасов, глава безопасности, пишет такую вещь! И мы написали статью под названием «К вопросу о культуре перевода». Авторы – мы троим: А. А. Павельев, М. Л. Левин и я. Мы написали в ней о сложившейся ситуации и о том, что на самом деле Шекспир предупреждал об опасности. И что упомянутая фраза, неграмотная переведенная и приписанная не тому персонажу, вводит в заблуждение. Я отнес эту статью в «Литературную газету» и сдал под расписку. Заведующая отделом писем Софья Михайловна Баруздина сказала мне, что, конечно, ее собственное мнение может измениться под влиянием начальства на 180 градусов, но, по ее представлению, статья опубликована не будет. Чтобы раз-

¹⁶⁹ А. А. Павельев (1938–2007) – физик-экспериментатор. Работал в Научно-исследовательском институте тепловых процессов, затем в Институте механики МГУ. Доктор физико-математических наук, профессор. Член российского научного комитета по теоретической и прикладной механике.

говаривать со мной при свидетелях, она вызвала в комнату некую тетку. Тетка представилась по имени-отчеству, но не по фамилии, что свидетельствовало о ее принадлежности к органам государственной безопасности. (Они никогда не называли своей фамилии, только имя и отчество.) Я сказал, что жду ответа в оговоренные сроки. И действительно, в условленный срок (один месяц) мы получили ответ из «Литературной газеты»: «Мы советуем вам обратиться с этой статьей в журнал «Литературная учеба». Далее я обратился к Д. Лихачеву¹⁷⁰. Он считался Совестью русской интеллигенции. Я был с ним знаком, поскольку по его просьбе принимал участие в судьбе его зятя – моего сослуживца. Я написал «Совести» письмо, напоминая о нашем знакомстве, с просьбой поддержать публикацию статьи в «Литературной газете». Письмо отправил с уведомлением о вручении, заказным. Ответа от Лихачева не получил. Алесь Адамович¹⁷¹ в то время тоже был борцом за правду. И ему я отправил письмо с той же просьбой. Ответа не получил. Ну что делать дальше? Был такой замечательный физик Юрий Александрович Данилов, близкий к М. А. Леонтовичу. Думаю, что он слышал обо мне от Михаила Александровича. Он предложил мне опубликовать эту статью в газете Курчатовского института, которая рассылается по всем атомным станциям. Мы с этим вариантом согласились и статью в эту газету отправили. Собрался партком Курчатовского института и принял решение статью печатать. Но как раз тогда Легасов предпринял первую попытку самоубийства. (Тогда все обошлось, его откачали. Впоследствии он все-таки покончил с собой.) Партком собрался тогда еще раз, и нашу статью отклонили. После этого мне оставалось только одно: выступать с лекциями на тему «Вильям Шекспир и безопасность атомных реакторов». Что я и проделал несколько раз. Все наши попытки опубликовать эту статью натыкались на непреодолимую стену. Так было до апреля 2011 г., когда случилась катастрофа на атомной станции в Фукусиме. Тогда наша статья была опубликована в том виде, в котором она была представлена ранее. Ее опубликовал журнал «Ком мерсантъ Наука»¹⁷² в рубрике «Языкознание». Статья называется «Еще раз о куль-

¹⁷⁰ Д. С. Лихачев (1906–1999) – филолог, искусствовед, академик АН СССР. Был репрессирован. Обладатель негласного титула «Совести нации».

¹⁷¹ А. М. Адамович (1927–1994) – писатель, сценарист, литературовед, доктор филологических наук (1962), профессор (1971), член-корреспондент АН БССР (1980). В 1962–1966 преподавал в МГУ, был отстранен от преподавания за отказ подписать письмо с осуждением Ю. Даниэля и А. Синявского. Директор Всесоюзного НИИ кинематографии (1987–1994). В 1993 г. подписал «Письмо 42-х», протестуя против расстрела Белого дома в октябре 1993 г.

¹⁷² Баренблатт Г. И., Левин М. Л., Павельев А. А. Еще раз о культуре перевода // Коммерсантъ Наука. 2011. 1 апр., №1 (1).

туре перевода» и иллюстрируется фотографиями разрушенного реактора Чернобыльской атомной станции.

– *Сергей*. Я прекрасно помню время, когда обсуждалась эта статья. Мы с женой (Надей) приезжали на дачу и слушали Шекспира в исполнении Григория Исааковича, Михаила Львовича, Анатолия Абрамовича. Они не только произвели поиск нужной цитаты, но еще раз оживили в памяти Шекспира и по всякому поводу его цитировали. Это было очень здорово.

– *Григорий Исаакович*. Замечание Сережи очень своевременное. Оно подчеркивает важность того, что для обсуждения никуда не надо было ходить. Все здесь было на месте. Здесь под рукой были и издания Шекспира. Возможно, если бы надо было куда-то ехать, на это не хватило бы времени. А здесь в Абрамцеве собрались все будущие авторы статьи. Близость людей разных специальностей сыграла в обсуждении важнейшую роль. И не надо было быть единомышленниками. Тут надо было ощущать масштаб произошедшего. А его понимал каждый из авторов. Тут уж деваться некуда. И тогда это сложилось...

Вот сейчас статью опубликовали. И конечно, она привлекла внимание. Ко мне обращаются очень многие. Спрашивают, как же так. Я им рассказываю. И что замечательно: редакция журнала «Коммерсантъ Наука» опубликовала не только нашу статью, но и конец статьи Легасова с командой помощников с тогдашними пометками А. А. Павельева. Вот теперь это опубликовано. Перед текстом пояснение, что эта статья трех авторов (Г. И. Баренблатта, М. Л. Левина, А. А. Павельева), написанная 25 лет назад, публикуется с разрешения Г. И. Баренблатта. В своем разрешении на публикацию я написал, что это только малая часть отвратительной истории. Потому что, обо всех визитах к М. А. Леонтовичу и всем том, что я сейчас рассказал ничего неизвестно, а я хочу, чтобы это знали. Я хочу, чтобы знали о той роли, которую сыграл в катастрофе не только Легасов, который был полное ничтожество, но и А. П. Александров – Президент Академии наук. Считается, что в катастрофе на Чернобыльской АЭС роковую роль сыграл человеческий фактор: были отключены автоматика и система охлаждения. Но (это отметьте) человеческий фактор вступил в игру гораздо раньше. Он вступил, когда безответственного Легасова неизвестно за какие заслуги избрали академиком. И когда идея вседозволенности охватила всех, благодаря действиям в первую очередь Александрова, Легасова, и всей этой камарильи. Это и была основа «человеческого фактора».

Теперь мне представляется, что степень опасности того, что произошло в Японии, очень сильно недооценена. Вот только что моя младшая дочь Вера опубликовала в журнале «Вокруг Света»

статью¹⁷³ об океанических течениях. Про них все знают, что они существуют, но никто на самом деле не придает им практического значения. Ну знают, что Гольфстрим опускается и поднимается, и что это влияет на климат. А в этой статье очень выпукло показана степень их неизученности и степень их дальности действия. Вы понимаете, какое будет загрязнение от этой аварии в Фукусиме... В статье ни единым словом авария не упоминается, иначе бы ее не опубликовали. Все повторяется, спустя 25 лет ничего не изменилось. Поражает другое. Мы читаем в газете, что когда из внешнего мира обращаются к японскому правительству, они заявляют: «А мы ничего не можем сделать. Это частная атомная станция». Председатель МАГАТЭ сейчас японец. Его поведение омерзительное. Он делает все, чтобы выгородить Японию. Поскольку дело, по всей видимости, идет об уроне в сотни миллиардов долларов, а может быть, и триллионов.

– *Сергей*. То, что произошло на атомной станции в Фукусиме, показывает, сколь порочен подход экономической целесообразности в вопросах безопасности. Там обратили особое внимание на защиту реактора, а на защите инфраструктуры для его работы сэкономили. А в общем масштабе затрат это гроши. Сделай они это, катастрофы могло и не быть.

– *Для Вас особую ценность дачи представлял контакт с учеными разных научных специальностей, чье мнение Вы ценили?*

– *Григорий Исаакович*. Да. А вообще мое здешнее взаимодействие с М. А. Леонтовичем и М. Л. Левиным – это частный пример того, насколько оказалась полезной эта система дач. Например, наш разговор касался общей ситуации в науке. (Это было еще задолго до перестройки, но наука уже тогда начинала задыхаться), после чего возникали споры. Михаил Александрович в таких случаях говорил: «Я изгоняю Вас из своего дома!». После чего мы спокойно начинали обсуждать, какие из своих слов я должен взять обратно, чтобы не быть изгоняем. Если я соглашался считать эти слова не существующими, то меня не изгоняли, и мы продолжали беседовать, находя компромисс, если нет, я уходил. Так я был изгоняем из дома несколько раз, но все заканчивалось благополучно. Обычно, на следующий день ко мне приходили либо его зять Миша (Левин), либо младшая дочь Вера. Один раз пришел даже сам Михаил Александрович. Он сказал мне следующее: «Мои! Родственники! Сказали мне! Что я был не прав и должен извиниться!!! Так вот я извиняюсь!!!» Я ему сказал: «Ну, Михаил Александрович, я уже и забыл, о чем там шла речь». (Ну, Вы понимаете). Во всяком случае, я часто посещал дачу Леонтовича.

¹⁷³ Кочина В. Г. Океанические течения: погода на конвейере // Вокруг Света. 2011. С. 122.

Какие еще случаи всплывают в памяти? Вот, например, он говорит мне: «У меня есть сотрудник А. В. Тимофеев. Он обнаружил интересную аналогию между волнами и плазмой, но он косноязычен и не может свою идею как следует изложить. Не могли бы Вы его послушать». Я послушал и счел, что эта работа – замечательный пример вот такого широкого взгляда. Это было здесь, на даче. А потом этот Тимофеев прислал мне статью, которая была прекрасно написана и опубликована, а затем и монографию. Это ли не пример такого внеслужебного взаимодействия?

Еще пример. Мне в значительной мере в порядке наказания поручили разбираться, что такое «летающие блюдца». Это коллективная иллюзия, выдумки, или что-то тут все-таки есть? Я подошел к этому делу с позиции гидродинамики, и обнаружилось, что это замечательное атмосферное явление. В атмосфере имеются волны, называемые «внутренними». Они точно также обрушиваются, как волны на поверхности моря, образуются пятна перемешанного воздуха. В этих пятнах воздух становится однородным, а в других местах он стратифицирован, т. е. его плотность меняется. В пятнах сохраняется турбулентность, благодаря которой они способны удерживать падающие частицы, вследствие чего становятся видимыми. Но что было любопытно. Оказалось, что с какой бы формы образование такого пятна ни начиналось, оно всегда становится круглым, а потом начинает расширяться. Это уже был чисто математический факт. Вы понимаете, как меня проверяли и Михаил Александрович, и другие, но, тем не менее, статья была представлена. Я привез Леонтовичу уже практически готовую версию статьи. Она называлась так: «О возможном механизме возникновения летающих блюдец». У него из ноздрей буквально пошел дым, и он мне сказал: «Если статья выйдет с таким названием, ноги Вашей не будет в моем доме!»

– Почему он возражал?

– Григорий Исаакович. Михаил Александрович хотел, чтобы статья носила название, разъясняющее соответствующее явление природы. «Летающие блюдца» – это обывательское название, которое сразу ассоциируется с «зелеными человечками» и уводит в сторону фантазий. Тогда я спрашиваю его: «А как ее назвать?». Назовите: «О механизме явления дискоидных образований в атмосфере». И под таким названием она появилась в журнале «Доклады Академии Наук»¹⁷⁴. После чего была полоса в газете «Известия», были интервью и так далее. В связи с этим я даже был

¹⁷⁴ Баренблатт Г. И., Монин А.С. О возможном механизме явления дискоидных образований в атмосфере // Доклады Академии наук СССР. 1979. Т. 246. С. 834–837.

«похищен» уфологами, и им прочел лекцию. В этом лабораторном эксперименте принимали участие замечательные, ныне уже покойные, специалисты. Я докладывал результаты много раз и в Европе, и в Америке.

– Бывали ли здесь Ваши ученики? Какой эффект получался от посещения ими Абрамцева?

– Григорий Исаакович. Замечательный. Они приезжают сюда. Им здесь нравится. Кроме того, я с ними иду гулять и показываю: здесь живет Петровский, здесь Леонтович. Это для них много значит. Вот, например, Анатолий Абрамович Павельев, в какой-то мере он был моим неформальным учеником. Я его ввел в дом Леонтовича. Он просто наслаждался этим знакомством. Он говорил мне: «Я бы никогда не имел возможности даже подержаться за край одежды такого человека».

– Таким образом, поселок академиков давал возможность познакомиться людям?

– Григорий Исаакович. Да, но после отбора. Расскажу про Павельева. Он не защищал докторскую диссертацию и все тут. И вот в Абрамцеве в своем кабинете на даче я взял свою тетрадь и говорю: «Пишите мне расписку, что Вы к определенному сроку представите мне черновой вариант первой главы диссертации, потом второй и так далее». И он написал. И действительно, приходил к сроку с готовыми главами. И защитил диссертацию. Защита им диссертации было событием нетривиальным. Он работал в очень закрытом институте, в котором было очень трудно ее написать и еще труднее представить для защиты в МФТИ. Это же он был третьим автором той статьи. Но в тексте, который мы отправляли в Литературку (Литературная газета. – Сост.), его фамилии не было. Почему? Он опасался, и не без основания, что если его фамилия там будет, ему не дадут защититься, так как защита была закрытой. Но сейчас, когда встал вопрос о публикации этой статьи, я дал на это разрешение только при условии, что он будет восстановлен в правах как автор.

– Вы считаете, что «сломила» его сопротивление атмосфера поселка академиков. Близкое знакомство с его жителями?

– Григорий Исаакович. Совершенно верно. И не просто атмосфера дачного поселка, а концентрация в нем таких людей как Леонтович, Петровский, Кочина. Он хорошо знал моих родственников: тещу, отца¹⁷⁵. (Отец был очень хорошим врачом.) Тут уж, понимаете ли, шутки в сторону: «Допущен не будешь, если не на-

¹⁷⁵ Баренблатт И. Г. (1899–1981). Врач-эндокринолог. Был репрессирован.

пишешь диссертации». После защиты диссертации он вскорости стал профессором, перешел на работу в МГУ.

– *Сергей*. Его коллеги говорили, что после защиты диссертации в его личности произошли заметные изменения. Он стал более контактным, как будто даже стал говорить на другом языке, чем прежде. На работе к нему приходили советоваться. И у меня сложилось тогда впечатление, что Анатолий Абрамович перенес в свою среду тот дух общения, который существовал тогда в Абрамцеве.

– *С кем из жителей Вы, Григорий Исаакович, еще здесь общались?*

– *Григорий Исаакович*. О Келдыше, который здесь жил до 1976 г. говорить мне не хочется. Это был совершенный монстр, уничтожавший людей. И это не только мое личное мнение¹⁷⁶. (Правда, Леонтовичу это мое мнение было очень неприятно.) Но здесь жило немало милых людей. Таким был, например, наш сосед академик Николай Васильевич Белов. Говорят, он был замечательным ученым, но собственных впечатлений такого рода не имею. Знаю о Немчинове, что это был человек потрясающего мужества. (Я сам с ним, правда, никогда не говорил.) Он был директором Тимирязевской Академии и не побоялся выступить против Лысенко¹⁷⁷. Не побоялся в тот момент, когда был включен в список новых академиков Сельскохозяйственной Академии, и все ждал от него чего-то совсем другого. Он был в числе очень немногих, кто действовал в интересах науки. Вспомните библейскую историю о Содоме и Гоморре. Бог спросил, есть ли там хоть один праведник. Немчинов был таким праведником. С некоторыми из жителей я несколько раз разговаривал о науке.

– *С кем?*

– *Григорий Исаакович*. С Обреимовым. Мы с ним говорили только о науке. Он был очень хороший ученый, сделал очень хорошие работы. Но когда я с ним общался, он был уже очень пожилым человеком. Он не мог сражаться как Леонтович. Несколько раз разговаривал с В. Г. Фесенковым и получил от беседы большое удовлетворение. Он очень интересно рассказывал мне об астрономии. Большой был знаток своего дела. Но в общественных делах он, по-моему, участия не принимал.

¹⁷⁶ См. воспоминания С. Новикова «Мои истории» <http://www.mi.ras.ru/~snovikov/Mem.pdf>

¹⁷⁷ В докладе на сессии ВАСХНИЛ (август 1948 г), где Т. Д. Лысенко и его приспешники громили генетику, Немчинов сказал: «Я считаю, что хромосомная теория наследственности вошла в золотой фонд науки человечества и продолжаю держаться такой точки зрения». После этого заявления был снят с должности директора Сельскохозяйственной Академии им. К. Тимирязева. В 1955 г. подписал «письмо трехсот».

– Были ли у вас беседы с академиком Андреем Анатольевичем Бочваром?

– Григорий Исаакович. Да, разговаривал с ним несколько раз, но это не был разговор, в который я вносил вклад, я просто слушал. Был поражен его высочайшим научным уровнем. Понимаете, мастер, он и есть *мастер*. Это всегда чувствуется. Он был металловед, сыграл огромную роль в создании бомбы. Нам были нужны сплавы и все прочее. Этим он и занимался.

– Вы были знакомы с Б. В. Раушенбахом?

– Григорий Исаакович. Да. Я с ним имел довольно много бесед. Это человек, который написал очень хорошее сочинение по нестационарному горению. На меня он производил впечатление серьезного ученого. Потом он ударился в философию. Я этого не понимал.

– Вас можно было часто видеть беседующим с Дмитрием Евгеньевичем Охочимским.

– Григорий Исаакович. Дмитрий Евгеньевич особенно после смерти этих гигантов, Михаила Александровича и Ивана Георгиевича, часто был моим собеседником. Я нередко сам приходил к нему, так как, во-первых, он интересовался *наукой* и, во-вторых, не был политиканом. Мы очень много обсуждали. Специальности у нас очень разные, но, наверное, и для него наши беседы представляли интерес. Это человек с огромными заслугами. Огромными. Он вместе с Тимуром Энеевым первыми сосчитали траекторию полета спутника. Энеев и сейчас живет в поселке. Я хорошо помню, как мы с Дмитрием Евгеньевичем обсуждали разные вопросы механики и, в частности, его новое увлечение – роботонауку. Он же потом оставил спутниковую тематику и полностью переключился на роботонауку. Приведу пример опять-таки нашего дачного взаимодействия, имевшего научный результат. Я приехал на собрание Национальной Академии наук США. Там демонстрировался фильм, где был показан футбольный матч роботов. Роботы были больших размеров. Я был совершенно потрясен. Куда я мог пойти с рассказом об увиденном? Конечно, к Охочимскому. Он очень заинтересовался, особенно его удивило, что эти роботы больших размеров, для него это было совершенно ново. Представленная работа была тоже только-только «со сковородки». (Я на конференции подошел к ее автору, американской профессорше, выразил свое восхищение). Что делает Дмитрий Евгеньевич? Он немедленно связывает меня со своими сотрудниками, и они меня опять очень подробно расспрашивают. Потом, поскольку в США я академик, я пишу письмо профессорше, связываю их. Ее ответ потом обсуждаем. Все это происходит здесь,

на даче. Это ведь важно, верно? Я как сейчас вижу, как он, пораженный, также как и я, спрашивает меня о величине роботов-футболистов. В фильме их размер виден был хорошо, так как они демонстрировались рядом с людьми. Это был 1999 или 2000 г.

– *Общались ли Вы с вашим близким соседом, писателем Юрой Казаковым?*

– *Григорий Исаакович.* Ну конечно! Он был явление в литературе. Собеседник был интересный, и совершенно не такой, как можно было от него ожидать, зная его слабость к алкоголю. Он был очень культурный человек. Я, можно сказать, наслаждался беседой с ним. Пользовался тем, что в Абрамцеве могу видаться и разговаривать с ним. Он подарил мне несколько своих книг.

– *Знали ли Вы Вашего первого соседа напротив, академика Бориса Сергеевича Стечкина?*

– *Григорий Исаакович.* Борис Сергеевич великолепный ученый, великолепный инженер. Я с ним разговаривал. Он был человеком исключительной порядочности. Его сын Сергей Борисович, будучи хорошим математиком, был совершенно отвратным антисемитом. И вот, встречает меня на дороге в поселке Борис Сергеевич и говорит: «Я видел, Вы разговаривали с моим сыном. Ну как Вы с этим мерзавцем можете разговаривать?»

Вы знаете замечательную историю, как его и Туполева выпустили из тюрьмы? Было это в Казани в середине зимы. Они вышли в той одежде, которая у них была, в чем-то совсем не зимнем. «Не беда, – решили они, – Казань университетский город, в нем полно наших знакомых». Ничуть не бывало. Они звонят в разные двери, и все от них отрекшиваются. После дня хождения голодные и замерзшие они вернулись в тюрьму и попросились обратно. А начальник тюрьмы им говорит: «У нас, простите, не гостиница, у нас тюрьма». Они просят хоть какой-нибудь еды, а он: «Тюрьма не ресторан, и вы уже сняты с довольствия». Где-то они ночь перебились. Правда, на следующий день пришла правительственная телеграмма, генерал-майора Туполева и члена-корреспондента Стечкина подняли на щит. Накормили, напоили, посадили на самолет и отправили в Москву. Вот так это было.

– *Жили ли в поселке люди, которых Вы знали с детства?*

– *Григорий Исаакович.* Знал с детства Юрочку Старка. Он вместе с моим братом ходил в детскую немецкую группу. Поэтому мне было очень неприятно видеть, что он спивается. Еще Алешу Абрикосова. Я знаю его очень хорошо. С самого детства мы были соседями по даче на «42 километре» Казанской железной дороги. Он даже в каком-то интервью назвал меня в шутку «врагом детства». Кроме того, мой отец и его мама, Фанни Давидовна

Абрикосова, работали в лечсанупре¹⁷⁸ Кремля. Он человек в научном отношении интересный. Рассказчик прекрасный. Причем, он знает много подробностей и хранит их в памяти. Надо сказать, что он один из первых понял, что в России для науки наступают тяжелые времена. И уехал. С моей точки зрения его очень резкие высказывания, опубликованные в «Известиях»¹⁷⁹, по поводу ситуации с наукой в России, были чрезмерны. Он мог бы это сделать тактичней. В Америке мы перезваниваемся. А Вы знаете эту историю, как его «спас» маршал Чойбалсан¹⁸⁰?

– Да.¹⁸¹ Можно сказать, что он открыл ему путь в науку. Не видать ему работы в отделе Ландау, не умри маршал и не вскрывай его тогда бабушка. Вы были хорошо знакомы с вашими соседями Тихонравовыми?

– Григорий Исаакович. О своем ближайшем соседе Михаиле Клавдиевиче Тихонравове и его супруге Ольге Константиновне хочу сказать особо. Это были замечательные люди. Они без сомнения сыграли пионерскую роль в Советском ракетостроении. Первая ракета, которая полетела у нас и в восточной Европе, была создана Михаилом Клавдиевичем. Я много раз выражал ему свое восхищение и говорил ему, что всякий раз, когда его вижу, у меня возникает ощущение, что я соприкасаюсь с Вечностью. Он от меня отмахивался и, по-видимому, думал, что я иронизирую. Но я вовсе не иронизировал. Все что я говорил, было от души. Когда он это понял, то перестал конфузиться и всегда со мной беседовал. И вот что я заметил. Другие ракетчики, которые говорили об истории и современном состоянии ракетостроения, пытались убедить меня, что Михаил Клавдиевич имел, конечно, большие заслуги, но сейчас он безнадежно устарел. (Так говорил о нем Б. В. Раушенбах.) Но надо понимать, в какое время пришел в ракетостроение Михаил Клавдиевич, и когда Раушенбах. Да, конечно, он получил награды – звание Героя Социалистического Труда, имел чин полковника, но я видел, что их участок здесь не такой, как у всех, что он не является членом Академии наук. И я себя спрашивал: «Что же это, ведь он первооткрыватель? Как же вышло, что он не стяжал вполне заслуженных наград?». Он был несколько сконфужен. Он-то знал, как это было. Как он и его жена нашу первую ракету везли на трамвае. Они рассказывали про это с улыбкой, в которой я чувствовал печаль. И вот я под-

¹⁷⁸ Лечсанупр – лечебно-санитарное управление Кремля, в подчинении которого находился ряд ведомственных больничных и амбулаторных учреждений.

¹⁷⁹ Академик Абрикосов находит плюсы... в «утечке мозгов» на запад // Известия. 1993. № 82, 5 мая.

¹⁸⁰ Маршал Чойбалсан (1895–1952) – политический лидер Монголии

¹⁸¹ Подробно в статье академика Халатникова В. А. «Капица выиграл» (Природа. 1994. № 4. С. 92–104).

умал, что в сущности это большая беда, потому что были получены великие научные достижения, результатом которых являются и атомная бомба, и ракеты, и современные самолеты. Но кто это сделал, кто автор идеи? Мы не знаем. Если говорить о физике, то *автором* идеи является тот, кто опубликовал работу. В области ракетостроения, где работал Тихонравов, были только отчеты. Они были секретными и поэтому совершенно закрытыми. Их авторов никто не знал, кроме очень узкого круга лиц. Люди, которые в таких секретных областях выходили на первый план, часто не были авторами идей. В Америке все авторы известны. Например, полет человека на Луну – кто это сделал, известно. А у нас в закрытых областях не было очередности, кто и когда высказал ту или иную идею. Ведь Королев работал под началом Тихонравова. Так как же быть, где выход? Авторы должны быть известны, независимо от секретности. И мы эти вопросы с ним и Ольгой Константиновой обсуждали. Тут ведь жили разные люди. Например, был такой Григолюк. Он был членом-корреспондентом Академии, а Тихонравов – нет. Так кому ущерб от того, что Тихонравов не член Академии? Ну хорошо, он не получал академического пайка, звания, не занимал важного поста, но его *личный* ущерб не сравним с ущербом самой Академии. Оценка научных заслуг должна обязательно существовать. Потому что, если членами Академии наук являются люди, научные заслуги которых совершенно неизвестны, то и выбирают они в последующем себе подобных. А тех, которые не принадлежат к их группе, они заваливают. И я еще раз повторяю, что необходима система справедливой оценки заслуг ученых.

– *Использовали ли Вы дачу как место для работы?*

– *Григорий Исаакович.* И очень плодотворной. Посмотрите на книги в моем кабинете. Здесь собрана очень хорошая научная библиотека. Я книги не возил туда-сюда. Все, что мне нужно было для сосредоточенной работы, было на даче. Если мне надо было сосредоточиться, то я это делал здесь, это было много эффективней, чем в Москве. И, насколько я понимаю, в этом смысле я здесь был один из многих.

А вы знаете историю создания Поселков академиков?

– *Ну, да. Общеизвестно, что это подарок ученым от государства за их заслуги во время Отечественной Войны. Указ вышел в 1945 г.*

– *Григорий Исаакович.* Да, но этот подарок был сделан на личные деньги Сталина.

– *То есть как? Не на государственные?*

– *Григорий Исаакович.* Мне рассказывали, что было это так. К Сталину пришел тогдашний министр финансов Зверев и доложил ему, что на тот момент вышло такое-то число изданий пол-

ного собрания его сочинений. (Тогда был такой порядок: каждые 20 000 экземпляров рассматривались как новое издание.) Таким образом, у Сталина скопилась громадная сумма личных денег. Спросил: «Как прикажете поступать с Вашими деньгами?». И тогда Сталин, который одним из первых (если не первым) понял и оценил после войны значение науки, распорядился за эти деньги каждому академику подарить по даче. Если дачу не хотели брать, можно было получить 50 000 рублей. Вот Колмогоров от дачи отказался, взял деньги. Не хотел жить рядом с И. М. Виноградовым. Отказался от дачи в нашем поселке и Капица. Кроме того, он был тогда не в чести. Эти дачи построены на личные деньги Сталина, и в каждом из этих поселков имелся его памятник. Вполне заслуженно. И не смотря на то, что я сам первый мужчина в доме, который не сидел (пока, а там, кто его знает), я знаю следующее: Сталин иногда демонстрировал фантастическое прозрение в том, что касалось науки, он нюхом чуял, что вот эти странные люди (ученые) могут играть в прогрессе решающую роль.

– *Поэтому он их поощрял?*

– *Григорий Исаакович.* Это поощрение соответствовало уровню его понимания. Оно у него было достаточно примитивно. Он, например, считал, что в физике будет главный физик такой-то, в математике – главный такой-то. Назначенные им. А это страшное дело для науки.

– *Под письмом 40 академиков, опубликованном в «Правде», в котором осуждался А. Д. Сахаров, нет подписи академика Полубариновой-Кочиной. Каким образом Вашей теще удалось от этого уклониться?*

– *Григорий Исаакович.* Подписывать это письмо академиков вынуждали. Например, в воспоминаниях Новикова есть история о том, как М. Келдыш отловил Боголюбова, который от него скрывался и подписывать письма не хотел. Но он его все-таки злодейски отловил и заставил подписать, тем самым перечеркнув его вполне оправданную надежду на Нобелевскую премию. То же самое было проделано с Несмеяновым¹⁸². А вот с моей тещей в этой связи произошла очень интересная история. Ее вызвали (письменно) к определенному часу в Президиум Академии наук. Зачем ее вызывают, она прекрасно понимала. Там в уведомлении было указано, что пропуск ей будет заказан. Она приходит, обращается

¹⁸² А. Н. Несмеянов (1899–1980) – выдающийся химик-органик. Академик АН СССР с 1943 г., основатель научной школы по химии элементоорганических соединений. Ректор Московского Государственного Университета им. М. В. Ломоносова. (1948–1951). Директор Института элементоорганических соединений АН СССР (1951–1961). Президент Академии наук СССР (1951–1961).

в бюро пропусков и оказывается, что пропуска ей нет. Произошло это по понятной причине, она как академик может пройти в Президиум и без всякого пропуска. (Уведомление было стандартным.) Убедившись в отсутствии означенного пропуска, она повернулась и ушла. Вот какая у нас была Пелагея Яковлевна.

Ираида Николаевна Кочина (1927 г. р.).

Дочь академика П. Я. Полубариновой-Кочиной. Математик, кандидат физико-математических наук.

Надежда Григорьевна Кочина (1957 г. р.).

Внучка академика Полубариновой-Кочиной. Математик, кандидат физико-математических наук.

– *Расскажите, пожалуйста, историю покупки этой дачи.*

– *Ираида Николаевна.* Идея купить дачу принадлежала моему мужу Григорию Исааковичу Баренблатту, так как в старой родительской даче на станции «42 километр» Казанской железной дороге жить вместе с семьей моей сестры Нины стало тесно. Узнав, что в академическом поселке Луцино академик В. С. Кулебакин продает свою дачу, мы (Пелагея Яковлевна, Григорий Исаакович и я) поехали ее посмотреть. Дача была очень «поношенная», но стояла прямо над обрывом к Москве-реке. Из окон была видна река и склон, поросший сосновым лесом. Вид был прекрасный. Но все-таки мы раздумывали. Пока мы колебались, академик продавать дачу передумал. Одновременно в нашем поселке Абрамцево член-корреспондент Э. И. Григолюк купил дачу. (На ней потом жил писатель Ю. П. Казаков) Но тут опять возникла дача Кулебакина, так как академик все-таки решил ее продать и купить ближе к Москве кирпичную дачу, принадлежавшую какой-то генеральше. Тогда Григолюк быстро отказался от абрамцевской дачи, то есть продал ее Юре Казакову, и купил луцинскую у Кулебакина. Через какое-то время после того, как Григолюк уже переехал в Луцино, а В. С. Кулебакин переехал в дачу, купленную у генеральской вдовы, последняя вдруг заявила, что она передумала ее продавать. А тогда был закон, который позволял «передумать» в течение полугода. Пришлось Кулебакину съехать, а вот Григолюк из его бывшей дачи в Луцино выехать отказался. Я это все рассказываю к тому, что если бы на этой даче в Луцино оказались мы, то, конечно бы в такой ситуации съехали, и никакой дачи у нас бы не было. Мы бы остались ни с чем.

– *В Абрамцеве вы дачу выбирали?*

– *Ираида Николаевна.* В Абрамцеве нам были предложены на выбор две дачи, находящиеся тогда в аренде у Академии наук:

на участке № 35 и № 37. Мы поехали посмотреть дачи вместе с семьей Г. Г. Черного. Они выбрали дачу № 35, а нам досталась наша – № 37. В Абрамцево нам понравилось. Говорить о природе Абрамцево банально, но ничего подобного на «42 километре» нет. Там сплошные дачные участки и улицы. Дачу № 37 у Академии наук в разные годы арендовали академики Л. С. Понтрягин, Н. Н. Блохин, А. А. Дородницын, С. Л. Тихвинский, может быть, еще кто-то. Она нуждалась в большом ремонте. Участок был заросший, кругом были кусты орешника. Большие дубы стояли у самого дома. Несколько дубов нам пришлось уничтожить, потому что они очень затеняли дом, убрали елку, которая могла упасть. Первый год после покупки мы на даче не жили – делали ремонт. Потом стали проводить в Абрамцево летние месяцы, зимние и весенние школьные каникулы, майские и ноябрьские праздники. Здесь вырастили дочерей: Надю и младшую, Веру. Одно время с нами жили родственники, у которых была машина, и мы осваивали окрестности – ездили на Торбеево озеро, за деревню Шатилово по дороге на Дмитров – за грибами и ягодами, гуляли по лесам.

– *Вы использовали дачу зимой, когда еще не был подведен магистральный газ. Как это было организовано?*

– *Ираида Николаевна.* Зимой в большом доме топили печи. Истопник Ефрем Петрович¹⁸³ топил печи в нашей даче и еще в нескольких. Как раз это совпало с уничтожением плиты на кухне, на которой готовили и которую топили дровами. На ее месте поставили водяной котел, провели трубы, а в комнатах установили батареи. Так в поселке еще раньше было сделано у Фесенковых, Леонтовичей, и Беловых. Мы это сделали в году 1968-м или 1969-м, а въехали на дачу раньше, в 1966 г. Топили котел углем. Уголь сбрасывали с машины перед маленьким домиком, и Григорий Исаакович постепенно перебрасывал его в сарай. Этим он занимался каждое лето, до появления магистрального газа. (Я помню, что у него была норма – столько-то лопат угля перекидать за один день.)

– *Ефрем Петрович был ответственным работником?*

– *Ираида Николаевна.* К своим обязанностям он относился очень добросовестно. Если был сильный мороз, он и два раза приходил. А жил он в бараке в подсобном хозяйстве. Там у него

¹⁸³ Его дочь Роза Ефремовна продолжала жить в бараке подсобного хозяйства. Часто приходла посидеть и выпить в наш абрамцевский магазин. Она поразила меня совершенно правильной русской речью. Рассказала мне, что Ефрем Петрович не воевал, был уже не призывного возраста. Приехал в Абрамцево, поскольку у него здесь был знакомый, директор госпиталя, который был на территории музея во время войны. Как я поняла из ее рассказа, Г. Г. Черный помогал ему деньгами до самой его смерти. Она в разговоре называла Г. Г. Черного «болгарином».

была корова, но молоко, видимо, часто воровали. У Ефрема Петровича всегда была собачка, которая сторожила – лаяла. Поэтому его бедных собак часто травили, и он заводил нового «сторожа». Появлялся уже с новой собачкой. Но без собаки мы его никогда не видели. Спросишь его, бывало, а где прежняя: «Отравили, громко лаяла». Одну из его собак звали Басмач.

– *Надежда*. Специалист (по топке) он был очень хороший. Он знал, что в субботу мы могли приехать и топил побольше. Он все здесь проверял, даже ставил мышеловки. Если батареи были очень горячие, мебель отодвигал от них. Очень был симпатичный старик, но плохо слышал и с годами все хуже и хуже. Говорил: «У меня в голове поезд идет».

– *Знали ли вы кого-нибудь из жителей поселка до покупки дачи?*

– *Ираида Николаевна*. Муж, Григорий Исаакович, был знаком с академиком Петровским. Иван Георгиевич хорошо знал деда Григория Исааковича, В. Ф. Кагана¹⁸⁴, тот был математик-геометр. Как вспоминает Григорий Исаакович, Петровский был младше его деда на 30 с небольшим лет и на те же 30 без малого старше него. Но по мнению мужа, в конце жизни Петровский перенес свою дружбу с Каганом на него, особенно после того, как мы в 1966 г. купили здесь дачу. В Абрамцеве они много общались, ходили вместе гулять и даже играли в бадминтон. Как-то меня взяли с собой на прогулку в лес. Петровский нарвал огромный букет иван-чая и сказал, что это в подарок жене, Ольге Афанасьевне. На даче Петровский жил с женой и ее двумя сестрами. Они были не москвички, одна из Пензы, а другая еще откуда-то. В поселке про них говорили, что на даче живут «дядя Ваня и три сестры». Зимой Петровский много ходил на лыжах. В окрестностях поселка существует даже названная в его память «аллея Петровского». На ней его часто видели на лыжах.

Живших в поселке Алексея Алексеевича и Марию Алексеевну Абрикосовых Григорий Исаакович знал еще с детства. Они были тогда соседями по даче на «42 км» Казанской железной дороги. Конечно, мы их знали как Алешу и Машу. Близкое знакомство у него было и с мужем Маши, Виктором Львовичем Карпманом. Надя была в аспирантуре и под руководством Карпмана защитила кандидатскую диссертацию.

Хорошо знали семью Г. Г. Черного. Горимир Горимирович учился на мехмате курсом старше нас с мужем.

– *Жила ли здесь Ваша мама, академик Пелагея Яковлевна Кочина?*

¹⁸⁴ В. Ф. Каган (1869–1953) – математик, создатель школы в области римановой геометрии. Один из пионеров преподавания общей теории относительности в СССР. С 1923 г. профессор Московского университета. Заслуженный деятель науки РСФСР. Сталинская премия 1943 г.

– *Ираида Николаевна*. Когда мы купили дачу, мама работала в новосибирском Академгородке. Она была избрана в Академию наук по Сибирскому отделению. Там она занималась теорией фильтрации и в частности, вопросами, связанными с орошением Кулундинской степи. Имела учеников в разных республиках СССР. В те годы она бывала на даче редко. После возвращения в Москву стала больше времени проводить на даче; в последний раз она здесь жила в 1993 г. в возрасте 94 лет, перед тяжелой болезнью.

– *Она здесь с кем-нибудь общалась?*

– *Надежда*. Бабушка, Пелагея Яковлевна, любила общаться с Борисом Сергеевичем Стечкиным. Тогда он жил напротив нас, арендовал эту дачу почти 20 лет. Все его внуки здесь выросли. Несмотря на это, не захотел выкупить дачу у Академии. Наверное, если бы была жива его жена, он бы так не поступил. Но она умерла раньше него.

– *Расскажите про вашего соседа, писателя Юру Казакова.*

– *Ираида Николаевна*. Как я уже говорила, Ю. П. Казаков купил дачу у Э. И. Григолюка. Он здесь жил круглый год с родителями, женой Тамарой Михайловной и с маленьким сыном. Он написал очень хорошие рассказы, некоторые из них – в Абрамцево. Особенное впечатление на меня произвел рассказ «Арктур – гончий пес» и повесть о жизни замечательного ненца, «начальника» Новой Земли, художника и путешественника «И родился я на Новой Земле» Тыко Вылка. Эта повесть была напечатана в журнале «Дружба народов». Юрий Петрович хотел экранизировать повесть, но не успел. После его смерти Тамара Михайловна подарила нам его книжку «Осень в дубовых лесах». Дачу Казакову удалось купить в результате обмена дачи Союза писателей и дачи Академии. Был совершен официальный обмен, кто этому содействовал, не знаю. И. М. Виноградов, председатель правления, очень за это ругал Николая Федоровича: «Как это так, в наше сообщество попал человек не нашего круга. И вдобавок, этот писатель Юрий Казаков – пьяница». В литературной критике о нем очень хорошие отзывы. На мой непросвещенный взгляд, у него есть хорошие рассказы, но не отличные, а его расхваливают в рецензиях ужасно. Писатель Нагибин в некрологе обвинил в его ранней смерти Абрамцево. Дескать, это «пьяное Абрамцево» виновато, что он так быстро спился и умер.

– *К нему приезжали друзья, шумели?*

– *Надежда*. Приезжало много народу. Здесь жила его мать. И ей принадлежала фраза: «Как понаедут, так и пошла гульба».

– *Ираида Николаевна.* С другим нашим соседом, Михаилом Клавдиевичем Тихонравовым, очень любил общаться Григорий Исаакович. Одно время у нас в верхней комнате стоял телескоп, подаренный Тихонравову.

– *У тебя, Надя, была здесь компания?*

– *Надежда.* Особой компании у меня здесь не было. Я немножко общалась с Галей Черной, потом один год с Лешей и Дашей Леонтовичами, с Катей Белянкиной, с Лизой Заварзиной. С ней было интересно, она была девочкой серьезной. Со Старками общение как-то не сложилось, а потом, лет с 15-ти, я уже старалась отсюда «свалить». Здесь мне было скучно. Ну, в 15 лет мне это еще не очень удавалось, а потом все лучше и лучше. У Веры (она младше на 6 лет) здесь компании никогда не было. Я одно время занималась фигурным катанием и пыталась здесь отработать прыжки, по кругу бегала. А те из детей, кто был постарше, надо мной смеялись, они на дачах жили по-другому.

– *Знали ли вы, что в поселке живут так называемые инакомыслящие?*

– *Надежда.* Про Вадима Делоне, конечно, знали. Знали, что у Абрикосовых снимал дачу Анатолий Гладилин. Он потом уехал во Францию.

– *Знали, что писатель Венедикт Ерофеева жил на даче у Б. Н. Делоне?*

– *Ираида Николаевна.* Нет, не знали.

– *Ваш муж любит здесь жить?*

– *Ираида Николаевна.* Григорий Исаакович очень любит дачу. Все книги по математике, созданные им до отъезда в США, написаны здесь¹⁸⁵. (Григорий Исаакович работает в США с 1994 г. Является иностранным членом Лондонского королевского общества, академиком трех американских академий, имеет медали им. С. П. Тимошенко и множество других наград). До отъезда он всегда проводил отпуск на даче, но на один день ездил в Москву, чтобы дать задание сотрудникам лаборатории. На даче мы жили всегда всей семьей. Я как преподаватель имела отпуск в июле-августе. У него отпуск тоже бывал в это время. Тут я хозяйствовала, всех кормила, а он сидел наверху и писал свои книги. Здесь он любил гулять по поселку и обычно, встретив кого-нибудь, разговаривал про науку. Это было для него лучшим отдыхом.

– *Прогуливающийся с кем-нибудь из жителей по кругу Г. И. Баренблатт одно время был «лицом» поселка – так часто его можно было встретить за этим занятием.*

¹⁸⁵ Г. И. Баренблатт – автор 15 монографий по математике и механике.

– *Ираида Николаевна.* Ездить куда-то отдыхать он не любил. А здесь принято было такое общение, он его ценил. Сюда приезжали и его ученики. Приезжали на день рождения или просто по научной надобности. В верхней комнате, в его кабинете, у нас даже стояла доска. Григорий Исаакович приезжал сюда и зимой, чтобы заниматься наукой, ему здесь никто не мешал. И я приезжала сюда зимой вместе с ним. Я преподавала в Нефтяном институте (теперь ГУНиГ) и тоже занималась научной деятельностью. Здесь тишина, никто не мешал. Можно было спокойно работать. Мне иногда требовалась научная помощь Григория Исааковича. На даче он был доступен, и мне кое-что мог подсказать, а в Москве ему очень много звонили по телефону или приходили домой ученики.

– *Что для вас всех Абрамцево?*

– *Надежда.* Для нас Абрамцево – это дом, в котором собирается вся наша семья. Мама, папа, мы – две сестры, наши мужья. Это очень важно. Сейчас папа работает в Америке, но когда он жил здесь, утро в Абрамцеве – это всегда было замечательно. Только на даче получалось пообщаться всей семьей; в Москве, даже если все и собирались, что-то папу обязательно отвлекало, например, телефонный звонок. Папа спускался со своего второго этажа, и мы здесь подолгу общались. Мы это время очень любили. Я считаю, что теплыми отношениями между нашими семьями (моей и сестры) и родителями мы обязаны Абрамцеву, этой возможностью семейно отдыхать в родном доме вместе с родителями. Благодаря Абрамцеву папа хорошо познакомился со своими зятями – помногу с ними беседовал во время тех же прогулок. Примерно с 1994 г. Вера стала очень часто приезжать сюда зимой, полюбила здесь кататься на лыжах. Теперь они с мужем стараются не пропускать ни одного выходного, на лыжах ходят километров по 30. Несколько раз приходили на дачу со станции «Яхрома» Савеловской железной дороги. Они любят туристические походы. А я ходила на лыжах только девочкой с папой и мамой. Причем папа сам не катался, но с мамой они ходили в дубовую рощу, где мы (я и Вера) катались на лыжах с горки. Мы с мужем предпочли лыжам бассейн «Энергия» в Хотькове. Благодаря этому мы познакомились с Овчинниковыми – жителями дачи № 11. Он, будучи отоларингологом, лечил нас от инфекции в ушах, приобретенной в бассейне. До этого мы с Овчинниковыми не были близко знакомы. Должна сказать, что в поселке можно найти очень хороших врачей разных специальностей.

Абрамцево полюбили и наши мужья. Мой муж, Сережа, возобновил здесь уже почти утраченную традицию здороваться при встрече на «кругу». Так всегда было раньше, за этим порядком

среди нас, детей, следил Николай Федорович, а взрослые всегда здоровались. Мы опять начали здороваться, и эта добрая традиция возобновилась.

– Да, помню, академик Петровский передо мной, девочкой, когда я с ним здоровалась, снимал соломенную шляпу и низко кланялся. Сейчас я со старожилками, конечно, здороваюсь, но многих новых уже просто не знаю. Обычно здесь при встрече все-таки принято здороваться. Правда, иногда, я не здороваюсь принципиально, так как есть и неприятные люди, например, проявившие жестокость по отношению к приبلудному, но жившему в поселке псу Мише. Абрамцево любите?

– Ираида Николаевна. Да, конечно, любим. Я с удовольствием смотрю на деревья – на дубы, елки, стоящие на участке. Люблю сидеть в кресле среди этих деревьев. Когда надо уезжать, грущу от расставания со здешней природой и при мысли о предстоящей встрече с московскими серыми домами. Абрамцевская природа вошла в нашу жизнь, стала ее частью. А еще тут с нами жили наши собаки. Наш коричневый королевский пудель по кличке Тензор прожил с нами в Абрамцево 11 лет.

– Надежда. А вообще, если подумать, то немногие люди нашего круга имеют возможность отдохнуть на собственном гектаре земли. Представляешь себе, гектар земли возле Нью-Йорка?!

Наталья Михайловна Тихонравова (1940 г. р.).

Дочь М. К. Тихонравова. Биолог, кандидат биологических наук.

Дача № 44, которую мы сейчас занимаем, была построена в 1949 г. для члена-корреспондента АН СССР Алексея Владимировича Ефимова, но силами русских рабочих, а не немецких. А. В. Ефимов был историком, у него было много трудов в академических изданиях. По его учебникам долгие годы учились в школе. В 1965 г. мой отец, Михаил Клавдиевич Тихонравов начал переговоры с А. В. Ефимовым о покупке его дачи, и в 1966 г. это было официально оформлено. (Первое посещение Абрамцева произошло намного раньше, в 1948 г. Мы приезжали в гости к папиному сослуживцу, в поселок художников. Абрамцево очень понравилось родителям своей живописностью и тишиной.)

История же покупки дачи такова. Михаил Клавдиевич давно дружил с Борисом Викторовичем Старком. Познакомились они на почве увлечения энтомологией в Энтомологическом обществе при МГУ им. М. В. Ломоносова. Там встречались не только профессиональные энтомологи, но и любители, люди самых разных профессий. Борис Викторович был специалистом в области металлургии и работал в Институте стали и сплавов, а мой папа ра-

ботал тогда в номерном институте (теперь НПО «Энергия» имени С. П. Королева) в должности заместителя главного конструктора С. П. Королева и был начальником проектного отдела предприятия. Знакомство с Б. В. Старком было тесным. Многие годы родители и я отдыхали на его даче под Алуштой. Оттуда ездили в Крымский заповедник ловить насекомых. Мои родители знали и сыновей Бориса Викторовича – Сергея Борисовича и Константина Борисовича, и их жен. Особенно близки мои родители были с Сергеем Борисовичем и его женой, Клавдией Ивановной. Уже после смерти Б. В. Старка мои родители были приглашены его сыновьями на дачу в Абрамцево. Это было в конце 50-х – начале 60-х гг. У Старков родители познакомились с управляющим поселком, Николаем Федоровичем Шкариновым, с которым также стали большими друзьями. Это был очень доброжелательный человек и занимательный собеседник. Мы приезжали в Абрамцево обычно летом. Примерно в 1962–1963 гг. при встрече на даче Старков Николай Федорович спросил у родителей, нравится ли им Абрамцево. На что, конечно, они ответили: «Да! Очень. Тут такая природа и тишина». Николай Федорович сказал: «А вот вы приезжайте сюда зимой – это сказка». Старки тоже подтвердили, что в Абрамцево даже красивее зимой. Они приехали зимой и с тех пор навсегда влюбились в эти места. В 1965 г. при очередной встрече Николай Федорович спросил папу, не хочет ли он приобрести дачу. Свободных дач в то время было несколько. Папа ответил, что большая двухэтажная дача, да еще и с маленьким домом в дополнение ему не нужна. Николай Федорович сказал на это: «Ловлю Вас на слове! Пойдемте, я вам покажу небольшой дом». Взял ключи и повел родителей на дачу, которую продавали в то время Ефимовы. Теперь на ней уже 41 год живем мы.

Надо заметить, что в те годы не членам Академии в поселок не так-то просто было попасть – требовалось чье-либо представление Совету поселка. Так, Михаила Клавдиевича Тихонравова представлял Мстислав Всеволодович Келдыш, президент АН СССР, с которым папа был давно знаком по работе. Их связывали и научно-исследовательские работы в области космических исследований, и практические – расчеты орбит спутников и космических кораблей. Сотрудники проектного отдела НПО «Энергия» часто вспоминали их совместную работу с Институтом математики и писали об этом времени в статьях и своих воспоминаниях. Когда речь заходила о расчетах орбит, особенно часто звучали фамилии Д. Е. Охоцимского, Т. М. Энеева, тогда еще совсем молодых сотрудников. Оба стали потом жителями поселка.

Купив дачу, папа сразу же занялся приведением ее в божеский вид, так как она была очень запущена. Прежние хозяева, уже

пожилые и больные люди, давно не ездили сюда. Требовались столярные и плотницкие работы. Внутри дача была покрашена в очень мрачные цвета – коричневый и синий. Большая комната была перегороджена на две. В общем, предстояли большие работы. Михаил Клавдиевич принялся нанимать мастеров. Была застеклена большая терраса. Меняли полы.

Дача стоит на довольно большом участке, со множеством елей, лип, дубов и других деревьев. Очень много кустарников – орешника, шиповника, жимолости. От прежних хозяев остались кусты смородины, крыжовника, сирень, жасмин, несколько яблонь. Были цветы: нарциссы, лилейник, маки. Мы за ними ухаживали и посадили много новых кустарников и цветов. Муж мой, Альберт Андреевич, очень увлекся прививками яблонь, посадкой груш и слив. Он очень следил за садом. Бывая часто в экспедициях на Дальнем Востоке, он иногда привозил экзотические для Подмосковья растения, которые прекрасно прижились: актинидию, жимолость, лимонник и другие. Белые грибы, сыроежки, лисички и, обычно дважды за лето, опять, растущие прямо на участке, поражали и нас, и наших знакомых, приезжавших к нам на дачу. Первый год после покупки мы не жили, приезжали поработать в саду. Я сидела на клубничных грядках, муж и папа косили траву, которая была местами выше пояса. А уже в мае 1967 г. я приехала с дочкой Олей, которой было 4,5 месяца, и няней на лето. С тех пор на даче мы бывали постоянно и летом, и зимой. Зима в Abramceve действительно прекрасна, и мы по выходным или позднее в зимние и весенние каникулы дочери часто отправлялись на лыжные прогулки, иногда довольно дальние.

Друзей у родителей было много, не только по Москве, но и по Abramcevu. Родендорфы – Борис Борисович и Ольга Александровна снимали дачу в Abramceve (когда мы уже жили в поселке) у Немчиновых¹⁸⁶. Борис Борисович был энтомологом-палеонтологом и работал в Институте палеонтологии АН СССР, а Ольга Александровна работала на кафедре энтомологии биофака МГУ. Их дочь, Евгения Борисовна, также часто бывала здесь, в Abramceve, позднее и со своими детьми. Борис Викторович и Вера Михайловна Раушенбахи, приехав в Abramcevo в гости, также полюбили его и решили провести здесь лето. Ну, а потом пришло и желание купить в Abramceve дачу. Они остановили свой выбор на бывшей даче академика Крылова, жили здесь большой семьей. Традицией было всем вместе праздновать день рождения Сергея Борисовича Старка.

¹⁸⁶ Б. Б. Родендорф снимал дачу не только у Немчиновых, но и маленький домик у Абрикосовых. Это о нем нянька Алеши Абрикосова, тетя Паша, наблюдая их походы в лес с сачком и прочим инвентарем для ловли насекомых, говорила: «Ну, опять с саком пошел».

Кроме того, в Абрамцеве произошли замечательные новые знакомства и встречи со старыми знакомыми. Так, однажды Б. Б. Родендорф, зная об очень большом интересе Михаила Клавдиевича к творчеству писателя И. А. Ефремова, спросил, не хотел бы он познакомиться с ним, так как Иван Антонович снимает маленький домик на даче № 12. Папа с удовольствием принял это предложение, и мы, Борис Борисович, папа и я, отправились на встречу с Иваном Антоновичем. Они долго беседовали с ним о книгах, поисках, поездках. Михаил Клавдиевич даже написал маслом картину под впечатлением от одного из рассказов И. А. Ефремова и назвал ее по имени рассказа – «Озеро горных духов».

Тут же, в Абрамцеве, родители познакомилась и с семьей Заварзиных – Александром Алексеевичем и Ниной Борисовной. Они не один вечер провели вместе, находя много общих тем для бесед. Чудесные отношения сложились уже в Москве, а потом продолжились в Абрамцеве с семьей Смирновых – Евгением Сергеевичем и Милицей Сергеевной. Е. С. Смирнов был долгое время заведующим кафедрой энтомологии МГУ. Первая встреча папы с Евгением Сергеевичем произошла также в энтомологическом обществе. А в Абрамцеве Смирновы снимали маленький домик у Заварзиных. Такой же домик у Старков снимала семья Мантейфель¹⁸⁷, Борис Петрович и Вера Васильевна. Борис Петрович был доктором биологических наук, профессором на кафедре ихтиологии МГУ. Это была очень милая, симпатичная семья. Борис Петрович выходил иногда посидеть в плетеном кресле в саду около домика и приручил здешних синичек брать корм с рук. Некоторые из них подлетали и садились к нему на плечи.

Совсем рядом с нашей дачей расположена дача № 36. Ее долгое время арендовал хорошо знакомый и очень уважаемый папой академик Б. С. Стечкин. Он был в 20-е годы преподавателем в Институте инженеров военно-воздушного флота, где папа в это время учился (позднее институт был переименован в военно-воздушную академию им. Н. Е. Жуковского). Михаил Клавдиевич и Борис Сергеевич неоднократно потом встречались по работе в разные годы. После покупки папой дачи они встречались уже в Абрамцеве, часто беседовали, прогуливаясь по дорожке, между нашими дачами. Общение на даче было недолгим. Однажды, встретившись с папой на нашей дороге, Борис Сергеевич сказал с какой-то грустью, что, вероятно, от дачи придется отказаться, так

¹⁸⁷ Б. П. Мантейфель (1905–1976) – ихтиолог, гидробиолог, крупнейший специалист по поведению рыб и беспозвоночных. Профессор. Его отца П. А. Мантейфеля, зоолога-натуралиста, Н. И. Вавилов называл «русским Бремем». В 1924–1936 гг. Б. П. Мантейфель был заместителем директора Московского Зоопарка, где организовал «Клуб юных биологов зоопарка» (КЮБЗ), в котором были воспитаны крупные ученые-биологи, в частности, его сын.

как дети выросли и она уже никому не нужна. А в 1969 г., отдыхая в санатории «Узкое», Борис Сергеевич почувствовал себя плохо. Его повезли в больницу, но по дороге он скончался. Михаил Клавдиевич с благодарностью вспоминал Бориса Сергеевича, он был знающим, замечательным преподавателем и человеком, который щедро делился своими знаниями со слушателями академии.

На соседней с нами даче живет семья академика П. Я. Кочинной. Муж ее дочери, Ираиды Николаевны, Григорий Исаакович Баренблатт, очень уважал моего отца, любил с ним побеседовать. А однажды, когда мы привезли на дачу подаренный моему отцу на 60-летие телескоп, они вместе с балкона второго этажа дачи № 37 смотрели на звезды и планеты. (На даче Тихонравова нет второго этажа, и телескоп некоторое время стоял на втором этаже у Кочинных. – *Сост.*)

Через дорожку от нас стоит дача № 43¹⁸⁸, эту дачу через два-три года после нашего приезда в Абрамцево, купил писатель Ю. П. Казаков. Его семья – жена Тамара Михайловна, сын Алеша и его родители – жили здесь постоянно. Ему всегда хотелось жить в загородном доме на природе. Мы также были знакомы. С Тамарой Михайловной и Алешей мы часто встречались на лыжных прогулках. Прозу Юрия Павловича мы знали давно, еще со студенческих лет, и очень любили многие его произведения. Здесь же в Абрамцево он написал трогательные рассказы: «Свеча» и «Во сне ты горько плакал». Многие рассказы действительно красивы и поэтичны. Недаром творчество Ю. П. Казакова иногда считают очень близким творчеству К. Г. Паустовского. К сожалению, умер Юрий Павлович довольно рано, ему было 50 с небольшим лет. После его смерти произведения переиздавались. Большой труд вложила в это его жена, Тамара Михайловна, филолог по образованию. Первую же книгу переизданных рассказов Тамара Михайловна подарила нам. Телевидение сняло по некоторым произведениям писателя постановки. Видимся мы с женой Юрия Павловича теперь изредка, так как на даче они с Алешей бывают нечасто.

Что же касается здешней молодежи, то с некоторыми мы были знакомы раньше в силу некоторых обстоятельств. Как я уже отмечала, с семьей Старков мы познакомились задолго до того, как папа купил здесь дачу. С некоторыми из их друзей, живших в Абрамцево, мы тоже давно были в приятельских отношениях. В 1958 г. в Алуште мы встретились с Верой Усиевич, женой Ю. С. Старка, и с Наташей Орловой, женой Г. А. Заварзина. Встречи с ними стали особенно частыми, когда мы здесь поселились. У нас была дружная девичья компания. Вместе ходили на

¹⁸⁸ К несчастью, дача Ю. П. Казакова сгорела осенью 2007 г.

прогулки и за грибами. Верочка Усиевич была врачом, работала сначала в Институте кардиологии, как и ее мама. На старшей дочери Усиевичей – Лиде женился друг Юрия Сергеевича Старка, Моржин. Она была геологом, много ездила в экспедиции. В Abramceve мои родители познакомились с родителями Веры, Михаилом Александровичем Усиевичем и Конкордией Николаевной Замысловой. Оба они были врачами и замечательными, умными и интеллигентными людьми. Они еще до нашего появления здесь арендовали помещение бывшего медпункта.

Папа любил дачу. Работал здесь над курсом лекций по космонавтике для МАИ им. С. Орджоникидзе или делал какие-либо расчеты, прикидывал планы своих дальнейших работ. Для отдыха пилил и колол дров. Одним из видов отдыха у папы, кроме занятий энтомологией или решения шахматных задач, была живопись. Этим он увлекся еще в детстве и после занятий в гимназии в Соляном городке (Санкт-Петербурге) спешил с мамой и сестрой в Художественное училище барона Штиглица, которое располагалось напротив их дома. Некоторые из его картин участвовали в выставках. Например, была интересная выставка известных авиаконструкторов и академиков в выставочном зале на Крымском валу. Называлась она «Ученые рисуют». Картина, посвященная ежегодным в 20–30-е гг. Всесоюзным планерным состязаниям, демонстрировалась в Музее авиации им. Н. Е. Жуковского. Ее выставляли и в Музее планеризма в Коктебеле, когда отмечали 50-летие этих соревнований. Когда-то отец лично участвовал в них со своими планерами – «Жар-птица», «Гамаюн» и др. Частенько летом, закончив свои занятия, папа звал меня с собой на этюды по окрестностям. Он написал ряд небольших картин – несколько пейзажей. К сожалению, Михаил Клавдиевич недолго жил на даче, он скончался 4 марта 1974 г., то есть прожил в Abramceve, которое полюбил всем сердцем, всего восемь лет.

Хочу сказать несколько слов о моей маме – Ольге Константиновне. Она была не только женой и близким другом папы, но и соратницей. Папа познакомился с ней еще на авиационном заводе, где она работала конструктором. Когда организовался ГИРД (Группа изучения реактивного движения), Королев пригласил туда работать Михаила Клавдиевича, а тот рассказал молодым конструкторам об этой группе. Многие пошли работать туда, сначала бесплатно, на общественных началах. Среди них была и моя мама. Поженились они в 1933 г. У них были очень трогательные отношения. Прожили вместе они более 40 лет. Все вопросы ими решались сообща, в том числе, конечно, покупка и благоустройство дачи.

Дачу любил и мой муж. Он обожал рыбалку, с удовольствием общался с Сережей Шкариновым¹⁸⁹, внуком управляющего, который также любил природу, рыбалку, охоту. У них часто бывали долгие разговоры о лесе, о здешних водоемах. Сережа увлеченно рассказывал о том, как они обновляют лес, делают посадки елей, дубов. Он окончил Лесотехнический институт, а мой муж, как и я, – Биологический факультет МГУ, ездил в экспедиции по всей стране, так что общих интересов было много. Сергей по весне часто приглашал нас за строчками и сморчками, а летом – за малиной и грибами. Осенью любили ходить за опятами. Он с удовольствием делился с нами своими заветными местами, где можно было больше найти грибов. Семья Шкариновых в жизни поселка играла особую роль. Все со своими проблемами, радостями и бедами шли к Николаю Федоровичу и к его жене, Александре Николаевне. Она всегда старались помочь советами, когда заболели дети. Сейчас в поселке живут сын Николая Федоровича – Лев Николаевич и его жена Клеопатра Сергеевна.

У меня и моих здешних подруг подрастали дети. Правда, дети были разновозрастными. Сережа Старк и Миша Моржин (см. воспоминания Л. М. Моржиной, с. 387–391. – Сост.) были на семь лет старше моей дочки, поэтому у них была своя компания: Костя Атабеков, Коля Майсуриян, Галя Черная и другие. К сожалению, детей возраста моей дочки Оли в поселке было всего двое – Коля Моржин и Илья Тальрозе (внук В. Л. Тальрозе). Они очень дружили, всегда играли вместе – то на «клумбе», как мы называли теперешнюю детскую площадку, то у кого-нибудь на даче. Любили кататься на велосипедах. Выезжать за ворота поселка им не разрешалось. Но пару раз они ездили на Шоколадку – известный всем пруд у рабочего поселка. Олиными друзьями были мальчики, но Илья, понимая, что Оле хотелось бы иногда поиграть и с девочками, очень сочувствовал ей. И, как только в поселке появлялась подходящая по возрасту девочка, спешил познакомить ее с Олей. Он обычно приезжал возбужденный на велосипеде и кричал издали: «Оля! Я тебе девочек нашел!» Мы познакомились ближе и со старшими Тальрозе – Виктором Львовичем и Евгенией Владимировной, и с младшими – их дочерью Раей и ее мужем Леней. Они купили дачу 36, которую раньше арендовал Б. С. Стечкин. Все они были по профессии химиками. Когда дети играли на их участке, Евгения Владимировна постоянно опекала их, подкармливала фруктами или другими вкусными вещами. Мы с Раей покупали для детей «сухой пломбир» и делали мороженое

¹⁸⁹ С. Л. Шкаринов (1950–2012) – кандидат сельскохозяйственных наук, профессор кафедры ботаники и физиологии растений Московского государственного университета леса.

на даче. Много раз мы все собирались у них на большой террасе, отмечая дни рождения, окончание детьми учебного года и начало дачного сезона. Виктор Львович часто говорил с моим мужем о посадках, зная, что он большой «садовод-любитель». Альберт Андреевич любил поэкспериментировать – прививал какой-нибудь сорт яблони на яблоню-китайку или даже на черноплодную рябину. У него это получалось, все черенки прививались. Виктор Львович однажды попросил Альберта Андреевича привить к его яблоням пять черенков. На следующее лето наш сосед с восторгом рассказал о том, что все пять привились.

Наступили 90-е годы. Илья Тальрозе закончил институт и в 1991 г. уехал на стажировку в Бельгию, после этого получил работу в США. В 1996 г., продав дачу, Рая и Леня тоже уехали в США. А еще через год или два они настояли на переезде к ним родителей. Лет пять назад приезжала к нам на дачу дочка Раи и Лени – Ира с мужем. Ира тоже любила дачу и хотела посмотреть на места, столь близкие с детства. Побыв у нас и собираясь уезжать в Москву, она сказала: «Ну вот, хоть посмотрела на бывшую нашу дачу!» Ира сказала также, что Илья часто говорил о том, что ему не столько хотелось бы приехать в Москву, сколько посмотреть на Абрамцево. Так что нашим детям Абрамцево запало в душу. Да это и понятно: ведь здесь они жили практически с рождения.

Большое значение тогда в жизни поселка имели заказы. Набор продуктов был стандартный, но можно было заказать что-нибудь дополнительно. Например, к торжественному случаю можно было заказать сырокопченую колбасу, красную и черную икру, вино и водку. Привозил это все шофер-продавец на пикапе из Елисейевского магазина. При въезде в поселок он несколько раз сигналил. Заслышав его, дети на велосипедах ехали впереди машины и оповещали всех, что заказ везут. Все заранее выходили к своим калиткам. Спаниель Ю. П. Казакова Чиф так привык к шоферу Виктору Ивановичу, что как только тот открывал дверцу и выходил к багажнику, быстро запрыгивал в машину и садился на переднее сиденье. В этот же период мы брали для нашей дочки молоко у коровы, которую держала жена поселкового рабочего Маруся Аверченкова. Она приходила утром к нам с бидончиком молока, а затем шла к Стечкиным, которым помогала по хозяйству.

В то время газ на дачах был баллонный. Его обычно привозили рабочие поселка на грузовике. Сильный и высокий Володя Марков разносил баллоны по дачам. Газ магистральный у нас появился гораздо позже, уже при управляющем Иване Мартыновиче Канцырском (1980 г.). С газом стало жить гораздо проще.

Моя дочь очень трепетно относится к Абрамцеву, очень любит жить здесь летом. Но говорит, что Абрамцево очень красиво осенью. Приезжают они с мужем и сыном сюда и зимой, катаются на

лыжах. Ростислав, мой внук, живет в Абрамцево с двухмесячного возраста. Тоже очень любит дачу, ухаживает с родителями за садом. Детей в поселке стало заметно больше. Когда Ростик было 5–6 лет, он стал принимать участие в карнавалах, которые устраивались в конце лета. Теперь он со своими ровесниками играет в футбол, различные игры, катается на велосипеде.

Нельзя не сказать отдельно об усадьбе «Абрамцево», которую мы посещали с самого начала жизни здесь, практически ежегодно и не по одному разу. Мы любим смотреть на картины – и известных старых мастеров, и молодых художников. Иногда на выставки сюда привозили свои произведения художники из других стран. Любим прогуляться по старому парку около избушки на «курьих ножках», вспомнить детство. Однажды, лет в 8, я залезла в эту избушку с другими детьми и сидела там на лавочке. Тогда это разрешалось, избушка не была огорожена. Приятно было пройтись по мостикам над прудами. Теперь очень грустно смотреть на бывшие пруды, заросшие травой и полевыми цветами. Но, как всегда, надежда умирает последней, и так хочется верить, что снова раскинется под мостиками водная гладь, будут цвести кувшинки! Что можно будет и нашим правнукам пройтись по комнатам замечательной знаменитой усадьбы, где бывало столько известных и любимых писателей и художников! Услышать рассказы о них, посмотреть на дивные их произведения...

Татьяна Дмитриевна Охоцимская (1976 г. р.).

Дочь академика Д. Е. Охоцимского, врач-офтальмолог, кандидат медицинских наук.

– *Когда и у кого твои родители купили дачу?*

– Это произошло осенью 1964 г., купили дачу у вдовы академика С. П. Обнорского, филолога. До этого, с осени 1962 г., они арендовали дачу № 12.

– *Почему решили купить дачу именно здесь?*

– После войны бабушка и дедушка несколько лет снимали дачу в Абрамцево, в поселке композиторов, так что эти места были всем хорошо знакомы и нравились.

– *С чего началась дачная жизнь твоей семьи? Какие работы проводились на участке?*

– По воспоминаниям мамы, дача была в хорошем состоянии и ремонта не требовала. Но участок был заросший. Из окна кухни не было видно маленького домика – такие были «джунгли» орешника. Так что основные работы в первое время были по вырубке кустов на участке. В этом участвовали все рабочие поселка и даже «бригады» со стороны. В первый год после покупки ба-

бушка с моим старшим братом Андреем прожили здесь всю зиму. Им приходила помогать Катя, жена поселкового рабочего Саида. Тогда не было газового отопления, Катя топила зимой печи, помогала по хозяйству и в саду. Саид косил траву и тоже помогал по мере необходимости.

К моим первым «хозяйственным» воспоминаниям относится эпопея, хорошо известная каждому жителю нашего поселка – проведение магистрального газа. Помню, как у нас на кухне ломали печку и выбрасывали через окно кирпичи. Из них получилась большая гора. А в разрытую для газовых труб траншею каждую ночь сваливались ежи – видимо, она пересекала их нахоженный маршрут. Утром было очень увлекательно их доставать. За проведением газа последовала сборка системы отопления и ремонт дома, растянувшийся на всю зиму. Делали его в основном своими силами, и это было сопряжено со многими трудностями. Зато дача после него получилась загляденье!

– Когда на «клумбе» появились атрибуты детской площадки?

– В нашем детстве клумба имела примерно такой же вид, как и сейчас – только кусты были гуще и аккуратнее подстрижены, было больше лавочек. Качели и карусели поставили, когда нам было около 6 лет. Папа принимал в этом участие – он организовал строительство помоста для ремонта машин на водокачке, а установка металлических качелей и карусели оказалась как бы побочным продуктом. Рассказы о цветочных клумбах на площадке и памятнике Сталину, который исчез в непонятном направлении, весьма будоражили наше детское воображение, но для нас оставались только легендой.

– Вы сдавали маленький домик?

– Нет, никогда не сдавали, но там периодически кто-то жил. Например, медработники (врач или медсестра), которые первую часть лета работали в медпункте, а вторую половину лета, во время своего отпуска, могли располагаться у нас. Два лета подряд в домике жил М. И. Грабарь с семьей, пока строилась их новая дача после пожара. Папа и Мстислав Игоревич вместе учились в МГУ на мехмате.

– С кем из первых владельцев-академиков общался папа?

– Из «старых» академиков следует прежде всего упомянуть нашего непосредственного соседа – Ивана Матвеевича Виноградова, математика. Папа был хорошо знаком с ним по работе, так как свою научную деятельность начинал в отделе прикладной математики (которым руководил М. В. Келдыш) в Математическом институте имени В. А. Стеклова, директором которого был И. М. Виноградов. Со временем этот отдел выделился в Инсти-

тут прикладной математики, где директором стал М. В. Келдыш, а папа там заведовал отделом. Иван Матвеевич прожил долгую жизнь, так что я его еще немного помню. Помню, что папа часто беседовал с ним через забор. Иван Матвеевич как старый и уважаемый академик был председателем поселкового правления. Собрания поселка проходили у него на даче. С детства запомнилось: я гляжу через забор на его участок, а там на поляне идет собрание жителей поселка – все чинно сидят на стульях. Видимо, стульев не хватало, потому что папа на эти собрания ходил со своим. Иван Матвеевич дачу любил и жил здесь постоянно, всегда приезжал на выходные. Детей у него не было, и он завещал дачу любимому институту, хотел, чтобы сотрудники могли приезжать сюда отдыхать.

По воспоминаниям родителей, М. В. Келдыш бывал здесь редко. Тут в основном жили его жена, дети и родственники. Когда Мстислава Всеволодовича избрали президентом АН СССР, он сдал дачу в Abramceve и переехал в Жуковку.

Немного раньше нас в Abramceve стал жить папин друг, академик Тимур Магометович Энеев с семьей. Сначала они снимали часть дома на даче № 4, а затем купили дачу № 12. С Тимуром Магометовичем папа был знаком еще со студенческих лет. Они оба любили вспоминать то время. В военные годы, в период учебы в МГУ, Тимур Магометович пришел к папе как к председателю месткома мехмата с просьбой о выдаче парусиновых ботинок. Они разговорились, выяснилось, что оба увлекаются идеями ракетостроения, которое тогда только зарождалось. На этой почве они подружились и остались большими друзьями на всю жизнь. После МГУ они вместе работали сначала в институте имени Стеклова, а затем в институте прикладной математики – под руководством М. В. Келдыша.

– С кем еще общался твой отец? Как он любил проводить время на даче?

– Помню, что он общался с Б. В. Раушенбахом, заместителем С. П. Королева в ракетном КБ. Их объединяла общая жизнь, связанная с космической программой, академическими делами, а также определенные «побочные» интересы: папа интересовался зрительным восприятием, а Борис Викторович написал известную книгу о перспективе в живописи. Папа также часто гулял с Г. И. Баренблаттом, тогда заместителем директора Института механики. Мне кажется, значительную часть населения поселка составляли академики «технической» направленности, так что они в любом случае, если и не являлись близкими коллегами, то были знакомы по работе. Так что прогулки при встрече порой плавно перетекали в «производственные совещания».

Папа был разносторонне одаренным человеком, но основным увлечением и делом всей жизни была работа. На даче же папа главным образом отдыхал – читал, гулял, размышлял. Здесь «за работой» (что в моем детском понимании должно было выражаться в том, чтобы сидеть и что-то писать-считать) я его видела редко. Исключением было начало 80-х гг., когда он вместе со своим коллегой по ИПМ Ю. Ф. Голубевым в течение месяца писали книгу «Механика и управление движением автоматического шагающего аппарата».

– Как ты здесь проводила время? У тебя были подруги?

– Когда я была маленькая, лет с 5, у нас образовалась так называемая группа. Мама договорилась с родителями нескольких девочек моего возраста, и мы ходили друг к другу по очереди, в строго определенное время, с десяти утра до часу дня. Играли, занимались. В эту «группу» входили: Юлия Лисовская, (Виппер) с дачи № 20б, Нина Немчинова с дачи № 5, Ира Тальрозе с дачи № 36 и я. Потом присоединились Оля Рыжова (дача № 20а) и Наташа Пудалова (Голямина). Ее семья снимала маленький домик у Беловых. В составе этой компании мы продолжали общаться все детство, дружим и сейчас. Когда мы стали постарше, то проводили много времени на даче № 20б. Юлина бабушка Валентина Николаевна Виппер, добрейшей души человек, нас всячески привечала и никогда не высказывала недовольства, что в ее доме практически постоянно находятся шестеро детей. Помимо всяких разных увлекательных занятий, она ставила с нами спектакли. Эти спектакли составляют важную часть наших детских воспоминаний. Мы ставили их четыре года подряд. Сначала «Сказку о царе Салтане», затем «Золушку», «Спящую красавицу» и закончили вполне взрослым спектаклем «Снегурочка». К каждому спектаклю готовились очень серьезно – учили роли (так как нас было мало, ролей каждому доставалось несколько), репетировали. Валентина Николаевна шила костюмы и готовила декорации, мы старались ей помогать и также писали приглашения. Наши спектакли имели «широкую известность в узком кругу» по причине крайней стеснительности исполнителей. Мы категорически отказывались кому-либо их показывать и звать зрителей со стороны. Так что они проходили на Юлиной террасе в режиме «закрытого просмотра» – для ближайших родственников. Исключение делалось только для Магды Генриховны Лукашевич и Александра Григорьевича Симонова. Они много лет жили на даче у Соколовских, очень любили Абрамцево и дружили с нашими родителями. Магда Генриховна была актрисой Московского театра юного зрителя, а Александр Григорьевич – кинооператором. Мы все запомнили увлекательные вечера с показом слайдов «про Индию». (Москов-

ский ТЮЗ неоднократно с успехом гастролировал по Индии со спектаклем «Рамаяна»). Фотографии Александра Григорьевича являются своеобразной летописью нашего детства, а его картина маслом в рамке из орешника с видом нашего дома украшает нашу гостиную.

Андрей Дмитриевич Охоцимский (1957 г. р.).

Сын Д. Е. Охоцимского. Физик, кандидат физико-математических наук. Работает за границей.

Об Иване Матвеевиче Виноградове

Академик И. М. Виноградов был нашим соседом. Нас разделял забор, через который я, будучи мальчишкой, с ним часто разговаривал. Я помню эти разговоры, начиная примерно с 3–4 класса (это был 1966–1967 гг.). Теперь, глядя в прошлое, я удивляюсь, почему он вообще со мной столько разговаривал. Тогда я считал себе важной персоной и исключительно образованным ребенком (мне всегда было свойственно зазнайство), и мне казалось нормальным, что академику есть о чем со мной поговорить. Собственно говоря, он был первым в моей жизни взрослым, который со мной разговаривал на равных и, как мне казалось, находил это для себя интересным. Стиль его разговоров был весьма прост и скромен до грубоватости, начисто лишен демонстративности и желания покрасоваться. Он никогда не перебивал, не перескакивал с одной темы на другую, а добросовестно отвечал на заданный вопрос и поддерживал ту тему, которая была интересна собеседнику. Звучит просто, но это весьма редкое качество, и беседовать с ним было всегда очень приятно.

Внешне он был неказист: маленького роста, толстый (тонкий ремешок всегда перетягивал живот). Голова его была крупная, совершенно лысая, лицо круглое с маленькими глазками. Ходил он, слегка сутулясь. Говорят, он обладал большой физической силой, но я этого не замечал.

Участок у него был более ухожен, чем наш, и его постоянно можно было увидеть в саду с тяпкой, совком или другими инструментами. Уход за цветами был также и постоянной темой разговоров. Его домработница Матрена Гавриловна, неграмотная бабка, которая жила в маленьком домике, высокомерно говорила моей бабушке: «Вот у нас это сад, а у тебя, Михайловна, так, одни дорожки». Моя бабушка также уделяла саду достаточно внимания и была несколько шокирована таким проявлением местного патриотизма Матрены Гавриловны. Ее высказывание часто упоминалось при мне с назидательной целью как пример того, как не надо говорить в гостях.

Помню, что Иван Матвеевич хорошо просветил меня по поводу зарплаты моего отца, которая у нас в доме как тема для разговоров была невозможна. Когда я его об этом спросил, он очень подробно объяснил все компоненты зарплаты (Институт, Университет, Академия), прикинул, сколько с этого платится налогов, партийных и профсоюзных взносов и сколько в результате остается. Мой отец «расколослся» на эту тему только тогда, когда я был уже студентом. Результат точно совпадал с оценкой Ивана Матвеевича.

Другой темой через-заборных разговоров были грибники-туристы, которые иногда перелезали из леса через заборы наших участков и выходили таким образом на «большую дорогу». Наш поселок – большой и круглый, и обходить его по лесу далеко. Ивана Матвеевича они необычайно раздражали, и он постоянно жаловался, что «туристы лазают». Под влиянием только что прочитанной книжки о первобытных людях и их методах охоты на мамонтов я предложил ему выкопать большую яму-ловушку под тем местом забора, где перелезают туристы, и снабдить ее острыми кольями, вкопанными в дно. Яму, понятное дело, надо замаскировать ветками. Он несколько опешил и ничего не ответил. Потом, под впечатлением этого разговора, он сказал моему отцу: «Андрюшка хороший хозяин будет».

Когда я переходил из 4-го в 5-й класс, нам задали на лето задание, которое в частности включало набор текстовых задач, которые полагалось решать через последовательность вопросов (использовать «иксы» пока не разрешалось). Несколько задач в конце списка были отмечены звездочкой и были сложнее других. Отца в этот момент на даче было, и я пошел советоваться к Ивану Матвеевичу. Это был первый и последний раз, когда я был у него дома. Он отнесся к заданию с полной серьезностью (как он вообще относился ко всем моим вопросам), взял учебник с задачами и сказал, что он должен подумать. Через некоторое время – на верное, прошло около часа – он позвал меня и сказал, что готов. Каждая задача решалась через последовательность четырех-пяти вопросов, которые он аккуратным почерком выписал для меня в тетрадке. В учебнике, на той же странице, где и задачи, был помещен его собственный портрет, очевидно в более молодом возрасте. Помню, что этот портрет не вызвал ни у меня, ни у него никаких эмоций.

Чтобы отвезить его на работу, приезжал большой черный ЗИМ, что всеми рассматривалось как показатель его положения в Академии. Впоследствии вместо ЗИМа приезжала черная «Волга». Шофер отдыхал в маленьком домике в компании домработницы. Виноградов был, возможно, единственным в поселке, кто воплотил в реальность исходное назначение «маленького домика»: служить жилищем и местом отдыха прислуги и шофера. Кроме

того, Иван Матвеевич был одним из немногих или вообще единственным, кто имел настоящего цепного пса, большую сторожевую овчарку по кличке, если не ошибаюсь, Джек. Он жил в конуре и добросовестно облаивал всех проходящих. Иногда его спускали с цепи, и он бегал по участку. В отличие от других жителей поселка, Иван Матвеевич довольно редко гулял по «кругам», а если и гулял, то почти всегда один. Жены и детей у него не было, он жил с сестрой, которая была еще нелюдимее его, и я ее вообще никогда не видел. Иван Матвеевич вел весьма постоянный образ жизни и проводил в поселке все выходные, праздники и отпуска.

Однажды с Иваном Матвеевичем случился ужасный несчастный случай. Он возился с топором и, сняв его с топорница, положил на косою верх бокового столбика забора. Эти столбики стали в то время вкапывать сбоку от первоначальных столбов, которые за 20 лет подгнили. Они вырубались из цельного ствола и прикручивались к основному столбу толстой проволокой. Верх столбиков, который находился примерно на уровне пояса, стесывали наискосок, чтобы стекала вода. На этот верх столбика он и положил топор без топорница, а сам стоял рядом. Топор соскользнул со столбика и упал прямо углом лезвия ему на ступню. У него началось сильное кровотечение, он упал рядом с забором и долго и безуспешно звал на помощь. Его спас академический шофер, который случайно именно в это время за ним приехал. Топор перерубил несколько костей ступни, так что он довольно долго лежал в больнице.

Я запомнил его рассказ о происхождении своей фамилии. Он говорил, что кто-то из его предков в былые времена учился в семинарии. Выпускникам присваивали фамилии в зависимости от успеваемости. Лучшим давали фамилии по названиям церковных праздников: Крещенский, Вознесенский, Рождественский, Преображенский, Успенский, Богоявленский, Сретенский, Введенский, Благовещенский, Воздвиженский и так далее. Те, кто учились хуже, получали менее торжественные фамилии. Помню, что была категория фамилий по названиям цветов: Гиацинтов, Розов. Категория фруктовых фамилий была самой низшей: Виноградов, Абрикосов¹⁹⁰.

¹⁹⁰ Фамилия Абрикосов имеет другое происхождение. Пензенский крестьянин Степан Николаевич (Николаев) (1747 – не ранее 1819) был крепостным кондитером статской советницы А. П. Левашевой. Затем был отпущен на оброк в Москву, где работал как кустарь-одиночка и торговал сначала кондитерским товаром на улице с лотка, а затем его стали приглашать в богатые дома для приготовления сладостей. Собрав достаточно денег, выкупился на свободу и с семьей поселился в Москве. 27.09.1814 г. получил в полицейском участке «прозвище Абрикосов», ставшее фамилией для него и потомков. Возможно двоякое ее происхождение: по роду товара или от слова оброк (как отпущенный на оброк).

О политике и серьезных вещах он говорил редко. Помню только, что как-то раз, в связи с успехами проекта «Аполлон», он сказал, что это все потому что Пеньковский¹⁹¹ продал американцам план, как надо лететь на Луну, который придумал Королев еще в 50-е годы. Это звучало для меня как откровение, потому что говорить про Пеньковского стали гораздо позже. По убеждениям Иван Матвеевич был, в сегодняшних терминах, патриот-государственник. В партию он никогда не вступал. Среди старшего поколения академиков, к которым он принадлежал, это, видимо, считалось не вполне приличным. Моя мать, Софья Александровна Охоцимская, вспоминает, что он как-то сказал ей про М. В. Келдыша: «Я его спрашивал: Келдыш, зачем ты в партию вступил? А он мне: надо, Иван Матвеевич, надо...» И добавил: «Зато я свободен...»

В коротком новогоднем напутствии молодежи, которое как-то уже в 80-е годы опубликовала газета «Неделя», он желал успехов на службе Отечеству, не упоминая про партию или коммунизм. Я запомнил, что он употребил именно слово «Отечество», в отличие от слова «Родина», которое тогда считалось более политкорректным.

Мой отец Дмитрий Евгеньевич Охоцимский начинал работать в отделе у М. В. Келдыша и занимался космонавтикой, однако сам отдел в то время был административно подчинен Математическому институту, которым руководил Иван Матвеевич. Отец часто вспоминал, как Иван Матвеевич напутствовал его, молодого ученого, при вручении ему премии им. Чаплыгина. Он сказал ему примерно следующее: «Ты за званиями и премиями не гонись, давай работай, и все само придет». Отец очень любил эту простую мудрость, которая, по-видимому, для него осуществилась на практике. Я также поначалу пытался рассматривать ее как руководство к действию, однако постепенно до меня дошло, что в тогдашней «застойной» реальности эта формула вряд ли могла найти применение.

Семья Делоне

¹⁹¹ О. В. Пеньковский (1919–1963) – полковник Главного разведывательного управления (ГРУ) Генерального штаба Министерства обороны СССР (разжалован в 1963 г.). В 1963 г. обвинен в шпионаже в пользу США и Великобритании и в измене Родине. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Многие специалисты называют Пеньковского самым результативным агентом Запада из когда-либо работавших против СССР.

Математик Борис Николаевич Делоне, член-корреспондент Академии наук, жил неподалеку – нас разделял только участок И. М. Виноградова. Дача Делоне была настолько густо заселена детьми, внуками, родственниками и знакомыми, что он сам, маленький седенький старичок, был там мало заметен, казалось, что и дача не его, а ему там просто дают пожить. Он гулял по поселку быстрым туристическим шагом в совершенно вытертых сатиновых «пионерских» шароварах неопределенного серо-голубого оттенка, и ничто в его внешности не предполагало известного альпиниста, именем которого были названы горная вершина и перевал на Алтае.

Борис Николаевич приходил иногда к нам на дачу звонить по телефону в Москву и с удовольствием задерживался, чтобы рассказывать разные истории. Словоохотлив он был необыкновенно, его монологи, как правило, довольно интересные, могли продолжаться часами. От него я впервые узнал про И. Р. Шафаревича¹⁹², который был его учеником. Он описывал Шафаревича как математика от бога и вундеркинда – тот сдавал экзамены в Московском университете экстерном, еще учась в школе. Он рассказывал, что перед войной совсем юный Шафаревич пришел к нему на мехмат и сказал, что хочет заниматься алгеброй (т. е. высшей алгеброй). Осенью 1941 г. Борис Николаевич потратил немало сил, чтобы освободить 18-летнего Шафаревича от мобилизации на рытье противотанковых рвов на основании его исключительно таланта. Дальнейшая научная карьера Шафаревича проходила с таким же блеском и с опережением обычных сроков. О его более поздней публицистической деятельности Борис Николаевич отзывался как о чем-то малосущественном, как будто сожалел, что он тратит на это свои силы.

Обитатели дачи Делоне настолько ассоциировались с его личностью, что мы порой коллективно называли их «Делоне» вне зависимости от их реальных фамилий. Лучший друг моего детства

¹⁹² *И. Р. Шафаревич* (1923 г. р.) – математик, член-корреспондент АН СССР (1958); академик РАН с 1991 г. Основные труды по алгебре, алгебраической геометрии, алгебраической теории чисел. С 1943 г. работает в Математическом институте АН СССР. С 1991 г., заведующий отделом Математического института РАН им. В. А. Стеклова. За работы по алгебраической теории чисел награжден Ленинской премией (1959), и премией Хейнemann. Член Национальной Академии наук США, Американской академии наук и искусств, Лондонского королевского общества, Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина». Почетный доктор Парижского университета. Известен своими публицистическими работами, выступлениями с критикой тоталитарной системы, в частности, статьями в сборниках «Из-под глыб» (1974) и «Социализм как явление мировой истории» (1977). Острую критику и полемику вызвали работы И. Шафаревича, посвященные проблемам истории России и национальному вопросу – «Русофобия» (1989) и др.

ва, его внук Сергей, не именовался иначе как «Сережка Делоне», хотя его настоящая фамилия была Шаров. Сергей был широкоплечий мускулистый красавец, одаривший своей дружбой меня, неуклюжего очкарика, пытавшегося скомпенсировать свою очевидную неполноценность обильным чтением и мечтами о великих подвигах. Читал он еще больше меня, кроме того, он прекрасно рисовал, играл на гитаре и даже писал песни «под Высоцкого», что возносило его в моем представлении на небывалую высоту. Высоцкий вообще был его кумиром. От него я впервые услышал необычную по тем временам мысль, что Высоцкий – лучший поэт своего времени.

Другой внук Бориса Николаевича – Вадим, поэт и правозащитник, был членом «великолепной семерки», организовавшей в 1968 г. символическую демонстрацию на Красной площади против вторжения Советских войск в Чехословакию. Вадима я впервые увидел в 1973 г. после освобождения из тюрьмы. На работу его не брали. Говорили, что он работал одно время осветителем в Театре на Таганке у Ю. П. Любимова. У Вадима было красивое волевое лицо, он держался со значением, постоянно курил «Беломор» и иногда играл с нами в пинг-понг и настольный хоккей. Вадим жил на даче у деда вместе со своим младшим братом Михаилом, который был «просто» студентом мехмата. В 1975 г. оба брата были лишены советского гражданства и получили политическое убежище во Франции. Борис Николаевич в связи с этой драматической историей вызывал в поселке всеобщее сочувствие.

Михаил был обладателем необыкновенной коллекции долгоиграющих пластинок, основного носителя доброкачественной музыки в ту эпоху. В его коллекции было несколько сотен дисков как современной, так и старинной музыки. Там были такие раритеты как фламандская средневековая музыка, редкие собрания романсов и так далее. Комната Михаила, где, по-моему, ночевал и Сергей, напоминала по уровню комфорта медвежью берлогу, однако там стоял проигрыватель с высококачественной акустикой (по тогдашней терминологии «вертушка»), на котором можно было слушать эти сокровища. Как он мог собрать такую коллекцию при том убогом выборе, который имелся тогда в открытой продаже, так и осталось для меня загадкой.

Меня, в то время старшеклассника, интересовало окружение Вадима, которое я представлял себе как профессиональных революционеров, людей мысли и действия, напряженно размышляющих о будущем страны, пишущих политические платформы и распространяющих подпольную литературу. Однако кружок молодых людей, которых я однажды застал у Вадима, был скорее тусовкой «хиппующих» нигилистов. В комнате было накурено, все пили водку и рассказывали вперемешку политические и прочие

анекдоты. Густота табачного дыма соперничала с густотой анекдотного мата. Девушки в этой компании были в джинсах и с длинными распущенными волосами – так тогда полагалось – и выражались, пили и курили совершенно так же, как парни. Вся эта публика, само собой, была вполне интеллигентная. Вадим говорил что-то о Ленине в издевательском тоне. Он, очевидно, был в этом «театре» солистом, остальные – подпевающим хором. Для Вадима все вопросы были решены, все мосты сожжены, Рубикон давно перейден. Дискуссии или сомнения в его присутствии были неуместны.

Вспоминая этот вечер, я поражаюсь, насколько пророчески эта молодежь выразила некоторые черты будущей эпохи: как глумление над поверженными кумирами прошлого, так и открытое употребление мата в присутствии другого пола. Еще один предтеча матерного века, писатель Венедикт Ерофеев («Веничка»), впервые сочетавший «истинный русский язык» с художественным словом, тоже довольно долго жил на даче Делоне. Он запомнился мне как эффектный, довольно красивый молодой человек с копной черных с сильной проседью волос. В 1973 г. ему было 35 лет. На своего персонажа из поэмы «Москва – Петушки», которая к тому времени уже была написана, он был похож очень мало. В отличие от большинства дачной публики, он выглядел как человек, следящий за своей внешностью. У него был умный и ясный, слегка высокомерный взгляд, в котором было нетрудно прочесть осознание своей особенности и какого-то связанного с этим груза. Говорил он совершенно нормально и правильно, никакого мата и вообще языка, который употребляют его персонажи, я от него не слышал. Однако склонность к сюрреализму, парадоксам и эпатажу чувствовалась в его анекдотах и историях, которые в целом принадлежали к обычной диссидентской тематике того времени. В нем чувствовался непрерывный творческий процесс. Он как бы присутствовал и отсутствовал одновременно и говорил отчасти для собеседника, а отчасти продолжая какой-то бесконечный внутренний диалог с самим собой. В нем как будто все время варился и проговаривался материал его прозы, из которого выходила на бумагу только небольшая часть. Я думаю, он написал так мало не от лени или пьянства, а от высокой требовательности к себе. Я знал его слишком мало, чтобы спорить с авторами статей о нем, которые ставят пьянство в центр его образа жизни, но он в то время совершенно не выглядел алкоголиком, и пьяным я его тоже не видел ни разу. Он скорее казался представителем иного, более высокого мира. Он запомнился мне сидящим на пне перед домом в несколько напряженной позе, в красивом белом джинсовом костюме. Сидел неподвижно, с совершенно прямой спиной и смотрел в одну точку. Когда я прошел мимо, он посмотрел на

меня очень серьезным и несколько недовольным взглядом, как на нарушителя своих размышлений.

Во всех этих обитателях дачи Делоне было что-то настоящее, какая-то сила и размах личности, что-то от героев Хемингуэя или Высоцкого. С ними хотелось пойти в разведку, но было здорово и просто сходить в лес за грибами или поговорить за чаем. Среди бесконечного разнообразия тем, которые тогда обсуждались, полностью отсутствовала только одна – деньги. Вообще отсутствие интереса к экономической теме сильно отличало тогдашнее диссидентство от революционеров прошлого. Никто в сущности не был против социализма как такового – хотелось свободы и правды, возможности быть несогласным. Идея раздавать огромные заводы и фабрики в частные руки нам бы не приснилась и в кошмарном сне.

Непрактичный Борис Николаевич всегда был арендатором своей дачи и, в отличие от большинства других обитателей поселка, так и не удосужился стать ее собственником. После его кончины в 1980 г. все его семейство исчезло из поселка и из моей жизни навсегда.

Андрей Сергеевич Петрухин (1944 г. р.).

Зять академика И. В. Обреимова. Детский невролог, доктор медицинских наук, профессор.

История мой жизни в Абрамцеве начинается с 1964 г., когда я вошел в семью академика И. В. Обреимова. В это время я окончил 2-й курс второго Московского медицинского института им. Н. И. Пирогова, и в августе мы решили пожениться с Наташей Обреимовой, моей одногруппницей. Семья академика Обреимова жила на даче в Абрамцеве с 1954 г., до этого они выезжали на лето в Сходню. Наташа была единственной общей дочерью Ивана Васильевича Обреимова и Александры Ивановны Прейсфрейнд (фамилия ее первого мужа). Кроме нее у каждого из них были дочери от первого брака: Лия Ивановна (Габриелова, известный ученый-химик) и Евгения Александровна. Евгения Александровна вышла замуж за младшего сына П. Л. Капицы – Андрея Петровича, известного ученого-географа. Иван Васильевич Обреимов был очень дружен с семьей Капиц: с Петром Леонидовичем и Анной Алексеевной. У нас на даче даже хранится рисунок, сделанный Анной Алексеевной: Иван Васильевич с лягушкой на ладони.

У Александры Ивановны было два высших образования – окончила филологическое отделение Харьковского университета и затем получила образование по фитопатологии, но она интересовалась также медициной, любила лечить и давать медицинские советы. Кроме того, ее увлечением было цветоводство и садо-

водство. Я застал на даче роскошный ухоженный сад. У каждого в семье были свои предпочтения, свои любимые цветы и деревья. (Последним трудом И. В. Обреимова была рукопись «Растения с красивыми и интересными плодами» с собственноручными акварелями. – Сост.) Настоящей страстью Александры Ивановны были птицы. В конце апреля в московской квартире на Ленинском проспекте птицы из больших клеток пересаживались в маленькие, и все семейство на легковой машине и двух грузовиках переезжало на дачу. Возвращались в Москву, как правило, только в начале ноября. Число птиц с каждым годом все увеличивалось: два говорящих попугая, два–три скворца, щеглы, соловьи, два дрозда и был даже маленький воробьиный сычик. (Каждое лето жители поселка приносили Александре Ивановне выпавших из гнезда птенцов или раненых птиц. Она их докармливала, лечила и выпускала на волю, но часть оставляла у себя, жить в неволе. – Сост.) Зимой большим домом не пользовались, но на дачу ездили каждые выходные и жили в маленьком домике, где топились печки. Обязанность кормить птиц в Москве в эти дни возлагалась на Наташу.

Интересно было наблюдать, как по-разному Иван Васильевич и Александра Ивановна воспитывали детей. Александра Ивановна держала их в строгости (сказывалось ее немецкое происхождение), по принципу «ничего нельзя, кроме того, что можно». Дети у нее на даче всегда были заняты – помогали ей по саду, для птиц копали червей и собирали муравьиные яйца в лесу, устраивали дорожки. Александра Ивановна считала, что безделье развращает. Детей будили в 7 утра, чтобы они вместе со взрослыми садились завтракать. (Ели всегда все вместе.) Иван Васильевич, наоборот, позволял детям вести себя свободно и запрещал делать замечания детям, когда они сидели за столом, часто повторяя: «Стол – не место для суда и расправы». Общей чертой в воспитании детей было то, что они очень много рассказывали им об окружающем мире, о строении цветов, деревьев... Показывали детям ядовитые растения, например, кустарник волчье лыко (в то время его было очень много, сейчас что-то совсем не встречается). Ходили с детьми в лес, показывали им птиц, рассказывали об их особенностях, как они устраивают свои гнезда, как размножаются, как мигрируют. В отличие от теперешней манеры воспитания, много замечаний не делали, да и делать их было некогда, так как взрослые были очень заняты – Александра Ивановна в саду, а Иван Васильевич много работал за письменным столом. По вечерам детям много читали. Оба хорошо знали мировую литературу, но отношение к тому или иному писателю было разное, поэтому

у них часто бывали литературные споры. Любимым писателем Александры Ивановны был Диккенс, Ивана Васильевича – Лесков.

Александра Ивановна и Иван Васильевич были очень разного характера. Однако жить врозь они не могли, и после смерти в декабре 1981 г. Ивана Васильевича в июне 1982 г. умерла и Александра Ивановна.

Поженившись, мы два года прожили на даче в маленьком домике. Только после рождения первенца Антона переехали в Москву. В 1973–1975 гг. мы работали во Владивостоке. В 1975 г. родилась дочь Дарья, и отчасти по этой причине мы вернулись в Москву навсегда. Я стал работать в своем родном 2-м Московском медицинском институте, а Наташа стала сотрудником Московского НИИ педиатрии и детской хирургии. С тех пор мы каждое лето проводили на даче, потому что Наташа считала, а я разделял ее мнение, что нет более красивого места, чем Абрамцево. Удивительное место, где снега выпадает гораздо больше, чем в окрестностях и полностью он исчезает лишь в мае. Снег потрясающей чистоты, и лежит он большими шапками на крышах домов и ветвях деревьев. Конечно же, не менее чист и с каким-то особым запахом воздух в Абрамцево. Он словно пьется и обладает какой-то душистостью, чем-то напоминает воздух в горах Кавказа.

До 80-х гг. в поселке был особый психологический климат, отличный от сегодняшнего. Во-первых, была тишина, и дело не в том, что в поселке было мало автомобилей, а в том, что не было слышно строительной техники, бензокосилок и бензопил, а тем более взрывов петард. Ученые приезжали на дачу не только отдыхать, но и продолжать работать, поэтому у них до глубокой ночи светились окна кабинетов. Именно поэтому детям не позволяли громко кричать на улице. В отличие от теперешних обычаев, дети играли в основном на своих участках и ходили в гости на другие дачи только по приглашениям. Мне кажется, в то время люди жили в единении с природой, а не «на ней», как в нынешнее время, результат – состояние леса вокруг поселка.

Тогда напротив нас жил известный ученый Иван Матвеевич Виноградов, великий математик, дважды Герой Социалистического Труда. Был он могучий старик (на спор бегал наперегонки с нашей собакой – боксером Ориком, и это в 80-то лет!!!), при ходьбе горбатился. У него был очень умный и пронзительный взгляд. Хотя наши дачи и находились напротив, в гости друг к другу ходили редко, только по приглашениям, которые высылали задолго до назначенной даты. Человек необыкновенного ума, Иван Матвеевич был хорошим организатором и долгое время был председателем поселкового совета. При нем отремонтировали водопровод,

наладили регулярное электроснабжение и, самое главное, в поселок в 1979 г. был проведен газ. Помимо ума он обладал какой-то крестьянской хитростью, бережно храня тайну только ему ведомых грибных мест, откуда он приносил такое количество грибов, собрать которое не удавалось никому из жителей поселка. Так же, используя свои мудрость и хитрость, он разговаривал с рабочими, заставляя их сделать хорошо свою работу. Однажды, когда один из рабочих наскоро и небрежно сделал ему наличники на окна и не хотел их переделывать, Иван Матвеевич ему сказал: «Если не переделаешь, я буду ходить по поселку и всем рассказывать, какой ты плохой работник и нехороший человек». Пришлось рабочему бесплатно переделывать наличники, так как Иван Матвеевич не был особенно щедр.

Таковыми же заядлыми грибниками были Леонтовичи, которые ходили на поиски грибов всей семьей. М. А. Леонтович – крупный физик-теоретик, возглавлял теоретический отдел Курчатовского института. Кроме этого, он был правозащитником: подписывал письма против возвеличивания Сталина и в защиту многих преследуемых в 1970-е гг. инакомыслящих ученых и деятелей искусства. Часто академик прогуливался по поселку. Одет он был очень просто, и узнать, что он выдающийся ученый, можно было только по его особому взгляду. (Часто глаза отражают выдающийся интеллект, но не всегда. Почему – прочтете ниже.)

Часто можно было видеть, как величавой походкой по поселку проходил Григорий Исаакович Баренблатт, также величаво и степенно шла рядом с ним его любимая собака – королевский пудель. Когда она умерла, Григорий Исаакович очень горевал. У меня было много встреч с Г. И. Баренблаттом, и все они очень запомнились, так как для меня они были очень полезны. Немного в моей жизни встречалось людей, чьи советы позволили бы мне изменить мировоззрение. Я приходил к нему, чтобы посоветоваться в отношении моей научной работы, и несмотря на то что сам Г.И. был математиком и специалистом в области механики, а не медицины, он всегда меня выслушивал, никогда не перебивая, причем настолько внимательно, что лицо его делалось маскообразным, всегда отмечал самые мало аргументированные места, выслушав, говорил: «Ваша работа для меня прозрачна...».

Как-то в беседе я сказал ему, что по лицу человека можно сделать вывод об уровне его интеллекта. Г.И. возразил, что это не всегда так, и привел пример Сократа, лицо которого, судя по его

изображениям, не было отмечено печатью высокого интеллекта, а потом спросил: «Знаете, почему? А потому, что мыслительный процесс доставался Сократу без всякого напряжения». И сейчас, встречаясь с Григорием Исааковичем, я испытываю большое удовольствие от общения и его мощного интеллекта.

Наташа Обреимова много лет работала в Медицинском управлении Академии наук СССР, сперва в Москве, потом во Владивостоке. Затем была научным сотрудником в НИИ педиатрии. Она имела врожденные склонности к воспитанию детей, что, по всей видимости, унаследовала по отцовской линии. Дед ее, отец Ивана Васильевича, был учителем и написал учебник по математике. Ее талант проявлялся прежде всего в организации санитарно-эпидемиологической работы в пионерских лагерях, куда она ездила каждое лето. Она не допустила ни одного случая пищевых отравлений во время отдыха детей, и ни в одном лагере при ней не было ни одной эпидемии. Не то, что в нынешнее время, когда каждый день средства массовой информации сообщают: «Там отравилось триста детей, в другом месте заболели менингитом десятки человек...» И во время отдыха на даче в Абрамцеве она не переставала лечить детей. Наталия Ивановна была прекрасным диагностом, рано могла поставить диагноз и всегда назначала простое, но эффективное лечение. К ней обращались жители поселка со своими детьми в буквальном смысле днем и ночью. Всегда доброжелательно, терпеливо выслушивала жалобы родителей и тщательно обследовала своих маленьких пациентов.

В учебнике, который она написала («Основы анатомии, физиологии и гигиены детей и подростков»), проявились и ее литературные способности. Предназначенный для педагогов-дефектологов, он выдержал несколько изданий и пользуется большой популярностью не только у специалистов, но и у родителей. Мама маленьких детей могут почерпнуть из этого руководства, как кормить и одевать детей, следить за их правильным физическим развитием и предотвращать болезни. От родителей Наташа унаследовала любовь к природе. Она могла подолгу сидеть у окна и наблюдать за поведением птиц, вьющихся у кормушки, или смотреть в сад на шмеля, спящего в цветке.

Наталия Ивановна умерла в расцвете сил 13 октября 2009 г. Похоронена вместе с родителями на Новокунцевском кладбище.

Наши дети выросли в Абрамцеве. Антон получил специальность врача-педиатра. А Даша не пошла по стопам родителей и стала юристом – такой специальности ни у кого в роду не было. Любовь к садоводству у Даши проявилась лишь в последнее время, и теперь вновь дачный участок украшен цветами.

Вера Михайловна Раушенбах (1919 г. р.).

Вдова академика Б. В. Раушенбаха. Археолог, кандидат наук.

Ее дочери

Оксана Борисовна Карпова (1950 г. р.).

Физик, кандидат наук.

Вера Борисовна Раушенбах (1950 г. р.).

Биолог, кандидат наук.

– *Какова история покупки дачи в Абрамцеве?*

– *Вера Михайловна.* Это место мы знали и раньше. Борис Викторович работал вместе с Михаилом Клавдиевичем Тихонравовым, у которого здесь в поселке была дача. Мы купили дачу в 1967 г. За год до этого, когда Бориса Викторовича выбрали в члены-корреспонденты, мы арендовали здесь дачу № 42. Купленная нами дача ранее принадлежала академику Крылову, математику. Родом он был с Украины и, по воспоминаниям людей, знавших его, обладал сильным и резким характером. Человек он был весьма своеобразный. Говорят, когда строили дачу, которую он для себя выбрал, он принимал в этом самое деятельное участие и лично приглядывал за строительством. Если ему казалось, что сделано что-то не так, или происходит задержка со строительными материалами, он приходил в хозяйственную часть Академии, возмущался, палкой стучал по столу, вел себя очень агрессивно. Поэтому, как мне рассказывали старожилы поселка, его дача, возможно, построена качественнее, чем другие. После его смерти на даче продолжала жить его вдова, а маленький домик снимал ее знакомый, некто Ульянов. Говорят, он «охмурял», вдову чтобы купить у нее маленький домик, и дело было на мази. Этот Ульянов был преподавателем, может быть, даже профессором, не знаю. Он прекрасно знал, как сделать так, чтобы расход электричества, а он тратил его много, поскольку отапливал домик и зимой, и летом при помощи электрических радиаторов, не регистрировался домовым счетчиком. Сам он ничего не платил, за его электричество платил поселок. Каким-то образом это жульничество было управляющим Николаем Федоровичем раскрыто. Разразился скандал. Ульянова из поселка выгнали. Затем умерла вдова Крылова. Наследников у нее в Москве не оказалось, и тогда

появились какие-то родственники с Украины. Им эта дача была не нужна, у них уже была под Киевом. Абрамцевскую они хотели продать, и как можно дороже. Но тогда нельзя было продать кому угодно, только в системе Академии. И тут Дмитрий Евгеньевич Охоцимский и Вадим Васильевич Соколовский «взялись» за Бориса Викторовича и стали его уговаривать, чтобы он купил именно эту дачу. Мы-то хотели купить 42-ю, мы к ней уже привыкли. Ко мне там приходила лисичка, однажды утащила мою туфлю. Там был очень большой участок. Ее бывший хозяин (Шулейкин) прирезал себе кусок земли к Яснушке. Даже на ее берегу каменную беседку построил. (Имеется в виду ротонда, сейчас почти разрушившаяся. – *Сост.*) Уже потом, когда началась перестройка, все быстро сообразили, что за такое количество земли придется платить очень дорого, и вернулись в старые границы. После нас эту дачу арендовал и потом купил член-корреспондент Монин. В общем, они нас очень уговаривали покупать крыловскую, мол, построена хорошо и место, в отличие от участка № 42, посуше. Тогда это было очень важно, так как еще не было газового отопления, в домах было очень сыро, а в дачах, выходящих на Яснушку, особенно. А то, что Крылов был очень хозяйственный и сам следил за строительством, было известно. И это правда. Например, внутренняя планировка дома улучшена. В нашей даче в двух смежных нижних комнатах окна, выходящие на открытую и закрытую террасы, заложены. Заделана одна из двух дверей большой комнаты. Это, с моей точки зрения, удачней, чем в других домах. И вот мы, поддавшись уговорам, купили дачу у этих киевлян. Они из дома вывезли все, вплоть до помойного ведра. Дача была пустая – осталось совершенно сломанное плетеное кресло и маленькая картинка, которую нарисовал, по-видимому, кто-то из рабочих – пленных немцев. На ней изображен дом с фасада, а огромные ныне туи изображены крохотными, видимо, только-только были посажены.

– У Вас был опыт жизни на даче?

– *Вера Михайловна.* Раньше мы на дачах не жили. Снимали пару раз, когда дочерям было по три года. По сути дела, это была не дача, а просто сарай, поскольку у нас не было денег на что-нибудь более приличное. Потом снимали дачу в Троицком, там условия были лучше, а больше и не снимали. У нас была машина и что-то типа моторной лодки. Мы любили отдыхать вместе с детьми в походных условиях, совершая поездки в разные интересные места, осматривая иконостасы в церквях, что было интересно Борису Викторовичу. Так было, пока девочкам было с нами интересно, т.е. до того как они кончили школу (1967 г.).

– Почему выбрали Абрамцево?

– *Вера Михайловна.* Мы приехали как-то в гости к Тихонравовым, и мне так здесь понравилось, что я даже стала приставать к Борису Викторовичу, чтобы он здесь дачу купил, хотя он еще не был тогда член-корром, да и денег у нас, по правде сказать, не было. Я ему говорила: «Неужели Келдыш не может сделать для тебя исключение?» Но у Бориса Викторовича был такой характер, что он никогда ни к кому с просьбами не обращался. А тут как раз его избрали член-корром. Какое-то время мы думали про другие поселки, где есть река. Раушенбах очень любил воду, как всякий петербуржец.

– *Вера.* У нас была лодка с мотором – «Казанка», но уже тогда мы убедились, что куда ни подплывешь к берегу, везде помойка. Так было уже и в те времена, и папа решил, что выбирать поселки, стоящие на воде, не надо: «К черту эту воду, только пусть будет почище». А здесь очень нравилось маме, и в итоге она его уговорила на Абрамцево.

– *Вера Михайловна.* Позже, когда он здесь лежал уже больной, говорил: «Какая Вера Михайловна умная, что заставила меня купить дачу».

– *Как выглядел участок?*

– *Вера Михайловна.* При Крылове дорожки были сделаны по периметру всего участка, по ним он, наверное, гулял. Еще на участке было несколько яблонь и запущенные грядки. Лес, который, как и у всех, стоял на участке, мы трогать не стали, грядки возобновили. Все огородные дела я вела в Абрамцеве сама.

– *Ваши дочери были уже студентками, когда появилась дача, они были в ней заинтересованы?*

– *Вера Михайловна.* Оксана и Вера стали проводить много времени на даче, только когда у них родились дети. Дача им понадобилась, чтобы растить собственных детей. До того они проводили свободное время в университетских лагерях, поездках.

– *Вера.* Да, она мне была не нужна. Я стала здесь жить, когда в 1989 г. родился сын Боря, а Оксана жила здесь со своей дочкой, Верочкой.

– *С кем вы здесь познакомились?*

– *Вера Михайловна.* Через М. К. Тихонравова мы здесь подружились со Старками. У нас получилась компания из трех семей. Со Старком мы просто дружили, встречались здесь. Кроме того, Борис Викторович познакомился с Вадимом Васильевичем Соколовским. У меня были хорошие взаимоотношения с вдовой Ивана Георгиевича Петровского. В это время она уже была совсем забытой. Я очень часто по ее просьбе привозила ей что-нибудь из продуктов из города. В летнее время я и Борис Викторович отсюда обычно ездили на работу. Я тогда работала в Историческом

музее, и мне было очень удобно отсюда ездить на электричке. (В. М. была там директором по научной части – Сост.) К 9 часам я легко успевала на работу. Борис Викторович работал в Подлипках, и ему тоже было удобно. Если он раньше меня заканчивал, то меня встречал. Зимой приезжали сюда каждую субботу. Как и большинство здешних жителей, консервировали большой дом и жили в домушке. Мы там со временем для удобства сделали котел и батареи, в которые залили антифриз. Мы приезжали, заправляли котел и уходили к Тихонравовым. У нас так было заведено: субботний вечер проводили или у них, или у Старков. Приходил туда и Николай Федорович Шкаринов.

Были знакомы еще с Обреимовыми старшими. Жена Ивана Васильевича Обреимова была прекрасным ботаником. С ними познакомилась я сама, после того как взяла их внучку, дочь Андрея Петровича Капицы Надю, с собой в археологическую экспедицию. Раньше мы не были знакомы, хотя жили в Абрамцеве напротив друг друга. Они пришли ко мне на даче поблагодарить и познакомиться. Александра Николаевна Обреимова давала мне советы, что здесь растет, делилась растениями со своего участка. Я очень люблю копать в земле, а она прекрасно знала особенности Абрамцева. У них был замечательно красивый участок. Сейчас в Абрамцеве живет их вторая дочь, Надина тетка, Наталья Ивановна. (К несчастью для всех нас, она умерла осенью 2009 г. – Сост.) Она и ее муж – врачи. Так случилось, что они принимали очень большое участие в судьбе нашей внучки, нуждающейся после рождения в лечении невропатологом. Они ее просто спасли.

Борис Викторович очень подружился с И. М. Виноградовым. Их дружба основывалась еще и на том, что Иван Матвеевич до самой смерти был председателем правления, а Раушенбах стал его заместителем. Виноградов сам, конечно, ничего не делал, за него всю работу делал Борис Викторович, и у них невольно сложились отношения. Потом, надо было знать Ивана Матвеевича...

– *Как это он с ним дружил, все знают, что он был жутким антисемитом.*

– *Вера Михайловна (смеясь).* У каждого свое. Честно говоря, мы с этим тоже столкнулись. Когда Бориса Викторовича выбрали в правление, Иван Матвеевич сказал: «Я долго рассматривал Вас. Почему у Вас такая фамилия? Уж не еврей ли Вы? Но я посмотрел, у Вас не еврейские уши, и согласился на Вашу кандидатуру». Он действительно совершенно не переносил евреев, но что делать... У Ивана Матвеевича не было никогда семьи. Он жил с сестрой, которая тоже была одинокая и тоже занималась наукой. Они были крупными учеными, но в бытовом смысле были совершенно беспомощными. Вот привезет его машина, а делать по дому они ничего не могут. Я знала только Ивана Матвеевича,

его сестра, может быть, к этому времени уже умерла. О его быте знала по рассказам Николая Федоровича, с которым он очень тесно общался. Николай Федорович поведал такую историю. Как-то позвонил ему по телефону Иван Матвеевич и попросил зайти. Тот пришел и застал такую картину: за большим столом напротив друг друга сидят Иван Матвеевич и его сестра. На столе между ними лежит большой кусок сырого мяса. Как его приготовить, они не знают. Оба голодные. Попросили Николая Федоровича им помочь приготовить еду.

Последние годы жизни Ивана Матвеевича здесь были ужасные. Он уже был глубоким стариком, на даче жил один, совершенно заброшенный. Все у него перетаскали, уже ничего не было, даже не было толком постельного белья. К нему приходили только врач и медсестра, те, что работали летом в поселке. У него уже были пролежни. Я всегда удивлялась, неужели институт, которому он все завещал и где был директором, не мог обеспечить ему уход. Тем более, что накопленные деньги ему были не нужны. На черта они были ему нужны!¹⁹³ Все это пошло институту, и дача тоже. Академик Марчук, по-моему, потом все-таки как-то купил дачу у института, но я не уверена.

– *Вы хорошо знали Николая Федоровича?*

– *Вера Михайловна.* Николай Федорович был замечательный человек. Он педагог. Во время войны попал на фронт. После фронта ему поручили заведовать хозяйством поселка. Он ко всем был очень внимательным. Никакого воровства здесь не было. Николай Федорович в последние годы уже очень плохо себя чувствовал, и надо было искать замену. По этому поводу он очень переживал, волновался, кого он может сюда поставить вместо себя. Выбирал... Но его выбор оказался, с моей точки зрения, не совсем удачным. Сам он был честнейший человек. Поселок многим ему обязан. То, что в поселке было все в порядке, все как надо, по моему убеждению, – это его заслуга. Зимой, когда стали отапливать дачи при помощи магистрального газа, рабочие ходили каждый день и записывали температуру в доме, следили за работой котла. Все это было заведено при нем. Не было здесь воровства и никаких сегодняшних мастерских по обработке древесины из нашего же леса, который нам же и продают. Такого при нем не было. И Старк, и Тихонравов с ним дружили. При этом следует понимать, что Тихонравов был человеком высоко интеллектуаль-

¹⁹³ М. А. Аверченкова вспоминала: «Ну, он деньги все для государства берег, на себя ничего не тратил». То же про него рассказывали рабочие. Говорили, что деньгами у него были заполнены чемоданы, и он не знал, сколько их у него. (См. еще рассказ А. Д. Клубкова, с. 396.) Иван Матвеевич был очень неприхотлив, но имел строгие представления о еде. Например, если варили щи, то в бульон клали только капусту и больше ничего. Много лет у него работала домашняя работница Люся из Глебова.

ным, получившим еще старое образование, знал и латинский, и греческий языки. Если бы Николай Федорович не был таким, каким он был, тому было бы с ним не интересно. А ведь и Борис Викторович был не прост, и Старк тоже. Если мы с ним находили общий язык, значит, он был интересным, интеллигентным человеком. Он был хороший собеседник, приятный человек. Мы с ним были на равных. У нас было заведено, что одну субботу мы проводим, например, у Старков, Клавдия Ивановна нас принимала, готовила, пекла пироги, другой вечер – у Тихонравовых, и пироги пекла Ольга Константиновна, третью субботу – у нас, и тогда уже я обязательно пеку пироги. Так мы здесь собирались, и Николай Федорович всегда в нашей компании был. Говорили мы в основном об искусстве, литературе, музыке. Николай Федорович был достаточно начитан. В нашей компании он бывал всегда один. Я с его женой была знакома, но она с ним не приходила.

– *Было ли Абрамцево для Бориса Викторовича местом отдыха?*

– *Вера Михайловна.* Отдыхать в принятом смысле этого слова Борис Викторович не любил, не умел, никогда этого и не делал. На даче, когда он после смерти Королева отошел от космических дел и только преподавал на физтехе и в художественных заведениях, написаны его четыре книги по искусству¹⁹⁴. Писал он практически без черновиков, и я набирала этот текст на компьютере. Время отпуска мы обычно использовали, чтобы осмотреть очень интересные для него фрески и иконостасы в различных церквях. Были и в Феррапонтовом, и Кирилло-Белозерском монастырях, и в Пскове, Костроме, Переславле-Залесском. На даче распорядок дня был раз и навсегда установлен. Вставал рано утром и 4–5 часов работал. После обеда обычно совершал пешую, велосипедную, а зимой – лыжную прогулку. Спать уходил рано, в 22.30. Не оставался, даже если были гости. Дача была его любимым местом. Он здесь жил той жизнью, которую любил. Это и возможность работать, и совершать прогулки на природе, и общаться с приятными людьми, приезжающими на субботу и воскресенье детьми и внуками. На квартире он, собственно, только ночевал между рабочими днями. А здесь он жил. Борис Викторович всегда зимой ходил на лыжах. Потом приохотил к этому девочек. Оксана сейчас ходит по 15 км каждую субботу. Ходили и в лес, гуляли.

– *Вы не тяготились здешним бытом?*

– *Вера Михайловна.* Нет, мы очень непритязательны. Жили мы очень скромно. Борис Викторович много чего испытал. Сидел. Все умел делать. Когда решили завести пчел, он ульи делал сам. Он в

¹⁹⁴ Пространственные построения в древнерусской живописи. М.: Наука, 1975; Пространственные построения в живописи. М.: Наука, 1980; Системы перспективы в изобразительном искусстве. Общая теория перспективы. М.: Наука, 1986; Геометрия картины и зрительное восприятие. М.: Интерпракс, 1994.

юности работал столяром и этот труд очень любил. Взятók у пчел, правда, здесь был небольшой, даже по сравнению с Глебовым.

– *Что для вас дача сейчас?*

– *Вера.* Когда я сюда приезжаю, все отрицательное отступает, все остается за пределами Абрамцева. Это, может быть, связано еще и с тем, что здесь все остается в неизменном виде: дом, участок, как было в моей юности. И, кажется, я сама та, что была. Кроме того, для меня очень важно, что здесь я не должна думать, что мне надеть. Я преподаватель и по роду своей деятельности должна об этом заботиться, это меня напрягает. Здесь я от этого отдыхаю. Дача, конечно, по мере взросления, сейчас, когда у меня 18-летний сын, стала мне куда более интересна. В молодости я предпочитала активный отдых.

– *Оксана.* Конечно, это и память папы. Я очень люблю Абрамцево. Привязана к нему больше, чем Вера. Из-за дочери тоже. Люблю длительные прогулки – пешие, велосипедные. Здесь чудные виды. Они так трогают, что бога благодаришь за счастье все это увидеть. Особенно хорошо Абрамцево зимой. Хожу далеко, километров 15 и больше на лыжах, приезжаю почти каждую субботу. Конечно, здесь свобода...

– *Вера Михайловна.* Кроме того, при Борисе Викторовиче дача была местом сбора всей семьи. Родственников. Во многом это еще определялось тем, что мы оплачивали им проезд, а они могли здесь хорошо провести время. Жила сестра Бориса Викторовича, мамина двоюродная сестра, почти ровесница Веры и Оксаны. Бориса Викторовича народ не раздражал. Ему было важно только, чтобы ему не мешали работать. Работал он в верхней комнате. Его там старались не беспокоить.

– *Ваши внуки любят дачу?*

– *Вера Михайловна.* Боря родился в 1989 г., вырос здесь, но у него как-то не было компании, подходящей по возрасту, и он не очень привязан к даче. Внучка Вера¹⁹⁵ во многом здорова благодаря Абрамцеву, она привязана к даче больше. Ей сейчас 26 лет, вышла замуж. Свадьбу праздновали и здесь тоже. Ей хочется, чтобы дача существовала в неизменном виде, как в детстве.

– *Абрамцевский музей играл какую-нибудь роль в вашей жизни?*

¹⁹⁵ Недавно у внучки Б. В. Раушенбаха Веры родилась дочь Полина, с которой она почти все время проводит на даче в Абрамцеве.

– *Вера Михайловна*. В музей мы обычно ходили несколько раз за лето. Гостей всегда водили. Экспозиция, которая там тогда была, интересовала Бориса Викторовича, поэтому ходили часто. Бывали в церкви музея. Бориса Викторовича интересовали и современные художники. Музей того времени мы очень любили. Потом, позже, он стал разваливаться. А раньше он был в порядке, и все домики, и территория. При нас делали прозрачный колпак для скамейки Врубеля. В музей сходить было приятно. Мне нравится портрет Веры Мамонтовой, важно было, что она и похоронена в Абрамцеве. Как-то там тогда было тепло...

История нашего петуха

Рассказ Веры Михайловны Раушенбах

Однажды по дороге в Абрамцево из Нового Иерусалима мы ехали на машине за грузовиком, который вез клетки с курами. В один прекрасный момент, вероятно, из-за тряски, одна птица, а именно петух, выпала из машины и осталась, потеряв сознание, лежать на дороге. Мы с мужем его подобрали, и вскоре он пришел в себя. Петуха поселили в Абрамцеве, правда, всю оставшуюся жизнь он, видимо, вследствие падения, тряс головой. Жилось ему прекрасно, но, по-моему мнению, скучно. И через какое-то время, по моей настойчивой просьбе, Борис Викторович купил на птицеферме, расположенной около Загорска, двух курочек. И петух, как ему и полагалось, стал громко петь по утрам. Это сильно не нравилось нашему соседу, академику С. И. Вольфковичу¹⁹⁶. Он выступил на общем собрании поселка и пожаловался, что ему совершенно не дают спать животные соседей: со стороны 12-й дачи лает огромный доберман (там жили какие-то родственники Энеева и держали огромного добермана по кличке Аякс), а на 19-й орет по утрам петух. На этом же собрании Борис Викторович взял «социалистическое обязательство» отучить петуха от утреннего кукареканья. Было это просто. В курятнике занавесили окно, и куры мирно дрыхли до 10 часов утра.

¹⁹⁶ Прошло много лет, и обсуждение поведения поселковых животных на общих собраниях стало традицией. Главным образом, это касается собак, но в некоторых случаях и насекомых (жука короледа). Сейчас родственники С. И. Вольфковича «отомстили» сполна Раушенбахам за петуха. Они держат на своем участке стадо коз и кур. Запах от козьего сарая витает в воздухе 19-й дачи, в ветреную или влажную погоду, то есть часто. И они никак не реагируют на просьбы Раушенбахов что-нибудь с этим сделать. По поводу пенья их петуха уже никто не выступает. Времена изменились. Но все еще не так плохо, как у «новых русских» в коттеджных «зонах».

Александр Андреевич Монин (1946–2012).

Сын члена-корреспондента АН СССР А. С. Моница. Инженер по конструированию приборов для исследования морских глубин.

Юлия Исаевна Моница (1947 г. р.).

Его жена, экономист, кандидат экономических наук.

– Как А.С. Монин оказался в Абрамцево?

– Саша. Эта дача раньше принадлежала академику Шулейкину¹⁹⁷. Шулейкин умер, дача перешла в ведение Академии наук¹⁹⁸, и с 1964 г. папа стал ее арендовать. Арендовали мы дачу в течение многих лет. Жили только летом, так было и после проведения магистрального газа. В 1981 г. отец выкупил ее у Академии. Я провел детство на дачах ЦК КПСС (А. С. Монин был инструктором Отдела науки, вузов и школ при ЦК КПСС. – Сост.), тем не менее эта дача мне, в общем-то, нравилась. Во всяком случае, своей будущей жене я дачу хвалил. Хотя те дачи, где я провел детство, были совсем другие.

– Вам, Юлия, она тоже понравилась?

– Юлия. Когда я еще была невестой, Саша мне очень хвалил эту дачу. Я появилась здесь, наверное, в 1969 г., но мне она категорически не понравилась. Дом был запущен. Холодно, сыро. Моя семья тогда снимала дачу в Салтыковке. Поселок там был обустроен, быт был много легче. Мы здесь прожили первые четыре года после рождения сына Сережи, 1971–1975 гг. Повседневная жизнь с маленьким ребенком здесь была очень тяжелой. Машины у нас не было. Была персональная машина у свекра, но нам не всегда удавалось ею воспользоваться. Здесь постоянно были перебои в доставке баллонов с газом для плит. Очень было трудно с продуктами, которые возили на себе. Существовавшие в поселке заказы в то время были для нас дороги, и ассортимент продуктов был мало подходящим для ребенка. Они были, правда, шикарные. После того как сыну исполнилось четыре года, мы с ним здесь постоянно уже не жили. Дачей пользовался сам А. С. Монин и его дочь Надя, которая здесь вырастила своего сына. Мы же не чувствовали себя здесь дома. Но наш сын, уже повзрослев, любил сюда приезжать. Входил в компанию детей, выросших здесь. В 1991 г. Андрей Сергеевич подарил сыну часть земли, и тогда мы начали строить свой отдельный дом. Жить здесь после того,

¹⁹⁷ К сожалению, так и не удалось выяснить, была ли дача № 42 некоторое время собственностью Шулейкина.

¹⁹⁸ Ошибка: Шулейкин умер в 1972 г., но от дачи отказался раньше.

как построили свой дом, мы стали больше. Так сложились обстоятельства, что с 2004 г. мы жили здесь круглый год, даже были прописаны. Дача в этом смысле нас выручила. Зимой нам нравится здесь больше, чем летом. Народу и собак меньше, тише, интимней, приятней для души. Бытовых трудностей сейчас уже никаких нет. Дом у нас каменный, теплый.

– *Расскажите про эту чудесную ротонду, которая стоит около заднего забора вашего участка, на берегу ручья Яснушки.*

– *Саша.* Когда начали арендовать дачу, она находилась прямо на территории участка. Была побелена, у нее были даже какие-то перила, еще не разрушилась крыша. Ее, по-видимому, построил первый владелец академик Шулейкин. Он, говорят, хотел запрудить Яснушку, на берегу которой эта ротонда и стоит. Для этого испрашивал деньги у поселка, но ему отказали¹⁹⁹. Все говорят, он хотел в ротонде чай пить и видом любоваться. В конце 70-х гг. правление приняло решение отнести заборы дальше от берега Яснушки, на который выходили участки дач № 43, 42, 41, 26. К моменту переноса все задние заборы этих дач совершенно разрушались, даже у И. М. Виноградова. Ротонда после этого оказалась за территорией участка. Площадь участка теперь 1,4 га, раньше он был больше. Бывает, что ротонду используют туристы, разводят костер прямо внутри, и еще поселковые дети для встреч и игр. К сегодняшнему моменту она почти совсем разрушилась.

– *Андрей Сергеевич Монин был здесь с кем-нибудь знаком?*

– *Саша.* Знал здесь Г. И. Баренблатта. Отец часто прогуливал с ним. Возможно, тот сыграл определенную роль в его приезде сюда. Они какое-то время работали в одном институте. Мы познакомились здесь с семейством Сахарновых-Павловых.

Мадлен Григорьевна Ениколопова (1922–2010).

Вдова академика Н. С. Ениколопова. Химик, кандидат наук.

– *Когда Николай Сергеевич Ениколопов здесь купил дачу?*

– Дача куплена в 1976 г., после того как прежний владелец М. В. Келдыш сдал ее в фонд Академии и получил взамен дачу в Жуковке. Сам Николай Сергеевич Ениколопов до этого дачи никогда не имел и говорил, что проводить лето в Подмосковье, где холодно и сыро, ему, южному человеку, вовсе не хочется. Но потом родился его первый внук Коля, и в 1975 г. эту дачу сначала сняли, а потом, когда муж в 1976 г. был избран академиком,

¹⁹⁹ Это опровергает версию Тамары Павловны Тимофеевой о том, что запруду первоначально планировалось сделать в рамках организации поселка. Ее не подтверждал и управляющий Александр Дмитриевич Клубков.

купили. И он ее полюбил. С этого времени мы живем здесь, но изначально это делалось ради внука. Мы ко дню рождению Коли получили телеграмму: «Поздравляем с днем рожденья Николая II – Карабахцы». Старший Николай Ениколопов опасался, не посадят ли его за такой текст.

– *Сами Вы как относились к даче?*

– Я – положительно. Мне хотелось, чтобы шумные дети не мешали окружающим. А обстановка здешних дач, их изолированность меня очень устраивала.

– *Дом Вас устраивал? Вы не стали после Келдышей ничего перестраивать?*

– Дом устраивал, но мы произвели в нем ремонт и некоторую перепланировку. На первом этаже (как многие) закрыли в столовой вторую дверь, сделали туалет на втором этаже. Все печки оставили. Только в столовой у нас камин, его облицовку делал человек из абрамцевского художественного училища. Печки – историческая ценность, вне зависимости от того, топятся они или нет. Уже по моей инициативе со стороны бывшей открытой террасы устроили закрытую веранду во всю ширину дома.

– *Зачем Вы так сделали?*

– У Николая Сергеевича в Черноголовке было очень много учеников, выпускников армянского университета. В Черноголовке их было легче, чем в Москве, прописать, и он талантливых студентов туда приглашал. В период обустройства дачи они часто приезжали к нам, устраивалось нечто вроде субботников. После этого он с ними занимался, ну и, естественно, потом всегда был общий обед. Тогда не было ни газа, ничего. Трудно и далеко было носить еду на 15–16 человек из кухни на закрытую террасу. И когда начался ремонт, мы продлили открытую террасу до кухни, а на месте кухонного окна прорубили дверь. И эту террасу сделали закрытой. Я этим очень довольна, получилось две закрытых веранды – одна парадная, а другая (новая) – «рабочая». За эту перестройку, которую сделали без разрешения, мы получили выговор в БТИ. Тогда было очень строго.

– *Вы отпускали внуков за ворота, не заботясь об их безопасности, как, впрочем, делали все в поселке?*

– Вопрос о безопасности здесь не стоял. Мы здесь совершенно не боялись, что дети попадут в какую-нибудь беду. Совсем маленьких детей мамы, бабушки водили на клумбу. Они там знакомились, а бабушки и мамы общались. В 5–6 лет наших детей мы стали отпускать уже одних. Тем более у нас мальчишки, они сами отстаивали свою самостоятельность. Поколение этих детей продолжает дружить. Внуки поддерживают отношения со всеми сво-

ими здешними сверстниками. Дачная компания Коли собирается и в Москве. Дружит с Сашей Грабарем, Димой Комаровым. Здешние друзья младшего внука Рубика тоже встречаются не только в Абрамцеве. У обоих была здесь большая компания. Мне это очень нравится.

– Когда вы приехали, кто был управляющим? Вы с ним общались?

– Был Николай Федорович Шкаринов. С ним не общаться было нельзя, потому что он был «хозяин». Он был хозяином поселка и дач. Его даже управляющим трудно назвать. Он следил не только за хозяйством, работает или нет, но и за тем, как себя ведут дачники, как воспитывают своих детей. Здороваются они или нет. От него веяло, что он «хозяин», к которому не только можно обратиться, но который сам имеет право зайти на любую дачу и спросить, как у вас дела, что у вас случилось. О нем у меня остались самые лучшие воспоминания. Николай Сергеевич был председателем совета поселка и застал его, но больше ему «достался» Иван Мартынович. Иван Мартынович и Николай Федорович были совершенно разные люди. Они прежде всего отличались уровнем интеллигентности. Николай Федорович вел себя под стать академиком. Про него можно сказать, что он следил за жизнью поселка в комплексе.

– Как-нибудь пытались окультурить участок?

– Попытались. Когда мы собрались въезжать, нам даже сделали ландшафтный план. Мы его принялись активно выполнять. Но здесь все плохо растет, земля глинистая. У нас за растениями следили наши родственники: сват и сватья. Он был по кустарникам: посадил смородину, крыжовник. А сватья занималась огородом. Пока внуки были маленькие, с цветами было более или менее нормально. Мы посадили виноград (настоящий). Он у нас именной, одна из лоз носит имя брата – того, кто ее сюда нам привез. Другая виноградная лоза из Карабаха. Виноград, собственно его листья, нам был нужен для того, чтобы делать долму. У их специально собирала.

– Удавалось получить урожай?

– Смородина бывала. Иногда, когда у всех случался здесь урожай яблок, они урождались и у нас. Огород разводили не знаю зачем. К этому у нас была просто любовь.

– Дача появилась, когда Ваши дети были уже взрослыми. Они ее полюбили?

– Младший сын Гриша²⁰⁰ любит, но нечасто здесь бывает. Он биолог, работает в Америке. И его дети любят дачу, но сейчас они

²⁰⁰ Г. Н. Ениколопов (1952 г. р.) – выпускник биофака МГУ им. М. В. Ломоносова. С 1989 г. по приглашению Уотсона работает в Колд Спринг Хабор лаборатории (США). Ведет исследования в области нейробиологии и стволовых клеток.

почти не приезжают. Старший, Сережа²⁰¹, не любит дачу и бывает очень редко. Я даже думаю, что это результат наших первых субботников, когда его заставляли здесь работать. А его дети любят, особенно Рубик. Я сама, честно говоря, за нее держусь. Внуки приезжают. Последний ремонт в доме они уже сделали практически на свои средства. Я считаю, что эта дача – единственное, что я им оставляю. Все-таки это тот уголок, в котором прошли хорошие годы.

– *Николай Сергеевич быстро привык к дачной жизни?*

– Сначала дачу купили только ради внука, но потом получилось, что Николай Сергеевич оказался основным ее любителем. Наверное, сказало, что он рос там, где было много земли. Он родился в Степанакерте, в сельской, в общем-то, обстановке. Он очень любил дачу. Особенно то, что ему никто здесь не мешает. Если у меня занятия были в пятницу, и я не могла с ним ехать, он приезжал один, а в субботу утром меня встречал.

– *Николай Сергеевич использовал дачу так, как предполагал Сталин – для работы?*

– Да. Он даже отказался от возможности поставить телефон. Хотели, чтобы у него как председателя правления был телефон. Он категорически отказался. Сказал тогда: «Если будет здесь телефон, это означает, что я живу, как в Москве, а дача должна остаться местом, где можно уединиться. Это не значит, что я в недосыгаемости. Если буду нужен, приедут на машине». И на машине приезжали. Но эта, особенно зимняя, изолированность, его очень устраивала.

– *Он здесь с кем-нибудь был знаком?*

– Вообще он был очень общительный. Он всех знал, я – нет. И его все знали. Было даже смешно, мальчики, приятели Коли называли Николая Сергеевича дедушкой, по-армянски это звучит как «папик». Наверное, слышали, что когда въезжает его машина, внуки кричат: «Папик, папик». И тоже так его стали называть. За Николаем Сергеевичем бегала стайка ребят, и все кричали: «Папик, папик!» Он мне говорил: «Слушай, я такому количеству детей папиком прихожусь»²⁰². Николай Сергеевич со всеми общался. Я мало общалась.

²⁰¹ С. Н. Ениколопов (1948 г. р.) – психолог, руководитель отдела Медицинского центра психологического здоровья РАМН. Доцент кафедры нейро- и патопсихологии психологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

²⁰² Профессор Г. Е. Заиков рассказывает: «Как-то Николай Сергеевич вспомнил: «Гена! Моя жизнь все время связана с открытиями. И самое большое для меня открытие — это количество родственников, которое теперь у меня есть. Когда моего отца расстреляли, и мы жили очень бедно с мамой, никто никогда не приходил к нам домой... Я был уверен, что мы одиноки, и у нас нет ни одного родственника на всем белом свете. Потом я приехал в Москву, поступил в Институт химфизики и стал кандидатом наук. Тут родственники стали появляться, их количество стало равно количеству жителей нашего

Из соседей общались много с С. Т. Мироновым. Он был активным членом правления, хотел наводить здесь порядок. Писал уставы, которым должен был подчиняться Иван Мартынович. (Тот не очень-то подчинялся.) С ним и с его женой мы часто виделись и много общались. Были знакомы и с Уразовыми – с Наташей. Запросто ходили к Виктору Львовичу Тальрозе, реже к Кнунянцам. И. Л. Кнунянц купил здесь дачу позже нас.

– *Это были ваши знакомые еще по Москве?*

– Да, они сотрудники Института химической физики Академии наук. В. Л. Тальрозе и посоветовал нам эту дачу купить, сказал, что она освободилась. Николай Сергеевич был ему за это очень благодарен. А с женой Тальрозе, Женей, я была знакома еще по Карповскому институту²⁰³. Я была там в аспирантуре у академика Сыркина, а она там работала. Николай Сергеевич работал тогда уже в Институте химической физики. Когда В. Л. Тальрозе сюда приехал, я не помню, но он приехал сюда до нас. Он основательно входил в дела поселка, был членом правления. После смерти И. М. Виноградова председателем правления стал Николай Сергеевич, а Тальрозе был очень активным его членом.

– *Про заказы помните?*

– Откуда их привозили, не помню, но они были очень хорошие. И мне не очень понятно, почему сейчас не организовать такой привоз продуктов первой необходимости. Было бы удобно. У нас сейчас на даче некому дойти до ближайшего магазина. Молодежь занята, я часто бываю здесь совсем одна. Когда были заказы, можно было что-то дополнительно заказать, и все привозили, помимо списка. Потом, помните, приезжала в поселок цистерна с молоком. Сейчас мы возим молоко из Москвы.

– *Несколько лет подряд в поселке молодежь и дети устраивали «концерт» и карнавал в ознаменование конца лета. Как Вы к этому относились?*

– «Прощание с летом» было хорошей традицией, праздники эти бывали ежегодно, по-моему, лет десять подряд. Но последние два года, после того как погибла девочка из их компании²⁰⁴, по-моему, концерты и карнавалы прекратились. Последний «концерт» был в нашем гараже. Это была хорошая традиция. Я ковер тогда им дала. А карнавал был для детей, но в нем все участвовали, взро-

села. Когда я стал доктором наук, я понял, что весь Ереван – это мои родственники. Все они весело, гурьбой приехали ко мне в Москву в гости. Мой дом превратился в гостиницу. Когда меня избрали членом-корреспондентом АН СССР, мне показалось, что все жители Армении – это мои родственники. Но когда я стал академиком, у меня уже не было никаких сомнений, что мои родственники – армяне со всего белого света»».

²⁰³ Физико-химический институт им. Л. Я. Карпова.

²⁰⁴ Катя Лысенко попала под машину в апреле 2002 г.

слые тоже. Ходили в карнавальных костюмах. Мне все это очень нравилось, я считаю, что такие праздники объединяют жителей поселка. И детей, и взрослых, независимо от возраста. Правда, мы там знакомились! Я сейчас уже мало кого знаю. Теперь мы даже уже друг с другом не здороваемся. Хотелось бы, чтобы эта традиция возродилась. А у нас в семье была своя дачная традиция.

– *Какая?*

– С тех пор как мы купили дачу, Новый год традиционно отмечался на ней. Елку украшали на улице – растущее дерево. Сейчас она, конечно, вымахала, а тогда она была такого роста, что ее можно было украсить, мы могли вешать на нее игрушки, а под елку клали мешок с подарками. У каждого был в мешке свой пакет с подарками. Муж завел порядок, что раздавать подарки должна я. Я сидела в кресле, доставала из мешка пакет, читала, чей он, а тот, кто его получил, должен был доставать все свои подарки и показывать. Эта традиция продолжалась вплоть до кончины Николая Сергеевича в 1993 г. В 12 часов стреляли из специальной ракетницы, которую подарил мужу директор очень крупного закрытого института²⁰⁵ в Загорске. Зарядное устройство какое-то хитрое, без мужа ничего не получалось. Они в этом институте много чего делали такого рода. Стрелял всегда только сам Николай Сергеевич.

Марина Вадимовна Копецкая (1934 г.р.).

*Вдова члена-корреспондента АН СССР Ч. В. Копецкого.
Инженер-электрик.*

Мария Чеславовна Копецкая-Линчевская (1975 г.р.).

*Дочь члена-корреспондента АН СССР Ч. В. Копецкого.
Переводчица, социолог-политолог.*

– *До того, как купить дачу в поселке, Вы здесь снимали?*

– *Марина Вадимовна.* Когда родилась наша младшая дочь Маша, мы решили снимать дачу. Чеслав Васильевич общался с Алексеем Алексеевичем Абрикосовым по работе, а он как раз свою часть дачи сдавал. Мы ее у Алеши сняли и в мае 1976 г. приехали. Мы жили у Абрикосовых летом в 1976–1978 гг. Участок был заросший, да и дом был запущен очень. Чеславу Васильевичу пришлось рас-

²⁰⁵ Покупать на Новый год фейерверки, производимые как побочный продукт этим институтом, меня послал как-то еще в начале перестройки мой здешний друг Саша Епифанов. Он утверждал, что загорские изделия, в отличие от китайских, безопасны и сделаны на совесть. Магазин находился в Загорске, который еще не стал Сергиевым Посадом, в квартале «Звездочка». Последний, видимо, относился к этому институту или был выстроен для его работников. По советским меркам, это был очень приличный жилой квартал, отличающийся от других качеством домов и общей планировкой.

чищать кусты перед большой террасой. Перед тем как въехать, мы с подругами помыли потолки и стены в той части дома, где собирались жить. Вторая половина дома принадлежала тогда его родной сестре Марии Алексеевне Абрикосовой. Мы очень любили пользоваться стеклянкой террасой, и перед ней Чеслав Васильевич расчистил полянку и сделал песочницу Маше. Там она и возилась. На так называемую клумбу я никогда с Машей не ходила.

– *Маша*. Это, наверное, отчасти объясняет, почему у меня в детстве не было здесь друзей. Все развлечения моих абрамцевских ровесников пронеслись мимо, я до сих пор далеко не со всеми знакома.

– *Марина Вадимовна*. На даче мы жили с друзьями, которые помогали мне с Машей, так как ей был уже год, и я вышла на работу. В другой половине, принадлежавшей М. А. Абрикосовой, жила ее дачница Евгения Николаевна Шор. Ну а ты, как сама помнишь, жила в комнате наверху – над кухней. Приезжала, и то не всегда, по выходным. На кухне, несмотря на ее коммунальность, никаких столкновений не было.

Мы жили очень мирно. Потом, когда мы съехали от Абрикосовых, Евгения Николаевна познакомила Машу с Евгенией Альбертовной – уже тогда очень пожилой дамой, дачницей Григорьевых. Она была преподавательницей английского и занималась с Машей языком.

– *Маша*. На самом деле языком мы занимались мало, скорее дружили. Мы удивительным образом сошлись, несмотря на колоссальную разницу в возрасте. Я целыми днями пропадала в маленьком домике на 22-ой даче. Я даже жила у Евгении Альбертовны какое-то время летом, в тот год, когда мама строила дом. Евгения Альбертовна была незаурядной, одаренной и очень обаятельной женщиной. С ней можно было поговорить на любую тему, включая популярную зарубежную музыку – она знала всех исполнителей, какие-то подробности про них, совершенно непонятно откуда. Рисовала, лепила из нашей вездесущей абрамцевской глины, делала скульптуры из веточек и вазы из стеклянных и консервных банок. До последних дней сохраняла остроту ума, превосходное чувство юмора, интерес к жизни. Я даже в Москве ее как-то навещала и до сих пор вспоминаю с большой признательностью.

– *Марина Вадимовна*. После дачи Абрикосовых мы стали здесь арендовать дом, предназначавшийся когда-то под медпункт. До нас его арендовали родители мамы Сережи Старка, Веры Усиевич. Дом был маленький, достался нам в ужасающем состоянии. Мы его арендовали, наверно, года три (1979, 1980, 1981).

– *Арендовали через Академию?*

– *Марина Вадимовна.* Да, все тогда делалось через Академию. А потом Академия предложила всем тем, кто дома арендовал, их выкупить. Причем это была последняя такая возможность. Было это, наверное, году в 1981-м. Предлагали выкупить в первую очередь тем, кто эти дачи арендовал. Академия назначала какую-то сумму, которую будущий владелец вносил в жилищно-коммунальный отдел. Она была, конечно, меньше, чем если бы просто покупали. Дома, находящиеся в аренде, были в плохом состоянии. Некоторые жители дачу выкупить не захотели. Зато дом купил член-корреспондент В. Л. Тальрозе, который раньше никогда здесь не жил. Также не выкупил дачу член-корреспондент Б. Н. Делоне. Его наследникам – сыну и дочери – дача была не нужна, а внуки таких денег не имели²⁰⁶. Ее купил у Академии академик И. Л. Кнунянц. Он тоже не был раньше жителем поселка. Но многие из «здешних», тех, кто на тот момент эти дачи арендовал, их выкупили.

– *С кем общался здесь Чеслав Васильевич, ведь тогда здесь было много «молодых» членов-корреспондентов – Тальрозе, Раушенбах, Охоцимский...*

– *Марина Вадимовна.* С В. Л. Тальрозе он общался довольно близко, с Раушенбахами более отдаленно. Много общались с вдовой академика Немчинова – Марией Борисовной. Она была в правлении поселка председателем ревизионной комиссии. Чеслав Васильевич в правление не входил, но очень много делал по просьбе правления. Вечно нужно было писать какие-то бумаги, и он участвовал в их составлении. Чтобы иметь действие, они должны были быть определенным образом написаны. Он за этим следил, умел правильно их составить. Много общался с Иваном Мартыновичем – тогдашним управляющим, тот был очень милый человек. В это время в поселке проводили газ, и муж помогал ему оформлять бумаги. Академия выделила деньги для прокладки газовых труб до каждой дачи, и это была большая сумма. Владельцы платили тогда только за прокладку труб внутри своего участка. Кроме того, при Иване Мартыновиче, году в 80-м, меняли общие трубы водопровода. Это тоже делалось за счет Академии. Бумаги в Президиум с просьбой о выделении денег требовалось особым образом составить. Чеслав Васильевич принимал в этом активное участие.

– *Расскажите историю постройки Вашей дачи № 23.*

²⁰⁶ Про существовавший по одной из версий «план» выкупить дачу на деньги живущего в то время на ней В. Ерофеева М. В. Копецкая, по-видимому, не знает. Достоверно не известно, помешала ли его осуществлению болезнь и смерть Б. Н. Делоне, или Академия действительно не дала на это разрешения еще при его жизни.

– *Марина Вадимовна.* Изначально Чеслав Васильевич хотел выкупить из аренды дачу № 16, в которой на тот момент располагался медпункт, а для него восстановить за свой счет прежнее здание, то есть то, которое мы тогда арендовали. Но этому категорически воспрепятствовал тогдашний председатель правления академик Ениколопов. Он возражал против этого предложения Чеслава Васильевича, утверждая, что помещение бывшего медпункта слишком маленькое, и врачи туда не захотят ехать. К этому моменту мы уже там произвели ремонт, и дом после некоторых доделок был готов к эксплуатации. В 1982 г., после того как нам отказали в выкупе 16-й дачи, мы выкупили из аренды домик старого медпункта, еще подлатали его немножко и жили в нем до смерти Чеслава Васильевича в 1988 г. А в 1989 г. я этот дом снесла и построила новый. И летом 1990 г. мы уже жили в нашем нынешнем доме. Вообще мне это чудом удалось. Вскоре грянула «перестройка», цены резко изменились, и подожди я немного, мне бы уже дом было не построить.

– *Какова дальнейшая история дачи № 16, которую тогда занимал медпункт?*

– *Марина Вадимовна.* Некоторое время спустя академик В. Е. Фортов построил для медпункта новое здание и за это получил возможность купить дачу № 16.

– *Почему поселок это новое здание медпункта не сдает зимой, когда оно пустует? Деньги шли бы в общий котел, на нужды поселка.*

– *Марина Вадимовна.* Это невозможно. Я много раз ставила этот вопрос на правлении. Дом, к сожалению, очень холодный. Там не утеплен ни потолок, ни пол. А оставлять отопление зимой – лопнут трубы. Для того чтобы эксплуатировать это помещение зимой, его надо полностью перестраивать. Я предлагала его утеплить, но, оказывается, медпункт не находится на нашем балансе. Трудно договориться.

– *Какая была атмосфера в поселке, когда Вы сюда приехали?*

– *Марина Вадимовна.* Очень приятная, теплая, интеллигентная, все в поселке здоровались между собой. На собраниях (общих) никогда не было крика. Я заменила Марию Борисовну Немчинову в правлении на должности председателя ревизионной комиссии. Она постоянно предлагала мою кандидатуру, но я отказывалась. Потом я все-таки согласилась, поскольку тогда в поселке было всего 40 дач. Все друг друга знали. Скандалов не было. А заставил меня согласиться на это Н. С. Ениколопов. Я все отказывалась, у меня ведь нет экономического образования, а он тогда сказал: «Ну, конечно, вы построили одна такой дом и не можете быть «ревизионной комиссией». Это смешно, даже и разговоров не может быть». (Это правда, я всем тогда занималась сама: и

оформлением бумаг, и рабочими, и материалами.) Пришлось, наконец, согласиться. Он тоже хотел построить себе новый дом вместо сторожки. Уже снес ее, купил кирпич, но, к сожалению, не успел, внезапно умер на конференции в Германии.

– Вы и Ваши дети привязаны к Абрамцеву?

– *Марина Вадимовна.* Конечно. На даче в Абрамцеве всегда жила моя младшая дочь Маша. Старшая – между ними 15 лет разницы – очень любит Черноголовку, она с бабушкой все лето проводила там. А Маша жить без Абрамцева не может. Она здесь, можно сказать, родилась, выросла, и Абрамцево для нее все. Мы очень переживаем, когда здесь что-нибудь происходит, например, все эти эксцессы на детской площадке. Все-таки с охраной стало лучше, чужих машин стало меньше, и туристические автобусы перестали у нас разворачиваться. Но вот наши ездят здесь все-таки слишком быстро. Тут же дети, но они все равно несутся.

– *Маша.* Да, это правда – я не представляю себе жизни без Абрамцева, хотя поселок меняется, люди меняются, и я все чаще ловлю себя на мысли о том, что продолжаю любить то, чего уже нет, собственные воспоминания. К счастью, пока еще вне дачного сезона, особенно в будни можно бродить по пустынному поселку и, несмотря на новые дома, делать вид, что все здесь по-старому.

– У тебя была детская компания?

– *Маша.* Скорее нет, чем да. Я общалась с Ниной (Дюсей) Немчиновой, Ирочкой Тальрозе, Олей Аванесян, но ни в какую компанию не входила. В студенческие годы я практически не бывала на даче, а когда стала приезжать снова, ближе сошлась с Дашей и Аней Заварзиными. А вообще я с большим удовольствием общаюсь с представителями других поколений – дружу с Клеопатрой Сергеевной, с Вами вот (смеется), с Еленой Михайловной Тимофеевой.

– *Марина Вадимовна.* На даче Тимофеевых устраивали всегда детские праздники, карнавалы – это тогда было каждое лето. А мы еще до того, как стали снимать дачу у Абрикосовых, приезжали к ним на дачу встречать Новый год. Мы были давно знакомы с Александром Андреевичем Тимофеевым. У них всегда было весело, приятно. Брат мой много лет снимал потом у них дачу. Мы к Абрамцеву очень привязаны.

– *Маша.* Моя двоюродная сестра Марина довольно хорошо помнит веселую «timoфеевскую» жизнь, не так давно в красках рассказывала мне, как Леша Тимофеев привел на дачу отдохнувших в абрамцевском санатории иностранцев. А прошлым летом мы с ней зашли на 46-ю дачу. Увидев Марину, Тамара Павловна, ни слова не говоря, ушла на кухню и вернулась с чайной ложкой в руке. «Вот, – говорит, – это твоя ложка, которой ты ела, когда жила здесь

в детстве. Я ее для тебя храню с тех самых пор», – и вручила ошеломленной Марине эту ложку, серебряную, между прочим. Так что получается, что с поселком в той или иной степени связана жизнь всей нашей семьи.

– *Что же Вам здесь нравится?*

– *Марина Вадимовна.* Природа, наверное, и здешняя аура. Я здесь полностью отдыхаю, совершенно отключаюсь. Когда не было мобильных телефонов, было даже лучше. В Москве у меня очень много общения. А здесь я даже в магазин не хожу. Поездка в Хотьково один раз в неделю вполне меня устраивает. Я теперь в Хотькове покупаю все: и одежду, и подарки, обувь, и Маша тоже. Пользуемся здесь услугами автосервиса – вполне прилично. Раньше всё возили из Москвы, так как с продуктами здесь было очень плохо. Ходили, конечно, и в наш магазин, у музея, и в генеральском поселке, но и там с продуктами было плоховато. Раньше я всегда ездила на дачу на электричке. Ходили с «55 км» (ныне станция Радонеж) пешком. Ходили в любое время, ночью тоже. Ничего не боялись. Тогда никаких ЧП не было. Вот это спокойствие, может быть, и создает такую ауру. Чеслав Васильевич страшно любил косить, поэтому у Абрикосовых, где ничего не было покосено, ему было раздолье. Но вообще он здесь проводил не очень много времени. В гости ходили к Немчиновым. Общались с Тимофеевыми. Иногда по делу с кем-нибудь. Он был очень занят на работе.

– *Абрамцевский музей играл какую-нибудь роль в вашей дачной жизни?*

– *Марина Вадимовна.* Мы часто ходили в музей. Когда Маша была маленькая, ездили туда с коляской. Ходили и в музей, и гуляли по парку. Наши знакомые работали в музее научными сотрудниками – как-то нас с маленькой Машей водили по музею одних, даже открыли нам церковь, хотя тогда она не входила в общую экспозицию. Показали нам все. Вход в парк был свободный. Сейчас он платный, и это правильно. Помните, когда было свободно, ведь варвары все разрушили. Когда скамейка Врубеля была без стеклянного футляра, каждый от нее норовил отбить кусочек на память. Вообще говоря, когда директором там был Рыбаков, в музее бог весть что творилось. Интересно, что теперь будет при новом директоре? Мы всегда ходили в музей, когда кто-то к нам приезжал, водили туда всех гостей.

– *Маша.* В детстве музей наводил на меня тоску. Эту «эксклюзивную» экскурсию я, конечно же, помню. Мне тогда было, наверное, лет шесть. Помню абсолютно пустые дорожки – мы были там совершенно одни, это произвело на меня сильное впечатление. Еще помню, что мне дали нести ключ от церкви. Тогда он казался мне огромным, я, кажется, держала его двумя руками. Но в целом

мероприятие, естественно, было рассчитано на взрослых, и все эти занудные разъяснения, в которых я ничего не понимала, меня просто доконали. Когда я стала старше, тоже стала водить в музей приезжающих ко мне в гости друзей – приняла эстафету. Однако мой настоящий «роман» с усадьбой начался, когда директором стал А. М. Пентковский. Это было как глоток свежего воздуха. При нем я даже перевела для музея пару книг, а Леша Миронов (правнук академика М.А. Павлова, врач, художник. – *Сост.*), помнится, просто дневал и ночевал там с мольбертом. К сожалению, счастье наше длилось недолго, все закончилось, толком не начавшись. И хотя в последние годы на выходные и летом в музей приезжают толпы народа, с моей точки зрения, смотреть там стало не на что. Я теперь старательно обхожу это место стороной, чтобы не расстраиваться.

– Многие сдавали свои дачи, не знаете, как к этому в поселке относились?

– *Марина Вадимовна.* Это никогда не обсуждалось²⁰⁷. Относились к этому нормально. Да и сдавали, особенно вначале, приличной публике. В основном это был тоже народ из Академии и деятели искусства. Знакомые знакомых.

– Неужели в поселке на Вашей памяти не было никаких скандалов?

– *Марина Вадимовна.* Была известная история, связанная с разделом наследниками дачи академика Виппера. Они в этом смысле были в поселке первыми. Делили через суд, и немирно. Другие дачи потом тоже делили, но мирно, а эти наследники очень между собой ссорились. Этот, разделенный на три части, участок невольно привлекал всеобщее внимание, поскольку он долго был в поселке единственным. Была другая история с участком И. М. Виноградова. У него не было наследников. По завещанию он оставил дачу Институту математики имени В. А. Стеклова, директором которого был в течение 51 года. Но оказалось, что юридически завещать институту было нельзя, только физическому лицу. И с этим завещанием не знали, что делать. В общем, были трудности, институт дачу получить не мог, и каким-то образом ее купил у Академии академик Марчук. (Точно не знаю, купил, или ему дали, так как он тогда был президентом Академии, но это уже другой вопрос.) Его рабочие из Академии очень долго делали на даче ремонт. Именно в это время в поселке произошла серия серьезных краж. Потом выяснилось, что они к этому были причастны. Ремонт, в конце концов, сделали, правда, очень странно: все печки прямо по изразцам покрасили масляной краской розового

²⁰⁷ В уставе поселка, во всяком случае, в том проекте устава, которым я располагаю, написано, что сдавать дачи разрешается.

цвета и повесили везде одинаковые люстры. У дачи был вид казенного дома. Может быть, он и собирался здесь жить, но потом, как говорят, получил дачу в другом месте и продал эту академику Ю. А. Осипьяну. Сам Осипьян здесь никогда не бывал, дача сейчас принадлежит его сыну. Он здесь тоже бывает очень редко. Он имеет отношения к кино, у него первое время здесь бывали шумные киношные компании. Старый маленький дом они снесли и построили кирпичный для сдачи. При жизни И. М. Виноградова в маленьком домике жили сторожихи. Последней была женщина из Глебова, которая также готовила и ухаживала за И. М. Виноградовым. Кроме того, Осипьян продал «зады» своего участка, составляющие примерно 1,5 га. При этом у него остался большой участок. Первоначальный участок у И. М. Виноградова был самый большой в поселке: то ли 2,3, то ли 2,7 га. Самое интересное, что этот таинственный покупатель пока ничего себе там не построил, и о нем в поселке ничего не известно.

Юрий Аркадьевич Фурманов (1939 г. р.).

Зять члена-корреспондента Г. Б. Бокия. Актер, режиссер.

– *Каким образом Ваша семья вошла в число жителей поселка?*

– Георгий Борисович Бокий один год снимал здесь одну из арендуемых дач, а в 1965 г. купил $\frac{3}{4}$ участка и большой дом у дочери академика Д. С. Белянкина Елены Дмитриевны. За собой она оставила маленький домик (гараж), где и жила с дочерьми Олей и Катей. Когда в поселок проводили магистральный газ, Белянкина к своему дому его не подвела, а после какой-то аварии дом лишился и электричества. После Елены Дмитриевны дочери наследовали дом и участок. Однако последнее время они приезжают редко, дом разваливается, их участок в полном запустении.

– *Когда Вы здесь появились?*

– Мужем дочери Г. Б. Бокия, Нины (ныне она доктор химических наук, профессор), я стал в 1977 г. и тогда же вместе с ней появился в Абрамцеве. На даче в то время жили сам Георгий Борисович с женой Эмилией Ефимовной.

– *Что Вам нравится в Абрамцеве?*

– Все. Природа потрясающая, жители. (Правда, сейчас последние нравятся мне гораздо меньше.) Бокий (и его семья) дружили с академиком Н. В. Беловым. Ходили в гости, пили чай. Были интересные случаи. Например, Г. Б. Бокий и Н. В. Белов были вместе на конференции в США. По приезде вечером на даче у нас за столом они обсуждали поездку и никак не могли вспомнить фамилию

знаменитого художника, которого у нас в то время знали мало. Так и не вспомнили. Николай Васильевич ушел. Утром во время нашего завтрака он вошел на террасу. Ни тебе «доброе утро», ни «здравствуйте». Он произносит только: «Сальвадор Дали», поворачивается и уходит. Такое впечатление, что он просто продолжал вчерашний разговор.

– *Г. Б. Бокий любил дачу?*

– Да. Георгий Борисович здесь много гулял и любил собирать грибы. Радовался найденным грибам, как ребенок.

– *Ваш тесть знал всех в поселке?*

– Ну, не всех. С Николаем Васильевичем был связан по специальности. Со многими другими знакомство было, что называется, шапочным.

– *Уровень комфортности этой дачи его устраивал?*

– Быт нас не волновал и до появления здесь магистрального газа. До этого у Бокиев был садовый участок в Покровке. Там первое время вообще ничего не было, даже воды. Ее возили из Москвы. У них была пословица, что земля – не грязь. Без воды было трудно даже руки вымыть. А здесь сразу после приобретения дачи Георгий Борисович установил в доме водяное отопление, котел топили каменным углем. Зимой это делал чудесный старик Ефрем Петрович. Так что уже тогда мы приезжали на дачу и зимой. Встречали Новый год, проводили с детьми зимние каникулы, на лыжах ходили. А после проведения магистрального газа здесь по части удобств вообще прекрасно.

– *Вас устраивает то обслуживание, которое существует в поселке?*

– Да, мы довольны. У нас хорошие отношения и с нынешним управляющим Александром Дмитриевичем Клубковым²⁰⁸, и с нашим теперь единственным рабочим Владимиром Михайловичем Ушановым. С Александром Сергеевичем Бондаревым, бывшим рабочим поселка, тоже были прекрасные отношения. О прежнем управляющем Николае Федоровиче знаю много хорошего. Управляющий Иван Мартынович Канцырский был товарищ специфический, но дело свое делал. Тот факт, что жизнь в поселке не претерпела значительных изменений, я считаю заслугой нашего правления. Благодаря разумному управлению наш поселок существует и, дай бог, еще простоит.

– *Когда въехали в дачу, пытались ли как-нибудь переустроить участок, что-нибудь здесь посадить?*

²⁰⁸ Интервью взято в 2010 г, когда А. Д. Клубков был жив.

– Что-то делать пытались. Отвели небольшой участок под огород, пробовали выращивать картошку, огурцы, помидоры. Потом от огорода отказались, растут только цветы. Все остальное осталось, как при Белянкиных, еще живы их яблони. Но в основном участок, как и у всех здесь, лесной. Мы так его и сохраняем, хотя у детей есть мысль участок от деревьев слегка почистить. Нас же такая запущенность устраивает. Особенно мы любим этот старый большой дом.

– *Ваши дети росли здесь?*

– Да. У дочери была компания: Юля Виппер, девочки Заварзины, еще кто-то. И у сына было много друзей. Все они здесь общались. Они жили своей жизнью, мы за ними не очень следили и не беспокоились. Здесь и в их время (80-е годы) было очень свободно и безопасно. Мы не боялись, что друзья их научат чему-нибудь плохому, и были абсолютно правы. Ничего плохого здесь не было.

– *Почему Вы были так спокойны здесь по части детей? Из-за состава жителей?*

– Думаю, что да. Доверием к взрослым жителям поселка и их детям можно объяснить нашу беспечность в отношении собственных.

– *С кем Вы лично знакомы в поселке?*

– Мы (я и жена) близки с Мариной Вадимовной Копецкой и Федором Иосифовичем Григорьевым. По-прежнему теплые отношения с внучкой Н. В. Белова Галей и ее семьей. Хорошо были знакомы и с дочерью Н. В. Белова Ларисой Николаевной.

– *В чем, по-вашему, специфика поселка академиков Абрамцево?*

– В последнее время все сгладилось с появлением новых жителей. А раньше дача была просто отдушиной. И общение с людьми было другое, это было одно из самых больших здешних удовольствий. Общение было очень интересным. Прибавьте сюда еще прекрасную природу и комфорт этой дачи.

– *Согласны ли Вы, что многие жизненные поступки нынешних жителей нашего поселка определяются желанием сохранить дачу, а вместе с ней и образ жизни, к которому привыкли здесь?*

– Да, очень хотелось бы все это сохранить, Имею в виду и ответственность, и привычный образ жизни.

– *Близость музея к поселку увеличивает для Вас ценность дачи?*

– Да. Мы в музей любим ходить, и его парк любим. Меня волнует судьба абрамцевского музея, я не понимаю, что там сейчас происходит.

Марина Николаевна Соколовская (1925 г. р.).

*Вдова члена-корреспондента В. В. Соколовского.
Концертирующая пианистка.*

Юлия Вадимовна Соколовская (1960 г. р.).

*Дочь члена-корреспондента АН СССР В. В. Соколовского.
Математик, кандидат наук.*

– С какого времени Вы здесь живете?

– *Марина Николаевна.* С 1956 г. мы арендовали здесь дачу № 12. Самое первое время жили там вместе с семьей академика Белова. Они арендовали эту дачу раньше нас. (Он потом купил дачу № 29). До Абрамцева мы снимали дачу в поселке академиков Луцино.

– Какие были правила аренды дач ЖКО?

– *Марина Николаевна.* Аренда дач и их покупка осуществлялась с разрешения Президиума Академии наук СССР. Оформление аренды происходило через управление дачным сектором Академии. При аренде дачи у Академии пользовались и большим домом, и маленьким. Таким образом, на участке никто не жил, кроме арендаторов, это было удобно. Плату вносили согласно квитанции в управление дачным сектором Академии. Помню, она составляла 4800 руб., но забыла, за сколько месяцев – за 6 или за 12.

– У кого Вы купили дачу, на которой сейчас живете?

– *Марина Николаевна.* Эту дачу мы купили у вдовы академика Асафьева. Купив ее, мы еще год арендовали дачу № 12, а на своей делали ремонт. Ремонт был капитальный: меняли трубы, ставили батареи и котел, чтобы было легче отапливать дом зимой, меняли полы. После переезда дочери с бабушкой жили на даче, как и на 12-й, круглый год.

– Я знаю, что Ваш муж хорошо разбирался в строительстве. Как он с этой точки зрения оценивал купленный дом?

– *Марина Николаевна.* Муж говорил, что дачи построены хорошо. Из выдержанного, сухого дерева. Кроме того, в доме была произведена очень качественная противогрибковая пропитка.

– Вы занимались участком?

– *Марина Николаевна.* Для обустройства участка был нанят садовник. Разбиты дорожки, посажены цветы, вишневые деревья. Было несколько грядок с клубникой. Их сажали две женщи-

ны, жившие где-то неподалеку. Других грядок не было. На участке было много грибов. Чтобы белки не украли гриб, его от них прикрывали и дорасщивали. Орехи муж детям рвать не разрешал. Оставлял их белкам. Для них были сделаны кормушки.

– *Вашему мужу нравилось в Абрамцеве?*

– *Марина Николаевна.* Да, он очень любил Абрамцево. Когда мы начали арендовать здесь дачу, у него была уже построена дача в академическом поселке Перхушково. Академия выделила там участки в 25 соток. Но он очень уставал от того общения, которое сложилось там еще во время строительства. Постоянно кто-то запросто приходил за советом и так далее. Кроме того, там его окружали люди, с которыми он был вынужден встречаться и на работе. В Абрамцеве его привлекали большие участки и большая изолированность, окружающая природа. Он очень любил лес. На участке не разрешал рубить деревья. Если дерево было больным, пытался его вылечить. Очень любил собирать грибы, которых в Абрамцеве было тогда так много, что собирали только белые, подосиновики и подберезовики. Сыроежки и даже опята тогда мы не собирали. Ходили в лес всей семьей. Дети были еще маленькие, поэтому ходили недалеко, в основном в дубовую рощу. Дочери и сейчас туда ходят. Кроме того, его устраивал стиль общения в Абрамцеве. Оно здесь было ненавязчивое, народу было немного. Ходить в гости без приглашения было не принято. Муж работал в Институте математики им. В. А. Стеклова, директором которого был Иван Матвеевич Виноградов. Знаком он был и с ним, и с его сестрой, которая тоже была научным работником. Заведовала где-то кафедрой. Был знаком с Иваном Георгиевичем Петровским. Излюбленным занятием мужа на даче было чтение в шезлонге какой-нибудь книжки по специальности. Так он отдыхал. Он уставал от людей, с которыми был вынужден общаться во время рабочей недели.

– *С кем еще Вы здесь были знакомы?*

– *Марина Николаевна.* Кроме И. М. Виноградова и его сестры, вместе с которыми мы даже отмечали здесь семейные праздники, я была знакома с пианисткой Татьяной Петровной Николаевой. Она тогда снимала дачу в поселке. Я ее давно знала. Сама я тоже была в прошлом концертирующей пианисткой. Здесь на даче рядом с нами жили она, ее муж, мать и сын Кирилл, примерно того же возраста, что и моя младшая дочь Юлия. Больше особых

знакомств у меня здесь не было, поскольку жизнь моя протекала в основном в Москве. А здесь я была занята своей семьей. Конечно, я с кем-то еще общалась. Здесь люди были все особенные. Иван Матвеевич Виноградов был большой шутник. Как-то держал маленькую Юлю над колодцем (у него на участке был вырыт колодец, очень глубокий) на вытянутой руке. Муж при этом присутствовал. Зачем он это сделал, не знаю. То ли он хотел силу показать, то ли хотел отца напугать. У него была собака, немецкая овчарка. В маленьком домике жил сторож.

– *Вы объединились с семьей Николаевой на почве обучения детей музыке?*

– *Марина Николаевна.* Да, летом по инициативе Юлиной бабушки и бабушки Кирилла дети занимались музыкой. Пианино было у нас и у Николаевой. С ними занималась и Карина Гудцова, дочь хозяйки дачи, где жила Николаева. После прохождения программы устраивались отчетные концерты. На них приезжали из Москвы ученицы музыкального училища. Потом устраивался детский праздник. Юле тогда было лет семь. Это бывало только летом, когда приезжали Николаевы. Мои дети жили в Абрамцеве круглый год до 1964 г., когда старшая дочь Лена пошла в первый класс.

– *Как протекала ваша зимняя жизнь в Абрамцеве?*

– *Юля.* Мы с сестрой жили здесь с бабушкой. Родители приезжали в пятницу и уезжали в понедельник. Они были очень заняты. Была еще домашняя работница и женщина, которая топила. Одно время истопницей у нас была Мария Сколенко. С ее тремя детьми мы играли. Она же летом была приходящей домработницей. Еще топила у нас печи Маруся из Глебова. Она, по-моему, числилась в поселке садовником. Высаживала цветы на клумбе, ухаживала за ними. Полола площадку. В поселке зимой народу было немного, но жить было не страшно. Зимой жили Леонтовичи, Шкариновы, Беловы. Личных машин было совсем мало. Кроме нас, машина была у дочери академика Белянкина. Наша машина постоянно стояла в Абрамцеве. Роль личного шофера выполнял Володя Аверченков, рабочий поселка. Он родителей встречал и отвозил на станцию. Володя был у нас своим человеком. Он мог все починить, вплоть до телевизора. Мы к нему всегда обращались за помощью. Человек он был честный, надежный, ему можно было доверять. Выдающаяся личность среди обширного тогда штата рабочих. На нем все держалось. Был специалистом во всех

областях. И водопроводчик, и электрик. Очень работающей была и его жена, Мария Андреевна. У нее мы покупали молоко. Она нам иногда помогала по хозяйству. Приезжала к нам даже в Москву. Мне кажется, наша домработница и она были подругами.

– *Как выглядел тогда поселок?*

– *Юля.* Поселок, выглядел тогда иначе, чем сейчас. Дороги и газоны были хорошие. Не было разделенных участков, новых домов. Жители прогуливались по дорогам, которые назывались «круги». Часто можно было видеть Леонтовича с женой, Немчинова, Вольфовича с Антониной Алексеевной. У многих академиков на головах были одинаковые черные шелковые шапочки. Для отдыха во время прогулок на газонах были установлены лавочки. Самая уютная, на которой можно было сидеть и в дождь, была под двумя дубами на въездной аллее. Лавочки на клумбе были местом сбора молодежи моего поколения. Вообще поселок был малолюдный. Для маленьких детей даже скучноватый. Нас воспитывали строго и до семи лет не выпускали за территорию участка. Я училась кататься на велосипеде по дорожкам участка. Общалась я тогда в основном с сестрой, Мариной Гудцовой и сыном их дачницы пианистки Галины Николаевой, Кириллом. С внуком Леонтовича Андрюшей (Бамбиком) познакомилась позже. Когда мы арендовали 12-ю дачу, Леонтовичи были нашими соседями напротив, и с Таней Леонтович (Левиной) дружила моя старшая сестра Лена, они были ближе по возрасту. Взрослые нас, детей, знакомили. Жена Келдыша сама меня познакомила со своей внучкой Машей. Она и ее сестры очень любили собирать грибы. Мы в лесу довольно часто с ними встречались.

– *В подростковом возрасте у тебя была в поселке компания?*

– *Юля.* Да, здесь было много детей примерно моего возраста, и я к ним присоединилась. В нашей компании детей 1959–1962 годов рождения было человек 16. Приходили, особенно вечерами, и те, кто был старше: Коля Старостин (он потом был первым мужем Гали Черной), Катя Белянкина, еще кто-то из детей дачников. Иногда Алеша Биргер приезжал на велосипеде со своей дачи около Хотькова. Никакого деления на детей хозяев и дачников в компании не было. Днем играли в футбол, в карты, некоторые ездили купаться на Ворю. Даже кино здесь снимали. Вечером на спортивной площадке у костра или в беседке пели песни под гитару, иногда слушали магнитофон, иногда гуляли по кругу, смущая прогуливающих там же пожилых жителей.

Глава 5

В этой главе собраны воспоминания организаторов совместных развлечений жителей поселка. В течение десяти лет эти так называемые карнавалы и концерты были традиционными общими праздниками, которыми в поселке отмечали конец лета. Кроме того, здесь же помещен рассказ о таинственной находке на одной из дач.

Наталья Александровна Тимофеева (1951 г. р.).

Правнучка академика Прасолова, педагог.

Ольга Николаевна Тимофеева (1952 г. р.).

Жена правнука академика Прасолова, работник культуры.

Елена Михайловна Тимофеева (1928 г.р.).

Вдова Александра Андреевича Тимофеева, врач.

Про карнавалы

– Как возникла идея устроить карнавал, превратившийся на несколько лет в традиционный поселковый праздник?

– *Наташа.* Это связано с традицией нашей семьи. У нас всегда были представления и на детских, и на взрослых днях рождения, игра в шарады. Шарады были театрализованными, с переодеваниями. Такие мини-спектакли. Когда у нас появились собственные дети, на их днях рождения мы тоже играли в шарады. А у моего сына Димы и у Маши, внучки Елены Михайловны, дни рождения летом. И вот мы решили, чтобы занять младших детей и продолжить традиции семьи, устроить такое действо на даче. Кроме того, эти игры многих детей раскрепощали, раскрывали таланты. Стали присоединяться дети постарше: племянница Полина, Леша –

мой старший сын и даже взрослые – наши друзья, родители – мой папа, Александр Андреевич Тимофеев, и его жена, Елена Михайловна. Началось это все с тех же театрализованных шарад, но мы тогда были молодые и дерзкие. Решили, что нам по плечу нечто большее и стали писать небольшие сценки, которые заранее репетировали со своими детьми. И вот был устроен первый карнавал. Праздник был для детей, назывался он «Прощание с летом». Компания Сережи Старка и Коли Майсуряна устраивала в свое время такое мероприятие, и мы взяли их название, чтобы продолжить традицию. Пришедшие дети-зрители тоже участвовали. Кто-то стихотворение прочел, кто-то сам сценки приготовил. Их включили без всяких репетиций, просто, кто хочет. Не только дети, но и взрослые пришли в костюмах. В конце праздника играли в общие игры с детьми. Народ у нас активный. Потом было общее угощение. Всем очень понравилось. На следующий год снова организовали карнавал. И если первый был устроен почти экспромтом, то тут готовились. Мы с Ольгой писали общий сценарий, репетировали основные номера, но и для гостей, желающих включиться, оставляли место. Все устраивалось довольно серьезно, продумывали музыку, костюмы и так далее. Был большой успех. В основную группу, которая этим занималась, входили: я, Оля, наши друзья (Вадим и Света Нагаевы, Ашот и Света Мовсесян²⁰⁹), их дети, мой брат Леша. Наша соседка Валя Тарасова (Яблонская) написала гимн и песню. Народу все это очень нравилось. Особенно охотно подключались наши друзья. Ашот нам очень помогал. Он из своего театра привозил костюмы, делал нам свет, записывал специально песни на своей аппаратуре. Было шествие всех участников (и детей, и взрослых) в костюмах по кругу поселка. Бамбик (Андрей Левин), хотя у него тогда еще не было детей, всегда приходил в костюме, и его тетка Вера Леонтович тоже. На наших карнавалах играли сценки не только наши младшие и старшие дети, но и их друзья: Поля Заварзина-Мэмми, Соня Залкиева, Аня Вартанян, Нина Старк, Андрюша Белов – они придумывали в основном все сами. Мы обозначали только тему сценария. Мы их не ограничивали в творчестве.

С каждым годом подготовка становилась все серьезней. Для третьего карнавала писали фонограмму. Ашот записывал песни Вали Яблонской в студии. Все было почти профессионально.

²⁰⁹ Вадим и Света Нагаевы – друзья Тимофеевых. В данное время являются владельцами дачи в Глеbove. До этого в течение многих лет снимали различные дачи в поселке. Ашот и Света Мовсесян – друзья Тимофеевых, долгое время снимали дачу в поселке академиком. В данное время Мовсесяны являются владельцами дачи в новой части поселка.

– Эти карнавалы были продолжением так называемых концертов, которые устраивал Сережа Старк, или совершенно отдельным мероприятием?

– Наташа. С Сегиными концертами это было связано не всегда. Один из карнавалов был объединен с концертом. Но вообще это была отдельная идея, инициатором которой была наша большая семья и компания друзей. Я уже говорила, что это наша семейная традиция – всякие знаменательные даты сопровождать представлениями. Так было на 50-летию брата Алеши, на днях рождения Миши и Алены и на папин юбилей. Поначалу и карнавал был чисто семейным мероприятием, призванным занять наших младших детей (Диму, Антона). Просто это мероприятие всем понравилось и «обросло» поселковыми детьми и взрослыми. На карнавалах были не только пляски, игры, но и соревнования типа эстафет. Они требовали подготовки, надо было все это придумать. Как-то устроили перетягивание каната. Карнавал всегда проходил на нашей даче. Поле футбольное не использовали. А уже потом, когда наши дети стали старше, начались концерты. В них тоже весь поселок так или иначе участвовал. Видимо, это было заразительно, и всем хотелось праздника.

– Когда вы перестали устраивать карнавалы?

– Наташа. Прекратили мы это, когда начались драки. На четвертый год слухи о наших праздниках дошли до так называемого генеральского поселка около станции Радонеж. Тамошняя молодежь приехала на карнавал, и произошли страшные неприятности. (Они, вероятно, прочли объявление, или кто-то что-то слышал. Вообще публика из генеральского поселка и из Глебова тогда к нам стала приходиться часто.) После карнавала обычно устраивали общие танцы. В тот раз мы увидели, что на даче очень много чужой молодежи. Молодые люди пьяные, ведут себя нагло. Было уже темновато. Они начали бродить по даче, заглядывая во все углы. Мы решили все танцы свернуть и расходиться. Им объяснили это тем, что у нас всю эту музыку, свет мигалок, аппаратуру не выдерживает проводка. Митя Абрикосов (Лундин) был ведущим, ему велели объявить последний танец, что он и сделал. А эти чужие потребовали «продолжения банкета», уходить они не хотели и «поперли» на Митю. С участка они ушли и стали с нашими ребятами драться всерьез. Вызвали подмогу. Мы вызвали милицию. Было страшно. С тех пор мы сказали: «Все, на нашей даче карнавалов больше не будет». Очень мы тогда испугались. Проводить карнавал на футбольном поле оказалось для нас сложно, это требовало слишком много сил. Да и наши дети уже к этому моменту подросли. Мы делали эти праздники для них, когда они были маленькие, а теперь они могли уже и сами их устраивать. На

следующий год был только концерт, который организовывал Сережа Старк, и он проходил на его даче. Решили на это мероприятие заранее вызвать милицию, и Сергей ездил в Хотьково об этом договариваться. Милиция приехала и во время концерта присутствовала. После той драки пришлось даже сломать беседку на футбольном поле. Она была традиционным местом вечерних сборов наших поселковых детей. Дети сами так решили, поскольку туда стали приходиться чужие. Там, в генеральском поселке, видимо, их ничем не занимают, сами они устроить ничего не умеют, и они повадились к нам. Сейчас уже не ходят. Те, кто приходил к нам, подросли. Теперь тамошняя молодежь собирается у памятника Ленину. Там и выпивка рядом.

– *Из каких номеров состояли концерты?*

– *Наташа.* На объединенном концерте и карнавале были очень смешные театрализованные номера, но, по-моему, участвовали в них только взрослые. В последующих концертах были только музыкальные номера. Пели свое и чужое. Федя Самойлов, наш приятель, написал специально для этого концерта песни: знаменитую «Водокачка, водокачка» и еще что-то про футбольную команду. Концерты в конце лета устраивались Сережей несколько лет подряд. Потом их стали делать подросшие дети уже сами. Один из последних концертов проходил на даче у Рубика Ениколопова. Репетировали на даче у Полины Мэмми. Еще был вечер памяти погибшей девочки Кати, подруги наших детей, которая участвовала в наших праздниках. Это тоже было общее мероприятие, оно проходило на футбольном поле. А потом был перерыв. Сейчас те, у кого маленькие дети, делают с ними спектакли. Моя племянница Полина Тимофеева ставила с маленькими «Алису в стране чудес», Аня Каждан²¹⁰, жена Бамбика (Андрея Левина), и Полина Плавинская – «Карлсона» и «Буратино». Мы так прославились в округе своими спектаклями, что родители из окрестных поселков

²¹⁰ Сейчас этими спектаклями занимается Аня Каждан, жена Андрея Левина, художница. Ей активно помогает Саша Плахова (праправнучка И. Э. Грабаря, дочь Лизы Епифановой), Полина Плавинская (выросшая в Абрамцеве дочь П. Плавинского, снимавшего здесь дачу) и их друзья. В них участвуют в основном теперешние младшие дети поселка. В 2009 г. была инсценировка стихов Д. Хармса. В 2010 г. – спектакль «Разговорник», полностью придуманный ими. В 2011 г. – инсценировка «Маленькой колдуньи» О. Пройслера, в 2012 г. – «Федота стрелъца – удалого молодца» Л. Филатова. В спектаклях участвует большое количество детей, начиная с трехлетнего возраста. Декорации и костюмы Аня Каждан делает в основном сама. Помогают родители детей, участвующих в спектакле. К спектаклю все относятся серьезно, много раз репетируют. Дети знают свои роли наизусть. Последний спектакль играли не только в поселке, но ставили второй раз на большой сцене клуба «Юбилейный» в Хотькове.

приходили к Ане с просьбой принять их маленьких детей в труппу. Для них в «Буратино» был придуман специальный танец лягушат.

– Во времена вашего детства зимой были в поселке общие праздники?

– *Наташа.* Нет, я не помню. Про свое детство помню, что всем поселком ходили зимой за Ворю на гравидановскую горку. Там делали трамплины, катались и на лыжах, и на санках. Народу было много. Нам дед сделал специально для этой горки большие санки. На них могло сесть человека четыре. Это было на зимние каникулы, мы их проводили в маленьком домике. наших ровесников тогда здесь было не так много, мальчиков было всего двое (брат Леша и Сережа Шкаринов). Девицами мы тогда придумывали какие-то игры с ролями, играли у Випперов на участке.

– *Елена Михайловна.* Я, когда были маленькими мой внучатый племянник Толя Знаменский и внучка Полина Тимофеева (им сейчас больше 35), пыталась тоже что-то организовать для них и их друзей. Устроить нечто вроде художественной самодеятельности. Правда, никого не удалось раскатать, только один Митя Абрикосов (Лундин), ему лет было 10–12, читал стихотворение. Какое – не помню, но читал с выражением. А больше никто не выступил, как я их ни уговаривала. Еще устраивали для них какие-то соревнования, прыжки в длину, бегали по кругу. Возглавлял это муж, Александр Андреевич. Ну и тогдашняя молодежь, в том числе Оля Тимофеева, тоже по кругу бегала. Кроме того, было еще одно обстоятельство. У моей внучки Маши день рождения в августе, а живет она за границей. Приезжала только на лето, и мне хотелось, чтобы ей было тут интересно, чтобы она запомнила время, проведенное со мной в Абрамцево. Поэтому я всегда Олю с Наташей просила, чтобы они что-нибудь придумали, и мы обязательно что-нибудь устраивали. Какие-то были игры: вроде, из ложки воду не расплескать или яйцо не уронить, на горшках прыгали наперегонки. Костры жгли. В этом участвовала и старшая компания: Толя Знаменский, Полина Тимофеева и их друзья. Здесь было много детей, теперь у них свои дети. Когда девочки из компании наших детей, (моя Маша, Полина Мэмми, Соня Залкиева) разъезжались за границу, тоже устраивали представление. Еще был отдельный праздник, когда наши мальчики поступили в институт. Это был уже общий праздник, были их друзья из поселка.

– Как вы содержали здесь своих детей? Следили за ними?

– *Наташа.* У наших детей была большая компания, и у них были свои дела, в которые мы не лезли. Они сбегали ночью на клумбу под предводительством Наташи Леонтович. Жгли костер на спортивной площадке. Я ходила их ночью вылавливать. Вылавливали их и Тамара Павловна, и Елена Михайловна. Даже при наших де-

тях здесь не так много было дачников. Атмосфера в поселке была камерная. Все друг друга знали. Это сейчас нельзя понять, кто это. Дети мгновенно объединялись, так как выросли все вместе. Мой сын Дима здесь живет с двух лет.

– *Почему, по вашему мнению, наши дети так дружили и дружат по сей день?*

– *Наташа.* Мне кажется, что поселок был для них какой-то общностью, вроде очень большой семьи, «все свои». И членами этой семьи были в основном интеллигентные люди. Атмосфера поселка определялась этим. Кроме того, в объединении играла свою роль замкнутость поселка. За его пределы они особенно не ходили, выпустить детей с участка было не страшно. Дружили не только наши дети, но и их родители, выросшие здесь. Свобода детей и наша родительская беспечность объяснялась во многом тем, что мы – взрослые – тоже друг друга знали. Дети свободно ходили в дома к нашим знакомым. Помню, Наталия Ивановна Обреимова рассказывала, что, когда ее дети Даша и Антон были маленькими, она им говорила: «*Если вдруг я вечером задержусь, и вам будет страшно одним, идите в любой дом, там вас примут, накормят и спать уложат*». И это была правда. Мы все-таки были в курсе, где они, у кого играют, с кем дружат. Еще так счастливо сложилось, что когда росли наши Дима и Антон, здесь было много их сверстников. Были дружны и их старшие братья и сестры. Это очень помогло в объединении младшей компании (Антон, Дима, Андрюша Белов, Дима Клубков, Полина Мэмми, Соня Залкиева, Наташа Леонтович, Лева Шкаринов, Нина Старк, Настя Толстова). Они с пяти лет катались на велосипеде по поселку, невольно знакомились. Маленьким им за пределы поселка выходить было не нужно. Им было достаточно свободно и хорошо внутри. Выезжать за пределы стали уже в более взрослом возрасте. Это совсем неплохо, такая общность. И поселок дает такую возможность.

– *Оля.* Во время «взрачивания» наших детей ценности были иные, чем сейчас. Меркантильности не было. А сейчас этого очень много. Я смотрю на поколение даже здешних маленьких детей: они другие. У кого-то охранник, у кого-то навороченный велосипед или даже скутер, у родителей разной степени дороговизны машины и так далее. А тогда этого всего не было. Велосипед какой был, такой и был. Если хотели чего-нибудь эдакого, сами себе на этот велосипед наворачивали фары, изоленту. Все было у них примерно одинаковое, и материальной стороной жизни они не интересовались. Их не интересовало теперешнее: «У меня такие часы, а у тебя другие». Им это было все равно. По-моему, они не очень об этом думали. У нынешних детей совершенно другие

ценности, и прежней атмосферы в поселке уже нет. Может быть, мне кажется, но отношения даже между детьми сейчас другие.

– *Наташа*. Сейчас много чужих, но и наших, маленьких детей старожилов, тоже много: Заварзины, Левины, Охочимские. Может быть, им удастся дружить, как нашим ребятам. Посмотрят, как это было у их родителей...

Сергей Юрьевич Старк.

Про концерты

– *Как возникла идея организовать то, что в Абрамцеве называлось «концертом». Собственно, это и были концерты. Действо состояло из отдельных музыкальных номеров, исполняемых жителями. По-моему, в первых еще было несколько игровых сценок, но они потом переместились в карнавалы, которые устраивали жители 46-й дачи.*

– Помню, я в первый раз вернулся в Москву из Италии поздней осенью 92-го, в самый кризис. Меня ужаснула обстановка и состояние моих друзей. Я приехал тогда еще с некоторым оптимизмом, и захотелось здешний народ малость поддержать, расшевелить. Мы договорились с Колей Майсуряном сделать летом концерт. У меня и у Майсуряна уже была практика такого рода. Я занимался культмассовой работой всю жизнь и в школе, и в пионерских лагерях, вышел на сцену очень рано. Пел, играл на фортепиано и гитаре. И у меня, и у Майсуряна в школе были музыкальные группы, где мы играли.

– *Тебе хотелось просто расшевелить поселковых жителей, объединить их, что ли? Вспомнить молодость, и абрамцевскую тоже?*

– Нам хотелось восстановить то, что было в нашей юности. Мы просто вытащили весь наш старый арсенал. В тот же период Коля Майсурян начал общаться с семьей Тимофеевых, средним ее поколением. Там была большая компания. Познакомился с обширным кругом их друзей. Они там все тоже практиковали то, что сейчас называется «авторской песней», устраивали всякие развлечения для детей. В этом концерте в первый раз приняли участие Леша Тимофеев и его друг Вадик Нагаев. Из молодого поколения выступали Полина Тимофеева и Толя Знаменский. Первый концерт из новой серии состоялся летом 1993 г. Он был на даче у Майсуряна.

– *Значит, «вторая волна» этих мероприятий возникла не ради того, чтобы занять новое поколение поселковых детей, а из-за твоего желания восстановить прошлое?*

– Наверное. Но дети помладше, конечно, при этом присутствовали и мотали на ус. Через год, когда мы устроили второй концерт, на сцену уже вышли моя дочь Нина и ее подруги – Поля Заварзина (Мэмми) и Аня Вартанян. Им было по 10–11 лет и у них подготовка концертов и сами выступления вызвали огромный интерес, а я исполнял обязанности «папы на каникулах», развлекая Нину и ее друзей. Эта затея оказалась очень плодотворной, попали в волну. При организации этих абрамцевских праздников мы потом много лет сотрудничали с Тимофеевыми. Это было очень удачное соединение моих технических возможностей, интереса к инструментам, аппаратуре, которыми я всегда занимался, с их боевым настроем и желанием что-то сделать и для детей, и для себя. Люди они способные. Концерт делала и планировала наша группа, а карнавалы готовила их дача. Иногда мы объединяли эти два мероприятия. Они участвовали в концерте, а мы в карнавале. В тех или иных пропорциях. Неизменно участвовал во всем и Бамбик (Андрей Левин).

– *Концерты собирали много зрителей из поселка?*

– Да. Мероприятия были масштабнейшие. От мала до велика – все там бывали. Число зрителей доходило до 120. Мы сделали совместно несколько концертов и карнавалов в период с 1994 по 1998 гг. и даже записали альбом.

– *И что же, все это вы делали вдвоем с Колей Майсурияном?*

– Нет, начиная с 1996 г. мне стали помогать Наташа Леонтович и Настя Толстова. Практически всё мы делали втроем, Майсуриян участия в этом уже не принимал, но иногда выступал. Мы составляли программу, переписывались, слушали музыку, планировали. Я за границей готовил аранжировки, написал музыкальную программу, с которой даже дети могли сами делать себе аранжировки на компьютере. Купил аппаратуру, необходимую для небольшого концерта, привез сюда, и все это дело закрутилось. Часть (усилители с большими колонками) мы брали у Майсурияна и у Вани Овчинникова.

– *Мальчики тебе не помогали?*

– Мальчики были чуть постарше Насти и Наташи и почему-то были в легкой оппозиции по части организации. Но выступать приходили многие. Привозили и друзей из Москвы, которые тоже выступали. Перечислять поименно не буду, поскольку сохранились видео- и аудиозаписи большинства концертов.

– *Как проходила подготовка? Репетировали?*

– Репетиция генеральная обязательно была. Профессиональный лозунг был: «берегите уши слушателей». Я советовал всем

выступающим (даже тем, кто выходил с ходу) все-таки хотя бы один раз придти и попробовать микрофон. Все, кто были заинтересованы, старались репетировать. Репетиция эта была достаточно интересным процессом. Вся аппаратура была готова уже дней за 10 до концерта, можно было попробовать микрофоны и инструменты, подготовить аранжировки и даже себя записать. Все было достаточно серьезно. Это было отличное летнее занятие для детей того поколения. А потом интерес к нашим концертам пошел на спад, и с 1999 г. инициативу перехватила Поля Мэмми. В этих концертах участвовали Рубик Ениколопов, Аня Вартанян и их друзья: Катя и Алик, Нина и Настя с Наташей, хотя в меньшей степени. Я им предоставлял аппаратуру.

– Как долго это у них продолжалось?

– Поля с друзьями продержалась четыре года. Они уже научились пользоваться аппаратурой, приспособились. Последний раз концерт проводился в 2002 г., он был посвящен памяти погибшей Кати (сестры Алика Лысенко, одноклассницы Ани Вартанян. – Сост.), его организовывали в основном Аня Вартанян, Алик и Полина Тимофеева.

– Не знаешь, проводится ли сейчас в поселке что-нибудь подобное, или по мере, скажем так, возмужания прежних организаторов все это исчезло?

– В последние годы уже для следующего поколения устраиваются детские спектакли и коллективные игры типа «Зарницы». Инициатива принадлежит Полине Тимофеевой и Ане Каждан, жене Андрея Левина (Бамбика).

Полина Мэмми (1983 г. р.).

Праправнучка академика Б. Л. Исаченко, внучка академика Г. А. Заварзина, дочь Л. Г. Заварзиной. Маркетолог.

Про концерты

– Что побудило вас к организации своих концертов, уже третьей их серии за историю существования поселка?

– До 1998 г. ключительно концертами занимался дядя Сега (Сергей Юрьевич Старк). Но летом 1999 г. он вопреки нашим ожиданиям в начале июля не приехал. Концерты, которые мы делали под его началом и с его большим участием, были нашим летним занятием, развлечением и радостью, а тут: «вот тебе на...». Поэтому мы бессмысленно болтались, сидели на «клумбе», зрели, как говорил мой дедушка, и в общем вид имели, наверное, до-

вольно удручающий. И тут моя мама с ее приятелем Колей Майсурияном сказали: «Нечего сидеть и ждать Сегу, давайте сами». Вдохновили нас. Я-то всегда мечтала о том, чтобы собрать группу, как «Битлз», а тут такая возможность представилась!

– *Кто в этом участвовал?*

– Понятно было, что в группе будем я и моя здешняя подружка Аня Вартанян (дочь маминной подруги тети Иры Лузгиной). Этого было мало и стали искать, кто еще. К нам присоединился Рубик Ениколопов, хотя он старше нас. Он очень хорошо играет на гитаре и вообще был в тот момент легок на подъем. Был и второй гитарист Саша Кузенков, он же Сан-Саньч. Майсуриян нам отдал свою старую ударную установку, электрогитару, маленький микшер «Лель» (прибор, в который втыкаются электроинструменты, чтобы можно было регулировать звук, ставить ревербератор и т. д.). У Рубика была (и есть) бас-гитара и еще одна электрогитара, которая впоследствии досталась мне. Анька принесла свой синтезатор. Мама разрешила репетировать в нашем гараже, но у нас что-то не очень все клеилось, хотя мы репетировали с восторгом и энтузиазмом. В один прекрасный день к Аньке приехали погостить ее друзья из школы, брат и сестра Алик и Катя Лысенко. Нам с Катей тогда было по 16, а Алику вообще 14 лет. Но он был музыкантом со стажем, приехал со своим саксофоном. Я его невлюбила сначала, потому что он приходил в гараж и играл себе в углу, то на гитаре, то на саксофоне. Ему с его опытом было, конечно, все равно, а мы и так еле-еле какие-то звуки извлекали из нашей аппаратуры, поэтому его музицирование ужасно отвлекало и мешало. И мы решили его и Катю подключить к делу и предложили им поучаствовать в исполнении рок-н-ролла «Теплый вечер». Алик тогда нас поразил, потому что мы стали ему объяснять, в какой тональности мы играем, а он сказал: «Да вы играйте, играйте, я подыграю». И действительно подыграл! И дальше он с удивительной простотой подыгрывал что угодно на каком угодно инструменте. Катя послушала имевшуюся у меня запись оригинала и подобрала партию на синтезаторе-пианино. Анька взялась за ударные, я – за гитару, а Рубик – за бас. Наше унылое бряканье сразу стало совсем по-другому звучать, и нам наступило хорошо, как говорила Нина Старк, когда была маленькой («Кот мурлычет, потому что ему наступило хорошо».)

– *Как прошел концерт?*

– Мы организовали этот концерт на даче у Рубика в гараже. Его родственники не возражали и даже, наоборот, содействовали. (Сегины концерты проходили у него в гараже, который мы использовали как сцену, а зрители сидели перед ней на лавках.

И у Рубика так было.) Мне кажется, что, первый концерт наш был самый удачный – радостный и какой-то новый. И от того, что люди новые играли, и от того, что живых концертов к тому моменту давно не устраивали. Мы сыграли всего-то песен пять: «Теплый вечер», «Здесь лапы у елей дрожат на весу» Высоцкого, «Белую гвардию», «Аквалангистов» группы «Манго-Манго» и «Как жаль!», кажется, группы «Браво», в исполнении Наташи Леонтович. Потом уже все играли, что хотели, как всегда. Поскольку во время репетиций оказалось, что Алик играет на всех имеющихся у нас инструментах, мы все стали меняться инструментами в зависимости от того, кому что надо сыграть или спеть. Говорят, это было эффектно. Конферансье, конечно, традиционно был Митя Абрикосов (Лундин).

– Да, было удачно. По-моему, все поселковые понимали, что это уже самостоятельная деятельность нового поколения. Вы к этому мероприятию и дальше так серьезно подходили?

– К следующему концерту (2000 г.) мы готовились заранее. Я весь год писала песни и написала целую пухлую тетрадку. Инструменты у нас стали значительно лучше, появился компьютер (кстати, Мити Лундина, только он сломался в день концерта, и мы не смогли его использовать), а также большой полупрофессиональный микшер, гитарная педаль и много чего другого. Мы начали репетировать в июне, поэтому ко времени концерта (в конце августа) уже слышать не могли весь репертуар. Но в тот год у нас не было никакой междоусобицы, хотя мы с Анькой, как всегда, цеплялись друг к другу. Алик уже специально на лето приехал. К нам присоединились Настя Толстова и Нина Старк. Мы нарисовали плакат. Название группе придумали еще в предыдущем сезоне – «Красные субтропики». В книге Ф. Искандера «Созвездие козлотура», в самом ее начале, он пишет, что работал в Сухуми в молодежной газете с таким названием, и мне оно очень понравилось. Кроме всего прочего, на это лето к нам приехала из-за границы моя подруга Соня Залкиева, которая тоже активно участвовала и сделала потрясающие, на мой взгляд, декорации, которые она сама назвала *Haute Trash* (как *haute couture*, только вместо кутюра – *trash*, то есть мусор). Целый месяц она собирала по всем дачам пластиковый мусор, а затем на кусках огородной пленки этот мусор раскладывала, приклеивала, делала узоры из пластиковых ложечек и стаканчиков из-под йогурта. Она еще и пела в некоторых песнях с Анькой и со мной. По-моему, этот концерт тоже был удачный, веселый. В первой части мы предложили выступить младшим детям. Для них это был как бы мини-карнавал. Некоторые пришли в костюмах, но выйти на сцену никто не решился!

Специально «детской части» мы не устраивали. На этом концерте мы впервые спели несколько наших песен, а также множество чужих. Тогда же Рубик отважился сыграть на дудуке (дудук – армянская национальная дуда, мужского полу).

В том же году, по инициативе моей мамы, нам были вручены памятные салфетки. Мама купила в Хотькове отрез вафельной ткани, и они с дядей Лешей Тимофеевым нарезали его на кусочки и подписали «Абрамцево 2000». Когда мы вышли после концерта на поклон, нас вызывали по одному и вручали памятные вымпелы, причем дядя Леша и его друг Вадим Нагаев коротко представляли каждого. Например: «Алик, один из немногих джазовых музыкантов нашего поселка!» или «Настя – это ум, честь и совесть... абрамцевского народа!»

– Сколько еще было концертов?

– Последний концерт был в 2001 г. Мы с родителями тогда уже переехали во Францию и приехали в Абрамцево на долгожданные каникулы. Тут уже атмосфера была совсем другая. Мы все очень о себе возомнили, начали что-то между собой делить (непонятно что, у нас ничего и не было!), без конца ссорились. Состав у нас оставался тот же, только без Сан-Саныча, не знаю, куда он пропал после первого концерта. Были Аня, Рубик, Алик, Катя и я. К нам присоединился еще Лева Шкаринов, который занимался звуком. Мы в тот год сами сделали запись наших песен и всего концерта. В предыдущий год нам с этим помогал дядя Сега. Играли мы лучше и больше. В репертуаре было много своих песен. Но из-за постоянных ссор удовольствия (и удовлетворения) от этого последнего концерта я не получила. Больше мы уже вместе ничего не делали. Я продолжала писать песни еще некоторое время, и после ухода Кати тоже. Потом у меня началась такая жаркая пора в школе, что было не до песен и не до гитары. И стимул как-то пропал, потому что стало ясно, что мы больше никогда не соберемся. Кати не стало, я была во Франции, Рубик уехал в Америку. Алик, хоть и продолжал заниматься музыкой, и мы с ним собирались записать все, что мы делали, все больше отстранялся. Да и вообще у всех началась «другая жизнь». Может быть, мы просто переросли это мероприятие. Вот у Ани уже дочка. А я собралась своими средствами записать мои песни дома, просто под гитару, чтоб не пропало совсем.

Про клад

(Пересказ общеизвестной истории)

Было это летом 1980 г. В поселок тянули магистральный газ. Для его подключения надо было от уже уложенного общего кольца газопровода прорыть на участке за свой счет траншею для

трубы к домику и к даче. Для этого, как правило, нанимали каких-то рабочих. На одной из дач тоже наняли двух рабочих, один из которых, как потом оказалось, был участковым милиционером из Абрамцева. Они траншею прокопали и пришли к хозяину за расчетом. Хозяин заметил, что милиционер что-то держал под мышкой, завернутое в пиджак. Он его даже спросил, что это у него в пиджаке. Тот ответил: «Клад». Все посмеялись «шутке». После расчета этот милиционер сразу повез своего напарника в отделение милиции в Загорск. Тот ничего не понимал. По-видимому, милиционер ничего не сказал напарнику. Во всяком случае, тот был не в курсе, и до поры до времени умный милиционер от него свою находку скрыл. Он не видел, что напарник что-то нашел, поскольку копал экскаватором, а милиционер лопатой выгребал землю из траншеи. В отделении милиции участковый обратился к дежурному с заявлением, что хочет зарегистрировать находку клада. Клад состоял из золотых дореволюционных монет (какого номинала – неизвестно), помещенных, как говорили, в стеклянную банку, тоже старую. Все это он предъявил, а от ничего не понимающего до этого момента напарника потребовал подтвердить, что себе ничего не взял. По его просьбе дежурный находку зарегистрировал по всем существующим правилам и вызвал начальника, чтобы показать ему клад. Увидев найденное золото, тот решил поговорить с участковым с глазу на глаз. Начальник предложил тому отдать монеты ему, а взамен обещал машину «Жигули» и какую-то довольно крупную сумму денег и на этом разойтись: «Я тебя не видел, ты меня». Участковый отказался, сказав, что у него есть свидетель, и находка зарегистрирована. На самом деле он просто хорошо знал закон, по которому ему причиталась стоимость четверти найденного. Начальник огорчился, но вынужден был действовать по закону. Вызвали эксперта. Когда клад оценили, то полагающаяся милиционеру по закону четверть составила что-то около 230 тысяч рублей, а «Жигули» тогда стоили 6 тысяч. Говорят, что потом этого участкового видели часто совершенно пьяного. Он жаловался, что после этой находки жена подала с ним на развод, ругала его, наверное, за то, что он сдал клад, грозилась деньги при разводе отсудить. Потом он куда-то исчез. Интересно, что ни сам хозяин дачи, ни его родственники ничего о существовании клада не знали. Копать траншею именно в том месте, где он был найден, велели сами. В поселке после этой истории вспыхнула эпидемия кладоискательства. Молодежь Тимофеевых, например, очень интенсивно искала клад, но почему-то в дубовой роще.

Глава 6

В этой главе представлены воспоминания людей, снимающих и снимавших дачи в поселке в разные годы.

Ирина Петровна Голямина (Хайкина) (1924 г. р.).

Физик-акустик, кандидат наук. Живет в поселке с 1950 г.

– Как Вы здесь оказались?

– Мой свекор, Семен Эммануилович Хайкин²¹¹, крупный физик, со студенческих лет был близким другом М. А. Леонтовича. В книге воспоминаний об М. А. Леонтовиче есть их общая фотография, сделанная в Абрамцеве. Они разговаривают, а из-за плеча выглядывает моя дочь, внучка Хайкина, Лена. Семья Михаила Александровича летом уезжала в свой деревенский дом в Тучкове, и он предложил Хайкиным это время пожить в Абрамцеве. Незадолго до рождения Лены моя свекровь, к несчастью, умерла. Умерла внезапно, совершенно неожиданно, она была совсем молодой – 49 лет. Лена родилась почти сразу после ее смерти, и Леонтовичи предложили продолжать у них жить мне с мужем и дочерью. Так мы у них поселились: я, нянька, Лена. Муж²¹² приезжал из Москвы, как всякий работающий, по выходным. У Леонтовичей мы прожили два-три лета. А потом моя мама и Лена перебрались в домик на участке академика Н. В. Белова. С его семьей она познакомилась через общих друзей. Тогда это все было переплетено, и ученые люди знали друг друга.

²¹¹ С. Э. Хайкин (1901–1968) – физик, основатель экспериментальной радиоастрономии, открыл радиоизлучение солнечной короны, изобрел новый тип радиотелефона.

²¹² М. С. Хайкин (1921–1990) – физик-экспериментатор, член-корреспондент АН СССР. Создал первый в СССР туннельный микроскоп.

– У Беловых Ваша семья жила круглый год?

– Да, Александра Григорьевна, жена Н. В. Белова, с внучкой Галей на зиму осталась в Абрамцеве и уговорила зимовать маму с Леной. Девочки были ровесницами. И вот на даче Беловых стали жить две бабушки с двумя внучками-подругами. Девчонки росли здесь до третьего класса школы. Ходили учиться к жене управляющего Шкаринова, Александре Николаевне. Это была совершенно замечательная женщина, к тому же по профессии учительница. А мы с мужем приезжали каждую неделю с рюкзаками еды, так как здесь купить из еды почти ничего нельзя было, и проводили здесь воскресенье. Поблизости была дача Абрикосовых, где жил сын А. А. Абрикосова, Алеша, с няней. Он был моложе наших девочек, но сам Алексей Алексеевич Абрикосов со своей первой женой Таней здесь тоже регулярно бывали. Мой муж Миша и Абрикосов работали в одном институте. Зимой мы вместе ходили на лыжах. Летом приходили болтать друг к другу, что-нибудь обсуждать. Ходили к Леонтовичам играть в волейбол, который организовывала по выходным жена Михаила Александровича, Татьяна Петровна.

– Расскажите теперь про зимние праздники.

– Зимой Татьяна Петровна устраивала новогодние праздники с елкой, на которые собирала здешних немногочисленных детей. В праздниках участвовали дети Сколенко, наши девочки Лена и Галя и кто-то еще из тех, кто жил здесь зимой. Детской компанией ставили спектакли. Какой-то сохранился на пленке, по-моему, по «Сказке о попе и работнике его Балде». Причем Балду играла Вера Леонтович, дочь Татьяны Петровны. Она старше наших девочек на два-три года. Галя была попадшей, Лена – попом. В общем, каждый Новый год была какая-нибудь сказка. Огромная радость была готовить костюмы, декорации, устраивать театр для детей. Я всегда во время детских праздников играла им на пианино. Однажды я даже какой-то замечательный концерт в консерватории пропустила, так как не могла сорвать здешнее представление. Были и танцы для детей – непременный элемент этих праздников. Позже уже были отдельные балетные номера, одевали им даже какие-то самодельные пачки. Потом раздавались подарки. Детям было хорошо и радостно.

Но тогда были новогодние представления и для взрослых, очень веселые. По их поводу написана масса стихов. Эти представления проходили на даче у Абрикосовых, в маленьком домике. У Алексея Абрикосова была компания сверстников. В нее входили люди разных специальностей, физиков среди них было немного, но, за одним исключением, все были технари, не было гуманитариев. Другими словами, не было людей, относящихся профессионально к искусству, но все искусством страшно интересовались.

Основная часть компания уже была «сбита». Они вместе ходили в летние походы на байдарках или еще куда-то. Но поскольку Алеша с моим мужем Мишей были физики из одного института, то как-то мы в эту его компанию влились. Года с 1956, 1957-го они стали приезжать всей компанией на празднование Нового года в Абрамцево. Сторожка была теплой, так как зимой жил там сын А. Абрикосова, Алеша, с няней тетей Пашей. У них маленький домик был перестроен, и из гаража сделана третья комната. Большим домом у Абрикосовых зимой не пользовались. Приезжали заранее. В тазу готовили винегрет или салат. Всегда были какие-нибудь шутки, розыгрыши. Я помню, кто-то очень хвастался, что привез из-за границы роскошное вино. Но кто-то из нас тут же поставил на стол вместо него какую-то ужасную бурду, которой все восхищались, охали и ахали. Потом все это раскрылось. Всякая, в общем, шуточная ерунда. После встречи Нового года, шампанского и разных фокусов всегда пели. В компании были хорошие певцы, театрально одаренные люди. Пели много. И вот как-то решили: надо пойти «колядовать» по поселку. А куда идти? – конечно, к Леонтовичам. Во-первых, мы с Мишей и Абрикосовы были с ними знакомы, а потом, они одни и жили в Абрамцево тогда зимой. А у Леонтовичей была своя компания, в которую входил и зять академика, Михаил Львович Левин. Потом мы с ним очень подружились. Но все-таки я входила в компанию А. Абрикосова.

В общем, пришли мы тогда в первый раз к Леонтовичам и всю новогоднюю ночь пели. Все гости Леонтовича очень хорошо слушали. Сидели в основном на полу. А потом встали на лыжи и под предводительством академика Леонтовича пошли делать «большой круг» по лесу. Тогда считалось унижительным по поселку на лыжах ходить! Пошли в лес, круг начинался от дуба, через «Необходимую» поляну и назад. Прошли несколько километров. После прогулки Леонтовичи вернулись к себе, а мы пошли «согреться» к Абрикосовым. И такое завершение празднования Нового года у Леонтовичей стало на многие годы традицией.

К следующему Новому Году сочинили целое представление, «оперу». У меня сохранился ее текст. Она называлась «Академщина», по аналогии с «Хованщиной». Всего таких представлений было поставлено около десяти. Каждый раз была какая-нибудь определенная тематика. Это было очень интересно. В качестве музыкальной основы использовали отрывки их известных произведений. Все равно, каких. Мог быть хор из оперы Верди «Набукко», а мог быть и какой-нибудь шлягер. Но на эти известные мелодии сочиняли свои слова на какую-нибудь актуальную на тот момент тему. Слова сочиняли в основном филолог Варлен и ин-

женер-ученый Богдан. Иногда сочинял и А. Абрикосов. «Академщина», написанная на мелодию «Оды Сталину»²¹³ начиналась так:

«От моря до моря течет наша Воря.

Живем мы на Воре, не зная забот.

Нам дачи поставил здесь мудрый любимый,

Великий (*пауза*)...и нам благодарный народ».

Все, конечно, знали, по чьему приказу здесь построили дачи, и ждали «Сталин». Это, конечно, был для того времени в значительной степени «кукиш в кармане». В общем, в этих постановках всегда была социальная направленность, но она была представлена в виде таких вот шуток. В «Академщину» очень остроумно были включены воспоминания о проведенном лете. Были и такие стихи: «Хайкины и Шарвины уважали Дарвина и создали симбиоз». Алеше Абрикосову, который ходил в горные походы, тоже был посвящен куплетик и т. д. Это был первый опус. Тогда же всю нашу компанию прозвали «Подмосковная филармония». И сейчас ее члены, уже 80-летние, называют себя «Филармонией». Празднуют вместе дни рождения, ходят куда-то, по-прежнему вместе ездят в отпуска. Совместное празднование Нового года в Абрамцеве продолжалось много лет.

После «Академщины» пошло много интереснее. Шли сюжетные произведения, причем каждый раз был другой жанр. Была оперетта «Прекрасная стажерка», мелодии к ней брали только из оперетт. Была еще оратория «Мистерия» на тему создания Богом Земли. Сюжет был приурочен к получению Нобелевской премии Басовым и Прохоровым. Была украинская вещь, была «Чертовщина», замечательная «Цыганщина». Финалы во всех них были «просветленные». Мол, кончится этот «бардак», и будет что-то хорошее, и все равно «да здравствует разум». Ко всем этим постановкам готовились костюмы, очень старательно. В нашей компании была архитектор, она рисовала эскизы, что-то клеила. Костюмы были очень изобретательные. Все это делалось заранее. Делали сами даже парики. Со всем этим шли к Леонтовичам. А там уже спектакля ждали они сами и их гости.

– *То есть, представление специально готовили для определенной публики, которой была семья академика Леонтовича с приехавшими к ним гостями.*

– Потом стали сочинять специально для них. Для представления нужна же публика! А первый раз туда пошли просто так,

²¹³ Исходный текст оды 30-х гг. следующий:

«От края до края по горным вершинам,
Где вольный орел совершает полет,
О Сталине мудром, родном и любимом
Прекрасные песни слагает народ!»

«колядовать» и петь песни. На Новый год представление показывали только у Леонтовичей. А после него выходил один Миша Левин – муж старшей дочери М. А. Леонтовича, Наталии Михайловны, и в ответ читал свой новогодний опус. (На следующее утро он нам это свое сочинение приносил, переписанное печатными буквами от руки. Его сочинения были блестящими. Поэтически значительно интересней, чем наши. Это были очень хорошие стихи и в то же время острые и смешные.) И тут нас даже угощали. Выносили моченые яблоки или что-нибудь этакое. У них гостила большая компания, тоже постоянная. Там были гости, которых мы очень ценили как публику. У них бывали сценаристы Дунский и Фрид²¹⁴ – лучшие друзья Миши Левина и другие очень интересные люди. Славные, живые, остро реагирующие. Это, в общем, было взаимно интересно, приятно и весело. Готовились мы к новогоднему представлению очень серьезно. В декабре раза два, а то и три в неделю к нам в московский дом после работы являлась вся наша «Филармония», и мы репетировали. У меня просто были святые родственники. Первое время у нас же мы коллективно сочиняли, и это было самое интересное. Но потом постепенно сочинять стали только Богдан Поповский и Варлен Колбановский. Один из них стал называться «директором филармонии», а другой – «комиссаром». Будучи ответственной за музыкальную часть, я готовила клавиры к представлениям. У Леонтовичей есть пианино, и я играла всю музыку для спектаклей. Без этого они бы никогда не спели. Если я не знала нот некоторых песен, то подбирала на слух, записывала. А иногда просто вставляла куски нот, если они были известны. Например, где-то был кусок из «Онегина» – «Девицы, красавицы», или что-то еще, или из «Кармен». Все эти клавиры до сих пор хранятся в нашей компании. А тексты я у себя оставила, и ответные тексты Миши Левина пока у меня. В одном из тестов есть про подготовку что-то вроде: «Шестую неделю идут репетиции, как загнанный стонет старинный рояль» и т. д. В Абрамцеве это продолжалось, по-моему, до тех пор, пока А. Абрикосов был женат на Тане, т. е. до самого конца 60-х гг. А потом перевели встречу Нового года на дачу около станции «55 км» (сейчас «Радонеж»). Там жила семья из нашей компании. И там

²¹⁴ Ю. Т. Дунский (1922–1982) – кинодраматург. Заслуженный деятель искусств. В 1944 г. был репрессирован по обвинению в принадлежности к антисоветской молодежной группе и террористических намерениях. Вместе с ним по этому делу проходили В. Фрид и М. Левин. Реабилитирован в 1956 г. В соавторстве с Фридом написал сценарии более чем к 20 фильмам. В. С. Фрид (1922–1998) – кинодраматург, заслуженный деятель искусств России. Был арестован в 1944 г. по тому же делу, что и Дунский. Реабилитирован в 1957 г. Автор книги «58 с половиной, или Записки лагерного придурка».

после встречи Нового года обязательно ходили на лыжах, даже к Леонтовичам добирались.

– *Как была устроена здешняя жизнь Вашей семьи?*

– Первые три класса, которые девочки Лена и Галя не ходили в школу, они учились у Александры Николаевны Шкариновой. Это была совершенно правильная учеба, но не нужно было сидеть пять часов в школе. Девочки приходили к ней на два, максимум на три часа. Потом они занималась музыкой с бабушкой Гали Беловой. Я с ними занималась музыкой по воскресеньям, в общем, их как-то подготовили, и они поступили в 3-й класс Гнесинской музыкальной школы. Еще я здесь занималась музыкой с Верой Леонтович.

– *Вы общались с семьей управляющего Н. Ф. Шкаринова?*

– У меня со Шкариновыми не было особых отношений. Его жена Александра Николаевна была классической учительницей, давшиняя, с очень большим стажем. Здесь она не работала, жила при муже. Учительница она была очень хорошая. Ее невестка, Клеопатра Сергеевна, тоже учительница. Я знаю, что на семейные торжества уже позже Клеопатра Сергеевна и Лев Николаевич приглашали Беловых – Ларису Николаевну, Галину маму, и ее папу, Владимира Николаевича.

– *Были у вас в поселке другие знакомые?*

– Да, семья физика Шарвина – наши друзья, они какое-то время снимали дачу у Белянкиных, но зимой на даче они не жили. У Павловых снимала дачу на зиму семья Боровика-Романова, наши самые близкие друзья.

– *Вы были знакомы с членами тогдашней летней компании молодежи поселка?*

– Нет. Что касается меня и мужа, то мы запикивали сюда ребенка, исправно возили еду по выходным и, собственно, все. Летом в компании здешних жителей не особенно входили, так как проводили отпуск не на даче. Это были их местные развлечения. Мы летом ходили в горы на Домбай. Когда Лена подросла, ее брали ненадолго в байдарочный поход. А вообще многие дети постоянно сидели здесь с бабушкой, дедушкой и нянькой. Когда здесь еще жила моя свекровь с младшим сыном Шурой Хайкиным, он дружил с Г. А. Заварзиным и дочерью М. В. Келдыша, Светой.

– *Вам известно, как А. А. Абрикосов относился к Абрамцеву?*

– Алеше Абрикосову летом здесь тоже было ни до чего. Он здесь бывал меньше нас, так как они с женой Таней ходили в горные походы, причем сверхсерьезные. Мы с мужем в таких слож-

ных восхождениях с ними не участвовали. Да и зимой они приезжали только на новогоднее действо.

– А про академиков здешних что-нибудь знаете или слышали?

– Знаю про члена-корреспондента Б. Н. Делоне. Старик был гениальным альпинистом, знаменитым. Он котировался как альпинист очень высоко, знал горы. Он нас даже «подводил» по маршруту в одном из горных походов. По-моему, это было на Алибеке. В горы Борис Николаевич очень долго ходил, до старости.

– У Грабарей на даче в компании не бывали?

– Нет, не бывали, но знаю Славу Грабаря, сына художника. Был там в их компании Юрочка Гастев²¹⁵. Он рано умер. У Гастева посадили отца, у Лены Копелевой, жены Славы, тоже.

– Не знаете, с кем в поселке общались Беловы?

– Не знаю. Галины родители, дочь академика Лариса Николаевна и ее муж Владимир Николаевич – геологи. Летом они здесь почти не бывали. Как-то в журнале я читала кусок биографии Юры Казакова, где было написано, что Галкин отец ходил к нему в баню. Вот что он мне рассказал сам. «Да, в баню один, может быть, два раза ходили и я, и Николай Васильевич Белов. Его Казаков пригласил. Попарились, выпили по рюмочке. Говорили как-то о жизни». Знаю, что Казаков занимал, но всегда отдавал деньги. Его не очень публиковали, и с деньгами у него были трудности, но не было случая, чтобы он не отдал.

Евгения Николаевна Шор (1926 г. р.).

Филолог, кандидат наук, автор книги воспоминаний «Стоило ли родиться, или Не лезь на сосну с голой задницей». Снимала дачу в поселке с 1971 по 1992 гг.

– Вы снимали дачу у Абрикосовых в течение 21 года, что Вас здесь привлекало? Комфорт?

– Меня прежде всего привлекала любовь к Абрамцеву. Абрамцево я полюбила давно. Мы приехали в эти места первый раз ранней весной 1938 г., чтобы снять дачу в Быкове. На полях еще лежал снег.

– Эта любовь связана со здешним пейзажем?

²¹⁵ Ю. А. Гастев (1928–1993) – математик, философ, мемуарист, правозащитник. Во время обучения на мехмате МГУ был арестован по сфабрикованному политическому делу и осужден на 4 года лагерей. Его отец был расстрелян в 1939 г., мать и брат также были репрессированы. По свидетельству Е. Л. Копелевой, Гастев был одним из ближайших и давнишних друзей ее мужа, М. И. Грабаря. Они вместе учились на мехмате, и Слава ездил к нему в лагерь, когда тот сидел.

– И с пейзажем, и с Аксаковым, так как, живя в Абрамцево, я узнала эту фамилию. Читала его «Детские годы Багрова-внука», и во мне тогда под влиянием прочитанного возникло осознание, что из своей жизни можно сделать произведение искусства, т. е. из ее бытописания. В произведениях Аксакова ничего другого нет.

– *Правильно ли я понимаю, что одним из сильных стимулов была работа над книгой воспоминаний, которая вышла в 2006 г.?*

– Да, когда я начала писать книжку, то решила никуда в отпуск не ездить, а снять дачу в Абрамцево и работать. Здесь было очень комфортно из-за удобств в доме.

– *Ходили ли Вы гулять в лес?*

– Да, много ходила гулять в здешние леса и поля, собирала грибы. Когда стала хуже видеть, собирала опята, их здесь были «поля». Можно было не разгибаясь, двигаться от пня к пню и за час набрать огромное количество. Хочу отдельно сказать про одну их здешних полян. Все в поселке называют ее «необходимой» или «необходимкой». Это название было дано ей не знаю кем, то ли потому, что в каждой прогулке она была неизбежным ориентиром, то ли из-за своих больших размеров. Очень красивая большая поляна. На ней рос дуб, огромный, раскидистый, ветки начинались совсем близко от земли. Потом по соображениям, по-видимому, удобства обработки земли или расширения посевных площадей (раньше поляну засевали) его срубили. Прошло, наверное, уже лет 35, как его нет. Профессор Мантейфель даже написал об этом как о примере варварского отношения к природе в газету «Комсомольская правда». Наверное, когда-то давно рядом с этой поляной было жилье, может быть, хутор. От него остались следы: искусственный пруд, дорога, яблони и другие культурные растения, садовые цветы. Эта поляна, я бы сказала, «собираТЕЛЬНЫЙ образ» русского пейзажа. Особенно так было, когда еще не был уничтожен дуб. Но я все равно его «вижу», когда прихожу туда.

– *Вы были знакомы с семьей А. А. Абрикосова и до того, как стали снимать здесь дачу?*

– Да. А с его второй женой-француженкой я познакомилась на даче. Она здесь жила, хотя ей это по существующим тогда правилам²¹⁶ это не разрешалось. Было заметно, что она очень строго следовала в воспитании детей рекомендациям женских журналов.

²¹⁶ По существующим тогда правилам, иностранные граждане не имели права жить за пределами 20- или, может быть, 30-километровой зоны от Москвы. Во всяком случае, Абрамцево располагалось за пределами этой зоны. Кроме того, иностранцы должны были еще чуть не раз в неделю отмечаться в милиции, что проживают в Москве. Когда Ани жила на даче подолгу с маленьким сыном Мишелем, к управляющему приезжали «товарищи» и спрашивали, живет ли.

Это сильно отличало ее от нас, советских женщин, которые про это ничего не знали.

– К 1971 г. у многих в поселке дачи пришли в запустение, что, видимо, было связано со сменой поколения дачевладельцев. Дача Абрикосовых не была исключением. Хотела ли Ани «взбодрить» здесь хозяйство? Что она здесь делала?

– Она покрасила дачу – это точно. Но была не довольна качеством работы наших рабочих, делала им замечания. Это им надоело, они побросали ей под ноги скребки, которыми снимали старую краску, и велели, употребив непонятные ей русские выражения, делать это самой, коли их работа ее не устраивает. Перед закрытой террасой Ани посадила вместо выродившейся белой сирени кусты жасмина. Стригла траву перед домом. Делала она это ножницами, так как косилки у нее не было. Уничтожила очень разросшийся белый шиповник и мечтала прорубить на участке просеку, чтобы было больше солнца, и был виден закат.

– Говорила ли она, что ей здесь нравится или не нравится?

– Ей вообще не нравилось в России. Как-то я повела ее гулять по окрестностям, и ей не понравилось. Она считала, что только лес – это настоящая русская природа, а поля и луга ее не интересовали, не привлекали. Беременная, она ходила в женскую консультацию, ее поразила грубость врачей и обслуживающего персонала. Рожала сына у себя во Франции.

Однажды они приехали сюда и обнаружили, что забыли ключи от своей половины дачи, которую всегда запирали. Абрикосов сказал, что взлезет в окно и откроет дверь изнутри. Она ему не позволила и кричала: «Я не вор, я не русская!» И он поехал в Москву за ключами... Несмотря на то, что в Абрамцеве участок был размером в 1,5 га, и во Франции таким участком земли около Парижа владели только богатые люди, жизнь здесь была не царская. А для нее в особенности.

– В поселке обсуждалась вторая женитьба А. А. Абрикосова? Многие здесь знали его первую жену Таню.

– Саму Ани обсуждали. Все-таки она была француженка. Хвалили ее воспитание детей. (Я точно знаю, что эти правила воспитания были почерпнуты из французских журналов.) Своих двух старших детей она воспитывала, как было принято раньше в интеллигентных семьях. Это было так называемое европейское воспитание – в частности, так воспитывали и меня. Она их занимала какими-то играми типа «лото», они очень много рисовали. У меня есть их рисунки – лошадка и морской пейзаж. Спали они здесь в спальнях мешках, без постельного белья.

– Вы, когда жили у Абрикосовых, не ссорились с другими их дачниками? Вам ведь приходилось пользоваться одной кухней.

– Нет, никогда. У всех был разный распорядок дня.

– *Хозяйева что-нибудь делали на участке?*

– В мое время хозяйева участком не занимались, может быть, только косили траву. Копецкие, которые тоже снимали у Абрикосовых, косили сами. Но еще были заметны дорожки вглубь участка и вдоль заднего забора. Вскоре они окончательно заросли и исчезли. Осенью на гнилых пнях было очень много опят, на участке росли и другие грибы. Было три места, где росли белые, место подосиновиков, лисичек и т. д. Грибы на участке собирали в основном дачники. Тогдашний жилец Абрикосовых Садовников, автор сценария фильма «Большая перемена», боялся заблудиться в лесу и собирал на участке массу «польских белых».

– *Как относился к дачникам управляющий поселка, рабочие?*

– Тогда топили печи, и дачники покупали себе дрова сами, а хозяйскими не пользовались. И вот тогдашний управляющий Николай Федорович очень сурово мне отказал в дровах. Володя Марков – рабочий, который жил в Глеbove, наоборот, мне сочувствовал и был очень вежлив. Но если что-то ломалось, можно было прийти в контору и попросить починить. В этом не отказывали и такого рода просьбы выполняли.

– *Не было ли у вас впечатления, что здешняя молодежь ведет себя как-то «разнузданно»? Не раздражала ли она Вас своим поведением? Была ли она, как принято было тогда называть, «золотой»?*

– Нет. Во-первых, они и не были «золотой молодежью». Я близко наблюдала жизнь молодежи на даче у Абрикосовых. К счастью, или к сожалению, к Наташе Абрикосовой это не относилось. Скорей, ты принадлежала к миру геологов, которые шастают в рваных штанах, что-то копают. А твой муж вообще двигаться не любил. Даже гулять. Жаловался на обилие в Абрамцеве комаров.

– *Когда вместе с Вами в доме проживали и мы – хозяйская молодежь – Вам это не мешало?*

– Нет, вы даже не особенно шумели. Из молодежи я еще общалась с Верой Леонтович. Она была оригинальная особа. Все в этой семье были очень оригинальные, даже незаметно было, что они принадлежат к академическому кругу. У вас на даче вместе со мной жила семья других дачников. Он был военный, и все семейство имело прозвище «танкисты». До этого они снимали дачу в Мутовках, деревне, расположенной недалеко отсюда. Когда они увидели жену академика Леонтовича, которая любила ходить босиком, то были потрясены. Говорили, что хозяйская дочь из Мутовок ездила в Москву делать прическу, а эти, мол, академики, на что похожи?

– Академики поразили их простотой жизни?

– Да.

– А кого из знаменитостей Вы помните в поселке в качестве дачников?

– Одновременно со мной какой-то год или два у Абрикосовых снимал Анатолий Гладиллин. Тогда он не был особенно известен. Здесь жил еще Юрий Казаков, он, правда, не дачник, у него была своя дача. Какие-то с ним были истории, но я уже не помню. Он написал про Абрамцево два рассказа, щемящих. Несколько лет подряд снимал в поселке маленький домик Е. Пастернак, сын знаменитого поэта. В маленьком домике у Абрикосовых жил какое-то время Георгий Семенов²¹⁷, тоже писатель. Как я уже говорила, еще жил Жора Садовников.

– Было ли ощущение, что дачу в поселке сдает почти каждый владелец?

– Я так сказать не могу, но сдавали многие.

– Дачники сплетничали про хозяев? Ведь они были в курсе их жизни. Тогда редко сдавали весь дом, обычно дачники и хозяйка жили в одном доме, пользовались одной кухней и так далее.

– Сплетничали, но не особенно... Про дачу № 46 среди дачников говорили, что там живут «хиппующие подростки». Давали прозвища некоторым владельцам. Про дачу № 33 рассказывали, что ее тогдашняя владелица, женщина молодая и без особых доходов, чтобы отремонтировать дачу, привлекала все время для этой цели разнобразных мужчин. Но те ее вечно обманывали, дачу ей не поправляли, а наоборот, из нее вытягивали последние средства. Поэтому моя знакомая прозвала ее «Кабирией» – из-за сходства с героиней фильма «Ночи Кабирии».

– У Вас было ощущение, что дачники, которые были в Ваше время, богаче хозяев? Сейчас ведь дела обстоят именно так.

– Нет, богаче они не были. Это была интеллигенция. Хозяйка дач, дети или внуки академиков, были примерно того же материального положения, что и их дачники. В то время, когда я здесь жила, они тоже, как правило, занимались наукой и получали 180–300 рублей, в зависимости от научной степени и места работы. Деньги, получаемые за дачу, были для них, наверное, как и сейчас, серьезным подспорьем.

– Сколько тогда платили за сезон?

– Сначала я снимала маленький домик и платила 300 рублей, потом – 400. Но время пребывания не ограничивали конкретным сроком, например, только лето. Можно было задержаться и на сентябрь, пока не отключали воду в доме. Когда я жила в боль-

²¹⁷ Г. В. Семенов (1932–1992) – автор лирических рассказов и повестей.

шом доме и занимала две комнаты и стеклянную террасу, плата тоже была 400 рублей. В конце 80-х гг. повысили плату до 500 рублей. Но я здесь прожила 21 год. За эти 500 рублей можно было приехать жить и в мае, и в сентябре. Алексей Алексеевич однажды на майские праздники просил у меня разрешения несколько дней пожить в одной из двух комнат, что я у него снимала. Он сам жил наверху (верхнее помещение Абрикосовы никогда не сдавали), а его жена (последняя) Света с дочкой жили в моей крайней комнате. Ходил он в дом через маленькую террасу, не через меня, был очень деликатен.

– *Наш сосед, Дмитрий Евгеньевич Охоцимский, по-моему, никогда не брал плату с тех, кто жил в его маленьком домике.*

– Да. У Грабарей сгорела дача, и пока строили новую, семья Славы Грабаря одно или два лета жила у него в маленьком домике. Д. Е. Охоцимский и М. И. Грабарь были очень давно знакомы, по-моему, они вместе учились. А до Грабарей у него в маленьком домике жила преподавательница французского языка, Литит, моя сослуживица. Она много раз меняла место жительства (Франция – СССР – Израиль). Дмитрий Евгеньевич очень усердно занимался с ней французским языком, ну а ей хотелось, чтобы он ее эксплуатировал поменьше. Она мне жаловалась. Потом они, по-моему, поселили бывшую жену Галанскова – Галю. Я с ней познакомилась. Она была кем-то вроде экономки при матери Дмитрия Евгеньевича, жила с ней на даче круглый год. При них в качестве домашней работницы жила жена здешнего рабочего Саида. Его семья жила в пристройке поселкового гаража. Саид пил и жену бил, и тогда она прибегала спасаться на соседнюю с гаражом дачу, к тамошней дачнице, Евгении Альбертовне.

– *У вас были здесь знакомые?*

– Да. Когда я познакомилась с Евгенией Альбертовной, ей было 74 года. Она преподавала английский язык в Институте инженеров транспорта. Мы много с ней гуляли по поселку. Она любила собирать малину вдоль только что проложенной здесь асфальтовой дороги – бывшей грейдерной. Там росло много малины, я ходила вместе с ней. На лето она брала на содержание собак своих знакомых. Кроме того, Маша Копецкая в течение нескольких лет брала у нее уроки английского. Сын Евгении Альбертовны участвовал в строительстве торгового центра «Любимый» в Хотькове. Архитектурный проект этого здания получил диплом отличия на каком-то, чуть ли не международном, конкурсе. Здесь я познакомилась и с ее братом. Он был очень крупным ученым-химиком. Он сидел и в «шарашке» сделал крупное открытие. Еще я была знакома с Борисом Петровичем Мантейфелем и его женой. Они снимали домик на даче у Старков. Он был сыном Петра

Мантейфеля, бывшего директора²¹⁸ Московского зоопарка. Борис Петрович был биолог, доктор наук, здесь наблюдал за природой, занимался тем, что делал для своих книг слайды. Он мне рассказывал про живущих здесь птиц, о существовании которых я и не подозревала. Несколько слайдов он мне подарил, в частности, такой – бабочки-навозницы на экскрементах лисицы. Снято это было все на той же грейдерной дороге, которая тогда еще не была асфальтирована. Приручил синиц брать корм с руки. Он рассказывал, что в Абрамцеве редкое для Подмосковья разнообразие животных, но с годами оно сокращается. Многие виды исчезли.

Еще я знала пожилых дам с теперешней дачи Майсуряна. Позже познакомилась с женой управляющего Ивана Мартыновича Канцырского, Марией Феликсовной. Очень была милая женщина и большая мастерица. Прекрасно вышивала, вязала. Все умела делать и на земле. Любила цветы.

– Поселок был сильно заселен?

– В будние дни можно было встретить одного-двух человек или вообще никого. Но в выходные поселок оживал. Каждую субботу сами владельцы, их знакомые, приехавшие к дачникам гости и т. д. ходили прогуливаться по поселковым дорожкам. Прохаживающиеся группы общались внутри себя. Между группами общения не было. Мне запомнилось, как в конце сентября выпал снег, и черные группы молча шествовали в лунном свете по белой дороге поселка.

– Вы не боялись ходить гулять далеко? Здесь в округе было спокойно?

– Нет, встречались мне в основном грибники. В лесу было немного народу. В субботу, воскресенье и в грибной сезон людей становилось больше. Но все-таки на моей памяти была ссора с мордобитием между каким-то владельцем дачи и встреченными местными. Мне кажется, это произошло с Бокием. Он гулял в лесу один и встретил компанию с хотьковского завода. Сначала они мирно разговаривали, но потом он их упрекнул, что они не жалеют природу и набрали большие букеты. В результате они его поколотили, и довольно сильно. Он лежал в больнице, и говорили, что к нему приходил следователь (он возбудил уголовное дело) и уговаривал взять обратно обвинение. Вообще, здесь в округе какие-то неприятные случаи были: кого-то изнасиловали в начале 70-х гг., в поселке художников сын какой-то учительницы зарезал родственницу, кажется, кого-то из Кукрыниксов. В Хотькове на Горбуновке напали на детей-подростков – дачников Абрикосовых. Поколотили их здорово, даже, кажется, одному из мальчиков сломали нос, и его отец подал на хотьковских в суд. Следователь, сын которого участвовал в этой драке, тоже просил забрать обви-

²¹⁸ Ошибка. П. Мантейфель был заместителем директора зоопарка.

нение. По моему, году в 1992-м на дороге, ведущей к поселку академикова, какой-то мужчина напал на мою знакомую. Может быть, это был сумасшедший из Гравидана. Он ее стукнул по голове и поранил до крови. Кто это был и почему напал, осталось тайной. Но вообще, насколько я знаю, жители поселка гулять не боялись.

– *А сколько раз залезали на дачу воры, когда Вы здесь снимали?*

– Ну, раза три. Во-первых, здесь был всем известный «книжный вор». Он воровал только книги, в которых понимал толк. Был очень аккуратен. Когда залезли последний раз, похитили велосипеды. В том числе старый немецкий дорожный велосипед Wanderer Алексея Алексеевича, который, как мне кажется, ему подарили еще родители. Он был нестандартной высоты, под его рост, и с толстыми шинами. Кроме того, тогда же вынесли все тома энциклопедического немецкого словаря с готическим шрифтом и дивными гравюрами и кое-какие еще остававшиеся после предыдущих краж ценные книги. Говорят, первый книжный вор, который очень грамотно крал книги и даже вывозил целые библиотеки, поклялся, когда его поймали и дали срок, сжечь поселок.

– *Вам нельзя носить ничего тяжелого. Как Вы здесь обходились с продуктами?*

– Здесь раз в неделю привозили так называемые заказы. Хотя это были собственно не заказы, а готовые наборы, но они, особенно вначале, были по тем временам роскошные.

– *Что туда входило?*

– Обычно ассортимент был такой: полкило сливочного масла, 1 кг мяса, полкило колбасы или ветчины, килограмм или два сахара, рыба деликатесная холодного или горячего копчения, дорогие шоколадные конфеты. Была крупа типа дефицитной тогда гречки, фрукты (1 кг), какие-то рыбные консервы (шпроты, сайра). Кроме того, сверх заказов привозили белые батоны и бифштексы. Повидимому, это была частная инициатива за тот самый рубль, который давали привозившему заказы шоферу. Ему давали и больше, и он по просьбам наиболее щедрых привозил и водку, и вино. Вспоминают такую историю. На чью-то просьбу или вопрос о дополнительной курочке шофер Виктор Иванович ответил, что для этого надо пойти в кусты. Почему-то спрашивающая, не смотря на преклонный возраст, поняла это как предложение к чему-то «греховному» и стала его корить. На что последовал недоуменный ответ, что курочки лежат в кустах, в холодке, и он приглашает ее туда курочку-то и выбрать.

В более или менее хорошем виде заказы продолжались до «перестройки», но постепенно они становились все хуже. Мясо стало неудобоваримым, рыба исчезла, и т. п. Заменялось это все больше крупой и консервами вроде болгарских голубцов и перцев,

иногда тушенной или «пекинской уткой». Но хорошие конфеты и ванильный зефир еще присутствовали, было «Юбилейное» печенье – тоже дефицит. В период «перестройки» количество консервов всё увеличивалось, причем это были «Завтрак туриста», килька в томате, и тому подобные «деликатесы». И тогда я перестала эти заказы брать.

Вначале я брала заказы целиком, и у меня скопилось большое количество хороших консервов²¹⁹, шпроты и так далее. Мне они были не нужны, я их отдала сторожу, который одно время был в поселке; по-моему, он был татарин. Он работал здесь до 1974–1975 гг. (по-видимому, это был Ефрем Петрович. – *Сост.*) Сторож в благодарность за отданные консервы принес мне клубнику и патиссоны. Позже мы брали один заказ пополам с моей знакомой, Евгенией Альбертовной, и честно его между собой делили.

– В ближайшем магазине были продукты?

– В магазине, который был там же, где и сейчас, около музея, мало что было. Но что-то все-таки я там покупала. Продавали там какие-то крупы, например, пшено грязного цвета и серые макароны, которые при варке бесследно растворялись в воде, получалось нечто типа клейстера. Ни фруктов, ни овощей не было, молочные продукты завозили редко, иногда бывало разливное подсолнечное масло. Когда в Абрамцево приехал с визитом Лигачев²²⁰, к его приезду перед музеем подмели площадку для стоянки автомобилей, а в магазине внезапно появился невиданный там ранее виноград и что-то еще. Во время Олимпиады в Сергиевом Посаде, тогдашнем Загорске, продавали апельсины, которых там тоже отродясь не бывало.

– В Глебово ходили покупать всякие дары природы?

– Вначале, когда я здесь жила, жители Глебова приносили в поселок клубнику, смородину, огурцы, а потом эта практика кончилась, и я туда ходила уже сама. Хозяйка одного дома, где я покупала овощи, трагически погибла по дороге на станцию. Попала под машину. Ее задавила девушка, которая училась водить. Потом я покупала у Валентины Николаевны и ее соседки Надежды Митрофановны. Надежда Митрофановна была святая женщина, у нее был слепой сын, и она его пять лет возила в университет, где он учился на историческом факультете. При нем были собаки-поводыри, сначала роскошная колли, потом овчарка. Собак несколько раз крали. У них я покупала и овощи, и ягоды. Относились они ко мне хорошо, нас как-то знали. Зимой они жили в Хотькове.

²¹⁹ У всех, кто брал заказы, эти банки консервов скапливались, и их «доедали» в голодные годы перестройки и безденежья.

²²⁰ Е. К. Лигачев (1920 г. р.) – партийный деятель, один из наиболее консервативных членов политбюро (1985–1990) во времена правления М. С. Горбачева.

– Сейчас, как Вам кажется, поселок изменился?

– Да, но в той же степени, в которой изменилась и Москва. Стало больше домов, все они современной архитектуры. Изменились и окрестности. Они застроены домами, похожими на крепости – с маленькими окошками-бойницами. В поселке теперь очень много машин. Лес сильно замусорен. Появились очень большие вырубки, но их перестали чистить, как это делали раньше. Свели прекрасную березовую рощу, которая выходила на грейдер.

– Было ли в поселке известно, на каких дачах собираются большие компании?

– Ну, известной молодежной дачей была 46-я, перед ней почему-то долго стояла лодка. Была молодежная свадьба на даче Павловых, и Обреимов пришел сказать, что ему мешают, но его усадили за стол, и никакого скандала не было.

– Как здесь воспитывали детей?

– Я не особенно это знаю. Помню, что на соседней даче жила пианистка Т. Николаева, у нее был рояль, но она никогда не играла для удовольствия. Она на нем тренировала своего сына Кирилла, очень красивого мальчика, не очень способного к музыке. Мне это было слышно. Я знаю, что здесь иногда устраивались спектакли или детские концерты. Мне кажется, что сын Николаевой выступал в спектакле на 3-й даче в роли Евгения Онегина. Ему было тогда не больше 10–12 лет.

– У Вас не вызывало удивления, что мой сын Митя болтается по поселку лет с 5 без всякого пригляда?

– Нет, внутри поселка было безопасно.

– Что Вы хотите еще добавить?

– Эти годы, которые я провела на даче Абрикосовых, на Алешиной половине, были самыми счастливыми во второй половине жизни.

Лидия Михайловна Моржина (Усиевич) (1936 г. р.).

Геолог. Жила в поселке с 1953 по 1978 гг.

– Вы долго снимали разные дачи в поселке, расскажите, какие?

– Мы приехали сюда в 1953 г. Мои родители были врачами. Папа, Михаил Александрович Усиевич – врач-физиолог, а мама, Конкордия Николаевна Замыслова – кардиолог. Папа тогда работал в системе Академии наук, в Институте высшей нервной деятельности АН СССР, поэтому он мог арендовать здесь дачу. В 1953–1954 гг. родители арендовали дачу № 12, и мы там жили одни. Но в 1955 г. папа уже не работал в системе Академии, и эту дачу в аренду сдали Беловым. Мы были как бы субаренда-

торами у Беловых, а фактически снимали дачу с ними пополам. В 1956–1962 гг. мы снимали две верхние комнаты дачи Заварзиных. К зиме 1962 г. отремонтировали домик, где первоначально располагался медпункт. Для медпункта тогда выделили дачу № 16, бывшее здание медпункта на теперешнем участке № 23 освободилось, и у поселка было право сдавать его в аренду. Сергей Борисович Старк посоветовал нам его снять. Родители договорились в совете поселка, и с его разрешения мы сняли этот дом. К этому моменту я уже была замужем, и мы с мужем и детьми снимали его вместе с моими родителями. Но с весны 1978 г. поселок поднял цену за аренду. (Николай Федорович уже не был управляющим поселка, на его место пришел другой, и при нем плату за аренду очень сильно подняли.) Нам это стало дорого, да и дети уже подросли, и мы отказались. Одновременно с нами с 1972 по 1978 гг. часть большого дома Уразовых снимала семья брата моего мужа, когда я с семьей уехала, мама продолжала жить с ними.

– *Таким образом, ваша семья прожила здесь 25 лет. Как вы здесь жили?*

– Мы с сестрой Верой²²¹ попали сюда, когда Вере было 14 лет, а мне 16. Здесь уже была довольно большая компания ребят от 12 лет и старше. Всего, наверное, человек 13. Самыми младшими в ней были Леник Дорохов (сын сторожихи с 11-й дачи) и Юра Ефимов. Старшими были Егор Заварзин и Атабеков. Кстати, в этой нашей компании были ребята и из рабочего поселка. Там тогда было несколько домиков, корова, мы туда ходили за молоком.

– *Георгий Александрович Заварзин вспоминал, что в вашу компанию иногда приходил Слава Грабарь, хотя он и был старше. Вы помните его?*

– Да, помню. Слава тогда уже был женат и жил на своей даче с женой Асей и дочкой Машей, которой было года два. С ними жил Асин, по-моему, сводный брат Кирилл Леонтович²²², мой ровесник. (Это была какая-то параллельная ветвь Леонтовичей, может быть, от двоюродного брата Михаила Александровича Леонтовича, я этим не очень интересовалась.) Он был неординарной личностью. (Был или есть, не знаю, жив ли он, вообще ничего о нем не знаю). Он и биологией увлекался, и литературой, стихи писал, и философией интересовался. Необыкновенно был одаренный. В то время

²²¹ В. М. Усиевич (1939–2001) – врач-кардиолог. Мать Сергея Юрьевича Старка.

²²² К. Ф. Леонтович (1936 г. р.) – врач-психиатр. По окончании медицинского института некоторое время работал в секретной лаборатории, организованной Министерством обороны с целью выяснения факта существования (или отсутствия) телепатии. Затем был врачом в системе скорой психиатрической помощи. Общественный деятель. Организовал подростковый клуб-мастерскую «Левша».

у Леонтовичей на даче жили Хайкины: Михаил Семенович, его жена (Ирина Петровна Голямина – *Сост.*), их дочка Лена, ее бабушка Екатерина Петровна и Шурик Хайкин, младший брат Миши. Вот этим двум мальчишкам, Шурику и Кириллу, вменялось в обязанность какое-то время в течение дня «пасти» своих маленьких племянниц. Девочки были примерно ровесницами. Они их всюду таскали, возили на плечах. Но Шура, по-моему, постоянно здесь не жил.

– *Расскажите про Вашу компанию.*

– Все мальчишки сразу повлюблялись в Веру, несмотря на то, что ко времени нашего появления у них здесь были какие-то флирты, увлечения: и у Юры Старка, и у Кирилла, но они сразу «перекинулись» на Веру. Еще среди Вериных поклонников был Шурка Уразов. А его брат-близнец Олег ухаживал за мной. Не знаю, усыновил ли академик Уразов этих детей от первого брака его жены, формально они носили фамилию Чернобровы, но здесь всех называли по фамилии дачевладельцев, и они были Уразовы. (Олег трагически погиб в 19 лет, когда служил в армии где-то на Кольском полуострове, а Шурка потом часто приезжал, не жил в поселке, а приезжал к матери. Их младшая сестра Наташа очень похожа на мать, Валентину Михайловну.) У мальчишек-близнецов и у Шурика Хайкина дни рождения были в августе. 10 августа у Шуры, а у них – 8, или наоборот. Помню, потому что отмечали день рождения всех трех мальчишек здесь вместе. Довольно долго в Вериных ухажерах ходил Юра Ефимов. Ей еще не было и 14, а ему было около 15. Они частенько гуляли вечерами вместе, сидели на лавочке за площадкой и целовались, а я курсировала на велосипеде и следила, чтобы родители их не увидели. Когда родители появлялись (они часто вечером гуляли по поселку), я Веру предупреждала, она садилась на велосипед, и мы чинно-благородно продолжали кататься. Мы маме это рассказали, когда уже выросли. Юра вскоре уехал отсюда. Они продали дачу. Он рано женился и приезжал сюда с женой. Он был приемным сыном А. В. Ефимова.

Компания наша обычно собиралась на волейбольной площадке (нынешнее футбольное поле. – *Сост.*) Тогда волейбол был очень распространен, все в него играли и через сетку, и в круг. Там часто проходили волейбольные соревнования поселков – нашего и генеральского. Играли в основном ребята, девчонки чаще «болели» за свои команды. А вечером на площадке устраивали танцы под патефон и играли в фанты на поцелуи, в бутылочку и тому подобное. Поскольку часто бывало холодно и сыро, собирались и где-нибудь на даче. Раза два были на даче у Келдышей, на втором этаже, но потом мальчишки, которые уже выпивали, устроили там такой погром, что больше нам там собираться не

разрешали. Собирались у них, конечно, когда не было Мстислава Всеволодовича. Тогда на даче жили тетки Светланы, они и разрешили. Потом Николай Федорович позволил нам собираться в гараже 37-й дачи. Туда вечером приносили патефон, танцевали, играли, встречались, целовались по кустам... Сама дача была свободная, в тот период ее никто не арендовал. Мы, конечно, старались там особо не безобразничать. Этот гараж был нашим клубом в течение нескольких лет – 53, 54, 55 гг. В 1955 г. я здесь уже практически не бывала летом, была на институтской практике, но Вера-то, конечно, была. Еще в юности был такой ритуал: в темноте, после одиннадцати вечера кататься по поселку на велосипедах с фонариками или без. Я однажды в темноте чуть под лошадь не попала. Разогналась с горки от дачи Леонтовичей и проскочила буквально перед ее носом.

– На моей памяти в годы учебы в институте молодежь отходила от поселковой жизни и возвращалась уже в новом качестве – с семьей и маленькими детьми для их взрачивания. При этом существовавшие ранее компании обычно сходились заново и начинали общаться уже семьями. А как было в Ваши годы?

– Да, в общем так и происходило. Когда мы все поступили в институт, здешняя компания сузилась. Мы приезжали уже только зимой, на каникулы или выходные. Катались на лыжах. Как-то я пошла отсюда на лыжах в сторону Яхромы. Дошла до Хлыбов, еле обратно вернулась, 30 км туда и обратно. Это уже было, наверное, году в 56 или 57-м. В эти годы мы иногда зимой останавливались в маленьком домике у Заварзиных. Юра Старк познакомил нас со своими друзьями Сашей и Витей Моржиными, с Шурой Антиповым. Саша стал моим мужем. Когда мы с Сашей поженились, первые наши каникулы мы провели вместе в маленьком домике у Заварзиных. Вера в 1958 г. вышла замуж за Юру Старка, жила у себя на даче. Когда в 1960 г. родился у них Сережа, его прямо из роддома привезли в Абрамцево. Мы с четырехмесячным сыном Мишкой тоже жили здесь. У Сережи был молочный брат, внук академика Ю. А. Орлова. Они тогда здесь жили на даче Заварзиных. Юрий Александрович сам приходил за бутылочками. Теперь по поселку мы гуляли уже с детьми. Тогда же познакомились с Бочварами (Георгием и Наташей), они тоже гуляли со своими мальчиками. Вот мы и прогуливались вместе с ребятишками, с колясками.

– У ваших детей тоже была здесь компания?

– Когда дети подросли, то стали собираться на «клубе». Там раньше стоял памятник Сталину, когда его «сковырнули», на его месте сделали клумбу. Туда и бабушки с детьми, и мы – родители – тоже приходили. Компания моего старшего сына Миши и племянника Сеги поначалу была малочисленной. Они, пока были

маленькими, играли втроем: мой Мишка, Сега и Леша – сын поселкового бухгалтера Тамары. Потом, когда ребята стали подростками, компания выросла. Дружили уже все вместе: мальчики Бочвары, Коля Масалин – сын дачников с 28-й дачи, Коля Майсурян. Но поначалу это была отдельная компания. Все вместе сидели на площадке, назывались «клумбочники». На волейбольной площадке они тусовались ночами. Мишка в окошко ночью вылезал. Я его как-то застигла. У младшего сына Коли, он родился в 1968 г., такой большой компании не было. В нее входила дочь Тихонравовых Ольга (1966 г. р.), Антон Обреимов, он был старше моего Коли на год, и Илья Тальрозе. Играла эта четверка, три мальчишки и Ольга Тихонравова, обычно у Тальрозе или у нас. Они всегда болтались вместе. Больше в поселке как-то не было их ровесников, попали в какой-то странный временной промежуток между поколениями. В маленьком доме у Заварзиных тогда жили Смирновы. Смирнов был энтомологом. Мишка к нему приходил в гости, жуков ему приносил. Потом приезжал к нам внук маминой сестры, мальчик лет 12 или 13. Он тоже очень дружил с Евгением Сергеевичем, звал его «блошиным профессором». Жена Смирнова, Милица Сергеевна, говорила: «Ну, пусть он у нас поживет, оставьте нам его». У них своих детей не было.

– Помните кого-нибудь из рабочих поселка?

– В пристройке к поселковому гаражу жила семья татар, в том числе Саша (Саид), пил он безумно. Пьяный уже идти не мог, но ездил на велосипеде. Еще помню Володю Аверченкова. У них в рабочем поселке мы и брали молоко, правда, не всегда, потому что были постоянные клиенты, а молока не хватало. Жена Саида, если ее просили, приходила прибираться в доме, окна мыть и тому подобное. Ее звали Катя.

Когда мы жили уже в домике медпункта, то часто приезжали и зимой. Заранее звонили в контору и просили сторожа Ефрема протопить дом к нашему приезду. Это была отдельная разовая услуга, не входившая в обязанности, которые он исполнял в поселке. Топил он за отдельную плату. У Ефрема была очень смешная собака Тузик. Летом, пока Ефрем дежурил и ходил по поселку, пес пытался ловить по газонам ежей. Ефрем был очень приятный человек, симпатичный, вежливый, добрый, всем помогал. Жил он в подсобном хозяйстве по дороге к запруде. В подсобном хозяйстве было стадо коров и что-то вроде магазинчика, где продавали молоко. Мы там его иногда покупали. В 70-х годах я иногда ездила за продуктами в Хотьково на велосипеде, за молоком в том числе.

Глава 7

В последней главе сборника помещены воспоминания А. Д. Клубкова, занимавшего должность управляющего поселком с 1986 по 2011 г. Воспоминания Ивана Мартыновича Канцырского, занимавшего эту должность с 1976 по 1986 г., можно прочесть в его потрясающей книге «Пока я еще жив».

Александр Дмитриевич Клубков (1950–2011).

Рабочий поселка с 1977 г., управляющий поселком (1986–2011 гг.)

– Когда ты пришел на службу в поселок?

– В марте 1977 г. меня приняли сюда рабочим. Управляющим уже числился Иван Мартынович Канцырский. Прежний управляющий Николай Федорович еще работал в поселке – помогал Канцырскому, вводил его в курс дела.

– Сколько здесь тогда было рабочих?

– Человек семь, а до меня было еще больше. Кроме рабочих, были еще сторожа. Но при мне они проработали недолго, собственно, их служба уже заканчивалась.

– А что они сторожили, имущество дачевладельцев?

– Не имущество. В насосной стоял котел, который нагревался углем. Помещение нужно было отапливать, чтобы не замерзали механизмы подачи воды. Газа ведь тогда не было. Вот они топили и следили, чтобы ничего не отключалось.

– При тебе еще не было автоматики на подаче воды?

– Нет.

– Чтобы следить за работой механизмов, подающих воду в дачи, нужна была особая квалификация?

– Особой квалификации не требовалось, но все-таки... Там почти все механизмы были самодельные или по многу раз переделанные. Придумывал их в основном наш же рабочий Володя

Аверченков, и они так и работали. Еще долго при мне в насосной были все эти его поплавки, штанги, все это ездило, включалось. А потом уже перешли на современные автоматические насосы.

– Они были самодельными, потому что самые первые механизмы, которые обеспечивали подачу воды, уже давно сломались, и их не покупали вновь, а чинили?

– Да. Володя что-то придумывал, чтобы все это работало. Решетка, например, которая там была, и до сих пор стоит. По ней ездила стрелка и показывала уровень воды. Мы не стали ее выбрасывать. Все там было чисто механическое, поплавков опускался в резервуар и т. д. Он в этом плане был очень умный. У него и на заводе, где он работал после ухода из поселка, было много рационализаторских предложений, по-моему, даже патентов на изобретения.

– Тогда у поселковых рабочих была специализация?

– Да, разделялись. Я пришел работать чисто электриком. Саида, нашего прежнего электрика, уже не было. Его, по-моему, Николай Федорович выгнал. Были Гриша Астапов, Володя Марков, Володя Аверченков, Матюшин по прозвищу «Трали-Вали». Еще до меня был печник дядя Миша Штриков. У нас почему еще было так много обслуживающих, потому что были отдельные люди, которые следили за всеми этими перекачивающими устройствами канализации. Топили в помещении печку, чтобы все это не замерзло. Но когда я пришел, рабочих, которые следили за перекачкой, уже не было. Володя Аверченков поставил там придуманное им устройство, которое автоматически включалось и выключалось, и люди стали там не нужны.

– А в самом поселке были сторожа?

– Нет. Кое у кого еще были личные сторожа, они жили в сторожках. По-моему, у Вольфовичей и на 26-ой даче, у Ивана Матвеевича Виноградова. У него была сторожиха Людмила, из Глебова. Она у него долго работала.

– Были ли какие-нибудь работы в поселке, в которых были заняты все рабочие, независимо от специализации?

– Да. Очень много времени занимала заготовка дров. Мы на наших поселковых машинах возили бревна из-под Луговой. Потом здесь их пилили, кололи, развозили по дачам. В лесхозе поселок дрова не покупал. Их заготовка для дач была нашей обязанностью. А кроме того, уголь. Вагон в Хотьково приходил, мы его разгружали, по дачам развозили, каждому запихивали в сарай. А Ефрем Петрович ходил топить. Ефрем у многих работал истопником. Жил он в подсобном.

– Ты родился здесь?

– Да, я глебовский. Всю жизнь здесь жил.

– Когда ты стал рабочим здесь, кто из рабочих жил в рабочем поселке?

– Только Володя Аверченков. А в основном рабочие были из подсобного хозяйства и из Глебова. Саид жил в рабочем поселке, но у нас не работал, спился. Но сюда тогда еще ходил и кое-какую работу делал в поселке. Много помогал Охочимским на даче. Они даже его как-то официально оформили, помогли ему. А вообще он был очень интересный человек и высокой квалификации специалист. Проводку делал здесь во многих местах, очень был аккуратный. И так из-за водки пропал...

– Николай Федорович при тебе недолго проработал?

– Да. Он, когда уходил с должности управляющего, нашел Ивана Мартыновича, а сам стал заведовать складом.

– Он был строгий?

– Ну, в общем, да. Знаешь, как он нас гонял маленьких, когда мы сюда из Глебова на велосипедах приходили кататься. Только держись! Здесь на газонах рос красный клевер. Красиво было. Вообще он был суровый. Может быть, время было такое. По-другому все относились друг к другу.

– Про свои отношения в поселке он что-нибудь рассказывал?

– Нет. Я ничего такого не знаю. Когда я пришел, он уже плохо слышал, у него был слуховой аппарат. Разговаривать с ним было трудно. Только: «Да-да, дорогой-золотой». Я знаю, что идея газификации была его. Мне говорила наша прежняя бухгалтер Вера Васильевна Маркова, что они с ним собирали бумаги для этого. Начиналась эта вся газовая эпопея до Ивана Мартыновича. В этом деле мы были среди академических поселков пионеры.

– Да, сейчас бы нам этого не потянуть.

– Конечно. Сейчас и законы совершенно другие, и цены. Оформление бумаг стоит примерно столько же, сколько сами работы. Тогда Академия оплатила центральную линию подачи газа по поселку. Владельцы оплачивали только подводку от нее к себе на участки.

– Да, это я знаю. Помню, Иван Мартынович предлагал мне самой рыть канаву к дому для газовой трубы. Академик Кнунянц, который присутствовал при этом, ему тогда сказал: «Да что Вы, Иван Мартынович, посмотрите на нее, она же женщина, не сможет она сама рыть». Я очень ему за это благодарна, поскольку после этого пристыженный галантным академиком управляющий прислал мне для рытья кого-то из наших рабочих.

– Да. Копали и сами хозяева, и мы. Когда на одной из дач клад-то нашли, я должен был там копать. Уж не помню, почему они этого милиционера наняли.

– Ты этого милиционера потом видел? Не знаешь, что с ним стало?

– Нет, я его после этой истории не видал. Но историю-то все знали.

– Правда ли, что домики рабочего поселка хотели в какой-то момент сломать?

– Да. Строила их организация УСР (управление строительными работами) при Академии, она никуда их не передала. И оказалось, что ни на чьем балансе их нет. Академия эти дома не взяла, чтобы не возиться с их ремонтом. Вот тогда и шел разговор, что дома надо сломать, а тех, кто там не прописан, выселить. А кто там тогда был прописан, я и не знаю. Кто-то был, кто-то нет. Конкретного приказа не было, но разговоры велись активные. Рассматривалось все в Академии, а потом перешло на местный уровень, и вопрос решился.

– Когда ты был мальчиком, у тебя были контакты с поселком?

– Да, в футбол играть ходили. И ваши приходили играть к нам в Глебово. Там, где теперь застроено, было футбольное поле. И взрослые из поселка приходили играть.

– Ты наших поселковых ребят знал?

– Ну да, все ходили туда-сюда. У нас в Глебове и площадка была волейбольная. А когда пошли эти все танцы, свет туда провели. Магнитофон включали. Летом в Глебово приезжали дачники. Девчонок было много. Ходили к нам на танцы и поселковые ребята. Это место у нас называлось «Пятачок». В футбол играли еще с ребятами из пионерского лагеря. Там у них тоже поле было. Играли то у нас, то у них. С хотьковскими не играли.

– А академиков, самых первых владельцев, ты еще здесь застал?

– Совсем немногих. Ивана Матвеевича Виноградова я хорошо помню. Он долго жил. Умер, по-моему, когда ему было уже за 90 лет. Очень интересный человек был.

– Расскажи.

– Ну, например. Привезем ему дрова, а он всегда перемеряет их своим метром. У него была такая самодельная палка с нарисованными делениями. Всегда говорил: «Вы мой метр подпилили». Шутил, конечно. Дорожки зимой не разрешал расчищать лопатой. Говорил, что их надо не расчищать, а притаптывать. Приезжал зимой, надевал свою доху (ну, вроде тулупа или дубленки что ли) и специальные валенки огромного размера, размеров на пять больше, чем у него нога была, и сам свои дорожки этими валенками

притаптывал. Люсе, своей сторожихе, он дорожки чистить не разрешал. Говорил, что под чищенными лопатой дорожками земля будет промерзать.

– Да, у людей того поколения представление о хозяйстве было совсем другое. Знаю и помню это по своей бабушке. Они намного бережней ко всему относились – и к вещам, и к продуктам. Делали запасы. Мебель в чехлах держали, одежду штопали, перешивали. У нас на даче, я помню, садовые лавки на зиму заносили на террасу, чтобы не сгнили. Между прочим, как только это делать перестали, они-таки сгнили. Сейчас все это кажется очень странным, и никому такое не приходит в голову. Вообще говоря, Виноградов был с дорожками, по большому счету, прав, особенно в нашем климате.

– Ну да. По математике, я знаю, что он великий был человек, но он еще и садовник был очень хороший. Он сам прививал свои плодовые деревья. У него все росло. Много на участке было яблонь, все плодоносили. Прививал к своим яблони из жилкинского²²³ бывшего барского сада. Все у него получалось. Жалко, что сейчас все эти его старые яблони изуродовали. Нынешние владельцы послали сдуру каких-то гастарбайтеров их обрезать, а они, наверное, никогда этого не делали, обрезали просто все ветки. А он сам своими деревьями занимался. Его сестра занималась цветами. Я вообще ее мало здесь видел, но в гараже у них всегда миллион цветочных горшков стоял. В них она сажала рассаду. Она умерла раньше, и после нее он остался совсем один.

Еще история. Меняли у него проводку. Пришло время расплачиваться. Он деньги стал на кучки раскладывать, считал их долго-долго. Пересчитывал несколько раз. Я ему и говорю: «Вы же математик, что это Вы, Иван Матвеевич, деньги так долго считаете?» А он мне в ответ: «Я математику знаю, а арифметику вот совсем забыл». В общем, деньги у него были, а в быту-то он был человек очень скромный. Наверное, он деньгами не очень часто пользовался. Мы его спрашивали, зачем ему такой большой участок. А он всегда говорил: «Вот захочу, мне и еще больше дадут». У него участок был до самой Яснушки. Забор вечно от сырости в Яснушку падал. Потом все-таки его передвинули поближе. Но участок все равно был огромный.

– Кому принадлежала тогда 42-я дача, та, где построена ротонда?

– Она всегда принадлежала ЖКО. С самого начала ее арендовал академик Шулейкин.

– И не будучи владельцем, воздвиг там ротонду? Мне кажется, ты ошибаешься. Он был владельцем, но потом от дачи отказался.

²²³ Имеется в виду деревня Жилкино, где долгое время сохранялись яблони бывшего барского сада.

– У меня о нем такие сведения. Думал, наверное, что потом ее выкупит. Дачи же можно было выкупить у Академии. Знаю, что у него были планы Яснушку запрудить. Лодки чтобы по ней плавали.

– Ну просто Манилов с его беседками и мостами!

– Вроде того. Хотелось ему такое сделать. Но, видно, средств хватило только на эту беседку. После него эту дачу арендовали Монины. Они и Энеев выкупили арендованные дачи одними из последних.

– А кто жил на 39-й даче до Яблонских, она ведь тоже принадлежала ЖКО?

– Не знаю. Многие здесь арендовали дачи с самого начала существования поселка. Например, Делоне. Летом в сторожке у них сквозь проваленный пол прорастала малина. Они тогда клали прямо на кусты ковер и не обращали на это никакого внимания. Они совсем другие люди были.

– У нас в поселке таких бесхозяйственных тогда много было?

– Да, мало кто занимался хозяйством. Мало у кого были грядки. Никто особенно ничего не выращивал.

– Кто арендовал дачу № 43, до того как ее купил Ю. Казаков?

– Не знаю. Казакова помню хорошо.

– То, что он пил, в поселке как-то обсуждалось? Жители выражали недовольство?

– Ну, когда он пил, то никуда не ходил и никак не бузил. Жил он здесь больше всего с мамой. Дачу они на зиму, как и многие, закрывали. Открывать приезжал всегда с мамой. Как-то у нее в комнате что-то потекло, но он нас долго уверял, что такого быть не может, что у мамы все всегда в порядке. А оказалось, что в ее-то комнате и лопнула труба. Мама у него была очень набожная, постилась. К ним как-то залезли жулики и украли икону, которую ей подарила еще ее мама. Она тогда говорила, что в ней еще с давних времен что-то было спрятано и, если потрясти, гремит. Но сама она никогда того, что в ней лежало, не доставала и, не знает, что там спрятано, но что-то там было. Очень переживала, что икону украли. Все ахала. Икону так и не нашли. Причем воры на втором этаже все какими-то знаками и крестами изрисовали. Может быть, они были из секты или просто наркоманы...

– Залезали часто?

– Да, довольно часто. Был такой, который только книги воровал. При мне его поймали.

– Кто такой?

– Он был профессиональный жулик. Ничего кроме книг не брал и разбирался в них исключительно. Его ловили долго. Дежурили здесь оперативники. Поймали его на даче у Бочваров. Он не оказал никакого сопротивления. Отнесся к своей поимке совершенно спокойно. Рассказывал, какие здесь он книжки интересные нашел и что в них хорошо разбирается. Всякий «мусор» он не брал. К вам часто залезали. Еще мама твоя написала для воров плакаты, чтобы двери не ломали. В общем, лазят почти каждый год. Когда больше, когда меньше. Какие-то годы были очень в этом смысле урожайные. Например, год, когда воров на 5-й даче поймали. Они вообще тогда не только на 5-й были. Кто-то их навел.

– *А это не те, кто у Марчука строили? Они тут долго работали, огляделись.*

– Может быть. Воры шли тогда просто косяком. Такое было ощущение, что у них просто здесь маршрут проходил. Кражи происходили чуть ли не каждый день.

– *Да, тогда это были настоящие воры. Они искали деньги, ценности. А были и те, кто залезал за продуктами, водкой, просто поесть. Эти очень сильно безобразничали, в смысле разрушений и мусора.*

– Такие до сих пор залезают. Но некоторые теперь даже за собой посуду моют.

– *Кого из академиков, кроме Виноградова, ты еще застал?*

– Застал А. А. Бочвара и его жену. Поскольку тогда большинство дач на зиму закрывали, то весной хозяевам всегда была необходима наша помощь, чтобы пустить воду. Поэтому мы всегда знали, кто приехал, в каком составе. Бочвары всегда заказывали для переезда нашу поселковую грузовую машину. Шоферы смеялись: машину заказывают, а везут один фикус. Они с этим фикусом переезжали на дачу, а осенью опять-таки на грузовике фикус увозили в Москву. У них и, может быть, еще у тебя на даче осталась плетеная мебель, которая раньше здесь была почти у всех. У них она сохранилась практически полностью. Она у всех была одинаковая. Мне кажется, она академиком давалась вместе с дачей. Раньше куда ни придешь, везде она стоит.

– *Нет, ее не давали вместе с дачей. Бочвары говорили мне, что покупали ее сами в Загорске. И наверное, так делали все. Она чуть ли не китайская. А может быть, ее где-то здесь делали. Точно не знаю.*

– Очень она была хорошая. Посмотри, сколько времени она продержалась. И ведь она не просто так стояла, ею пользовались. А вообще на дачах у всех стояла мебель, уже ненужная в Москве, в основном всякая рухлядь. У некоторых в дачах стояла старинная мебель. Но в то время и она была никому не нужна. В основном это были большие буфеты. Такой был у Гали Шевцо-

вой, внучки академика Миронова. Она говорила, что этот буфет пережил Ленинградскую блокаду. Привезли его из Москвы. Она дачу продала, а куда тот огромный буфет делся, не знаю. Может быть, так и стоит там. Он огромный, везти его в Москву ей было дорого. Да и ставить, наверное, некуда было. Кто-то из здешних, по-моему, хотел его забрать.

– Да, просто история про многоуважаемый шкаф из «Вишневого сада». Тот, кому она продала дачу, вполне может сойти за Лопатина. Круче только. Охранников у Бочвара в твоё время уже не было?

– Нет, с ними всегда приезжала только какая-то женщина, вероятно, домработница. Келдыша я тоже не застал, на его даче уже жил Н. С. Ениколопов. Он был председателем правления после И. М. Виноградова.

– Иван Матвеевич в качестве председателя что-нибудь делал для поселка?

– У него было имя. Он всегда мог в Академии, что называется, «поставить вопрос». Кроме того, он дал свои деньги на асфальтирование разрушившегося куска поселковой дороги. Этот кусок от дачи № 41 наверх до поворота разрушился самым первым. Он просто дал деньги, и мы его своими силами заасфальтировали.

– А вот сейчас один из новых жителей дорогу при строительстве своей дачи разрушил, но восстанавливать не хочет.

– Да, сейчас... Никто ничего не хочет делать. Только для себя.

– Я знаю, ты всю новогоднюю ночь 2009 г. провел в дежурстве у рубильника, чтобы не оставить без света дачи. У кого-то из новых жителей в доме так много мощных электрических приборов, которые, конечно, работали по случаю праздника, что в поселке при их включении вырубается свет. Не хватает мощности сети.

– Было дело.

– Я не очень понимаю, почему здесь покупают дачи так называемые, новые русские. В поселке они оказываются в несвойственном им окружении. Живут здесь в основном люди небогатые, никакой, как сейчас принято говорить, инфраструктуры современных коттеджных поселков у нас нет.

– Сам не знаю. Наверное, «распальцовки» это одно, а для души – другое.

– Ну тогда надо и приличия знать. Давай вернемся к академикам.

– Академика Н. Т. Гудцова не застал. Его племянника, который потом стал владельцем, я знал хорошо. Он уже умер. Был жив И. Г. Петровский и его три бабушки. – жена и две ее сестры. Их звали в поселке «дядя Ваня и три сестры». Такие хорошие были бабушки. Самой старшей было, кажется, лет 90. С ними было

очень приятно разговаривать, они поговорить любили. Вдова Петровского дачу продала академику Н. Н. Семенову, но с условием, что пока она и сестры живы, они будут продолжать жить в маленьком домике.

– Мне рассказывала вдова Семенова, как происходила покупка. Она сама была не очень довольна этими условиями. Но только она хотела возразить, как увидела, что Н. Н. Семенов уже руку вдове целует и говорит ей: «Конечно, сколько угодно». Жаловалась мне, что, когда Семенов приезжал на дачу, сразу бежал в маленький домик к ним здороваться.

– Да, так несколько лет продолжалось. Помню хорошо Леонтовичей – и самого академика, и его жену. Она ходила часто пешком с рюкзаком. А с их младшей дочерью Верой я учился в хотьковской школе, в параллельном классе.

– В школу ходили пешком?

– Никакого общественного транспорта не было. Автобус от музея пустили много позже, когда дорогу сделали через плотину. Ходили пешком и учились нормально.

– Кого еще помнишь?

– У Грабарей сам академик никогда здесь не жил. Но на даче у них всегда было много народу: и молодежи, и среднего поколения. Помню, как их дом большой сгорел.

– Говорят, его сожгли гэбешники. Но сами они это отрицают, считают, что из-за плохой проводки.

– Не знаю, отчего уж он сгорел. Знаю, что к Грабарям на дачу кто-то из диссидентов приезжал.

– А это в поселке как-нибудь обсуждалось? Все-таки туда приезжали люди не очень угодные тогдашней власти, и за ними следили чекисты. Немчиновы, их соседи, были тому свидетелями.

– Вообще такого ничего не обсуждалось. Но был тут такой Сазонов. Он много на 11-й даче работал. Я от него слышал, что он нашел на какой-то из дач книжку издательства «Посев». В то время это было крамолой. А у него зять работал в КГБ. Он все грозился донести. Может быть, и донес. Я и сам где-то на дачах такую книжку видел. Разговоры были на этом уровне. На заседаниях правления таких разговоров никогда не было. Речи о контроллинге или запретах никогда не шло.

– Атмосфера дружелюбия и некоего понимания сохранялась?

– Да.

– Были в поселке при тебе какие-нибудь скандалы? Может быть, шумные компании на каких-нибудь дачах вызывали раздражение жителей?

– Да нет, такого не помню. На некоторых дачах родственники между собой делились. Иногда это происходило не очень мирно, но в поселке это не обсуждалось и никого не касалось. На 46-й всегда было много молодежи, но их поведение тоже никогда не обсуждалось. Приезжало на эту дачу народу много. У них там вообще коммунизм был. Они даже в контору ключ не носили, вешали его на улице. Все знали, где он висит.

– *Были ли какие-нибудь разговоры в правлении о сдаче дач, дачниках?*

– Нет. Дачи в поселке сдают почти все, но никаких разговоров о том, что это нежелательно, я не слышал. Это дело хозяев, и они сами отвечают за своих жильцов. Милиция на моей памяти интересовалась поселком во время Московской олимпиады 1980 г. Тогда они приезжали, составляли список жителей, но о дачниках разговора не возникло.

– *Должность управляющего предлагается правлением поселка?*

– Да, и утверждается согласно уставу на общем собрании поселка. Это ваше внутреннее дело. Академия в этом участия не принимает. Управляющий, как и все рабочие, – просто наемный работник.

– *Когда Ениколопов стал председателем правления после И. М. Виноградова, поменялась атмосфера собраний правления? Он внес что-нибудь новое, важное для жизни поселка?*

– Он был другой человек, чем Виноградов, совсем. В Академии у него, конечно, вес был, и это для поселка было важно. Мог что-нибудь для нас потребовать. Но вообще-то он в поселковые дела не очень вникал. Вот его заместитель Б. В. Раушенбах вникал действительно. Он, пожалуй, был у нас такой единственный. Когда он приезжал, первым делом всегда заходил в контору, спрашивал, как дела, что случилось и так далее. По-моему, он был помощником еще И. М. Виноградова и перешел в этом качестве к Ениколопову. Сейчас у нас председатель правления академик Черный²²⁴, – заместитель – Александр Андреевич Махутов. Долго у нас председателем поселковой ревизионной комиссии была вдова академика Немчинова, Мария Борисовна. Хорошая женщина, много для поселка делала и помогала. Очень была знающая.

– *Что это значит?*

– Вела текущие дела по расчетам. Потом, когда ввели газ, она очень жестко контролировала расходы. Чтобы не было никаких неучтенных расходов. Я тогда при управляющем Иване Мартыновиче в эти дела не очень вникал.

– *Кого еще помнишь из старожиллов?*

– Николай Васильевич Белов был еще жив, но уже очень плохо ходил. Я всегда его видел сидящим за письменным столом. Был еще жив Вольфович и его брат. Они были еще в довольно активном состоянии. Конечно, тех, кто купил дачу в конце 60-х – начале 70-х гг., я застал: В. Л. Тальрозе, Б. В. Раушенбаха, Д. Е. Охочимского, А. С. «Монина, П. Я. Кочину, Г. Б. Бокия, И. Л. Кнунянца, Т. М. Энеева, С. В. Яблонского, М. К. Тихонравова, Г. Г. Черного. Я тут вспоминал, оказалось, что пока я в поселке работаю, больше ста человек умерло. Только здесь, в нашем поселке. Не стало уже и многих детей первых владельцев.

– *Да уж, вымираем. Как, по-твоему, когда потомки первых владельцев стали заниматься больше дачей? Когда она приобрела для них ценность?*

– Мне кажется, после того, как провели газ и стало можно без особых хлопот использовать дома круглый год. Тут все почти стали их подновлять, ремонтировать. Они были в очень плохом состоянии. Домики почти у всех сгнили еще до «газовой эпохи». Их в первоначальном виде в поселке почти не осталось.

– *Тебе трудно иметь дело с новым поколением хозяев?*

– Трудно – не трудно, но они, конечно, совсем другие. Многие вообще не понимают, как, кем и какими средствами обеспечивается весь этот комфорт. Все в доме у них работает, а больше они ничего знать не хотят. Приехали, уехали. Мы теперь не в курсе. Раньше между владельцами и обслуживающим персоналом было больше точек соприкосновения. Но когда что-то у них ломается, тут уж бегут. Собрать с владельцев какую-нибудь приличную сумму на нужды поселка не удастся. Денег, которые платят хозяева в контору, еле-еле хватает на общие коммунальные услуги и зарплату двух рабочих, включая меня, и бухгалтера. Мы на что-то собирали еще лет пять назад, так до сих пор есть те, кто не заплатил. Сейчас поселок существует только на деньги, которые платят владельцы. Сумма ежемесячной оплаты определяется решением общего собрания. Машин, которые мы сдавали в аренду и которые нам зарабатывали деньги, уже давно нет. Вот и приходится вертеться. Трудно, конечно.

– *Владельцы тебя не обижают, относятся с уважением?*

– Это ты у них спроси, с уважением они относятся ко мне или нет. Но хамства я не замечал.

– *Ты работаешь в поселке больше 30 лет. У тебя есть среди жителей личные друзья?*

– Нет, таких, как были у Николая Федоровича, нет. Есть у моего сына Димы. Он здесь вырос. Женится на девушке, которая часто приезжала в поселок к родственникам.

Основная литература

1. *Вавилов С. И.* Дневники. – М.: Наука, 2012. – 603 с.
2. *Павлов М. А.* Воспоминания металлурга. М.: Наука, 1984. – 423 с.
3. *Кочина П. Я.* Наука, люди, годы. – М.: Наука, 1988. – 624 с.
4. *Раушенбах Б. В.* Поскриптур. – М.: Аграф, 2011. – 256 с.
5. *Георгий Борисович Бокий, каким мы его помним (к 100-летию со дня рождения) / сост. Н. Г. Фурманова.* – М.: ИП Скороходова В.А., 2009. – 189 с.
6. *Крохин Ю.* Души высокая свобода. Вадим Делоне. Роман в протоколах, письмах и цитатах. – М.: Аграф, 2001. – 304 с.
7. *Горбаневская Н. Е.* Полдень. – М.: Новое издательство, 2007. – 340 с.
8. *Петров А. А.* Александр Дмитриевич Петров. – М.: Наука, 2002. – 157 с.
9. *Александрова Т. А., Львов А. Л.* Пик Металловеда (академик Бочвар) – М.: Изд. Дом МИСиС, 2009.
10. Академик М. А. Леонтович: ученый, учитель, гражданин. – М.: Наука, 2003. – 583 с.
11. *Чуев Ф.* Стечкин. – М.: Молодая Гвардия, 1979. – 256 с.
12. *Стечкин Б. С.* Избранные труды: научные и биографические материалы / под ред. Ю. С. Осипова. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. – 488 с.
13. *Поповский Б. В., Колбановский В. В.* Подмосковная приакадемическая филармония (ППФ). – 2013.– 495 с.
14. *Шор Е. Н.* Стоило родиться или Не лезь на сосну с голой задницей. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 400 с.
15. *Бокин П. Н.* Подвижные игры. Руководство для родителей воспитателей и самих учащихся / составил руководитель игр Тенишевского училища и гимназии Гуревича Бокин П. Н с 82 иллюстрациями. – СПб.: Издание А. Ф. Маркса, 1902.
16. Хотьково. Очерки истории земли Радонежской / автор проекта и составитель Соловьев Н. Н. – Сергиев Посад: Весть Сергиев Посад, 2004. – 318 с.
17. *Пастон Э. В.* Абрамцево. Искусство и жизнь. – М.: Дом Искусства, 2003. – 430 с.
18. *Канцирский И. М.* Возвращение с войны // Третье дыхание: литературный альманах. – М.: Интер-весы. – Выпуск LII. – С. 30–55.
19. *Канцирский И. М.* Пока я еще жив... : автобиография И. М. Канцирского (1922–2005), изданная после его смерти детьми²²⁵.
20. *Тихвинский С. Л.* Избранные произведения. Книга шестая.– М.: Наука, 2012. – 375 с.
21. Наука в годы войны. Страницы истории / Козлов Б. И. //Вестник Академии Наук. – 2005. – т. 75. – №5. – С. 387-393.
22. Дачный поселок Луцино и его окрестности (страницы истории (V–XXI веках нашей эры)). – Луцино. 2001. – 405 с. (Репринтное издание).
23. Письмо членов Академии наук («Письмо 40») // Правда. 1973 г. 29 августа.
24. Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская Энциклопедия, 1981. – 1600 с.
25. Понтрягин Л. С. Жизнеописание. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ega-math.narod.ru/LSP/ch4.htm> свободный
26. *Литинская Т. К.* Жизнь и научная деятельность академика И. В. Обреимов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iht.ru/projects/sohist/papers/obreimov.htm> свободный.
27. Список репрессированных членов Академии наук СССР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iht.ru/projects/sohist/repress.htm> свободный
28. Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wikipedia.org> свободный.
29. Архивы Российской Академии наук [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.arjan.ru> свободный
30. Энциклопедический словарь (Электронный ресурс). Режим доступа dic.academic.ru свободный.
31. Большая Советская Энциклопедия (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com> свободный